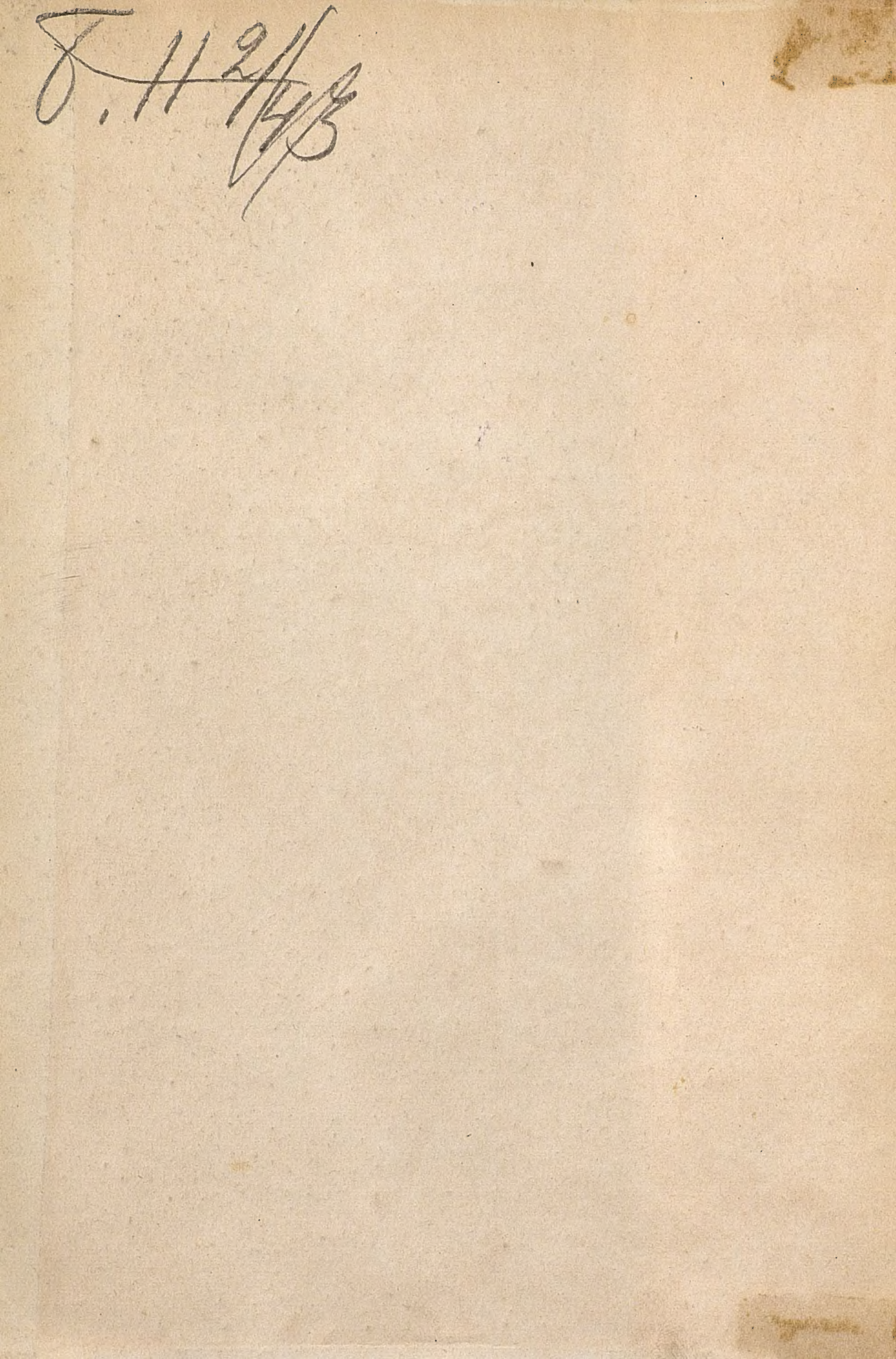
Б9 4/22

Б 9 $\frac{1}{22}$

ЖИЗНЬ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

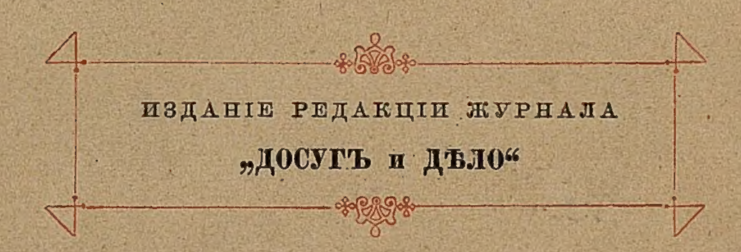
Съ рисунками

составлено

по

Устрялову, Соловьеву, Костомарову, Брикнеру и другимъ

Л. Лебедевымъ

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ДОСУГЪ и ДѢЛО"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Товарищества „Общественная Польза", Больш. Подъяческая, № 39

1890

ЖИЗНЬ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНЪ

59 1/22

ЖИЗНЬ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Съ рисункаии

составлено
по
Устрялову, Соловьеву, Костомарову, Брикнеру и другимъ

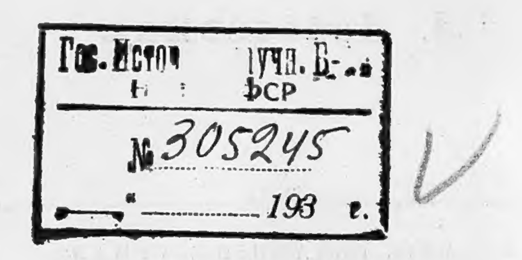
Л. Лебедевымъ

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„ДОСУГЪ и ДѢЛО"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1890.

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 4 Октября 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Дѣтство и юность Петра Великаго.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Путешествія за-границу и войны.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Личный характеръ Петра и его сотрудниковъ. Гражданская дѣятельность Петра Великаго.

СТР.

Императоръ Петръ Великій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Россія до Петра Великаго.—Свадьба царя Алексѣя Михайловича и рожденіе Петра.—Воспитаніе царевича и первоначальное его обученіе.—Удаленіе Петра съ матерью въ Преображенское и смерть Θеодора.

Болѣе полутораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ жилъ и царствовалъ на Руси первый русскій Императоръ — Петръ Великій. Послѣ того въ Россіи произошло много перемѣнъ, совершилось много важныхъ событій и смѣнилось нѣсколько поколѣній. Казалось бы, самое имя Петра Великаго могло за это время изгладиться изъ памяти народной. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Напротивъ, имя Петра Великаго, самый образъ его до сихъ поръ крѣпко живутъ въ народѣ, въ его пѣсняхъ, преданіяхъ и разсказахъ, и, что всего удивительнѣе, чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе и тѣмъ съ бо́льшимъ увлеченіемъ русскій человѣкъ выясняетъ себѣ дивный образъ этого необыкновеннаго царя-работника, преобразователя и учителя русскаго народа.

Дѣйствительно, быть можетъ, во всей нашей исторіи не найдется для русскаго человѣка болѣе поучительнаго, болѣе отраднаго для нашего народнаго чувства и болѣе интереснаго чтенія, чѣмъ чтеніе о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго. Какъ государь, какъ гражданинъ, какъ человѣкъ, какъ русскій, — во всемъ онъ былъ высокимъ примѣромъ для всѣхъ, и всѣмъ онъ рѣшительно насъ поражаетъ: и своею личностью, и своими отношеніями къ людямъ, и дѣлами своими.

Вслѣдствіе долго тяготѣвшаго надъ русскимъ народомъ татарскаго ига и послѣдовавшаго, затѣмъ, нашествія поляковъ на Москву, Россія до Петра Великаго была страною бѣдною, разоренною, необразованною и неустроенною, и потому часто была пересиливаема ея сосѣдями. Русскіе не знали ни наукъ, ни обширной торговли, ни усовершенствованныхъ промысловъ, ремеслъ и искусствъ, не имѣли ни обученнаго войска, ни флота, чуждались всѣхъ образованныхъ народовъ и даже не понимали значенія неустаннаго и постоянно совершенствуемаго труда.

Съ другой стороны, народъ русскій, освободившись отъ татарскаго ига, на столько уже успѣлъ въ то время внутренно вырости, окрѣпнуть, что прежній, старинный бытъ не соотвѣтствовалъ уже его росту и его силамъ. Въ народѣ русскомъ чаще и чаще стали появляться настоящіе богатыри по уму и по силѣ воли, которые не могли уже довольствоваться прежнимъ устарѣвшимъ строемъ жизни. Таковы были: Адашевъ, Борисъ Годуновъ, самъ царь Иванъ Васильевичъ Грозный, патріархъ Никонъ и многіе другіе. Но сильный умъ и страшная воля этихъ людей, не смягченные и не направленные надлежащимъ образованіемъ, при общемъ невѣжествѣ и неустройствѣ общества, часто уклонялись на опасный для государства путь.

Въ то же время, сосѣднія съ Россіей государства — Швеція, Польша и даже маленькое Крымское ханство, подвластное Турціи — постоянно осиливали русскихъ. Швеція овладѣла

всѣми нашими землями по берегу Балтійскаго моря; Польша захватила юго-западныя и сѣверо-западныя русскія области, а Крымскіе татары требовали съ насъ ежегодно дани.

Только усиленіе государства, сближеніе съ европейскими народами, развитіе торговой и промышленной жизни и распространеніе просвѣщенія — могли смягчить народные наши нравы, направить силы безпокойныхъ людей на мирныя и полезныя занятія и укрѣпить Россію противъ опасныхъ ея сосѣдей. Но въ то время появлялись лишь рѣдкія отдѣльныя личности, стремившіяся къ книжному образованію и не боявшіяся сближенія съ иностранцами, да и эти личности пріобрѣтали образованіе и сближались съ иноземцами ради удовлетворенія лишь собственной любознательности. Непреклоннаго же убѣжденія въ необходимости просвѣщенія для всего русскаго народа — никто тогда не обнаруживалъ. Чтобы ясно сознать необходимостъ для Россіи просвѣщенія и сближенія съ западной Европой, чтобы добиться на дѣлѣ усиленія государства и развитія искусствъ, промысловъ и торговли, для этого надо было, чтобъ за это дѣло взялся такой же богатырскій умъ и характеръ, о которыхъ было упомянуто выше.

Дѣйствительно, такой богатырь и явился вскорѣ, въ лицѣ Петра Великаго, превзошедшаго геніальнымъ умомъ своимъ и необычайной силой воли всѣхъ своихъ самыхъ даровитыхъ предшественниковъ.

Въ настоящемъ отдѣлѣ мы и разскажемъ исторію дѣтства и юности Петра Великаго. Здѣсь мы увидимъ, какъ среди русскаго народа выросъ этотъ чудо-богатырь, откуда взялась мощь въ немъ, и какъ зародилась и крѣпла въ немъ великая мысль о счастіи и славѣ русскаго народа.

Самая исторія происхожденія Петра представляется не совсѣмъ обыкновенною. Какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ, по смерти первой жены своей изъ рода Милославскихъ, отъ которой онъ имѣлъ между прочимъ двухъ сыновей, царевичей Ѳеодора и Іоанна, и дочь царевну Софію, женился

*

во второй разъ. До этого времени у русскихъ государей не было въ обычаѣ знакомиться съ невѣстою, какъ бы частнымъ человѣкомъ, въ частномъ дому; правиломъ при женитьбахъ царей были торжественныя „смотрины“ въ царскомъ дворцѣ множества красавицъ изъ семействъ знатнаго рода, между которыми царь и выбиралъ для себя сожительницу. Но на этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ выбралъ себѣ невѣсту въ домѣ своего любимца, человѣка весьма любознательнаго и начитаннаго, думнаго дворянина Артамона Сергѣевича Матвѣева, котораго царь очень любилъ и, противъ древняго обычая, нерѣдко навѣщалъ за-просто. Невѣстою царя была выбрана здѣсь воспитанница и родственница Матвѣева, Наталія Кирилловна Нарышкина, дочь незнатныхъ и небогатыхъ дворянъ Нарышкиныхъ, проживавшихъ въ своемъ имѣніи. Достовѣрно неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ выборъ царя палъ на Наталію Кирилловну, но сохранилось довольно правдоподобное преданіе, по которому Алексѣй Михайловичъ въ первый разъ увидалъ Наталію Кирилловну случайно за семейнымъ ужиномъ у Матвѣева, и тутъ же она понравилась царю своимъ умомъ, скромностью, красотою и добрымъ сердцемъ, такъ что царь чрезъ нѣсколько дней, придя вновь въ домъ Матвѣева, самъ объявилъ ему о своемъ намѣреніи жениться на Наталіи Кирилловнѣ. При этомъ разсказывается, что предложеніе царя сильно удивило Матвѣева, и онъ на колѣняхъ просилъ государя удержаться отъ этого намѣренія, боясь навлечь на себя и на Нарышкиныхъ гнѣвъ и зависть знатныхъ бояръ, дочерей которыхъ царь обходилъ, такимъ образомъ, своимъ выборомъ. Но намѣреніе Алексѣя Михайловича было непреклонно. Чрезъ нѣсколько времени, онъ объявилъ о своемъ желаніи вступить во второй бракъ патріарху и знатнымъ боярамъ въ тайномъ совѣтѣ, не называя имъ, однако, своей невѣсты. Для соблюденія формальности, собраны были въ царскій дворецъ, по древнему обычаю, всѣ взрослыя дѣвицы знатнѣйшихъ бояръ, на смотръ царя. Къ этому времени,

отецъ Наталіи Кирилловны былъ произведенъ въ думные дворяне, такъ что Наталія Кирилловна теперь уже по праву была представлена на царскій смотръ, въ числѣ прочихъ благородныхъ дѣвицъ. Всѣ онѣ были великолѣпно угощены, а Наталія Кирилловна объявлена царскою невѣстою.

Такимъ-то образомъ, заключаетъ преданіе, провидѣніе Божіе избрало мать Петру Великому.

Недаромъ въ этомъ преданіи разсказывается о боязни Матвѣева навлечь на себя, царскимъ выборомъ невѣсты, ненависть и злобу бояръ. Извѣстно, что и прежде при подобныхъ случаяхъ между различными семействами часто происходили страшныя крамолы и даже преступленія. Путемъ поклеповъ, ложныхъ наговоровъ, или даже отравы, разныя семейства преслѣдовали и губили другъ друга. Нѣчто подобное произошло и при женитьбѣ царя Алексѣя Михайловича на Наталіи Кирилловнѣ. Тотчасъ же явились доносы на Матвѣева; произведено было слѣдствіе; дядя одной изъ дѣвицъ, бывшихъ на царскомъ смотру, былъ привлеченъ къ суду. Особенная же вражда завязалась между родственниками первой супруги Алексѣя Михайловича, Милославскими и ихъ приверженцами съ одной стороны, и Нарышкиными и Матвѣевымъ — съ другой.

Тѣмъ не менѣе, свадьба царя съ Наталіею Кирилловною Нарышкиною была торжественно отпразднована 22 января 1671 года.

30 мая 1672 года, въ четвергъ, въ часъ пополуночи, родился Петръ.

Рожденіе Петра было привѣтствуемо его родителемъ, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ особенною радостью и было отпраздновано съ большимъ торжествомъ. Благодушный царь три дня сряду служилъ молебны въ церквахъ, жаловалъ наградами своихъ ближнихъ людей, велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ и благовѣстить въ колокола, угощалъ бояръ и служивыхъ людей, прощалъ казенные долги и смягчалъ наказанія преступникамъ.

29 іюня, въ Петровъ день, совершены были крестины новорожденнаго царевича. Крестилъ духовникъ царя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ, въ Чудовомъ монастырѣ, у Алексѣя Чудотворца въ трапезѣ. Воспріемниками были старшій братъ Петра, царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ, и тетка, царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденнаго въ церковь, то по пути кропилъ святой водою дворцовый священникъ Никита, весьма уважаемый въ то время за святость жизни. За крещеніе духовенству даны были богатые подарки изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, драгоцѣнныхъ мѣховъ и шелковыхъ матерій.

На другой день, 30 іюня, въ воскресенье, послѣ обѣдни, государь снова далъ въ своемъ дворцѣ парадный *родинный* столъ, съ богатымъ угощеніемъ, къ которому были приглашены духовенство, сановники и выборные люди отъ всѣхъ сословій изъ Москвы и прочихъ городовъ, пріѣзжавшіе, по обычаю, съ *родинными* подарками.

Такимъ же образомъ, черезъ четыре дня, 4 іюля, справленъ былъ и крестинный столъ.

Такъ праздновалъ благодушный царь рожденіе царевича, которому суждено было впослѣдствіи стать первымъ русскимъ Императоромъ. Даже въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ осталось воспоминаніе о всеобщей радости и торжествѣ при рожденіи Петра. Такъ, въ одной пѣснѣ поется:

А что свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй Михайловичъ?
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ....
Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ распущали;
А и погребы царскіе они всѣ растворяли.—
У царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися;
А все народъ Божій на пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются...

Появленіе на свѣтъ Петра было привѣтствуемо его родителемъ съ особенною радостью, быть можетъ, вслѣдствіе предчувствія, что изъ новорожденнаго выйдетъ не совсѣмъ обыкновенный ребенокъ. Царь Алексѣй Михайловичъ могъ придавать такое значеніе рожденію младшаго сына потому, что изъ оставшихся у него двухъ сыновей отъ первой жены одинъ былъ больной (Ѳеодоръ), другой слабый тѣломъ и умомъ (Іоаннъ); царевичъ же Петръ родился необыкновенно здоровымъ ребенкомъ, и самъ царь, будучи еще не старъ, могъ дождаться, что новорожденный, возрастая, покажетъ гораздо бо́льшія способности, чѣмъ другіе его сыновья.

Сохранились довольно точныя указанія на здоровое тѣлосложеніе новорожденнаго царевича Петра. Дѣло въ томъ, что, по старинному обычаю, тотчасъ по рожденіи съ дитяти снимали *мѣрку*, длины и толщины, и въ эту мѣрку, на кипарисной или липовой доскѣ, писали икону тезоименитаго его ангела. Такъ поступили и родители Петра. На третій же день по его рожденіи, 1-го іюня, царь Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ повелѣлъ писать мѣрку сына искуснѣйшему въ то время иконописцу Симону Ушакову. На кипарисной доскѣ, *длиною одинадцати*, а *шириною трехъ вершковъ*, Ушаковъ изобразилъ образъ Живоначальныя Троицы и апостола Петра. Эта мѣрка рожденія доселѣ сохраняется надъ гробомъ Императора.

Въ мамки новорожденному Петру назначена была сначала княгиня Ульяна Ивановна Голицына, а потомъ боярыня Матрена Романовна Левонтьева; кормилицей была Ненила Ерофеева, изъ какого чина—неизвѣстно. Народная русская пѣсня вспоминаетъ и эти первыя заботы о новорожденномъ царевичѣ-богатырѣ. Въ одной пѣснѣ про рожденіе Петра поется:

Тутъ и нянюшки и мамушки
Всю-то ночку просидѣли,
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,
По чистому по золоту,

По мелкому серебру;
Тутъ-то плотнички-мастеры
Всю-то ночку простукали.
Колыбелюшку строили....

О первыхъ годахъ жизни Петра сохранилось, вообще, много баснословныхъ сказаній, но достовѣрныхъ извѣстій имѣется весьма немного; поэтому всякое достовѣрное, хотя бы и скудное извѣстіе о раннемъ дѣтствѣ великаго преобразователя не будетъ безполезнымъ при изученіи дѣтскихъ лѣтъ его.

Царевичъ Петръ пользовался особеннымъ расположеніемъ своего отца, царя Алексѣя Михайловича. Малолѣтній царевичъ съ своимъ особымъ штатомъ, мамкою, кормилицею и разными служебными лицами, помѣщался, по тогдашнему придворному обычаю, въ отдѣльныхъ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ, которыя внутри убирались обыкновенно сукномъ; но у Петра одна комната была обита серебряными кожами. Черезъ два года по рожденіи, ему выстроены были отдѣльныя хоромы, въ которыхъ полы, частію стѣны, оконныя рамы и столъ были обиты дорогимъ „червчатымъ" и краснымъ сукномъ; полавочники на лавкахъ были сшиты изъ краснаго сукна съ бѣлыми каймами по которымъ нашиты были узоры изъ сукна желтаго съ голубымъ. Между переднихъ оконъ стѣна была обложена ватою и поверхъ обита шелковою матеріею, вѣроятно для того, чтобы отъ стѣны не дуло. Кромѣ лавокъ и скамей, въ хоромахъ маленькаго Петра были поставлены въ разное время два кресла заграничнаго образца: одно вызолоченное, другое — бархатное красно-желтаго цвѣта. Въ 1675 году ему сдѣлали столикъ, расписанный красками, золотомъ и серебромъ. Въ мартѣ 1676 года поручено было искуснѣйшему живописцу того времени, Ивану Салтанову, написать въ хоромы царевича оконницу: „въ кругу орла, по угламъ травы, по слюдѣ; а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ всквозе видно было, а съ надворья въ хоромы чтобъ не видно было". Здѣсь высказалась та мысль древняго воспитанія въ царскомъ быту,

въ силу которой дѣти бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ, царевичи—лѣтъ до 14—15-ти, а царевны на всю жизнь.

Первое воспитаніе царевича началось по обычному придворному чину. Царевича, по обычаю того времени, окружили такъ называемыми *робятками*, т. е. товарищами-ровесниками, и карликами, составлявшими обыкновенный штатъ каждаго изъ царевичей. Ровесники-робятки набирались изъ дѣтей бояръ, спальниковъ и стольниковъ, и особенно изъ родственниковъ царицы, которыхъ она выбирала къ себѣ въ стольники и тѣмъ приближала ко двору свое родство.

Царевичъ росъ и развивался необыкновенно быстро. Разсказываютъ, что онъ началъ ходить на шестомъ мѣсяцѣ отъ рожденія, и какъ только вступилъ въ тотъ возрастъ, когда его стали занимать игры, въ немъ начала проявляться рѣдкая понятливость, живость и склонность къ забавамъ, носившимъ военный характеръ. Любимыя игрушки, на которыя онъ бросался, были: знамена, стрѣлы, топоры, пистолеты, карабины, сабли, пушки, барабаны. Разсказываютъ, что когда ему было около трехъ лѣтъ, московскіе купцы поднесли ему въ день имянинъ много разныхъ игрушекъ и между ними саблю. Царевичъ прямо ухватился за саблю, и съ тѣхъ поръ почти не разставался съ нею, не рѣдко даже засыпалъ съ саблею. Правда, воинскія игрушки были тогда весьма обыкновенны и составляли вообще любимую потѣху дѣтей; въ такихъ игрушкахъ провелъ свое дѣтство и самъ царь Алексѣй. Но у царевича Петра игры эти почти сразу приняли необыкновенно широкіе размѣры. Количество разнаго рода оружія, изготовленнаго для увеселенія царевича, было весьма значительно и могло хватить не менѣе, какъ на цѣлый полкъ, каковой и былъ составленъ, вѣроятно, изъ „робятокъ“. Будучи трехъ лѣтъ отъ роду, Петръ уже игралъ съ ними въ „воинское дѣло“, а завѣдывать обученіемъ и дисциплиной этого дѣтскаго полка, по царскому порученію, былъ назначенъ иноземецъ Павелъ Гавриловичъ Менезіусъ. Онъ былъ родомъ изъ Шотландіи,

много ѣздилъ въ молодости по Европѣ и, затѣмъ, поселился въ Польшѣ, гдѣ и былъ взятъ въ плѣнъ русскими. Царь Алексѣй Михайловичъ обласкалъ его, какъ человѣка ловкаго и бывалаго, говорившаго на многихъ языкахъ, и даже посылалъ его съ важными порученiями посломъ къ римскому папѣ. По возвращенiи изъ Рима, Менезiусъ и получилъ свое мѣсто при царевичѣ. Этому первому иноземцу-учителю Петра несомнѣнно принадлежитъ зародышъ того свободнаго отношенiя къ иноземцамъ, которое начало проявляться у воспрiимчиваго Петра съ дѣтскихъ лѣтъ. Разсказываютъ, что однажды царю представлялся нѣмецкiй посолъ, по тогдашнему обыкновенiю съ большою церемонiею. Царица смотрѣла на эту церемонiю тайно, изъ сосѣдней комнаты, такъ какъ тогда не въ обычаѣ было царицамъ и знатнымъ женщинамъ показываться передъ чужими людьми. Вдругъ рѣзвый царевичъ, находившiйся при матери, настежъ отворилъ дверь и такимъ образомъ далъ случай иноземцамъ увидать московскую государыню.

На четвертомъ году отъ рожденiя царевича, отецъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, скончался. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась и судьба матери его, Наталiи Кирилловны, и всѣхъ ея родственниковъ, а отчасти и самаго царевича Петра. На престолъ вошелъ старшiй сынъ Алексѣя Махайловича — царевичъ Ѳеодоръ, рожденный отъ первой супруги Алексѣя, Милославской. Болѣзненный царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по природѣ чрезвычайно мягкiй и добродушный, искренно любилъ своего крестника, царевича Петра, и самъ лично ничего не имѣлъ противъ его родственниковъ; но, со вступленiемъ на престолъ Ѳеодора, вошли въ силу родственники его матери, первой супруги Алексѣя, Милославскiе, которые и воспользовались теперь властью, чтобы погубить родственниковъ второй супруги Алексѣя — Нарышкиныхъ и Матвѣева, котораго не удалось имъ погубить при жизни Алексѣя Михайловича.

Впрочемъ, Матвѣевъ палъ не тотчасъ послѣ кончины Алексѣя. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ онъ былъ отрѣшенъ

прежде всего отъ должности начальника аптекарскаго приказа; затѣмъ уже лишился и званія завѣдующаго иностранными дѣлами; наконецъ, безъ правильнаго судебнаго слѣдствія, былъ сосланъ. Его обвинили въ томъ, что онъ, будто бы, покушался отравить царя Өеодора, а также занимался колдовствомъ, вызывалъ злыхъ духовъ и въ разныхъ другихъ нелѣпостяхъ. Надо замѣтить, что Матвѣевъ занимался, между прочимъ, естественными науками и читалъ медицинскія книги, что́ въ то время могло считаться преступленіемъ. Какъ бы то ни было, но Матвѣевъ лишился всего состоянія и былъ сосланъ сначала въ Пустозерскъ, затѣмъ въ Мезень. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись допросу, а потомъ и ссылкѣ — отецъ и братья царицы Наталіи Кирилловны. Можно было ожидать заключенія въ монастырь и самой царицы, но, къ счастью царевича Петра, до этого дѣло не дошло. Разсказываютъ, что недоброжелатели хотѣли выжить Наталію Кирилловну изъ дворца, въ которомъ жилъ царь. Царица плакала по этому случаю и жаловалась на дерзость враговъ своихъ. Маленькій царевичъ, узнавъ это, пошелъ къ царю-брату, все разсказалъ ему и просилъ защиты. Өеодоръ Алексѣевичъ, удивленный смышленостью и рѣшимостью царевича, расцѣловалъ его и поспѣшилъ успокоить царицу-мачиху.

Тѣмъ не менѣе, имѣя всего четыре года отъ роду, Петръ, черезъ ссылку Матвѣева, лишился образованнаго и опытнаго въ государственныхъ дѣлахъ друга и покровителя, который лучше всякаго другого могъ бы позаботиться о воспитаніи царевича. Вмѣстѣ съ Матвѣевымъ былъ отдаленъ отъ Петра и первый его учитель — иноземецъ Менезіусъ, который былъ посланъ въ Смоленскъ. Впрочемъ, потѣхи, имѣвшія военный характеръ, продолжались при дворѣ царевича.

Среди дѣтскихъ игръ и забавъ, началось, наконецъ, и книжное обученіе Петра. Когда собственно приступили къ этому обученію, въ точности неизвѣстно. Но такъ какъ сила способностей царевича выразилась въ очень раннемъ дѣтствѣ,

то можно предполагать, что обученіе Петра первоначальной грамотѣ, т. е. азбукѣ, началось еще при жизни царя Алексѣя Михайловича, именно въ 1675 году, 1-го декабря, т. е., по тогдашнему обычаю, въ день пророка Наума. Какъ разъ передъ этимъ были писаны въ хоромы къ государю азбука и часословъ, а 27-го ноября, т. е. всего за четыре дня до пророка Наума, въ соборѣ Николы Гастунскаго служили молебенъ для многолѣтняго здравія царевича Петра Алексѣевича. Извѣстно, что въ то время ученіе всегда начиналось молебномъ, который служили не только въ домѣ, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли обученіе Петра грамотѣ съ этого времени, т. е. еще при жизни царя Алексѣя Михайловича, когда Петру было всего три года — четвертый? Впрочемъ, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ вскорѣ умеръ, а вслѣдъ затѣмъ начались и происки Милославскихъ, то весьма вѣроятно, что по этому случаю обученіе Петра грамотѣ прекратилось, какъ это впослѣдствіи случилось съ нимъ вторично, по смерти Ѳеодора Алексѣевича.

Благодаря тому обстоятельству, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ очень любилъ своего младшаго брата, и, по преданію, часто приходилъ ко вдовствующей царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, чтобъ полюбоваться на Петра, обученіе его грамотѣ скоро возобновилось. 12-го марта 1677 года, т. е. въ концѣ пятаго года отъ рожденія Петра, былъ назначенъ учителемъ ему приказный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Назначеніе это, по преданію, состоялось въ одно изъ упомянутыхъ посѣщеній Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Наталіи Кирилловны, при чемъ царь самъ замѣтилъ, что время посадить царевича за грамоту. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ бояринъ Ѳедоръ Соковнинъ предложилъ въ учители Петру своего знакомаго дьяка, Никиту Зотова, какъ извѣстнаго ему за человѣка добраго и кроткаго и свѣдущаго въ грамотѣ и писаніи. Вскорѣ Зотова привезли во дворецъ и произвели ему

испытаніе, подъ руководствомъ извѣстнаго тогда ученаго Симеона Полоцкаго. Зотову велѣли писать и потомъ читать книги. Разсмотрѣвъ писаніе и прослушавъ чтеніе Зотова, Симеонъ Полоцкій одобрилъ его. На другой день утромъ, въ присутствіи царя Θеодора, патріархъ отслужилъ обыкновенный молебенъ, окропилъ царевича святою водою и, благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ посадилъ царевича на мѣсто, поклонился ему до земли и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патріархъ подарилъ ему сто рублей, государь — дворъ, а государыня — двѣ пары богатаго платья и весь уборъ.

Царевичъ началъ учиться за особымъ учебнымъ столомъ, обитымъ поверхъ ваты атласной матеріей съ серебрянымъ галуномъ. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, дѣяній апостольскихъ и евангелія. Обученіе письму началось только черезъ три года, т. е. въ 1680 году, когда пропись царевича въ первый разъ была дана для переплета въ „червчатый" бархатъ.

Царевичъ учился прилежно и охотно. Весьма ощутительное въ тогдашнемъ образованіи отсутствіе свѣтскихъ наукъ восполнялось разнородными и болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, заключавшимися въ такъ называемыхъ *потѣшныхъ книгахъ*, составлявшихся для забавы дѣтей. Книги эти, для наглядности, снабжались *кунштами*, т. е. рисунками или картинками. Кромѣ того, изъ-за границы привозились печатныя картинки, также носившія названія потѣшныхъ, фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ. Потѣшныя книги и листы были или сказочнаго, забавнаго содержанія, или же описывали и изображали предметы болѣе или менѣе назидательные, напримѣръ: города, палаты, зданія, корабли, сраженія, взятіе городовъ, лицевыя исторіи и т. п. Развлеченіе дѣтей этими картинками или кунштами начиналось иногда съ очень ранняго дѣтскаго возраста. Потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ

смыслить. Сестрѣ Петра, царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года. Вѣроятно, и царевичъ Петръ забавлялся кунштами съ такого же возраста; по крайней мѣрѣ извѣстно, что когда царевичу былъ еще третій годъ, ему уже была написана потѣшная книга въ четверть листа, съ раскрашенными картинами.

Умный учитель царевича, Никита Зотовъ, обратилъ на все это особенное вниманіе, представивъ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями, и просилъ, чтобы были избраны искусные художники для составленія подобныхъ книгъ и тетрадей. Государыня повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія книги съ кунштами и „всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ“. При помощи тогдашнихъ искуснѣйшихъ русскихъ живописцевъ, Зотовъ составилъ, сверхъ того, значительное собраніе разныхъ кунштовъ, написанныхъ дорогими красками, съ прописями, т. е. съ текстомъ, и распредѣлилъ всѣ эти книги и тетради по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ книжномъ ученіи слишкомъ утомлялся, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и, для развлеченія, начиналъ разсказывать ему о дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича Грознаго, о ихъ военныхъ дѣлахъ, дальнихъ походахъ, взятіи городовъ, претерпѣнныхъ ими тягостяхъ въ этихъ походахъ, заботахъ ихъ о благополучіи и распространеніи государства и о прочихъ событіяхъ и государяхъ русскихъ. А чтобъ представить все это наглядно, Зотовъ водилъ царевича по комнатамъ и показывалъ ему на кунштахъ изображенія разсказанныхъ исторій и подвиговъ, и переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его, такимъ образомъ, съ разными науками, присовокупляя, что „безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть“.

Царевичъ Петръ съ жадностью слушалъ эти разсказы учителя и быстро учился читать и писать, выказывая необычайную понятливость. Разсказываютъ, что маленькій Петръ скоро и легко прошелъ всѣ науки, какія могъ ему сообщить Зотовъ, самъ, впрочемъ, немного знавшій, и что все Евангеліе и Апостолъ — Петръ еще мальчикомъ зналъ наизустъ... Онъ съ жадностью бросался на все новое, все желалъ узнать; нерѣдко случалось, что пытливый ученикъ задавалъ своему учителю такіе вопросы, на которые тотъ не могъ дать отвѣтовъ. И тогда уже Петръ порывался видѣть въ дѣйствительности то, о чемъ ему сообщали книги, картинки и разсказы учителя; самъ хотѣлъ созидать города, прекрасныя зданія, брать крѣпости, водить полки, и плавать по морю...

Такимъ образомъ, обученіе и игры Петра, съ самаго ранняго его дѣтства, приняли характеръ по преимуществу дѣловой. Правда, книжное обученіе его было весьма ограниченное, да и игры и потѣхи его были бѣдны по содержанію и не имѣли никакого опредѣленнаго плана; но за то онѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали вкусамъ и наклонностямъ живого и даровитаго ученика. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились все серьезнѣе и принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

Петръ выросталъ на свободѣ. Выше было уже замѣчено, что, по обычаю того времени, царевичи до 13 — 15-лѣтняго возраста жили почти безвыходно въ теремахъ и бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ. На долю Петра выпала иная участь. По воцареніи Ѳеодора Алексѣевича, Петръ съ матерью Наталіей Кирилловной, не смотря на расположеніе къ нимъ царя, былъ все-таки переведенъ на жительство въ село Преображенское, расположенное въ трехъ верстахъ отъ Москвы, гдѣ они и жили въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ двора. Мать царевича, безъ сомнѣнія, страдала отъ такого пренебреженія къ ней; но для царевича большая свобода и отсутствіе строгихъ придворныхъ порядковъ въ Преображенскомъ могли считаться немалой выгодою; въ то время, какъ другіе царевичи содер-

жались какъ-бы узниками въ Кремлѣ, никого не видѣли, не знали самыхъ обыкновенныхъ вещей и медленно развивались, царевичъ Петръ съ ранняго дѣтства выросъ и рѣзвился съ своими сверсниками на свѣжемъ воздухѣ, на улицѣ и въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, а это несомнѣнно благопріятно вліяло какъ на укрѣпленіе его здоровья, такъ даже и на его характеръ и на развитіе его способностей. Съ другой стороны, постоянное пребываніе среди народа не мало способствовало развитію въ немъ пониманія жизни и потребностей народа.

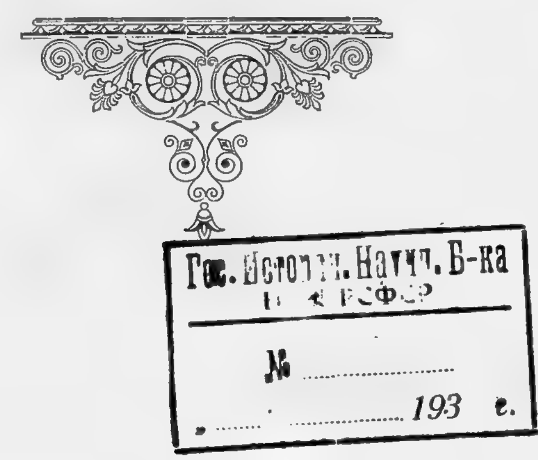
Потѣхи царевича въ селѣ Преображенскомъ, имѣвшія военный характеръ, также продолжались; товарищи его дѣтскихъ игръ выростали вмѣстѣ съ царевичемъ и съ годами ихъ потѣхи принимали прямо характеръ воинскаго обученія: деревянныя ружья и пушки замѣнялись настоящими; царевичъ строилъ съ ними городки, бралъ ихъ штурмомъ, возводилъ окопы, упражнялся въ военныхъ пріемахъ. Изъ потѣшныхъ села Преображенскаго вышелъ впослѣдствіи первый гвардейскій пѣхотный полкъ — Преображенскій.

Наконецъ, не могла остаться безъ вліянія на дѣтство царевича и печальная участь его самого и близкихъ ему людей. Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца, и, съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся нѣкоторому удаленію и гоненію, вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Передъ глазами Петра постоянно находилась печальная мать, вѣчно толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, о ссылкѣ братьевъ и своего благодѣтеля Матвѣева. Пламенный, воспріимчивый ребенокъ раздражался этою семейною враждою. Печальная доля въ младенчествѣ, гоненія и тревоги рано развиваютъ дѣтей. То, что другія дѣти узнавали только изъ няньkиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, то маленькій царевичъ Петръ испытывалъ въ дѣйствительности; онъ уже ненавидѣлъ своихъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и страстно сочувствовалъ гонимымъ, потому что эти гонимые были онъ самъ, его мать, дяди.

Однако, можно было ожидать впослѣдствіи нѣкотораго смягченія участи этихъ гонимыхъ. Дворъ, несомнѣнно, нуждался въ совѣтахъ опытнаго государственнаго дѣятеля — Матвѣева, и уже въ 1678 году при дворѣ по поводу этого происходили оживленные споры; тогда же князь Долгорукій старался убѣдить царя въ необходимости возвращенія Матвѣева изъ ссылки. Сверхъ того, вторая супруга царя Θеодора Алексѣевича, Марθа Апраксина, приходившаяся крестницей Матвѣеву, также хлопотала о его помилованіи. Дѣйствительно, вскорѣ ему дозволили возвратиться въ свое имѣніе Лухъ (въ нынѣшней Костромской губерніи), находившееся въ 500 верстахъ отъ столицы. Немного спустя, были возвращены въ столицу отецъ и братья Наталіи Кирилловны.

Такимъ образомъ, обстоятельства могли принять совершенно иной оборотъ для родственниковъ царицы Наталіи Кирилловны. Но, къ сожалѣнію, болѣзненный царь Θеодоръ Алексѣевичъ ослабѣвалъ съ каждымъ годомъ, и всѣ ожидали со дня на день его кончины.

27 апрѣля 1682 года, царь Θеодоръ скончался, не оставивъ послѣ себя дѣтей и не сдѣлавъ никакого распоряженія касательно престолонаслѣдія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раздоръ между Милославскими и Нарышкиными. — Выборы на царство Петра. — Неудовольствіе Софьи. — Ея характеръ. — Стрѣлецкій бунтъ. — Двоецарствіе. — Софья—правительница государства.

Тотчасъ-же по смерти Θеодора возникъ вопросъ, кого изъ двухъ оставшихся братьевъ покойнаго царя возвести на престолъ: Ивана Алексѣевича, рожденнаго отъ первой супруги царя Алексѣя — Милославской, или Петра Алексѣевича, рожденнаго отъ второй супруги Алексѣя Михайловича — Нарышкиной. Ивану Алексѣевичу въ это время исполнилось пятнадцать лѣтъ: онъ былъ слабъ тѣломъ и умомъ и почти совершенно лишенъ зрѣнія. Царевичу Петру теперь было только десять лѣтъ, но онъ отличался цвѣтущимъ здоровьемъ и необычайно острыми способностями. При такихъ обстоятельствахъ борьба за престолъ являлась неминуемою. За нею и послѣдовали потрясающія событія весны 1682 года.

Дворъ раздѣлился на двѣ партіи: на одной сторонѣ находились Милославскіе съ ихъ приверженцами, желавшіе воцаренія Ивана Алексѣевича; на другой — Нарышкины съ своими приверженцами, желавшіе воцаренія Петра Алексѣевича. Такимъ образомъ, борьба Нарышкиныхъ съ Милославскими, начавшаяся еще при царѣ Θеодорѣ, запылала вслѣдствіе упраздненія престола въ 1682 году.

Тѣмъ не менѣе, въ первые же дни послѣ кончины царя Θеодора Алексѣевича, дѣла необыкновенно быстро устроились въ пользу царевича Петра, благодаря, между прочимъ, тому обстоятельству, что къ Нарышкинымъ примкнули многіе изъ представителей правительства при царѣ Θеодорѣ, какъ-то: Апраксинъ, Лихачевъ, Языковъ.

Рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи въ настоящемъ случаѣ, по старинному обычаю, руководилъ патріархъ. Какъ только скончался царь Θеодоръ, 27 апрѣля, въ 4 часа пополудни, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю палату и предложилъ вопросъ: кому изъ двухъ царевичей вручить скипетръ и державу? Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чиновъ людьми Московскаго государства. Тогда патріархъ, съ духовными лицами и вельможами, вышелъ на Красное крыльцо, держа въ рукахъ крестъ, и велѣлъ народу, толпившемуся по случаю смерти царя передъ дворцомъ, собраться на площади. Мгновенно говоръ въ толпѣ смолкъ и посреди глубокой тишины патріархъ произнесъ: „Царь Θеодоръ Алексѣевичъ оставилъ по себѣ двухъ братьевъ, но преемника не назначилъ. Кому изъ нихъ быть царемъ?“ Народъ закричалъ: „Быть государемъ царевичу Петру Алексѣевичу!“ Раздался одинъ голосъ и въ пользу Ивана Алексѣевича, но тотчасъ же былъ заглушенъ.

Въ тотъ же день вся Москва присягнула десятилѣтнему Петру, а за Москвою и вся Россія безпрекословно. Тогда же поскакалъ гонецъ въ имѣніе Лухъ за Матвѣевымъ.

Между тѣмъ, партія Милославскихъ не успокоивалась. Во главѣ ея на этотъ разъ стала замѣчательная царевна, старшая сестра Петра, Софья Алексѣевна, рожденная отъ первой супруги Алексѣя Михайловича — Милославской. Царевнѣ Софьѣ было въ это время 25 лѣтъ.

Судя по тогдашнему семейному царскому быту, трудно было ожидать, чтобы которая-либо изъ царевенъ вмѣшалась

*

въ управленіе государственными дѣлами. Царевны въ то время жили совсѣмъ вдали отъ свѣта. Кромѣ самыхъ близкихъ людей, ихъ никто никогда не видѣлъ, даже доктора лечили ихъ по разсказамъ прислужницъ. Если имъ случалось ѣхать куда-нибудь, напримѣръ, въ монастырь, на богомолье, или въ дворцовое село, то ихъ возили не иначе, какъ въ закрытыхъ экипажахъ и съ завѣшенными окнами. Когда же имъ приходилось идти въ церковь въ Кремлѣ, то на этотъ разъ запирали ворота и никого не впускали въ Кремль; жителямъ самаго Кремля запрещали выходить на улицу, а чтобы изъ оконъ нельзя было видѣть царицы или царевенъ, то передъ ними несли ширмы... Замѣчательно, что когда разъ царица Наталія Кирилловна, во время въѣзда иностраннаго посла въ Москву, стояла у открытаго окна, то народъ, проходя мимо, не смѣлъ смотрѣть на нее и опускалъ глаза внизъ. Народъ зналъ царицу и царевенъ только по ихъ именамъ, которыя вычитывались въ церквахъ, до по милостынямъ, которыя отъ ихъ имени раздавались бѣднымъ, убогимъ и заключеннымъ. Царевны замужъ не выходили, потому что за подданныхъ было не въ обычаѣ, а за иноземныхъ принцевъ не позволяла вѣра. Такимъ образомъ онѣ проводили всю жизнь въ затворничествѣ, внутри своихъ теремовъ, въ кругу сѣнныхъ дѣвушекъ, занимаясь разными рукодѣльями.

Царевна Софья воспитана была нѣсколько иначе, благодаря, между прочимъ, тому обстоятельству, что въ это время строгость затворнической жизни знатныхъ женщинъ стала нѣсколько ослабѣвать. Такъ, царица Наталія Кирилловна начала иногда показываться народу и выѣзжать въ открытомъ экипажѣ. Царевны также стали нерѣдко показываться при дворѣ и знакомиться понемногу со свѣтомъ. Тогда же при дворѣ явилось новое, доселѣ небывалое развлеченіе, которое также содѣйствовало развитію царевенъ, — это театральныя представленія, которыя устраивалъ при дворѣ бояринъ Матвѣевъ, когда еще былъ въ силѣ. Всѣмъ очень понравились эти пред-

ставленія, и изъ нихъ царевны также начали кое-что узнавать. Но никто изъ царевенъ такъ не воспользовался этими новыми порядками, какъ царевна Софья. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, который почти всегда хворалъ, она часто ходила въ царскіе покои навѣщать и ухаживать за больнымъ братомъ. Здѣсь ей приходилось встрѣчаться съ такимъ образованнымъ и умнымъ вельможею, какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и съ такими опытными дѣльцами, какъ Милославскіе, князь Хованскій и другіе, съ которыми она вступала въ разговоры и отъ которыхъ могла позаимствоваться многими знаніями и опытомъ. Съ другой стороны, посѣщеніе театра пробудило въ ней охоту къ чтенію. Она получила даже нѣкоторое образованіе, подъ руководствомъ извѣстныхъ въ то время ученыхъ — Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, занимаясь, по ихъ указанію, преимущественно церковной исторіей; но она успѣвала также сочинять и комедіи. При этомъ, царевна Софья отличалась замѣчательнымъ умомъ, необыкновенной смѣлостью и непомѣрнымъ честолюбіемъ. Она была хитра и бойка на словахъ. Немудрено, что ей пришло на умъ воспользоваться малолѣтствомъ своихъ братьевъ, а также враждою Нарышкиныхъ съ Милославскими и вмѣшаться въ управленіе государственными дѣлами. Это была богатырь-царевна, какъ Петръ впослѣдствіи вышелъ богатыремъ-царемъ. Теперь имъ и предстояло помѣряться силами, кто изъ нихъ возьметъ перевѣсъ въ борьбѣ за престолъ, на который царевна Софья не имѣла, однако, никакихъ правъ.

Еще въ день восшествія на престолъ 10-тилѣтняго Петра, когда патріархъ, по избраніи Петра народомъ, вернулся въ покои царевенъ и объявилъ имъ объ этомъ, Софья не выдержала и воскликнула: „Избраніе это не право. Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ. Онъ долженъ быть царемъ, или пусть, по крайней мѣрѣ, оба царствуютъ“. Патріархъ скромно отвѣтилъ ей: „Многоначаліе пагубно. Да будетъ единъ царь. Такъ Богу угодно“. Софья одумалась,

затаила злобу въ сердцѣ и пошла вмѣстѣ съ другими царевнами поздравить новаго государя.

Но уже въ день погребенія царя Ѳеодора, Софья старалась возбудить волненіе въ народѣ противъ сторонниковъ Петра и его матери. Вопреки обычаю, недопускавшему царевенъ участвовать въ публичныхъ церемоніяхъ, Софья удивила всѣхъ, шествуя за гробомъ царя съ громкими воплями. Напрасно ее отговаривали, доказывали неприличіе подобнаго поступка, — Софья никого не послушала и сразу добилась того, что обратила на себя вниманіе народа. По окончаніи погребенія, Софья, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ жалобами на злыхъ людей и говорила: „Видите, какъ братъ нашъ, царь Ѳеодоръ, неожиданно отошелъ отъ сего свѣта; отравили его враги зложелательные... Старшій братъ нашъ, Иванъ, не выбранъ на царство“... Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на народъ.

Между тѣмъ, царица Наталія Кирилловна съ нетерпѣніемъ ждала пріѣзда въ Москву боярина Матвѣева. 11-го мая онъ дѣйствительно прибылъ въ столицу. Всѣ спѣшили выразить уваженіе знаменитому государственному дѣятелю, прожившему нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ. Даже стрѣльцы всѣхъ полковъ, волновавшіеся въ это время, поднесли Матвѣеву хлѣбъ-соль. Тогда же послѣдовало назначеніе брата царицы Наталіи, Ивана Кирилловича Нарышкина, бояриномъ и оружейничимъ.

Теперь можно было ожидать, что Матвѣевъ, опытный государственный дѣятель и многосторонне образованный человѣкъ, сдѣлается наставникомъ и руководителемъ десятилѣтняго царя — Петра. Это тѣмъ болѣе было необходимо для юнаго государя, что времена наступали тяжкія. Враждебная ему партія Милославскихъ получила новую силу съ явнымъ переходомъ на ея сторону царевны Софьи. Къ тому же, въ Москвѣ сильно волновалось стрѣлецкое войско, недовольное притѣсненіями своихъ полковниковъ. Стрѣлецкое войско, въ числѣ двадцати-тридцати тысячъ, было давно уже сфор-

мировано, и хотя считалось постояннымъ, но вообще было плохо обучено и отличалось отсутствіемъ всякой дисциплины. Стрѣльцы были люди семейные и жили въ Москвѣ слободами. Дѣла семейныя и хозяйственныя отвлекали ихъ въ мирное время отъ воинскихъ занятій, а въ военное — тянули ихъ домой. Плохіе воины, своевольные и непослушные, стрѣльцы гораздо болѣе обращали вниманія на занятія торговлею и промышленностью, нежели на ратное дѣло. Поэтому между ними было много людей зажиточныхъ, избалованныхъ, привыкшихъ безъ всякихъ стѣсненій заявлять о своихъ требованіяхъ и о своемъ недовольствѣ. Составляя въ государствѣ единственное вооруженное войско, они поэтому представляли изъ себя весьма опасное для государства сословіе. Еще въ послѣднее время царствованія Θеодора, стрѣльцы начали уже волноваться, требуя наказанія полковниковъ, принуждавшихъ ихъ къ излишнимъ работамъ и не дававшихъ слѣдуемыхъ имъ денегъ. Волненія эти продолжались и при восшествіи на престолъ десятилѣтняго Петра. Царевна Софья, вмѣстѣ съ Милославскими, и воспользовалась этими волненіями, чтобы склонить на свою сторону стрѣльцовъ. Къ стрѣльцамъ немедленно были подосланы бродяги, которые начали разсказывать имъ разныя басни объ отравленіи царя Θеодора, о стараніяхъ Нарышкиныхъ убить царевича Іоанна и другія небылицы. Въ то же время довѣренные люди Софьи стали раздавать деньги стрѣльцамъ и сулили имъ разныя выгоды. Тогда же имъ переданъ былъ списокъ тѣхъ лицъ, которыя должны были погибнуть. Въ этомъ спискѣ было намѣчено не менѣе 46 лицъ. Одною изъ первыхъ и главныхъ жертвъ былъ назначенъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Еще на дорогѣ въ Москву, къ Матвѣеву нарочно вышли на встрѣчу семеро преданныхъ ему стрѣльцовъ, чтобы разсказать ему о волненіяхъ товарищей и объ опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Но Матвѣевъ, кажется, не обратилъ на это особеннаго вниманія.

15-го мая утромъ, когда уже все было подготовлено къ бунту, по стрѣлецкимъ слободамъ проскакали верхами приверженцы Софьи и кричали: „Нарышкины задушили царевича Іоанна“. Стрѣльцы схватили ружья, пушки, и съ распущенными знаменами побѣжали со всѣхъ сторонъ въ Кремль. Въ это время во дворцѣ только-что кончилось засѣданіе бояръ и они расходились по домамъ. Матвѣевъ сходилъ по лѣстницѣ изъ дворца. Вдругъ ему говорятъ, что стрѣльцы въ полномъ вооруженіи идутъ въ Кремль. Онъ вернулся во дворецъ, сдѣлалъ-было распоряженіе, чтобы заперли ворота въ Кремль и не впускали мятежниковъ, но уже было поздно. Крики стрѣльцовъ послышались уже передъ самыми окнами дворца. Многочисленною толпою они явились у Краснаго крыльца, передъ Грановитою палатою, и громко требовали головы Нарышкиныхъ, будто бы погубившихъ царевича Іоанна. Чтобы убѣдить ихъ, что царевичъ живъ и здоровъ и что никто его не трогалъ, царица Наталія Кирилловна сама, въ сопровожденіи патріарха и бояръ, вывела на Красное крыльцо Петра и Іоанна и сказала: „Вотъ государь царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ государь царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ. Они благодатію Божіею здравствуютъ“. Стрѣльцы не вѣрили своимъ глазамъ. Нѣкоторые изъ нихъ подставили лѣстницы, взлѣзли на крыльцо и спросили царевича: „Ты-ли царевичъ Іоаннъ и кто тебя изводитъ?“ Царевичъ отвѣчалъ: „Азъ есмь, и никто меня не изводитъ“. Стрѣльцы, видя, что они обмануты, не знали что дѣлать. Матвѣевъ воспользовался этимъ и вмѣстѣ съ патріархомъ сошелъ съ крыльца внизъ и началъ кротко уговаривать стрѣльцовъ разойтись. Вразумительныя слова его подѣйствовали. Стрѣльцы притихли, стали переглядываться, пятиться, и готовы уже были расходиться. Нѣкоторые даже просили Матвѣева, чтобы онъ заступился за нихъ передъ царемъ. Считая дѣло, такимъ образомъ, уже улаженнымъ, Матвѣевъ вернулся-было обратно во дворецъ и пошелъ къ царицѣ.

Приверженцы Софьи поспѣшили воспользоваться этимъ

моментомъ, и по ихъ наущенію стрѣльцы снова зашумѣли, такъ что теперь уже ничѣмъ нельзя было остановить ихъ. Напрасно выходили къ нимъ, стараясь ихъ успокоить, бояринъ Матвѣевъ и царица Наталія, съ юнымъ царемъ Петромъ; толпа не унималась. На бѣду вышелъ на крыльцо князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, начальникъ Стрѣлецкаго приказа, и грозно крикнулъ на стрѣльцовъ, приказывая имъ немедленно расходиться. Стрѣльцы пришли въ ярость, схватили его, сбросили съ крыльца внизъ на подставленныя копья и изрубили бердышами. Вслѣдъ за нимъ погибъ подобною же смертью и бояринъ Матвѣевъ.

Разсказываютъ, что среди этихъ убійствъ десятилѣтній Петръ не обнаруживалъ ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ и своимъ безстрашіемъ изумилъ даже стрѣльцовъ. Царица Наталія Кирилловна поспѣшила, однако, увести обоихъ царевичей во внутренніе покои Кремля. Вслѣдъ за ними скрылись и всѣ остальные представители правительства, такъ что не осталось никого, кто бы могъ принять какія-либо мѣры противъ мятежниковъ. Такимъ образомъ, стрѣльцы свирѣпствовали въ Москвѣ безнаказанно три дня.

Подстрекаемые заговорщиками, стрѣльцы всюду отыскивали мнимыхъ измѣнниковъ: они врывались въ комнаты царевенъ, заглядывали подъ ихъ кровати, перетряхивали перины, рылись въ чуланахъ, заходили даже въ церкви, въ алтари, ощупывали престолы и жертвенники. Отыскивали особенно Нарышкиныхъ; изъ нихъ Аѳанасья убили во дворцѣ, Ивана — въ собственномъ его домѣ; убили и многихъ другихъ. До сумерекъ буянили стрѣльцы; но уходя въ свои слободы, они оставили въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ-городѣ крѣпкіе караулы при всѣхъ воротахъ, чтобы не пропускать ни въ Кремль, ни изъ Кремля. На другой день, 16-го мая, стрѣльцы опять при набатѣ и барабанномъ боѣ приступили ко дворцу и настоятельно требовали, чтобы былъ выданъ Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, иначе грозились перебить всѣхъ бояръ. Но На-

рышкина не выдали, и въ часъ пополудни стрѣльцы вышли изъ Кремля, оставивъ по прежнему караулы.

Нарышкинъ, отецъ его, братья и нѣкоторые изъ родственниковъ скрывались сперва при комнатѣ маленькой царевны Наталіи Алексѣевны, потомъ въ комнатахъ царицы-вдовы, и объ убѣжищѣ ихъ знала только постельница ея. И. К. Нарышкинъ не могъ поддержать правленія царицы и не опасенъ былъ для заговорщиковъ; но кровь этого несчастнаго юноши нужна была имъ для того, чтобы оправдать себя передъ стрѣльцами, которыхъ они увѣрили, что во дворцѣ есть измѣнники, истребители царскихъ сѣмянъ, и главный между ними Иванъ Нарышкинъ, который уже и корону примѣривалъ. Онъ былъ выставленъ виновникомъ всей смуты. Вотъ почему на третій день, когда стрѣльцы снова приступили ко дворцу, Софья рѣшительно сказала царицѣ Наталіи: „брату твоему не отбыть отъ стрѣльцовъ и не погибать же намъ всѣмъ изъ-за него“. Къ словамъ ея присовокупили свою слезную просьбу и перетрусившіе бояре. Нечего было дѣлать, нужно было рѣшиться на тяжкую жертву; вызвали несчастнаго Ивана Кирилловича изъ его убѣжища, отвели его въ церковь Спаса за золотою рѣшеткою, гдѣ онъ исповѣдался и пріобщился. Простившись съ сестрою-царицею, онъ вышелъ изъ церкви. Какъ только завидѣли его стрѣльцы, то потащили въ Константиновскій застѣнокъ пытать, такъ какъ онъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ посягательствѣ на жизнь царевича. Стрѣльцы надѣялись, что молодой бояринъ не вытерпитъ мукъ, признаетъ себя виновнымъ и тѣмъ оправдаетъ ихъ страшное дѣло передъ народомъ; но надежда ихъ не сбылась: не смотря на всѣ истязанія, Нарышкинъ не сказалъ ни слова. Тогда вывели страдальца на Красную площадь и разсѣкли его на части. Тутъ же казнили доктора Гадена, обвиненнаго въ отравленіи царя Ѳеодора, и еще нѣсколькихъ. Съ Красной площади стрѣльцы отправились ко дворцу и кричали: „Ваше царское величество, чините что угодно, а мы за ваше царское величество,

за обѣихъ царицъ, царевича и царевенъ готовы головы свои сложить!“

Смѣло вышла къ стрѣльцамъ Софья и стала ласково уговаривать ихъ оставить оружіе, при этомъ подчивала ихъ виномъ, раздавала деньги, благодарила за вѣрность царевичу Іоанну; обѣщала всѣхъ ихъ наградить; согласилась дать имъ почетное званіе „надворной пѣхоты“ и просила положиться на нее и бояръ въ дѣлѣ государскомъ. Стрѣльцы разошлись и общее смятеніе прекратилось; но подъ рукой имъ было объявлено, чтобы они не оставляли оружія и были готовы въ каждую минуту, потому что дѣло еще не совсѣмъ покончено.

Послѣ кровопролитія, Петръ еще нѣсколько дней оставался царемъ одинъ. Но на дѣлѣ вся власть уже съ самаго начала бунта перешла въ руки царевны Софьи. Впродолженіе всей смуты она отличалась хладнокровіемъ и рѣшимостью и не разъ выходила говорить со стрѣльцами. 16-го мая высшія должности въ государствѣ получили ея приверженцы: князь Василій Голицынъ назначенъ былъ начальникомъ посольскаго приказа, князь Иванъ Хованскій сдѣлался начальникомъ стрѣлецкаго приказа; начальникомъ другихъ приказовъ былъ назначенъ бояринъ Иванъ Милославскій, бывшій главнымъ устроителемъ стрѣлецкаго мятежа. Нарышкины были устранены теперь совершенно. Оставшійся въ живыхъ отецъ царицы Наталіи, Кириллъ Полуэктовичъ Нарышкинъ, былъ постриженъ въ монахи въ Чудовомъ монастырѣ. Такимъ образомъ, царица Наталія и десятилѣтній Петръ остались въ одиночествѣ, въ безпомощномъ положеніи, лишившись испытанныхъ друзей, которые могли бы сдѣлаться совѣтниками и руководителями юнаго царя. Торжество Софьи и ея приверженцевъ было полное.

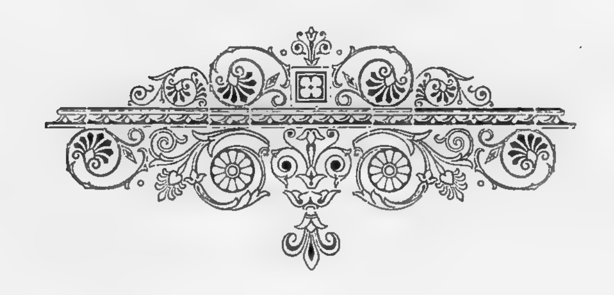
Стрѣльцы были щедро награждены: каждому изъ нихъ было дано по 10 рублей; имущество убитыхъ и сосланныхъ вельможъ было продано имъ же по самой дешевой цѣнѣ. Стрѣлецкое войско было удостоено почетнаго названія Надворной пѣхоты. Въ честь полковъ этой пѣхоты былъ воздвигнутъ на

Красной площади каменный столбъ съ надписями. Кромѣ того, стрѣльцамъ дарованы были разныя льготы: прибавлено жалованье, ограничена служба и проч. Попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками было строго запрещено. Особою жалованною грамотою, за красною печатью, злодѣйства стрѣльцовъ были объявлены „побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы“.

При такихъ условіяхъ власть юнаго царя должна была скоро прекратиться. Единодержавіе Петра продолжалось не болѣе четырехъ недѣль. Уже 23-го мая, при содѣйствіи стрѣльцовъ, было постановлено на соборѣ: „быть обоимъ братьямъ на престолѣ“,— и болѣзненный царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ былъ объявленъ государемъ, наравнѣ съ Петромъ, такъ что теперь въ Москвѣ было два царя, при чемъ, во время молебствія по этому случаю въ Успенскомъ соборѣ, оба царя, Іоаннъ и Петръ, стояли на царскомъ мѣстѣ рядомъ. Подобныхъ примѣровъ двоецарствія еще не было на Руси. Царевна Софья, возводя на престолъ слабаго умомъ и тѣломъ Іоанна и разсчитывая на малолѣтство Петра, надѣялась чрезъ нихъ сама управлять государствомъ. 26-го мая, при содѣйствіи тѣхъ же стрѣльцовъ, Іоаннъ Алексѣевичъ былъ объявленъ первымъ, а Петръ вторымъ царемъ. Наконецъ, 29-го мая, по требованію стрѣльцовъ же, правительство, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, было вручено самой царевнѣ Софьѣ, которая повелѣла во всѣхъ указахъ имя свое писать вмѣстѣ съ именами царей, называясь „великой государыней, благовѣрной царевной и великой княжною Софіею Алексѣевною“.

Такимъ образомъ, царевна Софья въ 1682 году сдѣлалась полновластною правительницей государства. Малолѣтніе цари, Іоаннъ и Петръ, оставались только по имени царями, хотя вѣнчаніе ихъ на царство совершилось, 25-го іюня, по установленному чину въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами и торжественнымъ величіемъ, при громадномъ стеченіи народа, и хотя послѣ этого Москва, а за нею и вся Россія

присягнули въ вѣрности обоимъ царямъ,—тѣмъ не менѣе, всѣми дѣлами управляла теперь Софья и приближенные къ ней люди. Для царей Іоанна и Петра былъ сдѣланъ двойной тронъ, на которомъ они появлялись развѣ только при особыхъ церемоніяхъ, напримѣръ, по случаю торжественнаго пріема иноземныхъ пословъ, но и тогда малолѣтніе цари должны были говорить только то, что имъ подсказывала Софья, обыкновенно помѣщавшаяся въ подобныхъ случаяхъ въ скрытномъ мѣстѣ назади трона, откуда могла подсказывать братьямъ все то, что нужно было имъ дѣлать и говорить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Правленіе Софьи. — Стрѣльцы и князь Хованскій. — Своеволіе раскольниковъ. — Споръ въ Грановитой палатѣ. — Казнь Никиты Пустосвята. — Угощеніе выборныхъ. — Казнь Хованскихъ. — Повинная стрѣльцовъ. — Внѣшнія дѣла Софьи. — Пріобрѣтеніе Кіева. — Неудачные крымскіе походы.

Правленіе Софьи продолжалось семь лѣтъ. Хотя она поставила во главѣ правительства князя Василія Васильевича Голицына, человѣка очень умнаго и, подобно боярину Матвѣеву, весьма начитаннаго, однакоже, въ продолженіе семи лѣтъ ею не было сдѣлано ничего полезнаго для Россіи. Можетъ быть, причиной этому было то обстоятельство, что царевна Софья, присвоивъ власть незаконнымъ путемъ, должна была всѣ свои способности и энергію употреблять только на то, чтобы удержать эту власть въ своихъ рукахъ. Дѣйствительно, она скоро встрѣтила сильное противодѣйствіе, какъ со стороны народа, такъ и особенно со стороны раскольниковъ, и даже со стороны того стрѣлецкаго войска, съ помощью котораго она добилась власти.

Торжество стрѣльцовъ было полное; все дѣлалось по ихъ волѣ; но они при этомъ понимали, что волѣ ихъ можетъ быть и конецъ, ибо и при Софьѣ начальниками останутся бояре, которые при случаѣ отомстятъ имъ за самоуправство; что нельзя надѣяться и на простой народъ, потому что даже отдавшіе себя въ кабалу холопи не принимали отъ нихъ воли, когда

они объявили ихъ вольными; что Москва не вся Россія, что на помощь Москвѣ могутъ собраться многочисленные полки служилыхъ людей—помѣщиковъ. Такъ, что если Москва боялась стрѣльцовъ, то и они боялись Россіи. Чтобы выставить свое дѣло правымъ, законнымъ передъ всѣмъ русскимъ народомъ и всѣми властями, стрѣльцы подали челобитную, гдѣ указывали: за что именно они 15-го мая побили бояръ, и просили, чтобы на Красной площади былъ поставленъ столбъ о побитыхъ и за что; чтобы имъ выдали во всѣ стрѣлецкіе приказы граматы за печатями; чтобы никто, нигдѣ не смѣлъ ихъ называть бунтовщиками и измѣнниками, ибо они царямъ служили и служатъ со всею вѣрностью. — Софья согласилась и столбъ былъ поставленъ.

Между стрѣльцами много было раскольниковъ, да и самъ князь Хованскій, тоже втайнѣ, былъ приверженецъ старой вѣры. Ревнители старой вѣры, видя, что бердыши и копья стрѣльцовъ помогли Софьѣ искоренить ея враговъ и стать во главѣ государства, захотѣли, силою того же оружія, поднять старую вѣру. Отыскали знаменитаго ревнителя и краснобая, монаха Сергія. Когда ревнители старовѣрія и Сергій явились къ Хованскому и прочли ему свою челобитную, то при этомъ объявили, что въ преніи съ никоніанцами приметъ участіе и Никита, священникъ Суздальскій. Хованскій слыхалъ про Никиту и, надѣясь, что противъ такого бойца не устоять православнымъ, отвѣчалъ: „Радъ вамъ, братія, помогать“. Раскольники потребовали, чтобы на Лобномъ мѣстѣ, передъ народомъ, въ присутствіи государей, былъ соборъ. Соборъ назначили на 5 іюля. Въ назначенный день, Никита Пустосвятъ собралъ главныхъ единомышленниковъ, отслужилъ молебенъ по раскольничьему толку и, сопровождаемый огромною толпою, двинулся въ Кремль, чтобы вызвать патріарха на Лобное мѣсто, для всенароднаго спора. Самъ онъ шелъ съ крестомъ, а другіе отцы несли иконы, ветхія книги, аналои и наполняли воздухъ неистовыми криками. Народъ сбѣгался отвсюду и слѣдовалъ за

ними. Раскольники остановились за Архангельскимъ соборомъ близъ Краснаго крыльца; тутъ они поставили аналои, покрытые пеленами, старинными иконами и книгами и зажгли свѣчи. Никита съ главными сообщниками взлѣзъ на подмостки и громко поучалъ народъ. Въ это время патріархъ совершалъ въ Успенскомъ соборѣ молебствіе и со слезами умолялъ Небесную Заступницу о спасеніи церкви и царства. По окончаніи молебна патріархъ пошелъ къ себѣ домой, а къ народу выслалъ протопопа Василья съ печатнымъ обличеніемъ на Никиту, какъ онъ прежде раскаявался передъ соборомъ въ своихъ раскольничьихъ заблужденіяхъ. Протопопу не дали читать. Во дворцѣ въ это время тоже всѣ были въ страхѣ и недоумѣніи; многіе боялись, чтобы не повторилось 15-е мая; но Софья знала, что у стрѣльцовъ и мысли нѣтъ о бунтѣ; поэтому, несмотря на всѣ представленія Хованскаго, она не согласилась выслать патріарха съ духовенствомъ на площадь и рѣшила, что пренія будутъ въ Грановитой палатѣ. Хованскій думалъ-было испугать Софью бунтомъ и настаивалъ, чтобы и въ Грановитой палатѣ никто изъ царскаго дома не присутствовалъ, потому что, если они будутъ тамъ съ патріархомъ, то не быть имъ живымъ. Софья спокойно отвѣчала ему: „буди воля Божія, но я не оставлю св. церкви и ея пастыря! Быть пренію въ Грановитой и я буду тамъ. Кто хочетъ — пойдетъ со мною“. Софья послала пригласить патріарха, чтобы онъ прибылъ въ Грановитую палату со всѣми святителями, а Хованскій отправился къ отцамъ увѣдомить ихъ о рѣшеніи царевны. Долго они не хотѣли идти въ Грановитую палату, боясь западни, и тогда только рѣшились, когда Хованскій сказалъ: „Святые отцы, цѣлую вашъ крестъ и клянусь кровью Христовою, что никакого зла вамъ не будетъ, а если будетъ, такъ и мнѣ то же, что вамъ“.

Двинулись раскольники съ крестомъ и евангеліемъ, образами, аналоями, свѣчами; шумно и въ огромномъ числѣ вошли они въ палату, потому что Хованскій приказалъ всѣхъ ихъ про-

Царевичи Іоаннъ и Петръ передъ стрѣльцами.

пускать, между тѣмъ какъ православныхъ священниковъ и мірянъ не велѣлъ пускать. Въ палатѣ уже присутствовали: царевна Софья, тетка ея, царица Наталія Кирилловна и царевна Марья Алексѣевна. Софья и тетка ея сидѣли на царскихъ тронахъ; ниже ихъ, въ креслахъ, помѣстились царица Наталія, царевна Марья и патріархъ, направо архіереи, налѣво — свѣтскіе сановники, царедворцы и выборные стрѣльцы. Царскія мѣста занимали однѣ женщины; царевны, дѣвицы, явились открыто передъ народомъ; всѣмъ заправляла одна царевна, и на такое небывалое, поразительное новшество враги всякаго новшества, пришедшіе отстаивать старую вѣру, не обратили никакого вниманія; они едва поклонились царевнамъ и царицѣ, торопливо разставили аналои передъ трономъ, положили на нихъ иконы и книги, зажгли свѣчи и какъ изступленные озирали все собраніе. Видя все это, Софья обратилась къ раскольникамъ и спросила у нихъ: „для чего вы такъ дерзко и нагло пришли къ царскому величеству въ государскія палаты, будто къ иновѣрнымъ и Бога незнающимъ?“ „Пришли мы, отвѣчалъ Никита, къ царямъ государямъ побить челомъ о исправленіи православной вѣры, чтобы дали намъ свое правильное разсмотрѣніе съ новыми законодавцами, чтобы церкви Божіи были въ мирѣ и соединеніи и чтобы служба Божія была какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ по стариннымъ служебникамъ“. — „Не вамъ подобаетъ исправлять церковныя дѣла, сказалъ патріархъ: вы должны повиноваться матери святой Церкви и намъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи; книги же исправлены съ греческихъ и нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ“. — Никита вскричалъ: „Не о грамматикѣ пришли мы съ тобой говорить, а о догматахъ церковныхъ, отвѣчай на мои вопросы!“ И онъ тотчасъ же пустился въ суемудрствованія, надѣясь своимъ злорѣчіемъ смутить престарѣлаго іерарха; но вмѣсто его началъ отвѣчать Никитѣ Холмогорскій епископъ Аѳанасій, опытный въ раскольничьихъ ухищреніяхъ и много начитанный.

Никита, видя въ немъ опаснаго врага, вскричалъ: „Что ты, нога, выше главы становишься! Я не съ тобой говорю, а съ патріархомъ!“ И онъ съ яростью бросился на него; но стрѣльцы поспѣшили оттащить его отъ епископа.

Софья не вытерпѣла, встала и гнѣвно вскричала: „Какъ ты смѣешь говорить съ патріархомъ? Развѣ ты забылъ, что принесъ повинную отцу нашему, патріарху, всему собору и клялся великою клятвою не бить челомъ о вѣрѣ, а теперь вотъ что дѣлаешь!“ вскрикнула Софья и приказала дьяку читать челобитную раскольниковъ. Когда дочли до того мѣста, гдѣ говорилось, что чернецъ Арсеній еретикъ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя, Софья не вытерпѣла и со слезами на глазахъ стала говорить: „Если Арсеній и Никонъ еретики, то отецъ нашъ и братъ Ѳеодоръ тоже были еретики; выходитъ, что и теперешніе цари — не цари, патріархъ — не пастырь церкви. Нѣтъ, мы не хотимъ слышать такой хулы и намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство“.

Съ этими словами Софья сошла съ трона и стала поотдаль. Въ мятежной толпѣ раскольниковъ послышались такія рѣчи: „Давно пора вамъ, государыня, въ монастырь, полно вамъ царствомъ-то мутить; намъ были-бы здоровы цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ!“ Но бояре и выборные стрѣльцы окружили царевну; многіе изъ нихъ плакали и клялись положить головы свои за царскій домъ. Они уговорили царевну сѣсть на свое мѣсто; но она къ прежнему еще прибавила, обратясь къ выборнымъ: „Вы зоветесь нашими вѣрными слугами, а позволяете этимъ мужикамъ, невѣждамъ приходить къ намъ бунтомъ, творить намъ всѣмъ досады и кричать. Нѣтъ, мы не можемъ быть въ такомъ порабощеніи, мы оставимъ Москву, пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему русскому народу о вашемъ неповиновеніи“.

Эти слова не могли не подѣйствовать на всѣхъ стрѣльцовъ, потому что по выѣздѣ царскаго дома изъ Москвы, поднялась бы на нихъ вся Россія и имъ пришлось бы тяжко расплатиться

за всѣ ихъ неистовства. Всѣ стихли. По окончаніи чтенія челобитной, раскольникамъ было объявлено, что за позднимъ временемъ, нельзя продолжать преній и указъ имъ будетъ послѣ. Изувѣры вышли къ народу съ торжествующими лицами и, поднявъ два пальца вверхъ, что есть мочи кричали: „Тако вѣруйте, тако творите! всѣхъ архіереевъ посрамихомъ!“

Софья приказала, чтобы выборные отъ всѣхъ полковъ явились къ ней на верхъ. Правительница вышла къ нимъ, и стала увѣщевать ихъ: „Неужели вы насъ и все Россійское государство промѣняете на четырехъ чернецовъ и отдадите на поруганіе святѣйшаго патріарха и весь освященный соборъ?“ Выборные отвѣтили: „Мы, государыня царевна, за старую вѣру не стоимъ и не наше то дѣло, то дѣло патріарха и всего освященнаго собора!“ За такія умныя рѣчи Софья приказала ихъ угостить и всѣхъ щедро наградила деньгами. Выборнымъ выставлено было по ушату вина на десятерыхъ: всѣ дали заручныя, что впередъ не будутъ вступаться за старую вѣру. Послѣ этого пустились бить раскольниковъ, перехватали отцевъ. Никитѣ отсѣкли голову, какъ самому дерзкому заводчику смуты; Сергія сослали въ Спасскій монастырь, въ Ярославль; нѣкоторыхъ заточили, другихъ отправили въ дальнія мѣста, остальные разбѣжались.

Стрѣльцы были главною силой, господствующею надъ Москвой. И вся эта сила была въ рукахъ Хованскаго, котораго стрѣльцы называли своимъ отцемъ, а онъ явно выказалъ себя покровителемъ раскола и слѣдовательно противникомъ правительства и церкви. Софья не могла не понять этого, и, конечно, ясно видѣла, что если она черезъ стрѣльцовъ овладѣла правленіемъ, то Хованскій овладѣлъ стрѣльцами, а потому и она сама находится въ его власти, при чемъ обдумывала, какъ бы надежнѣе высвободиться изъ-подъ ига стрѣльцовъ и Хованскаго. Наконецъ рѣшилась оставить Москву. При крестномъ ходѣ, 19 августа, въ память избавленія отъ нашествія крымцевъ, при царѣ Ѳеодорѣ, государи должны были идти за

крестами; но вдругъ разнесся слухъ, что стрѣльцы замышляютъ воспользоваться этимъ случаемъ и убить ихъ. Цари не пошли въ ходѣ, а на другой день, 20 августа, все царское семейство выѣхало въ Коломенское. Сентября 2-го у переднихъ дворцовыхъ воротъ найдено было подметное письмо съ подписью: „Вручить государынѣ, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ". Въ этомъ безъимянномъ письмѣ прямо указывалось, что Хованскій и сынъ его готовятся истребить все царское семейство, патріарха и всѣхъ главнѣйшихъ вельможъ, а послѣ этого Хованскій-отецъ думаетъ возложить на себя корону; патріарха же и властей избрать изъ такихъ, которые бы старыя книги любили. Софья притворилась совершенно перепуганною, тотчасъ-же удалилась со всѣмъ царскимъ семействомъ въ Савво-Сторожевскій монастырь, близъ Звенигорода, а отсюда немедленно разослала окружныя граматы въ разные города, призывая дворянъ и разнаго званія ратныхъ людей на защиту царей и царства. Дворяне не замедлили подняться съ своими ратными людьми, и Софья, переѣзжая со всѣмъ царскимъ семействомъ въ Троицко-Сергіеву лавру, уже встрѣтила на пути нѣкоторые изъ ихъ полковъ. Въ это время въ селѣ Воздвиженскомъ Софья получила письмо отъ Хованскаго, который увѣдомлялъ ее, что идетъ въ Москву сынъ малороссійскаго гетмана, и спрашивалъ, какъ его принять? — Это былъ очень удобный случай выманить изъ Москвы Хованскаго, и правительница тотчасъ же имъ воспользовалась: она отвѣтила Хованскому очень ласково, и приглашала пріѣхать къ ней для совѣщанія по дѣламъ Малороссіи.

Во всемъ государствѣ Хованскій былъ объявленъ измѣнникомъ, цареубійцею; нельзя предполагать, чтобы и онъ не зналъ объ этомъ; но между тѣмъ, обманутый ли ласковымъ письмомъ Софьи, или надѣясь личнымъ присутствіемъ разомъ уничтожить всѣ козни своихъ враговъ, онъ рѣшился исполнить волю правительницы. Сынъ его, Андрей, тоже поѣхалъ, но не вмѣстѣ, а другою дорогой. Узнавши, что Хованскіе выѣхали

изъ Москвы и что свиты обоихъ незначительны, Софья тотчасъ же отправила на встрѣчу имъ сильный отрядъ съ кн. Лыковымъ, приказавъ схватить ихъ. Лыковъ исполнилъ данное ему порученіе. Какъ только узнали въ Воздвиженскомъ, что Лыковъ забралъ Хованскихъ и везетъ ихъ подъ сильною стражею, то дали ему знать, чтобы онъ остановилъ ихъ противъ переднихъ воротъ государева двора на площади, гдѣ уже была приготовлена плаха. Въ присутствіи палатныхъ и воинскихъ людей, при огромномъ стеченіи народа, не слушая оправданій, объявили обоимъ Хованскимъ смертный приговоръ, который тутъ же и былъ исполненъ.

Зная, какое дѣйствіе въ стрѣлецкихъ слободахъ произведетъ казнь Хованскихъ, Софья на другой же день со всѣмъ дворомъ переѣхала въ Троицкую лавру, которая тотчасъ же приняла видъ крѣпости, готовой къ отраженію враговъ. И дѣйствительно, такая предосторожность была не лишнею. Вѣсть о казни Хованскихъ дошла скоро до стрѣльцовъ, потому что въ числѣ царедворцевъ присутствовалъ при казни и младшій сынъ Хованскаго, бывшій комнатнымъ стольникомъ царя Петра. Ночью онъ ускакалъ въ Москву и, собравъ стрѣльцовъ, сталъ имъ говорить со слезами: „Видѣлъ я, братцы, своими глазами, какъ обезглавили моихъ отца и брата; убили ихъ бояре безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго. Не стало вашего заступника, не сдобровать и вамъ!“ — Первымъ рѣшеніемъ стрѣльцовъ было *засѣсть* Москву, чтобы обезопасить себя отъ нападенія; тотчасъ же заняли Кремль, разобрали порохъ, свинецъ, разставили всюду караулы. Неистовая толпа ворвалась въ Крестовую палату и требовала отъ патріарха граматъ въ украинскіе города, чтобы служилые люди спѣшили къ нимъ на помощь; грозились убить и его самого, если онъ будетъ заодно съ дворянами. Все однакоже кончилось только криками и угрозами: черезъ день стрѣльцы одумались, страхъ взялъ свое; пришли они къ патріарху съ челобитьемъ, чтобы великіе государи изволили идти въ Москву, а у нихъ, надвор-

ной пѣхоты, никакого злаго умысла нѣтъ. Не вѣрилъ имъ патріархъ; но, не смѣя прекословить, отправилъ въ Троицу архимандрита Адріана, съ извѣстіемъ о челобитьѣ стрѣльцовъ, наказавъ при этомъ тайно передать царевнѣ, чтобы она не довѣряла стрѣльцамъ. Софья въ это время имѣла уже подъ рукой сильное войско и поэтому могла смѣло отвѣчать стрѣльцамъ. Въ отвѣтъ на челобитье ихъ было прислано повелѣніе: чтобы они по своему обѣщанію служили вѣрно, отъ смятенія перестали, всполоховъ и страхованія въ Москвѣ не дѣлали, за казнь Хованскихъ не вступались, потому измѣна ихъ обнаружена; на нихъ же, стрѣльцовъ, не было никакой царской опалы и никакого гнѣва, а если есть у нихъ какія дѣла, то прислали бы къ царямъ-государямъ челобитчиковъ, по 20 выборныхъ отъ каждаго полка.

Дней нѣсколько стрѣльцы колебались исполнить волю правительницы, но уже не по упорству въ своемысліи, а изъ страха лишиться лучшихъ своихъ людей, полагая, что ихъ всѣхъ тамъ неминуемо казнятъ. Между тѣмъ, для управленія Москвою былъ присланъ бояринъ Головинъ, который своими распоряженіями показалъ стрѣльцамъ, что они не страшны правительству; да и въ Москвѣ ужъ никто не боялся и многіе говорили имъ въ глаза: „Гдѣ вамъ, мужикамъ, владѣть разумными людьми и указывать великимъ государямъ?“ Наконецъ стрѣльцы рѣшились отправить въ Троицу своихъ выборныхъ; но при этомъ попросили патріарха, чтобы для защиты ихъ отъ боярскихъ людей, онъ послалъ съ ними кого-нибудь изъ архіереевъ. Патріархъ отпустилъ съ ними Суздальскаго митрополита Илларіона. Несмотря однакоже на это, выборные отправились въ великомъ страхѣ и многіе даже такъ перетрусили, увидя въ Воздвиженскомъ полки ратныхъ, что бѣжали назадъ въ Москву. Остальные прибыли въ лавру 27 сентября. Софья вышла къ нимъ одна, безъ царей, окруженная только боярами, и сказала: „Божіи люди, какъ не боялись вы Бога, поднимая руку на благочестивыхъ государей, на ихъ царскій домъ и

синклитъ? Вы именуетесь слугами нашими, а гдѣ же ваша служба и покорность?" Стрѣльцы пали ницъ, во всемъ винились, молили о пощадѣ и подали письменную сказку, въ которой изъяснили, что, по примѣру отцевъ и дѣдовъ, служатъ они безъизмѣнно, и впредь служить будутъ безъ всякой шаткости; злоумышленія у нихъ нѣтъ никакого, и впредь не будетъ; взятые ими пушки, порохъ и свинецъ хранятся у нихъ въ цѣлости, и во всемъ они готовы исполнять волю царскую. Правительница согласилась простить, но только на условіяхъ, которыя имъ будутъ объявлены въ Москвѣ. При этомъ она указала имъ ратныхъ людей, собравшихся наказать ихъ. Выборные возвратились въ Москву. Въ воскресенье, 8 октября, патріархъ созвалъ стрѣльцовъ въ Успенскій соборъ. По окончаніи обѣдни поставили на амвонѣ два аналоя: на одномъ положили Евангеліе, на другомъ — руку апостола Андрея Первозваннаго. Вышелъ патріархъ, сказалъ поучительное слово о мирѣ и любви; послѣ этого были прочитаны статьи, присланныя правительницею, въ которыхъ, между прочимъ, требовалось, чтобы впредь не затѣвать никакихъ смутъ, къ раскольникамъ не приставать, о прелестныхъ и смутныхъ письмахъ немедленно доносить; къ начальству въ многолюдствѣ съ шумомъ и наглостію не приходить; самимъ ни съ кѣмъ не управляться; не своевольничать, не грабить; пушки и всякіе снаряды, самовольно взятые съ казеннаго двора, возвратить; у полковниковъ своихъ быть въ слушаніи и подобострастіи, безъ всякаго прекословія; на царскую службу, куда будетъ приказано, идти немедленно. Стрѣльцы все выслушали безъ ропота, цѣловали Евангеліе и руку апостола Андрея Первозваннаго, обѣщая безусловно исполнять волю царей и не щадить за нихъ головы своей.

Москва успокоилась, въ слободахъ водворилась тишина; но дворъ не выѣзжалъ изъ лавры и дворянскіе полки не расходились. Это заставило стрѣльцовъ сдѣлать послѣдній шагъ къ возвращенію полной царской милости: отказаться отъ дня 15 мая, какъ отъ подвига, и признать въ немъ мятежъ и пре-

ступленіе. По внушенію, вѣроятно, со стороны самой Софьи, отъ всѣхъ полковъ подана была челобитная, въ которой говорилось: „Грѣхъ ради нашихъ, боярамъ, думнымъ и всякихъ чиновъ людямъ учинилось отъ насъ побіеніе и тѣмъ мы, холопи ваши, Бога и васъ великихъ государей прогнѣвали; по заводу вора и раскольника Алешки Юдина съ товарищами, по потачкѣ всякому дурну названнаго отца нашего кн. Ив. Хованскаго и сына его Андрея, били челомъ, чтобы на Красной площади сдѣлать столбъ и написать на немъ вины побитыхъ; нынѣ же, видя свое неправое челобитье, просимъ столбъ тотъ съ Красной площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ никакого зазору не было“.

Столбъ былъ сломанъ, и послѣ этой окончательной повинной со стороны стрѣльцовъ, Софья рѣшилась возвратиться въ Москву. При возвращеніи двора въ престольный городъ, на три версты отъ заставы стояли стрѣльцы на колѣняхъ, многіе положа головы на плахи, другіе съ веревками на шеѣ. Несмотря однакоже на такую покорность, зачинщиковъ бунта казнили; начальникомъ стрѣльцовъ назначили Шакловитаго, человѣка надежнаго, строгаго, неуступчиваго; по предложенію его нѣкоторые стрѣлецкіе полки, самые буйные, были высланы изъ Москвы.

Такимъ образомъ Софьѣ удалось очень легко отдѣлаться отъ Хованскаго, усмирить стрѣльцовъ и высвободиться изъ-подъ ихъ гнета; съ этого времени она уже могла свободно дѣйствовать внутри и внѣ государства.

Такимъ образомъ, только благодаря силѣ воли и способностямъ Софьи, которая дѣйствовала съ большимъ благоразуміемъ и твердостью, удалось наконецъ возстановить порядокъ и спокойствіе внутри государства.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Россіи царевна Софья была гораздо менѣе счастлива; только въ 1686 г. ей удалось воспользоваться раздорами Польши съ Турціей и, послѣ успѣшныхъ переговоровъ съ поляками, получить отъ нихъ въ вѣчное владѣніе

городъ Кіевъ, который ранѣе былъ уступленъ Россіи только на два года. Во время правительствованія Софьи, турки своими завоеваніями въ Европѣ дѣлались страшными для всѣхъ государствъ. Они дошли до столицы Австріи, Вѣны и осадили этотъ городъ. Тогда на помощь австрійцамъ явились нѣмецкія государства, и поляки, подъ предводительствомъ своего короля Яна Собіесскаго, освободили Вѣну. Желая къ войнѣ съ турками привлечь и московскихъ царей, поляки снарядили въ Москву посольство для переговоровъ.

Турція становилась и для Россіи очень опаснымъ врагомъ, особенно если она пересилитъ Австрію и Польшу. Благоразуміе требовало приступить къ союзу, но хотѣлось воспользоваться положеніемъ Польши и заставить ее заключить вѣчный миръ, съ уступкою Кіева навсегда Россіи. Поэтому, когда въ маѣ 1684 года прибыли въ Моску послы и приступили къ переговорамъ, то пунктомъ несогласія было то, что поляки не хотѣли уступить Россіи Кіева, безъ чего русскіе не соглашались на союзъ. Военное счастіе стало измѣнять Собіесскому и въ 1685 году, по болѣзни, онъ не могъ самъ предводительствовать войсками. Это заставило его отъ себя отправить пословъ въ Москву; они пріѣхали въ началѣ 1686 года; семь недѣль спорилъ съ ними кн. Голицынъ и товарищи его; послы, видя ихъ неуступчивость, объявили переговоры прерванными, и приготовились къ отъѣзду. Ихъ не удерживали, и они принуждены были возобновить переговоры, „не желая, какъ говорили, столь великаго, славнаго, прибыльнаго дѣла оставить и своихъ трудовъ туне потерять". 21-го апрѣля 1686 года былъ заключенъ миръ. Польша навсегда уступила Россіи Кіевъ; великіе государи обязывались, разорвавъ миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, послать немедленно войско на крымскія переправы, для защиты Польши; при этомъ обѣ державы обязались также не заключать отдѣльнаго мира съ султаномъ.

О заключеніи вѣчнаго мира съ Польшею Софья возвѣстила русскому народу манифестомъ: „Никогда еще, при нашихъ

предкахъ, Россія не заключала такого прибыльнаго мира, какъ нынѣ; отецъ и братъ владѣли Смоленскомъ, Черниговомъ, Малороссійскимъ краемъ только временно, до окончанія перемирія, а богоспасаемый градъ Кіевъ трижды клялись предъ евангеліемъ возвратить Польшѣ. Отнынѣ же все наше и на вѣки". Чтобы сильнѣе убѣдить народъ въ важности заключеннаго мира, совершены молебствія во всемъ государствѣ; всѣ сословія осыпаны наградами: боярамъ, царедворцамъ, людямъ служилымъ прибавлены оклады и помѣстья обращены въ вотчины; людямъ торговымъ и посадскимъ дарованы облегченія. Болѣе же всѣхъ былъ награжденъ кн. Голицынъ; себѣ Софья присвоила титулъ *самодержицы.*

За пріобрѣтеніе Кіева Софья обязалась передъ Польшей объявить крымскимъ татарамъ войну, которая кончилась для Россіи весьма неудачно. Предпринятые въ 1687 и 1689 годахъ походы въ Крымъ доказали всю несостоятельность тогдашняго устройства русскаго войска. Войска русскія два раза принуждены были вернуться, не дойдя даже до Крыма, но тѣмъ не менѣе потерявъ въ стычкахъ съ татарами множество людей убитыми, плѣнными, а также отъ болѣзней, и оставивъ непріятелю несмѣтное число лошадей, обозовъ, пушекъ и другихъ военныхъ снарядовъ. Мало того, крымскіе татары, по слѣдамъ русскихъ войскъ, произвели набѣгъ на Россію и увели въ плѣнъ еще до 60.000 жителей.

Несмотря на полную неудачу этихъ походовъ, Голицынъ увѣрилъ Софью въ небывалыхъ своихъ успѣхахъ въ Крыму, въ которомъ онъ и не былъ, и вмѣстѣ съ другими начальниками былъ щедро награжденъ Софьею. Однако, неудача сдѣлалась вскорѣ извѣстною многимъ и должна была навлечь на правительницу гнѣвъ Петра, какъ скоро онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Таково было семилѣтнее правленіе Софьи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Занятія Петра во время правительствованія Софьи. — Мнѣнія иностранцевъ о малолѣтнемъ Петрѣ. — Пребываніе Петра въ селѣ Преображенскомъ — Обстоятельства, способствовавшія умственному развитію Петра. — Нѣмецкая слобода. — Францъ Тиммерманъ и Брантъ.

Во все время правительствованія Софьи Петръ не принималъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, присутствуя вмѣстѣ съ Іоанномъ лишь при торжественныхъ пріемахъ иноземныхъ пословъ. Съ одной стороны Софья сама не хотѣла посвящать даровитаго брата въ тайны управленія государствомъ, а съ другой — и онъ самъ, по юности лѣтъ, не обращалъ еще большаго вниманія на дѣла, будучи всецѣло занятъ своими потѣхами и удовлетвореніемъ быстро возраставшей въ немъ жажды знаній.

Тѣмъ не менѣе, уже 10 — 11-ти лѣтъ Петръ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своею красотою, физическою силою и замѣчательными умственными способностями. Онъ былъ великъ ростомъ; пятнадцати лѣтъ онъ былъ уже головою выше всѣхъ царедворцевъ. Дивная красота его плѣняла всѣхъ, имѣвшихъ случай видѣть его, а живость его характера часто приводила въ замѣшательство даже степенныхъ московскихъ сановниковъ. Особенно восхищались красотою и умомъ юнаго царя иностранцы, видѣвшіе его на торжественныхъ пріемахъ во дворцѣ. Всѣ они сознавались, что природа щедро одарила

Петра. Неудивительно послѣ этого, что нѣкоторые изъ иностранцевъ, когда узнавали, что Петръ по нездоровью не могъ явиться къ торжественному пріему, соглашались лучше ждать подолгу этого пріема, чтобъ только имѣть возможность увидѣть Петра и не быть принятыми однимъ Іоанномъ. Одинъ изъ этихъ иностранцевъ (путешественникъ Кемпферъ) разсказываетъ слѣдующее о торжественномъ пріемѣ его во дворцѣ, въ 1683 году. Старшій братъ, шестнадцатилѣтній царь Іоаннъ, сидѣлъ на тронѣ почти неподвижно, съ потупленнымъ взоромъ, надвинувъ шапку на глаза, и казался какимъ-то печальнымъ, оставаясь все время совершенно безмолвнымъ. Младшій братъ, одиннадцатилѣтній Петръ, напротивъ, смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ прелестнымъ лицомъ, на которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества. Когда посланникъ подалъ вѣрительную грамату, и оба царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьѣ, Петръ не далъ даже времени дядькамъ приподнять себя и брата, какъ это требовалось обычаемъ, а быстро вставъ самъ съ своего мѣста, приподнялъ царскую шапку и бѣгло заговорилъ обычный привѣтъ: „Его королевское величество, братъ нашъ, каролусъ Свейскій, по здорову-ль?“... По своему росту и умственному развитію, одиннадцатилѣтній Петръ показался при этомъ иностранцамъ не менѣе 16-ти лѣтъ.

Замѣчательно, что Петръ никогда не обнаруживалъ ни малѣйшей зависти или непріязни къ своему болѣзненному и слабому умомъ брату, нѣкоторымъ образомъ являвшемуся соперникомъ ему по престолу. Напротивъ, Петръ нѣжно любилъ Іоанна, всегда находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и искренно уважалъ его за душевную доброту. Все это свидѣтельствовало о прекрасныхъ задаткахъ юнаго сердца Петра. Не даромъ его всѣ тогда любили, даже иностранцы. Когда, въ 1684 году, Петръ заболѣлъ оспою, иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, сильно безпокоились за его жизнь; по случаю же его выздоровленія, они устроили даже

празднества, къ которымъ приглашались многіе русскіе вельможи. Иностранцы даже въ своихъ письмахъ за границу постоянно говорили о Петрѣ, о его занятіяхъ и увеселеніяхъ, о замѣчательныхъ способностяхъ и физической силѣ и о добрыхъ отношеніяхъ его къ брату Іоанну, и доносили своимъ государямъ, что „отъ Петра можно при совершеннолѣтіи ожидать храбрыхъ и славныхъ подвиговъ".

Къ сожалѣнію, потрясающія событія, послѣдовавшія за избраніемъ его на царство, и вообще грубость нравовъ тогдашняго общества не могли остаться безъ вліянія на воспріимчивую натуру юнаго царя. Еще до избранія его на царство, удаленія и гоненія раздражали геніальнаго ребенка. Теперь же страшныя, кровавыя сцены 15-го мая, убійства на глазахъ его дяди и Матвѣева, мучительная смерть другихъ родныхъ его матери, униженія и отчаяніе самой матери, похищеніе власти Софьею, вѣроломство стрѣльцовъ — все это должно было дѣйствовать разрушительно на пылкій отъ природы характеръ Петра.

Даже по избраніи на царство, Петръ опять терпѣлъ удаленіе и гоненіе. Во все время правленія Софьи, Петръ продолжалъ проживать съ матерью въ селѣ Преображенскомъ. Опять передъ глазами его была вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена и дѣлается Богъ знаетъ что въ государствѣ. Его воспитаніе было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, отъ него удалили; другого ему не дали. У старшихъ братьевъ Петра, послѣ дьяка, выучившаго ихъ грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій. Петру не назначили такого учителя. Огненному мальчику, сгоравшему жаждою любознательности и непереносившему грусти и тоски уединенія, оставалось самому искать занятій, и развлекаться въ кругу сверстниковъ, набранныхъ изъ всѣхъ слоевъ общества, отличавшихся отсутствіемъ образованія, невѣжествомъ и грубостью нравовъ. Такая жизнь, конечно, испортила бы всякую другую натуру, менѣе

даровитую. Но проведенное такимъ образомъ отрочество только лишило геніальнаго Петра нѣкоторой выдержки характера въ обращеніи съ людьми и привило ему нѣкоторыя, лишь чисто внѣшнія привычки окружавшаго его общества. Сверхъ того, вслѣдствіе небреженія правительницы Софьи о правильномъ воспитаніи Петра, онъ не получилъ въ отроческихъ лѣтахъ многихъ необходимыхъ для образованнаго человѣка свѣдѣній. Петръ самъ впослѣдствіи говорилъ со вздохомъ: „Ахъ, еслибы я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно!“ Онъ говорилъ также: „Я желалъ бы лучше не имѣть на рукѣ одного пальца, нежели того, что въ молодости меня не учили“.

Однако, необыкновенно даровитая натура Петра не могла измельчать среди того пренебреженія, на которое онъ былъ осужденъ судьбою; собственною силою пробилъ онъ себѣ выходъ. Петра ничему не учили, но не могли убить въ немъ врожденной любознательности.

Замѣчательно, что Петръ еще въ раннихъ лѣтахъ особенно охотно занимался изученіемъ ремеслъ. Когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, ко двору уже были поставляемы для царевича разныя ремесленныя орудія, какъ-то: инструменты для каменной работы, для печатанія и переплета книгъ, а также столярный верстакъ и токарный станокъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи Петръ оказался знатокомъ многихъ ремеслъ. Такимъ образомъ, юный царь получилъ въ отрочествѣ, можно сказать, ремесленное образованіе. Не трудно объяснить, какимъ образомъ образованіе его приняло въ это время ремесленное направленіе. Выше было уже замѣчено, что Петръ еще въ дѣтствѣ увлекался дѣловою стороною своихъ воинскихъ потѣхъ и книжнаго обученія, благодаря тому обстоятельству, что первые его воспитатели, особенно же Зотовъ, старались направить эти игры и забавы и даже книжное обученіе такъ, чтобы они возможно болѣе удовлетворяли необычайной любознательности царевича.

Съ похищеніемъ власти Софьею, хотя книжное обученіе Петра и прекратилось, но солдатскія его игры продолжались

въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Юному царю по прежнему доставлялись барабаны, копья, знамена, деревянныя пушки, сабли и проч. А разъ любознательность Петра была уже въ дѣтствѣ направлена къ тому, чтобы находить полезную сторону даже въ забавахъ и играхъ, онъ несомнѣнно могъ и теперь, еще болѣе чѣмъ прежде, извлекать для себя пользу изъ своихъ воинскихъ потѣхъ, тѣмъ болѣе, что теперь книжное его обученіе прекратилось, а слѣдовательно вся его необычайная любознательность была направлена только на эти воинскія потѣхи. Петръ обладалъ слишкомъ живымъ характеромъ, слишкомъ подвижной натурой для того, чтобы могъ удовлетворяться только одной какой-либо забавой. Его натура была поистинѣ огненная, кипучая, такъ что онъ даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ не могъ спокойно ходить, а почти бѣгалъ. Могъ ли такой человѣкъ въ самомъ живомъ и подвижномъ возрастѣ, въ раннемъ отрочествѣ, довольствоваться изъ года въ годъ одною и тою же воинскою потѣхою, тѣмъ болѣе, что онъ съ ранняго дѣтства привыкъ искать дѣла даже въ забавахъ? Весьма естественно, поэтому, что Петръ увлекался не только самой игрой въ солдаты, но и изготовленіемъ для этой игры разныхъ необходимыхъ принадлежностей, какъ-то: деревянныхъ пушекъ, копій, знаменъ, и т. п. Хотя всѣ эти предметы доставлялись ему въ огромномъ количествѣ, но потѣшный полкъ его состоялъ изъ множества сверстниковъ, и дѣятельный любознательный Петръ едва-ли могъ утерпѣть, чтобъ не попробовать еще самому изготовлять всѣ эти предметы, необходимые для столь любимой имъ потѣхи. Вѣроятно, съ этой цѣлью двѣнадцатилѣтнему Петру и доставлялись инструменты для каменныхъ работъ, верстаки, токарные станки и проч.

Точно также Петръ относился и къ другимъ своимъ забавамъ и увеселеніямъ. Любознательность его не имѣла границъ. Хотя правильное книжное обученіе его прекратилось, но, несомнѣнно, онъ по прежнему имѣлъ въ своихъ рукахъ много фряжскихъ листовъ, кунштовъ и книгъ, изъ которыхъ нѣко-

торыя были въ дорогихъ переплетахъ. Едва-ли Петръ и тутъ могъ утерпѣть, чтобы, не ограничиваясь чтеніемъ и разсматриваніемъ рисунковъ и книгъ, не попытаться еще самому научиться переплетать ихъ.

Съ другой стороны были и другія обстоятельства, которыя могли способствовать развитію въ немъ охоты къ занятіямъ ремеслами. Еще со временъ Ивана Грознаго русскіе государи, не находя среди своего народа знающихъ мастеровъ, ученыхъ военныхъ и искусныхъ художниковъ, стали выписывать ихъ въ большомъ числѣ изъ-за границы. Прп отцѣ Петра, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Москвѣ образовалась уже изъ этихъ образованныхъ иностранцевъ огромная слобода, прозванная русскими „Нѣмецкою". Эта слобода оказала также большое вліяніе на развитіе Петра, еще въ отроческомъ возрастѣ.

Надо замѣтить, что во время правленія Софьи, нѣкоторымъ образомъ роль дядьки юнаго царя Петра игралъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго Василія Васильевича Голицына. Князь Борисъ Голицынъ былъ человѣкъ умный, энергическій, хорошо образованный, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ. Дѣти Бориса Алексѣевича воспитывались польскими наставниками, и кромѣ того онъ держалъ въ своемъ домѣ польскихъ музыкантовъ. Правда, этотъ образованный по тому времени человѣкъ былъ несвободенъ отъ нѣкоторыхъ пороковъ тогдашняго русскаго общества, какъ напримѣръ отъ наклонности къ вину и нѣкоторой грубости нрава, но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ честный, прямой, водившій знакомство со многими лицами, принадлежавшими къ лучшему обществу того времени; онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ весьма тщательно образованнымъ Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ, сыномъ знаменитаго боярина Матвѣева, а также съ датскимъ резидентомъ и другими образованными лицами. Владѣя разными языками, Борисъ Голицынъ находился въ довольно оживленныхъ сношеніяхъ и со многими жителями Нѣмецкой слободы. Этотъ

выдающійся человѣкъ былъ близкимъ совѣтникомъ и другомъ юнаго царя Петра; онъ былъ непоколебимо ему преданъ, берегъ его интересы и не разъ оказывалъ ему важныя услуги.

Молодой Матвѣевъ, Андрей Артамоновичъ, былъ тоже близкимъ человѣкомъ юному Петру. О Матвѣевѣ иностранцы тогда уже говорили, что онъ очень уменъ, хорошо говоритъ по-латини, любитъ читать и съ жадностью слушать разсказы обо всемъ, что происходило въ Европѣ; онъ имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ и несомнѣнно тоже былъ знакомъ со многими изъ жителей Нѣмецкой слободы, у которыхъ не разъ бывалъ съ Борисомъ Голицынымъ въ гостяхъ.

Кромѣ того, въ это время врачемъ Петра былъ голландецъ фанъ-деръ-Гульстъ, который еще болѣе имѣлъ связей съ жителями Нѣмецкой слободы.

Живя постоянно подъ Москвою, такъ сказать, въ сосѣдствѣ съ Нѣмецкой слободой, населенной преимущественно иноземными мастерами, знатоками ремеслъ и искусствъ, и окруженный образованными людьми, находившимися въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этими иностранцами, юный Петръ, сгоравшій жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ этихъ людей, которые могли его многому научить, о многомъ разсказать. Такимъ образомъ, любовь къ ремесламъ отчасти могла развиться въ Петрѣ подъ вліяніемъ близости его къ Нѣмецкой слободѣ. И это не было простою случайностью. Выше было уже говорено, какъ мало были развиты въ это время въ Россіи искусства и ремесла. Все, что встрѣчалось замѣчательнаго въ этомъ отношеніи въ домахъ русскихъ вельможъ, было доставляемо изъ-за границы, или же изготовлено обитателями Нѣмецкой слободы. Между русскими людьми находились еще нѣкоторыя лица, которыя увлекались книжнымъ европейскимъ образованіемъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ обратить вниманія на занятія какими-либо искусствами или мастерствомъ по европейскому образцу, не придавая этому большаго значенія, или же считая подобныя за-

нятія унизительными для себя. Юный же Петръ, при его необыкновенной любознательности и при развитомъ въ немъ въ дѣтствѣ страстномъ стремленіи извлекать пользу изъ всего, живя по сосѣдству съ Нѣмецкой слободою, населенною искусными мастерами, и окруженный съ дѣтства нѣкоторыми изъ предметовъ, вышедшихъ изъ рукъ этихъ мастеровъ, неминуемо долженъ былъ обратить свое вниманіе и на эти, столь рѣдкія тогда въ Россіи, произведенія иноземнаго искусства.

Такимъ образомъ, царь Петръ, отчасти благодаря счастливой случайности, но, главнымъ образомъ, благодаря историческимъ условіямъ и своимъ необыкновеннымъ способностямъ, долженъ былъ сдѣлаться первымъ русскимъ мастеромъ.

Скоро юному Петру представился случай войти въ непосредственныя сношенія съ нѣкоторыми изъ жителей Нѣмецкой слободы. Случаи эти имѣли важное значеніе для послѣдующей дѣятельности Петра и доказываютъ, какъ сильна была любознательность въ Петрѣ и до какой степени онъ увлекался всякимъ новымъ для него полезнымъ свѣдѣніемъ, начиная отъ простаго ремесла и кончая высшими науками. Впослѣдствіи самъ Петръ любилъ вспоминать объ этихъ первыхъ шагахъ его къ просвѣщенію.

Посѣщая Нѣмецкую слободу, населенную людьми бывалыми, Петръ увидѣлъ всю разницу между жизнью русскихъ и иностранцевъ. Съ одной стороны замкнутость и отчужденіе обществъ мужскаго отъ женскаго, а съ другой свобода, веселье и приличная безцеремонность. Тамъ женщины не бѣлились, не румянились, не прятались отъ мужчинъ и, пользуясь свободою, держали себя скромно и прилично. Эти люди въ дружеской бесѣдѣ, за кружкой пива, разсказывали Петру объ образованіи на Западѣ, о наукахъ, при чемъ Петръ не могъ не видѣть всю отсталость русскихъ людей.

Въ 1686 году князь Яковъ Долгорукій, назначенный посломъ къ французскому королю, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ, и

между прочимъ, упомянулъ, что у него былъ любопытный инструментъ, называемый астролябіей, которымъ можно опредѣлять разстояніе до любаго мѣста, не доходя до этого мѣста. Любознательный Петръ тотчасъ же пожелалъ видѣть этотъ инструментъ, но князь Долгорукій отвѣтилъ, что инструментъ этотъ у него украли. Такъ какъ Долгорукій собирался ѣхать во Францію, то Петръ, сильно заинтересованный астролябіей, сказалъ ему: „Купи мнѣ инструментъ во Франціи“. Долгорукій взялся исполнить это порученіе. Въ 1688 году онъ вернулся изъ Франціи и привезъ съ собою астролябію и ящикъ съ разными математическими инструментами — циркулями, трехугольниками и проч. Получивъ эти инструменты, Петръ не могъ, однако, ни отъ кого изъ окружавшихъ его лицъ добиться, какъ пользоваться этими инструментами и для какой цѣли они служатъ. Тогда царь обратился къ своему доктору-нѣмцу, но даже и тотъ не умѣлъ владѣть названными инструментами, но по крайней мѣрѣ сказалъ, что сыщетъ знающаго человѣка. Дѣйствительно, онъ привелъ къ Петру одного изъ обитателей Нѣмецкой слободы, простаго ремесленника, голландца Франца Тиммермана, который и объяснилъ царю значеніе привезенныхъ вещей. Петра такъ заинтересовали объясненія Тиммермана, что онъ приблизилъ къ себѣ этого скромнаго ремесленника, и съ тѣхъ поръ Тиммерманъ сталъ бывать при дворѣ постоянно. Оказалось, что Тиммерманъ зналъ ариѳметику, геометрію и фортификацію, и Петръ тотчасъ же началъ у него учиться этимъ наукамъ. Бѣдному голландцу и во снѣ не снилось быть царскимъ учителемъ. Правда, учитель простыхъ ремесленниковъ былъ небольшой знатокъ своего дѣла, и притомъ, занимаясь промыслами въ Москвѣ, онъ уже многое перезабылъ и изъ того, что зналъ, но ему достаточно было сдѣлать Петру кой-какія указанія, и талантливый ученикъ скоро самъ добирался до остальнаго.

Сохранились до сихъ поръ нѣкоторыя изъ учебныхъ тетрадей Петра отъ того времени, когда онъ, подъ руковод-

ствомъ Тиммермана, изучалъ ариѳметику и геометрію. Тетради эти свидѣтельствуютъ, до какой степени было заброшено предшествовавшее книжное обученіе Петра. На шестнадцатомъ году отъ роду, Петръ едва умѣлъ выводить буквы и постоянно дѣлалъ описки, недописки и грубѣйшія ошибки противъ правилъ тогдашняго правописанія. Но, несмотря на это, Петръ съ такимъ жаромъ, съ такою понятливостью принялся за упомянутыя науки, что быстро переходилъ отъ первыхъ началъ ариѳметики къ труднѣйшимъ задачамъ геометріи.

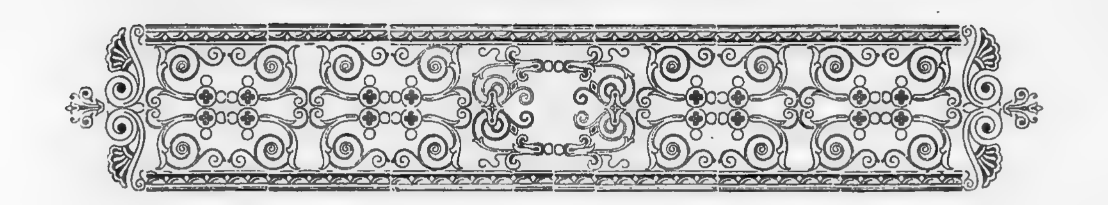
Заручившись такимъ свѣдущимъ человѣкомъ, какъ Тиммерманъ, Петръ не ограничивался ученіемъ съ нимъ въ четырехъ стѣнахъ; любознательный ученикъ таскалъ за собою Тиммермана всюду, разспрашивая его о всякомъ встрѣчавшемся новомъ предметѣ. Однажды они ходили, такимъ образомъ, вмѣстѣ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, на льняномъ дворѣ, разсматривая въ амбарахъ старыя вещи, принадлежавшія двоюродному брату царя Михаила Ѳеодоровича, знаменитому Никитѣ Ивановичу Романову, отличавшемуся въ свое время большимъ образованіемъ и замѣчательною любознательностью. Между прочими вещами Петръ увидѣлъ здѣсь поломанное иностранное судно, показавшееся ему по виду и по прочности гораздо лучше видѣнныхъ имъ дотолѣ русскихъ судовъ. Петръ спросилъ Тиммермана, что это за судно? Тотъ отвѣчалъ, что это англійскій ботъ. Петръ заинтересовался. —„Гдѣ его употребляютъ?“ спросилъ онъ. —„При корабляхъ для ѣзды и возки“, объяснилъ Тиммерманъ. —„Какое преимущество имѣетъ надъ нашими судами?“ неотступно продолжалъ разспрашивать нѣмца любознательный юноша. Тиммерманъ отвѣтилъ, что судно это имѣетъ то преимущество передъ русскими судами, что ходитъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра... Отвѣтъ этотъ привелъ Петра въ необычайное удивленіе и показался ему даже невѣроятнымъ...—„А есть ли такой человѣкъ, который бы починилъ ботъ и показалъ мнѣ

ходъ судна?“ живо переспросилъ Петръ. Тиммерманъ сказалъ, что знаетъ и приведетъ такого человѣка. Въ скоромъ времени онъ, дѣйствительно, привелъ къ Петру своего пріятеля изъ Нѣмецкой слободы, простаго плотника, старика-голландца, Карштенъ Бранта. Надо замѣтить, что еще царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ однажды построить корабль въ Дѣдиновѣ, на рѣкѣ Окѣ, и спустить его по Волгѣ къ Астрахани; для этого были призваны изъ Голландіи мастера. Построенный и спущенный въ Астрахани корабль („Орелъ“) былъ сожженъ Стенькою Разинымъ. Мастеровые разсѣялись, а одинъ изъ нихъ, служившій на „Орлѣ“ товарищемъ корабельнаго пушкаря, этотъ самый Карштенъ Брантъ, проживалъ теперь въ Москвѣ и заработывалъ себѣ хлѣбъ столярною работою. Вдругъ неожиданное счастье выпало на долю этого бѣднаго плотника: его потребовали къ царю, и онъ остался при немъ. Брантъ, по приказанію Петра, немедленно починилъ ботъ, придѣлалъ мачту и паруса и въ присутствіи Петра началъ плавать по рѣкѣ Яузѣ, лавируя на ботѣ взадъ и впередъ и управляя судномъ съ помощью парусовъ точно послушнымъ конемъ... Петръ удивился такому искусству: „Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало“, говорилъ впослѣдствіи самъ Петръ. Вмѣстѣ съ Брантомъ онъ нѣсколько разъ повторялъ этотъ опытъ, но ботъ не всегда хорошо ворочался, упираясь иногда въ берега. — „Отчего это?“ спросилъ Петръ. Брантъ объяснилъ, что на Яузѣ русло слишкомъ узко. Тогда Петръ приказалъ перевезти ботъ на Просяной прудъ въ селѣ Измайловѣ, но и этотъ прудъ оказался не совсѣмъ удобнымъ для плаванія. „А охота стала часъ отъ часу быть болѣе“, говорилъ послѣ Петръ... Началъ онъ провѣдывать, нѣтъ ли гдѣ по близости большаго озера, и изъ разспросовъ узналъ, что нѣтъ ближе озера, какъ Переяславское, лежащее въ 120 верстахъ отъ Москвы: оно имѣло въ окружности тридцать верстъ, а глубина его достигала шести саженей. Надо было предварительно осмотрѣть это огромное озеро; но Петру тутъ пред-

видѣлось новое препятствіе: Петръ хорошо зналъ, что мать его, царица Наталія Кирилловна, которую онъ очень любилъ, не согласится отпустить его на большое озеро за сотню верстъ, изъ боязни за жизнь слишкомъ смѣлаго сына. Чтобы избѣжать отказа со стороны матери, Петръ выпросился у нея на богомолье къ Троицѣ, а оттуда уже пробрался въ Переяславль и осмотрѣлъ озеро. Видъ обширнаго и красиваго озера, на которомъ ботъ свободно могъ лавировать, окончательно плѣнилъ Петра. По возвращеніи въ Москву онъ уже откровенно сознался матери въ своей страсти къ новой потѣхѣ — судоходству и упросилъ ее отпустить его въ Переяславль, чтобы тамъ заводить суда. Царица, хотя и неохотно, но не могла на этотъ разъ отказать горячо любимому сыну. Тогда Петръ, вмѣстѣ съ Брантомъ и другимъ мастеромъ — Кортомъ, отправился въ Переяславль и заложилъ верфь на озерѣ, при устьѣ впадающей въ него рѣки Трубежа, и тѣмъ положилъ начало русскому кораблестроенію.

Въ то время никто не понималъ порывовъ юнаго Петра. Софья и ея сторонники старались представить эти потѣхи молодаго царя простымъ сумасбродствомъ. Даже мать царя, Наталія Кирилловна, не видѣла въ занятіяхъ сына ничего, кромѣ забавы пылкаго юноши, и, опасаясь враждебныхъ замысловъ Софьи, думала только о томъ, какъ бы остепенить сына. Но въ головѣ геніальнаго восемнадцатилѣтняго юноши тогда уже зародились мысли, которыя, можетъ быть, не снились даже престарѣлымъ и умудреннымъ опытомъ вельможамъ его времени. Петръ уже безповоротно выступилъ на тотъ путь, который велъ къ славѣ и счастію Россіи...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Женитьба Петра.—Безпокойство церевны Софьи.—Злые умыслы противъ Петра.—Удаленіе Петра въ Троицкую лавру.—Удаленіе Софьи въ монастырь.

Въ 1169 году Наталія Кирилловна рѣшилась употребить сильное средство, чтобы привязать Петра къ дому: она нашла ему невѣсту, молодую и красивую дѣвицу Евдокію Ѳедоровну, дочь окольничаго Ларіона Лопухина. Отецъ царской невѣсты, по обычаю того времени, перемѣнилъ старое имя свое Ларіона на новое — Ѳедора. Свадьба совершилась 27 января 1689 года, когда Петру не минуло еще 17 лѣтъ. Петръ не имѣлъ никакого сердечнаго влеченія къ своей супругѣ и женился единственно изъ уваженія къ матери, которую горячо любилъ. Мать надѣялась, что молодой человѣкъ, женившись, по пословицѣ „женится — перемѣнится", начнетъ вести новую жизнь, которая считалась въ то время приличною для царя и важныхъ особъ. Но Петръ вскорѣпослѣ женитьбы, въ апрѣлѣ того же года, какъ только начали вскрываться рѣки, ускакалъ отъ молодой жены въ Переяславль и тамъ опять усердно принялся за постройку судовъ. Отсюда онъ писалъ матери: „Сынишка твой, въ работѣ пребывающій Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа,

и суда всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится“... Чтобъ получить поскорѣе канаты, Петръ нарочно стращаетъ мать, что иначе не скоро возвратится. Но мать, во что бы то ни стало, хотѣла отвлечь его отъ постройки судовъ, и требовала его возвращенія въ Москву, подъ предлогомъ панихиды по царѣ Ѳеодорѣ. Послушный сынъ уклончиво отвѣчалъ матери: „изволила приказать быть въ Москвѣ, и я быть готовъ, только, ей-ей, дѣло есть“. Мать продолжала требовать, чтобъ онъ ѣхалъ въ столицу. Петръ повиновался, пріѣхалъ въ Москву, но черезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на Переяславское озеро. Любя свою мать, онъ въ письмахъ своихъ не могъ все-таки удержаться, чтобы не подѣлиться съ нею удовольствіемъ, какое испытывалъ отъ успѣха своего дѣла. „У насъ—писалъ онъ — все молитвами твоими здорово, и суда удались всѣ зѣло хороши“. Но царица Наталія настойчиво звала его въ Москву. Молодая супруга также скучала о немъ, писала къ нему, называла его „своей радостью“, „свѣтикомъ“, просила пріѣзжать или позволить ей пріѣхать къ нему. Петръ, вызванный настоятельными требованіями матери, лишь съ неохотою вернулся лѣтомъ въ Москву.

Усердно занимаясь съ Брантомъ судостроеніемъ и прилежно изучая, подъ руководствомъ Тиммермана, математическія науки, Петръ, въ то же время, не только не забывалъ солдатскихъ игръ, но уже за нѣсколько времени ранѣе началъ обнаруживать самостоятельность свою и твердость характера. Онъ продолжалъ набирать въ число своихъ войскъ охотниковъ всякаго званія, и нѣсколько лицъ, занимавшихъ впослѣдствіи важные посты, какъ напримѣръ Стрѣшневъ, Головкинъ, Шереметевъ, Борисъ Голицынъ, Левъ Нарышкинъ и другіе, — едва теперь успѣвали доставлять молодому царю разныя принадлежности для его потѣшныхъ войскъ. Въ 1687 году солдатскія игры

Петра приняли необыкновенно большіе размѣры. Число молодыхъ людей, въ нихъ участвовавшихъ, возрасло значительно. То въ Преображенскомъ селѣ, то въ Семеновскомъ, то въ селѣ Воробьевѣ, постоянно были устраиваемы маневры. Здѣсь именно и было положено Петромъ, въ 1687 году, начало русской гвардіи. Изъ потѣшныхъ войскъ составились тогда два правильныхъ полка, названныхъ по имени двухъ царскихъ подмосковныхъ селъ: Преображенскимъ и Семеновскимъ. Съ помощью этихъ потѣшныхъ Петръ соорудилъ тогда на рѣкѣ Яузѣ земляную крѣпость съ орудіями, и далъ ей иностранное названіе Пресбурга, слѣды которой сохранились и по настоящее время близь села Преображенскаго.

Предоставленный въ отношеніи воспитанія своимъ собственнымъ силамъ, нестѣсняемый никѣмъ въ выборѣ учителей, Петръ, подобно тому, какъ въ дѣлѣ судостроенія и обученія наукамъ, долженъ былъ обратиться и въ военномъ дѣлѣ за совѣтами къ иностранцамъ. Еще въ 1683 году, прибывшій въ Россію нѣмецкій офицеръ Зоммеръ приглашенъ былъ, 30 мая, въ день рожденія Петра, устроить въ селѣ Воробьевѣ „потѣшную огнестрѣльную стрѣльбу предъ великимъ Государемъ". По сформированіи Преображенскаго полка, полковникомъ его былъ назначенъ финляндецъ Менгденъ. Начиная же съ 1688 года, Петръ постоянно сталъ обращаться для укомплектованія своего войска къ иностранцу генералу Гордону, проживавшему въ Нѣмецкой слободѣ и занимавшему весьма важное мѣсто на русской военной службѣ еще при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ и, затѣмъ, при царевнѣ Софьѣ. Въ сентябрѣ 1688 года Петръ чрезъ нарочнаго потребовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка пять флейщиковъ и столько же барабанщиковъ. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, заправлявшій всѣми дѣлами при царевнѣ Софьѣ, былъ крайне недоволенъ, узнавъ, что эти люди были отправлены Гордономъ къ молодому царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ этого Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанщиковъ, и Гордонъ, одѣвъ

пять человѣкъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю. Въ октябрѣ было отправлено къ Петру еще 20 флейщиковъ и 30 маленькихъ барабанщиковъ. Въ ноябрѣ уже потребовали всѣхъ барабанщиковъ Гордонова полка къ царю Петру и, сверхъ того, 10 человѣкъ взяты въ конюхи. Такимъ образомъ, потѣшныя войска Петра стали пополняться людьми уже изъ настоящихъ правительственныхъ войскъ, при томъ же обученныхъ иностранцами. Генералъ Гордонъ не считалъ возможнымъ отказать въ этомъ юному царю. Какъ видно, военныя игры Петра, принимавшія все большіе и большіе размѣры, начали обращать на себя серьезное вниманіе даже иностранцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и правительница государства, царевна Софья, видѣла какъ выросталъ и окружалъ себя войсками ея младшій братъ, въ то время, какъ другой братъ — царь Іоаннъ Алексѣевичъ, также женившійся въ это время, слабѣлъ тѣломъ съ каждымъ годомъ. Можно было ожидать, что Петръ вскорѣ будетъ въ состояніи самъ взять въ руки бразды правленія... Въ виду этого, царевна Софья начала заранѣе принимать мѣры, чтобы удержать за собою власть. Еще въ 1686 году, по случаю заключенія вѣчнаго мира съ Польшею и пріобрѣтенія города Кіева, Софья присвоила себѣ титулъ „самодержицы". Этимъ чрезвычайно смѣлымъ поступкомъ царевна нарушила права своихъ братьевъ. По этому поводу царица Наталія Кирилловна рѣзко замѣтила: „Для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ!"...

Софья, однако, стала дѣйствовать еще смѣлѣе. Наканунѣ дня св. митрополита Алексѣя, 19 мая 1686 года, она торжественно явилась передъ народомъ, какъ никогда не являлись даже царицы. Рядомъ съ царями она встала въ храмѣ и участвовала во всей церемоніи въ Чудовомъ монастырѣ. Такіе случаи повторялись чаще и чаще.

Все это возбудило негодованіе въ кругу приверженцевъ и родственниковъ царя Петра. Даже князь Борисъ Голицынъ,

двоюродный братъ любимца Софьи—Василія Голицына, чрезвычайно рѣзко отозвался объ образѣ дѣйствій царевны. Въ свою очередь, и приверженцы Софьи были крайне раздражены этими отзывами о царевнѣ. Начальникъ стрѣльцовъ, Шакловитый, совѣтовалъ Софьѣ: „чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу (то-есть мать Петра) известь!“... Даже князь Василій Голицынъ говорилъ: „для чего и прежде вмѣстѣ съ братьями ее не уходили? Ничего бы теперь не было“. Лицъ, неосторожно высказывавшихъ свою преданность Петру, начали строго наказывать — вырѣзываніемъ языка, отсѣченіемъ пальцевъ и т. п. Въ то-же время Софья опять начала тайныя сношенія со стрѣльцами. Въ августѣ 1687 года, она сказала Шакловитому: „если бы я вздумала вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, провѣдай у стрѣльцовъ, какая будетъ отъ нихъ отповѣдь“. Когда Шакловитый сталъ предлагать начальнымъ людямъ стрѣлецкимъ, чтобы они подали челобитную о короновании правительницы, то они не поддались на обольщенія, какъ онъ ихъ ни уговаривалъ. На вопросъ стрѣльцовъ: да послушаетъ-ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ? онъ сказалъ: „послушаетъ, какъ двинетесь въ Верхъ, да задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича“. „А послушаютъ-ли, прибавили стрѣльцы, патріархъ и бояре?“—„Патріарха, сказалъ Шакловитый, можно перемѣнить, а бояре — о нихъ и думать нечего“. Обѣщали начальные люди поговорить съ товарищами, но и тамъ холодно приняли предложеніе Шакловитаго. Это заставило Софью отказаться отъ своей мысли; но она рѣшилась удержать за собою власть во что бы то ни стало, чья бы кровь для этого ни потребовалась. Ненависть ея преимущественно обращалась на Наталію Кирилловну и противъ нея-то она особенно старалась возбудить стрѣльцовъ. Возвращаясь отъ всенощной изъ Новодѣвичьяго монастыря въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, она стала имъ жаловаться на царицу, что она опять бѣду затѣваетъ, и при этомъ прибавила: „если мы вамъ годны, то стойте за насъ, а если не-

годны, то мы оставимъ государство, пойдемъ съ братомъ, Иваномъ, гдѣ-нибудь келью себѣ искать". Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнять ея волю; но когда она велѣла имъ ждать повѣстки, то большинство отказалось начинать дѣло по набату. „Если точно грозитъ бѣда кому-нибудь изъ царскаго дома, говорили они, то пусть идетъ дѣло законнымъ порядкомъ; пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, того они и возьмутъ, а безъ царскаго указа ничего дѣлать не станутъ, сколько бы ни били въ набатъ". И дѣйствительно, не смотря на всѣ ухищренія Софьи и рвеніе Шакловитаго, не смотря на всѣ наговоры и жалобы царевны на Наталію Кирилловну и преданныхъ ей кн. Бориса Голицына и Льва Нарышкина, дѣло нисколько не подвинулось. Между тѣмъ, съ противной стороны тоже начинали дѣйствовать. Тогда Софья и ея приверженцы начали опять распространять слухи о мнимомъ заговорѣ Наталіи Кирилловны, Бориса Голицына и даже патріарха Іоакима противъ Софьи. Жизнь самого Петра находилась теперь въ нѣкоторой опасности. Царевна два раза призывала къ себѣ стрѣлецкаго полковника Цыклера и говорила ему, чтобы онъ „вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Шакловитымъ учинилъ надъ Государемъ убійство". Самъ Шакловитый много разъ подговаривалъ главнаго клеврета Софьи, Филиппа Сапогова, „какъ пойдетъ царь въ походъ, бросить на пути ручныя гранаты, или украдкою положить ихъ въ потѣшныя сани; или же зажечь ночью нѣсколько дворовъ въ Преображенскомъ и во время смятенія умертвить царя".

Всѣ эти замыслы страшно раздражали пылкаго Петра противъ Софьи и стрѣльцовъ, но онъ не обнаруживалъ своего гнѣва. Эта необычайная сдержанность юнаго царя доказывала необыкновенный умъ его.

Между тѣмъ, царевна Софья повелѣла написать портретъ свой въ коронѣ, съ державою и скипетромъ, и съ надписью, въ которой она снова названа была „самодержицею". Съ этого портрета велѣла печатать оттиски на атласѣ, тафтѣ, объяри

и бумагѣ и раздавать разнымъ людямъ не только въ Россіи, но и за границей. Становилось очевиднымъ, что распря между Софьею и Петромъ близка къ развязкѣ...

Юный царь началъ постепенно принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Еще въ концѣ 1687 года, Петръ приказалъ князю Василію Голицыну докладывать себѣ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало. Съ начала 1686 года, Петръ сталъ посѣщать Боярскую Думу, и разъ ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы... Въ маѣ того же года, братъ матери Петра, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, былъ пожалованъ въ бояре. Все это показывало, что Петръ, не смотря на его увлеченіе въ это время науками, ремеслами, судостроеніемъ и военными упражненіями, намѣревается вскорѣ приступить самъ къ управленію государствомъ.

Въ сентябрѣ 1688 года, Петръ призывалъ къ себѣ одного подъячаго и о чемъ-то долго разспрашивалъ его, что возбудило сильную тревогу среди приверженцевъ Софьи. Отношенія между Петромъ и Софьею были уже такъ натянуты, что 29 іюня 1689 года, въ день имянинъ Петра, не было даже устроено никакого празднества.

Окончательный разладъ обнаружился около того времени, когда войска князя Василія Голицына вернулись изъ втораго крымскаго похода, окончившагося для насъ, благодаря недобросовѣстности Голицына, полною неудачею. 8 іюля 1689 года, былъ крестный ходъ, по случаю праздника Казанской Божіей Матери. Когда въ храмѣ кончилась служба и подняли иконы, Петръ сказалъ Софьѣ, чтобы она въ ходъ не ходила. Она не послушалась, взяла образъ, сама понесла и явилась народу подъ видомъ смиреннаго благочестія. Петръ, наконецъ, не выдержалъ такого притворства, вспыхнулъ, не пошелъ за крестами, и уѣхалъ изъ Москвы. Въ это же время между Софьею и Петромъ произошла ссора по поводу крымскаго похода. Правительница желала во что бы то ни стало наградить военачальниковъ, а Петръ находилъ это въ высшей степени неспра-

ведливымъ. Только 26 іюля, Петръ, не чувствуя еще на своей сторонѣ перевѣса силъ, съ трудомъ согласился дозволить раздачу наградъ. Когда же полководцы и офицеры собрались къ нему для выраженія благодарности за полученныя награды, Петръ снова обнаружилъ свой гнѣвъ и не захотѣлъ допустить ихъ къ себѣ.

Такимъ образомъ, Москва и село Преображенское представляли теперь какъ бы два враждебные лагеря. Обѣ партіи ожидали другъ отъ друга нападенія и, при ожесточеніи враждебныхъ сторонъ, можно было ожидать даже кровопролитія. Правительница располагала стрѣльцами, Петръ — потѣшнымъ войскомъ. Но въ его распоряженіи было все-таки слишкомъ мало силъ, въ сравненіи съ численностью войскъ у правительницы.

7 августа стрѣльцы густою толпою собрались у Кремля. Ночью въ Преображенское прибѣжали нѣкоторые стрѣльцы и другія лица, давшіе клятву передъ крестомъ и евангеліемъ спасти Петра, и дали знать, что въ Москвѣ „умышляется смертное убійство на великаго государя и на государыню царицу“. Петра немедленно разбудили. Прямо съ постели, не успѣвъ надѣть сапогъ, Петръ бросился въ конюшню, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, вскочилъ на нее и скрылся въ ближайшій лѣсъ; туда ему принесли платье; онъ на скоро одѣлся и поскакалъ, въ сопровожденіи немногихъ лицъ, въ Троицкій монастырь, куда измученный пріѣхалъ въ 6 часовъ утра. Его сняли съ коня и уложили въ постель. Обливаясь горькими слезами, онъ разсказалъ настоятелю лавры о случившемся и требовалъ защиты. Стража царя и нѣкоторые царедворцы въ тотъ же день прибыли въ монастырь. Троицкая лавра представляла надежное убѣжище: тутъ можно было защищаться и, въ случаѣ необходимости, выдержать осаду. Между тѣмъ, внезапное удаленіе царя распространило ужасъ въ столицѣ. Но приверженцы Софьи, повидимому, не обращали на это вниманія. Спустя два дня по прибытіи въ лавру, Петръ велѣлъ спро-

сить правительницу, съ какою цѣлью она собрала около себя стрѣльцовъ. Софья возразила, что, намѣреваясь отправиться на богомолье въ какой-то монастырь, считала нужнымъ созвать стрѣльцовъ для ея сопровожденія. Быть можетъ, она тоже хотѣла занять съ войскомъ Троицкую лавру, но Петръ предупредилъ ее.

Переговоры между Петромъ и Софьею, сопровождаемые все усиливавшеюся враждою, тянулись въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, отъ начала августа до половины сентября. Софья сначала рѣшилась принять мѣры для примиренія съ братомъ. Съ этой цѣлью она отправила въ лавру, одного за другимъ, боярина Троекурова, князя Прозоровскаго, наконецъ, патріарха Іоакима. Послѣдній, однако, нашелъ болѣе справедливымъ остаться у Петра. Между тѣмъ, Петръ, получивъ съ разныхъ сторонъ извѣстія о намѣреніяхъ сестры, приказалъ. чтобы стрѣльцы и прочія войска тотчасъ же были отправлены къ нему въ лавру. Тогда Софья созвала во дворецъ всѣхъ полковниковъ со многими рядовыми и объявила имъ, чтобы они не мѣшались въ распрю ея съ братомъ и къ Троицѣ не ходили. „Кто осмѣлится идти къ Троицѣ, — сказала она, — тому велю я отрубить голову“. Петръ повторилъ приказаніе, но Софья постаралась распространить слухъ, что эти приказанія присылаются безъ вѣдома царя. Такимъ образомъ, до конца августа въ распоряженіи Петра находилось лишь не много войска. Но съ этого времени, по примѣру патріарха Іоакима, многіе начали переходить на сторону Петра. 27 августа въ Троицкую лавру прибыли даже нѣкоторые стрѣлецкіе полковники съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ. Софья пыталась-было уговорить этихъ стрѣльцовъ возвратиться въ Москву, но попытка ея осталась безуспѣшною.

При такихъ обстоятельствахъ, Софья сама рѣшилась отправиться въ лавру. Петръ выслалъ къ ней на встрѣчу, въ село Воздвиженское, комнатнаго стольника Бутурлина съ объявленіемъ воли государя, чтобы она въ монастырь не ходила.

Софья отвѣчала съ гнѣвомъ: „конечно, пойду!“ Но изъ лавры прибылъ вскорѣ бояринъ князь Троекуровъ и объявилъ, что, въ случаѣ прихода ея въ лавру, съ нею поступлено будетъ „не честно“. Софья вернулась въ Москву, куда, слѣдомъ за нею, прибылъ изъ Троицы полковникъ Нечаевъ, съ требованіемъ отъ имени царя выдачи Шакловитаго, Медвѣдева и другихъ приверженцевъ Софьи. Медвѣдевъ немедленно бѣжалъ къ польской границѣ, но потомъ былъ пойманъ тамъ и казненъ. Шакловитый тоже сдѣлалъ-было нѣкоторыя приготовленія къ бѣгству: у задняго крыльца Кремлевскаго дворца для него стояла уже осѣдланная лошадь, а у Новодѣвичьяго монастыря находился на готовѣ экипажъ. Однако, онъ не рѣшился бѣжать, опасаясь быть остановленнымъ въ самой Москвѣ стрѣльцами. Князь Василій Голицынъ удалился въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній.

Между тѣмъ, многіе изъ стрѣльцовъ, оставшихся въ Москвѣ, обнаруживали намѣреніе тоже перейти на сторону Петра, и даже наблюдали за тѣмъ, чтобы не бѣжали главные его противники. Иноземцы-офицеры, проживавшіе въ Нѣмецкой слободѣ и игравшіе весьма важную роль въ войскѣ, также дали знать Петру, что не идутъ къ нему только потому, что не знаютъ, будетъ ли ему пріятенъ ихъ приходъ. Такимъ образомъ, Софья была покинута почти всѣми, но она продолжала дѣйствовать неутомимо. То она принимала у себя стрѣльцовъ, то говорила съ толпою народа, стараясь краснорѣчіемъ привлечь всѣхъ на свою сторону и объясняя свою распрю съ братомъ мнимымъ желаніемъ приверженцевъ Петра лишить жизни ее и царя Ивана.

Между тѣмъ, Петръ обратился къ городамъ и областямъ съ призывомъ о доставленіи денегъ и съѣстныхъ припасовъ въ Троицкую лавру. Софья съ своей стороны запретила всѣмъ и каждому возить деньги и припасы къ Троицѣ, требуя, чтобы все это, какъ и прежде, доставлялось въ Москву. Однако, Петръ во всемъ бралъ верхъ.

Споръ въ Грановитой палатѣ.

4 сентября въ Нѣмецкой слободѣ появилась царская грамата, въ которой Петръ приказывалъ всѣмъ иностраннымъ генераламъ, полковникамъ и офицерамъ, въ полномъ вооруженіи и на коняхъ, отправиться къ Троицѣ. Какъ только въ Нѣмецкой слободѣ узнали объ этомъ приказаніи, всѣ тотчасъ же приготовились къ отъѣзду въ Троицкую лавру, гдѣ по прибытіи были приняты царемъ весьма ласково. Стрѣльцы, остававшіеся въ Москвѣ, начали уже рѣшительно дѣйствовать въ пользу Петра. Они схватили нѣкоторыхъ лицъ, считавшихся заговорщиками противъ Петра, и отправили ихъ къ Троицѣ, настаивая передъ Софьею на выдачѣ царю и самого Шакловитаго. Софья въ концѣ-концовъ была вынуждена уступить и этому требованію стрѣльцовъ. Выданный Шакловитый, по требованію патріарха и бояръ, былъ казненъ.

Ближайшій другъ и совѣтникъ Петра, князь Борисъ Голицынъ, тогда же уговорилъ своего двоюроднаго брата, князя Василія Голицына, главнаго любимца Софьи, пріѣхать въ Троицкую лавру съ повинною къ царю. 7 сентября Василій Голицынъ, наконецъ, рѣшился добровольно отправиться къ Троицѣ. Но его не впустили въ монастырь. Однако, благодаря заступничеству его брата, князя Василія Голицына не казнили, а, по лишеніи чести, боярства и имущества, сослали со всѣмъ семействомъ въ нынѣшнюю Архангельскую губернію, гдѣ онъ и умеръ въ 1714 году.

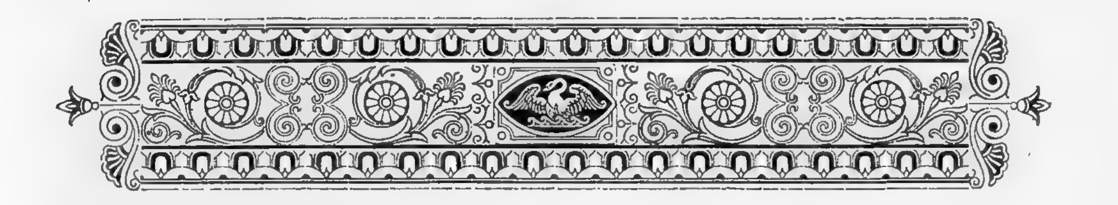
Теперь царевна Софья осталась одна. Судьба ея должна была скоро рѣшиться. Сначала Петръ предупредилъ своего брата, царя Ивана, съ которымъ находился по прежнему въ дружескихъ отношеніяхъ, что пора имъ обоимъ править царствомъ самимъ и удалить Софью отъ правленія. Петръ писалъ брату: „Срамно, Государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ“...

Вскорѣ послѣ того царскимъ указомъ было повелѣно исключить имя царевны изъ всѣхъ указовъ, гдѣ оно доселѣ упоминалось. Затѣмъ былъ посланъ въ Москву бояринъ князь Трое-

куровъ просить Софью удалиться изъ Кремля въ Новодѣвичій монастырь. Покинутая всѣми царевна неохотно, только въ послѣднихъ числахъ сентября, переселилась въ монастырь. Ей дали здѣсь многочисленную прислугу, хорошо убранныя кельи и все необходимое для спокойной жизни. Ей запрещено было только выѣзжать изъ монастыря. Навѣщать ее разрѣшено было только ея теткамъ и сестрамъ, и то въ большіе только праздники.

Извѣстясь, что Софья удалилась изъ дворца, Петръ возвратился въ Москву. Шестого октября толпы москвичей встрѣтили радостными криками своего молодаго царя, уничтожившаго крамольныхъ. Помолившись, онъ вошелъ во дворецъ; на Красномъ крыльцѣ его встрѣтилъ царь Иванъ. Братья обнялись и заплакали. Иванъ хотѣлъ-было отказаться отъ престола, но Петръ упросилъ его сохранить старшинство на тронѣ и оставаться по прежнему царемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Знакомство Петра съ Гордономъ и Лефортомъ. — Заслуги этихъ иностранцевъ. — Дѣловыя забавы Петра. — Его неутомимость.

Черезъ нѣсколько дней по окончаніи распри съ сестрою, Петръ назначилъ на разныя правительственныя должности вельможъ по своему выбору.

Такимъ образомъ началось дѣйствительное царствованіе Петра. Въ это время ему было 17 лѣтъ отъ роду, а царю Ивану 22 года.

Однако, и послѣ этого юный Петръ еще нѣсколько лѣтъ не принималъ серьезнаго участія въ управленіи государственными дѣлами. Все свое время онъ и теперь продолжалъ посвящать любимымъ своимъ занятіямъ: ученію и потѣхамъ. Управленіе государственными дѣлами онъ предоставилъ избраннымъ вельможамъ и частью царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Вслѣдствіе этого, несмотря на все расположеніе Петра къ иностранцамъ, противъ нихъ начались въ то время нѣкоторыя притѣсненія, которыхъ не дѣлала даже царевна Софья. Особенно не любилъ иноземцевъ патріархъ Іоакимъ, который имѣлъ теперь сильное вліяніе при дворѣ. Онъ осуждалъ и прежде предоставленіе иностранцамъ должности офицеровъ и былъ вообще недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругу высшаго общества и при дворѣ. Въ 1690 году патріархъ Іоакимъ умеръ и оставилъ завѣщаніе,

въ которомъ писалъ, что не должно имѣть „общенія съ латины, лютеры, кальвины, безбожными татары“ и что онъ молитъ царей, „да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми“.

Нужна была желѣзная воля Петра, чтобы защитить своихъ товарищей отъ общей къ нимъ ненависти. Въ первые дни единодержавія Петра, одинъ изъ обывателей Нѣмецкой слободы былъ сожженъ въ Москвѣ на болотѣ, какъ еретикъ; вслѣдъ затѣмъ былъ обнародованъ строжайшій указъ не впускать въ Россію ни одного иноземца безъ особаго царскаго повелѣнія; намѣревались даже сломать всѣ кирки въ слободѣ, какъ нечестивыя капища. Патріархъ Іоакимъ, въ оставленномъ имъ завѣщаніи, увѣщевалъ государей не допускать православныхъ дружиться съ еретиками-иноземцами, запретить имъ строить свои мольбища, выстроенныя же сломать и не допускать ихъ быть начальниками въ полкахъ. „Какая помощь, писалъ онъ, можетъ быть отъ нихъ православному? Только гнѣвъ Божій наводятъ. Когда православные молятся, еретики спятъ; христіане просятъ помощи у Богородицы и всѣхъ святыхъ — еретики надъ всѣмъ этимъ смѣются; христіане постятся — еретики никогда“. Что царица-мать была тоже противъ иноземцевъ, это доказывается тѣмъ, что по смерти Іоакима, по ея настоянію, былъ избранъ въ преемники казанскій митрополитъ Адріанъ, между тѣмъ какъ Петръ желалъ видѣть на патріаршемъ престолѣ псковскаго митрополита Маркелла, человѣка умнаго и здравомыслящаго, не возстававшаго противъ иноземцевъ и нововведеній. Неблаговоленіе свое къ иноземцамъ царица-мать выказывала даже всенародно: въ день тезоименитства своего, напримѣръ, жалуя изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, гостей и купцовъ, она не только не удостоивала этой чести генераловъ и полковниковъ иноземныхъ, но не впускала ихъ даже въ свои покои. Царица, жена Петра, суевѣрная, ревнивая

и безпрерывно подстрекаемая своей грубой родней, видѣла въ иноземцахъ нехристей и развратниковъ; сестры Петра, постоянно окруженныя ханжами и юродивыми, смотрѣли на иноземцевъ съ такимъ же отвращеніемъ; только самая младшая сестра, Наталія Алексѣевна, пламенно любила все, что нравилось ея брату. Такое общее противодѣйствіе, при пылкости и самостоятельности характера Петра, только раздражало его, но не отклоняло отъ избранной имъ цѣли.

Самъ Петръ, привыкшій съ дѣтства самостоятельно распоряжаться собою, пользовался и теперь совершенною свободою въ своей частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ. Будучи преданъ православной вѣрѣ и не обращая никакого вниманія на вѣру иноземцевъ, онъ былъ убѣжденъ, что только иностранцы своими познаніями въ наукахъ, искусствахъ, ремеслахъ и военномъ дѣлѣ могутъ удовлетворить его безграничной любознательности и принести громадную пользу Россіи. До удаленія Софьи изъ Москвы, отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались близкимъ знакомствомъ лишь съ простыми ремесленниками, каковы—Тиммерманъ и Брантъ. Послѣ же паденія Софьи, когда всѣ состоявшіе на военной службѣ иноземцы, поступили въ полное его распоряженіе, Петръ могъ завязать близкое знакомство уже съ такими выдающимися личностями, какъ генералъ Гордонъ и полковникъ Лефортъ, бывшіе знатоками военнаго искусства и отличавшіеся многостороннимъ образованіемъ. Петръ въ первый разъ познакомился съ ними въ Троицкой лаврѣ, куда они прибыли по приказанію его изъ Нѣмецкой слободы, въ числѣ прочихъ иноземныхъ офицеровъ.

Особенно могъ быть полезенъ Петру своими обширными познаніями генералъ Гордонъ. Патрикъ Гордонъ по происхожденію былъ шотландецъ и принадлежалъ къ знатному роду. Его двоюродный братъ, герцогъ Гордонъ, былъ губернаторомъ въ городѣ Эдинбургѣ. Покинувъ рано родину, Патрикъ Гордонъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ, а съ 1660 года состоялъ въ русской службѣ. Опытность въ дѣлахъ,

многостороннее образованіе, добросовѣстность, твердость характера и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи еще при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ.

Онъ участвовалъ во многихъ русскихъ походахъ и нѣсколько лѣтъ былъ комендантомъ Кіева. Правда, онъ нѣсколько разъ просился отпустить его на родину, въ Шотландію, куда онъ надѣялся вернуться до послѣднихъ дней своей жизни, но русское правительство нуждалось въ немъ и всякій разъ уговаривало его остаться на русской службѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ также пользовался довѣріемъ и, какъ человѣкъ серьезный, образованный, зажиточный и обходительный, игралъ тамъ весьма важную роль. Онъ имѣлъ большія связи за границей, велъ обширную переписку со многими знатными иностранцами, обладалъ разнообразными свѣдѣніями объ иностранныхъ государствахъ и былъ лично извѣстенъ нѣкоторымъ европейскимъ королямъ. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ и часто получалъ изъ Англіи карты, инструменты, оружіе и ученыя сочиненія; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями въ Англіи, считался опытнымъ инженеромъ, часто оказывалъ важныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Будучи преданъ серьезнымъ занятіямъ и часто хворая, онъ, однако, могъ быть веселымъ собесѣдникомъ. Проживъ около тридцати лѣтъ въ Россіи, Гордонъ вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этихъ условіяхъ онъ могъ сдѣлаться весьма полезнымъ наставникомъ юнаго Петра.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ перваго знакомства Петра съ Гордономъ въ Троицкомъ монастырѣ, между ними установились постоянныя сношенія, и молодой царь ежедневно началъ любоваться военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпомъ и проч. Иногда Гордонъ проводилъ съ Петромъ цѣлые дни, занимаясь опытами

надъ военными снарядами. На дому у Гордона царь бывалъ также весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка; иногда онъ бралъ у Гордона книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюнтера, книги изъ-за границы. Разъ Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда пригласилъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Многое могъ узнать Петръ отъ Гордона и объ иноземныхъ государствахъ, и вообще обо всемъ, что происходило на Западѣ. Въ этомъ случаѣ бесѣды Гордона могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ.

Эти отношенія къ Гордону принесли юному царю большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военнаго искусства и пріучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Гордонъ часто также забавлялъ юнаго царя приготовленіемъ фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта новая потѣха. Самъ Гордонъ, сынъ его и зять часто трудились съ Петромъ надъ фейерверками въ царской лабораторіи. Однажды Петръ устроилъ состязаніе въ приготовленіи фейерверка между русскими и иностранцами; фейерверкъ иностранцевъ вышелъ отличный; на другой день былъ спущенъ фейерверкъ русскихъ, который также произвелъ хорошее впечатлѣніе При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Естественно привязываясь, такимъ образомъ, къ иностранцамъ, такъ какъ отъ нихъ только любознательный юноша могъ получить отвѣты на всѣ свои распросы, Петръ не ограничился близкимъ знакомствомъ съ однимъ многосвѣдущимъ Гордономъ, но нашелъ себѣ еще болѣе близкаго друга и собесѣдника въ

иноземцѣ полковникѣ Лефортѣ. Никто изъ иностранцевъ до такой степени не понравился Петру, какъ Лефортъ. Францъ Яковлевичъ родомъ былъ швейцарецъ, сынъ зажиточнаго женевскаго гражданина, занимавшагося торговлей. Онъ былъ на 19 лѣтъ старше Петра, но гораздо моложе Гордона. Въ молодости Лефортъ много путешествовалъ, былъ въ Голландіи, оттуда перешелъ въ Данію, гдѣ учился военному искусству, и въ 1675 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, прибылъ съ датскимъ посланникомъ въ Архангельскъ, искать счастья въ Московскомъ государствѣ. Подобно другимъ иноземцамъ, Лефортъ поступилъ въ Москвѣ на военную службу и пользовался при царевнѣ Софьѣ расположеніемъ князя Василія Голицына, получивъ чрезъ него чинъ полковника. Лефортъ скоро выучился по-русски, женился въ Россіи на иноземкѣ изъ богатой семьи и купилъ себѣ домъ въ Нѣмецкой слободѣ. Онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями въ Нѣмецкой слободѣ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы и знатные дипломаты были равно покровителями Лефорта.

Петръ питалъ необыкновенно трогательную привязанность къ этому добродушному человѣку. Лефортъ несомнѣнно былъ талантливый человѣкъ, хотя и не имѣлъ той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какими отличался Гордонъ. За то Лефортъ былъ дорогъ для Петра, главнымъ образомъ, своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, веселымъ нравомъ, честностью и безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра. Лефортъ, по своему характеру и наклонностямъ, оставался юношею до гроба; по своей широкой натурѣ онъ ближе подходилъ къ русскимъ, чѣмъ другіе иноземцы: любилъ удовольствія веселой жизни, дружескія пирушки, танцы и музыку, и въ то же время умѣлъ обо всемъ хорошо говорить и былъ необыкновенно пріятнымъ собесѣдникомъ. Въ этомъ качествѣ и заключалась причина, почему Петръ привязался къ этому человѣку. Къ тому же, Лефортъ обла-

далъ рѣдкимъ добродушіемъ. Пользуясь благосклонностью и привязанностью царя, Лефортъ никому не вредилъ, не имѣлъ ни капли высокомѣрія, которымъ часто вооружали противъ себя живущіе среди русскихъ иностранцы: своимъ вліяніемъ на царя онъ отнюдь не старался выводить впередъ иностранцевъ передъ русскими, а, напротивъ, совѣтывалъ Петру приближать къ себѣ русскихъ, возвышать ихъ, и самъ постоянно былъ преданъ Россіи, въ которой нашелъ себѣ новое отечество. Онъ совсѣмъ пересталъ быть швейцарцемъ, вовсе и не думалъ о возвращеніи на родину, и вся его жизнь сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру. Въ свою очередь и Петръ любилъ Лефорта всею душою. Онъ никому не позволялъ чѣмъ-нибудь обидѣть Франца, всегда самъ заступался за него, и никто изъ приближенныхъ къ Петру не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе духа царя, какъ Лефортъ. Когда Лефортъ умеръ, Петръ, какъ разсказываютъ, воскликнулъ: „Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?"

Францъ Лефортъ, много путешествовавшій въ молодости и умѣвшій обо всемъ хорошо говорить, могъ принести также огромную пользу Петру своими оживленными разсказами объ европейской жизни, о тамошнихъ порядкахъ, нравахъ и обычаяхъ; онъ съ восторгомъ и съ жаромъ говорилъ передъ Петромъ о кораблестроеніи и военномъ искусствѣ. Вѣроятно, съ цѣлью болѣе заинтересовать Петра устройствомъ иностранныхъ войскъ, Лефортъ самъ лично являлся передъ царемъ то въ той, то въ другой иноземной формѣ; съ позволенія Петра переодѣвалъ русскихъ солдатъ въ иностранные мундиры, обучалъ ихъ въ глазахъ царя военнымъ эволюціямъ и приводилъ его въ восторгъ.

Полезною школою для Петра было и знакомство его съ другими иностранцами. Андрей Виніусъ, сынъ зажиточнаго голландскаго купца, занимавшійся еще при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, могъ разсказать Петру

о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на Западѣ. Виніусъ, въ качествѣ посла, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, завѣдывалъ нѣкоторое время Аптекарскимъ приказомъ, въ первое время царствованія Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это одно званіе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ видѣлся весьма часто съ Виніусомъ, давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и проч. Черезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-ремесленниковъ. Виніусъ былъ еще болѣе полезенъ для Петра.

Баронъ Келлеръ, голландскій посланникъ, съ которымъ Петръ видѣлся также весьма часто, сообщалъ ему разныя свѣдѣнія о Голландіи, о всемірномъ значеніи голландской торговли, промышленности и проч. Чрезъ Келлера и другихъ иностранцевъ Петръ узнавалъ также о подробностяхъ войны, происходившей въ то время между Англіей и Голландіей съ одной стороны, и Франціею — съ другой.

Между другими иноземцами, окружавшими Петра въ это время, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюсса, Андрея Кревета и др. Связи Петра съ иностранцами на столько уже развились къ этому времени, что въ 1691 году Петръ вступилъ даже въ переписку съ извѣстнымъ голландскимъ ученымъ, амстердамскимъ бургомистромъ Николаемъ Витзеномъ, который писалъ ему подробно о средствахъ развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Персіею.

Государственными дѣлами, какъ было уже упомянуто выше, Петръ въ это время еще не занимался. Управленіе дѣлами онъ предоставилъ русскимъ вельможамъ, главнымъ образомъ — брату царицы Наталіи, Льву Кирилловичу Нарышкину, а также князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Начальниками важнѣйшихъ приказовъ были бояре: Троекуровъ, Стрѣшневъ, Прозоровскій, Головинъ, Шереметевъ, Долгорукій и Лыковъ. Въ числѣ

приближенныхъ Петру русскихъ вельможъ были еще Апраксинъ, Плещеевъ, Ромодановскій и др. Многіе изъ этихъ русскихъ вельможъ находились также въ близкихъ сношеніяхъ съ иноземцами и вполнѣ сознавали превосходство ихъ образованія. Князь Долгорукій, ѣздившій въ 1687 году посломъ во Францію и Италію, на пути туда пробылъ нѣкоторое время въ Голландіи и былъ очарованъ государственнымъ и общественнымъ бытомъ этой страны, имѣвшей въ то время значеніе первоклассной державы. Разсказы Долгорукаго о Голландіи, послѣ его возвращенія въ Россію, производили глубокое впечатлѣніе на Петра.

Окруживъ себя, такимъ образомъ, образованными иностранцами и русскими людьми, цѣнившими значеніе европейскаго образованія, Петръ скоро пріобрѣлъ много новыхъ свѣдѣній о западныхъ государствахъ и съ усиленнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за отношеніями ихъ другъ къ другу, за ходомъ войны между Англіею и Франціею и вообще за событіями въ западной Европѣ, чего прежде русскіе люди вовсе не дѣлали. Особенно Петръ восхищался успѣхами англійскаго короля Вильгельма III-го. Однажды онъ выразилъ даже желаніе лично участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ Англіи противъ Франціи, подъ руководствомъ самого короля. Когда, лѣтомъ 1692 года, англичане на морѣ одержали побѣду надъ французами, Петръ, находившійся въ то время на Переяславскомъ озерѣ, праздновалъ это событіе залпомъ изъ пушекъ новопостроенныхъ судовъ.

Въ то же время, Петръ, чрезъ знакомство съ учеными иностранцами, пріобрѣлъ свѣдѣнія по нѣкоторымъ изъ иностранныхъ языковъ и такимъ образомъ получилъ возможность прочитать не мало заграничныхъ книгъ, по разнымъ интересовавшимъ его предметамъ. Образованные иноземцы облегчали ему самый выборъ книгъ. Все это въ значительной степени пополняло недостатокъ полученнаго Петромъ въ отрочествѣ образованія, и въ высшей степени способствовало удовлетворенію въ немъ пламенной жажды знаній.

Особенно же содѣйствовало это знакомство Петра съ образованными иноземцами развитію еще ранѣе проявившейся въ немъ страсти къ кораблестроенію и военнымъ упражненіямъ.

Выше было уже говорено, въ какой мѣрѣ иноземцы изъ Нѣмецкой слободы, Тиммерманъ и Брантъ содѣйствовали проявленію въ Петрѣ необычайнаго интереса къ первымъ опытамъ плаванія по Переяславскому озеру и къ постройкѣ судовъ. Эти занятія принимали теперь все бо́льшие и бо́льшие размѣры. Располагая послѣ удаленія Софьи въ монастырь бо́льшими средствами и полною свободою, Петръ могъ уже теперь заняться всѣмъ этимъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ прежде.

На Переяславскомъ озерѣ, еще въ 1689 году, была заложена верфь. На ней были построены, подъ руководствомъ голландцевъ Карстена Бранта и Корта, два малыхъ фрегата и три яхты. Самъ царь въ это время, между прочимъ, упражнялся въ постройкѣ небольшихъ гребныхъ судовъ на Москвѣ-рѣкѣ. Въ концѣ лѣта 1691 года, Петръ снова отправился въ Переяславль. Сгорая страстью къ кораблестроенію, молодой царь началъ здѣсь работать самъ, въ качествѣ корабельнаго плотника... Зимою на 1692 годъ, Петръ заложилъ тамъ первый русскій военный корабль, поручивъ главное завѣдываніе надъ постройкой его Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, назвавши его адмираломъ россійскаго флота, котораго еще не было въ дѣйствительности. Самъ Петръ работалъ на кораблѣ съ такимъ усердіемъ, что не безъ труда его уговорили прервать на короткое время занятіе для путешествія въ Москву, гдѣ ему нужно было дать торжественную аудіенцію персидскому посланнику. Къ веснѣ 1692 года корабль былъ готовъ. Спускъ новаго корабля на воду происходилъ 1-го мая торжественно, съ колокольнымъ звономъ, при чемъ были устроены разныя празднества. Для участія при спускѣ корабля должны были пріѣхать въ Переяславль даже мать царя и его супруга.

Еще съ бо́льшимъ увлеченіемъ Петръ занялся, въ то же время, военными упражненіями, которыя приняли на этотъ разъ

такіе размѣры, что представляли разомъ и забаву, и серьезное средство обученія. Царь самъ надѣлъ иноземный военный мундиръ и вздумалъ пройти всю военную службу, начиная съ чина барабанщика, самъ учился всякимъ пріемамъ военнаго искусства, и, при необыкновенной своей воспріимчивости, скоро пріобрѣлъ навыкъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, устроивать плавучіе мосты, мины, копать шанцы и проч. Выше было уже замѣчено, что непосредственно послѣ удаленія Софьи въ монастырь, Петръ чуть ли не ежедневно былъ свидѣтелемъ военныхъ упражненій, устраиваемыхъ Гордономъ и Лефортомъ, котораго онъ произвелъ въ генералъ-маіоры. Все это было, такъ сказать, только приготовленіемъ къ большимъ маневрамъ или примѣрнымъ битвамъ, которыя начались лѣтомъ 1690 года. Главный характеръ этихъ военныхъ упражненій заключался въ томъ, что потѣшное войско боролось со стрѣльцами. Главнокомандующими были назначаемы русскіе, но на дѣлѣ главными руководителями являлись все-таки иностранцы. Эти примѣрныя сраженія были не совсѣмъ безопасны: бывали случаи серьезнаго поврежденія ручными гранатами и горшками, начиненными горючими веществами. 2 іюня 1690 года, по случаю такъ называемаго перваго Семеновскаго похода, одинъ изъ такихъ горшковъ лопнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ близъ него офицеровъ. Въ другомъ такомъ сраженіи, происходившемъ 4 сентября того же года, было много раненыхъ, и самъ генералъ Гордонъ былъ также раненъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна, а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели. Въ слѣдующемъ, 1691 году, осенью, маневры приняли еще бóльшіе размѣры. Войска были раздѣлены на двѣ половины: одна должна была защищать „Пресбургское“ укрѣпленіе, построенное близь села Преображенскаго, другая — взять его. Маневры кончились отчаяннымъ штурмомъ крѣпости „Пресбургской“, защищаемой безуспѣшно стрѣлецкимъ войскомъ, подъ начальствомъ Бутурлина. Войска Петра бились „накрѣпко“,

„съ яростью“, — и взяли крѣпость. Князь Иванъ Долгорукій, жестоко раненый при этомъ въ правую руку, умеръ на девятый день; было много раненыхъ. Петръ, Лефортъ и Гордонъ принимали самое дѣятельное участіе въ этомъ сраженіи.

Всѣ эти потѣхи служили отчасти удовлетвореніемъ той сильной жажды дѣятельности и великихъ подвиговъ, которая все больше охватывала душу молодаго царя. Нельзя не удивляться при этомъ рабочей силѣ, предпріимчивости и энергіи двадцатилѣтняго Петра. Кораблестроеніе, чтеніе книгъ — русскихъ и иностранныхъ,— военныя упражненія, ученые разговоры съ иноземцами объ исторіи, политикѣ, торговлѣ и разныхъ предметахъ промышленности, химическіе опыты въ лабораторіи, занятія разными ремеслами—непосредственно слѣдовали другъ за другомъ. То можно было видѣть двадцатилѣтняго царя въ церкви, читавшимъ апостола, или пѣвшимъ басомъ на клиросѣ, вмѣстѣ съ пѣвчими, то на кораблѣ, лазившимъ по мачтамъ и реямъ, то въ полѣ въ рядахъ потѣшныхъ войскъ, заряжавшимъ по командѣ пушку, или взбиравшимся съ товарищами на крѣпостную стѣну, то въ какомъ-нибудь домѣ, участвовавшимъ въ горячемъ спорѣ съ учеными нѣмцами; часто онъ утромъ рано, съ топоромъ въ рукахъ, отправлялся на верфь, гдѣ работалъ до поту надъ постройкою судовъ. По свидѣтельству современниковъ, къ одной яхтѣ, при ея постройкѣ, не прикасалась ни одна рука, кромѣ царской...

Не мудрено, что двадцатилѣтній царь, превратившись въ солдата, матроса и ремесленника, подчасъ любилъ отдыхать отъ труда, какъ отдыхали его товарищи—на верфяхъ и по домамъ. Привыкнувъ еще съ дѣтства мѣшать дѣло съ забавой, онъ и теперь часто сталъ бывать въ гостяхъ у русскихъ вельможъ и участвовать на ихъ пирушкахъ. Постоянно находясь у себя въ компаніи иноземцевъ, Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. Еще 30 апрѣля 1690 года, онъ съ нѣкоторыми вельможами объ-

далъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. 3-го сентября 1690 года, Петръ въ первый разъ обѣдалъ у Лефорта. Однажды Петръ отправился къ персидскому посланнику, взявъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны: такъ, напримѣръ, 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей и около 100 человѣкъ прислуги; къ ночи расположились спать по „лагерному“. На другой день компанія отправилась обѣдать къ Лефорту и т. п.

Познакомившись въ Нѣмецкой слободѣ съ разными посланниками, офицерами, инженерами и купцами, Петръ сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ, изучилъ ихъ семейную жизнь, познакомился съ ихъ женами и дочерьми. Весьма часто онъ бывалъ въ слободѣ, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка, и нерѣдко присутствовалъ на свадьбахъ и крестинахъ. При такихъ случаяхъ, въ противоположность русскому обычаю, принимали участіе въ вечерахъ и нѣмецкія дамы, придавая собраніямъ своимъ присутствіемъ живость и разнообразіе. Однажды, лѣтомъ 1691 года, голландскій посланникъ, баронъ Келлеръ, бывшій холостымъ человѣкомъ, устроилъ пиръ для государя, при чемъ тоже были приглашены дамы. Петръ участвовалъ здѣсь даже въ танцахъ и особенно, какъ разсказываютъ, полюбилъ такъ называемый „гросфатертанецъ“. Вообще, среди иноземнаго общества въ Нѣмецкой слободѣ Петръ нашелъ полную непринужденность обращенія, противоположную русской старинной чопорности.

Молодой царь, отъ природы изобилующій силой, незнавшій мѣры въ работѣ, любилъ и веселиться во всю широкую волю. За трудными и подчасъ опасными военными упражне-

ніями всегда слѣдовали шумные пиры. Вмѣстѣ съ иностранцами пировали съ царемъ и русскіе. Пиры эти происходили главнымъ образомъ въ великолѣпномъ домѣ Лефорта, иногда же у Гордона и у близкихъ любимцевъ царя: Льва Нарышкина, Бориса Голицына, Петра Васильевича Шереметева. Но никто не умѣлъ устроивать эти пиры лучше Лефорта. Весьма часто царь являлся на эти пиры съ большою компаніею, человѣкъ до 100, до 200. Во время этихъ пиршествъ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ на Западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго Вильгельма III, или говорили рѣчи въ честь тѣхъ иноземныхъ государствъ, представители которыхъ присутствовали на пиру.

Такимъ образомъ, и пиршества имѣли для Петра нѣкоторое образовательное значеніе. Царь со всѣми здѣсь обращался запросто, какъ равный всѣмъ другимъ собесѣдникъ, но иногда какое-нибудь невпопадъ сказанное слово приводило его въ такой гнѣвъ, что всѣ умолкали и дрожали отъ страху... Пылкая, страстная натура Петра обнаруживалась иногда неудержимою горячностью. Однажды на пиру онъ собственноручно нанесъ ударъ своему шурину Лопухину, который чѣмъ-то обидѣлъ Лефорта. Одинъ только Лефортъ и умѣлъ успокоить въ эти минуты и развлечь царя. Гнѣвъ его проходилъ скоро, и онъ снова дѣлался веселымъ; кругомъ снова все веселилось и шумѣло; на дворѣ зажигались разноцвѣтные потѣшные огни, пускались ракеты. Иногда по два, по три и даже по четыре дня пировали безъ устали, не ложась спать. При своей необычайно крѣпкой натурѣ, Петръ скоро оправлялся послѣ такихъ пировъ и принимался съ бо́льшимъ жаромъ за работу, въ то время какъ другіе послѣ подобнаго пиршества дѣлались больными на цѣлую недѣлю.

Впродолженіе святокъ и масляницы, Петръ съ своей компаніей, по старинному русскому обычаю, ѣздилъ въ дома вельможъ и богатыхъ купцовъ славить Христа, вездѣ при этомъ веселился и получалъ подарки, какъ это дѣлалъ и отецъ

его, царь Алексѣй Михайловичъ, ѣздившій славить Христа, обыкновенно, въ сопровожденіи пышной свиты и съ большою торжественностью.

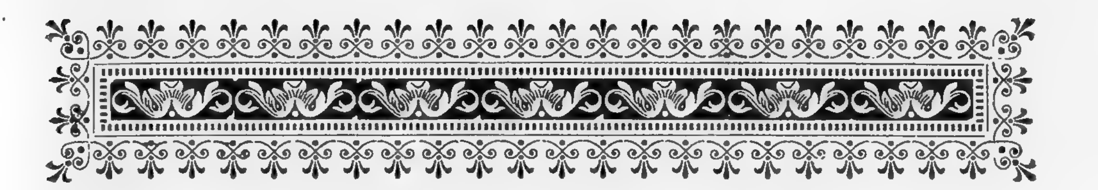
Замѣчательно, что Петръ и въ развлеченіяхъ проявлялъ многія особенности, какихъ не знали его современники, точно такъ же, какъ и трудился онъ по своему. Можетъ быть, удовольствія и развлеченія, которыми онъ пользовался, служили ему повременамъ отдыхомъ, возстановляя его силы и помогая ему работать за десятерыхъ. Самый характеръ забавы, который Петръ привыкъ придавать каждому своему занятію съ дѣтства, несомнѣнно, способствовалъ поддержанію въ немъ неутомимой энергіи и страшной рабочей силы. Съ другой стороны, Петръ обладалъ чисто-русскою широкою натурою, склонною къ веселью, простотѣ обращенія и шуткамъ.

Замѣчательна также необыкновенная скромность Петра и рѣдкая простота его обращенія къ окружавшими его лицами. Занимая самое высокое положеніе въ государствѣ, Петръ постоянно какъ-бы боялся, чтобы внѣшнія отличія, присвоенныя царскому званію, такъ сказать, не повредили дѣлу, которому онъ былъ преданъ всею душею. Приступивъ къ изученію военнаго и морскаго дѣла, Петръ предоставилъ другимъ всѣ высшіе чины „генералиссимусовъ“ и „адмираловъ“, самъ же началъ службу съ должности простого барабанщика—въ строю, и каютнаго мальчика — на кораблѣ, получая дальнѣйшее повышеніе въ чинахъ лишь за дѣйствительную службу. Съ другой стороны, постоянно находясь, съ самаго ранняго дѣтства, въ кругу своихъ ровесниковъ, товарищей дѣтскихъ игръ и военныхъ забавъ, не выходя изъ этого кружка и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, Петръ привыкъ обращаться съ окружавшими его лицами по-просту, совершенно по-товарищески, какъ равный съ равными, и отъ нихъ требовалъ такого же обращенія съ собою, въ какомъ бы чинѣ они ни находились, какого бы происхожденія ни были.

Многое во всѣхъ этихъ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною, мало понятною для его современниковъ. Занятія

царя ремеслами и черными работами, чтеніе иноземныхъ свѣтскихъ книгъ, пребываніе его въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общеніе съ иностранцами, простота его обращенія съ близкими ему русскими служивыми людьми, его увеселенія и забавы — все это казалось непонятнымъ большинству русскихъ людей, крѣпко придерживавшихся глубокой старины, когда занятія естественными науками считались колдовствомъ, общеніе съ иноземцами — ересью и т. п. Прежде русскіе государи являлись народу на улицѣ не иначе, какъ въ пышной торжественной обстановкѣ, при чемъ народъ кланялся въ землю; теперь же царь нерѣдко являлся на улицѣ за-просто и самъ отмѣнилъ земные поклоны. Бывало, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться къ государю; теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ у иноземцевъ въ Нѣмецкой слободѣ. Многимъ даже изъ высшихъ русскихъ вельможъ не нравились эти поступки молодаго царя и втайнѣ они осуждали Петра и его сторонниковъ. Когда въ 1692 году, вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ и безсонныхъ ночей, Петръ опасно заболѣлъ и многіе ждали уже его смерти, то люди, близкіе къ нему, Лефортъ, Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ на всякій случай запаслись лошадьми съ намѣреніемъ бѣжать изъ Москвы. Къ счастію, сильная натура Петра взяла верхъ надъ болѣзнью, онъ выздоровѣлъ и съ прежнимъ увлеченіемъ принялся за свое дѣло.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Путешествіе Петра въ Архангельскъ. — Закладка верфи и начало русскаго флота.— Смерть матери Петра.—Вторичное путешествіе въ Архангельскъ.— Кожуховскій походъ. — Приготовленія къ Азовскому походу.

Значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія морскаго дѣла и вообще сближенія съ западною Европою, было предпринятое Петромъ путешествіе въ Архангельскъ. Переяславльское озеро скоро стало тѣснымъ для Петра. Онъ рѣшился видѣть море. Въ то время русскія владѣнія прилегали только къ двумъ морямъ — Бѣлому и Каспійскому, очень отдаленнымъ отъ Москвы. Но и изъ этихъ двухъ морей, только при Бѣломъ морѣ находился единственный русскій портъ, въ приморскомъ городѣ Архангельскѣ, куда приходили иноземные корабли съ разными заграничными товарами. Сюда же, рѣкою Двиною, приплывали и русскія барки съ хлѣбомъ, пенькою, саломъ, мѣхами, кожами и тому подобными товарами. Поэтому городъ этотъ, въ лѣтнее время, представлялъ оживленный видъ. Тутъ главную роль играли иностранные купцы и моряки. На пути туда изъ Москвы, въ Вологдѣ и въ Великомъ-Устюгѣ, также поселилось значительное число иностранцевъ. Юный Петръ и сталъ проситься у матери въ Архангельскъ, чтобы взглянуть на Бѣлое море и посмотрѣть на устройство иноземныхъ купеческихъ кораблей, „Многократно — разсказывалъ

*

послѣ самъ Петръ — мать возбраняла мнѣ столь опасный путь, но, видя великое желаніе мое, поневолѣ позволила". Но, не смотря на то, что Петръ еще во время своей болѣзни, въ 1692 году, далъ обѣщаніе посѣтить Соловецкій монастырь, царица Наталія Кирилловна взяла съ сына слово въ море не ходить, а посмотрѣть на него только съ берега...

4 іюля 1693 года Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человѣкъ. Посѣтивъ на пути Вологду, Петръ поплылъ далѣе по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ, на заранѣе приготовленныхъ для того стругахъ, и 28 іюля, едва показался царскій стругъ изъ-за Куроострова, загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости. Здѣсь царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій; онъ препроводилъ Петра въ древній городской соборъ, съ иконами и пѣніемъ. Царь въ тотъ же день осмотрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шнякѣ, и ночевалъ на своемъ стругѣ. 30-го іюля царя привѣтствовали колокольнымъ звономъ и пальбою уже въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится морская пристань между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него небольшомъ дворцѣ, на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая Двина, иностранные корабли, бесѣды съ иноземными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, сильно измѣненный подъ вліяніемъ постояннаго обращенія архангелогородцевъ съ чужеземцами, коихъ здѣсь уже не считали „еретиками", и, наконецъ, самый видъ безконечнаго моря, — все это сильно увлекло и заняло вниманіе Петра. Здѣсь Петръ впервые увидѣлъ море и приморскую городскую жизнь. Ничто здѣсь не укрылось отъ любопытнаго взора Петра. Переодѣвшись въ платье голландскаго моряка, Петръ посѣтилъ таможню, былъ въ конторахъ иностранныхъ купцовъ, съ большимъ интересомъ осматривалъ иностранные корабли и вся-

кie иноземные товары, привозимые изъ Европы, подолгу оставался на судахъ, знакомился на нихъ со многими шкиперами и обо всемъ разспрашивалъ ихъ. Онъ посѣтилъ даже лодки, въ которыхъ привозились въ Архангельскъ глиняные горшки. Переходя разъ черезъ эти лодки по легкой доскѣ, царь оступился, и при своемъ огромномъ ростѣ перебилъ много глиняной посуды, такъ что долженъ былъ щедро наградить за убытокъ испуганнаго хозяина. Не утерпѣлъ Петръ, чтобы не побывать и на морѣ, не смотря на данное имъ обѣщанie матери не ходить въ море. Какъ разъ въ это время, нѣсколько англiйскихъ и голландскихъ кораблей, нагрузившись товарами, собрались въ обратный путь. Какъ не посмотрѣть на плаванie настоящихъ кораблей по морю! Царь отправился проводить ихъ на яхтѣ, построенной къ его прiѣзду и названной „Св. Петръ“.

Съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдилъ онъ за всѣми движенiями иноземныхъ кораблей, любовался ихъ стройнымъ ходомъ, красивою, доселѣ невиданною имъ отдѣлкою, ловкостiю и искусствомъ матросовъ. Три раза, такимъ образомъ, Петръ пускался въ море, и въ одну изъ этихъ морскихъ прогулокъ такъ увлекся, что, забывъ всякую опасность, переплылъ почти черезъ все Бѣлое море, достигнувъ сѣвернаго берега его и отдалившись отъ Архангельска болѣе чѣмъ на 300 верстъ! Распростившись поскорѣе съ англичанами и голландцами, онъ вернулся въ Архангельскъ. Наталiя Кирилловна, узнавъ о морскомъ путешествiи сына, ужаснулась. „Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, — писала она ему: прiѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ. Ей-ей, свѣтъ мой, велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего — радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ, и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ не ходить...“ Но, не смотря на неотступныя просьбы и горькiя жалобы матери, Петръ, по возвращенiи изъ морскаго путешествiя, прожилъ въ Архангельскѣ еще нѣсколько недѣль.

Здѣсь Петръ могъ убѣдиться, что англичане и голландцы забрали большую силу на Бѣломъ морѣ, единственномъ рус-

скомъ морскомъ пути. Въ числѣ многочисленныхъ кораблей, плававшихъ по этому морю, не было ни одного русскаго корабля. Пытались раньше и русскіе предпріимчивые торговцы посылать моремъ свои товары за границу, но иностранцы всѣми мѣрами постарались воспрепятствовать этому, чтобы удержать за собою всѣ выгоды морской торговли. Такъ, однажды ярославскій купецъ Антонъ Лаптевъ поплылъ самъ за море съ грузомъ дорогихъ мѣховъ, но не могъ продать тамъ ни на одинъ рубль, потому что тамошніе купцы сговорились между собою не покупать у него ничего. Бѣдный ярославецъ чуть не умеръ съ голоду, и такъ воротился въ Архангельскъ, не продавъ ничего. Но тутъ иностранцы тотчасъ же раскупили у него весь товаръ и дали хорошую цѣну. Послѣ такого случая, дѣйствительно, ужь ни одинъ русскій торговецъ не рѣшался повезти своихъ товаровъ за море. Это сильно огорчало Петра, и онъ рѣшился теперь же, во время пребыванія своего въ Архангельскѣ, положить начало русской заграничной торговлѣ. Съ этой цѣлью онъ снарядилъ при себѣ одинъ корабль, велѣлъ нагрузить его смолою, рыбьимъ клеемъ, икрою и другими товарами, въ которыхъ наиболѣе нуждались за-границей, и отправить его море. Въ то же время, съ цѣлью обезопасить русскую морскую торговлю на Бѣломъ морѣ, Петръ задумалъ устроить на немъ военный флотъ. Для этого онъ построилъ въ Архангельскѣ верфь, и собственными руками заложилъ на ней одинъ корабль; кромѣ того, здѣсь же начата была постройка другаго корабля, а при посредствѣ Лефорта былъ заказанъ въ Голландіи третій большой, сорока-четырехпушечный корабль, снаряженіе котораго поручено было амстердамскому бургомистру Витзену.

Въ то же время, неутомимый царь успѣвалъ справлять въ Архангельскѣ и разные обычаи русскіе и даже свои любимыя потѣхи. Весело онъ отпраздновалъ съ русскими и иностранцами имянины своей матери, брата и невѣстки, при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда Петръ слушалъ обѣдню въ ближайшей къ его дому церкви Св. Иліи, самъ при этомъ читалъ Апостолъ,

пѣлъ съ дьячками на клиросѣ, и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Часто онъ безцеремонно и весело пировалъ съ голландскими и англійскими шкиперами, игралъ съ ними въ кегли, или же они угощали его въ своихъ домахъ и каютахъ. Нерѣдко угощалъ его также архіепископъ Аѳанасій, который изумлялся бесѣдамъ юнаго царя о бытѣ не только царскомъ и боярскомъ, но и простыхъ людей, о работахъ ихъ, о постройкѣ домовъ и заводовъ, о путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и о корабельномъ искусствѣ. Царь также полюбилъ Аѳанасія, встрѣчалъ его во дворцѣ своемъ пальбою, и, прощаясь съ нимъ, подарилъ ему свою карету и стругъ съ флагами. Петръ иногда плавалъ по Двинѣ на простой лодкѣ, ловилъ рыбу, любовался въ Архангельскѣ на приготовленный имъ для потѣхи „огненный корабликъ" (брандеръ), и зажигалъ ракеты и гранаты, спуская ихъ на Двину съ городскаго моста.

Между тѣмъ, Наталія Кирилловна, зная страсть Петра къ морю, сильно безпокоилась за него. Скорбящая мать не знала, какъ выманить поскорѣй сына изъ Архангельска. Наконецъ послала ему письмо отъ имени сына его, трехлѣтняго царевича Алексѣя Петровича, въ которомъ умоляла его пожаловатъ въ Москву, не замѣшкавъ. 1-го сентября, Петръ, наконецъ, выѣхалъ изъ Архангельска, съ твердымъ намѣреніемъ вновь пріѣхать сюда будущимъ лѣтомъ съ большою компаніею. Въ Архангельскѣ онъ оставилъ Апраксина, для наблюденія за постройкою заложеннаго имъ корабля, а остальную свою свиту отправилъ изъ Холмогоръ сухимъ путемъ до Москвы; самъ же съ немногими лицами поплылъ въ карбазѣ до деревни Кочетовой, осмотрѣвъ по пути обширныя Вавчугскія пильныя и мучныя мельницы, гдѣ заготовляли для заморскаго отпуска муку и доски.

Пріѣздъ царя въ Москву ознаменовался празднествами и важною новостью: на большомъ вечерѣ, во дворцѣ самого царя, среди мужчинъ явились и женщины, жены и дочери иностранцевъ, и были устроены танцы. Супруга Петра, вопреки зако-

ренѣлому обычаю, также участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи. Вслѣдъ затѣмъ, Петръ съ обычною ревностью принялся за приготовленія къ задуманному имъ на лѣто морскому походу: самъ принялся точить въ своей токарнѣ въ Преображенскомъ блоки для корабля, строющагося въ Архангельскѣ; отливалъ для вооруженія его пушки, выбиралъ въ матросы лучшихъ солдатъ изъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; придумывалъ морскіе сигналы и проч. Между тѣмъ, заболѣла мать его, царица Наталія Кирилловна. Петръ не разъ тревожно бесѣдовалъ объ этомъ съ Гордономъ. Въ январѣ 1694 года царь долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано по утру, въ день назначеннаго бала, Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома: по случаю усилившейся болѣзни матери, Петръ не хотѣлъ быть на вечерѣ, и, простившись съ матерью, удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался у него. Около 8 часовъ утра они уже получили извѣстіе, что царица Наталія Кирилловна скончалась, на 42-мъ году жизни.

Петръ сильно скорбѣлъ о матери и плакалъ о ней, потому что горячо любилъ ее. „Не могу извѣщать подробно, но глухо объявляю печаль мою“, — писалъ онъ о смерти своей матери Апраксину въ Архангельскъ. Царица Наталія Кирилловна, безгранично любившая единственнаго сына, хотя и не сочувствовала нѣкоторымъ его стремленіямъ, но несомнѣнно имѣла большое вліяніе на характеръ и направленіе первоначальной дѣятельности Петра. Самоотверженная любовь матери, вообще, часто играла большую роль въ жизни великихъ людей.

Тѣмъ болѣе Петръ хотѣлъ теперь заглушить трудами свою скорбь о матери, что гораздо уже свободнѣе располагалъ собою и своимъ временемъ. Еще съ большею энергіею принялся онъ за дѣло кораблестроенія: приказалъ заранѣе отправить въ Архангельскъ оружіе, порохъ, снасти, изготовить досчаники для плаванія по Двинѣ. Ромодановскій былъ назначенъ адми-

раломъ будущаго флота, Гордонъ — шаутбенахтомъ (контръ-адмираломъ), самъ же Петръ довольствовался скромнымъ званіемъ корабельнаго шкипера и требовалъ, чтобы его иначе не называли и другіе, даже въ бумагахъ. 29 апрѣля 1694 года Лефортъ далъ у себя прощальный вечеръ, съ музыкою и барабаннымъ боемъ, но безъ танцевъ, по случаю недавней семейной потери царя. Вслѣдъ затѣмъ, 1-го мая Петръ отправился съ четырьмя стами ближнихъ людей въ Архангельскъ. Уже плывя по Двинѣ, Петръ тѣшился, называя свои досчаники флотомъ, и выдумалъ для этого флота особый русскій флагъ, по образцу голландскаго, съ полосами — бѣлой, синей и красной, оставшимися до сихъ поръ въ русскомъ флагѣ. Въ первый разъ появился тогда на водѣ флагъ Россіи, дотолѣ невиданный. Не останавливаясь, Петръ проплылъ мимо Холмогоръ и, 18-го мая, прибылъ въ Архангельскъ.

Къ величайшему удовольствію Петра, одинъ изъ строившихся здѣсь кораблей былъ уже готовъ, и спущенъ на Двину 20-го мая. Царь на этомъ кораблѣ весело пировалъ и самъ угощалъ иностранныхъ мастеровъ, строившихъ корабль. Второй корабль пока еще не былъ готовъ и, кромѣ того, ждали прибытія заказаннаго въ Голландіи корабля. Желая воспользоваться этимъ свободнымъ временемъ, Петръ рѣшился исполнить данное имъ въ болѣзни обѣщаніе — посѣтить находящійся на островѣ въ Бѣломъ морѣ Соловецкій монастырь и поклониться тамъ мощамъ св. угодниковъ Зосимы и Савватія. Для сопровожденія царя въ предстоящемъ морскомъ путешествіи явился въ Архангельскъ архіепископъ Аѳанасій. Передъ отъѣздомъ, по обычаю всѣхъ богомольцевъ, служили молебенъ. Царь при этомъ пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и, 29 мая, пустился въ опасный путь, съ Аѳанасіемъ и свитою, на яхтѣ архіепископа, весьма неудобной и неловкой. Едва яхта выплыла на средину моря, какъ поднялась страшная буря. Яхта, заливаемая волнами и бросаемая изъ стороны въ сторону порывами вѣтра, казалось, готова была сейчасъ же распасться или погрузиться въ море...

Повидимому, крушеніе было неизбѣжно. Всѣ, сопровождавшіе царя люди, отъ ужаса потеряли голову, молились, плакали, прощались другъ съ другомъ. Готовясь къ гибели, всѣ причастились уже св. тайнъ изъ рукъ архіепископа и ждали смерти... Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ бы выросла въ борьбѣ съ раздраженною стихіею; онъ безстрашно смотрѣлъ на бушующее море и смѣло отдавалъ необходимыя распоряженія. Къ счастью, на яхтѣ нашелся другой отважный человѣкъ, опытный лоцманъ, крестьянинъ Сумскаго посада Антипъ Пановъ. Замѣтивъ, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему за совѣтомъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно только средство избѣгнуть гибели — это направить яхту, между подводныхъ камней, въ ближайшій заливъ, въ такъ называемую Унскую губу. Петръ велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ и началъ снова самъ вмѣшиваться въ управленіе рулемъ. „Поди прочь! — закричалъ на него выведенный изъ терпѣнія Антипъ: если ты отдалъ мнѣ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло!“ Царь послушался, и молча отошелъ отъ него. Антипъ искусно провелъ яхту между опасныхъ камней и счастливо присталъ къ берегу. — „А помнишь-ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?“ смѣясь спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ бросился ему въ ноги. — „Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ“, отвѣчалъ царь, поднялъ Антипа, поцѣловалъ его, велѣлъ навсегда уволить его отъ работъ, подарилъ ему денегъ и далъ на память свое мокрое дорожное платье.

Весело направились всѣ отъ мѣста высадки въ расположенную невдалекѣ Петроминскую обитель. Игуменъ и монахи встрѣтили неожиданныхъ гостей съ пѣніемъ духовныхъ пѣсней, и удивились простотѣ обращенія съ ними молодого царя: Петръ самъ пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за общимъ столомъ и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Въ воспоминаніе своего избавленія, Петръ собственноручно сдѣлалъ здѣсь огромный деревянный крестъ, съ надписью на голландскомъ

языкѣ: „сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, 1694 года“, и самъ на своихъ плечахъ отнесъ его къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и водрузилъ въ землю на память потомству. Крестъ этотъ и донынѣ хранится въ Петроминской обители.

Къ 6-му іюня буря утихла; Петръ съ своими спутниками снова пустился въ путь, и на этотъ разъ благополучно достигъ Соловецкаго монастыря. Царь провелъ тамъ цѣлую недѣлю, часто бесѣдуя съ настоятелемъ монастыря, архимандритомъ Фирсомъ, и раздѣляя скудную трапезу братіи. Здѣсь онъ также оставилъ на память собственноручно сдѣланный имъ крестъ, сохраняемый донынѣ въ особой часовнѣ. Одаривъ щедро обитель, Петръ вернулся въ Архангельскъ. „Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой Государь, отецъ и братъ!“ — писалъ онъ въ Москву своему брату, царю Іоанну.

Опасность, испытанная Петромъ на морѣ, не только не охладила его, но еще болѣе пристрастила къ морю. Благополучное возвращеніе въ Архангельскъ послужило поводомъ къ веселью на нѣсколько дней. Въ ожиданіи прибытія корабля изъ Голландіи, Петръ, чтобъ не терять понапрасну времени, рѣшился испытать самъ всю морскую службу, начиная съ самыхъ низшихъ должностей, какъ онъ прошелъ всю службу сухопутную. Съ этой цѣлью онъ сблизился въ Архангельскѣ съ однимъ искуснымъ голландскимъ шкиперомъ, Виллемсономъ, родомъ изъ Саардама. Петръ пожелалъ, чтобы онъ научилъ его исполненію всѣхъ обязанностей морской службы. Добродушный учитель сначала подумалъ, что съ нимъ шутятъ. — „Если хочешь учиться, то придется начинать съ должности каютнаго мальчика, а потомъ — быть каютъ - вахтеромъ, а затѣмъ уже — только еще матросомъ“, сказалъ царю Виллемсонъ, смѣясь... — „А въ чемъ состоитъ должность каютнаго мальчика?“ спросилъ Петръ. — „Вотъ, поди, набей мнѣ трубку!.. Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать“. Царь быстро исполнилъ приказаніе учи-

теля. — „Теперь полѣзай на мачту“, — сказалъ Виллемсонъ, и ужаснулся, когда Петръ отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты... По настоятельному требованію Петра, Виллемсонъ продолжалъ уроки, объяснилъ ему всѣ составныя части корабельныхъ снастей и вообще прошелъ съ нимъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

28-го іюня спущенъ былъ на воду второй корабль, построенный въ Архангельскѣ. Петръ опять пировалъ на радости. 21-го іюля прибылъ, наконецъ, корабль, заказанный въ Голландіи. Это дало поводъ еще къ большему торжеству. Теперь все было готово къ плаванію, и морской походъ начался. 1-го августа Петръ на прибывшемъ изъ Голландіи кораблѣ пустился въ море, сопровождаемый двумя другими построенными судами и иностранными кораблями. Всею эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсенъ. Петръ находился при немъ безотлучно, стоялъ на вахтѣ и изучалъ подробности управленія кораблемъ. Эскадра достигла крайняго пункта Бѣлаго моря, остановившись у выхода изъ него въ Сѣверный океанъ. Здѣсь Петръ и сопровождавшіе его русскіе впервые взглянули на океанъ, который грозно въ это время шумѣлъ. При плохомъ умѣньѣ управлять кораблями, русскіе снова подверглись-было опасности кораблекрушенія, но счастливо избѣжали его. Плаваніе продолжалось десять дней.

По возвращеніи изъ морскаго похода, неутомимый Петръ недолго оставался въ Архангельскѣ. Считая съ этихъ поръ флотъ свой уже существующимъ, Петръ назначилъ адмираломъ его своего любимца Лефорта. Но не одно морское дѣло занимало юнаго царя. Онъ спѣшилъ въ Москву къ новой задуманной имъ потѣхѣ. Еще во время морскаго похода, онъ составлялъ, вмѣстѣ съ Гордономъ, предположеніе о сухопутныхъ маневрахъ подъ Москвою, распредѣлялъ войско, чертилъ планы.

Подъ Москвою, неподалеку отъ Симонова монастыря, за деревнею Кожухово, ко времени пріѣзда царя были уже сдѣ-

ланы всѣ приготовленія къ большому примѣрному сраженію, или такъ называемому „Кожуховскому“ походу: выстроено было большое земляное укрѣпленіе, обнесено огромнымъ валомъ и обведено рвомъ. Вскорѣ по прибытіи въ Москву, Петръ раздѣлилъ войско на двѣ половины: одна, состоявшая изъ новыхъ войскъ, подъ начальствомъ „генералиссимуса“ Ѳедора Ромодановскаго, сражалась на сторонѣ Петра; другая — непріятельская, состоявшая главнымъ образомъ изъ стрѣльцовъ, находилась подъ командой Бутурлина, разыгрывавшаго на этотъ разъ роль „польскаго короля“, который долженъ былъ защищать „безъимянный городокъ“. Это была самая громкая и вмѣстѣ послѣдняя потѣха Петра. Маневры были открыты по всѣмъ правиламъ военнаго искусства: здѣсь, какъ на театрѣ, изображались всѣ пріемы войны — военные совѣты, переговоры, вылазки, копаніе минъ, постройка мостовъ, засыпаніе рвовъ, приступы. Оружіемъ и на этотъ разъ служили ручныя гранаты, горшки, начиненные горючими веществами, и длинные шесты, съ зажженными на концѣ ихъ пуками смоленой соломы. Самъ Петръ участвовалъ въ битвѣ въ чинѣ простого артиллерійскаго солдата, подъ именемъ „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева“, и отличился въ метаніи бомбъ. Много было побитыхъ, перераненыхъ и обожженныхъ, въ томъ числѣ и Лефортъ, которому взрывомъ огненнаго горшка опалило лицо такъ, что онъ послѣ нѣсколько дней серьезно хворалъ. Наконецъ, Бутурлинъ — мнимый польскій король, защищавшій безъимянный городокъ, былъ взятъ въ плѣнъ, а потомъ все кончилось веселымъ пиромъ въ шатрѣ у Лефорта „Кожуховскій“ походъ продолжался болѣе мѣсяца.

Въ это время Петру было 22 года. До сихъ поръ юный царь ограничивался только изученіемъ военнаго и морскаго дѣла и потѣхами, имѣвшими, въ сущности, значеніе тоже серьезнаго ученія. Онъ узналъ, такимъ образомъ, собственнымъ опытомъ все, что нужно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, артиллеристу, инженеру. Все это

Петръ изучилъ такъ основательно, что никто изъ окружавшихъ его русскихъ не умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ, топоромъ, циркулемъ, править рулемъ и парусомъ, наводить орудія, бросать бомбы и проч. Словомъ, Петръ усердно подготовлялъ себя къ настоящей дѣятельности, положивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало постоянному русскому войску и флоту. Посвятить, такимъ образомъ, все свое время на обученіе себя и другихъ, несомнѣнно, помогло Петру то обстоятельство, что царствомъ могъ управлять въ это время, при содѣйствіи избранныхъ вельможъ, старшій его братъ, царь Иванъ Алексѣевичъ, съ которымъ онъ продолжалъ быть въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Предоставивъ управленіе государствомъ брату и надежнымъ вельможамъ, Петръ спокойно могъ предаваться изученію любимаго имъ дѣла.

Но молодой царь, сгоравшій жаждою дѣятельности и великихъ подвиговъ, не могъ долго довольствоваться однимъ только обученіемъ и игрою въ завоеванія и кораблестроеніе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ самъ говоритъ: „Хотя въ ту пору, какъ осенью въ продолженіе пяти недѣль потѣшались мы подъ Кожуховымъ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было, однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла". Ближайшимъ послѣдствіемъ ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ было дѣйствительно важное предпріятіе, — это Азовскіе походы.

Достовѣрно неизвѣстно, что собственно побудило Петра предпринять, почти неожиданно, походъ подъ Азовъ. Можетъ быть, причиной этого было тайное желаніе Петра передвинуть границу Россіи на югъ, къ естественнымъ предѣламъ Чернаго и Азовскаго морей, и присвоить русскому государству всѣ черноморскіе берега, населенные тогда татарами, состоявшими подъ владычествомъ Турціи. Плавая по бурному и холодному Бѣлому морю, онъ видѣлъ, какъ трудно везти черезъ него товары, и съ тѣхъ поръ мысль добыть другое море могла запасть въ его голову. При своемъ обширномъ умѣ и непреодолимой страсти къ морю,

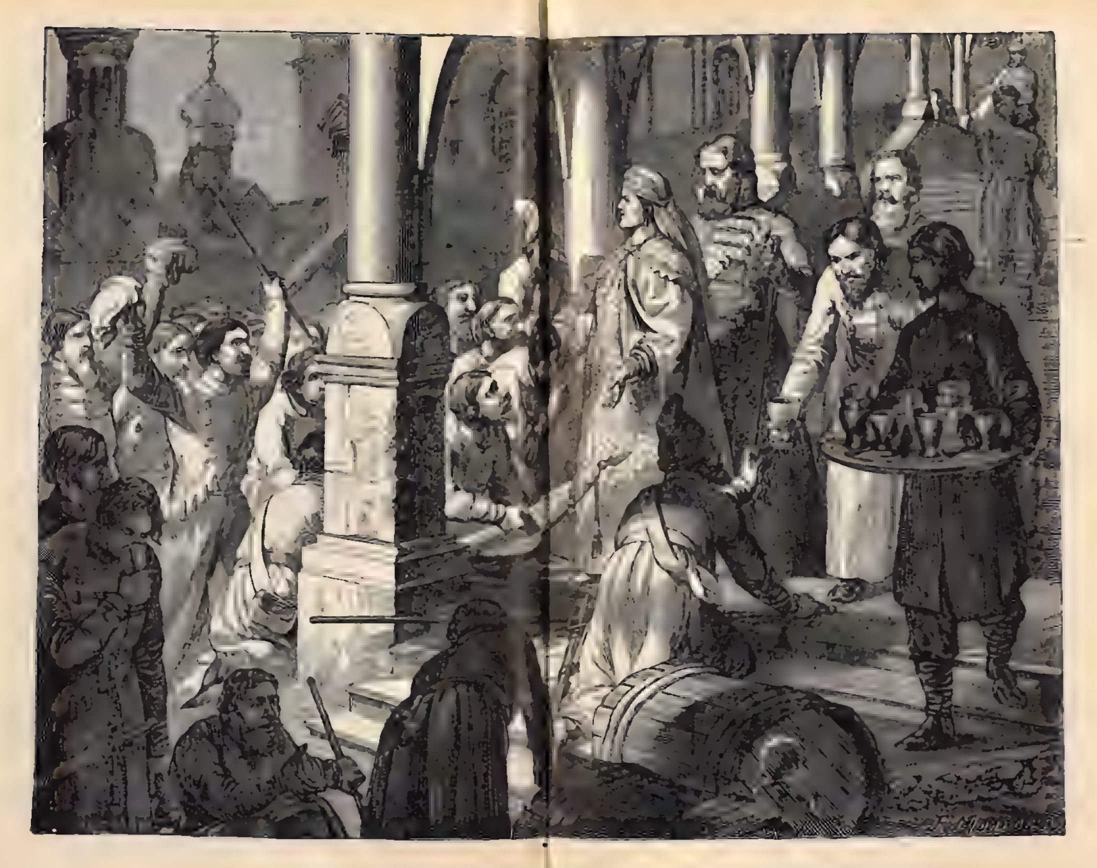
Петръ не могъ не понять, что въ обладаніи южнымъ, никогда не замерзающимъ моремъ, ведущимъ въ богатыя и густо населенныя страны, состоитъ важнѣйшая задача Россіи, и со свойственною его юношескому возрасту отвагой, не долго размышляя, рѣшился осуществить на дѣлѣ это смѣлое предпріятіе. Съ другой стороны, трудно сомнѣваться и въ томъ, что Петръ, можетъ быть, еще ранѣе задумалъ предпринять путешествіе за границу, въ западную Европу; но какъ ему было показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ турокъ, сражаться съ которыми, въ то время, почитали долгомъ для себя всѣ христіанскіе государи Европы?

Были, однако, и другія обстоятельства, которыя также могли понудить Петра предпринять походъ подъ Азовъ. Выше было уже сказано, какой неудачный исходъ имѣли для насъ крымскіе походы при царевнѣ Софьѣ. Съ тѣхъ поръ отношенія Россіи къ туркамъ и татарамъ оставались неопредѣленными, натянутыми. Не было войны, но не было заключено и мира. Крымскій ханъ по прежнему требовалъ, чтобы Россія присылала ему „поминки", т. е. дань, и не соглашался дать свободу находившимся въ Крыму русскимъ плѣнникамъ. Набѣги татаръ повторялись безпрерывно; въ началѣ 1692 года, подъ стѣнами города Немирова, въ Малороссіи, появилось не менѣе 12,000 татаръ; они выжгли предмѣстья города и увели съ собою множество народа, лошадей и проч. Разсказывали, что турки, находившіеся въ Азовѣ, готовились также сдѣлать нападеніе на Россію. Россія только по недостатку средствъ не предпринимала похода противъ татаръ и должна была довольствоваться лишь прикрытіемъ своихъ границъ. Между тѣмъ, Польша и Австрія, на основаніи договора 21 апрѣля 1686 года, постоянно требовали отъ Россіи возобновленія военныхъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ. Съ другой стороны, Іерусалимскій патріархъ Досиѳей также прислалъ царямъ настоятельное увѣщаніе дѣйствовать рѣшительно противъ турокъ, въ виду того, что они заняты были

войною съ австрійцами. „Вы упросили у Бога, чтобъ у турокъ была война съ нѣмцами — писалъ патріархъ: теперь такое благополучное время, и вы не радѣете! Смотрите, какъ смѣются надъ вами: татары, горсть людей, и хвалятся, что берутъ у васъ дань“.....

Всѣ описанныя выше обстоятельства, вѣроятно, и понудили пылкаго Петра приступить немедленно къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ турокъ и татаръ. Еще лѣтомъ 1694 года, предъ „Кожуховскимъ“ походомъ, и послѣ него, въ концѣ осени, слухи о намѣреніи Петра напасть на татаръ и турокъ уже начали проникать за границу. 20 января 1695 года были сдѣланы первыя распоряженія для подготовленія русскаго войска, при чемъ было указано на Крымъ, какъ на цѣль похода, вѣроятно, для скрытія настоящей цѣли военныхъ дѣйствій. На самомъ дѣлѣ предполагалось занять устья рѣкъ Днѣпра и Дона, гдѣ находились передовыя турецкія укрѣпленія, препятствовавшія сообщенію России съ Чернымъ моремъ и служившія опорными пунктами при набѣгахъ татаръ на Россію. Только по взятіи, съ одной стороны, Азова на Дону, съ другой — приднѣпровскихъ крѣпостей, можно было надѣяться на успѣшныя дѣйствія и противъ крымскихъ татаръ, такъ какъ въ этомъ случаѣ Россія овладѣла бы всѣми входами въ Крымъ — и съ суши и съ моря.

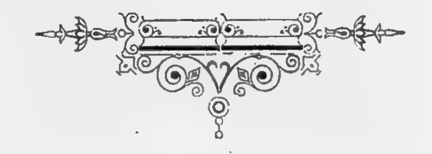
Главный ударъ Петръ рѣшился направить противъ Азова, какъ наиболѣе слабаго пункта турецкой передовой линіи. Крымскіе походы при царевнѣ уже достаточно доказали, какъ труденъ былъ для насъ доступъ въ Крымъ и даже къ низовьямъ Днѣпра, со стороны украинскихъ степей. На низовья же Дона и даже на Азовское и Черное моря, въ восточную ихъ половину, легко и часто проникали наши казаки — морскіе разбойники, отправлявшіеся нерѣдко грабить берега Чернаго моря и возвращавшіеся обыкновенно съ богатою добычею. Въ 1626 году казаки явились даже въ окрестности Константинополя, гдѣ разграбили какой-то монастырь. Около этого же времени они

Угощеніе Софьею стрѣльцовъ въ Кремлевскихъ палатахъ

обратили въ пепелъ малоазіатскіе города Трапезундъ и Синопъ. Въ 1636 году казаки овладѣли самымъ Азовомъ и затѣмъ выдержали тамъ осаду. Они предлагали даже Московскому правительству удержать за собою эту крѣпость, но царь Михаилъ Ѳедоровичъ не рѣшился на эту мѣру, которая легко могла повести къ совершенному разрыву съ Турціей. Такимъ образомъ, доступъ къ Азову былъ всегда менѣе труденъ, чѣмъ въ Крымъ, тѣмъ болѣе, что къ Азову велъ прекрасный водный путь, рѣками Волгой и Дономъ, представлявшими гораздо болѣе удобствъ для передвиженія войска, припасовъ и военныхъ снарядовъ, чѣмъ безводныя украинскія степи.

Тѣмъ не менѣе, азовскій походъ представлялся дѣломъ труднымъ и даже рискованнымъ. Въ то время Турція располагала большими средствами и силами, предъ которыми не разъ трепетали западныя европейскія государства, а потому для России, въ то время еще слабой, было крайне опасно раздражать Турцію. Наконецъ со времени взятія казаками Азова, прошло уже нѣсколько десятилѣтій. Съ тѣхъ поръ турки не только успѣли вернуть эту крѣпость, но и значительно усилить ее. Двадцать-шесть тысячъ человѣкъ работали нѣсколько лѣтъ надъ укрѣпленіями Азова. Впереди крѣпости, на обоихъ берегахъ Дона, турки также построили двѣ небольшія крѣпостцы, называвшіяся каланчами, а на сѣверномъ притокѣ Дона, Мертвомъ Донцѣ, поставили каменный замокъ Лютинъ. Хотя въ Азовѣ въ то время кромѣ жителей находилось не болѣе 8,000 гарнизона, но турки всегда могли подать помощь съ моря, которое было въ полномъ ихъ распоряженіи и на которомъ они держали большой флотъ. Наконецъ наши войска и самъ Петръ не имѣли еще достаточно опытности въ настоящей войнѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Неудача перваго азовскаго похода. — Возвращеніе арміи въ Москву. — Приготовленія ко второму походу. — Смерть царя Іоанна. — Дѣятельность Петра въ Воронежѣ. — Второй азовскій походъ. — Взятіе Азова. — Отправка боярскихъ дѣтей въ обученіе за границу. — Заговоръ Соковнина и Цыклера. — Отправленіе Петра въ заграничное путешествіе.

Русскія войска для похода раздѣлены были на двѣ части: боярину Борису Петровичу Шереметеву было ввѣрено командованіе надъ 120.000 т. войскомъ стариннаго московскаго устройства; это войско, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, должно было дѣйствовать противъ турецкихъ укрѣпленій на Днѣпрѣ. Труднѣйшая же задача, осада Азова, была предоставлена войскамъ новаго устройства, въ числѣ 31.000 т. человѣкъ, при которыхъ находился и самъ Петръ, въ скромномъ званіи „бомбардира Преображенскаго полка Петра Алексѣева". Главное начальство надъ Азовскимъ отрядомъ онъ поручилъ тремъ генераламъ: Головину, Лефорту и Гордону. Всѣ дѣла должны были рѣшаться въ совѣтѣ этихъ трехъ генераловъ, но постановленія ихъ могли исполняться не иначе, какъ съ согласія „бомбардира Петра Алексѣева".

Половина Азовскаго отряда, подъ начальствомъ Головина и Лефорта, была отправлена изъ Москвы, 30-го апрѣля 1695 года, водою: по Москвѣ-рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ до Царицына,

куда войско прибыло только 8-го іюня. На пути пришлось преодолѣть не мало затрудненій: суда, на которыхъ перевозились войско и артиллерія, оказались плохими, такъ что приходилось останавливаться и чинить ихъ. Изъ Царицына войско должно было перейти сухимъ путемъ на р. Донъ, къ козачьему городку Паншину. При этомъ переходѣ оказался сильный недостатокъ въ лошадяхъ, надлежащаго числа которыхъ не было заготовлено заранѣе, такъ что солдаты принуждены были на себѣ тащить въ продолженіе трехъ сутокъ орудія и прочія тяжести. Отъ Паншина войско двинулось по Дону къ крѣпости Азову. Здѣсь опять встрѣтились новыя затрудненія. Слѣдуя старинной русской привычкѣ, подрядчики, обязавшіеся поставить запасы для войска и уже взявшіе за то деньги, не только не поставили запасовъ въ срокъ, но и самихъ подрядчиковъ пришлось отыскивать по разнымъ городамъ; между прочимъ, они вовсе не поставили соли. Здѣсь Петръ могъ уже убѣдиться, что настоящая война не похожа на прежніе маневры, хотя онъ и писалъ передъ походомъ къ Апраксину: „шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ“... Преодолѣвая всѣ вышеописанныя трудности, русское войско достигло Азова лишь 29-го іюня.

Другой Азовскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Гордона, долженъ былъ идти впереди всего войска, и съ этою цѣлію двинутъ былъ изъ Тамбова до Черкасска сухопутьемъ, но вмѣсто трехъ недѣль предполагаемаго пути ему пришлось тянуться до Черкасска цѣлыхъ два мѣсяца. При этомъ, военному начальству пришлось бороться съ лѣнью, непослушаніемъ и невѣжествомъ среди войскъ стариннаго устройства. Стрѣльцы не слушались своихъ начальниковъ и вообще неохотно участвовали въ походѣ. Когда нужно было построить мостъ черезъ Сѣверный Донецъ, они такъ неохотно и неумѣло взялись за это, что привели въ негодованіе генерала Гордона. Ему стоило также большихъ усилій принудить своевольныхъ казаковъ къ энергическимъ дѣйствіямъ.

*

Медленно подобравшись, такимъ образомъ, къ Азову, генералъ Гордонъ все-таки первый открылъ дѣйствія противъ турокъ, нападеніемъ на одну изъ упомянутыхъ выше турецкихъ каланчей. Турки, находясь тамъ въ незначительномъ числѣ, защищались храбро, но подъ конецъ не выдержали и покинули каланчу. Въ половинѣ іюля, другая каланча, стоявшая на противоположной сторонѣ Дона, также сдалась донскимъ казакамъ. Эти первые наши успѣхи произвели въ арміи неописанную радость.

Вскорѣ приступили къ осадѣ самаго Азова. Взять его было нелегко. Азовъ былъ обведенъ высокимъ земляным валомъ и глубокимъ рвомъ, шириною въ семь саженей. За валомъ, внутри, шла каменная стѣна, расположенная въ видѣ четыреугольника, вышиною въ двѣ съ половиною сажени, съ каменными бастіонами, а за нею другая стѣна, за которою находился домъ турецкаго коменданта, мечеть и помѣщеніе для гарнизона. Какъ только наши приступили къ осадѣ, немедленно открыта была пальба по крѣпости изъ пушекъ. Петръ, въ званіи бомбардира, самъ во всемъ подавалъ примѣръ, вездѣ былъ первый. Онъ самъ работалъ въ траншеяхъ то съ циркулемъ въ рукахъ, то изготовлялъ снаряды, самъ заряжалъ пушки, стрѣлялъ изъ нихъ бомбами. Служба въ траншеяхъ была не легка. „Пѣшіе, наклонясь, ходимъ — писалъ Петръ въ Москву, — потому что подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако и гнѣздо ихъ по маленьку сыплется“. Опасность постоянно угрожала его жизни. Братъ его, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, и любимая сестра, Наталія Алексѣевна, зная его неустрашимость, умоляли въ письмахъ беречь свое здоровье и хранить себя отъ вражескихъ пуль. Петръ по этому случаю писалъ сестрѣ: „Сестрица! по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а онѣ ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили. Однакожь, хотя и ходятъ, только по сю поры вѣжливо!“

Не смотря, однако, на самоотверженіе и энергію царя, работы по осадѣ шли медленно, вяло и неудачно. Главной причиной этому было то обстоятельство, что надъ однимъ и тѣмъ же войскомъ начальствовали сразу три главнокомандующихъ, не зависѣвшихъ другъ отъ друга и дѣйствовавшихъ самостоятельно, а потому въ военномъ совѣтѣ ихъ царствовало полнѣйшее несогласіе. Самъ Петръ не имѣлъ еще достаточно опытности, чтобъ безпристрастно судить, чье мнѣніе заслуживало большаго довѣрія. По своей привычкѣ къ товарищеской, дружинной жизни, онъ полагалъ, что и тутъ, на войнѣ, совѣтъ изъ трехъ начальниковъ-товарищей будетъ дѣйствовать лучше, чѣмъ одинъ главнокомандующій. Но на войнѣ эти совѣты оказались вовсе непримѣнимыми. Пока начальники по-товарищески спорили между собой, при чемъ каждый хотѣлъ непремѣнно настоять на своемъ, время драгоцѣнное уходило.

Къ тому же, въ происходившихъ при этомъ стычкахъ съ непріятелемъ выяснилось, чту турки во всемъ оказывались сильнѣе и опытнѣе русскихъ.

Особенно много бѣдъ надѣлала русскимъ измѣна голландскаго матроса Якова Янсена, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ Петра, который проводилъ съ нимъ дни и ночи, не скрывая онъ него своихъ намѣреній. Янсенъ передался туркамъ и сообщилъ имъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи и расположеніи русской арміи и указалъ, что туркамъ особенно удобно сдѣлать нападеніе на лагерь генерала Лефорта. Въ то же время, одинъ изъ русскихъ раскольниковъ, находившихся въ Азовѣ, пробрался ночью къ русскимъ траншеямъ, отозвался по-русски на окликъ часовыхъ, что онъ казакъ, все высмотрѣлъ, и вернулся опять въ крѣпость... Вслѣдъ за тѣмъ, турки выслали янычаръ, которые неожиданно напали на русскій лагерь, перебили многихъ сонныхъ стрѣльцовъ и нанесли бы русскому войску жестокое пораженіе, еслибы генералъ Гордонъ не успѣлъ во время отбить ихъ, потерявъ, однако, при этомъ нѣсколько пушекъ.

Осада и бомбардированіе Азова, послѣ этого происшествія, продолжались, но безъ особеннаго успѣха. 5-го августа былъ предпринятъ генеральный штурмъ крѣпости, не смотря на то, что не всѣ начальники одобряли его. Генералъ Гордонъ еще ранѣе доказывалъ, что необходимо прежде окончить нѣкоторыя предварительныя работы, чтобъ обезпечить войска на случай неудачи; но мнѣніе Головина и Лефорта восторжествовало. Войска пошли на приступъ безъ всякой подготовки и были жестоко отбиты турками, при чемъ много людей погибло совершенно понапрасну. Въ войскахъ распространилось уныніе. Самъ Петръ часто находился въ мрачномъ расположеніи духа. Нѣкоторые изъ друзей его, товарищей дѣтства, были уже убиты. Но Петръ выдержалъ свой характеръ; онъ не отступилъ отъ Азова, не падалъ духомъ и часто даже по прежнему шутилъ въ своихъ письмахъ.

Въ сентябрѣ войска опять приготовились къ штурму. Рѣшено было сдѣлать предварительно подкопъ, взорвать его, и, какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ войсками. Но для этого у насъ недоставало искусныхъ инженеровъ. Въ качествѣ главнаго инженера при арміи состоялъ Францъ Тиммерманъ, давно уже не занимавшійся этимъ дѣломъ, перезабывшій наполовину и изъ того, что зналъ, и потому не умѣвшій теперь взяться за это дѣло какъ слѣдуетъ. Онъ съ своими помощниками устроилъ въ подкопѣ камеру и наполнилъ ее порохомъ. Гордонъ сталъ доказывать, что этого недостаточно, и что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ своихъ же. Но созванный царемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ. Предсказанія Гордона сбылись буквально: крѣпостная стѣна осталась невредимою, а множество русскихъ погибло отъ взрыва... Эта неудача сильно огорчила Петра и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ. Армія потеряла всякое довѣріе къ иностранцамъ; виновники неудачнаго подкопа сдѣлались предметомъ общей ненависти и нѣсколько дней сряду не смѣли показываться солдатамъ.

Петръ, однако, и послѣ этого не потерялъ надежды овладѣть крѣпостью. Опять пошла рѣчь о штурмѣ. Поддерживаемый мнѣніемъ Головина и Лефорта, Петръ возобновилъ попытки къ штурму, окончившіяся на этотъ разъ полною неудачею. Убѣдившись, наконецъ, положительно, что безъ хорошихъ инженеровъ, а главное безъ поддержки флота съ моря крѣпости взять нельзя, Петръ рѣшилъ, 27-го сентября, отступить отъ Азова.

Отступленіе войска и возвращеніе его въ предѣлы Московскаго государства сопряжено было съ ужасными затрудненіями. По случаю бури, имѣвшей слѣдствіемъ разливъ водъ у береговъ Азовскаго моря и въ низовьяхъ Дона, утонуло много народу. Шедшій позади отрядъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Гордона, страшно страдалъ отъ нападеній татаръ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ отступавшее войско. Одинъ полкъ былъ разбитъ совершенно, а полковникъ взятъ въ плѣнъ. А когда пришлось войску идти черезъ безлюдную степь, до Валуекъ, перваго на возвратномъ пути русскаго города, то множество людей погибло отъ голода и ранней зимы, захватившей въ степи плохо одѣтое войско.

Вся дорога въ Москву, на протяженіи 800 верстъ, была усѣяна трупами людей и лошадей; всѣ деревни были переполнены больными, заражавшими мѣстныхъ жителей своими недугами; смертность была ужасная.

Въ свою очередь, и Борисъ Шереметевъ лишь отчасти дѣйствовалъ успѣшно на Днѣпрѣ: онъ успѣлъ занять тамъ только два форта—Кази-Керменъ и Таганъ.

Вообще, неудачи азовскаго похода числомъ жертвъ превосходили даже неудачи Голицына въ крымскихъ походахъ. Послѣ такого несчастнаго исхода предпріятія, у всякаго другого человѣка пропала бы малѣйшая охота къ возобновленію войны съ турками,—но не у Петра. Именно здѣсь, благодаря этой неудачѣ, и проявился великій человѣкъ: Петръ не только не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды, какъ бы пере-

родился, и обнаружилъ изумительную дѣятельность, рѣшившись во что бы то ни стало загладить неудачи и вернуть себѣ успѣхъ, хотя бы цѣною вторичнаго похода... Не даромъ говорятъ, что съ азовской неудачи начинается царствованіе Петра *Великаго.* Петръ весь теперь предался дѣлу, забывъ совершенно потѣхи.

Послѣ краткаго пребыванія въ Тулѣ, гдѣ онъ на одномъ изъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ собственными руками выковалъ желѣзную полосу, Петръ торжественно вступилъ въ Москву. Хотя и торжественно встрѣчала Москва своего царя, вернувшагося изъ труднаго и дальняго похода, но трудно было скрыть полную неудачу, которая для многихъ подтверждала слова покойнаго патріарха Іоакима, что не можетъ быть успѣха и Божьяго благословенія, если русскими полками будутъ предводительствовать иноземцы-еретики. Въ народѣ поговаривали: „видно, это не корабли строить, не подъ Кожуховымъ потѣшаться, не съ нѣмцами пировать".

Раздраженіе въ войскѣ противъ иностранныхъ офицеровъ и инженеровъ легко могло повести теперь къ перемѣнѣ ихъ положенія. Но Петръ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ убѣдился, что не слѣдуетъ во всемъ полагаться на иностранцевъ и что необходимо самимъ взяться за дѣло, вполнѣ сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ всю ту пользу, которую могутъ принести намъ образованные иностранцы, въ качествѣ учителей нашихъ и второстепенныхъ помощниковъ. Поэтому, готовясь ко второму походу, Петръ немедленно обратился къ западно-европейскимъ правительствамъ, къ Австріи, Венеціи и Бранденбургскому курфюрсту съ призывомъ опытныхъ и свѣдущихъ инженеровъ и судостроителей. Въ то же время, онъ извѣстилъ польскаго короля и австрійскаго императора, что нельзя было взять Азова по недостатку оружія, снарядовъ, а болѣе всего—искусныхъ инженеровъ, и требовалъ, чтобы Австрія и Польша также приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, такъ такъ Россія на будущую весну пошлетъ подъ Азовъ и въ Крымъ войска многочисленнѣе прежняго.

14 декабря Петръ, заѣхавъ въ Москву за Гордономъ, отправился съ нимъ къ Лефорту, куда явился также Головинъ и другіе вельможи. Произошло совѣщаніе относительно предстоявшихъ военныхъ дѣйствій. Рѣшено было, что Шереметевъ опять будетъ дѣйствовать на Днѣпрѣ, между тѣмъ какъ главная армія, главнокомандующимъ которой былъ избранъ бояринъ Шеинъ, двинется къ Азову.

Въ то же время, для умноженія сухопутнаго войска, велѣно было кликнуть кличъ, чтобы всѣ охочіе люди, не исключая крѣпостныхъ, записывались въ солдаты и стрѣльцы.

Особенное же вниманіе Петръ обратилъ на постройку гребнаго флота, съ цѣлью, съ одной стороны, удобнаго перевоза къ Азову войска, съ другой—чтобы пресѣчь непріятелю всякую возможность, во время осады, получать съ турецкихъ кораблей помощь войскомъ, снарядами и продовольствіемъ. Однако, изготовленіе достаточно сильнаго для этой цѣли флота казалось дѣломъ немыслимымъ, такъ какъ до начала военныхъ дѣйствій оставалось какихъ-нибудь два, три зимнихъ мѣсяца, притомъ же не было ни настоящихъ верфей, ни хорошихъ корабельныхъ мастеровъ. Но несокрушимая воля Петра преодолѣла всѣ эти препятствія.

Еще со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, близъ Дона, у города Воронежа, гдѣ росли дремучіе лѣса, производилась постройка плоскодонныхъ судовъ, называемыхъ стругами, имѣвшихъ отъ 15-ти до 17-ти саженъ въ длину и до 3-хъ въ ширину. На этихъ судахъ производились сношенія съ донскими казаками и доставлялись имъ хлѣбные запасы. Петръ и выбралъ городъ Воронежъ для устройства верфей.

Замѣчательно, какъ измѣнились теперь отношенія Петра къ иностранцамъ, даже не состоявшимъ на русской службѣ. Прежде онъ обращался къ нимъ, какъ къ учителямъ своимъ, съ почтеніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Теперь же, когда они были нужны для настоящаго дѣла, онъ просто приказалъ выслать изъ Архангельска въ Воронежъ, волею-неволею, гол-

ландскихъ и англійскихъ плотниковъ съ чужеземныхъ судовъ. Но, не дожидаясь ихъ прибытія, онъ уже велѣлъ приступить къ дѣлу тѣмъ „корабельнаго дѣла мостильщикамъ“, ученикамъ Петровымъ, которые трудились съ нимъ прежде на Переяславльской верфи. Въ то же время, было приказано выслать по наряду изъ украинскихъ городовъ до 26.000 человѣкъ на воронежскія верфи. Отовсюду, съ частныхъ желѣзныхъ заводовъ, были волею-неволею собираемы также разные необходимые для судостроенія предметы. Образцомъ для строившихся судовъ служила галера, заранѣе заказанная въ Голландіи и привезенная въ Москву, а затѣмъ—въ Воронежъ.

Среди неусыпныхъ приготовленій къ походу, Петръ неожиданно занемогъ болѣзнію ноги, такъ что не былъ въ состояніи выйдти даже въ Успенскій соборъ, въ праздникъ Крещенія Господня, ни въ Вознесенскій монастырь, на панихиду по своей матери.

Къ довершенію горя Петра, 29 января 1696 года скоропостижно умеръ нѣжно любимый братъ его, царь Іоаннъ Алексѣевичъ, оставившій послѣ себя жену и пять дочерей...

Но ни тѣлесный недугъ, ни душевная скорбь не могли ослабить кипучей дѣятельности Петра. Похоронивши брата своего Іоанна, Петръ, въ концѣ февраля, озабочиваясь скорѣйшею постройкою судовъ, съ больною ногою, въ весеннюю распутицу, сопровождаемый лишь немногими лицами, отправился самъ въ Воронежъ на тяжкій трудъ... Тамъ ждалъ его стольникъ Титовъ, съ заготовленными лѣсными матеріалами для „галернаго и каторжнаго дѣла“... Вопреки своему обыкновенію, царь пробылъ въ дорогѣ цѣлую недѣлю, вѣроятно, изъ опасенія скорою ѣздою растревожить больную ногу; но, по пріѣздѣ въ Воронежъ, забылъ всѣ свои недуги и съ страшной энергіей принялся за работу.

Черезъ пять дней по прибытіи въ Воронежъ, онъ уже писалъ Стрѣшневу: „А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой“... На луго-

вой сторонѣ Воронежа, по чертежамъ и размѣрамъ самого Петра, заложено было до 30 военныхъ судовъ, подъ названіемъ галеасовъ, галеръ, каторгъ и брандеровъ. Кромѣ военныхъ судовъ, нужно было изготовить еще болѣе 1000 транспортныхъ судовъ. Корабельные мастера, вызванные изъ Архангельска, еще не прибыли. Главнымъ распорядителемъ при сооруженіи флотиліи, первымъ мастеромъ, въ то же время и первымъ плотникомъ, былъ самъ Петръ. Дни и ночи проводилъ онъ на верфи, то съ циркулемъ, то съ топоромъ въ рукѣ: однимъ указывалъ, другихъ понуждалъ. Постройка вообще шла съ большими затрудненіями. Жестокая зимняя стужа мѣшала скорости работъ; вдобавокъ, рабочіе бѣгали съ работъ, а на верфи, гдѣ производились работы, часто происходили пожары; среди рабочихъ свирѣпствовали болѣзни... Наступившее затѣмъ ненастное время увеличило тяжесть труда: до половины марта шли проливные дожди, такъ что рѣки вскрылись; потомъ вдругъ опять наступила стужа, рѣки снова стали, и отъ жестокаго холода не было возможности работать на верфи въ продолженіе пяти дней. Въ концѣ марта весеннее солнце согрѣло-было воздухъ и оживило природу, такъ что рѣки опять выступили изъ береговъ; но 7-го апрѣля, при сильномъ восточномъ вѣтрѣ, поднялась страшная вьюга съ бурею, снѣгомъ и морозомъ; опять цѣлые четыре дня нельзя было не только работать на верфи, но даже выйдти изъ дому. Не взирая, однако, на всѣ эти препятствія, Петръ дѣятельно распоряжался постройкою судовъ, работая самъ топоромъ и въ дождь, и въ холодъ; онъ исцѣлился отъ болѣзни ноги, и работалъ по этому случаю съ особенною ревностью. Самая лучшая изъ построенныхъ галеръ, самая легкая на ходу и красивая по отдѣлкѣ, вмѣщавшая въ себѣ болѣе 200 человѣкъ и названная „Принципіумъ“ („начало“), была дѣломъ царскихъ рукъ... Начальникомъ этой галеры сдѣлался самъ Петръ, по своему обыкновенію, принявшій скромное званіе „капитана Петра Алексѣева“. Молодой царь иногда по-прежнему шутилъ при этомъ въ своихъ

письмахъ въ Москву. Съ Ромодановскимъ, который въ шутку величался „кесаремъ“, Петръ часто переписывался въ это время, извѣщая его, какъ „своего государя“, о ходѣ работъ, иногда же, за недосугомъ, просто посылалъ поклонъ ему и Бутурлину заодно съ другими, въ письмѣ къ кому-нибудь изъ своихъ друзей. Ромодановскій обижался на это и дѣлалъ „господину капитану“ выговоры. Петръ оправдывался и отвѣчалъ Ромодановскому: „Въ послѣднемъ письмѣ изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными: и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ не искусны“... Такимъ образомъ, шутки и серьезныя работы смѣняли другъ друга.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля начали спускать суда на воду. Три изъ нихъ, бо́льшаго противъ другихъ размѣра, Принципіумъ, св. Маркъ и св. Матвѣй, были спущены 2-го апрѣля, съ церемоніею. Въ апрѣлѣ же окончено сооруженіе 36-пушечнаго корабля „Апостолъ Петръ“ и корабля „Молящійся св. Апостолъ Павелъ“.

Такимъ образомъ, въ Воронежѣ, въ теченіе апрѣля, было спущено на воду 23 галеры, 2 корабля и 4 брандера. Между тѣмъ, работы шли не только въ Воронежѣ, но и въ Козловѣ, въ Добромъ, въ Сокольскѣ. По всему теченію рѣки Воронежа, въ лѣсахъ, работало болѣе 30,000 человѣкъ, подъ надзоромъ четырехъ стольниковъ и разрядныхъ подъячихъ, изготовляя суда старой конструкціи, для перевозки Дономъ къ Черкаску войскъ, орудій, снарядовъ и запасовъ продовольствія. Какъ скоро вскрылись рѣки, болѣе 1,300 струговъ, отъ 15 до 19 саженъ длиною, покрыли воронежскія воды, ожидая погрузки.

Тѣмъ временемъ подходили собиравшіяся въ Воронежъ войска. 3-го мая караванъ судовъ двинулся съ этимъ войскомъ по Дону. Всего войска было до 40,000 человѣкъ. Адмираломъ военнаго флота былъ назначенъ Лефортъ, а главнокомандующимъ арміей—бояринъ Шеинъ. Самъ царь, въ званіи капитана Петра Алексѣева, находился на построенной имъ галерѣ

„Принципіумъ“. Кромѣ войскъ, отправленныхъ по Дону, назначено было дѣйствовать запорожскимъ и донскимъ казакамъ.

Военныя дѣйствія противъ Азова начались въ маѣ. При этомъ особенно полезнымъ генераломъ, по прежнему, оказался Гордонъ, ранѣе другихъ прибывшій къ Азову. Инженеры, выписанные изъ-заграницы, пріѣхали позднѣе, во время самой осады.

Въ первое время осады Азова Петръ былъ особенно занятъ вопросомъ: окажется ли новопостроенный имъ флотъ, съ совершенно еще неопытной командой, способнымъ къ борьбѣ съ турецкимъ флотомъ. 21-го мая Петръ самъ сдѣлалъ развѣдку и увидалъ значительный отрядъ турецкихъ судовъ. Это опечалило и озадачило Петра; онъ отдалъ приказаніе русскому флоту избѣгать столкновенія съ турецкими судами. Но скоро послѣ этого, казаки напали на турецкій флотъ, повредили и разогнали его и многихъ турокъ перебили. Событіе это обрадовало Петра; флотъ нашъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе и оказалъ чрезвычайную пользу тѣмъ, что совершенно отрѣзалъ крѣпость отъ турецкаго флота. Турки, въ свою очередь, не рѣшились атаковать русскій флотъ.

Между тѣмъ, произошли небольшія стычки съ татарами, безуспѣшно нападавшими на русскій лагерь. 16-го іюня началось бомбардированіе крѣпости. Петръ находился большею частью при флотѣ, на своей галерѣ „Принципіумъ“, и являлся въ лагерь ночью для совѣщаній съ генералами. Неустрашимый царь, во флотѣ и въ лагерѣ, часто подвергался опасностямъ.

Однако, бомбардированіе крѣпости не принесло выгодъ. Турки пока и не думали о сдачѣ. 23-го іюня было рѣшено спросить мнѣніе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть городомъ. Неученые воины отозвались, что надо возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ... Полководцы согласились на общее желаніе войска, и ночью на 23-е іюня армія приступила къ гигантской работѣ. Около 12,000 человѣкъ денно и нощно работали, подъ непрія-

тельскими выстрѣлами, надъ постройкою около города большаго землянаго вала, стараясь возвести его, по совѣту Гордона, выше городскихъ стѣнъ и оставляя выходы для вылазокъ и раскаты для батарей. Татары, покусившіеся помѣшать работамъ, были разсѣяны. Работа шла довольно успѣшно.

25-го іюня, въ русскій лагерь прибыли, наконецъ, иностранные инженеры. Они оказались тоже не безполезными. Подъ ихъ руководствомъ бомбардированіе пошло успѣшнѣе, такъ что угловая башня крѣпости вскорѣ была разрушена.

17-го іюля, малороссійскіе и донскіе казаки пошли съ землянаго вала на штурмъ крѣпости, но не имѣли успѣха, потому что не были поддержаны во-время другими частями войска.

Тѣмъ не менѣе, положеніе Азовской крѣпости было крайне затруднительное. Городъ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ русская флотилія не допускала турецкій флотъ подать помощь осажденнымъ съ моря. Съ другой стороны, сооруженіе вала, отважность запорожцевъ и донцовъ, искусство иностранныхъ инженеровъ и приготовленія къ общему штурму, въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ, — все это, вмѣстѣ взятое, навело страхъ на турокъ.

Уже на второй день послѣ приступа запорожцевъ, въ то время, когда на военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о повтореніи штурма, турки предложили сдать крѣпость, съ условіемъ отпустить ихъ изъ города съ ручнымъ оружіемъ и съ ихъ семействами. Петръ согласился на это, выговоривъ себѣ также выдачу измѣнника Янсена, который просилъ турокъ лучше отсѣчь ему голову, нежели выдавать Москвѣ. Турки выдали его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими раскольниками, перебѣжавшими къ нимъ.

Сдача Азова являлась слѣдствіемъ несокрушимой энергіи и искусныхъ дѣйствій Петра и его войска. Обрадованный этою побѣдою, Петръ весело пировалъ въ покоренномъ Азовѣ. Съ какимъ восторгомъ было принято это извѣстіе въ Москвѣ, о томъ и говорить нечего; взятіе Азова было великимъ торже-

ствомъ для русскихъ, первымъ торжествомъ надъ страшными турками, которые еще такъ недавно, въ виду русскаго войска, разорили Чигиринъ. Но болѣе всѣхъ, конечно, радовались люди, близкіе къ Петру; потому что это блистательное дѣло было твердымъ доказательствомъ тому, что не даромъ строили кораблики, да не даромъ вызывали и иностранцевъ. Послѣ этого новое правительство могло смѣло идти впередъ, потому что далеко стало выше стараго со его крымскими походами.

Взятіе Азова открывало Россіи свободный доступъ къ Черному морю. Поэтому Петръ, на другой же день послѣ взятія Азова, поручивъ Гордону составить планъ укрѣпленія города, отправился самъ, не теряя ни минуты, отыскивать удобное мѣсто, гдѣ бы можно было устроить гавань для будущаго русскаго черноморскаго флота, о которомъ уже мечталъ теперь пылкій побѣдитель. Выбравъ съ этой цѣлью мысъ Таганъ-Рогъ, Петръ вскорѣ затѣмъ отправился съ войсками въ Москву.

Покореніе Азовской крѣпости было въ свое время событіемъ чрезвычайно важнымъ. Это была первая побѣда русскихъ надъ турками, еще страшными тогда для всей Европы, а потому побѣда эта должна была придать Россіи нѣкоторый вѣсъ въ Европѣ. Съ другой стороны, овладѣніе Азовомъ открывало путь къ дальнѣйшему движенію Россіи на югъ, къ обладанію черноморскимъ берегомъ и Чернымъ моремъ. Русскіе тѣмъ болѣе могли теперь радоваться успѣху царя Петра, что успѣхъ этотъ послѣдовалъ послѣ цѣлаго ряда неудачъ, которыми оканчивались наши войны съ татарами при царѣ Ѳеодорѣ и царевнѣ Софьѣ. Успѣхъ русскаго оружія въ войнѣ съ Турціею произвелъ глубокое впечатлѣніе даже на иностранцевъ. Правда, нашлись завистники, въ лицѣ поляковъ, но, къ счастію для Россіи, были и государства, искренно радовавшіяся успѣхамъ Петра, въ томъ числѣ Испанія, Англія, Венеціанская республика; въ Голландіи же и Италіи сочинялись даже стихи, восхвалявшіе славу русскаго оружія при взятіи Азова.

Петръ, осмотрѣвъ на возвратномъ пути тульскіе желѣзные заводы и, затѣмъ, прибывши въ Москву, устроилъ тамъ, 30-го сентября, никогда еще невиданный праздникъ — торжественный входъ войскъ въ столицу чрезъ тріумфальныя ворота, украшенныя разными изображеніями, лавровыми вѣнками и надписями. Вездѣ по улицамъ Москвы видны были украшенія. При въѣздѣ изъ Замоскворѣчья на Каменный мостъ были устроены тріумфальныя ворота по чертежу и подъ надзоромъ дьяка Виніуса. Надъ фронтономъ воротъ, среди знаменъ и оружія, былъ выставленъ двуглавый орелъ подъ тремя коронами. На фронтонѣ виднѣлись надписи: „Богъ съ нами, никто же на ны.— Никогда же бываемое". Фронтонъ поддерживали статуи Геркулеса (языческій Самсонъ) и Марса (богъ войны); подъ первымъ на пьедесталѣ (подножье) изображенъ былъ азовскій паша, подъ вторымъ татарскій мурза. Надъ пашею было написано: „Ахъ! Азовъ мы потеряли и тѣмъ бѣдство себѣ достали". Надъ мурзою: „Прежде на степяхъ мы ратовались, нынѣ же отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались". По обѣимъ сторонамъ были выставлены картины на полотнѣ: на одной представлено было морское сраженіе, на другой изображена была битва съ татарами и приступъ къ Азову.

Торжественный входъ побѣдителей въ Москву происходилъ 30 сентября: впереди всѣхъ ѣхалъ думный дьякъ, Н. М. Зотовъ, въ каретѣ, запряженной шестернею вороныхъ лошадей; затѣмъ слѣдовали дьяки и пѣвчіе; въ другой каретѣ ѣхали бояринъ Ф. Ал. Головинъ и кравчій Кир. Ал. Нарышкинъ; за ними въ государевыхъ золотыхъ саняхъ ѣхалъ Фр. Як. Лефортъ; за этими санями, въ скромномъ мундирѣ морскаго капитана, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, шелъ царь-побѣдитель. Виніусъ, какъ строитель торжества, съ верху тріумфальныхъ воротъ говорилъ стихи побѣдителямъ.

Въ шествіи вели плѣнныхъ турокъ и вели измѣнника Янсена, на поруганіе одѣтаго по-турецки, въ цѣпяхъ, подъ висѣлицею съ петлею на шеѣ и съ надписью, гласившею объ

его измѣнѣ и отступничествѣ. Янсенъ былъ потомъ всенародно казненъ.

Овладѣвъ Азовомъ, Петръ сдѣлалъ тѣмъ самымъ первый шагъ къ овладѣнію Чернымъ моремъ. Чтобы удержать за собою Азовъ и обезпечить плаваніе по открытому такимъ образомъ для Россіи морскому пути, необходимо было продолжить дальнѣйшія наши завоеванія на черноморскихъ берегахъ. Упорное противодѣйствіе со стороны турокъ и татаръ было при этомъ неизбѣжно; къ нему должна была готовиться Россія, и готовиться поспѣшно. Для этой цѣли необходило было немедленно сдѣлать Азовъ вполнѣ русскимъ городомъ и въ самое короткое время создать флотъ на Азовскомъ морѣ. Въ этихъ видахъ Петръ, вмѣстѣ съ боярами, придумалъ такое средство: въ Азовъ немедленно были посланы войска и до 3.000 семей русскихъ поселенцевъ; въ то же время, всѣмъ жителямъ Московскаго государства указано было принять самое дѣятельное участіе въ постройкѣ въ Воронежѣ 52-хъ большихъ кораблей. Для этой цѣли выписаны были въ Воронежъ иностранные мастера изъ Венеціи, Швеціи, Даніи и Голландіи. Второстепенные рабочіе, какъ-то: плотники, кузнецы, столяры были изъ русскихъ; этихъ рабочихъ, а равно матеріалъ и все снаряженіе для кораблей обязаны были поставлять въ Воронежъ, на свой счетъ, всѣ купцы и владѣльцы земель, раздѣленные съ этой цѣлью, по числу дворовъ, на „кумпанства", т. е. общества или компаніи. Владѣльцы духовные, имѣвшіе вмѣстѣ 8.000 крестьянскихъ дворовъ, соединялись въ отдѣльныя компаніи; свѣтскіе помѣщики, имѣвшіе вмѣстѣ 10.000 дворовъ, составляли также отдѣльныя кумпанства; каждая изъ этихъ компаній должна была изготовить и снарядить по одному кораблю; съ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ взималось на постройку кораблей по полтинѣ съ двора; купцы же обязаны были построить, всѣ вмѣстѣ, 12 кораблей.

Чтобы открыть больше доступовъ къ Азову, Петръ предпринялъ прорытіе канала между Дономъ и Волгою, посред-

ствомъ рѣкъ Иловли и Камышенки. Въ то же время, на Азовскомъ морѣ, въ Таганрогѣ, приступлено было къ постройкѣ гавани.

Благодаря необычайной энергіи царя, дѣло судостроенія пошло довольно успѣшно, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ были построены требуемыя суда. Но Петръ при этомъ скоро убѣдился, что постройка судовъ, веденная такимъ способомъ, не можетъ быть прочнымъ дѣломъ на будущее время. Рабочіе безпрестанно бѣгали съ верфей; иноземные мастера ссорились между собою, а иные брали деньги, а отъ дѣла уклонялись; многіе изъ этихъ иноземцевъ думали, что они пришли въ такую страну, гдѣ и плохая работа можетъ сойти за отличную. Русскія же компаніи, ничего не понимавшія въ дѣлѣ судостроенія, не могли сдѣлать шага безъ этихъ иностранныхъ мастеровъ, такъ что подобный способъ кораблестроенія ставлялъ Россію и русскихъ въ постоянную необходимость пробавляться искусствомъ иноземцевъ и тѣмъ самымъ зависѣть отъ нихъ.

Все это, вмѣстѣ взятое, убѣдило Петра, что необходимо приготовить своихъ русскихъ знающихъ мастеровъ. Съ этой цѣлью Петръ выбралъ изъ знатныхъ фамилій до 50 молодыхъ людей-стольниковъ, и отправилъ ихъ, для изученія корабельнаго искусства, за границу, въ такія страны, гдѣ въ то время особенно процвѣтало мореплаваніе: въ Голландію, Англію, Испанію и Венецію. Къ каждому изъ нихъ приставлено было по одному солдату, съ тѣмъ, чтобы дядьки эти смотрѣли за баричами, не привыкшими къ труду. Преждевременное возвращеніе въ отечество, безъ письменнаго свидѣтельства въ основательномъ изученіи кораблестроенія, положено было наказывать лишеніемъ имущества. Молодые люди съ большою неохотою отправлялись въ дальніе края, тѣмъ болѣе, что не знали иностранныхъ языковъ, а нѣкоторые имѣли женъ и должны были покинуть ихъ. Отцы ихъ, никогда не бывавшіе за границей, также скорбѣли о разлукѣ съ сыновьями, и, не

понимая государственныхъ цѣлей Петра, проклинали судостроенiе. Особенно всѣ боялись, чтобы русскiе, усвоивая знанiя отъ иноземцевъ, не переняли вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ вѣру, какъ будто кораблестроенiе имѣло какое нибудь отношенiе къ вѣрѣ. Въ то время думали, что русскому достаточно поучиться у иноземца какому нибудь ремеслу, чтобы потерять чистоту своей вѣры, и потому православные люди боялись даже сообщаться съ иноплеменниками. Противъ Петра поднялся сильный ропотъ. Даже намѣренiе его прорыть каналъ между Волгою и Дономъ считали дѣломъ неугоднымъ Богу: „нельзя — говорили русскiе люди — обращать потоки въ одну сторону, когда уже Богъ обратилъ ихъ въ другую"...

Всегда первый труженикъ, преданный до страсти своему дѣлу, Петръ рѣшился тогда ободрить и увлечь подданныхъ собственнымъ примѣромъ. Онъ сознался передъ боярами, что не получилъ надлежащаго образованiя, и потому еще неспособенъ совершать дѣла, которыя считалъ полезными для своего государства, а потому не видитъ иного средства, какъ сложить на время для видимости корону, и отправиться самому въ просвѣщенныя европейскiя страны учиться...

Подобнаго примѣра еще не было въ исторiи русскихъ государей, а потому намѣренiе Петра было встрѣчено приверженцами старины съ сильнѣйшимъ негодованiемъ. Они думали, что православный царь бросаетъ свое государство, уѣзжаетъ къ еретикамъ, не вернется больше въ Россiю и покинетъ своихъ подданныхъ. Среди стрѣльцовъ опять начались волненiя и тайные заговоры противъ Петра.

Не безъ слезъ и ропота отпустили бояре дѣтей своихъ за границу учиться; но когда узнали, что и самъ царь ѣдетъ туда же и за тѣмъ же, то это еще болѣе усилило ропотъ въ закоснѣлыхъ приверженцахъ старины. Оскорблялись и тѣмъ, что онъ безпрестанно уѣзжаетъ изъ дворца, изъ Москвы, пренебрегаетъ обязанностями семейными, проводитъ время въ потѣхахъ, привязался къ иностранцамъ, не радѣетъ о дѣлахъ пра-

вительственныхъ, довѣряетъ все ближнимъ боярамъ, допускаетъ, по нелюбви къ женѣ, угнетать жениныхъ родственниковъ. Милославскіе съ своими подручниками напоминали народу о Софьѣ, какъ защитницѣ старины и православія. Распустили даже слухъ, что будто бы самъ царь Иванъ Алексѣевичъ говорилъ: „братъ мой живетъ не по церкви, ѣздитъ въ Нѣмецкую слободу и знается съ нѣмцами". Въ началѣ 1697 года, монахъ Авраамій рѣшился, какъ бы отъ лица всего народа, высказать царю правду и подалъ ему тетради, указывая въ нихъ, что̀ именно въ поведеніи Петра соблазняетъ народъ. Ретиваго монаха, послѣ пытки, отправили на заточенье, а друзей его били кнутомъ и сослали въ Азовъ. Были между недовольными и родовые вельможи: извѣстный старовѣръ Алексѣй Соковнинъ и бояринъ Матвѣй Пушкинъ. Невыносимо было для нихъ видѣть всѣ новшества Петровскія, посылку дѣтей въ еретическія страны и наконецъ поѣздку самаго царя туда же. И вотъ они избираютъ своимъ оружіемъ Цыклера, стрѣлецкаго полковника. Это былъ человѣкъ съ самымъ неугомоннымъ честолюбіемъ, пробивался впередъ и при Софьѣ и Петрѣ, но все оставался позади; въ это время назначался онъ строителемъ крѣпости Таганрога, что указывало на немилость, ибо назначеніе въ отдаленныя мѣста считалось ссылкою. Этого-то сумасброда подбиваютъ Соковнинъ и Пушкинъ извести царя. Цыклеръ рѣшается и начинаетъ подговаривать стрѣльцовъ; но они донесли о замыслѣ. Въ Преображенскомъ, 25 февраля 1687 года, пятидесятникъ Ларіонъ Елизарьевъ, передалъ царю свой разговоръ съ Цыклеромъ. Цыклеръ сперва запирался, но на пыткѣ сознался и указалъ на Соковнина, Пушкина и другихъ; признался, что говорилъ: „какъ буду на Дону у городоваго дѣла Таганрога, то оставя службу, съ донскими казаками пойду къ Москвѣ для ея разоренія, и буду дѣлать то-же, что Стенька Разинъ". Цыклеръ разсказалъ о своемъ собесѣдничествѣ съ Иваномъ Милославскимъ, и какъ Софья подучала его на убійство. Это до такой степени раздражило царя, что

онъ, чтобы наказать Софью, какъ дочь Милославской, и навести ужасъ на всѣхъ Милославскихъ и подобныхъ имъ крамольщиковъ, приказалъ выкопать Ивана Милославскаго изъ могилы и привезти его въ Преображенское. Въ день казни измѣнниковъ, 4 марта, гробъ Ивана Милославскаго былъ поставленъ у самыхъ плахъ, такъ что въ него точилась кровь обезглавленныхъ. Головы казненныхъ были воткнуты на столбы на Красной площади Объ открытіи заговора разсказываютъ слѣдующее:

Собравшись въ отъѣздъ за границу, въ февралѣ 1697 года, Петръ пировалъ на радости у своего любимца генерала Лефорта; вдругъ среди общаго веселья его вызвали два стрѣльца и по секрету сообщили ему, что стрѣлецкіе начальники Соковнинъ и Цыклеръ замышляютъ поджечь дворецъ и во время общей суматохи на пожарѣ умертвить его. Нисколько не смутившись этимъ извѣстіемъ, Петръ тотчасъ же отдалъ приказаніе капитану Лопухину явиться съ ротою солдатъ, ровно въ 11 часовъ ночи, къ дому Соковнина, окружить его и, по первому приказанію, связать всѣхъ, кого тамъ застанетъ, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся къ пирующимъ; но въ 10 часовъ Петръ объявилъ, что ему нужно отлучиться по одному дѣлу, съ немногими приближенными лицами...

Между тѣмъ, въ отдаленномъ уголкѣ Москвы, въ домѣ Соковнина, въ верхней, отдѣльной отъ другихъ покоевъ свѣтелкѣ, сидѣли за столомъ самъ Соковнинъ, Цыклеръ и нѣсколько ихъ товарищей, спокойно попивая хмѣльную брагу и совѣщаясь между собою, какъ имъ ловчѣе будетъ напасть на Петра. Вдругъ дверь распахнулась, и самъ Петръ какъ изъ земли выросъ передъ заговорщиками. Привѣтливымъ обращеніемъ онъ сейчасъ же успокоилъ смутившихся стрѣльцовъ, самъ сѣлъ съ ними за столъ и попросилъ себѣ браги. Всѣ стали пить за его здоровье. Въ ожиданіи Лопухина, Петръ веселыми разговорами старался продлить время. Злодѣи ободрились и не хотѣли упустить удобной минуты; они начали уже

подавать знаки другъ другу для нападенія... „Пора, братецъ!“ — „Нѣтъ, не пора еще!“ —шептались они...

— „Ну, такъ мнѣ теперь пора!“ грозно воскликнулъ Петръ, вскочилъ со стула, и сильнымъ ударомъ повалилъ Соковнина на полъ... Въ ту же минуту вошелъ Лопухинъ съ своей ротой. Заговорщики были арестованы.

Этотъ случай показалъ Петру, какой опасности онъ подвергается, настаивая на своемъ намѣреніи ѣхать за границу. Но Петръ, думавшій только о благѣ Россіи, не смотрѣлъ ни на что; черезъ нѣсколько дней послѣ казни заговорщиковъ, онъ отправился въ путь...

Въ это время Петру было 25 лѣтъ. Это былъ необыкновенно сильный юноша, ростомъ безъ двухъ вершковъ сажень, съ стройнымъ станомъ, необыкновенно быстрой походкой, съ красивымъ, нѣсколько смугловатымъ лицомъ, съ большими черными глазами, исполненными живости и огня, съ темными, слегка вьющимися волосами и съ небольшими усиками, придававшими ему видъ военный и грозный. Голосъ онъ имѣлъ громкій и чистый, говорилъ съ жаромъ, свободно и сильно, энергически размахивая правой рукою; характера былъ горячаго, пылкаго, нерѣдко воспалявшаго его страшнымъ гнѣвомъ, измѣнявшимъ даже черты лица его... Волю онъ имѣлъ желѣзную. При первомъ же взглядѣ на него, онъ вселялъ къ себѣ почтеніе, смѣшанное съ какимъ-то страхомъ... Тѣлосложенія онъ былъ необычайно крѣпкаго, благодаря которому могъ переносить невѣроятные труды.

Но, не смотря на свои молодые годы, Петръ испыталъ уже много огорченій. Не разъ онъ долженъ быть страшиться даже за самую жизнь свою. Отъ страшныхъ трудовъ, безсонныхъ ночей и частыхъ огорченій, у него рано начала трястись голова, а на лицѣ появлялись нервныя подергиванія... Въ своемъ стремленіи быть примѣрнымъ во всемъ, онъ не гнушался никакимъ трудомъ; руки его были всѣ въ мозоляхъ, какъ у простаго работника... Онъ зналъ уже въ совершенствѣ однихъ

ремеслъ четырнадцать! Но ни труды, ни огорченія и страхи не ожесточали сердца великаго царя: для блага своего народа, онъ добровольно обрекъ себя въ молодые годы на дальнѣйшій тяжкій трудъ и науку.

Еслибы царствованіе Петра окончилось только на 25 году его жизни, то и тогда старанія и труды, положенные имъ на пользу Россіи, имѣли бы уже право на вѣчную признательность потомства. Уже въ то время онъ успѣлъ оказать важныя услуги отечеству: онъ первый указалъ высшему обществу русскаго народа, привыкшему къ барству и азіатской лѣни, на необходимость честнаго и неустаннаго труда и просвѣщенія; первый указалъ русскимъ людямъ на необходимость заняться самимъ искусствами и ремеслами и постоянно стремиться къ усовершенствованію въ нихъ; онъ первый рѣшился сблизить русскихъ съ просвѣщенными европейцами, которыхъ до него чуждался русскій народъ; онъ указалъ на важное значеніе для Россіи пріобрѣтенія морей и первый открылъ доступъ къ Черному морю; первый понялъ значеніе и необходимость постояннаго войска и положилъ начало русскому военному и торговому флоту. Словомъ, еще въ молодые годы въ Петрѣ выказался великій человѣкъ, понявшій недостатки и достоинства русскаго народа и вѣрно указавшій ему на средства для достиженія славы, могущества и благосостоянія.

Но Петръ послѣ того царствовалъ еще 27 лѣтъ. До сихъ поръ онъ добивался до всего, можно сказать, только собственнымъ умомъ. Будучи же 25 лѣтъ, онъ первый изъ русскихъ государей отправился за границу, гдѣ долженъ былъ увидѣть много новаго для себя, иной образъ жизни людей, другіе нравы и порядки, высокое развитіе наукъ, искусствъ и ремеслъ; могъ познакомиться тамъ со многими иноземными учеными и государями, которые имѣли самое слабое понятіе не только о русскомъ народѣ, но и о русскихъ государяхъ. Все это, при необыкновенныхъ способностяхъ Петра, при его пылкой любознательности и проницательномъ умѣ, должно было научить его

многому, навести его на новыя мысли и стремленія, которыя, при рѣшимости Петра и при его несокрушимой волѣ, не могли остаться безъ осуществленія.

Дѣйствительно, со времени его путешествія за границу, начинается полное преобразованіе Россіи и тѣснѣйшее сближеніе ея съ западной Европой, — словомъ, начинается новая исторія Россіи.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПУТЕШЕСТВІЯ ЗА ГРАНИЦУ И ВОЙНЫ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мнѣнія русскихъ объ иностранцахъ и иностранцевъ о русскихъ.—Положеніе Россіи между европейскими государствами.—Снаряженіе посольства.—Пребываніе Петра въ Ригѣ, Либавѣ и Кенигсбергѣ.

Въ 1697-мъ году, въ Россіи совершилось безпримѣрное событіе: молодой двадцати-пятилѣтній русскій царь, оставивъ на время тронъ и ввѣривъ управленіе государствомъ избраннымъ вельможамъ, отправился самъ въ просвѣщенныя европейскія страны учиться, главнымъ образомъ, кораблестроенію, въ качествѣ простого плотника. Царь этотъ былъ Петръ Великій. Подобнаго примѣра не представляетъ не только русская, но и исторія всѣхъ народовъ. Не мудрено поэтому, что отъѣздъ царя за границу, съ цѣлію ученія, изумилъ весь русскій народъ и даже образованныхъ иностранцевъ, тѣмъ болѣе, что до этого времени московскіе государи, наравнѣ съ прочими русскими людьми, жили безвыѣздно въ Россіи, стараясь всячески избѣгать сообщенія съ иностранцами.

Но Петръ считалъ путешествіе свое за границу необходимымъ для блага и счастія Россіи. Своимъ обширнымъ, проницательнымъ умомъ онъ давно уже созналь всю невыгоду тогдашняго положенія Московскаго царства, совершенно разобщеннаго отъ образованныхъ западно-европейскихъ народовъ.

Въ то время въ Россіи не были распространены ни науки, ни искусства, ни торговля; грамота также была доступна лишь немногимъ русскимъ людямъ; часто случалось, что даже знатные бояре-царедворцы не умѣли подписать своего имени.

Вслѣдствіе этого, не только въ общественной и частной русской жизни не могло быть надлежащаго порядка и удобствъ, но и государство русское терпѣло большую нужду во многихъ предметахъ, необходимыхъ какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ быту. Пушки, ядра, ружья, порохъ и тому подобное приходилось постоянно выписывать изъ-за границы; даже офицеровъ и полководцевъ часто приходилось нанимать среди иноземцевъ. Для постройки большихъ зданій и разнаго рода сооруженій тоже надо было, волей-неволей, выписывать заграничныхъ мастеровъ. При этомъ, русскіе вовсе не знали заграничной, западно-европейской жизни, и относились у себя на родинѣ ко всѣмъ иноземцамъ крайне враждебно, называя ихъ „басурманами“ и считая даже общеніе съ ними большимъ грѣхомъ. Въ Москвѣ народъ не разъ пытался разрушить Нѣмецкую слободу, образовавшуюся изъ переселившихся въ Россію иностранныхъ купцовъ, ремесленниковъ и военныхъ. Поэтому отецъ Петра Великаго, царь Алексѣй Михайловичъ, приказалъ выселить за городъ всѣхъ этихъ иностранцевъ, проживавшихъ до того времени въ самой столицѣ.

Западно-европейскіе народы, съ своей стороны, тоже весьма мало знали Россію и относились къ ней, по большей части, недовѣрчиво и съ пренебреженіемъ. Они считали русскихъ народомъ азіятскимъ, необразованнымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ государствами западной Европы. Многіе изъ ино-

странцевъ не вѣрили даже, что русскіе христіане. Въ то же время, на Западѣ сильно опасались развитія могущества Россіи, и потому постоянно толкокали о необходимости запрещенія переселяться въ Россію европейскимъ ремесленикамъ, художникамъ, инженерамъ, артиллеристамъ и офицерамъ. Полководцы иностранные требовали прекращенія вывоза въ Россію военныхъ снарядовъ, въ особенности огнестрѣльнаго оружія. Даже отъ морскаго плаванія въ Россію иностранцы старались удерживать своихъ купцовъ и говорили: „непріятель отъ сообщенія просвѣщается и снабжается свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель нашимъ...“ Столь враждебно относились тогда къ Россіи даже такіе близкіе къ ней нѣмецкіе города, какъ Ревель, Рига, Дерптъ и другіе.

Такимъ образомъ, въ западной Европѣ держались того мнѣнія, что усиленіе и просвѣщеніе Московскаго государства опасны для Европы, и потому старались всѣми силами препятствовать сближенію русскихъ съ европейскими народами, обезсиливать Россію и держать ее подальше отъ европейскаго просвѣщенія...

При такихъ враждебныхъ отношеніяхъ западныхъ государствъ къ Московскому царству, послѣднему могла угрожать серьезная опасность съ запада, тѣмъ болѣе, что Россія и на югѣ у себя имѣла опаснаго врага—Турцію, въ то время полудикую, но воинственную и грозную своими многочисленными войсками державу.

Правда, и русскій народъ былъ тоже многочисленный, и, по первому мановенію царя, всегда готовъ былъ дружно возстать на своихъ враговъ; но, вслѣдствіе отсутствія въ Россіи правильно устроеннаго войска, силы наши въ то время не были страшны врагамъ. Единственное, сколько-нибудь устроенное войско въ Россіи составляли стрѣльцы, проживавшіе въ Москвѣ въ числѣ 20—30-ти тысячъ человѣкъ; но и эти воины были плохо обучены, жили семьями въ слободахъ, отличались

неповиновеніемъ и частыми смутами, и занимались больше мелкою торговлею и промыслами, чѣмъ военнымъ дѣломъ. Главную же массу войскъ въ Московскомъ царствѣ въ военное время составляли ополченцы. Эти ратныя ополченія, выставляемыя по царскому слову боярами, представляли многочисленное, но нестройное сборище совсѣмъ неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ помѣщиковъ и деревенскихъ обывателей, оторванныхъ прямо отъ сохи и вооруженныхъ чѣмъ попало. Они сами были обязаны заботиться о своемъ продовольствіи во время похода, а потому часто опустошали не только чужую, но и свою землю, или гибли отъ голода.

При такихъ обстоятельствахъ, Россіи трудно было защищаться отъ внѣшнихъ враговъ, которые всячески старались воспользоваться ея безсиліемъ. Турція постоянно высылала раззорять наши южныя окраины, подвластныхъ ей крымскихъ татаръ, которые появлялись иногда даже въ окрестностяхъ Кіева и Москвы; часто случалось, что татары уводили въ плѣнъ за одинъ разъ до 60.000 русскихъ жителей! Почти всѣ черныя работы въ Турціи исполнялись русскими плѣнными. По свидѣтельству очевидцевъ, на всѣхъ военныхъ судахъ турокъ не видно было почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія, а въ городахъ и мѣстечкахъ, по всему турецкому царству, видно было такое множество русскихъ плѣнныхъ, что они обыкновенно спрашивали турецкихъ христіанъ: „остались ли еще на Руси какіе-нибудь люди?“ Такимъ образомъ, хотя Россія и могла выставить въ поле до 200.000 ратниковъ, но съ помощью ихъ не въ состояніи была предохранить себя даже отъ набѣговъ татаръ. Еще бо̀льшая опасность грозила Россіи со стороны западныхъ европейскихъ государствъ, которыя были гораздо опаснѣе Турціи, именно благодаря своей образованности и богатству, позволявшимъ имъ держать многочисленныя и хорошо обученныя войска. Дѣйствительно, въ частыхъ войнахъ съ европейскими народами Россія теряла уже не только людей, но и земли.

Швеція, которая изстари враждовала съ Россіей изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ, успѣла захватить всѣ наши сѣверозападныя земли по берегу этого моря: отняла Ливонію, всю Нарвскую область—съ озеромъ Чудскимъ и Псковскимъ, Карелію, Ижору и всѣ стародавнія русскія земли при Финскомъ заливѣ — съ рѣкою Невою и озеромъ Ладожскимъ; такъ что, Россія, послѣ этого, совершенно была отрѣзана отъ Балтійскаго моря, изъ котораго она прежде могла угрожать Швеціи и по которому могла также вести мирныя сношенія съ просвѣщенными народами западной Европы. Не даромъ король шведскій, Густавъ-Адольфъ, по случаю заключенія мира съ русскими, по которому всѣ эти земли переходили къ Швеціи, съ радостью воскликнулъ: „Великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ!"

Не только Шведское государство, которое было въ то время дѣйствительно могущественнымъ и занимало почетное положеніе среди европейскихъ державъ, но даже маленькое Польское королевство, расположенное по западной русской сухопутной границѣ, не разъ также одерживало перевѣсъ надъ Россіей, въ особенности въ смутное время, когда полякамъ удалось овладѣть самою Москвою, и когда они успѣли даже принудить бояръ къ избранію въ московскіе цари польскаго королевича Владислава. Только чрезвычайнымъ, геройскимъ усиліямъ всего русскаго народа удалось изгнать поляковъ изъ Москвы, но затѣмъ опять началась, изъ-за обладанія Смоленскомъ, Кіевомъ и Малороссіей, ожесточенная борьба съ Польшею, продолжавшаяся около пятидесяти лѣтъ. Наконецъ, съ заключеніемъ мира съ поляками въ Андрусовѣ (въ 1687 году), прекратилась ожесточенная борьба, но и послѣ того поляки не переставали враждовать съ Россіей, такъ какъ ни за что не хотѣли помириться съ потерею Малороссіи, добровольно перешедшей подъ власть русскаго царя.

Такимъ образомъ, шведскія завоеванія на сѣверо-западѣ

Россіи, по берегу Балтійскаго моря, и постоянныя враждебныя отношенія къ ней Польскаго королевства, на западной нашей границѣ,—до крайности умаляли значеніе Россіи въ Европѣ, а главное совершенно отрѣзывали ее, и съ суши, и съ моря, отъ просвѣщенныхъ европейскихъ народовъ, чрезъ сношенія съ которыми Россія могла бы перенять необходимыя ей въ то время искусства, промыслы, науки, торговлю, словомъ все, въ чемъ заключалась образованность западныхъ народовъ, дававшая имъ сильный перевѣсъ надъ Россіей.

Съ другой стороны, Турція и подвластныя ей татарскія ханства заслоняли Россію, на югѣ, отъ Азовскаго и Чернаго морей, которыя тоже вели въ богатыя азіатскія земли, а также въ торговыя и просвѣщенныя страны южной Европы.

На долю Россіи, такимъ образомъ, оставалось одно только сѣверное, чрезвычайно отдаленное отъ Москвы, бурное и холодное Бѣлое море, на полгода сковываемое льдомъ и снѣгами... Не даромъ русскіе послы, путешествовавшіе, по приказанію государей, въ западно-европейскія государства и державшіе путь изъ Москвы черезъ Архангельскъ на Бѣлое море и вокругъ Норвегіи, находились въ дорогѣ нѣсколько мѣсяцевъ, подвергаясь на сѣверномъ морѣ страшнымъ опасностямъ.

Таково было положеніе Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Петра Великаго.

Съ отроческихъ лѣтъ пристрастившись къ морю и къ занятіямъ науками и ремеслами, и тогда же понявши всю невыгоду униженнаго и обособленнаго положенія Россіи среди европейскихъ государствъ,—молодой русскій царь рѣшился во что бы то ни стало добыть море, заимствовать образованность Западной Европы, усилить Россію и завоевать ей почетное положеніе среди европейскихъ государствъ. Трудно было достигнуть этой цѣли, при той слабости силъ и крайней бѣдности средствъ, съ помощью которыхъ русскіе государи съ трудомъ могли сохранять даже прежнее положеніе Россіи, но царь Петръ обладалъ непоколебимой рѣшимостью, страшной

силой воли и геніальнымъ умомъ, передъ которыми никакія препятствія не казались непреодолимыми.

Сначала Петръ намѣревался добыть Черное море, и съ этою цѣлію, въ 1697 году, овладѣлъ турецкою крѣпостью Азовомъ, расположенною при Азовскомъ морѣ, въ устьяхъ Дона. Но тутъ оказалось, что, не имѣя своего флота въ морѣ, трудно удерживать за собою завоеванную крѣпость. Между тѣмъ, въ Россіи не было мастеровъ, которымъ бы можно было поручить постройку большихъ военныхъ кораблей. Иностранныхъ хорошихъ мастеровъ завлечь въ Россію было трудно, да и стоило дорого, а на посредственныхъ иноземныхъ мастеровъ нельзя было положиться въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ устройство дорогого флота, долженствовавшаго составить грозную силу Россіи. Очевидно, русскимъ прежде всего самимъ надлежало научиться строить корабли, чтобы затѣмъ создать для себя надежный флотъ и постоянно усиливать его. Съ другой стороны, при завоеваніи Азова, Петръ убѣдился, что Турція весьма сильна, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, гдѣ у нея былъ большой флотъ, и что одной Россіи, безъ поддержки европейскихъ державъ, трудно будетъ совладать съ турками и отвоевать у нихъ всѣ прилегающіе къ Россіи берега Чернаго моря.

Въ виду сказаннаго, Петръ и вознамѣрился отправить заграницу большое посольство, для веденія переговоровъ съ иностранными державами о заключеніи союза съ Россіей противъ Турціи, и, кромѣ того рѣшился отправить въ иноземныя приморскія страны около 50-и русскихъ молодыхъ людей, дѣтей боярскихъ, для обученія ихъ искусству кораблестроенія и другимъ наукамъ.

Между русскими людьми, никогда не бывавшими за границей, боявшимися всякой науки, признававшими даже общеніе съ иноземцами великимъ грѣхомъ и считавшими простую работу унизительной для бояръ, — поднялся сильный ропотъ на Петра за его намѣреніе отправить молодыхъ людей за-

границу и отдать ихъ въ обученіе иностранцамъ. Тогда Петръ, всегда во всемъ первый подававшій примѣръ, желая ободрить своихъ подданныхъ, рѣшился самъ отправиться съ посольствомъ за границу, для изученіи корабельнаго дѣла наравнѣ съ простыми плотниками.

Когда слухъ объ этомъ необычайномъ намѣреніи молодого царя прошелъ по Руси, многіе русскіе люди, не понимавшіе цѣлей Петра, пришли въ ужасъ... Даже въ иноземныхъ государствахъ заговорили объ этомъ небываломъ событіи, одни со страхомъ, другіе съ удивленіемъ; иностранцы хорошо понимали, что Петръ заботится въ данномъ случаѣ объ усиленіи и возвышеніи Россіи, а этого-то именно и опасались всѣ западно-европейскія правительства.

Но Петръ не смотрѣлъ ни на какія препятствія. Разъ рѣшившись на что-либо, онъ уже доводилъ дѣло до конца. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Временно сложивъ съ себя царское званіе, передавъ управленіе государственными дѣлами тремъ лицамъ — боярину Нарышкину и князьямъ Борису Голицыну и Прозоровскому, и поручивъ князю Ромодановскому надзоръ надъ самой столицей Москвою, самъ царь, подъ скромнымъ именемъ „капитана Петра Михайлова“, записался въ свиту посольства, во главѣ котораго находился Францъ Яковлевичъ Лефортъ, съ своими товарищами — сибирскимъ намѣстникомъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ и думнымъ дьякомъ Прокофіемъ Богдановичемъ Возницынымъ. Вся свита посольская состояла болѣе нежели изъ двухсотъ лицъ. Между ними находилось болѣе двадцати дворянъ и тридцать пять „волонтеровъ“, назначенныхъ исключительно для изученія корабельнаго и морскаго дѣла и составлявшихъ особый отрядъ, раздѣленный на три десятка. „Десятникомъ“ во второмъ десяткѣ и значился „капитанъ Петръ Михайловъ“, т. е. самъ царь.

Всѣ почести и торжественныя встрѣчи Петръ предоставилъ своимъ посламъ, а себя предназначилъ только для работы... Русскимъ посламъ и волонтерамъ строго было запрещено гово-

Повинная стрѣльцовъ предъ Софьею.

рить, что между ними находится царь; даже запрещено было именовать его царскимъ титуломъ въ письмахъ къ нему. Петръ хотѣлъ оставаться совершенно незамѣченнымъ, а потому и принялъ названіе „капитана Петра Михайлова“. Только правительства иноземныя, конечно, были извѣщены секретно о нахожденіи самого царя въ свитѣ посольства.

Отказавшись временно отъ царскаго титула, Петръ чрезъ это освобождался отъ стѣснительныхъ церемоній при встрѣчахъ за границей, могъ свободнѣе учиться, наблюдать и знакомиться, по собственному выбору, съ частными лицами и, въ то же время, не лишался возможности лично вести переговоры съ иностранными государями и министрами.

Чтобы не терять времени даромъ, Петръ, прежде, чѣмъ отправиться за границу, сдѣлалъ спѣшное распоряженіе о необходимыхъ приготовленіяхъ для будущихъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ: онъ указалъ всѣмъ сословіямъ въ Россіи, раздѣливши ихъ на компаніи или „кумпанства“, немедленно принять дѣятельное участіе деньгами, матеріаломъ и рабочими, въ изготовленіи на р. Окѣ, въ с. Дѣдиновѣ, 50-ти большихъ военныхъ кораблей. Для руководства этими работами были выписаны изъ-за границы иноземные мастера. Только послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, 10-го марта 1697 года, московское посольство, съ Лефортомъ во главѣ и со всею упомянутою выше свитою, въ которой находился и царь Петръ, выѣхало изъ Москвы, направляясь къ западнымъ границамъ. Путь изъ Москвы въ западную Европу лежалъ черезъ Польское королевство; но такъ какъ въ этомъ королевствѣ происходили въ то время безпорядки по поводу выбора новаго короля, то Петръ рѣшился миновать польскія владѣнія и направился съ посольствомъ на городъ Ригу, принадлежавшую въ то время Швеціи. Такимъ образомъ, первымъ иноземнымъ городомъ, въ которомъ пришлось побывать Петру, была Рига.

Шведскій губернаторъ Риги, Дальбергъ, извѣщенный, ко-

нечно, о прибытіи съ посольствомъ самого царя, сдѣлалъ русскимъ посламъ довольно пышный и торжественный пріемъ, не показывая, однако, вида, что онъ знаетъ о пребываніи царя въ свитѣ посольства. Но, вскорѣ послѣ этого, шведы почти совсѣмъ перестали заботиться о русскомъ посольствѣ и начали относиться къ нему даже довольно сурово. Петръ, отличавшійся всегда крайнею любознательностью, захотѣлъ подробно осмотрѣть Ригу, тѣмъ болѣе, что городъ этотъ былъ первымъ примѣчательнымъ мѣстомъ, которое ему пришлось увидѣть на пути въ западную Европу. Особенно Рига интересовала Петра въ военномъ отношеніи, такъ какъ городъ этотъ принадлежалъ могущественной въ то время шведской державѣ. Поэтому Петръ сильно желалъ осмотрѣть здѣсь все, что относилось къ вооруженію и укрѣпленію города. Между тѣмъ, шведы, находившіеся постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Россіею, не хотѣли показывать русскимъ городскихъ укрѣпленій. Разъ Петръ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ лицъ изъ посольской свиты, спустился изъ города къ берегу рѣки Двины, для осмотра стоявшихъ тамъ на якоряхъ голландскихъ кораблей, но шведскіе офицеры и солдаты и тутъ не пропустили его, потому что на пути къ набережной ему приходилось проходить мимо крѣпости. Въ другой разъ, нѣкоторыя лица изъ свиты русскаго посольства попытались-было осмотрѣть издали укрѣпленія города, но шведская стража не допустила и до этого осмотра, а такъ какъ русскіе не хотѣли удалиться, то стража настояла на запрещеніи, пригрозивъ оружіемъ... Хотя послѣ губернаторъ извинился въ этомъ передъ русскими послами, но Петръ былъ страшно раздраженъ упомянутою суровостью шведовъ: онъ написалъ изъ Риги въ Москву: „Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ; здѣсь зѣло боятся, и въ городъ, въ иныя мѣста, и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны“...

Вообще, Петръ остался крайне недоволенъ оказаннымъ ему въ Ригѣ пріемомъ, никогда не могъ забыть этого, и впо-

слѣдствіи жестоко отплатилъ шведамъ за недостатокъ уваженія къ русскому посольству. Впрочемъ, не въ одной Ригѣ Петръ высказывалъ неудовольствіе на иноземцевъ. Зная пренебреженіе ихъ къ Россіи, Петръ во все время путешествія своего за границей ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы къ русскому посольству и, вообще, ко всему русскому относились всѣ съ должнымъ уваженіемъ, и съ провинившимися въ этомъ иноземцами пылкій царь часто самъ расправлялся безъ церемоніи. Такъ, въ Пруссіи, въ день своихъ имянинъ, замѣтивъ со стороны присланнаго къ нему съ поздравленіемъ отъ прусскаго герцога министра недостатокъ почтенія къ особѣ русскаго государя, Петръ собственноручно выпроводилъ его изъ своей пріемной, со словами: „пошелъ, пошелъ!". Въ другой разъ, въ Польшѣ, одинъ католическій прелатъ, въ разговорѣ съ Петромъ о различіи религій, неосторожно назвалъ православную вѣру еретической. Это привело Петра въ такой гнѣвъ, что онъ потребовалъ немедленнаго удаленія отъ себя этого прелата, иначе онъ, Петръ, не ручался за себя... Прелата этого черезъ 24 часа уже не было въ городѣ.

Проживъ въ Ригѣ недѣлю, Петръ отправился въ Курляндію и, 10-го апрѣля, прибылъ въ главный городъ этого герцогства—Митаву. Курляндскій герцогъ принялъ русское посольство съ большимъ радушіемъ, тѣмъ болѣе, что онъ еще раньше находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главою русскаго посольства, Францемъ Лефортомъ. Петръ прожилъ въ Митавѣ три недѣли. Былъ самъ въ гостяхъ у герцога и герцогини, познакомился въ городѣ, скрывая свое царское званіе, со многими частными лицами и бесѣдовалъ съ ними запросто. Между прочимъ, онъ занимался въ Митавѣ плотничьею работою. До послѣдняго времени въ Митавѣ показывали отесанное Петромъ бревно, имѣвшее 11 сажень длины.

Переѣхавъ съ посольствомъ изъ Митавы въ городъ Либаву, Петръ впервые увидѣлъ здѣсь Балтійское море. Отправивъ пословъ далѣе, сухимъ путемъ, въ направленіи къ

*

прусскому городу Кенигсбергу, Петръ пожелалъ самъ ѣхать туда съ тридцатью пятью волонтерами, Балтійскимъ моремъ. Но, по случаю неблагопріятной погоды, ему пришлось выждать въ Либавѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ онъ сошелся съ нѣкоторыми шкиперами съ голландскихъ судовъ, запросто сиживалъ въ ихъ обществѣ въ трактирѣ и шутилъ съ ними, выдавая себя за шкипера съ одного изъ московскихъ кораблей. Однако, шутки эти и бесѣды не помѣшали любознательному Петру вездѣ побывать въ Либавѣ и все высмотрѣть до мельчайшихъ подробностей. Онъ былъ даже въ аптекѣ, гдѣ, между прочимъ, смотрѣлъ сохранившуюся въ спиртѣ саламандру. Объ этомъ Петръ написалъ въ Москву: „Здѣсь я видѣлъ диковинку, что у насъ называли ложью: у нѣкотораго человѣка въ аптекѣ сулемандра въ скляницѣ, въ спирту, котораго я вынималъ и на рукахъ держалъ; слово въ слово таковъ, какъ пишутъ“.

Какъ только погода установилась, Петръ, съ волонтерами, сѣлъ на купеческій корабль и отправился Балтійскимъ моремъ къ берегамъ Пруссіи. Морское путешествіе чрезвычайно интересовало Петра. Разсказываютъ, что онъ вскакивалъ иногда даже ночью, чтобы наблюдать за плаваніемъ корабля. 2-го мая корабль присталъ къ прусскому городку Пиллау, откуда Петръ тотчасъ же переѣхалъ въ Кенигсбергъ, прибывъ туда гораздо ранѣе посольства, ѣхавшаго изъ Либавы сухимъ путемъ.

Прусскій герцогъ Фридрихъ III, проживавшій въ Кенигсбергѣ и заблаговременно извѣщенный о приближеніи русскихъ гостей, готовилъ посольству великолѣпный пріемъ и заранѣе отвелъ для него приличное помѣщеніе въ двухъ домахъ. Не дожидаясь прибытія посольства, Петръ самъ отправился во дворецъ къ герцогу и долго бесѣдовалъ съ нимъ на голландскомъ языкѣ. Уходя, Петръ просилъ герцога не посѣщать его квартиры, чтобы тѣмъ не обнаружить постороннимъ лицамъ его царскаго званія.

Поджидая пословъ въ Кенигсбергѣ, Петръ не упустилъ случая воспользоваться этимъ временемъ для усовершенствованія себя въ нѣкоторыхъ познаніяхъ. Подъ именемъ „капитана Петра Михайлова", онъ усердно занялся здѣсь изученіемъ артиллерійскаго дѣла подъ руководствомъ одного нѣмецкаго подполковника, главнаго инженера прусскихъ крѣпостей, котораго привелъ въ изумленіе необыкновенною своею понятливостью. Съ рвеніемъ самаго прилежнаго ученика, Петръ изучалъ съ нимъ разные составы пороха, устройство и качества орудій, правила, какимъ образомъ попадать бомбою въ данную точку и проч. Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Москву, Петръ получилъ отъ своего учителя-подполковника аттестатъ, въ которомъ тотъ свидѣтельствовалъ, что „господинъ Петръ Михайловъ въ непродолжительное время оказалъ такіе успѣхи, что вездѣ можетъ быть признаваемъ и почитаемъ за совершеннаго, въ метаніи бомбъ осторожнаго и искуснаго огнестрѣльнаго мастера".

Русское посольство, прибывшее въ Кенигсбергъ гораздо позже Петра, было принято герцогомъ чрезвычайно торжественно, такъ какъ этимъ оказывалась особая почесть русскому государю, состоявшему секретно при посольствѣ. По случаю торжественнаго пріема пословъ, герцогъ не жалѣлъ денегъ, устраивалъ различныя празднества, фейерверки, охоты и т. п.

Послы русскіе, представляясь герцогу, выразили ему благодарность за отправленіе въ Россію инженеровъ, принесшихъ большую пользу при взятіи Азова. 12-го іюля русскіе послы заключили договоръ съ герцогомъ, касавшійся торговли, выдачи преступниковъ и правъ русскихъ, отправленныхъ заграницу для ученія.

Съ своей стороны, герцогъ и его министры, въ бесѣдахъ съ русскими послами и самимъ Петромъ, старались склонить ихъ къ союзу съ Пруссіей противъ Швеціи, съ цѣлью заручиться помощью Россіи въ случаѣ нападенія шведовъ на вла-

дѣнія герцога. Но Петръ, думавшій въ то время только о войнѣ съ турками, не желалъ столкновенія со Швеціей, а потому уклонился отъ переговоровъ объ этомъ предметѣ.

Пребываніе русскихъ въ Кенигсбергѣ было важнымъ событіемъ въ томъ отношеніи, что въ этомъ городѣ, собственно говоря, произошло въ первый разъ свиданіе русскаго царя съ иноземнымъ государемъ, и тѣмъ положено было первое основаніе къ сближенію Россіи съ западной Европой.

Самъ Петръ чрезвычайно понравился пруссакамъ. Всѣ были въ восторгѣ отъ его остроумной бесѣды и отъ его мѣткихъ замѣчаній и отзывовъ о разныхъ предметахъ. Особенно удивляло всѣхъ то обстоятельство, что Петръ не только обнаруживалъ большія свѣдѣнія въ государственныхъ, военныхъ и торговыхъ дѣлахъ, но былъ еще знатокомъ четырнадцати ремеслъ, и даже оказался искуснымъ трубачомъ и не менѣе искуснымъ барабанщикомъ. Вообще, прусскіе государственные люди остались очень довольны первымъ непосредственнымъ сближеніемъ съ московскимъ правительствомъ.

Но не одно сближеніе съ Пруссіей занимало Петра, во время пребыванія его въ Кенигсбергѣ. Онъ въ высшей степени также интересовался въ это время происходившими въ Польшѣ выборами короля. Тамъ домогались королевскаго престола два соперника: одинъ — французскій принцъ, другой — курфюрстъ саксонскій Фридрихъ-Августъ. Не смотря на то, что поляки недавно еще одерживали перевѣсъ надъ Россіей и часто вмѣшивались въ наши внутреннія дѣла, Петръ нашелъ теперь возможнымъ самому вмѣшаться въ польскія дѣла и сталъ хлопотать о выборѣ въ польскіе короли саксонскаго курфюрста Августа. Съ этой цѣлію онъ приказалъ русскому уполномоченному въ Польшѣ, Никитину, передать полякамъ, что если они выберутъ французскаго принца, отецъ котораго находится въ дружбѣ съ Турціей, то Россія, вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ, поставитъ себя въ непріязненныя отношенія къ Польшѣ. Въ ожиданіи отвѣта на это требова-

ніе, Петръ прожилъ въ Кенигсбергѣ до 10-го іюня. Затѣмъ, оставивъ русское посольство въ Кенигсбергѣ, Петръ переѣхалъ самъ въ Пиллау, гдѣ прожилъ еще три недѣли, продолжая съ нетерпѣніемъ ожидать извѣстій изъ Польши.

29-го іюня Петръ отпраздновалъ здѣсь день своего тезоименитства, устроивъ великолѣпный фейерверкъ. Здѣсь же Петръ получилъ наконецъ весьма пріятное для себя извѣстіе изъ Польши о томъ, что курфюрстъ саксонскій Фридрихъ-Августъ избранъ польскимъ королемъ, подъ именемъ Августа II. Избраніе это имѣло чрезвычайно важное значеніе для Россіи. Августъ получилъ корону, главнымъ образомъ, благодаря поддержкѣ Россіи. Кромѣ того, Петръ пріобрѣлъ себѣ преданнаго друга въ избранномъ при его посредствѣ польскомъ королѣ, и чрезъ это получилъ возможность постоянно распоряжаться судьбою Польши. Наконецъ его дружба съ польскимъ королемъ повела впослѣдствіи къ заключенію между ними союза противъ Швеціи и къ важнымъ завоеваніямъ Россіи на берегахъ Балтійскаго моря... Вообще, успѣхъ, одержанный Петромъ въ Польшѣ по случаю избранія короля, самъ по себѣ долженъ былъ уже нѣсколько возвысить Петра и Россію во мнѣніи европейскихъ правительствъ, считавшихъ до того времени Московскую державу слабою и неспособною имѣть никакого вліянія на сосѣднія государства.

Обрадованный извѣстіемъ изъ Польши, Петръ отправился изъ Пиллау въ Голландію, направляясь черезъ нѣмецкія владѣнія, частью сухимъ путемъ, частью моремъ. Проѣхавъ, не останавливаясь, нѣсколько нѣмецкихъ городовъ и, между прочимъ, побывавъ проѣздомъ въ Берлинѣ, Петръ внимательно осматривалъ по пути нѣкоторыя фабрики и заводы. Не смотря на то, что онъ всячески старался скрывать свой царскій санъ, однако вѣсть о его путешествіи повсюду распространилась въ Германіи. Между прочимъ, двѣ образованныя нѣмецкія принцессы, славившіяся въ то время своею ученостью (курфюрстина ганноверская Софія съ дочерью), пожелали непремѣнно

видѣть московскаго царя, и съ этою цѣлію нарочно выѣхали ему на встрѣчу, съ тремя принцами и цѣлою толпою придворныхъ. Петръ, не желая открывать предъ всѣми своего настоящаго званія, сначала не хотѣлъ показываться принцессамъ, но потомъ согласился явиться къ нимъ, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ съ ними не было придворныхъ. Но ловкія принцессы приняли Петра съ такою любезностію, что онъ вскорѣ позволилъ войти всѣмъ придворнымъ, и долго бесѣдовалъ съ принцессами, ужиналъ съ ними и даже участвовалъ въ танцахъ. Принцессы, между прочимъ, спросили Петра, любитъ ли онъ охоту? Петръ отвѣчалъ, что отецъ его очень любилъ ее, но самъ онъ больше любитъ работать, и русскій царь показалъ принцессамъ свои руки, всѣ покрытыя мозолями отъ грубой работы... Вообще, Петръ произвелъ на принцессъ весьма сильное впечатлѣніе. Правда, имъ не понравились въ Петрѣ нѣкоторыя привычки въ обращеніи съ людьми и въ манерѣ держать себя за обѣдомъ, свойственныя всѣмъ русскимъ того времени, а также и то, что у 25-лѣтняго юноши-царя, отъ страшныхъ заботъ и трудовъ, безпрестанно тряслась голова, а на лицѣ появлялись нервныя подергиванія, — но тѣмъ не менѣе принцессы послѣ восторженно писали о немъ: „нельзя ни описать, ни вообразить себѣ — говорили они — этого необыкновеннаго человѣка, не видавъ его своими глазами: онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства... Царь высокъ ростомъ; у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостью ума; отвѣты его быстры и вѣрны... Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“.

Вообще, Петръ одною только своею личностью значительно уже содѣйствовалъ возвышенію мнѣнія иноземцевъ о русскихъ, которыхъ они въ то время считали почти дикарями. Какъ мало тогда знали иноземцы Россію и русскихъ, показываетъ

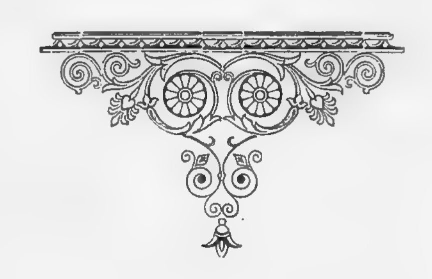
уже слѣдующій случай. На дальнѣйшемъ пути Петра въ Голландію, въ одномъ нѣмецкомъ городкѣ, мѣстные жители окружили царя и его свиту и спрашивали: „Какіе вы люди? христіане-ли вы? Мы-де слышали, что вашихъ пословъ крестить станутъ“...

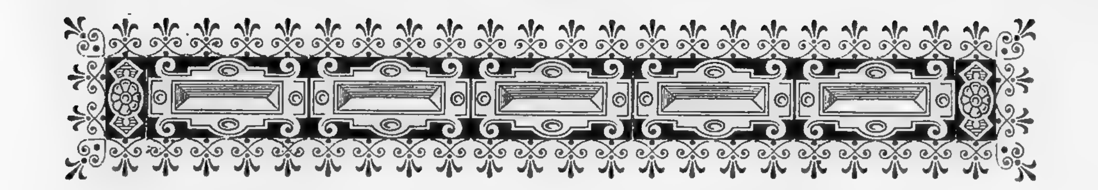
Петръ съ особеннымъ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Голландію, страну кораблей и всякаго мастерства. Голландія или Нидерланды въ то время была замѣчательнѣйшею страною, не только по кораблестроенію, но и по торговлѣ и промышленности; тамъ процвѣтали также науки и искусства. Знакомство съ голландскими купцами, мореплавателями, инженерами, фабрикантами и учеными могло быть для Петра чрезвычайно полезною школою. При томъ же, между Голландіею и Россіею съ давнихъ поръ существовали близкія отношенія. Голландскіе купцы вели важнѣйшую торговлю съ Московскимъ государствомъ; голландскіе ремесленники, Францъ Тиммерманъ и Карштенъ Брантъ, были наставниками юнаго Петра въ Москвѣ и товарищами его, вмѣстѣ съ другими голландцами, при постройкѣ судовъ въ Переяславлѣ и Воронежѣ. Съ голландскими купцами и моряками онъ не разъ встрѣчался также въ Архангельскѣ. Наконецъ, Петръ, задолго еще до поѣздки за границу, находился уже въ перепискѣ съ бургомистромъ голландскаго города Амстердама, Витзеномъ, который въ одно и то же время былъ и ученымъ человѣкомъ, и купцомъ, и государственнымъ дѣятелемъ. Все это, вмѣстѣ взятое, а главное—страстное желаніе основательно изучить кораблестроеніе, сильно тянуло Петра въ Голландію.

Особенно много онъ наслышался въ Москвѣ, Архангельскѣ и Воронежѣ отъ знакомыхъ голландцевъ, по большей части саардамскихъ плотниковъ, о ихъ отчизнѣ — прибрежномъ городѣ—Саардамѣ, расположенномъ недалеко отъ Амстердама. Здѣсь процвѣтало обширное кораблестроеніе съ дѣятельною торговлею. Въ Саардамѣ и окрестныхъ деревняхъ было не менѣе 50 частныхъ верфей, на которыхъ работы производились

днемъ и ночью, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль поспѣвалъ корабль, готовый выйти въ море. Многочисленные фабрики и заводы окружали Саардамъ, изготовляя все необходимое для снаряженія корабля. Огромныя деревни кипѣли рабочимъ народомъ. Торговля рыбою, хлѣбомъ и судами обогащала многія семейства.

Сюда-то и стремился Петръ Великій.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Пребываніе Петра въ Саардамѣ. — Занятія его. — Отправленіе въ Амстердамъ. — Петръ въ работникахъ на корабельной верфи. — Аттестатъ, имъ полученный. — Намѣреніе Петра отправиться въ Англію для лучшаго изученія морскаго дѣла.

Оставивши посольство позади себя въ Германіи, Петръ поспѣшно поплылъ по Рейну и каналамъ въ Голландію, съ нѣсколькими волонтерами и немногочисленной прислугой. Вечеромъ 7-го августа онъ прибылъ въ голландскій городъ Амстердамъ и, высадивъ здѣсь бо̀льшую часть своихъ волонтеровъ, тотчасъ же, не останавливаясь, поплылъ черезъ морской заливъ далѣе, къ Саардаму, взявъ съ собою только шесть волонтеровъ, и въ томъ числѣ Александра Меньшикова. Петръ съ нетерпѣніемъ спѣшилъ въ Саардамъ, желая какъ можно поскорѣе приняться за работу и, чтобы вѣрнѣе скрыть свое званіе, заранѣе нарядился въ одежду голландскаго плотника — въ красную фризовую куртку, въ бѣлыя парусинныя штаны и въ лакированную шляпу. Однако, наступившая вскорѣ ночь принудила его остановиться въ одномъ мѣстечкѣ для ночлега. На другой день рано утромъ, ботъ, на которомъ находился Петръ, плылъ уже далѣе.

Часу въ 6-мъ утра, подъѣзжая къ Саардаму, Петръ неожиданно замѣтилъ голландца, стараго своего знакомаго, куз-

неца Геррита Киста, прежде работавшаго въ Москвѣ, а теперь въ лодкѣ ловившаго угрей... Петръ окликнулъ его; Кистъ не повѣрилъ глазамъ своимъ, увидавъ передъ собою русскаго царя, да еще въ одеждѣ голландскаго плотника, и еще болѣе изумился, когда великій царь московскій изъявилъ желаніе поселиться на нѣсколько мѣсяцевъ въ его лачугѣ, съ условіемъ никому не сказывать, кто онъ таковъ, и выдавать его за простаго русскаго плотника. Напрасно отговаривался кузнецъ бѣдностью и тѣснотою своего жилища: Петръ наста ивалъ на своемъ, и кузнецъ долженъ былъ уступить царю. Кистъ согласился отвести ему заднюю половину своего домика, которую нанимала вдова какого-то поденьщика... Петръ остался доволенъ и такимъ предложеніемъ, такъ какъ это избавляло его отъ необходимости искать квартиру у совсѣмъ незнакомыхъ людей, которымъ онъ не могъ довѣрить своей тайны. Кистъ побѣжалъ впередъ уговаривать вдову поскорѣе очистить квартиру для новаго жильца, и едва успѣлъ склонить ее къ переѣзду, заплативши ей за это 7 гульденовъ. Между тѣмъ, Петръ съ волонтерами выбрался на берегъ и зашелъ въ городскую гостиницу. День былъ воскресный; народъ толпился на улицахъ. Русская одежда царскихъ спутниковъ возбудила общее вниманіе, и праздная толпа обступила гостиницу съ разспросами. „Мы простые плотники, ищемъ работы“,—велѣлъ сказать Петръ любопытнымъ, и поскорѣе отправился къ Кисту.

Въ наиболѣе отдаленной и глухой части Саардама, Петръ наконецъ увидѣлъ свое жилище: маленькій, деревянный домикъ, въ два окошка, съ черепичною крышею, раздѣленный на двѣ небольшихъ комнатки, съ изразцовою печью для приготовленія пищи, съ темною коморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, — вотъ все, что нашелъ Петръ у Киста. Но царь былъ радъ и такому скромному помѣщенію, лишь бы только ему не мѣшали приняться за дѣло, которое онъ считалъ необходимымъ для возвеличенія Россіи. Петръ разсчитывалъ, что, живя въ бѣдномъ домикѣ кузнеца

Киста, въ качествѣ простаго плотника, онъ спокойнѣе можетъ предаваться тяжкому труду, на который добровольно обрекъ себя.

Поселившись у Киста, Петръ тотчасъ-же взялъ у него топоръ, и самъ сколотилъ себѣ кровать, а столъ и стулъ нашлись у хозяина.

Нетерпѣливо, затѣмъ, ждалъ Петръ рабочаго дня, и на другой же день, рано утромъ, въ понедѣльникъ, накупивъ себѣ въ лавкѣ разныхъ плотничьихъ инструментовъ, записался на одной частной верфи корабельнымъ плотникомъ, подъ именемъ Петра Михайлова. Съ этихъ поръ, ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, Петръ, какъ простой работникъ, отправлялся на верфь и трудился тамъ до поту лица. Въ тотъ же день, въ понедѣльникъ, онъ купилъ себѣ, у одного корабельнаго маляра, небольшой яликъ за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую и роспилъ съ продавцомъ въ гостиницѣ. Въ этомъ яликѣ Петръ любилъ, по окончаніи работъ, разъѣзжать въ окрестностяхъ города, по рѣкамъ, каналамъ и по морскому заливу. Иногда, потрудившись на верфи до изнеможенія, Петръ заходилъ въ какой-нибудъ трактиръ отдохнуть и подкрѣпить свои силы, или же просто заходилъ по дорогѣ на рынокъ и, придя домой, самъ приготовлялъ себѣ пищу.

Иногда Петръ, вернувшись съ работъ, посѣщалъ, подъ именемъ простого плотника Петра Михайлова, семейства голландскихъ плотниковъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Такъ, у одной бѣдной, но радушной женщины, матери проживавшаго въ Россіи голландца, Петръ былъ въ домѣ и выпилъ у нея стаканъ джину; у жены другого голландскаго плотника, работавшаго въ Москвѣ, царь обѣдалъ; одной женщинѣ, спросившей о своемъ мужѣ, проживавшемъ въ Россіи, царь сказалъ: „онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому что рядомъ съ нимъ строилъ корабль“. — Развѣ и ты плотникъ? возразила недовѣрчивая голландка.— „Да, и я плотникъ“, отвѣчалъ Петръ. Иногда онъ навѣщалъ также вдову искуснаго голланд-

скаго мастера Класа-Муша, незадолго передъ тѣмъ умершаго въ Москвѣ. Тотчасъ по смерти мужа, она получила изъ Россіи, отъ имени русскаго государя, въ подарокъ 500 гульденовъ. Пріѣхавъ въ Саардамъ, Петръ самъ навѣстилъ ее, подъ именемъ плотника Петра Михайлова, но, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, вдова просила его, когда онъ вернется въ Россію, сказать, при случаѣ, его царскому величеству, что бѣдная женщина не знаетъ, какъ благодарить его за щедрую милость, утѣшившую ее въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю московскому и охотно остался у нея обѣдать. Петру понравился также своею расторопностью и усердіемъ въ работѣ братъ Класа, корабельный плотникъ; царь не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ, и подарилъ имъ по золотому кольцу.

Часто также, прогуливаясь по Саардаму и его окрестностямъ, Петръ посѣщалъ разныя фабрики и заводы. Самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ, нерѣдко слышалъ отъ нихъ грубые отвѣты, но не обращалъ на это вниманія; часто самъ брался за дѣло, и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ, на одной бумажной фабрикѣ, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ бумажный листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и мельницы, наполнявшія окрестности Саардама. Въ одной деревнѣ Петръ самъ помогалъ рабочимъ въ постройкѣ крупчатки для купца Кальфа. Мельница эта существуетъ тамъ до сихъ поръ, подъ названіемъ „великій князь“.

Между тѣмъ, съ перваго же дня появленія Петра на верфяхъ, въ Саардамѣ всѣ заговорили о необыкновенномъ московскомъ

плотникѣ. Наружность и пріемы Петра невольно обращали на него всеобщее вниманіе и какъ бы сами собою указывали на его знатное происхожденіе.

Петру въ это время было 25 лѣтъ; это былъ необыкновенно сильный юноша, ростомъ безъ двухъ вершковъ сажень, съ стройнымъ станомъ, необыкновенно быстрой походкой, съ чрезвычайно красивымъ, нѣсколько смугловатымъ лицомъ, съ большими черными глазами, исполненными живости и огня, съ темными, слегка вьющимися на головѣ волосами и съ небольшими усиками, придававшими ему видъ воинственный и грозный Голосъ его былъ громкій, повелительный, характера онъ былъ горячаго, пылкаго, нерѣдко воспалявшаго его страшнымъ гнѣвомъ, измѣнявшимъ даже черты лица его. Говорилъ онъ съ жаромъ, свободно и кротко, обыкновенно размахивая при этомъ правою рукою. При первомъ же взглядѣ на него онъ вселялъ къ себѣ почтеніе, смѣшанное съ какимъ-то страхомъ... Тѣлосложенія онъ былъ необыкновенно крѣпкаго, позволявшаго ему выносить невѣроятные труды.

Понятно, какъ трудно было Петру остаться незамѣченнымъ въ Саардамѣ и скрыть свой высокій санъ. Величественный видъ, замѣтная привычка повелѣвать, нетерпѣливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнѣва, — все выдавало тайну. Голландцы, а тѣмъ болѣе, голландки, не хотѣли и вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый москвичъ, съ повелительнымъ взоромъ, былъ простой плотникъ: они считали его, съ перваго же дня его пріѣзда, знатнымъ господиномъ; не знали только, кто именно онъ. Развѣдывали, разспрашивали, и все съ большимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ; нерѣдко собирались около него цѣлою толпою, къ немалой досадѣ его, которую онъ съ трудомъ могъ скрыть. Вскорѣ высокое званіе его не составляло уже секрета для многихъ саардамцевъ.

Одинъ саардамскій плотникъ получилъ отъ своего сына изъ Москвы письмо, въ которомъ говорилось, что въ Голландію

отправилось великое посольство, что въ свитѣ скрывается самъ царь, и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою, и по небольшой родинкѣ на правой щекѣ. Плотникъ прочиталъ это письмо своему пріятелю цирюльнику. Вскорѣ послѣ этого, зашли въ цирюльню московскіе гости, и цирюльникъ увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить объ этомъ открытіи между многочисленными своими посѣтителями. Сначала ему не повѣрили: не можетъ быть, думали саардамцы, чтобы царь жилъ и трудился, какъ простой плотникъ. Для провѣрки разсказовъ цирюльника многіе обратились съ разспросами къ кузнецу Кисту, въ домикѣ котораго жилъ Петръ. Кистъ строго хранилъ тайну и продолжалъ утверждать, что въ домѣ его живетъ простой работникъ. Но на бѣду, жена Киста, по женской болтливости, не утерпѣла и, въ присутствіи многихъ, вскричала на мужа: „Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду!“. Эти слова убѣдили всѣхъ, что открытіе цирюльника не вымышленное. Въ то-же время случилось другое происшествіе, благодаря которому Петръ отчасти самъ содѣйствовалъ выдачѣ своей тайны. Возвращаясь однажды домой, послѣ тяжелой работы на верфи, и сильно проголодавшись, Петръ купилъ себѣ по пути сливъ, положилъ ихъ въ шляпу и ѣлъ дорогою. Изъ-за этихъ-то сливъ, на одной плотинѣ, къ нему пристала цѣлая толпа мальчишекъ; однимъ изъ нихъ Петръ далъ по нѣскольку сливъ, другимъ, ради шутки, ничего не далъ, и, забавляясь радостью первыхъ и неудовольствіемъ послѣднихъ, спокойно продолжалъ идти. Но неполучившіе сливъ мальчишки окончательно разобидѣлись и начали бросать въ него грязью, потомъ пустили и каменья, такъ что Петръ, не ожидавшій такого опаснаго исхода шутки, принужденъ былъ укрыться отъ своевольной толпы въ одномъ изъ трактировъ, и, разгнѣванный безпорядкомъ, онъ велѣлъ позвать бургомистра, за которымъ немедленно послано было сторожевое судно.

Между тѣмъ, многіе изъ гражданъ, видѣвшіе это непріятное происшествіе, поспѣшили съ своей стороны тоже дать знать мѣстному начальству, и ждали на плотинѣ прибытія бургомистра. Они были въ большомъ страхѣ, не царя ли московскаго, въ самомъ дѣлѣ, оскорбили дерзкіе мальчишки? Въ собравшейся по этому случаю толпѣ нашелся одинъ шкиперъ, видавшій Петра въ Архангельскѣ и взявшійся теперь разрѣшить сомнѣніе своихъ соотечественниковъ: онъ вошелъ въ трактиръ, гдѣ Петръ укрылся отъ толпы и пилъ чай, безъ труда узналъ его и, возвратившись къ толпѣ, объявилъ: „Точно, это самъ царь; я хорошо его знаю!“

Бургомистръ не замедлилъ пріѣхать, разспросилъ обстоятельно о случившемся, и, посовѣтовавшись съ другими членами мѣстной управы, велѣлъ вывѣсить въ городѣ объявленіе, въ которотъ пригрозилъ жестокимъ наказаніемъ тѣмъ ослушникамъ, которые осмѣлятся оскорблять знатныхъ иноземцевъ, желающихъ оставаться неизвѣстными.

Все это окончательно убѣдило саардамцевъ, что среди нихъ, подъ именемъ простого плотника, находится самъ московскій царь. Вслѣдствіе этого, въ тотъ же день передъ домомъ Киста собралась огромная толпа народа. Это опять вывело Петра изъ терпѣнія и онъ снова жаловался бургомистру. Тотъ сейчасъ же велѣлъ поставить стражу на мосту, ведущему къ той части города, гдѣ стоялъ домикъ Киста, чтобы предохранить этимъ Петра отъ назойливости любопытныхъ. Но само собою разумѣется, что, послѣ всего вышеописаннаго, Петру уже трудно было оставаться въ Саардамѣ незамѣченнымъ, хотя онъ и не терялъ еще надежды разувѣрить саардамцевъ въ своемъ высокомъ званіи.

Вечеромъ того же дня, Петръ, въ качествѣ простого плотника, навѣстилъ купца Кальфа, рабочимъ котораго онъ помогалъ при постройкѣ крупчатки. Встрѣтивъ здѣсь бургомистра, Петръ, въ знакъ почтенія, снялъ предъ нимъ шляпу, какъ самый скромный работникъ. Но бургомистръ не поддался на

это и почтительно спросилъ сопровождавшаго Петра переводчика: „не угодно ли будетъ господину его откушать завтра рыбы по-саардамски?“ Царь велѣлъ сказать, что господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался отъ угощенія. По примѣру бургомистра, стали-было и другіе саардамцы оказывать особое вниманіе московскому плотнику. Одинъ пріятель Кальфа, богатый купецъ, съ своей стороны, предложилъ царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ фруктовымъ садомъ, въ лучшей части города, но Петръ отвѣчалъ ему: „Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры, гдѣ мы живемъ“.

Скоро молва о московскомъ царѣ-плотникѣ достигла даже города Амстердама. И тамъ одни вѣрили этой молвѣ, другіе сомнѣвались. Одинъ богатый амстердамскій купецъ, у котораго Петръ не разъ бывалъ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Саардамъ своего главнаго прикащика—удостовѣриться въ справедливости слуховъ. Прикащикъ, увидѣвъ царя еще издали, тотчасъ узналъ его, перепугался и, не посмѣвъ подойти къ нему, возвратился къ хозяину, блѣдный какъ полотно, съ донесеніемъ, что царь дѣйствительно въ Саардамѣ...

Купецъ немедленно, съ однимъ изъ своихъ пріятелей, тоже хорошо знавшимъ Петра, отправился въ Саардамъ. Они встрѣтили царя на улицѣ, идущимъ въ красной матросской курткѣ, и съ изумленіемъ воскликнули: „Вы ли это, ваше величество?“ — Вы сами видите, — ласково отвѣтилъ имъ Петръ, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день Петръ купилъ себѣ, за 450 гульденовъ, красивое судно — буеръ, и собственными руками придѣлалъ къ нему бушпритъ. „Нельзя было не удивляться — разсказывали послѣ голландцы,—съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій государь надъ своимъ судномъ и какъ искусно былъ прилаженъ бушпритъ“. Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій праздничный день провелъ на водѣ; въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ. Къ полудню Петръ возвратился

въ городъ, отобѣдалъ у Кальфа, а послѣ обѣда опять отправился въ заливъ. Но здѣсь пристали къ нему суда и лодки, наполненныя любопытными. Петръ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ свой буеръ къ ближайшій плотинѣ. Безотвязные голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно послѣдовала за нимъ и окружила его... Это окончательно вывело Петра изъ терпѣнія и, вспыливъ, онъ первому же попавшемуся голландцу, по фамиліи Марсену, который подошелъ ближе другихъ и съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза,—далъ крѣпкую пощечину. „Браво, Марсенъ, закричали въ толпѣ,—ты пожалованъ въ рыцари!"... Разгнѣванный Петръ заперся въ ближайшей гостиницѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Саардамъ.

Между тѣмъ, въ Саардамѣ готовилось любопытное зрѣлище. 14 августа назначено было перевезти изъ верфи въ море черезъ огромную плотину, при помощи особенной машины, большой корабль, построенный купцомъ Кальфомъ. Саардамское начальство, зная, какъ интересуется Петръ морскимъ дѣломъ, пригласило его взглянуть на изумительное дѣйствіе механическаго искусства, предупредивъ при этомъ, что для него будетъ приготовлено удобное мѣсто, окруженное палисадомъ и охраняемое отъ народа городскою стражею; съ своей стороны, хозяинъ корабля просилъ Петра удостоить своимъ присутствіемъ обѣденный столъ, приготовленный по случаю поднятія корабля. Отъ второго приглашенія Петръ отказался, а на первое охотно изъявилъ согласіе. Между тѣмъ, въ назначенный день, 14 августа, на улицѣ, ведущей отъ домика Петра къ верфи, съ ранняго утра, собралось уже столько народа, что всѣ предосторожности оказались тщетными: всѣ палисады были опрокинуты, вся стража разогнана. Видя несмѣтныя толпы, покрывавшія не только улицу, но и кровли домовъ, Петръ рѣшился остаться дома. Тогда явились къ нему всѣ городскія власти съ просьбою не отказать въ своемъ при-

сутствіи при торжествѣ поднятія корабля, предлагая пройти въ отведенное ему мѣсто задними воротами. Сначала Петръ согласился на это и сталъ уже одѣваться, говоря: „Сейчасъ, сейчасъ“; но, выглянувъ на улицу и увидѣвъ вездѣ густыя толпы любопытныхъ, нетерпѣливо ожидавшихъ его, съ досадою произнесъ: „Слишкомъ много народу“, захлопнулъ дверью, и весь день никуда не показывался. Это было въ субботу, на седьмой день пребыванія Петра въ Саардамѣ. На слѣдующій день, въ воскресенье, къ домику Петра собралось еще больше народу, уже изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, даже изъ Амстердама. Стража, стоявшая на мосту, окончательно уже не въ силахъ была удерживать любопытныхъ, отовсюду стекавшихся посмотрѣть царя-плотника. Особенно досадно было Петру то, что толпы народа совершенно загородили ему дорогу къ его буеру, на которомъ онъ намѣревался ѣхать въ тотъ же день въ Амстердамъ, куда на слѣдующій день, въ понедѣльникъ, должно было торжественно вступить его посольство, прибывшее наконецъ изъ Германіи. Внѣ себя отъ гнѣва, Петръ вышелъ изъ дома, долго пробивался сквозь густыя массы народа, и только послѣ неимовѣрныхъ усилій добрался до своего буера. Между тѣмъ, разыгралась сильная буря. Опытные моряки уговаривали царя не пускаться въ заливъ въ такую опасную погоду. Онъ ничего не слушалъ, поднялъ парусъ и часа черезъ три благополучно прибылъ въ Амстердамъ, но здѣсь на пристани его встрѣтила такая масса народа, что ему не безъ труда удалось проложить себѣ путь къ главной городской гостиницѣ, назначенной для помѣщенія московскаго посольства.

Посольство запоздало прибытіемъ изъ Германіи вслѣдствіе того, что было задержано на пути торжественными встрѣчами, въ каждомъ значительномъ городѣ, съ пушечною пальбою. Къ Амстердаму послы приближались каналами на мелкихъ судахъ, и, какъ назначено было, 16 августа, въ понедѣльникъ, въ полдень, торжественно вступили въ городъ, въ заранѣе приготовленныхъ для нихъ великолѣпныхъ экипажахъ, при чемъ

царь, желая оставаться незамѣченнымъ, сидѣлъ въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ экипажей.

Голландцы, въ надеждѣ увеличить выгоды торговыхъ сношеній съ Россіею, оказали русскому посольству такой пышный пріемъ, какого не дѣлали посламъ ни одной державы. На другой же день по прибытіи посольства, во вторникъ, Петръ, вмѣстѣ съ послами, сопровождаемый городскими властями, осматривалъ городскую ратушу, составлявшую главное украшеніе Амстердама, а вечеромъ посѣтилъ театръ; въ среду обозрѣвалъ адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины; въ четвергъ, 19 августа, городское начальство пригласило его со всею свитою на великолѣпный обѣдъ, съ блестящей иллюминаціей. Празднества, данныя городомъ въ честь русскаго посольства, заключились примѣрнымъ морскимъ сраженіемъ. Для этого собраны были всѣ парусныя суда, какія только находились въ Амстердамѣ, и выстроены были въ двѣ боевыя линіи, при входѣ въ заливъ. Посольство, въ свитѣ котораго находился и Петръ, прибыло на маневры въ сопровожденіи городскихъ властей, въ богато-украшенной яхтѣ. Флотъ привѣтствовалъ русскихъ пословъ залпомъ изъ всѣхъ орудій, и вслѣдъ затѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Поднялась такая пальба, что за громомъ орудій нельзя было ничего разслышать, облака дыма застилали солнце. Петръ, по своему обыкновенію, не вытерпѣлъ, соскучился ролью простого зрителя, перешелъ съ яхты на военный корабль и принялъ самъ дѣятельное участіе въ боѣ, безпрестанно направляя корабль туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе.

По окончаніи празднествъ, Петръ рѣшился опять приняться за работу. Уже въ понедѣльникъ, 16 августа, въ день торжественнаго въѣзда пословъ, онъ изъявилъ желаніе амстердамскому бургомистру Витзену, съ которымъ раньше былъ въ перепискѣ и теперь лично познакомился, продолжать изученіе корабельнаго искусства въ Амстердамѣ, на тамошнихъ верфяхъ, менѣе доступныхъ несносному любопытству толпы, недававшей

ему покоя въ Саардамѣ. Витзенъ тогда же обѣщалъ сыскать ему дѣло на верфи богатой купеческой компаніи, производившей торговлю съ Остъ-Индіей. Въ четвергъ, 19 августа, Остъ-Индская компанія прислала Витзену свое согласіе на допущеніе Петра къ работамъ на ея верфи, предлагая для помѣщенія царя, согласно его желанію, домъ канатнаго мастера и согласившись даже заложить для него новый корабль.

Петръ былъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ отъ города посольству, когда принесли ему извѣстіе о благопріятномъ рѣшеніи компаніи; онъ хотѣлъ тотчасъ же выйти изъ-за стола и немедленно приняться за работу; съ трудомъ уговорили его подождать конца пиршества и посмотрѣть приготовленный въ честь его фейерверкъ, съ тріумфальной аркою. Но едва погасли послѣдніе огни, онъ объявилъ, что ѣдетъ сейчасъ же Саардамъ, за своими инструментами... Тщетно умоляли его послы и упрашивали бургомистры повременить до утра, представляя всю опасность ночного плаванія... Онъ не слушалъ никакихъ убѣжденій. Пришлось послать въ ратушу за ключами отъ портовой заставы, опустить подъемный мостъ, отперетъ заставу,— и въ 11 часовъ ночи Петръ вышелъ на своемъ буерѣ въ заливъ. Въ часъ пополуночи пріѣхалъ онъ, никѣмъ незамѣченный, въ Саардамъ, разбудилъ Киста, перенесъ на буеръ свои инструменты, и рано утромъ возвратился въ Амстердамъ, прямо къ верфи, гдѣ приготовленъ былъ для него на взморьѣ домъ канатнаго мастера.

Въ тотъ же день, 20 августа, Петръ поступилъ на этой верфи плотникомъ къ корабельному мастеру Герриту Классу Полю, и распредѣлилъ по различнымъ работамъ всѣхъ своихъ волонтеровъ: однихъ оставилъ при себѣ, для изученія вмѣстѣ съ ними корабельнаго дѣла, другихъ опредѣлилъ къ мачтовому, парусному или блочному дѣлу; третьихъ послалъ учиться артиллеріи, четвертыхъ, наконецъ, роздалъ по разнымъ кораблямъ въ матросы. Шутя надъ неохотою московскихъ баричей къ работѣ, царь писалъ въ Москву: „Спальники,

которые прежде насъ посланы сюды, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ перемѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать... познакомиться съ моремъ".

На Остъ-Индской верфи, въ Амстердамѣ, Петръ работалъ усердно четыре съ половиною мѣсяца. Первыя три недѣли прошли у него въ приготовленіи матеріаловъ для новаго корабля. Затѣмъ, 9 сентября, подъ руководствомъ мастера Геррита Класа Поля, царь заложилъ фрегатъ, въ 43 аршина длиною, во имя святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, и на другой день написалъ въ Москву къ патріарху слѣдующія достопамятныя слова: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся: что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, освободителями, благодатію его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану".

Въ этихъ немногихъ словахъ заключается столько же трогательная, сколько и великая мысль: около 200 лѣтъ тому назадъ, двадцати-пятилѣтній русскій царь, окруженный на амстердамской верфи толпою грубыхъ рабочихъ, работая самъ съ топоромъ въ рукахъ, обтесывая бревна и доски и прилаживая корабельныя снасти, предавался въ то же время думамъ о любезной ему Россіи, и полагалъ, что необходимо отвоевать у турокъ Черное море, овладѣть Константинополемъ и освободить отъ турецкаго ига всѣхъ подвластныхъ Турціи христіанъ... Для этого онъ и усовершенствовался съ такимъ необычайнымъ усердіемъ и поспѣшностью въ военномъ, корабельномъ и морскомъ дѣлѣ. Правда, ему не удалось, не смотря на всѣ его усилія, достигнуть этой цѣли, но русскій народъ до сихъ поръ свято хранитъ мудрое завѣщаніе своего великаго учителя.

Очевидцы удивлялись необычайному трудолюбію царя и его скромному отношенію къ товарищамъ на верфи. Ничѣмъ не отличаясь отъ простыхъ плотниковъ, даже одеждою, царь послушно исполнялъ всѣ приказанія своего мастера. Однажды посѣтилъ верфь какой-то знатный англичанинъ, пріѣхавшій нарочно посмотрѣть царя; въ это время рабочіе переносили тяжелое бревно. Мастеръ, чтобы показать царя англичанину, закричалъ: „Петръ, плотникъ саардамскій! что же ты не пособишь своимъ товарищамъ?“ Петръ безпрекословно подставилъ свое плечо подъ бревно и помогъ перенести его въ назначенное мѣсто.

Утомившись работой, отирая потъ съ своего чела, садился царь на обрубокъ дерева, и, опустивъ топоръ между ногъ, отдыхалъ нѣсколько минутъ, или дружелюбно бесѣдовалъ съ своими товарищами. Онъ охотно разговаривалъ и съ посторонними посѣтителями, если только они называли его просто: „плотникъ Петръ“; но не отвѣчалъ ни слова, или отворачивался, когда его называли „государь“, или „ваше величество“. Впрочемъ, Петръ ни въ какомъ случаѣ не любилъ продолжительныхъ разговоровъ, а, отдохнувъ нѣсколько минутъ, спѣшилъ снова за работу.

Однако, занятія Петра въ Амстердамѣ далеко не ограничивались однимъ корабельнымъ дѣломъ; дѣятельность его въ Амстердамѣ, какъ всегда и вездѣ, была изумительная. Ежедневно по окончаніи работъ на верфи, неутомимый царь сейчасъ же принимался за другія занятія: осматривалъ фабрики, заводы, разныя машины и рѣдкости; знакомился съ извѣстными въ то время голландскими учеными, слушалъ ихъ лекціи и прилежно учился у нихъ математикѣ, астрономіи, мореплаванію изодчеству.

У одного извѣстнаго доктора Рюйша, особенно понравившагося Петру, онъ усердно изучалъ медицину, т. е. врачебное искусство. Разсказываютъ, что Петръ былъ изумленъ, когда въ первый разъ увидѣлъ у него знаменитый анатомическій театръ (собраніе труповъ) Особенно онъ былъ пораженъ при

видѣ трупа ребенка, который былъ такъ хорошо сохраненъ, что казался живымъ и улыбающимся: Петръ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловатъ его. Часто послѣ этого царь слушалъ лекціи этого доктора, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и, съ цѣлью практическаго ознакомленія съ искусствомъ врачеванія, ходилъ съ нимъ въ больницу св. Петра, гдѣ для этого была даже продѣлана особенная дверь, чтобы избавить Петра отъ взглядовъ любопытной толпы; слѣды этой двери остались и донынѣ. У знаменитыхъ голландскихъ художниковъ Петръ учился рисованію и даже гравировальному искусству. Въ амстердамскомъ музеѣ до сихъ поръ хранится гравюра, сдѣланная самимъ Петромъ. На ней изображена фигура ангела, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, попирающая мусульманскую луну и турецкіе бунчуки. На этой гравюрѣ сдѣлана слѣдующая надпись по-голландски: „Петръ Алексѣевичъ, великій царь русскій, награвировалъ его иглою и крѣпкою водкою, подъ смотрѣніемъ Адріана Шхонебека въ Амстердамѣ, въ 1698 г., въ спальнѣ своей квартиры, на верфи Остъ-Индской компаніи".

Любознательность Петра не имѣла границъ. Жажда знаній заставляла его нерѣдко предпринимать поѣздки въ окрестности Амстердама. Въ Саардамѣ онъ продолжалъ бывать часто; тамъ учились кораблестроенію нѣкоторые изъ его волонтеровъ. Въ одномъ мѣстечкѣ царь побывалъ даже у китолововъ, отъ которыхъ узналъ всѣ подробности ихъ промысла. Посѣщая другіе голландскіе города, Петръ и тамъ не упустилъ случая познакомиться съ извѣстными учеными, у которыхъ тоже слушалъ лекціи. Всѣ ученые были поражены любознательностію и способностями царя.

Усердно обогащая свой умъ знаніями, Петръ въ то же время не терялъ изъ вида внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ своего отечества: договаривалъ и нанималъ иноземцевъ мастеровъ для отправленія въ Россію, заботился объ успѣхахъ ученія русскихъ волонтеровъ въ Голландіи, уговорилъ одного голландскаго купца открыть въ Амстердамѣ русскую типографію, для печа-

танія русскихъ книгъ; слѣдилъ за своими „кумпанствами“, продолжавшими строить корабли въ Россіи, покупалъ имъ разные припасы, необходимые для кораблестроенія и военнаго дѣла, и зорко слѣдилъ за дѣлами въ Польшѣ, Турціи и въ Западной Европѣ. Въ одномъ голландскомъ городкѣ (Утрехтѣ) Петръ успѣлъ познакомиться съ гостившимъ тамъ англійскимъ королемъ и бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ дѣлахъ.

Каждая почта приносила Петру груду бумагъ изъ Москвы: бояре-правители, близкіе люди, корабельщики — всѣ извѣщали его о дѣлахъ важныхъ и не важныхъ, испрашивали разрѣшенія по разнымъ предметамъ. Царь всѣмъ имъ отвѣчалъ съ первою отходившею почтою, по пятницамъ. Возвратившись съ верфи, или другихъ занятій, Петръ, въ часы ночной тишины, дрожащею отъ усталости рукою, принимался торопливо и кратко изъявлять московскимъ правителямъ свою волю, повѣрять имъ свои надежды и желанія. Если же не успѣвалъ отвѣчать всѣмъ на письма, то просилъ ихъ „не покручиниться“, потому что „иное за недосугомъ, иное за отлучкою“ не успѣвалъ справить.

Но чѣмъ бы ни занимался Петръ, гдѣ бы онъ ни бывалъ, онъ постоянно возвращался къ любимой своей корабельной работѣ на Остъ-Индской верфи. Кораблестроеніе онъ изучалъ усердно и тщательно, не только въ качествѣ плотника, но и по чертежамъ, при чемъ самъ дѣлалъ эти чертежи и писалъ къ нимъ замѣтки. Корабль „Петръ и Павелъ“, заложенный для него, строился все время при самомъ дѣятельномъ участіи царя и былъ при немъ спущенъ на воду. По окончаніи постройки, мастеръ Класъ Поль далъ Петру аттестатъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что „Петръ Михайловъ, во все время пребыванія своего въ Амстердамѣ, былъ прилежнымъ и разумнымъ плотникомъ, а также въ связываніи и натягиваніи и плетеніи канатовъ, а равно и въ конопаченіи, мощеніи и смоленіи кораблей поступалъ, какъ доброму и искусному плотнику надлежитъ, и помогалъ въ строеніи фрегата „Петръ и Павелъ“, отъ первой его закладки“.

Между тѣмъ, русскіе послы, въ совѣщаніяхъ съ голландскими правителями, старались уговорить ихъ къ союзу съ Россіей противъ Турціи. Но голландскіе государственные люди отказались отъ этого союза, такъ какъ голландцы находились съ Турціей въ весьма выгодныхъ торговыхъ сношеніяхъ, и притомъ же они только что окончили войну съ Франціей и очень радовались заключенію съ нею мира. Петръ предостерегалъ ихъ отъ этой преждевременной радости и съ замѣчательною прозорливостью тогда же предсказалъ имъ скорое нарушеніе мира, назвавъ голландцевъ за ихъ недальновидность „дураками".

17 сентября, московское посольство отправилось въ главный городъ Нидерландовъ, Гаагу, куда прибыло торжественно, въ заранѣе приготовленныхъ отъ города великолѣпныхъ экипажахъ. Чтобы остаться незамѣченнымъ толпою при этомъ торжественномъ въѣздѣ, Петръ отправился въ Гаагу отдѣльно отъ посольства, въ сопровожденіи Витзена; на пути туда царь прятался отъ любопытныхъ, закутавшись въ свой плащъ. Въ одномъ мѣстѣ ему захотѣлось осмотрѣть великолѣпный домъ богача, но чтобы не сдѣлаться при этомъ предметомъ любопытства, Петръ попросилъ сперва удаленія изъ дома всѣхъ жильцевъ, что̀ и было исполнено. Въ Гаагѣ царь держалъ себя также чрезвычайно скромно: въ отведенной ему квартирѣ, Петръ сначала спалъ въ прихожей, на полу. Во время торжественнаго пріема посольства властями города, царь въ скромномъ платьѣ находился въ смежной комнатѣ, откуда смотрѣлъ лишь украдкой на церемонію. Въ честь пословъ городъ устроилъ разныя празднества, но царь и при всѣхъ этихъ церемоніяхъ держалъ себя въ сторонѣ и удивлялъ всѣхъ своею скромностью. Тѣмъ не менѣе, Петръ успѣлъ побывать въ Гаагѣ у всѣхъ замѣчательнѣйшихъ сановниковъ Голландіи и имѣлъ тамъ второе свиданіе съ англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III. Въ Гаагѣ Петръ пробылъ не болѣе недѣли.

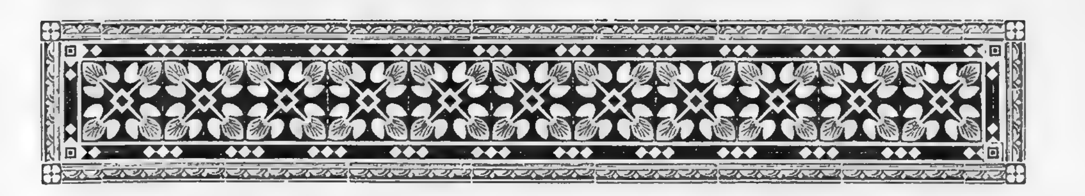
Вернувшись въ Амстердамъ и поглотивъ наконецъ всю голландскую корабельную мудрость, Петръ съ ужасомъ увидѣлъ,

что голландцы еще многому не могли научить его... Царь хотѣлъ выучиться серьезно корабельному дѣлу, вникнуть въ самую суть этого дѣла, желалъ знать правила постройки всякихъ кораблей, точные размѣры и чертежи ихъ. Онъ спрашивалъ объ этомъ своего мастера Класа Поля, Витзена и другихъ голландскихъ знатоковъ, но всѣ они отвѣчали, что этого и сами голландцы не знаютъ и что они строятъ суда просто по навыку и опыту, каждый мастеръ по своему разсужденію, безъ ученыхъ правилъ и точныхъ чертежей... Петру стало страшно досадно, что онъ предпринялъ такой дальній путь, потратилъ такъ много труда и времени, а желаемой цѣли не достигъ.

Въ это время Петру случилось быть за городомъ, въ домѣ одного голландскаго купца, у котораго собралось много гостей. Петръ, вопреки своему обыкновенію, сидѣлъ въ обществѣ мрачный и молчаливый. Его спросили, отчего онъ такъ печаленъ? Царь объявилъ имъ причину своей грусти. Между гостями нашелся одинъ англичанинъ, который, услышавъ отвѣтъ царя, сказалъ ему, что у нихъ, въ Англіи, строеніе кораблей производится по такимъ совершеннымъ правиламъ, что имъ легко можно выучиться въ самое короткое время. Эти слова такъ обрадовали Петра, что онъ немедленно собрался ѣхать въ Англію, учиться тамошнему корабельному дѣлу...

Англійскій король Вильгельмъ III, познакомившійся съ Петромъ въ Голландіи, узнавъ о его желаніи посѣтить Англію, тотчасъ же приказалъ предоставить въ распоряженіе царя два военныхъ судна и двѣ яхты для переѣзда въ Англію.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Пребываніе Петра въ Лондонѣ. — Путешествіе по Германіи и Австріи. — Неудача переговоровъ въ Вѣнѣ. — Извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ. — Возвращеніе въ Москву. — Казнь стрѣльцовъ и ихъ уничтоженіе. — Постриженіе Софьи. — Переговоры съ Турціею и заключеніе мира.

6-го января 1698 года Петръ, оставивъ посольство въ Голландіи, отправился самъ, со свитою изъ 10-ти волонтеровъ, въ Англію, на присланныхъ за нимъ корабляхъ. Во время плаванія погода была бурная. Петръ, одѣтый въ матросское платье, все время безотлучно находился при начальникѣ англійскихъ судовъ, адмиралѣ Мичелѣ, и бесѣдовалъ съ нимъ о подробностяхъ морскаго дѣла.

11-го января Петръ прибылъ въ Лондонъ. По своему обыкновенію царь занялъ съ своими волонтерами весьма скромное помѣщеніе. Черезъ три дня посѣтилъ его англійскій король Вильгельмъ. Царь принялъ короля въ небольшой душной комнаткѣ, въ которой онъ самъ спалъ вмѣстѣ со своими спутниками, такъ что для короля, не смотря на зимній холодъ, пришлось отворить окно.

Нѣсколько дней спустя, Петръ, одѣвшись въ московское платье, самъ отправился къ королю. Король бесѣдовалъ съ нимъ на голландскомъ языкѣ, которымъ Петръ владѣлъ въ совершенствѣ. При этомъ царь съ любопытствомъ осматривалъ всѣ находившіяся въ комнатѣ короля драгоцѣнности; но больше

всего ему понравился здѣсь приборъ для наблюденія за направленіемъ вѣтра.

Затѣмъ, Петръ, посѣтилъ въ Лондонѣ театръ, былъ въ маскарадѣ, осматривалъ музеи, посѣтилъ монетный дворъ и астрономическую обсерваторію.

Осмотрѣвъ наскоро достопримѣчательности Лондона, Петръ поспѣшилъ къ своему главному занятію, изученію кораблестроенія, и съ этой цѣлью поселился въ трехъ верстахъ отъ Лондона, въ городкѣ Детфордѣ, въ домѣ мастера Эвелина, стоявшемъ рядомъ съ верфью. Подъ руководствомъ Эвелина, Петръ съ жаромъ принялся за изученіе правилъ кораблестроенія и математики. Квартира его вся была загромождена книгами, чертежами и моделями разныхъ кораблей, фрегатовъ и шлюпокъ. Онъ познакомился почти со всѣми капитанами англійскихъ военныхъ кораблей и собиралъ всевозможныя свѣдѣнія о судостроеніи. Сопровождавшій царя въ Англію адмиралъ Мичель, по повелѣнію короля, постоянно находился при Петрѣ для сообщенія ему необходимыхъ свѣдѣній о морскомъ дѣлѣ. Въ часы досуга, Петръ занимался столярною работою, изготовляя разную мебель. Онъ ежедневно также катался по рѣкѣ Темзѣ, то на парусной яхтѣ, то на гребномъ суднѣ.

Неутомимый царь успѣлъ побывать и въ другихъ англійскихъ городахъ. Особенно часто онъ ѣздилъ въ городъ Вульвичъ, осматривать знаменитый вульвичскій литейный заводъ и обширнѣйшій въ мірѣ вульвичскій складъ корабельныхъ орудій и разнаго рода оружія; при этомъ царь практиковался тамъ въ метаніи бомбъ и учился морскому искусству. Однажды Петръ пожелалъ видѣть засѣданія англійскаго парламента. Чтобъ избѣжать торжественнаго появленія въ собраніи англійскихъ государственныхъ людей, Петръ рѣшился посмотрѣть на ихъ засѣданіе съ потолка залы засѣданія, сквозь слуховое окно... Появленіе въ окнѣ потолка человѣческой фигуры, надъ головами англійскихъ государственныхъ людей, произвело между ними не малый переполохъ.

Король доставилъ также Петру удовольствіе видѣть примѣрное морское сраженіе. Для этого царь приглашенъ былъ въ приморскій городъ Портсмутъ. По дорогѣ туда Петръ съ большимъ интересомъ осматривалъ все достопримѣчательное: дворцы, желѣзные заводы, мосты, верфи и проч. Въ Портсмутѣ, самый видъ морскаго сраженія привелъ Петра въ такое восхищеніе, что онъ воскликнулъ: „Если-бы я не былъ царемъ въ Россіи, то желалъ бы быть адмираломъ въ Англіи".

Петръ побывалъ также въ англійскомъ университетѣ, обозрѣвалъ больницы, воспитательные дома, китоловныя суда, посѣщалъ разныхъ англійскихъ вельможъ и нерѣдко принималъ ихъ у себя, часто толковалъ съ англійскими епископами о различіи вѣръ, заходилъ даже къ англійскимъ сектантамъ и постоянно посѣщалъ разныя мастерскія. Своими постоянными разспросами онъ замучилъ англичанъ, назначенныхъ сопровождать его. Не было, говорили англичане, такого искусства или ремесла, съ которымъ не познакомился бы русскій царь. Но при этомъ Петръ постоянно возвращался къ своему главному занятію — изученію кораблестроенія. Дѣло это онъ изучилъ въ Англіи въ такомъ совершенствѣ, что впослѣдствіи говаривалъ: „На всегда остался бы я только плотникомъ, если бы не поучился у англичанъ".

Въ Англіи Петръ пробылъ четыре мѣсяца. Страна эта чрезвычайно понравилась ему. Особенно поразило Петра то обстоятельство, что фабрики, промыслы и торговля доставляютъ небольшому англійскому королевству гораздо больше дохода, чѣмъ вся обширная Россія. Петръ тогда же пригласилъ на службу въ Россію нѣсколько англійскихъ мастеровъ и ученыхъ.

Самъ Петръ не понравился чопорнымъ англичанамъ своею простотою и крайнею любознательностію, а главное — англичане испугались его способностей и необычайной страсти къ морскому дѣлу, опасаясь встрѣтить въ немъ впослѣдствіи сильнаго соперника на морѣ, на которомъ они считали себя господами.

Тѣмъ не менѣе, Петръ разстался дружески съ англійскимъ королемъ. Король Вильгельмъ на прощанье подарилъ царю великолѣпную яхту, а Петръ, съ своей стороны, оставилъ ему на память свой портретъ, писанный съ него въ Англіи знаменитымъ художникомъ.

18-го апрѣля 1698 года Петръ отплылъ, на подаренной ему яхтѣ, обратно въ Голландію, гдѣ пробылъ еще три недѣли.

17-го мая Петръ выѣхалъ съ посольствомъ изъ Голландіи въ Австрію, направляясь черезъ разныя нѣмецкія владѣнія. По дорогѣ царь, по прежнему, почти въ каждомъ нѣмецкомъ городѣ осматривалъ разныя достопримѣчательности: сады, полотняныя фабрики, крѣпости, арсеналы и проч. Въ городѣ Лейпцигѣ Петръ снова занимался на досугѣ артиллерійскими упражненіями.

При торжественномъ въѣздѣ русскаго посольства въ городъ Дрезденъ, царь, выйдя изъ кареты, отправился пѣшкомъ къ приготовленному для него помѣщенію, при чемъ старался спрятать свое лицо подъ черную шапочку, чтобъ остаться незамѣченнымъ; но нѣкоторые изъ горожанъ все-таки узнали его и съ любопытствомъ провожали его до квартиры. Это вызвало сильный гнѣвъ Петра. Онъ потребовалъ отъ городскихъ властей, чтобы никто на него не смотрѣлъ, и грозилъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, немедленнымъ отъѣздомъ. Едва удалось его успокоить и уговорить поужинать. Затѣмъ, онъ всю ночь провелъ въ музеѣ, осматривая особенно тщательно математическіе инструменты и ремесленныя орудія. На другой день Петръ посѣтилъ военный арсеналъ, гдѣ удивилъ всѣхъ своими точными свѣдѣніями о пушкахъ, замѣчалъ малѣйшіе недостатки показываемыхъ ему орудій, и объяснялъ причины такихъ недостатковъ. Послѣ этого онъ опять побывалъ въ музеѣ, а затѣмъ былъ на ужинѣ у намѣстника, въ обществѣ значительныхъ вельможъ и дамъ. Здѣсь Петръ, развеселившись, взялъ, въ шутку, у одного изъ барабанщиковъ барабанъ и сталъ барабанить такъ искусно, что превзошелъ своею ловкостью даже настоящихъ барабанщиковъ.

Пріемъ польскихъ пословъ царевичами Іоанномъ и Петромъ.

Изъ Дрездена царь направился въ городъ Вѣну, столицу Австріи.

Австрійскій императоръ Леопольдъ, одинъ изъ самыхъ могущественнѣйшихъ въ то время государей Европы, придавалъ важное значеніе пріѣзду русскаго царя въ Вѣну, и потому приготовлялъ пышный пріемъ московскому посольству. Для Петра австрійскій императоръ имѣлъ также особенное значеніе, въ виду того, что Австрія вела упорную войну съ главнымъ врагомъ Россіи — Турціей. Поэтому, нетерпѣливый Петръ, чтобы не терять даромъ времени, не дожидаясь торжественнаго въѣзда своего посольства въ столицу, испросилъ для себя у императора согласіе на свиданіе съ нимъ и его семействомъ частнымъ образомъ, безъ церемоній. Встрѣча двухъ государей произошла въ одномъ изъ вѣнскихъ дворцовъ. Нѣсколько дней спустя, императоръ Леопольдъ посѣтилъ царя въ его квартирѣ, также частнымъ образомъ, чтобы не обнаруживать его настоящаго званія. Прибывъ въ Вѣну ранѣе торжественнаго въѣзда русскихъ пословъ, Петръ получилъ чрезъ это возможность, оставаясь незамѣченнымъ, осмотрѣть всѣ достопримѣчательности Вѣны: онъ побывалъ въ театрѣ, осмотрѣлъ арсеналъ, библіотеку, кунсткамеру, и проч.

16-го іюля, вечеромъ, происходилъ торжественный въѣздъ въ городъ московскаго посольства, послѣ чего начались разныя празднества, въ честь прибытія русскихъ гостей: вечера, маскарады и т. под. 18-го іюля, когда прибыли въ Вѣну царскіе подарки для императора, у послѣдняго происходилъ торжественный пріемъ русскихъ пословъ. Петръ находился при этомъ пріемѣ въ свитѣ посольства. Когда императоръ, по обычаю, спросилъ пословъ о здоровьѣ Россійскаго государя, то послы отвѣчали, что „какъ они съ Москвы поѣхали, Его Царское Величество остался въ желаемомъ здоровьѣ“. Во время обѣда Петръ, въ качествѣ простого члена свиты, стоялъ за стуломъ главнаго своего посла Лефорта. Когда Лефорту поднесли нѣсколько сортовъ вина, онъ попробовалъ каждаго сорта, нашелъ

ихъ отличными и попросилъ дозволенія дать отвѣдать ихъ своему доброму другу, стоявшему за его стуломъ, т. е. самому царю.

Личность Петра вообще произвела сильное впечатлѣніе на австрійцевъ. Они очень удивились тому обстоятельству, что государь Россіи, которую они считали почти дикою страною, превосходилъ своимъ образованіемъ даже иностранныхъ государей; особенно они удивлялись необыкновенной скромности Петра, предпринятымъ имъ трудамъ на пользу Россіи и той необычайной любознательности, съ какою онъ обращалъ вниманіе на военное искусство, на артиллерію, особенно на морское дѣло, а также на полезнѣйшія учрежденія при управленіи государствомъ и даже на нравы, обычаи и увеселенія иностранцевъ... Казалось, все должно было служить полезною школою для молодого царя, съ жадностью искавшаго вездѣ новыхъ свѣдѣній.

Тѣмъ не менѣе, русское посольство не могло достигнуть и въ Вѣнѣ желаемой цѣли. Петру хотѣлось, чтобы императоръ продолжалъ военныя дѣйствія противъ турокъ, въ союзѣ съ Россіей, Леопольдъ же былъ склоненъ къ заключенію мира съ турками, такъ какъ казна его была сильно истощена войною. Послѣ этого Петръ изъявилъ желаніе, чтобы императоръ, при заключеніи мира съ Турціей, настоялъ, по крайней мѣрѣ, на уступкѣ Россіи со стороны турокъ, кромѣ уже завоеванныхъ у нихъ крѣпостей на Дону и Днѣпрѣ, еще одного пункта въ Крыму, именно Керченской крѣпости. Но австрійцы и на это не могли дать опредѣленнаго отвѣта.

Изъ Вѣны Петръ намѣревался отправиться къ главной цѣли своего путешествія — въ Италію, чтобы научиться кораблестроенію на знаменитыхъ въ то время венеціанскихъ верфяхъ, славившихся постройкою мелкихъ судовъ или галеръ, которыя въ особенности могли быть полезны для Россіи въ турецкой войнѣ. Кромѣ того, Венеція славилась также богатѣйшимъ арсеналомъ, въ которомъ собрано было множество образцовыхъ

орудій. Наконецъ Венеція привлекала Петра и тѣмъ, что государство это принимало дѣятельное участіе въ турецкой войнѣ и обладало огромнымъ галернымъ флотомъ, почему могло сдѣлаться весьма полезнымъ союзникомъ Россіи противъ турокъ. Встрѣтивъ со стороны другихъ европейскихъ правительствъ отказъ въ союзѣ противъ Турціи, царь теперь разсчитывалъ только на Венецію.

Петръ и хотѣлъ проѣхать изъ Вѣны прямо въ Венецію. Нѣкоторыя лица изъ свиты русскаго посольства были уже отправлены туда. Въ Венеціи также шли уже обширныя приготовленія къ пріему царя и московскаго посольства. На венеціанскихъ верфяхъ даже нарочно умножено было къ этому времени число рабочихъ.

Каково же было огорченіе и гнѣвъ Петра, когда онъ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ въ Венецію, получилъ извѣстіе изъ Москвы о бунтѣ противъ него стрѣлецкихъ войскъ.

19 іюля Петръ, въ сопровожденіи Лефорта, Головина и небольшой свиты, поспѣшно покинулъ Вѣну и направился, вмѣсто Венеціи, въ Москву. Прочія лица посольства, съ Возницынымъ во главѣ, остались въ Вѣнѣ, для продолженія неоконченныхъ переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ.

Петръ былъ сильно встревоженъ извѣстіемъ изъ Москвы. Онъ ѣхалъ туда съ необычайной поспѣшностью, день и ночь. Въ городѣ Краковѣ для царя приготовили-было торжественную встрѣчу, но онъ даже и не останавливался тамъ. Петръ опасался главнымъ образомъ не стрѣлецкаго бунта, а того, что бунтомъ этимъ воспользуется прежняя самозванная правительница Россіи, царевна Софія, которая была заключена въ монастырь.

Пользуясь продолжительнымъ пребываніемъ царя за границей и волненіемъ стрѣлецкихъ войскъ, выселенныхъ за смуты изъ Москвы на окраины Россіи, Софія, чрезъ своихъ клевретовъ, старалась возбудить неудовольствіе среди стрѣльцовъ на продолжительное отсутствіе царя изъ Россіи, а также на его

*

сношенія съ иноземцами, и подговаривала ихъ къ бунту противъ Петра, съ цѣлью снова самой завладѣть властью. Стрѣлецкія войска послушались Софью, собрались со всѣхъ концовъ Россіи и двинулись къ Москвѣ, съ намѣреніемъ овладѣть столицею, истребить Нѣмецкую слободу и вручить власть царевнѣ. Но замыслы Софьи не удались. Петръ получилъ еще на дорогѣ утѣшительное извѣстіе, что генералу Гордону, съ преданными царю войсками, скоро удалось окружить стрѣльцовъ близъ Воскресенскаго монастыря, запереть ихъ въ этомъ монастырѣ и, такимъ образомъ, не допустить до Москвы.

Это извѣстіе нѣсколько успокоило Петра, и онъ поѣхалъ тише. Еще не переѣзжая австрійской границы, онъ уже опять началъ останавливаться для осмотра достопримѣчательностей; такъ въ Величкѣ онъ осматривалъ знаменитыя Величкинскія соляныя копи. Вступивъ, затѣмъ, въ польскія владѣнія, Петръ останавливался уже во многихъ мѣстахъ, для осмотра польскихъ городовъ и польскихъ войскъ.

Въ мѣстечкѣ Равѣ, 31 іюля, Петръ встрѣтился съ польскимъ королемъ Августомъ II-мъ, который былъ избранъ на престолъ благодаря содѣйствію Петра. Тотчасъ по избраніи Августа въ короли, Петръ отправилъ ему первый поздравительную грамату, что́ было очень пріятно новоизбранному королю. По этому случаю, Августъ тогда же сказалъ русскому повѣренному при польскомъ дворѣ, что даетъ честное слово быть съ царемъ за-одно противъ враговъ Креста святаго и что полученную имъ поддержку при выборахъ онъ никогда не забудетъ.

Встрѣтившись съ Августомъ, Петръ въ свою очередь очень полюбилъ короля и даже обмѣнялся съ нимъ оружіемъ. Царь осматривалъ его войска, часто бывалъ съ нимъ на обѣдахъ и вечерахъ и велъ съ нимъ тайные переговоры.

Не найдя себѣ за границей союзниковъ противъ Турціи и вполнѣ сознавая могущество этой державы, Петръ пришелъ къ заключенію, что Россіи пока еще рано начинать войну съ

турками и что ему самому придется на время отказаться отъ своего намѣренія овладѣть Чернымъ моремъ и освободить восточныхъ христіанъ отъ турецкаго ига, чего онъ такъ пламенно желалъ.

Но Петръ былъ не изъ такихъ, чтобы изъ-за одной какой нибудь неудачи совсѣмъ опустить руки. Страстное желаніе Петра добыть Россіи море, удобное для торговыхъ сношеній и вообще для сближенія съ богатыми и просвѣщенными странами западной Европы, и чрезъ это вывести Россію изъ ея обособленнаго и униженнаго положенія, усилить и возвысить ее передъ другими европейскими государствами, — это завѣтное желаніе Петра было въ немъ несокрушимо. Наиболѣе короткимъ и удобнымъ путемъ для этихъ сношеній съ западной Европой могли служить, кромѣ Чернаго моря, Балтійское, по которому Петръ самъ прибылъ въ короткое время изъ Россіи къ нѣмецкимъ берегамъ.

Петръ и вознамѣрился теперь отвоевать у шведовъ обратно захваченныя ими старинныя русскія земли по юго-восточному берегу Балтійскаго моря, и такимъ образомъ вернуть его Россіи. Но въ то время одна Россія, безъ союзниковъ, не могла также разсчитывать на какой либо успѣхъ въ войнѣ съ могущественной Швеціей. Отецъ Петра Великаго, царь Алексѣй Михайловичъ, пытался уже возвратить упомянутыя земли и даже самъ участвовалъ съ войсками въ осадѣ Риги, но вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, отказаться отъ этой попытки. Петръ, посѣтивъ польскаго короля Августа и сблизившись съ нимъ, рѣшился привлечь его къ союзу съ Россіею противъ Швеціи, такъ какъ шведы захватили и у поляковъ часть земель по берегу того же Балтійскаго моря. Кромѣ того, Петру, во время пребыванія его за-границей, прусскій герцогъ самъ предлагалъ союзъ противъ Швеціи, которая отвоевала многія земли и у нѣмцевъ; но въ то время Петръ отказался отъ этого союза, такъ какъ искалъ себѣ помощи противъ Турціи; теперь же онъ съ удовольствіемъ вспомнилъ о предложеніи прусскаго

герцога. Такимъ образомъ, для отвоеванія у шведовъ Балтійскаго моря Россія могла разсчитывать на многихъ и сильныхъ союзниковъ. Поводы же къ разрыву со Швеціей Петръ видѣлъ въ дурномъ пріемѣ, оказанномъ ему въ Ригѣ, гдѣ шведскіе солдаты грубо не допускали его самого и его пословъ къ осмотру нѣкоторыхъ достопримѣчательностей города, тогда какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ за-границей ему открытъ былъ всюду свободный доступъ. Вотъ почему Петръ, не смотря на то, что торопился въ Москву, рѣшился остановиться у польскаго короля на нѣсколько дней.

Однако, во время этого кратковременнаго свиданія съ королемъ, Петръ не успѣлъ высказать ему опредѣленно своего намѣренія, а только намекнулъ ему на союзъ при слѣдующемъ случаѣ. Однажды Августъ, бесѣдуя съ Петромъ, высказалъ ему свои опасенія относительно козней враговъ своихъ, которыхъ было много между поляками, и просилъ Петра помочь ему въ случаѣ опасности. Петръ на это отвѣчалъ, что хотя онъ и не ожидаетъ отъ поляковъ ничего дурного противъ ихъ короля, такъ какъ такихъ примѣровъ у нихъ не было, но готовъ, во всякомъ случаѣ, помочь ему въ нуждѣ; при этомъ Петръ, въ свою очередь, просилъ Августа, чтобы тотъ, съ своей стороны, также помогъ ему отмстить обиду, которую нанесъ ему шведскій губернаторъ въ Ригѣ. Король тоже далъ обѣщаніе, тогда оба государя, въ знакъ дружбы, обмѣнялись оружіемъ, обязались другъ другу крѣпко хранить дружбу, и послѣ этого разъѣхались.

Петръ пробылъ въ Равѣ у польскаго короля три дня. По дорогѣ оттуда къ русскимъ границамъ, царь принималъ богатое угощеніе отъ польскихъ вельможъ, черезъ имѣнія которыхъ проѣзжалъ, и 25-го августа 1698 года прибылъ въ Москву.

Въ то время, какъ Петръ въ чужихъ земляхъ изучалъ средства, чтобы вдвинуть свой народъ въ среду образованныхъ народовъ, закоснѣлые сторонники старины и личные враги

Петра, съ Софьею во главѣ, рѣшились воспользоваться отсутствіемъ царя. Они опять обратились къ прежнему орудію всѣхъ смутъ, къ тѣмъ же стрѣльцамъ, которыхъ не трудно было поднять на кровавое дѣло. Стрѣльцы были представителями стараго порядка, который они должны были поддерживать даже по чувству самоохраненія. При торжествѣ новаго — они переставали быть стрѣльцами и должны были превратиться въ обыкновенныхъ солдатъ, лишаясь всѣхъ своихъ преимуществъ: жить отдѣльными слободами, имѣть свои дома, свое хозяйство, вести торговлю и проч. Въ потѣшныхъ они видѣли своихъ непримиримыхъ противниковъ, какъ любимцевъ царя. За потѣхами слѣдовали азовскіе походы, два года сряду удалявшіе стрѣльцовъ отъ ихъ семействъ и выгодныхъ промысловъ въ Москвѣ; при всемъ этомъ они еще постоянно получали отъ царя выговоры; по взятіи Азова ихъ задержали тамъ сперва для охраны города, потомъ заставили возводить укрѣпленія. Стрѣльцы надѣялись, что кончится служба и они возвратятся въ Москву, какъ вдругъ изъ-подъ Азова передвинули четыре стрѣлецкихъ полка къ литовской границѣ подъ начальство кн. Ромодановскаго, посланнаго туда наблюдать за дѣлами въ Польшѣ. На мѣсто ихъ въ Азовъ послано было тоже шесть стрѣлецкихъ полковъ; остальныхъ размѣстили по юго-западной границѣ, такъ что въ Москвѣ остались только одни солдаты. Всѣмъ этимъ, конечно, стрѣльцы не могли быть довольны и считали себя обреченными на истребленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ дѣйствительно имѣлъ въ виду истребить это постоянное орудіе всѣхъ злоумышленниковъ; изъ памяти его не могли изгладиться кровавыя дѣла стрѣльцовъ 15 мая 1682 года, ихъ покушеніе на его жизнь и жизнь его матери въ Преображенскомъ. Нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, которымъ предписано было идти въ Великіе Луки, рѣшились во что бы то ни стало побывать въ Москвѣ. Бѣжало человѣкъ полтораста и явились они въ Москву челобитчиками. На спросъ, зачѣмъ ушли изъ полковъ—они отвѣчали, „что ихъ братья стрѣльцы отъ безкормицы

идутъ многіе". Вмѣсто того, чтобы ихъ выпроводить изъ Москвы, ихъ оставили до 3 апрѣля, и выдали кормовыя деньги. Хотя и короткій былъ данъ срокъ, но стрѣльцы успѣли о многомъ поразвѣдать и повидаться съ кѣмъ имъ нужно было. Хотя царевны, сестры Софьи, и были заперты на Верху*), но стрѣльцы нашли возможность войти съ ними въ сношенія; двое изъ нихъ, Проскуряковъ и Тума, составили челобитную, передали ее царевнѣ Марѳѣ, дѣйствовавшей усерднѣе и смѣлѣе другихъ. На Арбатѣ, у церкви Николы Явленнаго, Тумъ прочелъ собравшимся стрѣльцамъ грамату отъ царевны Софьи Алексѣевны; она призывала всѣ четыре полка въ Москву и указывала имъ стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, подать ей челобитье, чтобы она шла по прежнему на державство. И вотъ, 3 апрѣля, толпой подошли стрѣльцы къ дому начальника стрѣлецкаго приказа кн. Троекурова и объявили ему, что не пойдутъ изъ Москвы; но на другой день все-таки выпроводили незванныхъ гостей за заставу. Увѣдомленіе объ этомъ Петръ получилъ въ Амстердамѣ, собираясь въ Вѣну, и такъ писалъ Ромодановскому: „что бунтъ стрѣльцовъ вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усміренъ—зѣло радуемся, только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ. Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ". Изъ этого видно, что Петръ, отъѣзжая за границу, наказывалъ строго блюсти за буйными стрѣльцами, и опасенія его чуть было не осуществились. Стрѣльцовъ, выгнанныхъ изъ Москвы, нагнала стрѣльчиха и передала новую граматку отъ Софьи; она писала: „Теперь намъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? Про государя ничего не слышно". Челобитчики возвратились въ Торопецъ, гдѣ стоялъ съ полками Ромодановскій, а тутъ еще пришелъ указъ, ясно указывающій, что стрѣльцамъ не быть болѣе на Москвѣ. Ромодановскій долженъ былъ возвратиться въ Москву, распу-

*) Верхомъ назывались дворцовыя палаты.

стивъ по домамъ своихъ полчанъ, стрѣльцамъ же предписано было оставаться. Бѣгавшихъ въ Москву стрѣльцовъ, всего 155 человѣкъ, велѣно было сослать въ малороссійскіе города на вѣчное житье съ женами и дѣтьми. Это страшно взволновало стрѣльцовъ и они не выдали бѣгавшихъ въ Москву. Ромодановскій выдалъ имъ жалованье на два мѣсяца; но это нисколько не помогло. Съ ропотомъ двинулись они въ указанныя имъ мѣста, шли нехотя, наконецъ 6 іюня, на берегахъ Двины, сошлись всѣ четыре полка; здѣсь стрѣлецъ Масловъ, взобравшись на телѣгу, прочелъ призывное письмо отъ царевны Софьи. Въ рядахъ раздались неистовые крики: „къ Москвѣ! къ Москвѣ! Нѣмцевъ перебить!“ Раздѣлились на кружки, отставили прежнихъ полковниковъ и капитановъ, выбрали на ихъ мѣсто новыхъ и пошли къ Москвѣ. Приближеніе стрѣльцовъ къ Москвѣ навело ужасъ на всѣхъ ея жителей; наконецъ, по совѣту Бор. Алекс. Голицына, послали противъ мятежниковъ боярина Шеина съ генераломъ Гордономъ и кн. Масальскимъ. Въ царскомъ войскѣ было около 11 т. и 25 пушекъ; оно встрѣтило стрѣльцовъ 17 іюня подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Шеинъ, надѣясь образумить стрѣльцовъ, сперва послалъ переговорить съ ними генерала Гордона; но они не хотѣли слушать нѣмца. Тогда Шеинъ послалъ къ нимъ кн. Масальскаго; къ нему вышелъ одинъ изъ заводчиковъ, десятникъ Зоринъ, съ черновою неоконченною челобитной и требовалъ, чтобы она была прочитана передъ всѣмъ войскомъ.—Такое наглое требованіе было отвергнуто и стороны стали готовиться къ битвѣ. Отслужили молебны; стрѣльцы исповѣдывались и клялись умереть другъ за друга безъ всякой измѣны. Шеинъ думалъ, что одинъ громъ пушекъ отрезвитъ безумцевъ; поэтому въ первый разъ велѣлъ стрѣлять такъ, чтобы ядра перелетѣли черезъ головы стрѣльцовъ, но это придало имъ еще болѣе смѣлости; они стали распускать знамена, бросать вверхъ шапки и готовиться къ бою. Тогда былъ сдѣланъ другой залпъ, и нестройная толпа замялась; въ часъ времени все было кончено. Царское войско

овладѣло обозомъ стрѣльцовъ, и бунтовщики положили оружіе. Немедленно начались великіе розыски и страшныя пытки кнутомъ и огнемъ; многихъ казнили, остальныхъ отправили въ тюрьмы. 26 августа разнеслась по Москвѣ вѣсть, что пріѣхалъ царь и, не побывавъ во дворцѣ, не повидавшись съ женою, отправился ночевать въ Преображенское. Всѣ съ ужасомъ ожидали, чѣмъ разразится гнѣвъ царя, съ чего и какъ онъ начнетъ. Онъ началъ съ уничтоженія бороды, которая стала знаменемъ для всѣхъ тѣхъ, кто шелъ противъ преобразованій, противъ всей дѣятельности Петра.

Когда на другой день пріѣзда Петра, утромъ 26 августа, толпа всякаго рода людей наполнила деревянный Преображенскій дворецъ, гдѣ царь жилъ запросто, то, разговаривая съ вельможами, онъ собственноручно обрѣзывалъ имъ бороды, начавъ съ Шеина и Ромодановскаго. Многіе изъ присутствовавшихъ догадались, что пришелъ конецъ старому времени, что надо разстаться съ матушкой-бородой и обрились; недогадавшимся или не хотѣвшимъ сдѣлать этого, 1 сентября, въ тогдашній новый годъ, на большомъ обѣдѣ у Шеина, обрѣзалъ бороду не самъ царь, а шутъ царскій, Тургеневъ. Послѣ этого, кто не хотѣлъ бриться, долженъ былъ платить опредѣленную пошлину. Это было рѣшительнымъ, отважнымъ шагомъ Петра противъ всѣхъ провозглашавшихъ брадобритіе блудною, еретическою новостью; а на сторонѣ такихъ было и духовенство, слѣдовательно и весь почти народъ. Патріархи Іоакимъ и Адріанъ шли противъ брадобритія, еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; они стращали русскихъ людей даже такимъ вопросомъ: „если обрѣете браду, то гдѣ станете на страшномъ судѣ: съ праведниками-ли, украшенными брадою, или съ бритыми еретиками?“ При такомъ взглядѣ на брадобритіе, рѣшимость Петра могла бы произвести сильное народное волненіе; но не успѣли защитники бороды опомниться отъ одного удара, какъ грянулъ другой: начался кровавый розыскъ противъ стрѣльцовъ, осмѣлившихся

пойти съ оружіемъ въ рукахъ противъ нѣмцевъ, а въ лицѣ ихъ, противъ воли царя. Болѣе 1,700 стрѣльцовъ, оставшихся послѣ Шеинскаго розыска, было приведено въ Москву и въ Преображенскомъ, съ 17 сентября, въ день имянинъ царевны Софьи, въ 14 застѣнкахъ начались пытки. Добыто было признаніе, что стрѣльцы хотѣли снова призвать Софью въ правительницы и возвратить изъ ссылки Голицына. Сестеръ своихъ, Марѳу и Софью, допрашивалъ самъ царь. Первая созналась, что говорила Софьѣ о приходѣ стрѣльцовъ, и о желаніи ихъ видѣть ее на царствѣ. Софья отвѣчала: „Письма я никакого не посылала, но стрѣльцы могли желать меня на правительство, потому что прежде я была правительницею". Чтобы впредь никто не могъ желать ея на правительство, она была пострижена, подъ именемъ Сусанны, и оставлена въ томъ же Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, но подъ постоянной стражею изъ сотни солдатъ. Марѳа тоже была пострижена. Пока шли розыски, дѣлались страшныяригототовленія къ казнямъ, которыя начались 30-го сентября. 201 человѣка повезли изъ Преображенскаго въ телѣгахъ къ Покровскимъ воротамъ; въ каждой телѣгѣ сидѣло по двое, одинъ противъ другаго и держали въ рукѣ по зажженной свѣчѣ; за телѣгами бѣжали жены, матери, дѣти; у Покровскихъ воротъ, въ присутствіи царя, иноземныхъ пословъ и огромнаго стеченія людей всякаго званія, была прочитана виновнымъ сказка; послѣ этого осужденныхъ развели казнить на указанныя мѣста. Сто девяносто пять стрѣльцовъ были повѣшены подъ Ново-Дѣвичьимъ монастыремъ, передъ кельею царевны Софьи: трое изъ нихъ, повѣшенные подлѣ самыхъ оконъ, держали въ рукахъ челобитныя. Цѣлые пять мѣсяцевъ повѣшенные стрѣльцы держали свои челобитныя передъ окнами Софьи. Много было казнено стрѣльцовъ и въ Азовѣ; оставшіеся въ живыхъ, какъ московскіе, такъ и азовскіе стрѣльцы были распущены; запрещено было жить въ Москвѣ не только самимъ стрѣльцамъ, но и женамъ ихъ. Таковъ былъ конецъ стрѣлецкаго войска въ Россіи.

Не смотря на то, что стрѣлецкія волненія отчасти помѣшали Петру исполнить до конца его планъ путешествія, первая поѣздка русскаго царя за границу имѣла все-таки громадное значеніе. Петръ пробылъ съ посольствомъ за границею около полутора года и возвратился оттуда съ обширными и многосторонними познаніями, изучивъ основательно разныя науки, европейскую жизнь, а въ особенности искусство кораблестроенія, морское и вообще военное дѣло. Словомъ, Петръ изъ путешествія своего за границей лично вынесъ все, въ чемъ такъ нуждался тогда, для своего усиленія и возвышенія, русскій народъ, жившій столь долгое время въ совершенномъ отчужденіи отъ образованныхъ европейцевъ.

Съ другой стороны, Петръ, лично познакомившись со многими иностранными государями и правительственнымя лицами, открылъ чрезъ это въ первый разъ доступъ Россіи къ заключенію необходимыхъ для нея союзовъ. До этого времени, иноземныя правительства, незнавшія русскаго народа и никогда невидѣвшія его государей, боялись довѣрять Россіи и вступать съ нею въ союзы. Переговоры русскаго посольства, веденные подъ руководствомъ самого Петра, значительно также содѣйствововали расположенію иностранныхъ правительствъ въ пользу Россіи. Наконецъ, личныя качества самого Петра, его необыкновенныя способности, обширныя познанія и страстное желаніе просвѣщенія для всего русскаго народа — сами по себѣ уже содѣйствовали возвышенію во мнѣніи иностранцевъ русскаго народа и его государя.

Такимъ образомъ, путешествіе Петра за границу измѣнило отчасти самое отношеніе европейскихъ государствъ къ Московскому царству и вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовило путь къ дальнѣйшимъ, болѣе близкимъ сношеніямъ Россіи съ Западной Европой.

Только по возвращеніи изъ-за границы, Петръ почувствовалъ себя, такъ сказать, достаточно уже свѣдущимъ и подготовленнымъ, чтобы взять въ свои руки бразды правленія. До

этого онъ предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ лицамъ, теперь же самъ лично сталъ руководить всѣми государственными дѣлами.

Отложивъ пока болѣе важныя и коренныя перемѣны внутри Россіи до болѣе благопріятнаго времени, Петръ прежде всего обратилъ свое вниманіе на внѣшнія дѣла Московскаго царства и на усиленіе его военнаго могущества, безъ чего трудно было охранять спокойствіе и безопасность Россіи, столь необходимыя для развитія внутри страны просвѣщенія, торговли, промышленности и вообще народнаго благосостоянія.

Рѣшившись отвоевать у шведовъ Балтійское море, Петръ вознамѣрился прекратить, хотя на время войны со Швеціей, непріязненныя отношенія къ Турціи, посредствомъ заключенія съ нею мира, по возможности выгоднаго для Россіи. Особенно онъ хлопоталъ объ окончательной уступкѣ турками Россіи завоеванныхъ у нихъ крѣпостей при Азовскомъ морѣ и на Днѣпрѣ. Петръ надѣялся, что иностранныя правительства, въ особенности австрійскій императоръ, окажутъ ему въ этомъ случаѣ возможное содѣйствіе. Съ этою цѣлію царь и оставилъ своего посла Возницына въ Вѣнѣ, при австрійскомъ императорѣ, который въ это время прекратилъ кровопролитную войну съ турками и приступилъ къ переговорамъ съ ними о мирѣ.

Въ октябрѣ 1698 года, на берегахъ Дуная, въ мѣстечкѣ Карловичѣ, торжественно открылись эти мирные переговоры между Австріею и Турціею, въ которыхъ участвовали и представители разныхъ европейскихъ государствъ. При этомъ, уполномоченные Англіи и Голландіи особенно хлопотали о скорѣйшемъ заключеніи мира, такъ какъ отъ войны преимущественно страдала торговля этихъ морскихъ державъ. Вслѣдствіе общаго желанія заключенія скорѣйшаго мира, поддерживать требованія Россіи передъ Турціей никто уже не изъявилъ готовности... Тогда Возницынъ, опасаясь, чтобы турки, покончивъ войну съ западными государствами, не набросились послѣ этого всѣми своими силами на Россію, началъ хлопо-

тать о заключеніи съ ними хотя перемирія, котораго и добился за два дня до заключенія мира прочими державами. Перемиріе между Россіею и Турціей было заключено на два года. Одновременно съ этимъ Возницынъ убѣждалъ Петра, для понужденія турокъ къ заключенію окончательнаго и выгоднаго для Россіи мира, готовиться къ усиленному продолженію турецкой войны, разсчитывая при этомъ на поддержку со стороны всѣхъ подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ.

Такимъ образомъ, Петру пришлось приступить къ усиленному вооруженію, чтобы имѣть возможность поддержать свои требованія передъ Турціей. Съ этою цѣлью работы въ Воронежѣ надъ сооруженіемъ русскаго флота, начатыя „кумпанствами" еще до путешествія Петра за границу, теперь были ускорены и расширены. Петръ осенью 1698 года самъ отправился въ Воронежъ, гдѣ компаніи отъ разныхъ сословій Россіи продолжали дѣятельно приготовлять суда. Осмотрѣвъ эти суда, Петръ остался доволенъ постройкою ихъ, хотя нѣкоторыя суда велѣлъ передѣлать. По своему обыкновенію, царь собственноручно, по сдѣланному имъ самимъ чертежу, принялся здѣсь самъ за постройку новаго 60-типушечнаго корабля, надъ которымъ работалъ уже безъ всякой помощи иноземныхъ мастеровъ, при содѣйствіи только своихъ товарищей, учившихся съ нимъ въ Англіи и Голландіи. Всего было построено въ Воронежѣ до 100 великолѣпныхъ судовъ.

Во все это время царь усердно также занимался государственными дѣлами по всѣмъ частямъ и зорко слѣдилъ за переговорами съ Турціей, при чемъ изъ донесеній своихъ уполномоченныхъ въ Турціи убѣдился, что турки склонны къ миру и нѣтъ основанія ожидать нападенія съ ихъ стороны.

Въ виду этого, царь назначилъ въ Константинополь, для веденія переговоровъ о заключеніи окончательнаго мира, чрезвычайнаго посланника, думнаго дьяка Емельяна Украинцева, который уже нѣсколько разъ до этого участвовалъ въ пере-

говорахъ съ турками. Украинцевъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь на большомъ военномъ кораблѣ. Самъ Петръ намѣревался провожать его со всѣмъ флотомъ до Чернаго моря. Петръ хотѣлъ этимъ внушить туркамъ, что располагаетъ сильными средствами и, въ случаѣ ихъ упорства, будетъ продолжать войну при помощи огромнаго флота. Наступленіе зимы, однако, прервало работы въ Воронежѣ и Петръ вернулся въ Москву.

Весною 1699 года, 2-го марта, скончался любимецъ царя, Францъ Яковлевичъ Лефортъ, носившій званіе адмирала русскаго флота. Петръ, сердечно любившій его, какъ лучшаго своего друга, громко рыдалъ надъ его тѣломъ. На должность адмирала, вмѣсто скончавшагося Лефорта, былъ назначенъ Головинъ.

12-го марта Петръ опять уже былъ въ Воронежѣ, а 27-го апрѣля отплылъ оттуда съ флотомъ, состоявшимъ изъ 86-ти военныхъ кораблей, внизъ по рѣкѣ Дону, съ намѣреніемъ проводить своего константинопольскаго посла до Чернаго моря. 16-го мая царь прибылъ съ своими судами къ Азову, гдѣ тотчасъ же внимательно осмотрѣлъ вновь построенныя укрѣпленія. Здѣсь Петръ остановился на нѣкоторое время, чтобы выждать удобнаго времени для вывода въ море своихъ многочисленныхъ судовъ, между которыми находилось около 18-ти огромныхъ кораблей, имѣвшихъ каждый отъ 36-ти до 46-ти пушекъ.

Въ Константинополѣ уже слышали о постройкѣ военныхъ судовъ въ Воронежѣ, но турки не безпокоились объ этомъ. Турецкіе моряки головою ручались султану, что большіе русскіе корабли не могутъ выйдти изъ Дона въ море и непремѣнно сядутъ въ мелководныхъ устьяхъ этой рѣки.

Между тѣмъ, Петръ, хорошо знавшій раньше эту мѣстность и составившій собственноручно подробныя карты устьевъ рѣки Дона, не замедлилъ доказать туркамъ неосновательность ихъ разсчетовъ. Въ половинѣ іюня, дождавшись крѣпкаго за-

паднаго вѣтра, который поднялъ воду въ устьяхъ Дона, царь самъ, съ искусствомъ опытнаго лоцмана, вывелъ корабль за кораблемъ изъ донскихъ гирлъ въ открытое море, и тотчасъ же собственноручнымъ письмомъ поздравилъ своихъ сотрудниковъ, остававшихся въ Москвѣ, съ благополучнымъ выходомъ кораблей въ Азовское море.

Въ Таганрогѣ Петръ опять остановился съ флотомъ на нѣкоторое время для окончательной отдѣлки судовъ. Петръ неусыпно работалъ и здѣсь самъ топоромъ и молотомъ, конопатилъ и осмаливалъ суда съ усердіемъ и проворствомъ стараго и исправнаго плотника. Въ свободное время, по вечерамъ, Петръ прилежно занимался составленіемъ наказа для своего посла Украинцева. По окончаніи отдѣлки всѣхъ судовъ, Петръ устроилъ подъ Таганрогомъ примѣрное морское сраженіе, и затѣмъ отплылъ съ судами въ дальнѣйшій путь. Всѣмъ флотомъ командовалъ адмиралъ Головинъ, а самъ Петръ довольствовался званіемъ капитана на 44-пушечномъ кораблѣ „Апостолъ Петръ". 18-го августа флотъ прибылъ къ турецкой Керченской крѣпости, расположенной у входа изъ Азовскаго въ Черное море, съ пальбою изъ всѣхъ орудій, въ знакъ привѣтствія. Комендантъ крѣпости, турецкій паша, былъ какъ громомъ пораженъ появленіемъ на морѣ невиданнаго до сихъ поръ сильнаго русскаго флота. Когда онъ узналъ, что это русскія суда отправляютъ военный корабль съ царскимъ посланникомъ въ Константинополь, то сказалъ, что ни за что не пропуститъ чужеземный корабль въ Черное море, и предложилъ посланнику ѣхать въ Константинополь сухимъ путемъ. Русскіе отвѣчали, что хотятъ ѣхать непремѣнно моремъ, и если турецкій паша не дастъ посланнику провожатыхъ, то русскіе проводятъ его въ Константинополь сами, со всѣмъ своимъ флотомъ. Тогда турки начали запугивать русскихъ моремъ. Но русскіе не слушали ихъ басней и настаивали на пропускѣ. Желая отправить по Черному морю въ Константинополь первый русскій военный корабль, Петръ хотѣлъ этимъ

показать всему свѣту, что располагаетъ военными судами и нисколько не стѣсняется появляться съ ними на Черномъ морѣ. Это и встревожило турокъ.

Для окончательныхъ переговоровъ о пропускѣ, адмиралъ русскаго флота Головинъ долженъ былъ посѣтить въ самой Керченской крѣпости турецкаго адмирала, съ которымъ совѣщался цѣлый часъ. При этомъ совѣщаніи присутствовалъ секретно и самъ Петръ, переодѣтый въ одежду голландскаго плотника...

Убѣдившись, что турки пропустятъ Украинцева моремъ въ Константинополь, Петръ съ своимъ флотомъ вернулся въ Азовъ, откуда въ сентябрѣ проѣхалъ въ Москву.

Между тѣмъ, Украинцевъ, добившись пропуска, отправился на своемъ сорока-пушечномъ кораблѣ „Крѣпость", управляемомъ отличнымъ голландскимъ шкиперомъ, по Черному морю въ Константинополь. Сначала нѣсколько турецкихъ судовъ провожали русскій корабль, но нетерпѣливый шкиперъ русскаго корабля поставилъ всѣ паруса и вскорѣ скрылся изъ виду у турокъ. 7-го сентября царскій корабль пришелъ безъ лоцмана прямо къ Константинополю съ пушечною пальбою и бросилъ якорь въ виду дворца султана и его министровъ, передъ собравшимися толпами народа. Турки сначала не повѣрили глазамъ своимъ, увидѣвъ русскій военный корабль у самаго Константинополя. Они съ изумленіемъ обступили его, осматривали, ощупывали, даже соскребали смолу, чтобы допытаться, изъ какого онъ дерева построенъ, и спрашивали Украинцева: много ли у русскаго царя такихъ кораблей, всѣ ли они такъ хорошо оснащены и какъ велики? При этомъ турки очень досадовали на голландцевъ, зачѣмъ они научили русскихъ искусству кораблестроенія... Въ числѣ многихъ тысячъ турокъ пріѣзжалъ и самъ султанъ осматривать русскій корабль, и дивился прочности его постройки. Не только турки, но и послы западныхъ державъ приходили посмотрѣть на корабль, какъ на диво.

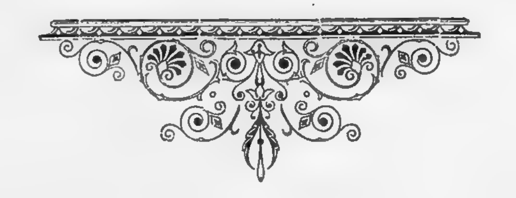
Между тѣмъ, въ Константинополѣ прошелъ слухъ, что русскій царь, со всѣмъ своимъ флотомъ, остановился у турецкихъ азіятскихъ береговъ Чернаго моря и грозитъ имъ нападеніемъ... Слухъ этотъ сильно встревожилъ турокъ. Особенно же перепугались турки, когда на русскомъ кораблѣ, однажды, въ самую полночь, неожиданно открыли пальбу изъ всѣхъ орудій... Султанъ, жены его, министры и всѣ турки пришли въ ужасъ, вообразивши, что это русскій корабль даетъ сигналъ царскому флоту, бывшему будто-бы въ морѣ, идти на Константинополь. Украинцеву едва удалось успокоить турокъ разъясненіемъ, что пальба эта происходила по случаю угощенія на кораблѣ знакомыхъ французовъ и голландцевъ.

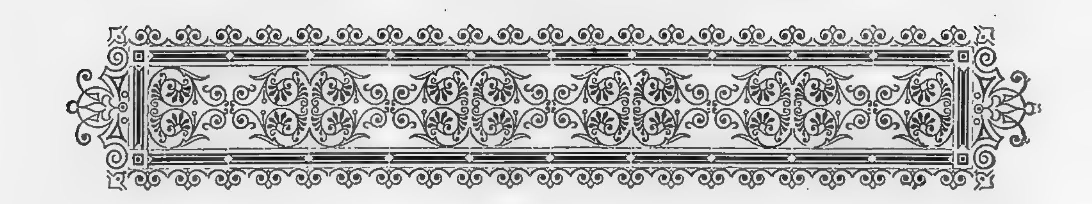
Переговоры съ турками о мирѣ, однако, затянулись мѣсяцевъ на восемь, такъ какъ турки потребовали возвращенія имъ завоеванныхъ русскими приднѣпровскихъ крѣпостей и Азова на Дону и срытія вновь построенныхъ около этихъ мѣстъ русскихъ городовъ. Съ своей стороны, Украинцевъ настаивалъ на окончательной уступкѣ Россіи означенныхъ крѣпостей, а также на прекращеніи платежа дани крымскому хану, на предоставленіи русскимъ кораблямъ свободы плаванія по Черному морю и, наконецъ, на дарованіи преимуществъ православнымъ грекамъ относительно святыхъ мѣстъ, что было первымъ шагомъ со стороны Россіи къ тому заступничеству за восточныхъ христіанъ, которое потомъ такъ часто повторялось въ русской исторіи. Турки сильно воспротивились всѣмъ означеннымъ требованіямъ Украинцева. Особенно же требованію свободы плаванія по Черному морю. Турки говорили: „мы бережемъ Черное море, какъ чистую непорочную дѣвицу, и развѣ тогда дозволимъ плавать по немъ чужимъ кораблямъ, когда вся Оттоманская держава повернется вверхъ ногами". Въ этомъ упорствѣ поощряли турокъ совѣты нѣкоторыхъ иностранныхъ державъ, боявшихся усиленія Россіи.

Петръ сильно досадовалъ на медленность переговоровъ и нетерпѣливо ждалъ заключенія мира съ турками, но не хо-

тѣлъ дѣлать имъ уступокъ. Наконецъ, 3-го іюля 1700 года, Украинцеву удалось заключить миръ съ турками на 30 лѣтъ, при чемъ Россіи пришлось отказаться отъ приднѣпровскихъ крѣпостей, но крѣпость Азовъ и вновь построенные на Азовскомъ морѣ городки окончательно перешли къ Россіи; кромѣ того, крымскій ханъ обязался не требовать болѣе ежегодной дани съ Россіи; наконецъ, русскимъ богомольцамъ дозволено было посѣщать священныя мѣста.

Такимъ образомъ, переговоры съ Турціей привели къ важнымъ послѣдствіямъ: борьба между Россіей и Турціей была прекращена на продолжительное время, при чемъ Россія стала твердою ногою на берегахъ Азовскаго моря и положила конецъ дальнѣйшимъ набѣгамъ крымскихъ татаръ. Теперь Петръ могъ уже свободно обратить всѣ свои силы въ другую сторону, противъ Швеціи, съ цѣлью завоеванія Балтійскаго моря.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Объявленіе войны Швеціи. — Пораженіе русскихъ войскъ подъ Нарвою.— Вліяніе этого пораженія на Европу и на Петра Великаго. — Ошибки Карла XII. — Первыя побѣды русскихъ.

Въ 1699 году, польскій король Августъ, по просьбѣ лифляндскихъ дворянъ, недовольныхъ шведскимъ владычествомъ, заключилъ противъ Швеціи союзъ съ Даніей, съ цѣлью отвоевать у шведовъ Ливонію, а въ ноябрѣ того же года, король Августъ, вспомнивъ клятву Петра объ отмщеніи обиды шведамъ, заключилъ и въ Москвѣ, чрезъ своего посла Карловича, тайный договоръ съ Петромъ, о совмѣстномъ нападеніи на Швецію. Но при этомъ Петръ обѣщалъ двинуть свои войска не раньше, какъ послѣ заключенія мира съ Турціей, котораго онъ поэтому и ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

Такимъ образомъ, Петру предстояло теперь дѣйствовать противъ шведовъ, въ союзѣ съ Даніей и Польшей. Союзники разсчитывали, что время это было самое удобное для овладѣнія берегами Балтійскаго моря. Дѣло въ томъ, что на шведскій престолъ вступилъ въ это время очень молодой король, Карлъ XII, которому исполнилось тогда только шестнадцать лѣтъ. Къ тому же своимъ поведеніемъ онъ мало подавалъ надежды даже самимъ шведамъ. Онъ вовсе не занимался дѣлами, проводилъ время совершенно праздно, то безобразничая какъ

школьникъ, то устраивая охоты, балы, маскарады и разныя увеселенія...

Въ ожиданіи мира въ Турціею, Петръ пока предоставилъ своимъ союзникамъ однимъ вести войну со шведами, безъ своего участія. Онъ даже отправилъ въ Стокгольмъ своего посла, князя Хилкова, въ знакъ мирныхъ отношеній къ Швеціи. Между тѣмъ, самъ дѣятельно готовился къ войнѣ, увеличивалъ войско, устраивалъ провіантскую часть и проч.

Въ это время датскій король успѣлъ уже разбить войско герцога Голштинскаго, зятя шведскаго короля, прогналъ его въ Швецію и занялъ его владѣнія. Не такъ былъ счастливъ польскій король. Онъ двинулся съ войсками въ Ливонію и осадилъ городъ Ригу, но не могъ взять ея, по малочисленности орудій и войска, такъ какъ съ нимъ были только саксонскія войска, польскія же не участвовали въ войнѣ. Тогда Августъ снова обратился къ Петру за поддержкою и просилъ его о скорѣйшемъ открытіи военныхъ дѣйствій. Но Петръ въ это время еще не получалъ извѣстія объ окончаніи переговоровъ съ турками.

Между тѣмъ, юный шведскій король Карлъ XII, получивши извѣстіе о посягательствѣ датчанъ и поляковъ на его владѣнія, вдругъ какъ бы переродился: изъ празднаго и веселящагося юноши онъ сдѣлался необыкновенно дѣятельнымъ и неутомимымъ, на всю жизнь отказался отъ вина, отъ всякихъ забавъ и роскоши и началъ вести самый простой образъ жизни. Вдобавокъ, на первыхъ же шагахъ своего военнаго поприща, онъ оказался необыкновенно храбрымъ и отважнымъ полководцемъ, и чрезвычайно пристрастился къ войнѣ. Такимъ образомъ, онъ сразу превзошелъ обоихъ своихъ противниковъ— изнѣженныхъ королей датскаго и польскаго. Но съ Петромъ ему еще предстояло помѣряться силами. Получивъ извѣстіе о пораженіи датчанами голштинскихъ войскъ, Карлъ XII быстро собралъ 15,000 войска, самъ отправился съ ними на корабляхъ въ Данію и высадился подъ самой столицей Даніи,

Копенгагеномъ. 8-го августа 1700 года, онъ принудилъ датскаго короля подписать мирный договоръ, выгодный для Швеціи, и заставилъ его отказаться отъ всякаго союза съ польскимъ королемъ. Покончивъ съ Даніею, Карлъ двинулся съ своими войсками къ Ригѣ, чтобъ расправиться съ другимъ своимъ противникомъ, королемъ Августомъ, котораго особенно ненавидѣлъ.

Между тѣмъ, Петръ, 19 августа 1700 года, получивъ, наконецъ, извѣстіе о заключеніи 30-тилѣтняго мира съ Турціей и ничего еще не зная о полномъ пораженіи шведами одного изъ своихъ союзниковъ—датскаго короля, отправилъ новгородскому воеводѣ указъ о немедленномъ объявленіи войны Швеціи и о скорѣйшемъ вступленіи въ непріятельскую землю съ цѣлію занятія наиболѣе удобныхъ мѣстъ. Черезъ три дня, 21 августа, царь отправилъ въ Стокгольмъ формальное объявленіе войны Швеціи, какъ говорилось въ рескриптѣ Петра: „за многія ихъ свейскія неправды и нашего царскаго величества подданнымъ за учиненныя обиды, наипаче за самое главное безчестіе, учиненное нашимъ царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ въ Ригѣ въ прошломъ 1697 году, которое касалось самой нашей царскаго величества персоны“... Первымъ послѣдствіемъ этого объявленія войны было строгое заключеніе русскаго посланника Хилкова въ Стокгольмѣ, а равно и шведскаго посланника въ Москвѣ.

Если бы Петръ узналъ заранѣе о заключеніи мира съ шведами датскимъ королемъ, то, вѣроятно, не рѣшился бы объявить войну Швеціи, такъ какъ помощь одного польскаго короля Августа была для Россіи слишкомъ недостаточна: польскія войска, по договору, не участвовали въ войнѣ, и Августъ могъ распоряжаться только принадлежавшими ему же саксонскими войсками. Русскихъ войскъ было тоже весьма мало: постояннаго войска, въ то время, въ Россіи было всего только два полка—Преображенскій и Семеновскій, остальныя же войска составлялись, по мѣрѣ надобности, передъ самою войною изъ новобранцевъ, взятыхъ прямо отъ сохи; при этомъ Россія

давно уже не вела большихъ войнъ, такъ что настоящій боевой опытности не имѣлъ ни одинъ солдатъ. Кромѣ того, Россія была страною бѣдною, въ которой трудно было собрать достаточныя средства для веденія большой войны. Швеція же считалась въ то время обширною и могущественною державою, обладавшею правильно устроенными и хорошо обученными войсками, закаленными въ частыхъ бояхъ съ европейскими арміями. Вотъ почему Петръ, собираясь воевать со шведами, не только разсчитывалъ на помощь королей польскаго и датскаго, но секретно просилъ содѣйствія и со стороны прусскаго герцога, котораго соглашался даже признать за это прусскимъ королемъ, но, какъ оказалось послѣ, Петръ не скоро дождался помощи и отъ прусскаго короля...

Ничего не зная о прекращеніи военныхъ дѣйствій датчанами, Петръ продолжалъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Швеціей. Главною цѣлью своихъ дѣйствій Петръ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до объявленія войны, намѣтилъ два важныхъ пункта на прибрежьяхъ Балтійскаго моря,—это городъ Нарву, при устьяхъ рѣки Наровы, и крѣпость Нотебургъ (нынѣшній Шлиссельбургъ), при истокѣ рѣки Невы изъ Ладожскаго озера. Овладѣніе Нарвою сразу давало Россіи приморскій городъ, расположенный на самомъ берегу Балтійскаго моря, чего именно и желалъ такъ страстно Петръ и, кромѣ того, изъ Нарвы удобно было дѣйствовать противъ всего лифляндскаго побережья Балтійскаго моря. Овладѣніе же крѣпостью Нотебургомъ открывало путь русскимъ, рѣкою Невою, къ Финскому заливу Балтійскаго моря. Словомъ, завоеваніе Нарвы и Нотебурга сразу дало бы Россіи обширную приморскую область, соединенную съ внутренней Россіей цѣлою сѣтью прекрасныхъ водяныхъ путей. Выбравъ эти два пункта главною цѣлью своихъ дѣйствій, Петръ заранѣе посылалъ свѣдущихъ людей осмотрѣть эти мѣста.

Союзники Петра были чрезвычайно недовольны его желаніемъ занять Нарву, такъ какъ овладѣніе этимъ пунктомъ

открыло бы ему путь къ завоеванію всей Лифляндіи съ городомъ Ригою, на присоединеніе которой разсчитывалъ самъ польскій король. Но всѣ старанія союзниковъ отвлечь вниманіе царя отъ Нарвы и удовольствоваться занятіемъ Невской области оказались тщетными: въ этомъ отношеніи Петръ твердо стоялъ на своемъ и не терпѣлъ противорѣчія.

Петръ, прежде всего, двинулъ свое войско именно къ Нарвѣ, чтобы, такимъ образомъ, сразу получить пунктъ на Балтійскомъ морѣ.

Всего войска Петръ успѣлъ собрать до 35.000 человѣкъ. Самъ царь, подъ именемъ „капитана бомбардирской роты Петра Михайлова", шелъ съ Преображенскимъ полкомъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ русскій — Головинъ, но такъ какъ никто изъ русскихъ не имѣлъ боевой опытности, то назначеніе это было сдѣлано только для виду; дѣйствительное же начальство надъ всѣмъ войскомъ Петръ предоставилъ герцогу фонъ-Круи, нарочно пріѣхавшему къ нему на службу по рекомендаціи короля Августа. Петръ надѣялся на опытность и знанія этого иностранца, незадолго передъ тѣмъ успѣшно сражавшагося въ австрійскомъ войскѣ противъ турокъ. Для инженерныхъ работъ, на случай осады Нарвы, приглашенъ былъ также иноземецъ, саксонскій инженеръ Голлартъ.

Только по дорогѣ въ Нарву, уже въ концѣ августа, въ Твери, до Петра дошелъ слухъ о томъ, что шведскій король Карлъ XII идетъ изъ Даніи съ 18,000 войскомъ въ Лифляндію. Изъ этого слуха Петръ заключилъ, что Карлъ XII разбилъ датскаго короля, и такимъ образомъ Россія лишилась одного изъ важнѣйшихъ своихъ союзниковъ. Извѣстіе это, однако, не могло уже остановить Петра, выступившаго съ войсками въ походъ. Онъ написалъ главнокомандующему Головину: „а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ"...

Въ концѣ сентября Петръ прибылъ съ войсками къ Нарвѣ. Тотчасъ же было приступлено къ укрѣпленію русскаго ла-

геря и къ устройству осады, при чемъ самъ царь, по своему обыкновенію, самолично участвовалъ во всѣхъ работахъ, что чрезвычайно удивило иноземныхъ начальниковъ русскаго войска. 20-го сентября началось бомбардированіе города. Всѣ ожидали скорой сдачи его.

Дѣйствительно, въ городѣ было въ это время не болѣе 1,400 человѣкъ шведскаго войска и всего 400 вооруженныхъ гражданъ. Русскихъ же войскъ собралось подъ Нарвой около 35.000 человѣкъ. Вооруженіе ихъ было гораздо лучше въ сравненіи съ прежнимъ. Пушекъ было привезено также достаточное число. Такимъ образомъ, скорое паденіе Нарвы казалось неминуемымъ,

Тѣмъ не менѣе, на первыхъ же порахъ встрѣтились сильныя препятствія къ овладѣнію Нарвою, — препятствія, показавшія, что русское войско во многомъ еще уступаетъ не только шведскому, но и войскамъ всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ. Большая часть русскаго войска, какъ уже было сказано выше, состояла изъ новобранцевъ, каковыми можно было назвать не только солдатъ, но и офицеровъ. Не мудрено, поэтому, что русскіе начали дѣйствовать при бомбардированіи Нарвы весьма неискусно. Самыя пушки и порохъ оказались негодными. Кромѣ того, въ военныхъ снарядахъ и орудіяхъ скоро обнаружился сильный недостатокъ. Вслѣдствіе страшной осенней распутицы и отсутствія достаточнаго числа лошадей и подводъ, оказалось невозможнымъ подвозить къ Нарвѣ провіантъ и подкрѣпленія; въ войскахъ начали свирѣпствовать разныя болѣзни. Наконецъ, самый порядокъ въ войскахъ требовалъ коренной перемѣны. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Головинъ, а на самомъ дѣлѣ начальствовали надъ войсками иноземцы: герцогъ де-Круи и инженеръ Голлартъ, вовсе не говорившіе по-русски. Солдаты имъ не довѣряли, не слушали ихъ, а тѣ, не зная русскаго языка, не могли командовать солдатами. Русскій главнокомандующій, вовсе не имѣвшій опытности въ военныхъ дѣлахъ, не вмѣшивался въ ихъ

распоряженія. Самъ Петръ считалъ себя также еще недостаточно опытнымъ въ войнѣ, чтобъ взяться за это дѣло самому. Такимъ образомъ, въ войскахъ не было никакого порядка. Солдаты вовсе перестали слушаться своихъ иноземныхъ офицеровъ, особенно послѣ того случая, когда одинъ изъ нихъ, капитанъ Янъ Гуммертъ, измѣнилъ Петру и перешелъ къ непріятелю въ Нарву... Самъ Петръ писалъ послѣ о своемъ войскѣ подъ Нарвой: „единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было; а искусства — ниже вида"...

Не мудрено, поэтому, что положеніе русскихъ войскъ подъ Нарвой становилось день ото дня все хуже. Получено было также извѣстіе о прекращеніи осады города Риги королемъ Августомъ, который жаловался на неоказаніе ему своевременной помощи Петромъ. Но Петръ все еще надѣялся на успѣхъ, и тотчасъ по взятіи Нарвы намѣревался спѣшить на помощь королю.

17-го ноября, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ былъ посланъ съ отрядомъ войска къ городу Везенбергу, для занятія удобнаго мѣста у этого города, съ цѣлью обезпеченія сообщенія русскихъ войскъ съ арміей короля Августа въ Лифляндіи. Но, къ удивленію Шереметева, городъ этотъ оказался уже занятымъ войсками шведскаго короля Карла XII, который быстро шелъ къ Нарвѣ... Шереметевъ ночью же немедленно вернулся въ русскій лагерь съ неожиданнымъ извѣстіемъ, что шведскій король со всѣмъ своимъ войскомъ идетъ отбивать Нарву.

Рѣшительная минута настала.

Сильно разсчитывая на искусство и боевую опытность герцога де-Круи и опасаясь помѣшать ему своими распоряженіями или совѣтами неопытнаго въ военномъ дѣлѣ Головина, Петръ, немедленно по полученіи извѣстія отъ Шереметева, въ ту же ночь, уѣхалъ изъ-подъ Нарвы въ Новгородъ, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ Головинымъ, предоставивъ герцогу полную самостоятельность въ командованіи русскимъ войскомъ. Самъ Петръ надѣялся быстро собрать въ Новгородѣ

остальные свои полки и двинуть ихъ тотчасъ же на помощь къ Нарвѣ. Наконецъ, онъ разсчитывалъ увидаться поскорѣе съ королемъ Августомъ и поторопить его къ совмѣстному дѣйствію противъ Карла.

Между тѣмъ, Карлъ подошелъ къ Нарвѣ съ 8.500 войска. Русскихъ войскъ, какъ мы уже знаемъ, было тамъ около 35.000 человѣкъ. Такимъ образомъ превосходство силъ было на сторонѣ русскихъ; но по качеству они далеко уступали шведскимъ войскамъ. Да и полководецъ шведскій, юный король Карлъ XII, былъ далеко не чета нашему главнокомандующему, герцогу де-Круи...

Какъ уже было замѣчено выше, Карлъ XII, расправившись съ датскимъ королемъ, собирался разбить подъ Ригой главнаго своего врага, польскаго короля Августа; но на пути Карла къ Ригѣ вдругъ послѣдовало объявленіе войны отъ Россіи. Тогда Карлъ XII, оставивъ пока Августа въ покоѣ, неожиданно обратился противъ русскихъ...

Чрезвычайная быстрота движеній шведскаго короля, его личная храбрость и отвага, мужество и закаленность въ бояхъ его войска — легко могли доставить ему перевѣсъ надъ впятеро сильнѣйшимъ, но неопытнымъ русскимъ войскомъ...

Битва началась въ полдень, 20-го ноября. Шведы сражались какъ львы. Самъ Карлъ постоянно подвергался во время сраженія крайней опасности. Офицеры заранѣе считали все дѣло потеряннымъ. Солдаты мало слушали своихъ офицеровъ-иноземцевъ. Къ тому же, укрѣпленный русскій лагерь былъ растянутъ слишкомъ на семь верстъ, такъ что солдаты, во время нападенія, съ трудомъ могли подкрѣплять другъ друга. Вдобавокъ, когда Карлъ бросился съ войсками на русскій лагерь, поднялась страшная мятель, при чемъ сильный снѣгъ билъ прямо въ лицо русскимъ... Все это имѣло слѣдствіемъ страшное пораженіе русскаго войска.

Къ вечеру того же дня, дѣло было уже рѣшено. Шведы овладѣли всѣми русскими укрѣпленіями, и большая часть рус-

скаго войска пустилась въ бѣгство. Множество солдатъ потонуло при этомъ въ рѣкѣ Наровѣ, при переправѣ на другой берегъ. Главнокомандующій, герцогъ де-Круи, и другіе иноземцы побѣжали въ шведское войско и сдались, изъ опасенія мести со стороны русскаго войска. Только Преображенскій и Семеновскій полки защищались нѣсколько времени, но русскіе генералы, оставшись почти безъ войска, принуждены были тоже сдаться. Всего попалось въ плѣнъ къ шведамъ до 79 русскихъ офицеровъ. Всѣ орудія достались тоже побѣдителю. Изъ числа бѣжавшихъ русскихъ погибло до 6.000 человѣкъ отъ голода и холода, на пути къ Новгороду. Бѣдствіе это было тѣмъ болѣе ужасно, что послѣ Нарвскаго пораженія Россія очутилась въ крайней опасности: войскъ и орудій не было болѣе для защиты русскихъ границъ. Король шведскій каждую минуту могъ двинуться внутрь Россіи, и некому было дать ему отпора...

Карлъ XII вдругъ сдѣлался славнымъ героемъ. Въ разныхъ европейскихъ странахъ, не только въ Швеціи, сочинялись въ честь его стихи, въ которыхъ восхвалялось его мужество; всѣ удивлялись юному побѣдителю. Вездѣ выбивались медали въ честь Карла.

Напротивъ, слава Петра сразу померкла. Того удивленія, которое онъ всюду возбуждалъ къ себѣ во время своего путешествія за границей, теперь уже и слѣда не осталось... Такимъ образомъ, всѣ старанія и труды, положенные до сихъ поръ Петромъ съ цѣлью возвышенія Россія передъ западною Европою, сразу рухнули... Надъ русскими теперь только смѣялись. „Петръ не воинъ“, говорили въ западной Европѣ. Посламъ русскимъ не стало житья за границей отъ насмѣшекъ и всяческихъ обидъ. Русскій посолъ Голицынъ писалъ изъ Вѣны: „главный министръ, графъ Кауницъ, и говорить со мною не хочетъ... Теперь они только смѣются надъ нами“. О шведскомъ посланникѣ въ Вѣнѣ, безъ всякихъ стѣсненій смѣявшемся при всѣхъ надъ русскими, Голицынъ писалъ Петру:

„что говоритъ шведъ, мерзко слышать"... Другой русскій посолъ, Матвѣевъ, доносилъ Петру изъ Голландіи: „Шведскій посолъ, съ великими ругательствами самъ ѣздитъ по министрамъ, не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ... Жить мнѣ здѣсь очень трудно". Даже Польша нѣсколько отшатнулась отъ Россіи и опять стала надѣяться на возможность пріобрѣтенія отъ Россіи Малороссіи... Словомъ, первымъ же сраженіемъ со шведами Петръ не только не добился усиленія Россіи и возвышенія ея во мнѣніи западной Европы, о чемъ онъ такъ страстно хлопоталъ, но, напротивъ, теперь Россія еще больше, чѣмъ прежде, пала въ глазахъ иностранцевъ...

При такихъ обстоятельствахъ, казалось, оставалось только предаться полному отчаянію и потерять всякую надежду на будущее. Но не таковъ былъ Петръ. Теперь-то именно онъ и обнаружилъ все величіе своей души. Никогда еще Россія не видала Петра такимъ бодрымъ и дѣятельнымъ, полнымъ твердой увѣренности, какъ именно въ это время. Онъ какъ буря носился изъ одного конца Россіи въ другой, всѣхъ поставилъ на ноги, все привелъ въ движеніе, во всемъ самолично подавая примѣръ. Какъ это всегда случалось съ нимъ въ тяжкія минуты, посыпались во всѣ стороны его собственноручные указы. Петръ самъ взялся за работу. Говорятъ, онъ поклялся отмстить Карлу XII за нарвскую битву, во что бы то ни стало... При своемъ желѣзномъ характерѣ, онъ не могъ уже отказаться отъ достиженія разъ поставленной имъ цѣли. Получивъ извѣстіе о нарвскомъ пораженіи, Петръ не только не упалъ духомъ, но, напротивъ, сознаъ, что иначе и быть не могло, при недостаткѣ обученія и порядка въ войскахъ. Онъ сказалъ о нарвскомъ пораженіи: „господа шведы, можетъ быть, и еще не разъ побьютъ насъ, но у нихъ же мы научимся побѣждать ихъ"... Послѣ онъ писалъ о томъ же пораженіи: „ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія (побѣда) досталась, будучи въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ,

такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ насъ оное счастіе вринуть могло... Но когда сіе несчастіе (или, лучше сказать, великое счастіе) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудила".

Петръ немедленно принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ продолженію войны. Князь Рѣпнинъ получилъ приказаніе тотчасъ же собрать и привести въ исправность полки, шедшіе отъ Нарвы „въ конфузіи". Въ близкихъ къ шведской границѣ городахъ: въ Новгородѣ, Псковѣ, Псковопечерскомъ монастырѣ, Петръ, въ ожиданіи нападенія непріятеля, приказалъ на-скоро дѣлать укрѣпленія, при чемъ выслалъ на работы не только солдатъ и жителей мужскаго пола, но даже женщинъ, священниковъ и причетниковъ... Царь самолично руководилъ работами и неумолимо строго наказывалъ нерадивыхъ. Къ веснѣ Петръ приказалъ собрать новые полки, посредствомъ рекрутскаго набора, и обучить ихъ ратному дѣлу. Съ этихъ поръ и начались въ Россіи постоянные рекрутскіе наборы, продолжавшіеся до послѣдняго времени. Войска эти только уже и знали одну военную службу. Думскому дьяку Виніусу, ученому иноземцу, Петръ приказалъ возможно скорѣе приготовить новыя пушки, взамѣнъ потерянныхъ подъ Нарвой. Немедленно на одномъ только Олонецкомъ мѣдноплавильномъ заводѣ было заказано 100 орудій и 1000 ядеръ. Такъ какъ лить пушки было не изъ чего, то Петръ приказалъ свѣдущимъ людямъ вездѣ сыскивать мѣдную руду, а пока изданъ указъ о томъ, чтобы отобрать лишніе церковные и монастырскіе колокола и перелить ихъ въ пушки, объяснивъ при этомъ, что принужденъ къ такой мѣрѣ лишь крайней необходимостью: „зѣло надобно, писалъ онъ, ибо время, яко смерть". И духовенство должно было поступиться своими колоколами на пользу государственную, на то правое и святое дѣло, за которое стоялъ Петръ. Въ ближайшіе къ шведской границѣ города, Новгородъ и Псковъ, Петръ отправилъ боярина Стрѣ-

шнева, для сбора воинскихъ припасовъ и провіанта. Съ этой цѣлію сюда тоже согнали народъ со всѣхъ сторонъ, съ конями и подводами. Такимъ образомъ, Стрѣшневу удалось въ короткое время собрать здѣсь нѣсколько тысячъ пудовъ пороху.

Въ то же время, Петръ приказалъ возможно скорѣе укрѣпить городъ Архангельскъ, у Бѣлаго моря, на случай нападенія шведскаго флота. Съ этою цѣлью и туда былъ согнанъ народъ со всѣхъ сторонъ, даже отъ Тихвина. Устья рѣки Двины были при этомъ наскоро забиты сваями и засыпаны пескомъ, землею и камнями. Для вооруженія архангельскихъ укрѣпленій, Петръ приказалъ снимать, безъ церемоніи, изъ десяти пушекъ три со всѣхъ голландскихъ, англійскихъ и гамбургскихъ кораблей, приходившихъ къ Архангельску...

Тяжко было Петру въ это время. Не имѣя ни войска, ни орудій, ни денегъ въ казнѣ, онъ долженъ былъ, можно сказать, изъ ничего создавать эти средства для защиты Россіи. Но Петра ничто уже не могло остановить. Онъ продолжалъ работать, не щадя ни силъ своихъ, ни даже собственной жизни, которую, впрочемъ, никогда не жалѣлъ тамъ, гдѣ дѣло шло о благѣ страстно любимой имъ Россіи. Петръ теперь самъ старался войти во всѣ мелочи военнаго дѣла, бывалъ всюду, зналъ обо всемъ, вездѣ руководилъ всѣми частностями вооруженія. Подданные также пришли на помощь своему царю; по примѣру своего государя, народъ напрягъ всѣ свои силы: жители деревень и городовъ почти поголовно участвовали, кто въ постройкѣ укрѣпленій, кто въ службѣ въ строю, кто въ доставкѣ разныхъ воинскихъ припасовъ; повсюду лошади посбились и во многихъ деревняхъ на пять дворовъ одна телѣга оставалась... Народъ послѣдними своими достатками участвовалъ и въ увеличеніи казны, необходимой для войны, платя сборы и пошлины со всѣхъ промысловъ и ремеслъ, съ дворовъ, съ бань, съ пчельниковъ, даже была наложена пошлина на гробы и бороды... Петръ видѣлъ, какъ все это тяжело было выносить народу; онъ хорошо понималъ, что только общими

жертвами, только чрезвычайными усиліями всего народа можно было вывести Россію изъ того униженнаго положенія, въ которомъ она находилась уже нѣсколько столѣтій. И дѣйствительно, народъ не щадилъ себя ради этой цѣли, жертвуя послѣдними своими средствами на благо Россіи. За то, Петръ безпощадно преслѣдовалъ тѣхъ лихоимцевъ, которые осмѣливались подвергать народъ незаконнымъ поборамъ въ свою личную пользу. За это онъ казнилъ смертью, не разбирая ни чина, ни положенія виновнаго.

Заботясь объ увеличеніи казны и видя, въ какое разореніе отъ того приходитъ народъ, Петръ призвалъ на помощь государству всѣ богатые монастыри. Онъ учредилъ монастырскій приказъ, въ который должны были поступать всѣ доходы съ монастырскихъ имѣній, и изъ этихъ доходовъ часть удѣлялась на содержаніе монастырей, а другая часть шла на нужды государства.

Благодаря этимъ рѣшительнымъ мѣрамъ и неутомимымъ заботамъ Петра, спустя какой нибудь годъ послѣ Нарвской битвы, у него уже явилось новое войско, хорошо вооруженное, имѣвшее болѣе 300 новыхъ орудій и снабженное достаточнымъ количествомъ военныхъ снарядовъ и провіантскихъ запасовъ...

Еще въ февралѣ 1701 года, Петръ снова свидѣлся, въ мѣстечкѣ Биржахъ, съ польскимъ королемъ Августомъ, и возобновилъ съ нимъ союзъ. Царь при этомъ обѣщалъ королю помощь войскомъ и деньгами, а тотъ обязался употребить свои войска противъ Швеціи въ Лифляндіи и Эстляндіи, чтобы отвлечь этимъ непріятельскія силы отъ Россіи и дать Петру возможность съ успѣхомъ дѣйствовать на прибрежьяхъ Финскаго залива.

Замѣчательно, что какъ ни низко упало мнѣніе о Петрѣ послѣ Нарвскаго пораженія даже между поляками, но достаточно было теперь только появиться ему въ Биржахъ, чтобы всѣ, видѣвшіе его, снова заговорили о его необыкновенныхъ

Возвращеніе Петра изъ Троицкой Лавры въ Москву.

способностяхъ, обширныхъ познаніяхъ и чрезвычайной предпріимчивости.

Словомъ, еще весною 1701 года, спустя три-четыре мѣсяца послѣ нарвскаго пораженія, Петръ былъ уже отчасти готовъ къ встрѣчѣ съ непріятелемъ, имѣя достаточно сильный отрядъ войска на пограничныхъ русскихъ мѣстахъ. Но, къ удивленію и радости Петра, непріятель не пошелъ на Россію.

Карлъ сдѣлалъ крупную ошибку. Вмѣсто того, чтобы немедленно воспользоваться своею Нарвскою побѣдою и тотчасъ же опрокинуться на Россію всѣми своими силами, по слѣдамъ разбитыхъ русскихъ войскъ, Карлъ долго не двигался съ мѣста. Простоявши, такимъ образомъ, безъ всякаго движенія всю зиму и весну 1701 года въ Ливоніи, Карлъ ушелъ, затѣмъ, съ главными своими силами въ Курляндію и Польшу, а въ Ливоніи и на прибрежьяхъ Финскаго залива оставилъ лишь плохихъ генераловъ и незначительныя военныя силы, съ которыми русскіе легко могли справиться. Разсказываютъ, что шведскіе генералы уговаривали Карла къ рѣшительному нападенію на Петра, но Карлъ не согласился на это, желая прежде всего отмстить врагу своему—польскому королю Августу. Одинъ изъ шведскихъ генераловъ, оставленныхъ Карломъ въ Ливоніи, съ горечью, говорятъ, воскликнулъ: „Кажется, нашъ король нарочно оставилъ насъ здѣсь съ малыми силами, чтобы научить русскихъ бить насъ!“.

Вступивъ, весною 1702 года, въ Польшу, Карлъ уже долго не могъ выбраться оттуда. Онъ нѣсколько лѣтъ гонялся за польскимъ королемъ, бралъ штурмомъ польскіе города, разрушалъ ихъ, наконецъ, свергъ короля Августа съ престола и загналъ его въ нѣмецкую землю—въ наслѣдственныя саксонскія владѣнія Августа. Словомъ, Карлъ, по выраженію Петра, „увязъ“ въ Польшѣ.

Петръ отлично воспользовался этими промахами своего не въ мѣру горячаго противника. Онъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы воспользоватьси этимъ временемъ для завоеванія всего

Прибалтійскаго края и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поправиться и приготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ съ самимъ Карломъ.

Какъ только шведскій король ушелъ изъ Лифляндіи для преслѣдованія Августа, Петръ немедленно-же осенью 1701 года, отправилъ въ Лифляндію войско, подъ начальствомъ боярина Шереметева. Сначала Шереметевъ, встрѣтившись съ оставшимися тамъ шведскими войсками, потерпѣлъ-было нѣкоторую неудачу, но затѣмъ, 29 декабря 1701 года, ему удалось разбить на голову командовавшаго шведскимъ войскомъ въ Лифляндіи, генерала Шлиппенбаха.

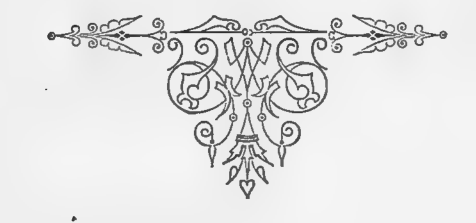
Велика была радость Петра, когда онъ получилъ извѣстіе о первой побѣдѣ надъ шведами, считавшимися доселѣ непобѣдимыми. „Слава Богу! говорилъ онъ: наконецъ мы научились бить шведовъ, хотя трое противъ одного“. Главнокомандующему графу Шереметеву былъ посланъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, портретъ царскій, осыпанный брилліантами и, кромѣ того, пожалованъ былъ чинъ фельдмаршала. Въ Москвѣ, по случаю этой побѣды, цѣлый день звонили въ колокола, стрѣляли изъ пушекъ, а вечеромъ сожгли фейерверкъ.

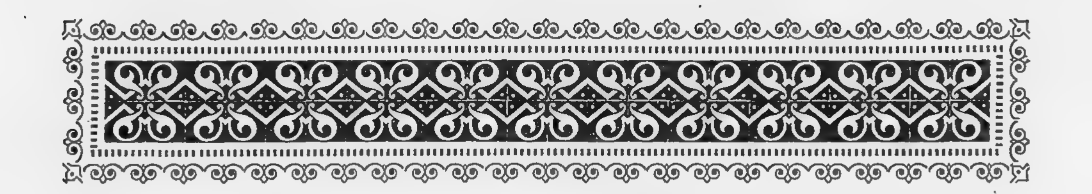
И было чему радоваться! Русское войско, которое пришло-было въ уныніе послѣ нарвскаго пораженія, теперь снова ободрилось и увидѣло, что можно шведовъ побѣждать. Самъ Петръ особенно радовался тому обстоятельству, что его армія, сражаясь въ полѣ съ регулярными шведскими войсками и даже одерживая надъ ними побѣды, пріобрѣла чрезъ это ту боевую опытность, которой не могъ бы ей дать самъ Петръ, при всемъ своемъ знаніи военнаго дѣла, и которая очень могла пригодиться ему при встрѣчѣ съ самимъ Карломъ.

Послѣ упомянутой побѣды Шереметева, шведы начали терпѣть одно пораженіе за другимъ въ Прибалтійскомъ краѣ, пока король ихъ, Карлъ XII, гонялся въ Польшѣ за Августомъ. 18-го іюля, фельдмаршалъ Шереметевъ разбилъ въ другой разъ того же генерала Шлиппенбаха. Шведы поте-

ряли при этомъ нѣсколько тысячъ человѣкъ убитыми; остальные отступили въ Курляндію.

Чтобы непріятель, въ случаѣ его возвращенія, не могъ нигдѣ найти себѣ убѣжища въ этой странѣ, Петръ приказалъ опустошить Лифляндію. Шереметевъ столь ревностно исполнилъ это порученіе, что во всемъ краѣ, на протяженіи около 400 верстъ, остались цѣльными и невредимыми только три города и одно мѣстечко. Послѣ этого Шереметевъ писалъ Петру: „Больше того непріятельской земли разрушать нечего— все разорили и запустошили безъ остатка“. Плѣнныхъ было набрано такъ много, что Шереметевъ не зналъ, куда ихъ дѣвать и какъ надзирать за ними.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

План Петра завладѣть Невою.—Трудность такого предпріятія.—Неслыханный военный переход от Архангельска до Ладожскаго озера.—Взятіе шведских крѣпостей Нотебурга и Ніеншанца.—Заложеніе Петербурга.—Основаніе Кронштадта.—Взятіе русскими Ямбурга, Дерпта и Нарвы.

Пока Шереметев, таким образом, побѣдоносно опустошал шведскую провинцію Ливонію, другой полководец Петра — Апраксин разорял шведскія владѣнія по рѣкѣ Невѣ. Он прошел вдоль этой рѣки верст на сто и „все разорил и развоевал“.

Петр, однако, не был доволен разореніем этого края, подобно Ливонскому, так как царь давно уже рѣшил присоединить весь невскій край к Россіи.

С самаго начала войны, Петр обращал серьезное вниманіе на тот водный путь, который соединяет внутреннія Приволжскія области Россіи с Финским заливом Балтійскаго моря. От самой Астрахани, т. е. от Каспійскаго моря, путь этот тянется почти без перерыва вплоть до Финскаго залива сначала Волгой, а затѣм направляясь ея верховыми притоками к рѣкам, соединяющимся с озерами Ильменским и Онежским и, наконец, с Ладожским озером, из котораго течет рѣка Нева уже прямо в Финскій залив.

В старину мѣстность, прилегающая к Невѣ и носившая названіе Ингріи, принадлежала Россіи и составляла часть Нов-

городской области, но шведы, завоевавъ Ингрію, утвердились въ ней въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ, изъ которыхъ главныя находились на рѣкѣ Невѣ: одна, крѣпость Нотебургъ, была расположена на островкѣ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, на мѣстѣ древняго русскаго городка Орѣшка (нынѣшняго Шлиссельбурга), другая, шведская крѣпость, Ніеншанцъ, находилась недалеко отъ устьевъ Невы, при впаденіи въ нее рѣчки Охты.

Особенно важное значеніе для шведовъ имѣла крѣпость Нотебургъ или древній Орѣшекъ. Она закрывала входъ въ Неву, а слѣдовательно преграждала доступъ къ Балтійскому морю. Минуя эту крѣпость, нельзя было разсчитывать на овладѣніе Невскою областью, такъ какъ шведы могли бы тогда грозить русскимъ и съ Балтійскаго моря своимъ флотомъ, и изъ Нотебурга, поддерживаемаго войсками изъ Финляндіи. Овладѣніе же Нотебургомъ, въ свою очередь, неминуемо вело къ обладанію Балтійскимъ моремъ, что̀, какъ мы уже знаемъ, составляло главную цѣль Петра въ войнѣ со шведами.

Петръ и рѣшился предварительно овладѣть Нотебургомъ. Но дѣло это было далеко не легкое. Шведы тщательно охраняли свои крѣпости по рѣкѣ Невѣ, и съ этою цѣлью, кромѣ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, держали еще въ Финскомъ заливѣ сильный отрядъ морскихъ судовъ, которыя часто заходили въ Неву и всегда могли оказать крѣпостямъ помощь войсками и воинскими припасами. Кромѣ того, они могли двинуть сюда на встрѣчу войска изъ Финляндіи. Поэтому Петръ, чтобы обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ въ столь важномъ дѣлѣ, рѣшился напасть на крѣпость Нотебургъ неожиданно, съ той стороны, откуда шведы никакъ не могли ожидать его...

Съ этою цѣлію, Петръ задумалъ едва вѣроятный, гигантскій планъ, въ которомъ, въ случаѣ неудачи, ставилъ на карту даже свою собственную жизнь и который могъ выполнить развѣ только онъ самъ, при его желѣзной волѣ и характерѣ. Дѣло въ томъ, что противъ крѣпости Нотебурга, расположенной на

островкѣ, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, приходилось дѣйствовать и съ суши, и съ воды. Между тѣмъ, подойти сюда съ этою цѣлію съ военными судами можно было только по тѣмъ воднымъ путямъ, которые вели отъ верхней Волги къ Ладожскому озеру. Но шведы постоянно ожидали нападенія русскихъ съ этой стороны, и потому легко могли узнать во-время объ угрожавшей имъ опасности и своевременно приготовиться къ сильнѣйшему отпору. Поэтому Петръ задумалъ обойти Нотебургъ со стороны Бѣлаго моря, сухимъ путемъ, не только съ войсками, но и съ кораблями, и, воспользовавшись неожиданностью и кажущеюся невозможностью этого дѣла, напасть на шведовъ въ расплохъ...

Для этого надо было перевести войска и корабли на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, черезъ тѣ непроходимые лѣса и топи, простирающіеся между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ, о которыхъ въ одномъ изъ житій св. Александра Свирскаго говорится: „въ нихъ же и елень не проходитъ безпечно; а въ тѣхъ блатѣхъ оконци малы и егда птица ту сядятъ, оконце разверзнется и втянетъ ю, яко тяжелъ укладъ, любо камень!..“ Понятно, что никому и въ умъ не могла придти мысль о возможности пройти по этимъ болотамъ войску и протащить по нимъ большія суда! Но Петръ рѣшился на это гигантское предпріятіе, неслыханное со временъ древнихъ богатырей.

Планъ этотъ давно уже созрѣлъ въ геніальной головѣ Петра: все онъ сообразилъ, все взвѣсилъ, сдѣлалъ всѣ необходимыя предварительныя распоряженія, и, надѣясь на выносливость русскаго человѣка, которую онъ высоко цѣнилъ, и на сильное вліяніе своего личнаго примѣра, онъ разсчитывалъ на успѣшный проводъ по суху, волокомъ, настоящихъ морскихъ судовъ.

Петръ тщательно скрывалъ свой планъ и все откладывалъ осуществленіе его, ожидая наиболѣе благопріятнаго времени. Даже изъ близкихъ къ нему людей никто не зналъ о его на-

мѣреніи. Отъ соблюденія строжайшей тайны въ этомъ дѣлѣ зависѣлъ весь успѣхъ этого дѣла и достиженіе завѣтной цѣли Петра—обладаніе Балтійскимъ моремъ и полученіе доступа Россіи къ западной Европѣ. Для осуществленія своего плана, Петръ долженъ былъ сначала пробраться съ войсками на Бѣлое море, въ Архангельскъ, тѣмъ болѣе, что положеніе этого города сильно безпокоило Петра. Давно уже ходили слухи о намѣреніи шведовъ напасть на Архангельскъ. Дѣйствительно, еще лѣтомъ 1701 года, къ Архангельску подошла шведская эскадра, въ числѣ 7 кораблей, подъ англійскимъ и голландскимъ флагами. Русскіе, будучи заранѣе предупреждены объ этомъ движеніи непріятельскаго флота, черезъ русскаго посланника въ Даніи, своевременно приготовились къ защитѣ города и встрѣтили непріятельскія суда огнемъ съ батарей, сооруженныхъ на берегахъ Двины. Послѣ этого шведская эскадра должна была поспѣшно удалиться, ограничившись лишь сожженіемъ Куйскихъ солеваренъ и нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ. При этомъ, благодаря самоотверженію русскихъ кормчихъ Ивана Рябова и Дмитрія Борисова, два непріятельскихъ судна были захвачены въ плѣнъ. Петръ, сообщая объ этомъ дѣлѣ Апраксину, поздравилъ его „симъ нечаемымъ счастіемъ“.

Весною 1702 года, другой русскій посланникъ донесъ изъ Голландіи о положительномъ намѣреніи французскаго флота напасть, въ союзѣ со шведами, на Архангельскъ. Это обстоятельство побудило наконецъ Петра отправиться въ Архангельскъ и кстати приступить тамъ къ осуществленію давно задуманнаго имъ плана или, какъ онъ самъ выражался, „нѣкоего ухищренія“.

Въ апрѣлѣ 1702 года, походъ въ Архангельскъ былъ рѣшенъ. Сначала Петръ хотѣлъ-было взять съ собою тысячъ двадцать войска, но такого количества солдатъ не нашлось подъ руками. Пришлось ограничиться 5-ю батальонами гвардіи, численностію до 4.000 человѣкъ, составлявшихъ за то

отборное войско. 18 апрѣля войска эти, съ самимъ царемъ во главѣ, выступили изъ Москвы по ярославской дорогѣ. Петръ взялъ съ собою изъ ближнихъ людей всѣхъ, кому, по его мнѣнію, могла пригодиться предстоявшая впереди „наука". Въ свитѣ его находился двѣнадцатилѣтній царевичъ Алексѣй Петровичъ и бояре: Голицынъ, Ромодановскій, Прозоровскій, Головинъ, Трубецкой, Нарышкинъ, Зотовъ, Меншиковъ и Шафировъ.

Бездорожье и безконевье сильно замедлили движеніе, такъ что черезъ 30 дней войска достигли только Вологды, откуда, на заранѣе приготовленныхъ на Двинѣ судахъ, прибыли, наконецъ, въ Архангельскъ, гдѣ тысячи народа трудились уже надъ постройкою крѣпости и батарей.

Не успѣвъ отдохнуть съ дороги, Петръ принялся самъ помогать рабочимъ въ постройкѣ крѣпости, которую, подъ его руководствомъ, быстро окончили. Вслѣдъ затѣмъ, незнавшій устали царь тотчасъ же заложилъ два фрегата: „Св. Духъ" и „Курьеръ", и 26-типушечный корабль „Св. Илія", которые были необходимы ему для выполненія задуманнаго имъ плана. Всѣ эти распоряженіи и приготовленія Петра дѣлались какъ можно болѣе тайно и, по преданію, корабли и крѣпости строились ночью, „чтобы шведамъ не въ домекъ было". Вскорѣ прибыли въ Архангельскъ иностранные корабли, привезшіе на себѣ выписанныхъ Петромъ изъ-за границы мастеровъ. Они сообщили Петру радостную вѣсть, что шведы не будутъ къ Архангельску. Это окончательно развязало руки Петру и онъ могъ теперь приняться, наконецъ, за выполненіе задуманнаго имъ богатырскаго дѣла. Поручивъ охрану Архангельска небольшому отряду войска, Петръ посадилъ остальныя войска свои, съ боевыми припасами, на морскія суда.

5 августа, рано утромъ, двинулась изъ Архангельска цѣлая флотилія, въ числѣ 13 кораблей. Кромѣ вновь построенныхъ фрегатовъ и отнятыхъ у шведовъ судовъ, Петръ взялъ

съ собою, подъ войска и боевые припасы, еще пришедшія къ Архангельску иностранные корабли, нанявъ ихъ помѣсячно. Чтобы скрыть главную цѣль своего похода, Петръ направилъ свою флотилію сначала въ Соловецкій монастырь, куда и прибылъ 10 августа, выдержавъ на пути сильнѣйшую пятидневную бурю. Монахи были изумлены неожиданнымъ появленіемъ царя. Петръ, по обыкновенію, обошелся съ ними ласково, самъ читалъ за обѣднею апостола и даже пѣлъ на клиросѣ басомъ съ пѣвчими. Однако, онъ пробылъ тутъ нѣсколько дней въ сильной тревогѣ. Разсказываютъ, что Петръ часто выходилъ на берегъ моря, вглядывался вдаль и, не видя желаемаго, нетерпѣливо встряхивалъ волосами и гнѣвно топалъ ногами... Петръ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ прекращенія бури на Бѣломъ морѣ и извѣстій о томъ, что дѣлаетъ въ Ливоніи его любимецъ Шереметевъ, отъ котораго уже давно не было никакихъ извѣстій. Между тѣмъ, отъ удачныхъ дѣйствій Шереметева зависѣлъ успѣхъ задуманнаго Петромъ предпріятія, такъ какъ своими побѣдами Шереметевъ могъ привлечь къ себѣ все вниманіе шведовъ. Но вѣстей отъ него все не было. 15-го августа, въ Успенье, Петръ получилъ, наконецъ, за обѣднею свѣдѣніе съ моря, что „на корабляхъ идти мочно“.

Не дожидаясь извѣстій отъ Шереметева, Петръ тотчасъже отправился на эскадру, и 16-го числа утромъ, чуть свѣтъ, всѣ корабли снялись съ якоря... Петръ самъ направлялъ суда. Кромѣ самыхъ близкихъ къ Петру людей, рѣшительно никому не было извѣстно, куда изъ Соловокъ направляется эскадра. Все держалось въ строжайшей тайнѣ. Въ Архангельскѣ, по отъѣздѣ Петра, разнесся даже слухъ, что царь поплылъ Ледовитымъ океаномъ воевать норвежскіе берега.

Между тѣмъ, еще за два мѣсяца до этого, въ іюнѣ, Петръ избралъ своимъ довѣреннымъ лицомъ сержанта Преображенскаго полка Щепотева, котораго тогда же, подъ предлогомъ постройки судовъ, отправилъ изъ Архангельска въ приморскую

монастырскую деревню Нюхчу (Нюхоцкую), съ тайнымъ и подробнымъ наказомъ, какъ и что ему дѣлать. Щепотеву указано было возможно скорѣе приготовить путь для войска и для судовъ черезъ непроходимые лѣса и болота, тянущіеся отъ Нюхчи до Онежскаго озера, на протяженіи около 238 верстъ. Такимъ образомъ, Щепотеву приходилось дѣлать безконечныя просѣки въ лѣсахъ, строить мосты черезъ рѣчки и ручьи, и настилать почти сплошь гати черезъ топи и болота. Для этого, тайнымъ же путемъ, дано было знать въ Суму и Кемь воеводамъ и начальнымъ людямъ, чтобы они, не медля ни часу, собрали въ Нюхчу, въ распоряженіе Щепотева, весь народъ, а въ Каргополь и въ Онегу послано было приказаніе выслать туда же 200 подводъ.

Петръ и направилъ свою эскадру изъ Соловокъ въ Нюхчу... Здѣсь ждали его радостныя извѣстія; оказалось, что Щепотевъ не потерялъ даромъ времени: въ какіе нибудь 30 — 40 дней онъ сдѣлалъ столько, что и самъ Петръ удивился; почти вся просѣка была готова, почти всѣ мосты выстроены и гати настланы! Кромѣ того, едва успѣлъ Петръ сойти съ кораблей на берегъ, какъ его окружили цѣлыя толпы всякаго народа, числомъ до 5.000 человѣкъ, собранныхъ Щепотевымъ съ разныхъ сторонъ на подмогу войску. Петръ получилъ въ Нюхчѣ и давно ожидаемое извѣстіе отъ Шереметева, который сообщалъ о разбитіи имъ на-голову генерала Шлиппенбаха.

Все это въ высшей степени благопріятствовало успѣху задуманнаго Петромъ предпріятія. Ждать больше было нечего. Пока выгружали съ кораблей на берегъ провіантъ и орудія, Петръ, не теряя времени, тотчасъ же разбилъ народъ на партіи, и часть этихъ партій отправилъ оканчивать просѣки и настилку гатей и мостовъ, а весь остальной народъ придалъ на помощь солдатамъ, которымъ приказано было вытащить изъ моря на берегъ два корабля и тащить ихъ по просѣкамъ и гатямъ волокомъ... Для этого заготовлены были равной толщины бревна, которыя, по мѣрѣ движенія судовъ, под-

кладывались подъ ихъ килевую часть, и по этимъ бревнамъ народъ катилъ корабли, какъ на валькахъ. Невѣроятно трудное было это дѣло, такъ какъ пни и карчи просѣкъ и неровности гатей представляли на каждомъ шагу страшныя препятствія движенію, но Петръ всѣхъ увлекъ своимъ примѣромъ. Царь самъ рубилъ бревна, подставлялъ катки, не давалъ крениться судну на бокъ, училъ, какъ строить мосты, чтобы по нимъ можно было перевозить орудія и перетаскивать суда, однимъ словомъ, поспѣвалъ всюду, не зная покоя ни днемъ, ни ночью. Петръ не давалъ отдыха и сопровождавшимъ его вельможамъ; у него всѣ одинаково должны были работать. Во время остановокъ, для государя и бояръ ставились „зимушки", т. е. простыя клѣтушки съ земляною крышею, а народъ съ солдатами кто какъ могъ изловчался... Питался здѣсь Петръ нерѣдко на ряду съ солдатами; присядетъ къ котлу, вынетъ ложку и кушаетъ солдатскую кашу, или рыбницу... Для пополненія провіанта, мѣста остановокъ или „ямы" поддерживали постоянную связь съ Нюхчей, куда не переставали подходить суда съ провіантомъ изъ Архангельска.

Между тѣмъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, путь становился все труднѣе, мѣстность постепенно обратилась въ сплошную низменность съ безконечными болотами, озерами, ручьями и рѣками, такъ что приходилось настилать мостовины почти сплошь по всему перегону... Народъ дошелъ до крайняго изнеможенія; начались болѣзни, увеличилась смертность отъ истощенія и непосильной работы въ болотахъ, явилось уныніе въ людяхъ. Одинъ Петръ не унывалъ, и всюду являлся съ словомъ ободренія, а иногда съ шуткою и прибаутками, и народъ снова шелъ на новые труды, побуждаемый примѣромъ постоянной веселости и неустанной энергіи своего богатыря-государя.

Благодаря этому, отрядъ Петра совершилъ этотъ сверхъестественный переходъ отъ Нюхчи до озера Онежскаго, на протяженіи около 238 верстъ, таща за собою по лѣсамъ и бо-

лотамъ морскія суда, артиллерію и военные снаряды, съ непостижимой уму быстротою: черезъ 12 дней по выходѣ изъ Нюхчи (17 августа), Петръ былъ уже со всѣмъ отрядомъ и съ кораблями на Онежскомъ озерѣ (29 августа).

Путь, по которому происходило описанное движеніе, извѣстенъ до сихъ поръ въ народѣ подъ именемъ „государевой дороги“. Замѣчательно, что на „государевой дорогѣ“ и понынѣ не ростетъ лѣсъ. Петрова просѣка съ мостовинами видна до сихъ поръ. По ней проложенъ недавно повѣнецко-сумскій почтовый трактъ.

Съ выходомъ на Онежское озеро, флотилію Петра ничто уже не задерживало въ плаваніи. Озеро было глубоко и широко. Только рѣка Свирь могла представить нѣкоторыя затрудненія своими порогами, но у Петра былъ уже заранѣе составленъ планъ теченія этой рѣки, на основаніи показаній мѣстныхъ жителей, а для большей вѣрности успѣха, онъ самъ принялъ здѣсь на себя обязанности простого лоцмана. Все время плаванія по Свири, царь шелъ передовымъ на небольшомъ карбасѣ и прокладывалъ путь слѣдовавшей за нимъ флотиліи. День и ночь стоялъ онъ на носу карбаса и измѣрялъ глубину рѣки; при этомъ, онъ такъ искусно управлялъ ходомъ судовъ, что прошелъ безъ остановки всѣ пороги, плывя даже ночью. Въ это время Петръ особенно торопился впередъ, такъ-какъ шведы были ужь недалеко и ежеминутно могли провѣдать о его приближеніи.

3-го сентября, вся флотилія собралась у Сермаксовъ, при самомъ впаденіи рѣки Свири въ Ладожское озеро; но тутъ отрядъ поневолѣ долженъ былъ остановиться, вслѣдствіе свирѣпствовавшей на Ладожскомъ озерѣ бури... Къ довершенію затрудненія, въ отрядѣ оказался полный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ какъ шведы изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ давно уже все отобрали къ Нотебургу. Пришлось тутъ войскамъ Петра питаться сосновой корой, самъ царь довольствовался здѣсь нѣсколько дней рѣпой. Петръ съ нетерпѣ-

ніемъ выжидалъ окончанія бури, такъ какъ шведы каждую минуту могли разстроить весь планъ его предпріятія.

Какъ только буря утихла на Ладожскомъ озерѣ, Петръ немедленно отправилъ свои суда озеромъ, а самъ поспѣшилъ сухимъ путемъ, на лошадяхъ, къ рѣкѣ Волхову, въ Старую Ладогу, куда, по его приказанію, начали уже свозить разные боевые припасы. Въ то же время Петръ отправилъ приказаніе въ Лифляндію, фельдмаршалу Шереметеву, немедленно идти съ арміей къ Ладогѣ, черезъ Новгородъ. Шереметевъ изумилъ Петра своею поспѣшностью, явившись съ войсками въ Ладогу черезъ нѣсколько дней. Сюда же прибылъ съ Ладожскаго озера и Нюхчинскій отрядъ Петра, вмѣстѣ съ кораблями.

Дорого обошелся Петру его богатырскій переходъ изъ Нюхчи: во всѣхъ 5-ти гвардейскихъ батальонахъ, посаженныхъ на суда въ Архангельскѣ въ числѣ 4.000 человѣкъ, теперь оказалось въ строю только 2.576 человѣкъ. Вмѣстѣ съ войсками Шереметева у Петра собралось въ Ладогѣ около 12.000 человѣкъ войска, при 88 орудіяхъ, съ значительнымъ запасомъ пороха и ядеръ.

Въ Ладогѣ Петръ собралъ къ себѣ на совѣщаніе мѣстныхъ торговыхъ людей и рыбаковъ, которые хаживали мимо крѣпости Нотебурга и знали все теченіе Невы и расположеніе окрестныхъ деревень. Петръ показалъ имъ чертежъ этой мѣстности, составленный имъ ранѣе по разсказамъ очевидцевъ, а они „противу чертежа говорили“, т. е. дополняли его своими личными свѣдѣніями.

Оказалось, что рѣкою Невою можно идти свободно на судахъ и карбасахъ вплоть до ея устья, и что всего хода по ней 56 верстъ, на добрый день. О крѣпостяхъ Нотебургѣ и Ніеншанцѣ мѣстные жители сообщили только, что это сильныя крѣпости, о числѣ же ихъ гарнизоновъ никто не зналъ.

Медлить больше было нельзя. 23 сентября Петръ произвелъ осмотръ, на берегу рѣки Назьи, собравшимся въ Ладогѣ войскамъ и, затѣмъ, повелъ ихъ снова въ обходъ Нотебурга,

сухимъ путемъ, опять таща за собою морскіе корабли по мостовинамъ...

25-го сентября войска обошли Нотебургъ и благополучно спустили свои суда въ рѣку Неву. Когда два морскихъ корабля и нѣсколько меньшихъ судовъ подъ русскимъ флагомъ показались на рѣкѣ Невѣ въ виду Нотебурга, со стороны Балтійскаго моря, то шведы сначала подумали, что это пришелъ ихъ флотъ изъ Швеціи; но когда разглядѣли, какія это суда, и увидѣли, что отрѣзаны отъ Швеціи и съ суши и съ моря, то поспѣшно заперлись въ крѣпости, рѣшившись отчаянно защищаться. Русскіе немедленно обложили Нотебургъ со всѣхъ сторонъ.

Комендантомъ крѣпости былъ родной братъ шведскаго генерала Шлиппенбаха, дѣйствовавшаго противъ Шереметева въ Лифляндіи. У него находилось въ крѣпости всего 450 человѣкъ гарнизона, но орудій было до 142, т. е. вдвое болѣе, чѣмъ у Петра.

Главнокомандующимъ русскаго отряда былъ назначенъ Шереметевъ. Самъ Петръ принялъ дѣятельное участіе въ осадныхъ работахъ, наравнѣ съ солдатами и корабельными плотниками. Въ первыхъ числахъ октября началось бомбардированіе крѣпости, продолжавшееся семь дней. 11-го октября, послѣ сильнаго штурма, произведеннаго русскими войсками, крѣпость сдалась со всѣми орудіями и запасами. Обрадованный успѣхомъ, Петръ велѣлъ выпустить изъ крѣпости шведскій гарнизонъ на свободу, въ уваженіе къ его мужеству. Такимъ образомъ, крѣпость Нотебургъ, древній русскій городъ Орѣшекъ, перешла въ руки русскихъ. Потеря русскихъ при осадѣ и взятіи Орѣшка была довольно чувствительна: 538 убитыхъ и 925 раненыхъ. Сообщая о взятіи Орѣшка и вспоминая при этомъ, какихъ трудовъ и потеръ стоило ему все это дѣло, Петръ писалъ: „Правда, что зѣло жестокъ этотъ орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ“...

Петръ тотчасъ же назвалъ новопокоренную крѣпость „Шлиссельбургомъ“, т. е. ключемъ-городомъ, такъ какъ, взявъ его,

надѣялся, наконецъ, отпереть русскимъ входъ въ Балтійское море и въ западно-европейскія страны. Въ знакъ этого, онъ приказалъ, поднесенный ему шведскимъ комендантомъ ключъ отъ крѣпости укрѣпить на западной ея башнѣ. Послѣ онъ говаривалъ, что „симъ ключемъ много замковъ отперто...“

Радость Петра, по случаю покоренія Шлиссельбурга и вполнѣ удачнаго выполненія задуманнаго имъ плана, была безгранична. Даже впослѣдствіи, каждый годъ, 11-го октября, онъ непремѣнно бывалъ въ Шлиссельбургѣ и весело праздновалъ его покореніе. Въ самый же годъ взятія Шлиссельбурга, 1702 года Петръ праздновалъ это событіе 4-го декабря, торжественнымъ входомъ съ войсками въ Москву, гдѣ были нарочно устроены по этому случаю трое тріумфальныхъ воротъ. Въ память покоренія Шлиссельбурга была выбита также медаль.

По случаю наступленія зимы, Петръ отложилъ до слѣдующаго года завоеваніе дальнѣйшихъ мѣстъ по рѣкѣ Невѣ, приказавъ, однако, въ теченіе зимы, тревожить изъ Шлиссельбурга непріятельскія укрѣпленія на Невѣ. Неутомимый царь, послѣ краткаго пребыванія въ Москвѣ, отправился въ Воронежъ, для наблюденія за постройкою военныхъ кораблей; по пути туда, онъ осматривалъ работы на каналахъ, долженствовавшихъ соединить Донъ съ р. Окою, и основалъ въ Рязанской губерніи городъ Раненбургъ, а въ мартѣ 1703 года находился уже снова въ Шлиссельбургѣ...

25-го апрѣля Петръ, вмѣстѣ съ Шереметевымъ и съ 25,000 войска, двинулся изъ Шлиссельбурга къ послѣдней шведской крѣпости Ніеншанцу, расположенной недалеко отъ устьевъ Невы. Высланный впередъ для развѣдки, на большихъ лодкахъ, русскій отрядъ, въ числѣ 2,000 человѣкъ пѣхоты, въ ночь на 25-е марта непримѣтно подошелъ къ наружному валу крѣпости, напалъ въ расплохъ на передовые посты шведовъ, опрокинулъ ихъ и, воспользовавшись смятеніемъ непріятеля, овладѣлъ-было однимъ изъ крѣпостныхъ бастіоновъ... Только

неимѣніе приказанія на рѣшительныя дѣйствія и значительное удаленіе отъ главныхъ силъ заставили храбрецовъ русскихъ отступить. Но слѣдомъ подошло все русское войско и обложило крѣпость. Петръ тотчасъ же самъ произвелъ на судахъ осмотръ устьевъ Невы, пройдя туда подъ сильнымъ огнемъ съ крѣпости. Онъ оставилъ на Гутуевскомъ островѣ, у самаго входа въ Неву, нѣсколько гвардейскихъ ротъ, для прикрытія устьевъ Невы со стороны Финскаго залива, и вернулся къ войскамъ. Между тѣмъ, крѣпость Ніеншанцъ была осаждена по всѣмъ правиламъ искусства. 1-го мая, послѣ сильной пушечной пальбы по крѣпости, продолжавшейся съ 7 часовъ вечера до 5 утра, комендантъ ея сдался, выговоривши себѣ, вмѣстѣ съ 800 человѣкъ гарнизона, свободный выходъ. Вмѣстѣ съ этою крѣпостью, перешла въ руки русскихъ и вся Нева.

На другой день по сдачѣ крѣпости, 2-го мая, на морѣ, близъ устьевъ Невы, появился шведскій флотъ. Ничего не зная о взятіи Ніеншанца, шведы двумя выстрѣлами дали знать гарнизону о своемъ прибытіи. Петръ, своевременно извѣщенный о прибытіи непріятельскаго флота оставленными въ устьѣ Невы гвардейскими ротами, велѣлъ отвѣчать шведамъ изъ крѣпости тоже двумя выстрѣлами... Обманутые шведы немедленно выслали впередъ два корабля, которые вошли въ устья Невы и бросили якорь. Петръ тотчасъ же отправился съ Меншиковымъ и съ гвардіей на тридцати лодкахъ внизъ по Невѣ, и тихо поплылъ темною ночью, подъ проливнымъ дождемъ, вдоль Васильевскаго острова, поросшаго въ то время густымъ лѣсомъ, на встрѣчу непріятелю, осторожно обошелъ его и отрѣзалъ вошедшіе въ Неву корабли отъ остальнаго шведскаго флота, стоявшаго еще въ морѣ. Петръ неожиданно напалъ на шведскіе корабли съ двухъ сторонъ, и, не смотря на жестокую пальбу съ нихъ изъ пушекъ и ружей, окружилъ ихъ и сцѣпился съ ними на абордажъ. Оставшійся въ морѣ шведскій флотъ также открылъ пальбу, но за мелководіемъ

устьевъ Невы не могъ подойти на выручку къ своимъ кораблямъ. Шведы, застигнутые совершенно въ расплохъ, защищались отчаянно, но падали подъ ударами русскихъ, раздраженныхъ упорнымъ сопротивленіемъ. Изъ семидесяти семи человѣкъ, бывшихъ на судахъ, осталось въ живыхъ только девятнадцать. Петръ въ числѣ первыхъ, съ гранатою въ рукѣ, вскочилъ на непріятельское судно, при чемъ оба корабля были взяты въ плѣнъ. За этотъ геройскій подвигъ Петръ, носившій званіе бомбардирскаго капитана, былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

Это была, вообще, первая морская побѣда русскихъ. Событіе это было столь необыкновенное для Россіи, что даже въ русскихъ законахъ не могли найти, какая слѣдуетъ награда за подобный подвигъ, такъ какъ до этого времени въ Россіи не бывало еще „взятія кораблей на морѣ". Понятно, какъ радовался этому событію самъ Петръ, который первый положилъ начало русскому флоту.

Такимъ образомъ, вся Нева была очищена отъ шведовъ и окончательно перешла въ руки русскихъ, а вмѣстѣ съ этимъ открывался свободный доступъ и къ Балтійскому морю.

Тотчасъ же послѣ взятія Ніеншанца, Петръ собралъ въ крѣпости военный совѣтъ, на которомъ обсуждалось: слѣдуетъ ли укрѣпить этотъ пунктъ, или искать другого мѣста, для основанія новаго приморскаго торговаго города. Совѣтъ рѣшилъ искать другого мѣста, ближе къ устью Невы и къ морю. Петръ самъ выбралъ мѣсто для новой крѣпости и города, въ устьяхъ Невы, среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, покрывавшихъ берега ея, на островкѣ, который показался ему лучше и удобнѣе другихъ, подъ нынѣшнею Петропавловловскою крѣпостью. Островокъ этотъ Петръ назвалъ Веселымъ островомъ (Люстъ-Эландомъ), собственными руками срубилъ здѣсь березу, сдѣлалъ изъ нея крестъ и, поставивъ его, сказалъ: „Здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла". 16-го мая, въ день св. Троицы,

Петръ самъ положилъ первый камень въ основаніе крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго города, которому далъ названіе „Санктъ-Петербургъ", т. е. городъ св. Петра, въ честь своего ангела. Крѣпость была построена деревянная, съ шестью бастіонами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, царь приказалъ построить для себя, неподалеку отъ крѣпости, деревянный дворецъ, состоявшій всего изъ двухъ комнатъ, передней и кухни; домикъ этотъ сохраняется до сихъ поръ на Петербургской сторонѣ. Тутъ же начали строить жилья для близкихъ къ царю вельможъ и для солдатъ, а также гостиный дворъ и другія зданія.

Любимецъ Петра, Меншиковъ, былъ назначенъ первымъ губернаторомъ Петербурга. Такимъ образомъ, благодаря могучей волѣ Петра, на берегу пустынной рѣки, посреди болотъ и лѣсовъ, какъ бы изъ земли выросъ новый городъ, Петербургъ, ставшій вскорѣ, на удивленіе всему свѣту, столицею всего русскаго царства. Петръ тотчасъ же сообщилъ о занятіи имъ устьевъ Невы въ Голландію и другія страны, объявляя при этомъ, что первому шкиперу, явившемуся въ этой новой морской гавани, будетъ выдано сто червонцевъ. На призывъ Петра скоро откликнулись иноземцы. Въ ноябрѣ того же года (1703), въ только что заложенный Петромъ городъ прибылъ первый голландскій купеческій корабль. Велика была радость царя приходу этого перваго корабля. Петръ самъ отправился на встрѣчу ему, самъ за лоцмана привелъ его въ гавань, шкиперъ и всѣ матросы корабля были обласканы и отлично угощены, самъ царь былъ первымъ покупателемъ товаровъ на немъ, а по рекомендаціи его они были всѣ тотчасъ же раскуплены. На прощанье, Петръ обнялъ и щедро наградилъ шкипера и всѣхъ матросовъ. Съ тѣхъ поръ прибытіе въ Петербургъ иностранныхъ судовъ считалось какъ бы праздникомъ и возвѣщалось пушечными выстрѣлами.

Петръ чрезвычайно полюбилъ новый городъ и называлъ его своимъ „раемъ". Дѣйствительно, основаніе Петербурга

было важнѣйшимъ послѣдствіемъ войны со шведами. Съ основаніемъ этого города, за Россіей прочно закрѣплялась новопокоренная Невская область, а вмѣстѣ съ тѣмъ Россія какъ бы приблизилась чрезъ это къ Балтійскому морю и къ западноевропейскимъ странамъ. Отдѣленный отъ западной Европы короткимъ морскимъ путемъ, Петербургъ и отъ центра Россіи удаленъ незначительно и при этомъ соединяется нѣсколькими прекрасными водными путями со всей приволжской областью, съ приильменскимъ краемъ и со всѣмъ сѣвернымъ краемъ Россіи. Поэтому Петръ и цѣнилъ такъ высоко свой новый приморскій городъ.

По тому же самому и шведы начали теперь всячески стараться помѣшать основанію Петербурга и снова возвратить себѣ Невскій край. Цѣлое лѣто 1703 года около устьевъ Невы простоялъ шведскій флотъ. Петръ не нападалъ на него, ограничиваясь пока сооруженіемъ необходимыхъ укрѣпленій для обороны Петербурга. Опасаясь открыто напасть съ моря на петербургскія укрѣпленія, шведы выслали противъ него, въ началѣ іюля, небольшой отрядъ изъ Финляндіи, но русскіе войска отбили это нападеніе и заставили шведовъ отступить къ Выборгу. Осенью шведскій флотъ тоже удалился отъ устьевъ Невы въ море. Петръ сейчасъ же отправился на островъ Котлинъ, расположенный въ Финскомъ заливѣ, противъ самыхъ устьевъ Невы, самъ измѣрилъ около него глубину воды, и немедленно поручилъ Меншикову заложить на островѣ крѣпость Кроншлотъ (нынѣшній Кронштадтъ). Меншиковъ совершилъ небывалое дѣло, произведя постройку укрѣпленія на пустынномъ островѣ въ теченіе суровой зимы; всѣ потребные для строенія матеріалы доставлялись на островъ по льду; самыя работы производились на льду и такъ быстро, что укрѣпленіе было окончательно готово къ веснѣ. Этимъ былъ совершенно запертъ доступъ непріятельскимъ судамъ къ устьямъ Невы и къ Петербургу. Въ то же время, Петръ быстро изготовилъ въ Олонцѣ нѣсколько военныхъ судовъ и спустилъ

*

ихъ въ Неву, для защиты Петербурга, въ которомъ также заложилъ верфь (адмиралтейство) для постройки военныхъ судовъ.

Послѣ этого всѣ попытки шведовъ напасть на новый городъ съ моря и съ суши — оставались безуспѣшными.

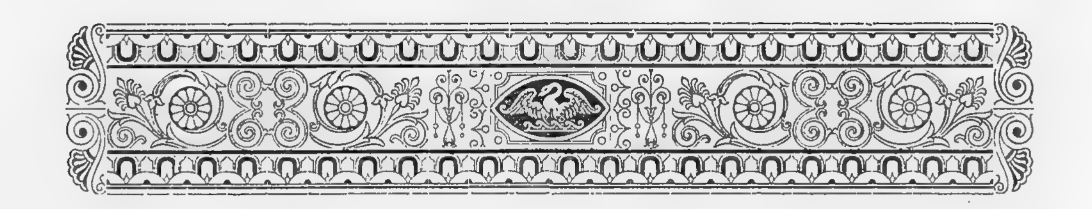
Пользуясь пребываніемъ главныхъ шведскихъ силъ въ Польшѣ, Петръ неутомимо продолжалъ завоеванія въ Прибалтійскомъ краѣ. Вслѣдъ за основаніемъ Петербурга, въ томъ же году, Шереметевъ взялъ Капорье, Ямбургъ и другіе города. Весною 1704 года Петръ прибылъ въ Петербургъ съ тѣмъ именно намѣреніемъ, чтобы, пока Карлъ XII увязъ въ Польшѣ, преслѣдуя польскаго короля Августа, взять двѣ сильныя крѣпости, Дерптъ и Нарву, и тѣмъ совершенно укрѣпиться въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ концѣ апрѣля приказано было Шереметеву идти для осады Дерпта; 5-го мая царь получилъ извѣстіе, что на рѣкѣ Эмбахъ нашими захвачено 13 шведскихъ судовъ, плывшихъ въ Чудское озеро. Съ превеликою радостью Петръ принялъ увѣдомленіе „о пресчастливой побѣдѣ въ нечаямомъ случаѣ“ и снова предписалъ Шереметеву не медлить осадою Дерпта, „чтобы сего даннаго Богомъ случая не пропустить“. Въ началѣ іюня Шереметевъ приступилъ къ Дерпту, началъ осадныя работы; но дѣло шло вяло, поэтому 20 іюня самъ царь прибылъ къ осаждающимъ и нашелъ, что многія работы никуда не годились, а между тѣмъ уже „двѣ тысячи бомбъ было выметано безпутно“. Одно только утѣшало Петра, что люди, слава Богу, какъ писалъ онъ къ Меншикову, „*зѣло добры и учреждены* и число ихъ вящше 20 тысячъ“. Все испорченное быстро было исправлено, и 13 іюля, послѣ упорной битвы, когда русскіе уже готовы были ворваться въ городъ, комендантъ подалъ сигналъ, знакъ, къ сдачѣ. „И такъ, писалъ Петръ, съ Божіею помощью, симъ нечаямымъ случаемъ сей славный отечественный градъ паки полученъ“. Чтобы показать, что покореніе Эстляндіи не временное завоеваніе, жители Дерпта были приведены къ при-

сягѣ. Отсюда царь поскакалъ прямо къ Нарвѣ, уже обложенной русскимъ войскомъ подъ начальствомъ новаго фельдмаршала, Огильви приговореннаго въ русскую службу Паткулемъ въ Вѣнѣ, на три года. Царь назначилъ штурмъ 9 августа; упорно, отчаянно сопротивлялся шведскій гарнизонъ, но русскіе пересилили и ворвались въ городъ; разсвирѣпѣвшіе солдаты начали грабить, не щадя при этомъ ни женщинъ, ни дѣтей. Узнавъ объ этомъ, царь поспѣшилъ въ городъ и приказалъ прекратить грабежъ. Тотчасъ же послѣ счастливаго приступа Петръ, по своему обыкновенію, написалъ къ своимъ: „Гдѣ предъ четыремя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣстницы шпагами въ три часа получили".

Взятіе Нарвы, подъ которой русскіе въ началѣ войны потерпѣли столь страшное пораженіе, теперь сильно обрадовало Петра и Россію, тѣмъ болѣе, что въ Нарвѣ, расположенной на самомъ берегу Балтійскаго моря, русскіе пріобрѣтали второй приморскій городъ.

*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Завоеваніе Курляндіи.—Неудовольствіе въ народѣ на Петра за его преобразованія.—Астраханскій бунтъ.

Прочно утвердившись на всемъ юго-восточномъ прибрежьѣ Балтійскаго моря, примыкавшемъ къ русскимъ владѣніямъ, Петръ рѣшился наконецъ выручить изъ бѣды своего союзника, польскаго короля Августа, который привлекъ на себя главныя силы шведовъ и тѣмъ далъ возможность Петру быстро завладѣть всѣмъ прибрежьемъ Балтійскаго моря.

Карлъ XII повоевалъ всю Польшу, и выгналъ изъ нея Августа, который съ своими войсками удалился въ Саксонію. При немъ находился и небольшой отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ лифляндскаго дворянина Паткуля. По приказанію Карла королемъ польскимъ былъ выбранъ молодой Станиславъ Лещинскій, человѣкъ очень дѣятельный, отлично образованный и честный, но не имѣвшій достаточной силы характера, чтобы быть въ такое время королемъ; притомъ же изъ круга другихъ вельможъ онъ ничѣмъ особенно не выдавался впередъ: ни блестящими дарованіями, ни знатностью происхожденія, ни богатствомъ. Такой выборъ возбудилъ силь-

ный ропотъ между польскими вельможами; многіе и знать не хотѣли Лещинскаго, почитая себя во всемъ выше его. Но упрямый Карлъ не обращалъ на это вниманія и приказалъ своимъ генераламъ жечь имѣнія тѣхъ вельможъ, которые стояли за Августа. Не смотря на громкіе протесты большей и важнѣйшей части поляковъ, шведская партія выкричала королемъ Лещинскаго, потому что при этомъ выкрикиваніи было 300 шведскихъ драгунъ и 500 человѣкъ пѣхоты, да и самъ Карлъ находился въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы. Это однакожъ не помогло Карлу; у Августа осталось много приверженцевъ и такимъ образомъ въ Польшѣ было два короля. Петръ поспѣшилъ помочь своему союзнику; весною 1705 года русскія войска двинулись къ Западной Двинѣ, перешли эту рѣку, заняли Курляндію и овладѣли Вильной. Главныя наши силы, около 35 тыс., сосредоточились въ Гродно, гдѣ былъ устроенъ большой укрѣпленный лагерь. Съ помощію русскихъ, въ концѣ лѣта, Августу удалось отнять у шведовъ Варшаву и Станиславъ принужденъ былъ бѣжать. Желая занять также Познань, Августъ отправилъ къ этому городу Паткуля съ отрядомъ изъ польскихъ и русскихъ войскъ; но Паткуль простоялъ цѣлый мѣсяцъ безплодно и успѣлъ только возбудить къ себѣ общую ненависть всего войска и особенно нашихъ казаковъ. По приказанію короля, онъ долженъ былъ снять осаду и отвести войска въ безопасное мѣсто, въ саксонскія владѣнія.

Составивъ планъ военныхъ дѣйствій, Петръ уговаривалъ короля Августа не вступать съ шведами въ открытую битву, а томить ихъ набѣгами, обѣщая при этомъ помогать ему и деньгами, и войскомъ. Самъ царь, между тѣмъ, перелеталъ изъ одного мѣста въ другое. Въ Воронежѣ онъ спустилъ 80-типушечный корабль. Въ Москвѣ былъ задержанъ лихорадкой; но въ апрѣлѣ былъ уже въ Полоцкѣ, гдѣ собрано было большое русское войско, тысячъ 60, подъ начальствомъ двухъ фельдмаршаловъ: Шереметева и Огильви. Послѣдній былъ очень недоволенъ товарищесвомъ. Онъ хотѣлъ одинъ началь-

ствовать; но какъ основною мыслью Петра было не давать иностранцу главнаго начальства, чтобы упражнять и пріучать къ дѣлу своихъ, то желаніе Огильви не исполнилось. Изъ Полоцка 1 іюня Петръ выступилъ въ Вильну, отправивъ за нѣсколько дней передъ этимъ Шереметева выгнать шведовъ изъ Курляндіи, находившихся тамъ подъ начальствомъ генерала Левенгаупта; но 22 іюня получилъ царь извѣстіе, что фельдмаршалъ его былъ разбитъ и, можно сказать, по своей оплошности, придержавшись, по заключенію Петра, стараго обычая. Шереметевъ началъ дѣло съ одной кавалеріей, не дождавшись пѣхоты съ пушками. Петръ однакожъ не выказалъ своего душевнаго огорченія, и чтобы ободрить своихъ, писалъ Шереметеву: „Не извольте о бывшемъ несчастьи печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять". Желая отрѣзать Левенгаупта, Петръ выступилъ съ этою цѣлію изъ Вильны, пославъ наказъ Шереметеву — идти какъ можно скорѣе и отрѣзать непріятеля отъ Риги; но Шереметевъ не могъ этого исполнить, по независѣвшимъ отъ него причинамъ, и Левенгауптъ, къ крайнему неудовольствію Петра, успѣлъ перебраться за Двину, къ Ригѣ. Оставивъ Шереметева сторожить шведовъ на лѣвомъ берегу Двины, противъ Риги, самъ Петръ двинулся къ Митавѣ, и послѣ семнадцатидневной осады столица Курляндіи сдалась 2 сентября. Послѣ этой побѣды Петръ писалъ Ромодановскому: „Сіе мѣсто великой есть важности, понеже непріятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзанъ и намъ далѣе въ Польшу походъ безопасенъ есть".

Но въ это самое время, когда борьба съ шведомъ на западѣ становилась уже очень важною и требовала большихъ усилій со стороны Петра, онъ вдругъ получилъ въ самой Митавѣ извѣстіе о бунтѣ въ Астрахани.

Полученное извѣстіе было страшнымъ ударомъ для Петра. Вообще слѣдующіе 1705, 1706 и 1707 годы были весьма трудны для него.

Въ то время мало кто понималъ пользу великихъ преобразованій Петра; почти всѣ были недовольны. Уже основаніе Петербурга возбуждало всеобщее неудовольствіе.

Подобно тому, какъ въ древности, при перенесеніи русской столицы изъ Кіева во Владиміръ и Москву, русскіе люди всячески порицали новые „стольные“ города и говорили: „пожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника“ — такъ и теперь стали говорить про Петербургъ: „Петербургъ не устоитъ за нами, быть ему пусту“. Другіе съ укоризной говорили, что „Государь нарядилъ Петербургъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву обулъ въ лапти“. Даже послѣ кончины Петра, русскіе люди долго еще не могли свыкнуться съ новой столицей и ея новыми порядками. Но если Петербургъ не нравился многимъ отдѣльнымъ русскимъ людямъ, за то онъ былъ необходимъ для всей Россіи, а потому это созданіе Петра было однимъ изъ самыхъ прочнѣйшихъ.

Но не одинъ Петербургъ не нравился многимъ стариннымъ русскимъ людямъ. Всѣ преобразованія Петра они упорно охуждали, потому что не сразу могли понять великое значеніе этихъ преобразованій, противорѣчившихъ ихъ прежнимъ привычкамъ. Но главной причиной недовѣрія къ преобразованіямъ Петра служила внѣдрившаяся изстари среди множества своевольныхъ людей *смута*, коренившаяся на дурныхъ привычкахъ ихъ, на гражданскомъ разъединеніи, и, въ особенности, на чрезмѣрномъ размноженіи „нѣтчиковъ“, или такъ называемыхъ „голутвенныхъ“ людей, „гультяевъ“, т. е. бездомныхъ, бѣглыхъ людей, поселявшихся преимущественно въ нашихъ южныхъ степяхъ и самозванно величавшихъ себя „вольными казаками“.

Во то время настоящіе русскіе казаки жили домовито, въ нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, по низовьямъ рѣкъ: Днѣпра, Дона, Терека и Урала. Они хотя и имѣли свое казацкое управленіе, но признавали власть русскаго царя и нерѣдко оказывали государству важныя услуги въ борьбѣ съ

исконными врагами Россіи — турками, татарами и другими народами.

Совсѣмъ иное дѣло были самозванные казаки, самовольно поселившіеся въ казацкихъ степяхъ, но жившіе отдѣльно отъ домовитыхъ казаковъ, въ такъ называемыхъ „верховыхъ городкахъ“, т. е. по верховьямъ рѣкъ Днѣпра и Дона. Многочисленное населеніе этихъ „городковъ“ состояло изъ массы исключительно бѣглаго люда, „голытьбы“, укрывавшейся большею частью отъ кары закона. Сюда бѣжали всѣ, кто значился въ „нѣтяхъ“: преступники, опальные, работники съ казенныхъ работъ — забравшіе деньги впередъ, раскольники, бѣглые крестьяне, укрывавшіеся отъ податей или отъ притѣсненій начальныхъ людей и помѣщиковъ, бѣглые солдаты, опальные стрѣльцы, и проч. Тутъ былъ главный очагъ всякой смуты, гнѣздо всѣхъ дурныхъ старинныхъ привычекъ: разъединенія, своеволія, распущенности, недовѣрія и страшнаго самомнѣнія. „Вольный казакъ“, обыкновенно, знать ничего не хотѣлъ, для него ничего не было святаго; все ему было ни по чемъ. Отъ гражданскаго порядка онъ отвращался, всякій трудъ былъ ему противенъ, а люба была только „своя выгода“. Это были самые негодные граждане, настоящіе озорники, постоянно угрожавшіе опасностью государству и народу. Любимымъ и постояннымъ ихъ занятіемъ было „пограбить“ или, какъ они сами говорили: „раздобыть себѣ зипуновъ“, а также: „сладко попить, поѣсть да на добрыхъ коняхъ поѣздить“. Эти воровскіе казаки преимущественно и занимались грабежемъ на большихъ дорогахъ и особенно на Волгѣ. Они же, съ цѣлью поживиться на чужой счетъ, являлись главными сѣятелями смуты среди всего легковѣрнаго темнаго люда. Желая поднять смуту, воровскіе казаки не могли, конечно, открыто объявлять о своей нелюбви къ гражданскому порядку, а потому всегда лицемѣрно прикрывались православною вѣрою, или говорили, что они хотятъ-де постоять „за правду“, или „за домъ Пресвятой Богородицы“, т. е. за церковь и за казацкіе порядки. На самомъ же дѣлѣ,

вольница эта домогалась только грабежа, сопровождавшагося постоянно невѣроятною жестокостью, несвойственною православнымъ людямъ. Смутчики грабили, жгли и вѣшали мирныхъ жителей и даже женщинъ и дѣтей и предавались самымъ не обузданнымъ попойкамъ. Особенно же противно было ханжество воровскихъ казаковъ тѣмъ, что, подъ видомъ стоянія за „домъ Пресвятой Богородицы", они, для поддержанія смуты, часто не задумывались прибѣгать даже къ измѣнѣ, т. е. передавались на сторону враговъ Россіи: татаръ, турокъ, или другихъ сосѣднихъ народовъ. Но главнымъ средствомъ для распространенія смуты служила у нихъ *самозванщина*, безъ которой не обходился почти ни одинъ воровской мятежъ. Иному „гультяю", т. е. простому голому бродягѣ, мало казалось пограбить, или „зипунъ себѣ добыть", онъ хотѣлъ еще всѣмъ завладѣть, все себѣ захватить, или, какъ они говорили, „всѣмъ государствомъ заколыхать", и съ этою цѣлью бѣглый оборванецъ, не задумываясь, объявлялъ себя „царевичемъ". Такихъ самозванцевъ на Руси неисчислимое множество. Иногда появлялось даже одновременно нѣсколько самозванцевъ, выдающихъ себя за одного и того же „царевича". Невозможнымъ это никому въ то время не казалось, потому что старинные люди, по темнотѣ своей, вѣрили всякимъ выдумкамъ, всякой самой глупой сказкѣ. Главнымъ же образомъ, самозванство коренилось на слѣпомъ заблужденіи русскихъ людей, что они сами не виноваты въ неустройствѣ своей жизни и въ разныхъ бѣдствіяхъ и что причиной тому не ихъ неумѣнье и не ихъ дурныя гражданскія привычки. Этимъ заблужденіемъ русскихъ людей и пользовались воровскіе люди. Они распускали слухъ, что все зло отъ того, что „подлинный", „прямой царевичъ" не сидитъ на царствѣ, что онъ „живъ и скрывается", и что въ Москвѣ «не тотъ царь сидитъ». Темные и невѣжественные люди вѣрили этимъ баснямъ, приставали къ объявившемуся мнимому „царевичу", и нерѣдко шли „сажать" его на царство, думая, въ слѣпотѣ своей, что отъ этого все перемѣнится. Такъ

было въ смутное время на Руси, когда бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ, выдавшій себя за царевича Дмитрія, вознамѣрился завладѣть царскимъ престоломъ; такъ было при отцѣ Петра Великаго, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда воровской казакъ Стенька Разинъ задумалъ „заколыхать всѣмъ государствомъ".

Вслѣдствіе той легкости, съ которою возникали тогда въ темномъ народѣ смуты, Петръ Великій, безпощадно подавивъ въ началѣ своего царствованія стрѣлецкіе бунты, начавшіеся изъ-за власти царевны Софіи, долженъ былъ, однако, ожидать вскорѣ смутъ совсѣмъ другаго рода. Заботы Петра объ искорененіи на Руси гражданскаго неустроенія, своеволія и дармоѣдства — не могли понравиться въ особенности самозваннымъ „вольнымъ казакамъ", воровскому голутвенному люду, неумѣвшему ничему подчиняться. Не нравились новые порядки и всѣмъ людямъ, зараженнымъ распущенными привычками, недовѣріемъ и самомнѣніемъ. Съ самого начала своего царствованія Петръ Великій съ горечью замѣчалъ, что почти всякій указъ его и почти всѣ его поступки перетолковывались своевольниками по своему и вызывали пустые разговоры и вздорные слухи. Такъ, стали тогда иные говорить между собою про Петра, что „въ народѣ тужатъ многіе и болѣзнуютъ о томъ, на кого надѣялись и ждали"; разсказывали, что онъ „не изволитъ никого слушаться" и что окружилъ себя „невовзысканными и непородными людьми"; считали непригожимъ, что самъ царь, послѣ взятія Азова, скромно шелъ пѣшкомъ, а полководцы ѣхали; разсказывали также, что „государь нѣмецъ любитъ", „ѣздитъ въ Москвѣ въ Нѣмецкую слободу и знается съ погаными зловѣрными иноземцами", что онъ будто бы „началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами". „Не честь онъ, государь, дѣлаетъ,— безчестье себѣ", прибавляли невѣжественные своевольники. Говорили, что будто бы государь сказалъ нѣмцамъ: „покамѣсть я живъ, потамѣсть и вы". Не нравились инымъ русскимъ людямъ и заморскія поѣздки государя. Толковали, что „государь ѣздитъ за море, возлюбилъ вѣру нѣмецкую: будетъ

то, что станутъ по средамъ и пятницамъ бѣлицы и старцы ѣсть молоко". Иные увѣряли, что „нѣмцы его обошли, испортили: часъ добрый найдетъ — все хорошо, а иной найдетъ — такъ рветъ и мечетъ". О перемѣнѣ платья, бритьѣ бородъ и куреніи табаку темные люди также начали толковать по своему: „Видишь", говорили они, „какое басурманское житье на Москвѣ стало: волосы накладные завели". Другіе разсуждали: „Вотъ нынѣ затѣяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе? Вотъ нынѣ проклятый табакъ пьютъ". „Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, да кудряхъ, бороды брѣютъ". Словомъ, смута всюду заговорила, лицемѣрно прикрываясь, по обыкновенію, православною вѣрою. Про введеніе новаго лѣтосчисленія пошли еще болѣе вздорные толки: говорили, что „на Москвѣ нынѣ изволилъ государь лѣтопись отъ Рождества Христова 1700 года, да платья носить венгерскія". „Слышно, что и великаго поста недѣля убавлена, и послѣ Свѣтлаго Воскресенья Ѳоминой недѣли учнутъ межь говѣнья въ среды и пятки мясо и млеко ѣсть во весь годъ". Старообрядцы про новое лѣтосчисленіе писали, что „всѣ господнія лѣта истреблены, а сатанины возвѣщены". Учрежденіе сената и коллегій, введеніе разныхъ новыхъ порядковъ, а особенно метрическихъ записей — также не нравились своевольнымъ людямъ. Старовѣры писали о себѣ, что „въ послушество отдатися не хощемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ", потому что старовѣры будто бы отъ крещенія „записаны въ книги животныя у царя Небеснаго". Особенно же не по нраву пришлась многимъ своевольнымъ русскимъ людямъ неуклонная служба государству, стараніе Петра привлечь всѣхъ къ точному исполненію своихъ обязанностей и долга предъ государствомъ, къ неустанной работѣ на пользу общую, ради блага и счастія всего народа. Русскіе люди полагали, что все это должно придти само собою, однимъ царскимъ словомъ, безъ всякихъ усилій и труда съ ихъ стороны, и вотъ когда

государь потребовалъ отъ нихъ этихъ усилій и труда, тогда поднялся всеобщій ропотъ. Боярскіе дѣти заговорили: „какой-де онъ государь?—нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные; нигдѣ отъ него не уйдешь; всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу“. Пошли обычные въ то время на Руси толки, что все это оттого, что „не тотъ царь сидитъ“, что Петръ—„непрямой царь“. „Никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ“,—говорили тогда темные люди. Иные прямо утверждали: „У насъ государя нѣтъ; это не государь, что̀ нынѣ владѣетъ; да и царевичъ говоритъ, что мнѣ не батюшка и не царь“. О самомъ Петрѣ разсуждали: „Какой-де онъ царь! онъ—замѣненный“. Толковали, что „его“ обмѣнила нѣмка, что онъ „обмѣнный шведъ“, „нѣмцевъ сынъ“. „Это не нашъ царь,—нѣмецъ; а нашъ царь въ нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ“. По случаю принесенія присяги нѣкоторые увѣряли, что „крестъ цѣлуютъ за шведа; одно конечно—станетъ царствовать шведъ“.

Начали ходить въ народѣ все болѣе нелѣпыя сказки. Стали, напримѣръ, разсказывать: „въ міру у насъ стало нынѣ тяжело... въ книгахъ писано, что антихристъ скоро родится отъ племени Данова“. Разсуждали, что „при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости, и нынѣ міру очень тяжко стало“. „Антихристъ уже есть“, говорили другіе: „у насъ въ царствѣ не государь царствуетъ, антихристъ“. Бродячіе монахи твердили: „а вы что спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то и антихристъ“. Увѣряли, что „писано объ немъ въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается“. По случаю введенія въ войскахъ клейменія бѣглыхъ солдатъ, стали называть эти клейма „печатью антихриста“.

Смута все росла. Стали прибивать листы противъ брадобритія на большихъ дорогахъ, у городскихъ и монастырскихъ

воротъ. Люди съ обрѣзанными бородами, вынимая бороду изъ-за пазухи, говорили: „вотъ она, мы запремъ ее въ сундукъ и велимъ положить въ гробъ, чтобы предстать съ нею на страшный судъ. Вся наша братія сдѣлаетъ то же“. Про другія распоряженія говорили: „какъ будутъ эти указы присланы къ намъ въ погосты и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойдемъ и мы съ ними жить и горѣть“. Одинъ посадскій пришелъ даже нарочно изъ Нижняго въ Москву государя обличать, что онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую: „велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое, табакъ тянуть“. Бывали случаи, что изступленные самовольники запирались въ хоромахъ и поджигали подъ собою порохъ.

Государь зналъ про многіе изъ этихъ нелѣпыхъ толковъ, и часто не обращалъ на нихъ вниманія. Какъ ни тяжело ему было встрѣчать упорство и непониманіе въ русскихъ людяхъ, но онъ неутомимо, безъ перерыва, продолжалъ трудиться для счастія и пользы Россіи. Къ сожалѣнію, смута скоро стала сказываться не въ однихъ лишь толкахъ и не въ однихъ только темныхъ людяхъ. Служилые люди въ провинціяхъ, не понимая царскихъ распоряженій и не заботясь о точномъ исполненіи ихъ, старались тоже только поживиться при всякомъ случаѣ. При сборѣ рекрутъ, они обворовывали ихъ, кормили худо, выводили изъ домовъ скованными, или держали по тюрьмамъ, какъ арестантовъ. При введеніи новаго платья и бритья бородъ, стали въ насмѣшку насильно обрѣзать усы и бороды, щипали и рвали ихъ щипцами, или обрѣзывали съ мясомъ; въ старомъ русскомъ платьѣ не хотѣли пускать въ церковь. Иноземцы, приставленные къ разнымъ работамъ, по примѣру русскихъ служилыхъ людей, тоже стали насмѣхаться надъ рабочими. Словомъ, мало кто думалъ о строгомъ подчиненіи себя закону и о соблюденіи твердаго гражданскаго порядка, а всякій норовилъ только своевольничать и насильничать. Государь налагалъ за это тяжкія наказанія, нерѣдко казнилъ, разсылалъ всюду для наблюденія за правдой фискаловъ, но не скоро можно было уничтожить издавна укоренив-

шіяся привычки. Насилія и своеволіе начальныхъ людей окончательно подняли смуту.

Въ 1705 году, въ Астрахани, по случаю введенія тамъ новаго платья и бритья бородъ, особенно дерзко началъ насильничать воевода Ржевскій съ подчиненными ему служилыми людьми. Тогда прошла въ Астрахани молва, что государя не стало и для того воевода астраханскій и начальные люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить, въ нѣмецкомъ платьѣ ходить и „болванамъ кумірскимъ богамъ“ кланяться. „Кумірскими богами“ астраханцы называли столярной работы деревянныя личины и болваны, на которые въ домахъ начальныхъ людей накладывались парики для сбереженія, чтобы не мялись. Одинъ дьячокъ вышелъ съ книгой къ толпѣ, собравшейся у Никольской церкви, и началъ читать о брадобритіи: „хорошо, говорилъ пономарь, за это и постоять, хотя-бъ и умереть: вотъ о томъ и въ книгѣ написано“. Другой астраханскій житель, цѣловальникъ Ефтифеевъ, наотрѣзъ отказался собирать пошлину съ платья и бороду себѣ выбрить, сказавъ воеводѣ: „хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду“. Его посадили подъ караулъ. Стали также разсказывать, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и по три человѣка на дворы, и тамошнимъ жителямъ, и женамъ, и дѣтямъ чинятъ утѣсненія и ругательства. — „Надобно, говорили астраханцы, идти на Москву, провѣдать про государя, живъ-ли онъ“. Другіе отвѣчали: „онъ живъ, да въ заточеніи въ Стекольномъ, *) закладенъ въ столбъ, а на Москвѣ не прямой государь“. Въ то время въ Астрахани собиралось много разнаго пришлаго люда со всей Россіи, изъ городовъ и селъ: купцовъ, посадскихъ, рабочихъ, стрѣльцовъ, солдатъ, бѣглыхъ и проч. Пришелъ въ то время въ Астрахань изъ Москвы и стрѣлецкій сынъ, Степанъ, двое дѣтей котораго были казнены въ Москвѣ за бунтъ. По дорогѣ, въ Коломнѣ, онъ зашелъ къ третьему

*) Такъ называли русскіе городъ Стокгольмъ.

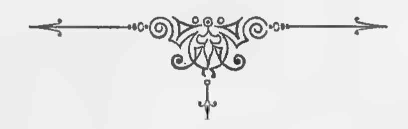
Петръ I въ Нѣмецкой слободѣ.

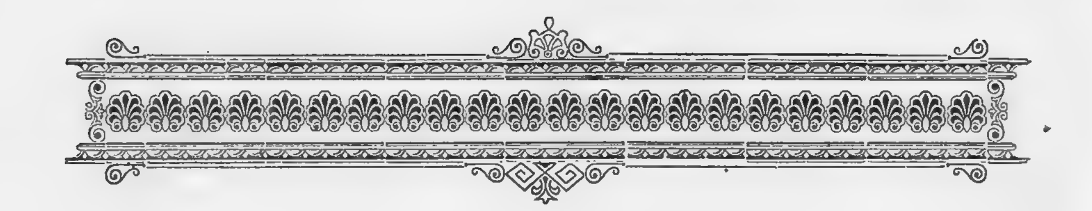
дядѣ, который при прощаніи сказалъ ему: „Сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей смутишь... Кому противъ васъ быть противнымъ? государь бьется со шведомъ, города всѣ пусты... можно старую вѣру утвердить“. Степанъ пришелъ въ Астрахань и сталъ говорить, что „Москвою завладѣли четыре боярина столбовые и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти“. Въ концѣ іюля 1705 года, въ Астрахани на рынкѣ разнеслась новая молва, что запрещено играть свадьбы семь лѣтъ, а всѣхъ дочерей и сестеръ незамужнихъ велѣно будетъ выдавать замужъ за нѣмцевъ, которыхъ пришлютъ изъ Казани. Астраханцы повѣрили и этой выдумкѣ и перепугались. Чтобы не выдавать своихъ дѣвицъ за нѣмцевъ, астраханцы начали поспѣшно выдавать ихъ замужъ за своихъ. Въ одно воскресенье, 29 іюля, было сыграно болѣе ста свадебъ. Разгоряченные виномъ на свадебныхъ пирушкахъ, астраханцы, въ числѣ около 300 человѣкъ, собрались ночью у Никольской церкви, вломились въ Кремль и убили нѣсколько офицеровъ, русскихъ и иноземцевъ, а также жену одного иноземнаго капитана, которая раньше кому-то сказала: „станете и вы въ постъ ѣсть мясо“. На другой день буйство продолжалось. Отыскали воеводу Ржевскаго, на дворѣ за поварнею, въ курятникѣ, привели въ кругъ и убили. Ввели у себя казацкіе порядки и выбрали главнымъ городскимъ старшиною закоренѣлаго старовѣра, ярославскаго купца Носова. Начальники мятежниковъ сейчасъ-же разослали прелестныя граматы терскимъ и донскимъ казакамъ и во многіе города, чтобы поднять ихъ за старину, и писали: „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье и за табакъ“... Между терскими казаками многіе возмутились, однако-жъ на помощь астраханцамъ не пошли. Донскіе казаки отвѣчали, что у нихъ бунта „не будетъ, потому что имъ отъ великаго государя никакого утѣсненія нѣтъ“. Жители Царицына также написали астраханцамъ: „Мы къ вашему союзу пристать не хотимъ... вы къ намъ писали, будто

стали за православную вѣру; и мы, Божіею милостію, въ городѣ Царицынѣ всѣ христіане и никакого раскола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не поклоняемся"... За то Красный и Черный Яръ стали за Астрахань. Красноярцы взбунтовались всѣмъ городомъ, сковали воеводу и отправили его въ Астрахань, гдѣ онъ и былъ убитъ.

Хотя казаки и не пристали къ бунтовщикамъ, но смута могла постепенно разгорѣться и распространиться на Терекъ, Донъ и Волгу. Мѣсто и время для бунта были выбраны самыя опасныя. Государь въ это время находился съ войскомъ въ противоположномъ концѣ Россіи, на западѣ. Для смуты въ юго-восточномъ углу Россіи былъ полный просторъ. Поэтому государь, узнавъ въ Митавѣ объ астраханскомъ бунтѣ, немедленно отправилъ туда фельдмаршала Шереметева съ нѣсколькими полками. Государь писалъ ему: „для Бога, не мѣшкай, какъ обѣщался, и тотчасъ пойди въ Казань". На всякій случай, велѣно было даже вывезти казну и оружіе изъ Москвы и спрятать все въ потаенномъ мѣстѣ, даже пріостановить на время почты. Въ то же время, государь отправилъ въ Астрахань грамату съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей и выслать главныхъ зачинщиковъ въ Москву, чтобы заслужить прощеніе. Астраханцы выбрали изъ среды своей восемь человѣкъ и отправили ихъ въ Москву для поднесенія повинной. Въ Москвѣ бояре разобрали жалобу астраханцевъ, нашли, что въ этомъ дѣлѣ не безъ вины были и астраханскіе начальные люди, а потому просили государя о совершенномъ помилованіи бунтовщиковъ. „И въ насъ не безъ воровъ было", писали бояре царю. Челобитчикамъ дали грамату со всепрощеніемъ. Самъ Петръ написалъ Шереметеву: „Всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать и, взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить"... Но вышло иначе. Оказалось, что въ Астрахани далеко не всѣ жители готовы были къ примиренію. Озлобленный раскольникъ, старшина астраханцевъ, Яковъ Носовъ, под-

товаривалъ мятежниковъ, угрозами и обѣщаніями, къ отчаянной оборонѣ. Онъ говорилъ у себя въ кругу: „Здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру, коли-нибудь намъ всѣмъ умереть будетъ... Вѣдь мы не спроста зачали! Это дѣло великое: есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди, есть у насъ письмо изъ Московскаго государства, отъ столпа отъ сущихъ христіанъ“... Въ другой разъ Носовъ говорилъ въ кругу: „Что вы не образумитесь? вѣдь вы и всѣ пропали; обольстили васъ начальные люди милостію; пропали вы душею и тѣломъ“. При этомъ Носовъ грозилъ астраханцамъ: „на весну и мы къ вамъ будемъ“. Носовъ самъ хотѣлъ добраться до власти, и его всѣ боялись и слушались. Шереметевъ подошелъ съ войскомъ къ Астрахани. На посланное туда письмо о прекращеніи бунта ничего не отвѣчали. Приходилось сражаться съ бунтовщиками. Шереметевъ потерялъ при этой схваткѣ 20 человѣкъ убитыми и 53 ранеными. Но у мятежниковъ, по обыкновенію, храбрость скоро пропала. Какъ только войска дали залпъ, бунтовщики побѣжали, покинувъ пушки и знамена, и заперлись въ Кремлѣ. Кремль былъ взятъ приступомъ. Нѣсколько сотъ участниковъ бунта были также перехвачены и отправлены въ Москву, гдѣ и были казнены. Извѣстіе объ усмиреніи бунта обрадовало Петра. Донскіе казаки за отказъ ихъ участвовать въ бунтѣ были награждены драгоцѣнными войсковыми клейнодами и знаменами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Булавинскій бунтъ.—Башкирскіе грабежи.—Усмиреніе бунта на Дону.—Вѣроломство Августа —Калишская побѣда Меншикова.—Мирныя предложенія Петра и высокомѣрный отвѣтъ Карла.—Вступленіе Карла въ Россію.—Измѣна Мазепы.—Дѣло подъ Лѣснымъ.—Полтавскій бой.

Съ усмиреніемъ астраханскаго бунта, мятежи еще не кончились: напротивъ, это было только начало смутъ. Башкиры принялись грабить и жечь русскія села и деревни. Къ нимъ присоединились сосѣдніе татары. Петръ хотѣлъ затушить этотъ бунтъ лаской и милосердіемъ, но бунтъ все разгорался. Государь, не имѣя возможности, въ виду вступленія въ Россію шведовъ, отдѣлить достаточно войска для усмиренія башкирскаго бунта, далъ позволеніе усмирять бунтовщиковъ всѣмъ желающимъ ради добычи. Но мятежъ все-таки не прекращался. Пришлось и противъ башкиръ отправлять войска и сражаться съ ними. Только съ трудомъ удалось справиться съ „башкирскимъ воровствомъ", при помощи калмыковъ, оставшихся вѣрными государю. Башкиры просили наконецъ помилованія. Но смута ихъ оставила по себѣ слѣды надолго. Было разорено и пожжено до 300 селъ и деревень и перебито и побрано въ плѣнъ болѣе 12.000 человѣкъ.

Еще башкиры не успѣли совсѣмъ успокоиться, какъ запылалъ новый страшный бунтъ на Дону, а также по Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ, гдѣ стояли казачьи „верховые городки“, населенные воровскимъ бѣглымъ людомъ. Государь давно уже добирался до этихъ городковъ, составлявшихъ какъ бы отдѣльную часть государства. Еще раньше онъ потребовалъ отъ донскихъ казаковъ свести „верховые городки“, переписать всѣхъ ихъ жильцовъ и выслать новопришлыхъ людей въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ; указы эти, однако, не были исполнены, напротивъ, бѣглыхъ все больше прибывало и они заводили новые городки. Своевольное населеніе этихъ городковъ заволновалось отъ указовъ Петра. Уже въ 1700 году здѣсь появились довольно многочисленныя шайки разбойниковъ. Казакамъ выгодно было принимать ихъ, потому что чрезъ это усиливалось и размножалось казачество. Въ слѣдующемъ, 1701 году, тутъ начали распускать слухи, что старшій братъ Петра не умеръ, что „царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и живетъ въ Іерусалимѣ“... что „пришелъ нѣкто Авилка изъ Іерусалима и сказывалъ про царя Ивана“. Разсказывали также, что Петръ „не прямой царь“. Отчаянные головорѣзы даже открыто начали говорить: „прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходитъ онъ по Дону въ шлюпкѣ съ малыми людьми“. Даже старики гультяи начали хвастаться: „когда бунтовалъ Разинъ, и мы ходили съ нимъ же, мы еще на старости тряхнемъ!“ Домовитые казаки, однако, не доходили до бунта, сидѣли смирно и даже астраханцамъ, какъ было уже сказано, отказались помогать. Наградивши ихъ за это по-царски, Петръ, однако, повторилъ имъ приказаніе свое о высылкѣ бѣглыхъ людей изъ „верховыхъ городковъ“, тѣмъ болѣе, что въ это время бѣжали туда многіе солдаты изъ арміи Шереметева, при проходѣ его изъ-подъ Астрахани къ Днѣпру. Въ то время, главныя русскія войска встрѣтились на западѣ, у береговъ Днѣпра, со всѣми шведскими силами и готовились къ чрезвычайно важному бою, чтобы окончательно рѣшить вопросъ: быть или

не быть могущественной Россіи; поэтому государство особенно нуждалось въ это время въ работникахъ, въ податныхъ и служилыхъ людяхъ. Между тѣмъ они во множествѣ убѣгали въ „верховые городки“.

Не видя исполненія своего указа о высылкѣ бѣглыхъ, государь, въ 1707 году, отправилъ на Донъ полковника князя Юрія Долгорукаго, съ отрядомъ войска, для отысканія бѣглецовъ и ссылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Казацкіе старшины дали въ провожатые князю Долгорукому пять казаковъ, для указанія ему „верховыхъ городковъ“; но какъ только онъ забрался въ эти городки, въ это время поднялся казацкій атаманъ Кондратій Булавинъ, изъ казацкой станицы на Донцѣ, съ многочисленною набранною имъ шайкою бѣглецовъ, неожиданно напалъ съ нею ночью, въ одномъ городкѣ, на князя Долгорукаго, истребилъ весь его отрядъ и убилъ его самого, а затѣмъ принялся возмущать остальные городки, населенные „гультяями“. Въ всѣхъ этихъ городкахъ Булавина встрѣчали съ радостью, съ хлѣбомъ и медомъ. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ поднять всѣхъ бѣглыхъ, на него напалъ съ донскими казаками казацкій атаманъ Лукьянъ Максимовъ, быстро разбилъ и прогналъ Булавина, а его сотоварищей перевѣшалъ за ноги. Булавинъ бѣжалъ въ низовья Днѣпра къ запорожскимъ казакамъ, но весною 1708 года пришелъ оттуда съ шайкою новыхъ сорванцовъ, и опять началъ возмущать „верховые городки“. Атаманъ Максимовъ снова пошелъ на Булавина съ донскими казаками и съ солдатами, строившими тогда азовскую крѣпость; къ сожалѣнію, часть его азовскихъ солдатъ и казаковъ перешла на сторону гультяевъ, такъ что Булавинъ безъ всякаго труда разбилъ на голову оставшійся незначительный отрядъ Максимова. При этомъ въ руки воровскаго атамана досталось около 8,000 рублей, присланныхъ изъ Москвы на поддержку донскихъ казаковъ. Самъ Максимовъ едва успѣлъ спастись въ Черкасы. Побѣда Булавина разнесла его славу по всему Дону и подняла на ноги населеніе почти всѣхъ „вер-

ховыхъ городковъ“ по рѣкамъ Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ. Даже въ окрестностяхъ Тамбова, въ деревняхъ заволновались крестьяне. Пользуясь этой смутой, Булавинъ составилъ планъ взбунтовать всѣ верховые городки, произвести мятежъ и въ донскомъ казачествѣ, освободить и присоединить къ къ себѣ каторжниковъ изъ тюремъ, предаться за тѣмъ на сторону турецкаго султана и, заручившись его содѣйствіемъ, идти на Азовъ, Таганрогъ и потомъ на Козловъ, Воронежъ, Тулу и даже на самую Москву. Поднимая бунтъ противъ государя, Булавинъ, не смотря на это, въ разсылаемыхъ имъ повсюду прелестныхъ письмахъ своихъ, съ обычнымъ притворствомъ и ханжествомъ, обманно призывалъ всѣхъ сражаться будто-бы „за вѣру и царя“, „стоять со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресвятой Богородицы и за истинную вѣру христіанскую, и за благочестиваго царя, и за свои души и головы“. А въ другихъ граматахъ, напротивъ, прямо призывалъ своевольниковъ къ измѣнѣ государю, говоря: „А если нашъ царь на насъ съ гнѣвомъ поступитъ... и мы войскомъ отъ него отложимся и будемъ милости просить у Всевышняго Творца нашего, Владыки, также и турскаго царя, чтобы турскій царь насъ отъ себя не отринулъ, и потому мы отъ своего государя отложимся, что нашу вѣру въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ отнимаетъ бороды и усы“. Главному турецкому пашѣ, разнымъ турецкимъ мурзамъ и самому султану въ Царьградъ были посланы предательскія письма, въ которыхъ отъ лица Булавина, между прочимъ, говорилось: „По семъ писаніи войсковой атаманъ Кондратій Аѳанасьевъ и все войско Донское у тебя, турецкаго султана, милости прося, и челомъ бью. А нашему государю въ мирномъ состояніи отнюдь не вѣрь, потому что онъ также и на твое величество и на царство готовитъ корабли и каторги, и иныя многія воинскія суда и всякій воинскій снарядъ готовитъ“.

Такимъ образомъ, призывая въ однѣхъ граматахъ „стоять за вѣру и царя“ и приглашая въ другихъ, наоборотъ, отло-

житься отъ царя, Булавинъ въ третьихъ своихъ „прелестныхъ письмахъ“ прямо уже открывалъ мятежникамъ истинную цѣль своего бунта, извѣщая ихъ: „Атаманы молодцы дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто хочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ, Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины самарскія“... Чтобы собрать больше сорванцовъ, Булавинъ похвалялся въ граматахъ: „а мнѣ, Булавину, запорожскіе казаки слово дали и бѣлогородская орда и иныя орды, чтобы быть съ вами за одно... нынѣ на рѣкѣ у насъ казаковъ въ единомъ согласіи тысячъ со сто и больше; а напередъ что будетъ, про то Богъ вѣсть, потому что многіе русскіе люди бѣгутъ къ намъ на Донъ денно и нощно“... Дѣйствительно, вокругъ Булавина собралось безчисленное множество самозванныхъ „вольныхъ казаковъ“, воровъ и разбойниковъ, жителей „верхнихъ городковъ“. Изъ такихъ-то сорванцовъ Булавинъ и составилъ свои многочисленные отряды, подъ начальствомъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, величавшихъ себя атаманами, самыя прозвища которыхъ показываютъ, что это были за люди, какъ напримѣръ: Драный, Голый, Хохлачъ, Строка, и проч. Булавинъ отправилъ ихъ по украинскомъ городкамъ, а самъ бросился на Черкаскъ. Здѣсь взбунтовавшіеся казаки выдали Булавину атамана Максима и съ нимъ другихъ казаковъ, оставшихся вѣрными государю. Имъ отрубили головы.

Государь былъ сильно встревоженъ. Мятежъ всей казацкой вольницы, при незатихшей еще башкирской смутѣ и при вступленіи Карла XII со всѣми шведскими силами въ предѣлы Россіи, могъ сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ для государства. Петръ отправилъ туда съ войскомъ князя Василія Долгорукаго, брата ранѣе убитаго Булавинымъ Юрія Долгорукаго, давъ ему строгій наказъ: „сей огонь за-разъ утушить“, всѣ верховые городки и ихъ жителей истребить „безъ остатку“,

„дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью къ воровству людей; ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть“. Опасаясь отвлеченія русскихъ силъ бунтомъ Булавина отъ военныхъ дѣйствій противъ шведовъ и черезъ то проиграть эту опасную войну, Петръ хотѣлъ даже самъ отправиться на Донъ, чтобы „истребить сей огонь и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ учинить“. Особенно онъ безпокоился за Азовъ и Таганрогъ, эти единственныя въ то время двѣ русскія крѣпости при Азовскомъ морѣ. Петръ писалъ Меншикову: „Того ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ помощію Божіею безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, каково тотъ край намъ неудобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу“.

Однако, князь Василій Долгорукій и другіе царскіе отряды, еще до пріѣзда государя, начали дѣйствовать довольно успѣшно противъ мятежниковъ. Только воровскому атаману Голому удалось напасть на одинъ слободской малороссійскій полкъ, при рѣчкѣ Уразовой, разбить его въ пухъ и убить самаго полковника. Другіе же воровскіе атаманы стали терпѣть неудачи одинъ за другимъ. Хохлачъ, пробиравшійся къ Воронежу для возбужденія бунта, былъ разбитъ на рѣчкѣ Курлакѣ. Атаманъ Драный былъ также разбитъ и убитъ въ битвѣ при рѣкѣ Горѣ, и весь его отрядъ истребленъ. Отрядъ сорванцовъ, посланный Булавинымъ къ Азову, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, былъ тоже отбитъ оттуда съ большимъ урономъ. Эти неудачи сразу охладили мятежниковъ къ Булавину. Противъ него былъ составленъ заговоръ между самими же мятежниками. Товарищъ Булавина, Илья Зерщиковъ, неожиданно напалъ съ заговорщиками-казаками на своего главнаго атамана. Булавинъ, отстрѣливаясь, убѣжалъ въ курень, убилъ оттуда двухъ казаковъ, и, чтобы не отдаться живымъ въ руки своимъ многочисленнымъ врагамъ, застрѣлился въ курени изъ пистолета. Зерщиковъ, избранный атаманомъ, принесъ отъ всего войска повинную государю. Онъ жаловался, что Була-

винъ и его товарищи насильно принуждали къ бунту, многихъ сажали въ воду, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство чинили.. Петръ принялъ отъ казаковъ челобитную, велѣлъ Долгорукому прекратить военныя дѣйствія, занять Черкаскъ и обойтись милостиво съ принесшими повинную.

Между тѣмъ, мятежъ, затихшій на Дону, разгорался съ новою силою въ верховыхъ украинныхъ городкахъ. Воровскіе атаманы: Голый, Хохлачъ, Строка и другіе сорванцы продолжали воровское дѣло Булавина съ безчисленною своевольною голытьбою. Тогда Петръ предоставилъ Долгорукому дѣйствовать крупными мѣрами, по своему усмотрѣнію: „ибо издали", писалъ государь, „такъ нельзя знать, какъ тамъ будучи". Въ это время шайка самозванныхъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Некрасова, бросилась на востокъ, брать Саратовъ, но была отбита калмыками; тѣмъ временемъ князь Долгорукій напалъ на главное гнѣздо этихъ мятежниковъ, Эсауловъ городокъ на Дону, мѣсто постояннаго жительства Некрасова. Всѣ заводчики здѣсь были перехвачены и казнены. Нѣсколько сотъ висѣлицъ, съ повѣшенными на нихъ мятежниками, было поставлено на плотахъ и пущено по Дону, для острастки остальнымъ мятежникамъ. Некрасовъ, съ двухтысячною шайкою, убѣжалъ на Кубань и передался крымскому хану; впослѣдствіи къ нимъ присоединились другіе, недовольные изъ донскихъ раскольничьихъ станицъ, откуда и произошли казаки-некрасовцы, ушедшіе, въ 1778 году, въ Турцію, подъ власть турецкаго султана.

Всѣхъ упорнѣе держался противъ царскихъ войскъ атаманъ Никита Голый. Онъ продолжалъ собирать вокругъ себя новыя шайки оборванцовъ и всюду разсылалъ „прелестныя письма". Въ однихъ изъ этихъ писемъ, Голый, съ обычнымъ ханжествомъ и притворствомъ, призывалъ всѣхъ „стоять за домъ Богородицы" противъ „эллинской вѣры" и нѣмцевъ, въ другихъ-же граматахъ откровенно писалъ: „идите, голытьба, идите со всѣхъ

городовъ, нагіе, босые: будутъ у васъ и кони, и оружіе, и денежное жалованье". Мятежъ длился до глубокой осени. Царскія войска брали верховые городки одинъ за другимъ, разоряли ихъ, разбивали воровскія полчища, забирали въ плѣнъ мятежниковъ, казнили ихъ. Однако, Голый не унывалъ, собралъ послѣднія силы и укрѣпился въ Донецкомъ городкѣ. 26 октября князь Долгорукій взялъ этотъ городокъ, сжегъ его, захваченныхъ истребилъ, но Голый опять убѣжалъ. Долгорукій нагналъ его на Дону у Рѣшетовой станицы. Голый остановился и вступилъ съ царскими войсками въ битву. Въ его шайкѣ оставалось въ это время тысячъ восемь человѣкъ. Всѣ они погибли здѣсь въ битвѣ. До трехъ тысячъ было убито, множество мятежниковъ потонуло въ рѣкѣ, другіе же были взяты въ плѣнъ и казнены. Только Голому удалось опять спастись бѣгствомъ. Тогда всѣ верховые городки были сожжены, а обитатели ихъ, участвовавшіе въ мятежѣ, истреблены, остальные-же переведены въ другія мѣстности, гдѣ они должны были, на ряду съ прочими мирными русскими гражданами, приняться за честный трудъ и аккуратно исполнять свои обязанности и долгъ передъ государствомъ и народомъ.

Такимъ образомъ, подобно старинному своевольному стрѣлецкому войску, окончательно истреблено было и самозванное казачество и главное гнѣздо его—украинные городки, что̀ должно было принести значительное облегченіе государству. Городки эти постоянно оттягивали отъ народа рабочія силы, необходимыя государству, и поглощали значительную часть народнаго благосостоянія, такъ какъ обитатели ихъ существовали исключительно на чужой счетъ, промышляя лишь грабежомъ и разбоемъ. Сюда сходились всѣ тунеядцы и дармоѣды, зараженные распущенностью и недовѣріемъ, служившими непреодолимымъ препятстіемъ къ усовершенствованію и объединенію русской жизни. Городки эти какъ бы представляли изъ себя болѣзненный наростъ, въ которомъ скоплялись всѣ дурные соки государства и который постоянно угрожалъ зараженіемъ

и смутою всему государству. Вырвавъ этотъ наростъ съ корнемъ, Петръ значительно упрочилъ чрезъ это дѣло объединенія и улучшенія русской гражданской жизни.

Въ теченіе всего этого времени продолжались военныя дѣйствія какъ въ Польшѣ, такъ и въ Саксоніи. Съ цѣлью противодѣйствовать Карлу и поддержать своего союзника Августа, Петръ въ 1705 году сосредоточилъ часть своихъ войскъ въ Гродно, отдавъ ихъ подъ начальство Августа, прибывшаго изъ Саксоніи. Но Августъ, узнавъ о движеніи туда же Карла, ушелъ изъ Гродно, покинувъ армію на произволъ судьбы, самъ былъ на голову разбитъ шведами и едва не погубилъ русское войско, которое было окружено самимъ Карломъ. Только недостатокъ продовольствія заставилъ Карла весною 1706 года снять осаду и уйти на Волынь, откуда онъ отправился въ Саксонію, чтобы покончить съ Августомъ. Петръ же для поддержки своего союзника послалъ въ Польшу часть русскаго войска подъ начальствомъ Меншикова, а самъ отправился въ свой „парадизъ“, то-есть рай, какъ онъ называлъ Петербургъ, тогда какъ Карлъ, также оставившій въ Польшѣ сильный отрядъ, двинулся за Августомъ и началъ разорять его нѣмецкія владѣнія.

Августъ, опасаясь за совершенное разореніе Саксоніи, запросилъ у Карла мира, не предупредивъ при этомъ ни Петра, ни Меншикова, посланнаго ему на помощь.

Карлъ XII согласился на миръ съ Августомъ и заключилъ съ нимъ тайный договоръ, по которому Августъ отрекся отъ польской короны и отъ союза съ русскимъ царемъ, и сверхъ того, выдалъ Карлу начальника находившагося въ Саксоніи русскаго отряда, лифляндскаго дворянина Паткуля, котораго Карлъ обвинилъ въ измѣнѣ и немедленно приказалъ казнить чрезъ колесованіе.

Между тѣмъ, Меншиковъ, находясь вмѣстѣ съ Августомъ въ Польшѣ и ничего не зная о заключеніи имъ мира съ Карломъ, вступилъ, 18 октября, у г. Калиша, въ битву съ остав-

шимися въ Польшѣ шведскими войсками, съ которыми было много и поляковъ... Не смотря на это, Меншиковъ разбилъ шведовъ на-голову. Все поле было устлано мертвыми тѣлами. Побѣда эта привела въ изумленіе даже иностранныя правительства; Петръ три дня сряду праздновалъ эту побѣду въ Петербургѣ.

Вскорѣ пришло извѣстіе о заключеніи Августомъ мира съ Карломъ XII и о выдачѣ ему Паткуля... Петръ былъ страшно взбѣшенъ измѣною Августа. Въ то же время, онъ увидѣлъ, что Россія осталась одинокой, безъ союзниковъ. Теперь каждую минуту можно было ожидать, что Карлъ XII, освободившись отъ своего главнаго врага, короля Августа, набросится со всѣми своими силами на Россію. Утвердившись уже на берегахъ Балтійскаго моря и не имѣя болѣе надобности помогать Августу, Петръ считалъ дальнѣйшее кровопролитіе напраснымъ, а главнымъ образомъ опасался разоренія внутри Россіи, гдѣ народъ и безъ того уже сильно страдалъ отъ продолжительной войны. Наконецъ, безъ союзниковъ, Петръ не разсчитывалъ легко добыть успѣхъ надъ самимъ Карломъ. Для этого онъ не считалъ еще себя вполнѣ готовымъ, какъ по состоянію своего войска, въ которомъ онъ находилъ еще много недостатковъ, такъ и въ особенности по недостатку средствъ Россіи, тѣмъ болѣе, что война могла затянуться еще на многіе годы.

Вотъ почему Петръ, оставшись одинъ, безъ союзниковъ, тотчасъ же обратился къ посредничеству иностранныхъ державъ, для примиренія его съ Карломъ. Но иноземныя правительства, отчасти изъ угожденія къ Карлу, а отчасти считая Россію еще страною безсильною и бѣдною, въ дружбѣ которой они, поэтому, не могли нуждаться, — отказались содѣйствовать примиренію.

Тогда Петръ обратился, чрезъ посредство французскаго короля, съ предложеніемъ мира къ самому Карлу, соглашаясь отказаться даже отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Прибалтійскомъ краѣ, за исключеніемъ Петербурга.

Шведскій король былъ въ то время на верху славы и считалъ себя непобѣдимымъ. На предложеніе мира, Карлъ XII отвѣчалъ надменно, говоря, что онъ согласится на миръ только тогда, когда царь возвратитъ ему все завоеванное и, сверхъ того, вознаградитъ его еще за всѣ военныя издержки... Петръ, какъ ни желалъ заключенія мира, но послѣ этого написалъ своему уполномоченному, что „по самой нуждѣ и Нарву шведу уступить, а о Петербургѣ всѣми мѣрами искать удержать его, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ не имѣть“.

Тогда Карлъ началъ отзываться о русскомъ царѣ въ высшей степени дерзко, говоря, что онъ свергнетъ Петра съ престола, подобно Августу, и даже назначилъ на его мѣсто преемника, и хвастался, что онъ въ осадѣ разныхъ русскихъ городовъ терять времени не будетъ, а займетъ прямо Москву, во взятіи которой былъ такъ увѣренъ, что заранѣе назначилъ губернаторомъ ея одного изъ своихъ генераловъ.

Закипѣлъ Петръ негодованіемъ на такую дерзость, и, по своему обыкновенію, принялся готовиться къ встрѣчѣ врага съ изумительною дѣятельностью. Опять посылались во всѣ стороны его собственноручные указы, снова онъ поднялъ на ноги все русское населеніе, велѣлъ немедленно укрѣплять Петербургъ, Москву, Серпуховъ, Можайскъ, Тверь, скорѣе оканчивать укрѣпленія Кіева; всѣ сословія должны были участвовать въ работахъ надъ укрѣпленіями и всѣмъ приказано было быть готовыми къ бою.

Пользуясь отсутствіемъ Карла изъ Польши и тѣмъ обстоятельствомъ, что поляки не признавали назначеннаго имъ новаго короля, Петръ началъ хлопотать о заключеніи союза противъ шведовъ съ польскими вельможами. Но по случаю крайняго разоренія Польши и происходившей въ ней полной неурядицы, Петръ долго не могъ добиться толку отъ поляковъ.

Между тѣмъ Карлъ, покончивъ съ Польшею и Саксоніею, въ августѣ 1707 года двинулся на Россію. Его войско, счи-

тавшееся первымъ во всей Европѣ, имѣло отличный видъ, было обмундировано и вооружено превосходно...

Петръ немедленно собралъ военный совѣтъ изъ генераловъ, на которомъ постановилъ, чтобы въ польскихъ владѣніяхъ отнюдь не вступать съ непріятелемъ въ сраженіе, а всячески беречь русскія войска, осторожно отступать съ ними и заманивать непріятеля къ русскимъ границамъ, стараясь вредить ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Въ то же время Петръ распорядился, чтобы въ предѣлахъ Россіи, гдѣ долженъ былъ проходить непріятель, все населеніе приготовилось къ удаленію въ лѣса и болота, угнало скотъ и спрятало всѣ съѣстные припасы, такъ чтобы шведы нигдѣ не могли найдти никакого продовольствія...

Упрямый и самонадѣянный Карлъ былъ такъ увѣренъ въ превосходствѣ своихъ войскъ надъ русскими, что даже не торопился походомъ въ Россію. Придя изъ Саксоніи въ Польшу, онъ еще четыре осеннихъ мѣсяца простоялъ тамъ на берегахъ Вислы, при чемъ своими поборами и надменнымъ обращеніемъ возбудилъ противъ себя такую ненависть въ полякахъ, что даже сельское населеніе начало нападать на шведовъ. Тогда Карлъ, въ концѣ декабря 1707 года, въ самый разгаръ зимы, двинулся съ войсками изъ Польши въ Литву, къ предѣламъ Россіи, подвергая свое войско и холоду и недостатку продовольствія.

Петръ находился въ это время, проѣздомъ, въ Литвѣ, въ городѣ Гродно. Узнавъ, что въ Гродно самъ царь, Карлъ, съ 800 человѣкъ конницы, неожиданно явился у этого города, думая захватить въ немъ Петра, и, 26 января, безпрепятственно вошелъ въ городъ, изъ котораго Петръ едва успѣлъ уѣхать двумя часами раньше прибытія Карла...

Петръ снова приказалъ своимъ генераламъ продолжать отступленіе, принимая разныя мѣры для сохраненія въ цѣлости войскъ. Самъ царь былъ сильно боленъ въ это время лихорадкою и уѣхалъ для леченія и отдыха въ Петербургъ, при-

казавъ, однако, вездѣ заранѣе выставить для себя подводы, на тотъ случай, когда необходимость потребуетъ немедленнаго возвращенія его къ арміи.

Между тѣмъ, Карлъ, забравшись въ Литву, долженъ былъ бороться съ разными затрудненіями. Наступила весенняя распутица и разливъ рѣкъ, вслѣдствіе чего войска его лишь съ величайшими усиліями могли двигаться дальше, съ трудомъ при этомъ находя себѣ продовольствіе. Поэтому шведы еще цѣлыхъ четыре мѣсяца простояли въ Литвѣ, и только въ іюнѣ 1708 года Карлъ выступилъ къ русской границѣ, на рѣку Березину. Здѣсь уже ждали его русскія войска, подъ начальствомъ Шереметева и Меншикова, зорко охраняя переправу черезъ Березину. 3 іюля, при мѣстечкѣ Головчинѣ, оба враждебныя войска встрѣтились, и произошла жестокая битва. Русскіе дрались храбро и стойко, но по окончаніи боя отступили. Карлъ хвастался этою первою побѣдою надъ русскими, но побѣда эта досталась ему очень дорого.

Пользуясь отступленіемъ русскихъ отъ границы, Карлъ безпрепятственно занялъ городъ Могилевъ на Днѣпрѣ. Но здѣсь онъ окончательно убѣдился, что въ войскахъ его ощущается сильнѣйшій недостатокъ въ военныхъ снарядахъ и съѣстныхъ припасахъ. Куда ни приходили шведы, вездѣ все было пусто, а спрятавшійся народъ, вдобавокъ, стрѣлялъ въ нихъ изъ-за кустовъ и угловъ. Разъ чуть не подстрѣлили самого Карла. Тогда онъ отправилъ приказаніе въ Ригу, своему генералу Левенгаупту, немедленно идти къ нему изъ Лифляндіи съ корпусомъ въ 17.000 человѣкъ, съ продовольственнымъ обозомъ и съ артиллеріею. Простоявъ въ Могилевѣ около мѣсяца и не дождавшись прибытія Левенгаупта, нетерпѣливый Карлъ перешелъ съ своими войсками черезъ Днѣпръ и двинулся съ ними къ рѣкѣ Сожъ.

Положеніе русскихъ было затруднительное, потому что они не знали, куда собственно намѣревается идти Карлъ: на сѣверъ, или на югъ. Появленіе Карла у рѣки Сожа какъ бы

показывало, что онъ намѣревается идти на сѣверъ, въ Смоленскъ. 29 августа русское войско, соскучившись постояннымъ отступленіемъ, встрѣтило наконецъ шведовъ у мѣстечка Добраго, напало на ихъ правое крыло, и опять произошелъ горячій бой. Самъ Петръ, прибывшій въ армію изъ Петербурга, участвовалъ въ этой битвѣ. Русскіе и здѣсь сражались чрезвычайно храбро и, послѣ двухчасоваго боя, сбили шведовъ съ поля, захватили у непріятеля нѣсколько знаменъ и другихъ трофеевъ. Объ этомъ дѣлѣ Петръ писалъ тогда: „Я, какъ почалъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!)“.

Однако, осторожный Петръ не вводилъ въ дѣло всѣхъ своихъ войскъ, и снова отступилъ. Шведы торжествовали новую побѣду, и двинулись вслѣдъ за русскими; произошла еще одна стычка, послѣ чего шведы остановились. Карлъ намѣревался подождать здѣсь прибытія войскъ генерала Левенгаупта, который былъ уже недалеко, и вмѣстѣ съ нимъ напасть на русскихъ. Но 14 сентября Карлъ, не дождавшись соединенія съ Левенгауптомъ, внезапно повернулъ назадъ, на югъ, и направился въ Малороссію.

Къ этому неожиданному движенію побудило Карла полученное имъ тайное извѣстіе отъ малороссійскаго казацкаго гетмана Мазепы, неожиданно измѣнившаго Петру и передавшагося на сторону шведскаго короля.

Гетманъ Мазепа былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ людей у Петра. Царь любилъ его и надѣлялъ его богатствами и отличіями. Мазепа притворялся вполнѣ преданнымъ царю, и даже самъ выдавалъ тѣхъ, которые дѣлали ему раньше предложенія объ измѣнѣ. Поэтому Петръ не повѣрилъ слухамъ объ измѣнѣ Мазепы даже тогда, когда явился въ Москву съ подробнымъ доносомъ на Мазепу казацкій полковникъ Искра, посланный малороссійскимъ генеральнымъ судьею, Кочубеемъ, который находился въ личной враждѣ съ Мазепой, соблазнившимъ его дочь, а потому Петръ приписалъ доносъ

Кочубея его враждѣ къ Мазепѣ, и даже отправилъ Искру и Кочубея къ гетману, для допроса. Мазепа пыталъ ихъ и казнилъ. Между тѣмъ, хитрый гетманъ разсчиталъ, что Петръ, оставшись одинъ, безъ союзниковъ, не можетъ бороться съ непобѣдимымъ Карломъ, и что Карлъ не только отниметъ у него всѣ завоеванія, но и коренными русскими землями будетъ распоряжаться по-своему. Поэтому Мазепа рѣшилъ, что если онъ заранѣе перейдетъ на сторону Карла, то послѣдній, побѣдивши Петра, отдастъ ему всю Малороссію въ полное обладаніе. При этомъ Мазепа надѣялся, что и всѣ малороссійскіе казаки и народъ послѣдуютъ за нимъ. Къ этому усердно подговаривалъ Мазепу и самъ Карлъ, дѣлавшій ему не разъ чрезъ поляковъ соблазнительныя предложенія. Но Мазепа выжидалъ удобнаго случая. Разъ его письмоводитель Орликъ замѣтилъ ему: „если побѣда будетъ при шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ счастливы, а ежели при Петрѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ“. Мазепа отвѣчалъ: „Яица курицу не учатъ! Или я дуракъ, прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды!“

Недолго, однако, Мазепѣ пришлось притворяться. Хотя самъ Петръ продолжалъ вполнѣ довѣрять ему, но не даромъ царь высоко цѣнилъ ловкость и умъ своего любимца Меншикова. Этого генерала начало безпокоить то обстоятельство, что Мазепа не являлся къ Петру, который звалъ его къ себѣ: Мазепа ссылался на свою старость и болѣзнь. Меншиковъ отъ себя уже, не разъ, повторилъ Мазепѣ приглашеніе явиться къ главному русскому войску. Мазепа испугался, думая, что догадались объ его измѣнѣ и нарочно заманиваютъ его къ войску. Онъ отвѣчалъ, что боленъ тяжкой, смертельной болѣзнію и ѣдетъ изъ столицы гетманской, города Батурина, въ Борзну собороваться масломъ. Въ то же время Мазепа сообщилъ Карлу, что согласенъ на его предложеніе предаться ему и просилъ его отнять Малороссію у Петра. Карлъ и поспѣшилъ въ Малороссію, надѣясь тамъ присоеди-

нить къ своей арміи все казацкое войско и найдти въ избыткѣ воинскіе снаряды и съѣстные припасы, какъ это заранѣе обѣщалъ ему гетманъ.

Но Мазена не ожидалъ, что Карлъ такъ легковѣренъ и безразсуденъ. Узнавъ о его походѣ въ Малороссію, Мазепа съ горечью воскликнулъ: „Дьяволъ его сюда несетъ! Всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель!“ Между тѣмъ, извѣстіе о мнимой опасной болѣзни Мазепы привело Меншикова въ сильное сомнѣніе. Онъ захотѣлъ самолично удостовѣриться въ этомъ и поспѣшилъ въ Малороссію для личнаго свиданія съ Мазепою. Узнавъ о приближеніи Меншикова, Мазепа поневолѣ уже долженъ былъ думать о своемъ спасеніи и бѣжалъ въ шведскій лагерь. Съ нимъ было нѣсколько казацкихъ старшинъ, четыре казацкихъ полковника и небольшой отрядъ казаковъ. Но даже тѣ, которые пошли за нимъ, когда узнали, куда онъ ихъ ведетъ, стали постепенно уходить отъ него...

Между тѣмъ Петръ, ничего не зная объ измѣнѣ Мазепы и о причинѣ неожиданнаго движенія Карла въ Малороссію, не пошелъ туда за нимъ, а, получивъ извѣстіе о приближеніи изъ Лифляндіи шведскаго генерала Левенгаупта, вознамѣрился воспользоваться уходомъ Карла и обратить всѣ свои силы противъ Левенгаупта. Въ это время отрядъ Левенгаупта былъ отдѣленъ отъ главной шведской арміи двумя рѣками, Днѣпромъ и Сожемъ, между которыми стояли русскія войска. 27 сентября, при деревнѣ Лѣсной, русскіе настигли Левенгаупта, шедшаго болѣе чѣмъ съ 17-титысячнымъ корпусомъ. 28-го сентября, въ часъ пополудни, русское войско, подъ предводительствомъ Меншикова и въ присутствіи самого Петра, вступило со шведами въ кровавый бой, продолжавшійся весь день. Ночью шведы были разбиты на голову, не смотря на ихъ численный перевѣсъ. До 8.000 шведовъ было убито, около 3.000 взято въ плѣнъ съ пушками и знаменами. Изъ 17-титы-

сячнаго войска Левенгауптъ успѣлъ привести къ Карлу только 6.700 человѣкъ, и то безъ обоза и безъ артиллеріи.

Побѣда эта имѣла огромное значеніе. Благодаря ей, Карлъ не получилъ ни войска, ни запасовъ, которыхъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Съ другой стороны, пораженіе шведовъ при Лѣсной лишило ихъ прежней увѣренности въ своей непобѣдимости; русскіе же, напротивъ, ободрились и увидѣли, что могутъ теперь даже въ меньшемъ числѣ побѣждать шведовъ. Не даромъ Петръ называлъ битву при Лѣсной „матерью Полтавской побѣды“.

Продолжая, послѣ этого, наблюдать за движеніемъ Карла и слѣдуя за его войсками, Петръ, ничего еще не подозрѣвавшій, 24 октября, будучи въ мѣстечкѣ Погребкахъ, вдругъ получилъ извѣстіе объ измѣнѣ Мазепы. Меншиковъ, отправившійся для личнаго свиданія съ Мазепою, узналъ еще на дорогѣ объ его бѣгствѣ къ шведскій лагерь и тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Петру. Царь поручилъ ему немедленно занять столицу гетманскую, городъ Батуринъ, въ которомъ засѣли приверженцы Мазепы и гдѣ хранилась богатая гетманская казна, большіе запасы артиллеріи и аммуниціи и огромные склады продовольствія, приготовленные Мазепою для Карла.

Меншиковъ быстро взялъ Батуринъ штурмомъ, сжегъ его и овладѣлъ всѣми его несмѣтными богатствами.

Вслѣдъ затѣмъ, въ городѣ Глуховѣ состоялось избраніе новаго гетмана, на мѣсто Мазепы. Мазепа же былъ преданъ проклятію.

Между тѣмъ, Карлъ шелъ въ Украйну съ большими надеждами. Онъ разсчитывалъ получить тамъ отъ Мазепы большіе запасы продовольствія и снарядовъ и присоединить къ себѣ все казацкое войско. Но вмѣсто этого, къ Карлу явился одинъ Мазепа, съ немногими лишь приверженцами, успѣвъ предоставить шведамъ только незначительные склады продовольствія, собранные имъ въ незанятыхъ еще русскими городахъ—Ромнахъ и Гадячѣ.

Малороссійскій же народъ встрѣтилъ шведовъ съ недовѣріемъ и ненавистью. Куда ни приходилъ Карлъ, нигдѣ онъ не находилъ ни жителей, ни продовольствія. Къ довершенію бѣдственнаго положенія шведовъ, наступила такая жестокая зима, какой не помнили въ Малороссіи дѣды и прадѣды. Птицы мерзли на лету; шведскіе воины сотнями отмораживали себѣ руки и ноги. Со времени вступленія Карла въ предѣлы Россіи, онъ потерялъ въ стычкахъ съ русскими, а также отъ холода, голода и болѣзней, уже до 30.000 человѣкъ. Русскіе же терпѣли меньше шведовъ, такъ какъ были одѣты теплѣе и меньше нуждались въ продовольствіи.

Петръ все откладывалъ генеральное сраженіе, чтобъ выиграть время и приготовиться къ битвѣ, какъ слѣдуетъ. Петръ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью, потому что дѣло шло не только о сохраненіи сдѣланныхъ имъ завоеваній, но и о защитѣ коренныхъ русскихъ земель, внутри Россіи. Поэтому всю зиму русскіе избѣгали сраженія, имѣя лишь незначительныя стычки со шведами, хотя подчасъ и кровопролитныя.

Въ январѣ 1709 года, Петръ получилъ извѣстіе, что Карлъ возбуждаетъ турокъ идти на Россію. Немедленно Петръ поскакалъ въ Воронежъ, торопить постройку кораблей, на случай войны съ Турціей. Тамъ Петръ собственноручно работалъ, вмѣстѣ съ мастеровыми, и весною, со вскрытіемъ рѣкъ, спустилъ новопостроенные корабли на воду. Не смотря на приключившуюся съ нимъ въ это время болѣзнь, Петръ самъ отправился съ кораблями внизъ по Дону, посѣтилъ Азовъ и его укрѣпленія и нѣсколько разъ производилъ маневры на морѣ. Турки, однако, не думали показываться. Убѣдившись въ отсутствіи всякой опасности со стороны Турціи, Петръ, въ концѣ мая, отправился снова въ Малороссію и 4-го іюня прибылъ къ войскамъ.

Между тѣмъ, шведы, терпя зимній холодъ и крайнюю нужду во всемъ, не знали, что имъ предпринять. Карлъ, наконецъ, и самъ начиналъ понимать опасность своего положенія и не

разъ говорилъ: „Вижу, что мы научили москвитянъ воевать!..“ Генералы совѣтовали ему отступить въ Польшу; но гордому Карлу, избалованному побѣдами, стыдно было начать отступленіе. Въ апрѣлѣ онъ рѣшился, наконецъ, осадить и взять городъ Полтаву, въ которомъ были сложены главные русскіе запасы продовольствія. Въ Полтавѣ находился въ это время незначительный русскій отрядъ, состоявшій всего изъ 4.000 войска и 2.500 вооруженныхъ мѣщанъ, подъ командою весьма храбраго полковника Келина, котораго выбралъ на это мѣсто самъ Петръ. Шведы окружили и осадили Полтаву и ея укрѣпленія. Но Келинъ рѣшился лучше погибнуть, нежели сдаться врагу. Онъ не только отвергъ всѣ предложенія Карла о сдачѣ, но началъ самъ дѣлать вылазки и часто наносилъ уронъ непріятелю. Шведы ослабѣли и упали духомъ, продолжая безполезно осаждать Полтаву.

Петръ, явившись изъ-подъ Азова къ своему войску, расположенному неподалеку отъ Полтавы и отдѣленному отъ шведовъ рѣкою Ворсклою, немедленно извѣстилъ полковника Келина о своемъ прибытіи письмомъ, брошеннымъ черезъ непріятельскія линіи въ пустой бомбѣ. На это осажденные дали знать, что у нихъ уже почти нѣтъ пороху и что они долго держаться не могутъ. Петръ собралъ военный совѣтъ, на которомъ былъ рѣшено, что другого способа къ выручкѣ города нѣтъ, какъ дать наконецъ шведамъ генеральное сраженіе, котораго до сихъ поръ избѣгалъ Петръ, считая его дѣломъ опаснымъ.

20 іюня русскія войска переправились черезъ рѣку Ворсклу и, выбравъ удобное мѣсто, расположились на немъ, вблизи шведовъ, лагеремъ, который начали укрѣплять шанцами. Предвидя, вслѣдствіе этого движенія русскихъ, необходимость снятія осады съ Полтавы, Карлъ попытался въ послѣдній разъ взять этотъ городъ приступомъ, но полковникъ Келинъ снова храбро отбилъ шведовъ, нанеся имъ при этомъ большой уронъ.

Скоро Петръ узналъ, что Карлъ, наткнувшись въ ночной развѣдкѣ на казаковъ, былъ тяжело раненъ въ ногу. Шведскіе генералы снова совѣтовали ему отступить въ Польшу. Но Карлъ съ дерзкою самонадѣянностью отвѣчалъ: „Еслибы самъ Богъ послалъ ангела своего съ повелѣніемъ отступить, то я и тогда не отступилъ-бы“.

Готовясь къ рѣшительному сраженію, Петръ все откладывалъ его со дня на день, выжидая прибытія 20.000 калмыцкаго войска. Карлъ провѣдалъ объ этомъ, и чтобы предупредить столь значительное усиленіе русскаго войска, 27-го іюня, на разсвѣтѣ, приказалъ самъ двинуть свои войска въ битву. Такимъ образомъ, рѣшительное сраженіе началось раньше, чѣмъ ожидалъ Петръ.

Шведскою арміею предводительствовалъ въ этотъ разъ генералъ Реншильдъ. Самъ Карлъ, не смотря на полученную имъ тяжкую рану въ ногу, пожелалъ распоряжаться непосредственно всѣмъ ходомъ сраженія, и для этого велѣлъ возить себя въ качалкѣ, запряженной двумя лошадьми. Всею русскою арміею командовалъ фельдмаршалъ Шереметевъ. Петръ участвовалъ въ сраженіи въ чинѣ полковника, но на дѣлѣ тоже распоряжался всѣмъ ходомъ сраженія.

Шведскій король располагалъ въ это время 30.000 человѣкъ войска; орудій у него было много, но, по недостатку пороха, онъ взялъ съ собою въ сраженіе только 4 пушки; остальную артиллерію онъ оставилъ въ укрѣпленіяхъ подъ Полтавой, подъ охраною самого Мазепы.

У Петра было около 50.000 войска и 72 орудія. Не зная точно числа силъ непріятеля и опасаясь неблагопріятнаго исхода битвы, Петръ ввелъ въ сраженіе тоже около 30.000 человѣкъ, а остальныя были оставлены на всякій случай въ резервѣ, за укрѣпленіями.

Битва началась нападеніемъ шведовъ, на разсвѣтѣ, на русскую конницу, при чемъ шведы успѣли овладѣть двумя нашими, еще неоконченными передовыми редутами. Русская конница

отступила. Между тѣмъ, войска русскія успѣли уже стать въ укрѣпленномъ лагерѣ въ боевой порядокъ, и вскорѣ сраженіе началось по всей линіи. Шведы, видя неуспѣшность своихъ дѣйствій противъ остальныхъ передовыхъ редутовъ, бросились между ними для преслѣдованія нашей конницы, въ направленіи къ главному русскому укрѣпленному лагерю. Но здѣсь русскія орудія встрѣтили шведовъ сильнѣйшимъ продольнымъ огнемъ на близкомъ разстояніи, такъ что шведы въ безпорядкѣ отступили къ лѣсу, при чемъ правое крыло ихъ отстало и бросилось къ сторонѣ Полтавы. Быстро замѣтивъ это ошибочное движеніе непріятеля, Петръ сейчасъ-же направилъ къ Полтавѣ отрядъ изъ пѣхоты и кавалеріи, подъ начальствомъ Меншикова. Меншиковъ загналъ непріятельское правое крыло въ шведскія укрѣпленія подъ Полтавой, окружилъ его тамъ и взялъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ остававшимся тамъ небольшимъ шведскимъ отрядомъ. Только незначительная часть шведовъ успѣла бѣжать отсюда, вмѣстѣ съ артиллеріею и самимъ Мазепою, внизъ по Ворсклѣ, къ Переволочнѣ.

Между тѣмъ, Карлъ снова собралъ разстроенныя войска свои и построилъ ихъ въ боевой порядокъ. Рѣшившись на отчаянную атаку русскаго лагеря, Карлъ, съ цѣлью возвысить духъ своихъ воиновъ, объѣзжалъ въ качалкѣ ряды ихъ, напоминалъ имъ побѣды, одержанныя ими, и самоувѣренно приглашалъ ихъ сегодня-же пировать съ нимъ во взятыхъ шатрахъ царя Московскаго.

Замѣтивъ намѣреніе шведовъ рѣшительно атаковать нашъ лагерь, Петръ, въ шесть часовъ утра, тоже вывелъ войска свои изъ укрѣпленій и поставилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ, впереди укрѣпленій, въ открытомъ полѣ. Готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ со шведами, Петръ велѣлъ прочитать своимъ войскамъ воззваніе, въ которомъ великій царь изрекъ слѣдующія достопамятныя слова: „Воины! говорилъ Петръ: пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества... Вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное, за отечество... А о Петрѣ вѣ-

дайте, что ему жизнь не дорога, жила-бы только Россія въ славѣ и благоденствіи!“ Вслѣдъ за прочтеніемъ этого замѣчательнаго воззванія, явился передъ полками самъ Петръ, въ простомъ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, въ треугольной шляпѣ, на бойкомъ свѣтло-гнѣдомъ конѣ. Онъ объѣзжалъ ряды войскъ и ободрялъ солдатъ. „Порадѣйте, товарищи! — говорилъ онъ имъ своимъ громовымъ голосомъ: вѣра и отечество ждутъ этого отъ васъ!“ Радостное и громкое „ура“ повсюду сопровождало эти слова царя.

Въ девять часовъ утра шведы первые двинулись впередъ. Петръ повелъ имъ свои войска на встрѣчу. Обѣ стороны сошлись — и грянулъ отчаянный Полтавскій бой! Русскіе и шведы дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ и храбростью. Петръ лично участвовалъ въ битвѣ, не щадя своей жизни, постоянно одушевлялъ свои войска, появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Пули сыпались на него градомъ. Одна пуля прострѣлила ему шляпу, другая пробила подъ нимъ сѣдло, третья попала ему въ грудь, но отскочила, ударившись о золотой крестъ, висѣвшій у него на груди.

Шведскій король также не щадилъ себя. Онъ всюду являлся самъ и ободрялъ своихъ воиновъ. Окружавшіе его тѣлохранители были всѣ перебиты. Пушечнымъ ядромъ вскорѣ убило обѣихъ лошадей, которыя везли раненаго короля въ качалкѣ. Тогда Карлъ приказалъ носить себя по рядамъ въ носилкахъ. Одно ядро ударило въ самыя носилки, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Въ шведскомъ войскѣ открылось всеобщее смятеніе. Быстро придя въ чувство, король велѣлъ посадить себя на перекрещенныя пики и поднять, чтобы всѣ видѣли, что онъ живъ. Но въ это время, шведскія войска, поражаемыя нашею многочисленною артиллеріею и охваченныя съ фланговъ конницею, были обращены уже въ бѣгство. Увидѣвъ, что всѣ бѣгутъ, Карлъ въ отчаяніи закричалъ: „Шведы! шведы!“... Но, по выраженію Петра, „непобѣдимые господа шведы хребетъ показали“, такъ что никто уже не могъ остановить ихъ.

Вслѣдъ за бѣгущими, пересѣвъ на лошадь, пустился и самъ Карлъ, но подъ нимъ убили и эту лошадь, и онъ поскакалъ въ повозкѣ. Опередивъ свои войска, Карлъ поручилъ спасать ихъ своему генералу Левенгаупту, а самъ помчался впередъ. Шведы оставили на мѣстѣ битвы болѣе 9.000 убитыми и около 3.000 плѣнными. Въ числѣ плѣнныхъ находился самъ главнокомандующій шведскою арміею, фельдмаршалъ Реншильдъ, а также первый министръ короля графъ Теннеръ и четыре генерала.

Давъ немного отдохнуть своимъ войскамъ, Петръ, въ 5 часовъ вечера, отправилъ въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ отрядъ, подъ начальствомъ князя Голицына, въ числѣ 9.000 человѣкъ, изъ кавалеріи и пѣхоты, посаженной на лошадей.

Въ то же время, Петръ послалъ собственноручный приказъ въ Польшу, начальнику стоящаго тамъ русскаго отряда, съ приказаніемъ не пропускать Карла въ Польшу, къ остававшимся тамъ его войскамъ, ни въ Турцію, куда тоже могъ бѣжать Карлъ, и для этого выслать изъ Польши на всѣ ведущія туда дороги легкую кавалерію. Вмѣстѣ съ этимъ, неутомимый Петръ написалъ собственноручное поздравленіе съ побѣдою въ Москву, своей супругѣ, царевичу, разнымъ вельможамъ, а также губернаторамъ и иностраннымъ посламъ.

На другой день, въ 4 часа утра, Петръ опять уже былъ на ногахъ и тотчасъ же отправилъ генерала Меншикова для общаго начальствованія надъ отрядомъ, посланнымъ въ погоню за непріятелемъ, давъ ему на этотъ разъ уже подробныя предписанія и уполномочіе.

Шведы, съ самимъ Карломъ во главѣ, бѣжали внизъ по Ворсклѣ къ Днѣпру, куда бѣжалъ и Мазепа. Достигнувъ Днѣпра у Переволочны, шведы съ ужасомъ увидѣли, что войску не на чемъ переправляться черезъ Днѣпръ. Все населеніе разбѣжалось. Съ трудомъ нашли двѣ лодки, связали ихъ вмѣстѣ, поставили на нихъ повозку короля, и такимъ образомъ переправили Карла, уже ночью, на другой берегъ. Нашлась лодка

и для Мазепы и нѣкоторыхъ его приверженцевъ. Войска же, въ числѣ 16.000 человѣкъ, съ генераломъ Левенгауптомъ во главѣ, столпились подъ высотами праваго берега Днѣпра, при сліяніи его съ Ворсклою, и не знали, что предпринять. Солдаты, пытавшіеся переправиться черезъ Днѣпръ, вслѣдъ за своимъ королемъ, вплавь, большею частію потонули. Тогда генералъ Левенгауптъ рѣшился для переправы войска построить мостъ черезъ Ворсклу. Но въ это время на высотахъ праваго берега Днѣпра показался русскій отрядъ генерала Меншикова. Не имѣя ни пороху, ни снарядовъ, и совершенно упавъ духомъ, шведское войско сдалось въ плѣнъ вдвое слабѣйшему русскому отряду.

Узнавъ о плѣненіи всей шведской арміи, Петръ немедленно отправилъ два драгунскихъ полка, подъ начальствомъ генерала Волконскаго, въ погоню за Карломъ и Мазепою. Карлъ съ нѣсколькими генералами, съ Мазепою и его приверженцами, скакалъ черезъ степь на татарскихъ телѣгахъ. При переправѣ черезъ рѣку Бугъ, ихъ настигъ отрядъ Волконскаго и захватилъ въ плѣнъ нѣсколькихъ шведовъ и приверженцевъ Мазепы; но самому Карлу и Мазепѣ удалось добраться до Очакова и оттуда спастись въ Турцію.

Такимъ образомъ, изъ всей славной шведской арміи, закаленной въ бояхъ и много лѣтъ побѣдоносно сражавшейся въ Европѣ, послѣ Полтавскаго сраженія удалось спастись одному только главному ея предводителю, королю Карлу. Побѣда русскихъ была неслыханная. Кромѣ всей непріятельской арміи, русскіе взяли 32 орудія и 264 знамени; даже качалка Карла досталась русскимъ... Словомъ, отъ грозной шведской арміи, намѣревавшейся покорить всю Россію, послѣ одного дня сраженія не осталось и слѣда! Русскіе же потеряли въ этой битвѣ лишь 1.300 убитыми и около 3.000 ранеными.

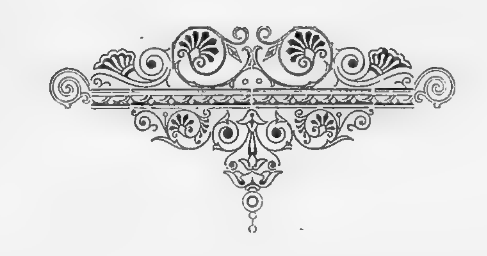
Петръ торжествовалъ. Посѣтивъ тотчасъ же послѣ битвы русскихъ раненыхъ и утѣшивъ каждаго изъ нихъ своимъ милостивымъ вниманіемъ и заботливымъ распоряженіемъ объ ихъ излеченіи, Петръ приказалъ, затѣмъ, построить храбрыя вой-

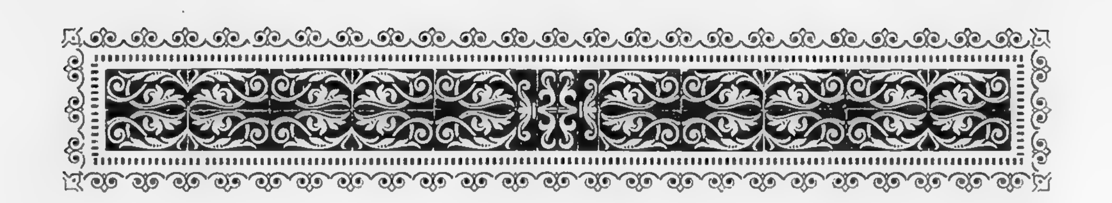
ска свои на полѣ битвы и поставить предъ ними походную церковь, въ которой немедленно совершено было торжественное молебствіе, при громѣ пушекъ и ружей. Конца не было радостнымъ кликамъ солдатъ, когда Петръ, усталый отъ трудовъ и волненій, возвращался на конѣ къ своей палаткѣ. Онъ весело кланялся солдатамъ, махая своею шляпою, и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Вслѣдъ затѣмъ, по распоряженію Петра, войска угощены были обильнымъ столомъ. Здѣсь, при постоянной пальбѣ изъ пушекъ, побѣдители праздновали свою неслыханную побѣду. Упоенный радостію, Петръ забылъ месть къ врагамъ и приказалъ позвать къ столу въ свою палатку плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. Онъ возвратилъ имъ шпаги, обласкалъ ихъ, и сказалъ: „Вчера братъ мой, король Карлъ просилъ васъ въ этотъ день на обѣдъ въ шатры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего королевскаго слова, но мы это выполнимъ за него: я приглашаю васъ со мною откушать". Посреди пира, Петръ вдругъ поднялся со стула съ кубкомъ въ рукѣ и провозгласилъ: «Пью за здоровье учителей нашихъ въ ратномъ дѣлѣ!" „Кто же эти учителя?"—спросилъ плѣнный фельдмаршалъ Реншильдъ. „Вы, господа шведы!" отвѣтилъ Петръ...—«Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!"—промолвилъ печально фельдмаршалъ, и выпилъ заздравный кубокъ.

До какой степени измѣнился взглядъ государей западной Европы на Россію и Петра, можно судить по тому, что когда до Полтавской битвы былъ затронутъ вопросъ о бракѣ сына Петра, царевича Алексѣя, съ княжной маленькаго нѣмецкаго государства Вольфенбютель, то посланникъ этого князя писалъ: „Едва-ли царю будетъ возможно занять видное мѣсто въ Европѣ, такъ какъ Швеція никогда не рѣшится отказаться отъ Прибалтійскаго края въ пользу Россіи и такъ какъ Польша, Голландія и Англія никогда не допустятъ развитія силъ Россіи на морѣ". А тотчасъ же послѣ Полтавской битвы въ томъ же маленькомъ княжествѣ пришли въ восторгъ при мысли о сближеніи съ Россіею и въ самое короткое время за-

ключили брачный договоръ. Повсюду положеніе русскихъ посланниковъ тотчасъ же измѣнилось къ лучшему, а царя, при его путешествіи, вездѣ встрѣчали съ торжествомъ, поздравленіями и ласками.

Когда Петръ послѣ Полтавы выѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ Польшу, то на пути въ Люблинѣ его встрѣтилъ камергеръ короля Августа съ поздравленіемъ отъ имени короля и приглашеніемъ на свиданіе съ королемъ въ Торнъ. Даже въ Пруссіи къ царю пріѣхалъ камергеръ прусскаго короля съ поздравленіемъ и приглашеніемъ на свиданіе. Въ Варшавѣ польскіе сенаторы поздравляли его съ побѣдою и благодарили за то, что онъ этою побѣдою возвратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность. Поставленный же Карломъ королемъ польскимъ — Лещинскій бѣжалъ въ Померанію.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Слѣдствія Полтавской побѣды.—Завоеваніе Риги, Выборга, Кексгольма и южнаго берега Балтійскаго моря.—Интриги Карла XII въ Турціи.—Война съ Турціею. — Несчастный Прутскій походъ. — Приключенія Карла въ Турціи.

На другой день послѣ Полтавской битвы, утромъ, Петръ приказалъ въ своемъ присутствіи похоронить убитыхъ русскихъ воиновъ. При отпѣваніи, онъ самъ пѣлъ съ пѣвчими, собственноручно засыпалъ могилу землею и на насыпанномъ холмѣ своими же руками поставилъ крестъ. Тогда же Петръ издалъ указъ о ежегодномъ поминовеніи въ этотъ день (27 іюня, въ день Самсонія) памяти убитыхъ подъ Полтавой русскихъ воиновъ.

По окончаніи погребенія убитыхъ, Петръ совершилъ торжественный въѣздъ въ Полтаву. Увидавъ здѣсь полковника Келина, храбраго защитника Полтавы, царь сошелъ съ лошади, снялъ шляпу, обнялъ храбраго воина и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ голову, говоря: „Почтенная голова, совершившая преславный подвигъ; надежда моя не обманула меня“.

Всѣ участники битвы были щедро награждены: орденами, высшими чинами, золотыми царскими портретами, а солдаты— и деньгами, Меншиковъ былъ награжденъ чиномъ фельдмаршала. Самъ Петръ, главный виновникъ побѣды, получавшій военные чины только за дѣйствительную службу и числившійся до сихъ поръ лишь полковникомъ, былъ награжденъ теперь,

по желанію всего войска, чиномъ генералъ-лейтенанта и вице-адмирала.

Между тѣмъ, въ Москвѣ, по полученіи извѣстія о Полтавской побѣдѣ, праздновали эту побѣду какъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. На радостяхъ, восемь дней сряду звонили въ колокола, даже женщинамъ дозволено было звонить, безъ устали палили изъ пушекъ, на улицахъ кормили и поили народъ, угощали вмѣстѣ съ тѣмъ и шведскихъ плѣнниковъ, по вечерамъ зажигали потѣшные огни.

Дѣйствительно, было что праздновать! Подъ Полтавой была совершенно уничтожена шведская армія, грозившая страшной опасностью Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда кончилось и могущество, враждебной русскимъ, шведской державы, разоренной войною и лишившейся лучшихъ своихъ войскъ. Россію же Полтавская побѣда укрѣпила и возвысила и впервые прославила побѣдоносную русскую армію. Теперь всѣ завоеванія, сдѣланныя Петромъ на берегу Балтійскаго моря, Швеція не могла уже отнять у Россіи, такъ что Петръ вскорѣ послѣ Полтавской побѣды рѣшился окончательно перевести столицу Россіи изъ Москвы въ Петербургъ, поближе къ добытому имъ морю. Подъ Полтавой же было разрушено и исконное предубѣжденіе иностранныхъ державъ относительно бѣдности и безсилія Россіи. Полтавская побѣда, одержанная надъ лучшею европейскою арміею, въ глазахъ всей Европы показала, что Россія уже въ состояніи по своимъ силамъ и средствамъ бороться съ любою европейскою державою. Въ глазахъ иностранныхъ правительствъ Россія сразу стала могущественнымъ государствомъ, равнымъ имъ по военному образованію. Теперь всѣ державы спѣшили поздравить Петра съ неслыханною побѣдою, предлагали ему заключеніе союзовъ, старались посредствомъ заключенія браковъ войти въ родство съ могущественнымъ русскимъ царскимъ домомъ; англійская королева назвала тогда Петра въ первый разъ „Императоромъ“. Словомъ, благодаря Полтавской побѣдѣ, Россія сразу заняла по-

четное положеніе среди западно-европейскихъ государствъ, съ правомъ сильнаго голоса. Недаромъ Петръ называлъ Полтавскую побѣду „началомъ нашего спасенія“, „русскимъ воскресеньемъ“.

Петръ спѣшилъ воспользоваться всѣми благопріятными послѣдствіями Полтавской побѣды. Пользуясь разгромомъ главныхъ шведскихъ силъ, онъ рѣшился, прежде всего, дѣятельно продолжать войну со Швеціей, съ цѣлью довершить начатыя имъ завоеванія на берегахъ Балтійскаго моря. Съ этою цѣлью, Петръ прямо изъ-подъ Полтавы отправился съ Меншиковымъ за границу, гдѣ снова видѣлся съ польскимъ и прусскимъ королями, принималъ отъ нихъ поздравленія съ побѣдою и заключилъ съ ними, а также и съ Даніей, союзъ противъ Швеціи. Изъ-за границы Петръ отправился прямо подъ Ригу, гдѣ стоялъ уже Шереметевъ съ 40-тысячнымъ войскомъ. Петръ подступилъ съ войсками къ Ригѣ и 14-го ноября собственноручно пустилъ въ городъ первыя три бомбы. Онъ припомнилъ при этомъ нанесенное ему въ Ригѣ, 12 лѣтъ назадъ, оскорбленіе и, бросивъ теперь туда первыя бомбы, написалъ Меншикову: „тако Господь Богъ сподобилъ намъ видѣть начало отмщенія сему проклятому мѣсту“. Приказавъ осадить и взять Ригу, Петръ отправился въ Петербургъ, гдѣ основалъ церковь св. Самсонія, въ память Полтавской побѣды, а затѣмъ отбылъ въ Москву, куда совершилъ, 21-го декабря, торжественный входъ.

Въ слѣдующемъ, 1710 году, Рига сдалась русскимъ войскамъ. За нею сдались Ревель, Перновъ и другіе города Эстляндіи, такъ что весь южный берегъ Балтійскаго моря достался Россіи, и съ этихъ поръ на-всегда.

Въ томъ же году Петръ покорилъ въ Финляндіи города Выборгъ и Кексгольмъ, откуда шведы постоянно угрожали Петербургу. Въ память этихъ пріобрѣтеній, Петръ основалъ близь Петербурга монастырь св. Александра Невскаго, одерживавшаго нѣкогда побѣды надъ тѣми же нѣмцами и шведами на р. Невѣ.

Петръ Великій на Бѣломъ морѣ.

Въ томъ же, 1710 году, Петръ былъ счастливъ и въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Царевна Анна Ивановна, его племянница, дочь его брата Іоанна Алексѣевича, сдѣлавшаяся позже русскою царицею, была выдана замужъ за герцога Курляндскаго; царевичъ Алексѣй вступилъ въ бракъ съ иноземною принцессою, а самъ Петръ гласно объявилъ своею второю супругою Екатерину, съ которою дотолѣ былъ обвѣнчанъ не явно.

Между тѣмъ, Карлъ XII, бѣжавшій въ Турцію, долго оставался тамъ, стараясь всячески вовлечь турокъ въ войну съ Россіей. Петръ заранѣе предвидѣлъ это и потому вскорѣ послѣ Полтавской побѣды заключилъ чрезъ своего посланника въ Константинополѣ, Андрея Толстого, договоръ съ Турціей, по которому послѣдняя обѣщала удалить Карла изъ турецкихъ владѣній, съ тѣмъ, чтобы русскій отрядъ проводилъ его черезъ Польшу въ шведскія владѣнія. Узнавъ о заключеніи этого договора, Карлъ пришелъ въ страшную ярость и обвинилъ передъ султаномъ его министровъ, заключившихъ упомянутый договоръ, въ измѣнѣ. Пользуясь содѣйствіемъ своихъ польскихъ и турецкихъ сторонниковъ, Карлъ достигъ того, что султанъ оставилъ его въ Турціи, вопреки договору съ Россіей, смѣнилъ нѣсколько пашей, обвиненныхъ Карломъ въ измѣнѣ, и назначилъ новаго пашу, склоннаго къ объявленію войны Россіи.

Раздраженный нарушеніемъ турками договора, Петръ, въ октябрѣ 1710 года, объявилъ Портѣ, что если она не удалитъ Карла изъ своихъ владѣній, то Россія прибѣгнетъ къ оружію. Вслѣдствіе этого, 20-го ноября, въ засѣданіи турецкихъ пашей, по настоянію Карла, рѣшена была война съ Россіей. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, Толстой, былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ. Карлъ торжествовалъ...

Петръ давно готовился къ войнѣ съ Турціей. Завоеваніе Турціи и освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига единовѣрныхъ и единоплеменныхъ русскимъ балканскихъ славянъ — было завѣтною мечтою Петра съ юношескихъ лѣтъ. Первою войною

по вступленіи его на престолъ была война съ Турціей, кончившаяся покореніемъ Азова. Послѣ этого Петръ отправился съ посольствомъ за границу, главнымъ образомъ опять съ тою цѣлію, чтобы найдти себѣ союзниковъ противъ Турціи и чтобы научиться кораблестроенію, для борьбы съ Турціей на морѣ.

Только полная неудача въ прінсканіи себѣ союзниковъ за границей и открывшійся затѣмъ случай начать войну, въ союзѣ съ Польшей, противъ Швеціи изъ-за обладанія Балтійскимъ моремъ, — отвлекли на время вниманіе Петра отъ Турціи. Но онъ и во время шведской войны не переставалъ дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ Турціей. Съ этою цѣлью, Петръ постоянно расширялъ постройку флота въ Воронежѣ, усиливалъ укрѣпленія въ Азовѣ и Таганрогѣ и строилъ новыя крѣпости на берегахъ Азовскаго моря и низовьяхъ Днѣпра. Съ этою же цѣлью, Петръ вошелъ въ постоянныя сношенія, главнымъ образомъ чрезъ своего посла Толстого, со всѣми христіанскими народами, подвластными Турціи, давно уже умолявшими Петра объ освобожденіи ихъ отъ турецкаго ига. Извѣстіе о Полтавской побѣдѣ особенно обрадовало турецкихъ христіанъ, такъ какъ эта побѣда сразу доказала имъ, что естественный покровитель и заступникъ ихъ, единовѣрный имъ русскій царь, вдругъ сдѣлался могущественнымъ государемъ. Поэтому, вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, отъ всѣхъ христіанскихъ народовъ Турціи стали поступать къ Петру уже настоятельныя просьбы о скорѣйшемъ освобожденіи ихъ отъ мусульманскаго ига, съ предложеніемъ со стороны ихъ всякаго содѣйствія русскимъ войскамъ въ борьбѣ съ Турціей.

Тѣмъ не менѣе, Петръ и послѣ Полтавской побѣды не считалъ себя вполнѣ готовымъ къ войнѣ съ Турціей. Мира со шведами еще не было заключено и война съ ними на сѣверѣ продолжалась. Воевать одновременно — и на сѣверѣ со шведами, и на югѣ съ турками — было тяжело для Россіи, и безъ того уже утомленной продолжительною войною со шведами. Къ тому же, Петръ не надѣялся найти себѣ союзниковъ

противъ Турціи, располагавшей въ то время огромными силами. Всѣ западно-европейскія державы сильно опасались, какъ бы Петръ, и безъ того уже сдѣлавшійся могущественнымъ государемъ, чрезъ побѣду надъ турками не овладѣлъ еще всѣми богатыми турецкими землями и морями... Трудно было поэтому ожидать отъ нихъ содѣйствія Россіи въ войнѣ съ Турціей. На помощь христіанскихъ народовъ Турціи Петръ также мало разсчитывалъ: готовыхъ и обученныхъ войскъ они не имѣли; къ тому же, народы эти были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ турецкой земли и управлялись не одной властью, а нѣсколькими князьками, подвластными Турціи и часто враждовавшими между собою. Наконецъ, Россія никогда еще не воевала въ турецкой землѣ, гдѣ стояли главныя силы турокъ, поражавшія всѣхъ своею громадною численностью.

Вотъ почему, осторожный и прозорливый Петръ все откладывалъ войну съ Турціей.

Но 20-го ноября 1710 года, турки, какъ мы уже видѣли выше, по наущенію Карла, сами объявили войну Россіи.

Петръ поставленъ былъ въ затрудненіе. Онъ пытался заключить союзъ противъ турокъ съ какою нибудь сильною иностранною державою, но безуспѣшно. Проѣздомъ черезъ Польшу, онъ заключилъ новый договоръ съ королемъ Августомъ. Но отъ него ждать большой помощи было нельзя: онъ обязался помогать скоими войсками только въ войнѣ противъ шведовъ. Петру оставалось разсчитывать лишь на свои собственныя силы, да на помощь христіанскихъ народовъ Турціи. Сербы давно уже предлагали Петру свою помощь; валахскій господарь Бранкованъ, съ своей стороны, еще вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, заключилъ съ Петромъ тайный договоръ, по которому господарь этотъ обязывался, въ случаѣ войны съ турками, поднять сербовъ и болгаръ, собрать изъ нихъ отрядъ въ 30.000 человѣкъ и снабжать русское войско продовольствіемъ. Молдавскій господарь Кантемиръ, по пріѣздѣ царя въ Польшу, также заключилъ съ Петромъ союзъ противъ

Турціи, обязавшись помогать ему войскомъ. Наконецъ, Петръ вошелъ въ дѣятельныя сношенія съ храбрыми черногорцами, и ждалъ также содѣйствія со стороны православныхъ грековъ, въ то время еще подвластныхъ Турціи.

Не смотря на всѣ эти приготовленія къ войнѣ, Петръ не разсчитывалъ на успѣхъ; онъ былъ въ мрачномъ настроеніи духа, и къ тому же чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отправилъ войска свои, въ числѣ около 40.000 человѣкъ, къ турецкимъ границамъ. Прежде всего онъ выслалъ половину войска, подъ начальствомъ Шереметева, приказалъ ему какъ можно быстрѣе идти на Дунай, а слѣдомъ за нимъ выступилъ и самъ, съ остальною половиною войска. Готовясь въ первый разъ появиться среди христіанскихъ народовъ Турціи, царь выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ супругою своею Екатериною Алексѣевною.

Петръ стремился какъ можно скорѣе занять Дунай, съ цѣлью воспрепятствовать туркамъ перейти черезъ эту рѣку и овладѣть Молдавіею и Валахіею, съ которыми онъ находился въ союзѣ. Поэтому царь всячески торопилъ Шереметева.

Между тѣмъ, турки выслали на встрѣчу русскимъ войскамъ крымскаго хана, съ большимъ войскомъ. Казацкій гетманъ Скоропадскій напалъ на хана и разбилъ его, такъ что татары принуждены были съ огромною потерею возвратиться въ Крымъ.

Перешедши Днѣпръ, Шереметевъ намѣревался двинуться прямо на Дунай, чрезъ бессарабскія степи, но недостатокъ въ провольствіи заставилъ его повернуть предварительно въ Молдавію, и онъ скоро подошелъ съ своимъ войскомъ къ главному молдавскому городу, Яссамъ. Тѣмъ временемъ турки успѣли предупредить его и переправились черезъ Дунай. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Петръ былъ страшно встревоженъ, тѣмъ болѣе, что въ его отрядѣ, какъ и въ войскахъ Шереметева, обнаруживался сильный недостатокъ въ продовольствіи, котораго трудно было найти въ Молдавіи, опусто-

шенной въ то время саранчею. Не смотря на это, Петръ рѣшился спѣшить съ своимъ отрядомъ по слѣдамъ Шереметева— въ Молдавію, чтобы не дать туркамъ возможности опустошить эту страну и чтобы вообще не привести въ отчаяніе турецкихъ христіанъ, давно уже просившихъ его о помощи.

25-го іюня Петръ прибылъ въ Яссы. Молдавскій господарь Кантемиръ устроилъ въ своемъ дворцѣ торжественный обѣдъ русскому государю, выступившему въ первый разъ на защиту порабощенныхъ турками христіанъ. Послѣ того Петръ нѣсколько дней сряду осматривалъ Яссы. Молдаване съ любопытствомъ бѣгали за нимъ и радовались, увидя въ первый разъ въ стѣнахъ своей столицы могущественнаго государя православной вѣры; молдаване приходили въ умиленіе, видя, какъ царь оказывалъ ихъ господарю Кантемиру знаки любви, обнималъ и цѣловалъ его. Особенно Петръ поражалъ ихъ своею простотою и необычайною живостію.

Между тѣмъ, турки, хотя и успѣли перейти черезъ Дунай, но, узнавъ о вступленіи русскихъ силъ въ предѣлы Турціи, сильно перепугались. Самъ султанъ поручилъ тайному союзнику Петра, валахскому господарю Бранковану, войти въ соглашеніе съ Петромъ о заключеніи мира съ Турціей. Бранкованъ передалъ это предложеніе Петру, царь не повѣрилъ туркамъ въ искренности ихъ желанія мира, да и не хотѣлъ, чтобы имъ такъ дешево доставался миръ, а потому отвергъ предложеніе султана о мирѣ. Тогда Бранкованъ, давно уже враждовавшій съ Кантемиромъ и втайнѣ завидовавшій ему, измѣнилъ Петру: онъ присоединился съ своимъ войскомъ къ туркамъ и отдалъ имъ всѣ запасы продовольствія, которые готовилъ для Петра. 19.000 сербовъ, шедшихъ на соединеніе съ Петромъ, Бранкованъ тоже не пропустилъ черезъ Дунай. Такимъ образомъ вражда и зависть между правителями разныхъ христіанскихъ народовъ Турціи поставили Петра, надѣявшагося на ихъ содѣйствіе, въ крайне опасное положеніе. Онъ остался безъ продовольствія и безъ союзниковъ. Плохо во-

оруженные молдаванскіе поселяне, остававшіеся съ своимъ господаремъ вѣрными Петру, могли оказать ему не великую помощь. Сильно нуждаясь въ продовольствіи, Петръ послалъ отрядъ войска, подъ начальствомъ генерала Ренне, къ городу Браилову добыть сложенные тамъ, по слухамъ, турецкіе запасы. Въ это время вдругъ пришло извѣстіе, что турецкій визирь идетъ въ Молдавію съ сильнымъ войскомъ, а съ нимъ и ханъ крымскій со своею ордою. У визиря было 120.000 человѣкъ войска, а у хана до 70.000 человѣкъ; такимъ образомъ, всего непріятельскаго войска было около 200.000 человѣкъ. У Петра же было лишь около 40.000 человѣкъ, —силы слишкомъ неравныя! Петръ поспѣшно двинулся назадъ, къ берегамъ Прута, но турки шли по слѣдамъ его, догнали русское войско и окружили его.

Въ этомъ походѣ участвовала вмѣстѣ съ Петромъ его вторая супруга Екатерина Алексѣевна, первая же его супруга была въ это время уже въ монастырѣ. Уже вскорѣ послѣ женитьбы Петра на Евдокіи Лопухиной, между мужемъ и женой начали происходить несогласія. Царица отталкивала отъ себя мужа своею ревностью и ненавистью къ иностранцамъ; кромѣ того Петръ не ладилъ съ нѣкоторыми родственниками царицы, большими приверженцами старины. Еще во время своего перваго путешествія за-границу, будучи въ Лондонѣ, Петръ склонялъ царицу чрезъ ея духовника къ постриженію. По возвращеніи же изъ за-границы она была отправлена въ Суздальскій монастырь, а чрезъ нѣкоторое время пострижена.

Вторая же жена Екатерина обязана была своимъ счастьемъ случайному обстоятельству. Екатерина была бѣдная сирота, воспитанница лифляндскаго пастора Глюка, взятая вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ Шереметевымъ въ Маріенбургѣ въ 1703 году. Отъ Шереметева она перешла въ домъ Меншикова, гдѣ ее увидѣлъ Петръ. Она такъ понравилась ему своимъ живымъ и веселымъ характеромъ, что онъ рѣшилъ на ней жениться, для чего она приняла православіе. Воспріемникомъ ея былъ царе-

вичъ Алексѣй, сынъ Петра отъ первой его супруги, почему она и называлась Алексѣевной.

И такъ Петръ, Екатерина и все русское войско были окружены турецкими войсками.

8-го іюля турецкія войска, всѣми своими силами, пошли въ атаку на русскихъ. Бывшее съ Петромъ неопытное молдаванское войско подалось назадъ, но русскіе сражались храбро и выдержали стойко напоръ всей турецкой арміи. На слѣдующій день турки повторили нападеніе, но русскіе опять устояли и отразили турокъ съ огромнымъ урономъ. Петръ утѣшался, видя доблесть созданной имъ арміи, научившейся многому со времени Нарвской битвы. Но даже необычайная храбрость и самоотверженіе русскаго войска не могли помочь дѣлу, при громадномъ превосходствѣ силъ турокъ. Положеніе русскихъ уже на другой день послѣ битвы сдѣлалось отчаяннымъ: солдаты были истомлены битвою и зноемъ; продовольствія не хватало; помощи ждать было не откуда; пробиться чрезъ несмѣтныя турецкія полчища было немыслимо. Теперь турки, даже не двигаясь съ мѣста, могли переморить русскихъ голодомъ. Такимъ образомъ, самому царю, раздѣлявшему съ войскомъ всю опасность отчаяннаго положенія, угрожала впереди сдача туркамъ военно-плѣннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потеря всего храбраго русскаго войска, на устройство и обученіе котораго онъ положилъ столько трудовъ и заботъ...

Разсказываютъ, что Петръ хотѣлъ въ это время тайно проникнуть чрезъ непріятельскій станъ съ Екатериною, чтобъ затѣмъ пробраться черезъ Венгрію въ Россію и немедленно вернуться оттуда съ свѣжимъ войскомъ, на выручку своей молодецкой арміи. Но никто не взялся провести его черезъ окружавшія турецкія силы, и царь поневолѣ остался въ лагерѣ.

Тогда Петръ написалъ сенату, что онъ съ войскомъ окруженъ въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою и предвидитъ возможность попасть въ плѣнъ. „Если я впаду въ турецкій плѣнъ, писалъ онъ, то вы не должны меня почитать своимъ

царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному моему повелѣнію, отъ васъ было требуемо; но если я погибну, и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники“.

Къ счастію, Петръ вскорѣ узналъ отъ плѣнныхъ турокъ, что и въ турецкой арміи господствовало сильное уныніе: турецкія войска, страшно пострадавшія въ схваткахъ съ русскими, роптали на своихъ пашей и требовали прекращенія военныхъ дѣйствій.

Это извѣстіе подало Петру надежду на возможность открытія переговоровъ съ турками и, такимъ образомъ, попытаться выйдти мирнымъ путемъ изъ отчаяннаго положенія. Правда, Петръ опасался, что турки, сознавая непомѣрное превосходство своихъ силъ, потребуютъ за свое соглашеніе на миръ сдачи всей русской арміи и, можетъ быть, другихъ не менѣе тяжкихъ жертвъ для царя и Россіи. Но супруга Петра, Екатерина Алексѣевна, и генералы его успѣли поддержать въ Петрѣ увѣренность на возможность успѣшнаго веденія этихъ переговоровъ.

Тогда главнокомандующій русской арміей, Шереметевъ, отправилъ къ визирю трубача съ письмомъ, въ которомъ предлагалъ устроить взаимными силами примиреніе между Россіею и Турціею. Визирь ничего не отвѣчалъ на это письмо. Шереметевъ послалъ другое. Визирь понялъ изъ этого, что русскіе находятся въ отчаянномъ положеніи и что турки, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, могутъ живьемъ взять всю русскую армію. Онъ рѣшился снова двинуть свои полчища въ бой. Но тутъ войска его рѣшительно заволновались и не пошли въ битву. „У насъ, кричали они, и такъ перебито много товарищей, и многіе изъ оставшихся въ живыхъ покрыты ранами.... Султанъ хочетъ мира, а визирь противъ его воли шлетъ насъ на убой!“

Этотъ ропотъ въ войскахъ заставилъ визиря сдѣлаться уступчивѣе къ предложеніямъ русскихъ. Къ тому же, онъ по-

лучилъ извѣстіе, что русскій отрядъ, посланный къ Браилову, взялъ этотъ городъ и овладѣлъ въ немъ всѣми запасами продовольствія. Послѣ этого визирь отправилъ въ русскій лагерь посланца, съ отвѣтомъ на письмо Шереметева, извѣщая, что онъ не прочь отъ мира, выгоднаго для Турціи, и что онъ проситъ прислать для переговоровъ знатнаго человѣка. Петръ собралъ для обсужденія этого предложенія совѣтъ, на которомъ было рѣшено, въ крайнемъ случаѣ, отдать туркамъ, за свободный пропускъ русской арміи, всѣ завоеванные города по берегу Азовскаго моря и построенные тамъ вновь городки,— а если потребуютъ турки, то возвратить и шведамъ завоеванныя у нихъ земли, исключая Петербурга, за который вознаградить ихъ какимъ-нибудь другимъ городомъ, по выбору султана.

Тотчасъ же былъ отправленъ въ турецкій лагерь подканцлеръ Шафировъ для веденія переговоровъ, съ полномочіемъ заключить и самыя условія мира. Легко понять, съ какимъ волненіемъ ожидали всѣ его возвращенія... Но каково же было удивленіе и радость Петра, когда, 11 іюня, изъ турецкаго лагеря прискакалъ отъ Шафирова гонецъ съ извѣстіемъ о заключеніи мира, на условіи отдачи туркамъ одного только Азова, и то въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ первоначально взятъ у турокъ! Остальные же вновь построенные городки по берегу Азовскаго моря, русскіе обязывались только срыть. И больше никакихъ уступокъ со стороны Россіи не было сдѣлано! Хотя Петру, привыкшему уже къ побѣдамъ, тяжело было отдавать и Азовъ, но онъ хорошо понималъ, что крѣпость эта, расположенная на русской границѣ, и отдѣленная отъ Турціи двумя морями, рано или поздно опять отойдетъ, сама собою, къ Россіи.

Для всѣхъ очевидно было, что храброе русское войско нагнало такой страхъ на турокъ, что они рады были заключить миръ, хотя бы за какую нибудь подачку. Событіе это доказывало также, что Петръ создалъ не только храбрую русскую армію, но и весьма искусныхъ русскихъ дипломатовъ.

Петръ безъ препятствія возвратился съ арміею въ Россію.

Прутскій походъ Петра хотя и кончился неудачно, но нисколько не повредилъ блестящимъ послѣдствіямъ Полтавской побѣды, а напротивъ—имѣлъ огромное значеніе для России. Этотъ первый смѣлый походъ на Дунай проложилъ дорогу Россіи въ Турцію и въ первый разъ выяснилъ условія борьбы съ нею и отношенія къ этой борьбѣ враждовавшихъ между собою турецкихъ князьковъ и иностранныхъ державъ, не желавшихъ изъ зависти содѣйствовать русскимъ въ покореніи Турціи. Съ другой стороны, христіанскіе народы Турціи, разъ увидавши въ своей землѣ православнаго царя, явившагося къ нимъ въ качествѣ ихъ защитника, готоваго пожертвовать за нихъ даже своею жизнью, съ тѣхъ поръ не переставали уже смотрѣть на русскихъ государей какъ на своихъ неизмѣнныхъ и самоотверженныхъ заступниковъ. Не даромъ храбрые черногорцы, послѣ Прутскаго похода Петра, восхваляли его въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ славнаго героя.

Шведскаго короля Карла XII извѣстіе о заключеніи Прутскаго мира привело въ такое раздраженіе, что онъ опять обвинилъ передъ султаномъ въ измѣнѣ пашей, заключившихъ этотъ миръ. По его наущенію, визирь былъ отрѣшенъ отъ должности, а потомъ удавленъ; другихъ пашей также казнили. Султанъ хотѣлъ-было опять объявить войну Россіи, но остававшіеся въ Турціи русскіе дипломаты Шафировъ, Шереметевъ и Толстой успѣли не только возобновить миръ съ Турціей, но и склонили султана къ высылкѣ Карла XII изъ предѣловъ Турціи. Карлъ съ яростью воспротивился этой высылкѣ и даже обнажилъ шпагу противъ пріѣхавшаго къ нему съ этимъ извѣстіемъ султанскаго конюшаго. Услыхавъ объ этомъ, султанъ далъ приказаніе взять шведскаго короля силою и привезти его въ Адріанополь. Приказаніе султана еще болѣе раздражило короля, и храбрый до безразсудства Карлъ, проживавшій насильно въ Турціи, велѣлъ сдѣлать въ Бендерахъ, около своего двора, окопы, рѣшившись защищаться противъ

всѣхъ турокъ и татаръ, сколько бы ихъ ни пришло. У него самаго было тогда нѣсколько человѣкъ тѣлохранителей и двѣ пушки. Карлъ защищался такъ упорно, что турки принуждены были привезти нѣсколько орудій, разметали сдѣланные королемъ окопы, положили въ битвѣ многихъ его тѣлохранителей и, наконецъ, его самого взяли въ плѣнъ. Послѣ этого событія, Карлъ все-таки оставался въ Турціи еще съ годъ, напрасно стараясь поправить потерянное дѣло и заключить союзъ съ султаномъ противъ Россіи. Лѣтомъ 1714 года, потерявши всякую надежду на успѣхъ, шведскій король выѣхалъ, наконецъ, изъ Турціи въ свои владѣнія, безъ всякой свиты, переодѣтый въ видѣ частнаго путешественника.

Между тѣмъ, Петръ, покончивъ войну съ Турціею, устремилъ всѣ свои силы на принужденіе Швеціи къ заключенію мира съ Россіею, въ которомъ послѣдняя крайне нуждалась. Петръ желалъ только, чтобы Швеція навсегда отказалась отъ завоеванныхъ у нея береговъ Балтійскаго моря. Но достигнуть этого было не легко. Шведы не хотѣли отказываться отъ потерянныхъ ими городовъ и не прекращали враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи. Въ этомъ упорствѣ поощряли Швецію многія иностранныя державы, особенно же Англія, Франція и Голландія, сильно опасавшіяся возраставшаго морскаго могущества Россіи. Такимъ образомъ, Петру приходилось усиленно продолжать войну со шведами и, въ то же время, всячески устранять противодѣйствіе иностранныхъ державъ заключенію мира со Швеціей. Вотъ почему, послѣ Прутскаго похода, Петръ постоянно предпринималъ частыя и дальнія поѣздки за-границу и напрягалъ снова свои богатырскія силы въ изумительной дѣятельности.

Въ это время, войска русскія, въ союзѣ съ Даніей и Польшей, продолжали военныя дѣйствія противъ шведовъ уже вдали отъ Россіи, въ нѣмецкихъ владѣніяхъ шведскаго короля, такъ какъ всѣ смежныя съ Россіею шведскія земли, кромѣ Финляндіи, были уже въ рукахъ русскихъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Отправленіе Петра за-границу. — Новыя побѣды русскихъ войскъ. — Зависть иностранныхъ правительствъ. — Вѣроломства и опасенія союзниковъ Петра. — Новое путешествіе за-границу. — Твердость Петра. — Опустошеніе Швеціи. — Смерть Карла XII. — Ништадтскій миръ. — Вѣчная заслуга Петра. — Празднованіе мира.

Тотчасъ послѣ Прутскаго похода, Петръ отправился, въ августѣ 1711 года, за-границу для леченія и отдыха. Но едва онъ успѣлъ вернуться въ Россію, какъ ему опять пришлось въ 1712 году ѣхать за-границу къ войскамъ своимъ, такъ какъ союзники его изъ зависти къ Россіи старались мѣшать успѣху русскихъ войскъ, вслѣдствіе чего война шла неудачно. Прибывъ къ войскамъ, Петръ свидѣлся съ польскимъ, датскимъ и прусскимъ королями, но, не смотря на оказанный ему союзниками почетный пріемъ, онъ все-таки не могъ склонить ихъ къ единодушнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ писалъ оттуда своему любимцу Меншикову: „Я себя зѣло безчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ; Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство“. Своей супругѣ Екатеринѣ онъ писалъ: „Зѣло тяжело жить, ибо я лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь“.

Пока Петръ, утомленный неудачными переговорами и чувствовавшій себя не совсѣмъ здоровымъ, отправился опять ле-

читься на воды, въ это время датчане и саксонцы, чтобы не дать случая отличиться русскимъ войскамъ, не дождавшись прибытія ихъ, одни напали на шведовъ, вслѣдствіе чего сами были разбиты на голову при Гадебушѣ. Петра сильно огорчило это происшествіе, но послѣ него датскій король поневолѣ уже обратился за помощью къ русскимъ войскамъ. Тогда Петръ самъ повелъ союзныя войска противъ шведовъ, и 30-го января 1713 года напалъ на шведскую армію при городѣ Фридрихштадтѣ, разбилъ ее и въ маѣ 1713 года взялъ этотъ городъ. Шведскія войска удалились въ Голштинію и заперлись въ крѣпости Тоннингенѣ. Поручивъ вести дальнѣйшія дѣйствія противъ шведовъ датскому королю и своему генералу князю Меншикову, Петръ возвратился въ Петербургъ.

Между тѣмъ, оставленный въ нѣмецкой землѣ Меншиковъ съ союзными войсками, наносилъ шведамъ ударъ за ударомъ, завоевалъ у нихъ нѣсколько городовъ и, по распоряженію Петра, отдалъ эти города прусскому королю, чтобы расположить его къ союзу съ Россіею. Два богатѣйшихъ нѣмецкихъ города, Гамбургъ и Любекъ, Меншиковъ заставилъ заплатить большія суммы денегъ за непрекращеніе торговыхъ сношеній со шведами. Петръ былъ очень доволенъ этимъ и писалъ Меншикову: „благодарствуемъ за деньги..... Зѣло нужно для покупки кораблей“...

Самъ Петръ, тотчасъ же послѣ возвращенія въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1713 года, съ 16.000 человѣкъ войска, на 200 судахъ, поплылъ къ берегамъ Финляндіи. Петръ самъ командовалъ флотомъ, присталъ съ нимъ къ городу Гельсингфорсу, прогналъ оттуда шведское войско и поручилъ продолжать войну въ Финляндіи своему адмиралу Апраксину. Въ концѣ августа, русскіе овладѣли столицею Финляндіи, городомъ Або, а въ октябрѣ разбили шведскія войска при городѣ Тамерфорсѣ. Въ февралѣ 1714 года, русскіе еще разъ разбили шведовъ при городѣ Вазѣ, а затѣмъ, въ іюнѣ, заняли крѣпость Нейшлотъ, такъ что теперь уже вся Финляндія очутилась въ рукахъ русскихъ.

Но самымъ блестящимъ дѣломъ въ это время была морская побѣда, одержанная русскимъ галернымъ флотомъ, 27 іюня, надъ шведскимъ флотомъ при Гангеудѣ. Въ этой битвѣ Петръ самъ командовалъ своимъ флотомъ; шведы потеряли тутъ 936 человѣкъ убитыми и 577 плѣнными, въ томъ числѣ былъ взятъ въ плѣнъ и шведскій контръ-адміралъ. Шведскіе корабли, со 116 пушками, были взяты и приведены въ Ревель. Гангеудская морская битва доставила Петру не меньшую славу за-границей, чѣмъ и сухопутное Полтавское сраженіе. Вслѣдъ за этой побѣдой, Петръ присталъ съ флотомъ къ Аландскимъ островамъ и овладѣлъ ими. Появленіе русскаго флота у Аландскихъ острововъ, лежащихъ недалеко отъ шведской столицы, навело ужасъ на шведовъ. Они готовились уже защищать свою столицу—городъ Стокгольмъ. Но наступившая осень не дозволила русскимъ сдѣлать нападеніе на шведскую столицу, и Петръ съ торжествомъ возвратился въ Петербургъ, получивъ отъ сената въ награду за свою морскую побѣду чинъ вице-адмирала.

Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ возраставшее могущество Россіи все болѣе и болѣе пугало иностранныя державы и даже союзниковъ Петра. Самъ прусскій король, получившій въ даръ отъ Петра завоеванные имъ нѣмецкіе города, хотя и былъ доволенъ этимъ подаркомъ, но втайнѣ завидовалъ Россіи и опасался Петра. Прежнее полное пренебреженіе къ Россіи теперь смѣнилось страхомъ передъ геніальною личностью Петра и передъ огромными силами и средствами Россіи, на сушѣ и на морѣ. Въ Польскомъ королевствѣ, недавно еще наводившемъ страхъ на Россію, теперь русскіе сами распоряжались, какъ у себя дома, постоянно держали тамъ свои войска, мирили польскихъ вельможъ съ ихъ королемъ Августомъ, и направляли по своему почти всѣ дѣла польскія. Даже въ нѣмецкой землѣ, гдѣ прежде рѣдко и слыхали о Россіи, теперь русскіе тоже хозяйничали: не только держали тамъ свои войска и брали съ помощью ихъ нѣмецкіе города, но и раздавали эти города, кому хотѣли. Вмѣ-

сто могущественной прежде Шведской державы, теперь повсюду гремѣло имя Петра и Россіи. Самъ Петръ говорилъ тогда царевичу Алексѣю: „И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ... воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ“.

Все это побуждало завистливыхъ иностранныхъ правителей устремлять свои усилія къ сокрушенію могущества Петра и Россіи. Къ довершенію затрудненій, въ ноябрѣ 1714 года, самъ Карлъ XII, покинувшій, наконецъ, предѣлы Турціи, явился въ нѣмецкой землѣ, въ г. Стральзундѣ, осаждаемомъ союзными войсками, и тотчасъ же поднялъ духъ своего войска, упавшій-было въ его отсутствіе.

Къ счастію для Петра, между самыми иноземными державами существовала постоянная вражда, вслѣдствіе которой иноземные правители, опасаясь могущества Россіи, въ то же время принуждены были искать союза ея другъ противъ друга. Петръ отлично воспользовался этимъ обстоятельствомъ на пользу Россіи. Не даромъ онъ часто и по долгу путешествовалъ за-границей.

Появленіе Карла въ нѣмецкой землѣ прежде всего смутило союзниковъ Петра и заставило ихъ дѣйствовать дружнѣе. Даже прусскій король, получившій безъ всякаго участія въ войнѣ, въ даръ отъ Петра, нѣсколько шведскихъ городовъ, теперь испугался возможности снова потерять эти города и открыто присталъ къ союзу съ Петромъ. Англійскій король, имѣвшій собственныя владѣнія въ нѣмецкой землѣ, тоже съ недовѣріемъ отнесся къ появленію Карла вблизи его владѣній и отправилъ въ Балтійское море свой флотъ, съ цѣлью угрозы Швеціи.

Датскій и прусскій короли, подступивъ къ Стральзунду, въ которомъ заперся Карлъ, осадили этотъ городъ. 12 декабря 1715 года городъ сдался, и самъ Карлъ едва спасся въ ма-

ленькой лодкѣ съ 10 человѣками, и убѣжалъ въ Швецію, гдѣ всю зиму занимался набором свѣжихъ силъ для продолженія войны.

Смущеніе на Западѣ появленіемъ Карла XII и изгнаніе его изъ нѣмецкой земли въ Швецію подало надежду Петру найти себѣ на Западѣ новыхъ союзниковъ противъ безпокойнаго шведскаго короля и окончательно раздѣлаться съ нимъ. Съ этою цѣлію Петръ приказалъ русскимъ войскамъ, находившимся въ это время въ Польшѣ, идти оттуда снова въ нѣмецкія земли, на соединеніе съ союзными войсками, а 27 января 1716 года отправился и самъ за-границу, въ сопровожденіи своей супруги, Екатерины Алексѣевны. Это путешествіе Петра было наиболѣе блестящимъ и продолжительнымъ.

Въ саксонскихъ владѣніяхъ короля Августа, въ приморскомъ городѣ Данцигѣ, Петръ остановился на нѣсколько недѣль, для празднованія бракосочетанія своей племянницы, Екатерины Іоанновны съ герцогомъ Мекленбургскимъ. На празднества прибылъ также польскій король Августъ. Сюда же стянулись и русскія войска и даже прибылъ къ Данцигу русскій флотъ. Петръ, окруженный русскими генералами, дѣлалъ здѣсь парады и смотры своимъ войскамъ и флоту, и казался настоящимъ хозяиномъ города. Польскій же король, хотя и участвовалъ въ свадебныхъ празднествахъ царя, но игралъ здѣсь второстепенную роль, втайнѣ завидовалъ Петру и даже секретно жаловался на него голландскому правительству, говоря, что и всѣми другими державами Петръ будетъ распоряжаться такъ-же, какъ Данцигомъ и Польшей.

Но Петръ не обращалъ вниманія на эти ложные извѣты. Онъ отправился изъ Данцига во владѣнія своего новаго родственника, въ Мекленбургъ, и появился тамъ опять въ сопровожденіи многочисленныхъ русскихъ войскъ, что̀ окончательно встревожило всѣ иноземныя правительства, которыя прямо стали просить царя о выводѣ русскихъ войскъ изъ Мекленбурга. Но Петръ не слушалъ никакихъ представленій.

На подобное требованіе англійскаго короля царь отвѣчалъ, что *если будутъ настаивать на этомъ, то онъ наводнитъ русскими войсками всю Германію.*

Изъ Мекленбурга Петръ пріѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ свидѣлся съ датскимъ королемъ и заключилъ съ нимъ новое условіе—напасть съ русскими войсками и съ союзнымъ флотомъ на самые берега Швеціи. Для этого морскаго похода Петръ нуждался въ свѣжихъ силахъ, и потому снова отправился для леченія на воды.

Леченіе это не помѣшало ему, однако, заниматься переговорами съ разными иноземными министрами, пріѣзжавшими туда пожелать царю успѣшнаго пользованія водами. Сюда же прислали, наконецъ, и сторонники Карла своего повѣреннаго, разузнать, на какихъ условіяхъ царь согласился бы заключить миръ со Швеціей. Петръ, не желая обидѣть своихъ союзниковъ переговорами о мирѣ помимо ихъ участія, отвѣтилъ сторонникамъ Карла: „Можно ли со шведскимъ королемъ переговариваться о мирѣ, когда онъ называетъ меня и весь русскій народъ варварами?“ На это сторонники Карла передали Петру, что шведскій король всегда отзывался о его царскомъ величествѣ съ большимъ уваженіемъ и считаетъ его первымъ государемъ въ Европѣ; остальныхъ же союзниковъ Карлъ просто презиралъ.

По окончаніи леченія, Петръ, въ іюлѣ, двинулъ изъ Мекленбурга по направленію къ Даніи, сухимъ путемъ, около 8.000 русскаго войска, пришедшаго изъ Польши подъ начальствомъ Шереметева, и кромѣ того 5.000 человѣкъ конницы. Самъ же, взявши подъ личную команду свой галерный флотъ, состоявшій изъ 45 судовъ, направился съ нимъ моремъ къ столицѣ Даніи, Копенгагену, для соединенія съ датскимъ флотомъ, какъ это было условлено заранѣе съ датскимъ королемъ.

Появленіе на пути въ Данію многочисленныхъ русскихъ войскъ и флота опять встревожило иноземныя державы и даже

союзниковъ Петра—Данію и Пруссію. Они снова старались отговорить его отъ соединенія съ датскимъ флотомъ и отъ морскаго похода въ Швецію. Но Петръ считалъ этотъ походъ необходимымъ для принужденія Швеціи къ заключенію почетнаго мира, и потому, не взирая на смущеніе своихъ союзниковъ, прибылъ съ флотомъ къ Копенгагену, гдѣ былъ встрѣченъ на рейдѣ самимъ королемъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ его столицу. Черезъ нѣсколько дней, туда же прибыла и царица Екатерина.

Со всѣхъ сторонъ начали сосредоточиваться въ Копенгагенѣ значительныя военныя силы, русскія и датскія. Сюда же прибыли англійская и голландская флотиліи, для взаимнаго дѣйствія противъ безпокойнаго шведскаго короля. Изъ Ревеля долженъ былъ прибыть туда же новый большой отрядъ русскихъ судовъ.

Изъ страха передъ Петромъ, король датскій всячески старался угождать ему и его супругѣ, но въ тайнѣ, изъ зависти, настраивалъ противъ него англичанъ и медлилъ сборомъ своего флота, а также и перевозкой на судахъ русскихъ войскъ къ Копенгагену, какъ это было заранѣе условлено у него съ Петромъ. Петръ всячески торопилъ его, и въ ожиданіи приготовленій къ походу, почти каждый день катался по морю, осматривалъ берега Даніи, посѣщалъ академіи, учебныя заведенія и бесѣдовалъ съ учеными людьми. 27 іюля Петръ не вытерпѣлъ и отправился на шнявѣ „Принцесса“, въ сопровожденіи двухъ другихъ судовъ, осматривать шведскіе берега. При этомъ осмотрѣ онъ лично измѣрялъ глубину моря, составилъ морскія карты, и убѣдился, что непріятель, пока приготовлялись въ Даніи къ походу, успѣлъ уже укрѣпить на своемъ берегу всѣ удобныя для высадки мѣста. Черезъ три дня, Петръ вернулся въ Копенгагенъ и рѣшительно настоялъ на немедленной отправкѣ союзнаго флота къ берегамъ Швеціи, не дожидаясь прибытія русскихъ войскъ.

Въ началѣ августа, по настоянію Петра, союзный флотъ торжественно отплылъ отъ Копенгагена по направленію къ

Швеціи. Петръ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ всѣми четырьмя соединенными отрядами морскихъ судовъ: русскимъ, датскимъ, англійскимъ и голландскимъ. Адмиралы этихъ четырехъ флотовъ должны были подчиниться ему, какъ главному начальнику. Эта честь, оказанная Петру, свидѣтельствовала, какого могущества, военнаго и морскаго, достигла тогда Россія. Недавно еще Петръ учился въ Голландіи морскому дѣлу, въ качествѣ простаго плотника, когда въ Россіи не было еще ни одного корабля и когда за-границей многіе только впервые слышали о русскихъ. Теперь же Петръ пользовался уже такой славой, одержалъ уже столько побѣдъ на сушѣ и на морѣ, что его опытность, познанія и заслуги заставляли подчиниться ему адмираловъ первоклассныхъ европейскихъ морскихъ державъ. Русскіе поздравляли другъ друга съ этимъ событіемъ и говорили: „Такой чести ни который монархъ отъ начала свѣта не имѣлъ, что изволитъ нынѣ командовать четырехъ народовъ флотами!...“

Осмотрѣвъ подробно шведскіе берега на большомъ протяженіи, Петръ, 24 августа, вернулся съ союзнымъ флотомъ въ Копенгагенъ. Оказалось, что русскія войска и теперь еще не были привезены сюда. Это сильно раздражило Петра. Тѣмъ не менѣе, онъ, въ концѣ августа, предпринялъ еще нѣсколько поѣздокъ въ море, къ шведскому берегу. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, съ русскихъ кораблей открыли даже пальбу по шведскимъ батареямъ, при чемъ выстрѣломъ съ шведскаго берега пробили шняву „Принцесса“, на которой находился Петръ.

Вернувшись снова въ Копенгагенъ, 1 сентября, Петръ собралъ военный совѣтъ изъ своихъ генераловъ, на которомъ было рѣшено: по случаю наступленія осени и приближенія зимняго времени, отложитъ высадку войскъ на шведскомъ берегу до будущаго лѣта.

Датчане испугались такого рѣшенія, опасаясь, что Петръ останется съ своими войсками на всю зиму въ Даніи. Англія, увидавши морскія силы Петра и опасаясь за свое господство

*

на морѣ, также сильно встревожилась возможностью продолжительнаго пребыванія русскаго флота въ Даніи, у открытаго моря. Англичане и датчане вошли даже въ тайное соглашеніе между собою, съ цѣлью заставить русскихъ силою удалиться изъ Даніи. Въ Копенгагенѣ втихомолку начали строить укрѣпленія и разставлять въ нихъ пѣхоту, жителямъ приказано было вооружиться; англійскому флоту дано было порученіе напасть на русскій флотъ и уничтожить его... Однако, ни датчане, ни англичане не посмѣли раздражить Петра какой-либо явной враждебной выходкой. Напротивъ, датскій король все время устраивалъ въ честь царя и царицы разныя празднества и увеселенія. Англійскій адмиралъ также продолжалъ быть въ высшей степени почтительнымъ къ Петру.

Убѣдившись изъ всѣхъ предъидущихъ дѣйствій датчанъ, что на нихъ нельзя полагаться, и даже подозрѣвая съ ихъ стороны измѣну, Петръ, въ октябрѣ 1716 года, вывелъ свои войска изъ Даніи въ Мекленбургъ, а самъ отправился въ Голландію, твердо уже рѣшившись добиваться мира со Швеціею помимо своихъ завистливыхъ союзниковъ.

Въ Голландіи еще раньше сторонники Карла вели съ русскимъ посломъ переговоры объ условіяхъ заключенія мира со Швеціей. Одинъ изъ этихъ сторонниковъ Карла постарался даже увидать царя еще на пути его въ Голландію и хлопоталъ здѣсь объ уступкѣ Швеціи всѣхъ завоеванныхъ Петромъ земель, но царь, конечно, не согласился на это. На пути же въ Голландію, Петръ снова свидѣлся съ прусскимъ королемъ, который подтвердилъ свою дружбу къ Петру и союзъ съ Россіей. Прусскій король нуждался въ содѣйствіи Петра, для окончательнаго присоединенія къ Пруссіи отнятыхъ у шведовъ нѣмецкихъ городовъ и вообще въ видахъ усиленія Пруссіи, а потому былъ однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ союзниковъ Петра.

6 декабря 1716 года, Петръ прибылъ въ Голландію и остановился въ Амстердамѣ. Туда же, въ началѣ 1717 года, прибыла и царица Екатерина.

Голландія, подобно Даніи и Англіи, завистливо смотрѣла на возраставшее морское могущество Россіи и потому относилась къ Россіи недружелюбно. Тѣмъ не менѣе, русскому царю и царицѣ былъ оказанъ въ Амстердамѣ весьма почетный пріемъ. Всѣ голландскіе правители спѣшили навѣстить царя. Жители города устроивали въ честь его разнаго рода празднества.

Петръ пробылъ въ Голландіи около трехъ мѣсяцевъ. Эта страна была ему уже хорошо знакома. Но онъ былъ тамъ еще юношею, неопытнымъ государемъ малоизвѣстнаго Московскаго царства. Теперь же онъ явился сюда знаменитымъ полководцемъ, мудрымъ и славнымъ государемъ могущественной державы. Петръ съ любопытствомъ вновь занялся осмотромъ всего, что̀ онъ видѣлъ здѣсь 20 лѣтъ назадъ. Особенно онъ занялся изученіемъ морскаго дѣла и морской торговли, обозрѣвалъ корабельныя мастерскія, магазины и заведенія знатнѣйшихъ торговцевъ, бесѣдовалъ съ учеными и художниками, покупалъ картины и книги, посѣщалъ музеи и проч. Царь побывалъ и въ городкѣ Саардамѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтилъ тотъ домикъ, гдѣ онъ жилъ, въ качествѣ простого плотника, во время перваго своего путешествія по Европѣ.

Изъ Амстердама Петръ съ царицею прибылъ въ главный городъ Голландіи — Гаагу, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями. Предполагавшіеся здѣсь переговоры со сторонниками Карла о заключеніи мира съ Швеціею не состоялись, такъ какъ въ это время многіе изъ этихъ сторонниковъ были неожиданно захвачены англичанами, по обвиненію ихъ, вмѣстѣ съ Карломъ, въ тайномъ намѣреніи напасть на Англію. Петръ радовался этому новому затрудненію, въ какое неожиданно попалъ отважный Карлъ.

Встрѣтивъ почти во всѣхъ иностранныхъ державахъ, за исключеніемъ Пруссіи, недовѣріе и зависть къ Россіи, Петръ рѣшился побывать во Франціи, чтобы попытаться сблизиться

съ этою могущественною державою. Оставивъ свою супругу въ Амстердамѣ, Петръ, въ мартѣ 1717 года, отправился, черезъ Бельгію, въ Парижъ. По дорогѣ туда, царю всюду былъ оказываемъ торжественный пріемъ, при чемъ онъ осматривалъ достопримѣчательности во многихъ городахъ. Вступая на французскую землю, Петръ, благодаря своему любопытству все видѣть, едва не подвергся значительной опасности. Въ одномъ мѣстечкѣ, пользуясь морскимъ отливомъ, Петръ захотѣлъ объѣхать въ каретѣ обнажавшееся дно морскаго залива. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ; морской приливъ начался съ необыкновенною быстротою, и вода покрыла дорогу, на которой находился царь... Онъ едва успѣлъ отпречь одну изъ лошадей и ускакалъ на ней верхомъ отъ грозившей ему опасности.

Между тѣмъ, во Франціи были приняты мѣры для того, чтобы встрѣтить всюду царя съ подобающею ему честью. Петръ, однако, нигдѣ долго не останавливался. Только въ одномъ городкѣ, недалеко отъ Парижа, онъ пробылъ цѣлый день на суконной фабрикѣ, изучая тамошній способъ окрашиванія суконъ въ алую краску. На другой день, 26 апрѣля, въ 10 часовъ утра, Петръ прибылъ въ Парижъ, въ нарочно присланной за нимъ придворной каретѣ, въ сопровожденіи французскихъ генераловъ и почетнаго эскадрона французской гвардіи.

Царю сначала отвели помѣщеніе въ роскошныхъ покояхъ Луврскаго дворца. Но помѣщеніе это сразу показалось Петру слишкомъ великолѣпнымъ. Онъ ненавидѣлъ всякую пышность и роскошь и любилъ жить по-просту. Подъ предлогомъ, что спутники его могутъ испортить великолѣпное убранство Лувра, Петръ на другой же день перебрался въ домъ одного французскаго генерала. Здѣсь тотчасъ же посѣтилъ его герцогъ Орлеанскій, управлявшій Франціею по случаю малолѣтства французскаго короля Людовика XV. Герцогъ былъ удивленъ умомъ царя. Онъ пробылъ съ Петромъ часа полтора, и, уходя, оставилъ его съ низкими поклонами, на которые Петръ отвѣчалъ только легкимъ наклоненіемъ головы...

Два дня спустя, 29 апрѣля, пріѣхалъ посѣтить русскаго царя и самъ король, семилѣтній Людовикъ XV, въ сопровожденіи своего дядьки — генерала, въ домѣ котораго поселился Петръ. Царь ласково принялъ маленькаго короля, нѣсколько разъ бралъ его на руки и съ нѣжностью цѣловалъ. Петръ послѣ шутливо писалъ о немъ Меншикову: „Король матерой человѣкъ и гораздо старъ лѣтами, а именно — семи лѣтъ“... Царицѣ онъ писалъ изъ Франціи: „Здѣшній король пальца на два выше нашего карлика Луки, но дитя изрядное образомъ и станомъ и по возрасту своему довольно разумное“.

На слѣдующій день, 30 апрѣля, царь самъ отправился во дворецъ къ королю, въ присланной за нимъ королевской каретѣ. Маленькій король, съ министрами и генералами, встрѣтилъ Петра на нижнемъ крыльцѣ и привѣтствовалъ его краткою, заученной наизусть рѣчью. Петръ, пожелавъ ему на это славнаго царствованія, взялъ его на руки и, неся его вверхъ по лѣстницѣ, посреди разставленной гвардіи, сказалъ: „всю Францію на себѣ несу!“

Церемоніи и пріемы три дня сряду отвлекали Петра отъ его нетерпѣливаго желанія поскорѣе осмотрѣть достопримѣчательности Парижа, которыми онъ интересовался больше, чѣмъ семилѣтнимъ королемъ. Какъ только онъ освободился отъ этихъ церемоній, тотчасъ же съ жадностью бросился изучать все примѣчательное въ Парижѣ. Ничто здѣсь не укрылось отъ его любознательнаго глаза. Онъ осматривалъ музеи, фабрики, сады, художественныя заведенія, дворцы, арсеналы, монастыри и церкви, различныя древности, типографіи, библіотеки, учебныя заведенія, войска, укрѣпленія, наблюдалъ даже за строеніемъ моста и проч.

Съ особеннымъ же вниманіемъ онъ осматривалъ все, относившееся къ мореплаванію, торговлѣ и ремесламъ. Нѣкоторыхъ изъ искусныхъ французскихъ ремесленниковъ онъ принялъ тогда же на русскую службу и отправилъ въ Петербургъ. Необыкновенная подвижность Петра, его страсть

все знать и видѣть, заставили французское правительство распорядиться о разстановкѣ въ разныхъ мѣстахъ города экипажей, чтобы гость постоянно имѣлъ возможность ѣхать всюду, куда ему вздумается.

Французы вообще относились къ Петру съ большою предупредительностью: устраивали для него охоты, вечера, часто приглашали его на обѣды при дворѣ и къ знатнымъ французскимъ вельможамъ, и оказывали ему всякія любезности.

Такъ, во время посѣщенія Петромъ знаменитой Гобеленовой фабрики ковровъ, которую онъ осматривалъ два раза, ему очень понравилась вышитая по ковру исторія въ картинахъ Донъ-Кихота, которую ему тотчасъ же поднесли въ подарокъ, отъ имени короля. Въ библіотекѣ королевскаго дворца ему поднесли въ подарокъ двѣнадцать драгоцѣнныхъ томовъ въ роскошномъ переплетѣ, съ богатыми рисунками, изображавшими сады, зданія и походы французскаго короля. При посѣщеніи монетнаго дома, Петръ, разсматривая все съ большимъ вниманіемъ, попросилъ, чтобы ему показали также способъ чеканки медалей. Директоръ заведенія тотчасъ же приказалъ подать золотые и серебряные кружечки, изготовленные для медалей, и принести штемпель. Петръ внимательно слѣдилъ, какъ этотъ штемпель положили въ тиски, наложили на него золотой кружокъ, и тиснули. Каково же было его изумленіе, когда на вынутой изъ тисковъ медали онъ увидалъ прекрасно изображенный свой грудной портретъ, увѣнчанный лаврами и съ надписью на латинскомъ языкѣ: „Царь Петръ Алексѣевичъ, великій русскій императоръ“. Петръ долго удивлялся этой неожиданной медали и, разсматривая ее, говорилъ: „Это я, дѣйствительно я“... Оказалось, что любезные французы заранѣе приготовили штемпель съ портретомъ царя, чтобы доставить ему неожиданное удовольствіе. Царь тутъ же получилъ эту медаль на память, при чемъ и спутникамъ его были розданы золотыя и серебряныя медали. По случаю посѣщенія царемъ засѣданія верховнаго парижскаго суда, всѣ

члены этого суда одѣлись въ парадныя платья краснаго цвѣта, а предсѣдатель—въ мѣховое одѣяніе, что составляло особую почесть, оказываемую высокому гостю. При этомъ королевскій стряпчій произнесъ въ честь царя краткую рѣчь, которую заключилъ словами, что „посѣщеніе столь отдаленнаго, столь славнаго въ Европѣ и Азіи государя, какъ случай чрезвычайный, должно быть внесено въ акты парламента“. 31 мая, въ день рожденія Петра, французы устроили для него за городомъ блистательный фейерверкъ, сопровождаемый музыкальнымъ концертомъ, а ночью данъ былъ балъ, на которомъ Петру такъ понравилось, что онъ пробылъ на балѣ долѣе того времени, въ какое обыкновенно уходилъ спать.

Петръ въ Парижѣ, какъ и вездѣ, велъ самый простой образъ жизни, что сильно удивляло парижанъ, привыкшихъ къ необычайной роскоши и великолѣпію при дворѣ своихъ королей. Петръ одѣвался въ простую одежду, вставалъ очень рано, обѣдалъ въ 11 часовъ утра, ужиналъ въ 8 часовъ вечера, и при этомъ не любилъ стѣснять себя ни въ чемъ, не обращая никакого вниманія даже на придворные французскіе обычаи. Такъ, во время бесѣды съ кѣмъ бы то ни было, онъ иногда вдругъ уходилъ прочь, не дослушивая рѣчей собесѣдника, если онѣ казались ему мало интересными. Иногда онъ вскакивалъ мгновенно, спрашивалъ карету, и спѣшилъ видѣть что либо достойное вниманія. Любопытные толпились вездѣ на встрѣчу царя, и онъ удалялъ ихъ отъ себя или словами, или давая знакъ рукою. Посѣтивъ, однажды, съ герцогомъ Орлеанскимъ оперный театръ, Петръ, сидя во время представленія съ герцогомъ въ королевской ложѣ, спросилъ себѣ стаканъ пива, взялъ его, не вставая съ мѣста, отъ герцога и, безъ церемоніи, поставилъ подносъ у него на рукахъ. Не дослушавъ оперы, Петръ ушелъ изъ театра. При осмотрѣ инвалиднаго дома для престарѣлыхъ французскихъ воиновъ, чрезвычайно понравившагося Петру, царь зашелъ въ столовую, попросилъ себѣ рюмку вина, выпилъ ее за здоровье инвали-

довъ, которыхъ назвалъ „своими товарищами“, и братски потрепалъ одного изъ нихъ по плечу. Осмотрѣвъ также извѣстную въ то время французскую школу для воспитанія благородныхъ дѣвицъ и оставшись очень довольнымъ этимъ осмотромъ, Петръ послѣ того пожелалъ видѣть знаменитую основательницу и начальницу этой школы, уже престарѣлую женщину, которая, по случаю болѣзни, хотѣла избѣжать встрѣчи съ царемъ и находилась въ постели. Петръ безъ церемоніи пошелъ въ комнату, гдѣ лежала больная, подошелъ къ ея постели, молча отдернулъ занавѣски и, поклонившись, посмотрѣлъ на нее. „Чѣмъ вы больны?“ спросилъ Петръ. Начальница отвѣтила: „Старостію“. На это Петръ добродушно замѣтилъ: „Да, это общая болѣзнь всѣхъ людей, которые засиживаются на свѣтѣ!...“ И потомъ преспокойно вышелъ изъ комнаты. Царь также катался иногда въ Парижѣ по рѣкѣ Сенѣ. Возвращаясь, однажды, изъ-за города, Петръ проплылъ на лодкѣ подъ всѣми парижскими мостами, потомъ, пересѣвши въ свою карету, обогнулъ укрѣпленія города, затѣмъ заѣхалъ къ одному фейерверкеру и накупилъ у него большой запасъ шутихъ и ракетъ, которыя въ тотъ же вечеръ истратилъ въ своемъ саду при томъ домѣ, гдѣ помѣщался.

Удивляясь необычайной простотѣ образа жизни и обращенія царя и многимъ его привычкамъ, не совсѣмъ согласнымъ съ парижскими обычаями, французы, въ то же время, поражались его необыкновеннымъ умомъ, знаніями и находчивостью. Они изумлялись, видя что уроженецъ страны, считаемой ими чуть ли не самою дикою въ мірѣ, своими познаніями въ наукахъ и ясностью въ сужденіяхъ о разныхъ предметахъ, значительно превосходилъ государей, управлявшихъ образованными странами. Даже ученые французы удивлялись его способностямъ и обширнымъ познаніямъ въ разныхъ наукахъ. Петръ познакомился почти со всѣми тогдашними знаменитыми парижскими учеными — географами, математиками, астрономами, докторами и химиками; самъ ходилъ къ нимъ бесѣдовать по

разнымъ ученымъ вопросамъ, приглашалъ ихъ къ себѣ на домъ и производилъ съ ними опыты; въ домѣ одного астронома Петру такъ понравились астрономическіе инструменты, что онъ тутъ же ихъ купилъ.

Въ высшей степени интересуясь врачебной наукой, Петръ пожелалъ также видѣть одну изъ операцій, дѣлаемыхъ проживавшимъ въ то время въ Парижѣ знаменитымъ англійскимъ глазнымъ врачемъ (Іоллессомъ): больного, шестидесятилѣтняго инвалида, нарочно привезли въ домъ, гдѣ жилъ Петръ, чтобъ показать русскому царю образецъ европейскаго врачебнаго искусства. Сначала, когда врачъ запустилъ иглу въ глазъ больного, Петръ невольно отвернулъ голову, но любопытство взяло надъ нимъ верхъ, и онъ смотрѣлъ до конца на операцію, а потомъ поднесъ къ глазамъ инвалида свою руку, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что тотъ увидалъ ее, тогда какъ до операціи ничего не могъ видѣть. Петръ высказалъ удивленіе ловкости оператора и обѣщался прислать къ нему русскаго ученика, чтобы тотъ могъ пріобрѣсти, подъ его руководствомъ, подобное же искусство.

Посѣтивъ Парижскую академію наукъ, Петръ долго бесѣдовалъ съ членами ея о новыхъ машинахъ и разныхъ ученыхъ опытахъ. Ему понравилось здѣсь все, что онъ тутъ видѣлъ и о чемъ говорилъ. Съ другой стороны, самъ онъ удивилъ ученыхъ своими познаніями въ наукахъ, особенно въ географіи. Онъ тутъ же замѣтилъ на ихъ картѣ погрѣшность въ отношеніи къ Каспійскому морю и исправилъ имъ карту. Годъ спустя, французская академія избрала его своимъ почетнымъ членомъ и прислала ему дипломъ на это званіе.

Петръ пробылъ въ Парижѣ сорокъ дней. Каждый день онъ видѣлъ и слышалъ здѣсь что либо новое для себя. Обыкновенно всякое путешествіе служило для него отличною школою. Такъ онъ былъ способенъ всюду учиться, вездѣ все наблюдать и сравнивать. Передъ отъѣздомъ, король и герцогъ Орлеанскій снова посѣтили Петра. При прощаніи, король поднесъ своему

высокому гостю въ даръ мечъ, усыпанный брилліантами, но Петръ не хотѣлъ брать въ подарокъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, а попросилъ четыре гобеленовскихъ ковра превосходной работы, изъ королевскаго дворца. На коврахъ этихъ, вытканныхъ по рисункамъ знаменитаго художника, были изображены: рыбная ловля апостола Петра, исцѣленіе разслабленнаго, изгнаніе изъ храма торговцевъ и воскресеніе Лазаря. Съ своей стороны, Петръ подарилъ маленькому королю, Людовику XV, модель своего любимаго Петербурга. Королевскимъ служителямъ, находившимся при немъ, Петръ выдалъ 3.000 червонныхъ; знатнѣйшихъ же особъ французскаго двора царь наградилъ на память своими портретами, золотыми медалями и токарными произведеніями собственной работы.

9 іюня Петръ, отслушавъ обѣдню въ греческой церкви, покинулъ Парижъ.

Многое Петру понравилось въ Парижѣ. Особенно удивляла его парижская общественная жизнь и разныя ученыя учрежденія Парижа. Тѣмъ не менѣе, Франція оставила въ Петрѣ грустное чувство. Послѣ посѣщенія имъ богатыхъ въ то время странъ — Голландіи и Бельгіи, его поразила бѣдность тогдашняго крестьянскаго населенія Франціи. Чрезмѣрная роскошь и пышность при королевскомъ дворѣ также не понравились царю. Оставляя Францію, Петръ съ грустью замѣтилъ: „Жалѣю о королѣ и о Франціи: она погибнетъ отъ роскоши“. Предсказаніе его относительно короля сбылось черезъ семьдесятъ лѣтъ.

Съ своей стороны французы въ большинствѣ остались въ восхищеніи отъ способностей Петра и отъ самой его личности. Непосредственнымъ послѣдствіямъ посѣщенія Петромъ Парижа было заключеніе дружественнаго договора съ Франціей, не смотря на всѣ старанія другихъ державъ помѣшать всякому сближенію Россіи съ Франціею. Завистникамъ Россіи удалось только отвлечь Францію отъ заключенія прямого союза съ Петромъ противъ Швеціи. Во всякомъ случаѣ, личное пребываніе Петра

въ Парижѣ положило въ первый разъ основаніе болѣе близкимъ сношеніямъ между Россіей и Франціей.

Изъ Парижа Петръ пріѣхалъ для леченія въ Германію, на воды, гдѣ пробылъ около мѣсяца. Рѣшившись въ то же время окончательно приступить къ переговорамъ о мирѣ съ Швеціей, помимо своихъ союзниковъ, Петръ отправилъ приказаніе войскамъ своимъ о выходѣ изъ Мекленбурга въ Россію.

2 августа Петръ прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ давно уже ждала его царица Екатерина. Сторонники Карла XII, захваченные-было англичанами, теперь были выпущены и снова явились въ Амстердамъ, для переговоровъ съ Петромъ о заключеніи мира съ Швеціей. Съ обѣихъ сторонъ было условлено прислать уполномоченныхъ, для веденія переговоровъ, въ Финляндію, на Аландскіе острова. Послѣ этого, Петръ выѣхалъ съ супругою изъ Голландіи въ Берлинъ, гдѣ снова видѣлся съ прусскимъ королемъ, подтвердившимъ прежній свой союзъ съ Петромъ.

9 октября 1717 года Петръ возвратился въ Петербургъ, пробывъ за-границею около двадцати мѣсяцевъ.

Въ маѣ 1718 года начались, наконецъ, на Аландскихъ островахъ переговоры со шведскими уполномоченными о мирѣ. Но тутъ обнаружилось, что съ Карломъ не легко переговариваться о мирѣ. Уполномоченные его сразу потребовали возвращенія всѣхъ завоеванныхъ у Швеціи земель. Петръ соглашался уступить только Финляндію, за исключеніемъ Выборга и Кексгольма, какъ ближайшихъ городовъ къ Петербургу. Нѣсколько разъ уполномоченные Карла уѣзжали съ Аландскихъ острововъ въ Швецію, снова возвращались на острова, предлагали взамѣнъ уступокъ новыя требованія и т. д. Наконецъ, уполномоченный Петра, Остерманъ, пришелъ къ тому заключенію, что Швецію, уже совершенно разоренную войною, можно принудить къ заключенію мира только новымъ нападеніемъ на самую столицу Швеціи. Про самого Карла XII Остерманъ писалъ Петру, что „король, судя по его отважнымъ

поступкамъ, когда-нибудь или убитъ будетъ, или, скача верхомъ, шею сломитъ".

Дѣйствительно, въ концѣ декабря, на Аландскіе острова неожиданно прибылъ изъ Швеціи курьеръ съ извѣстіемъ, что Карлъ XII, 30 ноября, убитъ рукою измѣнника, при осадѣ одного норвежскаго городка.

Переговоры были прерваны. На шведскій престолъ вступила сестра Карла, Ульрика-Элеонора. Она вскорѣ возобновила переговоры о мирѣ, но потребовала еще бо̀льшихъ уступокъ отъ Россіи, нежели самъ Карлъ. Чтобы поддержать свои требованія, она заручилась содѣйствіемъ Англіи и даже старалась возбудить противъ Россіи единственнаго вѣрнаго союзника Петра, прусскаго короля, но въ этомъ пока не имѣла успѣха. За то англійскій флотъ вскорѣ вошелъ въ Балтійское море, подъ предлогомъ охранять англійскую торговлю, а на самомъ дѣлѣ въ помощь Швеціи.

Петръ хорошо понималъ это, но не испугался англичанъ и рѣшился на крайнюю мѣру. Въ іюлѣ 1719 года онъ снарядилъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и 100 мелкихъ судовъ и отправилъ на нихъ, въ виду англичанъ, русское войско, для „пущаго разоренія обнищавшей Швеціи". Войска эти высадились въ окрестностяхъ шведской столицы, опустошили кругомъ ея города и селенія, истребили въ нихъ хлѣбъ и скотъ и разорили значительное число мельницъ, желѣзныхъ заводовъ и рудниковъ, составлявшихъ главное богатство Швеціи. Русскіе находили на всѣхъ шведскихъ заводахъ такое множество желѣза, что не могли помѣстить его на суда и бросали въ море. Ущербъ, нанесенный шведамъ, достигалъ до 12 милліоновъ рублей, а добыча русскихъ простиралась до 1 милліона. Самому Стокгольму, столицѣ Швеціи, угрожала опасность: казаки, 27 іюля, появились близь самой столицы Швеціи. Войска шведскія не могли охранить своей страны отъ высадокъ русскихъ: русскіе разоряли шведскіе берега налетомъ, появляясь и исчезая то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Въ сентябрѣ прекратились нападенія. Петръ, надѣясь, что Швеція, испытавши разоренія, станетъ уступчивѣе, снова отправилъ Остермана въ Швецію для веденія переговоровъ. Но шведскіе министры, отъ имени королевы, гордо объявили, что никогда не дадутъ приневолить себя къ миру. Послѣ этого, шведскіе уполномоченные совсѣмъ уѣхали съ Аландскихъ острововъ, и, въ сентябрѣ 1719 года, переговоры были опять прерваны.

Между тѣмъ, шведская королева успѣла заключить миръ съ прежними союзниками Петра — Даніей и Польшей и перетянула ихъ на свою сторону. Даже прусскій король измѣнилъ Петру и примирился съ Швеціею. Англія же открыто приняла сторону Швеціи, и въ 1720 году снова выслала свой флотъ въ Балтійское море, для угрозы Россіи.

Петръ не придавалъ всѣмъ этимъ враждебнымъ выходкамъ иностранныхъ державъ никакого значенія. Во время своихъ продолжительныхъ путешествій за границей, онъ отлично изучилъ западно-европейскія государства. Петръ зналъ, что они боятся, главнымъ образомъ, усиленія Россіи и будутъ угрожать только на словахъ, на дѣлѣ же всѣ они завидуютъ другъ другу и ни одна изъ нихъ не будетъ даромъ драться за другую. Поэтому Петръ, въ 1720 году, на глазахъ англичанъ, опять снарядилъ свой флотъ и снова отправилъ его въ Швецію, съ 5.000 человѣкъ пѣхоты и 360 казаковъ. Войска эти взяли и сожгли шесть шведскихъ галеръ и 27 купеческихъ судовъ, затѣмъ высадились на берегахъ Швеціи и обратили въ пепелъ четыре города и нѣсколько сотъ деревень.

Въ слѣдующемъ, 1721 году, англійскій флотъ опять пришелъ въ Балтійское море. Петръ снова отправилъ въ Швецію войско, которое опять высадилось тамъ, въ присутствіи англичанъ, и произвело страшное опустошеніе. Послѣ этого англичанамъ надоѣло высылать свои корабли на безполезную поддержку Швеціи. Настойчивость Петра, страхъ передъ нимъ заступниковъ Швеціи и, наконецъ, разореніе, причиненное

русскими на шведскихъ берегахъ, — все это заставило вступившаго на шведскій престолъ новаго короля, мужа Ульрики-Элеоноры, выслать снова своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію, для веденія переговоровъ о мирѣ.

30 августа 1721 года, въ городѣ Ништадтѣ, наконецъ, заключенъ былъ вѣчный миръ съ Швеціей, прекратившій долголѣтнюю, кровопролитную Сѣверную войну, продолжавшуюся ровно 21 годъ. Швеція уступила Россіи въ вѣчное владѣніе: Лифляндію, Эстляндію, острова Эзель, Даго и Менъ, Ингерманландію съ Петербургомъ, Карелію съ Кексгольмомъ, и Выборгъ въ Финляндіи. Остальная Финляндія была возвращена Швеціи. Такимъ образомъ, Петръ, несмотря на все противодѣйствіе иностранныхъ державъ, достигъ всего, чего онъ такъ долго и усиленно добивался отъ Швеціи.

Ништадтскій мирный договоръ имѣлъ огромное значеніе для Россіи. Онъ не только доставилъ Россіи въ вѣчное владѣніе Балтійское море и обширныя прибалтійскія земли, съ богатыми городами, но и окончательно упрочилъ могущество и первостепенное положеніе Россіи въ Европѣ. Цѣль Петра — добыть для Россіи короткій и удобный морской путь въ западную Европу, возвысить и усилить Московское царство и сдѣлать его равнымъ прочимъ державамъ, — была теперь достигнута вполнѣ.

Окончаніе двадцати-однолѣтней войны, завершившейся столь важнымъ успѣхомъ для Россіи, несказанно обрадовало Петра и русскій народъ. Петръ находился въ Выборгѣ, когда, 3 сентября, къ нему пришло извѣстіе о заключеніи мира. Онъ сейчасъ же собственноручными письмами извѣстилъ объ этомъ радостномъ событіи разныхъ вельможъ и, между прочими, князя Василія Долгорукаго, которому написалъ: „Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 годъ), однакожъ, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно“.

Русскій флотъ передъ Азовомъ.

Немедленно затѣмъ Петръ сѣлъ на корабль и поплылъ изъ Выборга въ свой любимый Петербургъ съ радостною вѣстью. Подплывая къ городу, Петръ приказалъ трубить трубачу и каждую минуту стрѣлять изъ пушекъ. Народъ понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же со всѣхъ сторонъ толпами устремился къ пристани, которая находилась у крѣпости. „Миръ, братцы, миръ!" кричалъ радостно Петръ, подъѣзжая къ пристани и махая шляпою. Въ Троицкомъ соборѣ ударили въ колоколъ. Петръ сейчасъ же отправился въ соборъ къ молебну. Пока отправлялось молебствіе, на площади передъ соборомъ устроили возвышенное мѣсто, выстроили передъ нимъ войска и выкатили бочки съ пивомъ и виномъ для угощенія народа... По окончаніи молебна, Петръ, получивъ отъ генераловъ и министровъ въ награду чинъ адмирала, вышелъ на площадь, взошелъ на возвышеніе, поклонился народу и сказалъ: „Здравствуйте и благодарите Бога, православные, что столь долговременную войну, которая продолжалась двадцать-одинъ годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый, вѣчный миръ!" Сказавши это, Петръ взялъ ковшъ вина изъ приготовленной для народа бочки, и выпилъ его за здоровье народа. Народъ плакалъ и кричалъ: „Да здравствуетъ государь!" Съ крѣпости раздалась пушечная пальба, затрещали по рядамъ войскъ ружейные выстрѣлы. По городу отправились по-парно трубачи, а за ними выѣхали верхами вѣстовщики мира, съ бѣлыми черезъ плечо перевязями, съ знаменами и съ лавровыми вѣтвями. Весь народъ былъ угощаемъ пивомъ и виномъ. Цѣлую недѣлю продолжалось празднованіе мира. Петръ самъ веселился какъ ребенокъ, плясалъ отъ радости и пѣлъ пѣсни.

Въ ознаменованіе всеобщей радости, Петръ даровалъ генеральное прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, а также сидящимъ въ тюрьмахъ за государственные долги, и сложилъ всѣ недоимки, накопившіяся на народѣ въ продолженіе долголѣтней войны.

22 октября происходило церковное торжество мира. По окончаніи обѣдни прочитанъ былъ мирный договоръ, послѣ чего архіепископъ псковскій Ѳеофанъ сказалъ рѣчь, въ которой описалъ славныя дѣла и заслуги въ минувшую войну, а затѣмъ всѣ знатнѣйшіе сановники приблизились къ Петру и главный изъ нихъ, канцлеръ Головкинъ, выступивъ впередъ, произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „Твоими неусыпными трудами, твоимъ единымъ руководженіемъ, царь, мы изъ тьмы невѣдѣнія и ничтожества на путь славы вступили и присоединились къ образованнымъ народамъ!“ Въ заключеніе канцлеръ, отъ лица всѣхъ сенаторовъ и отъ имени всего народа, просилъ Петра принять титулъ „Отца отечества“, „Императора“ и „Великаго“. При этихъ словахъ, всѣ присутствующіе въ церкви сенаторы три раза прокричали: „да здравствуетъ Петръ Великій, Отецъ отечества, Императоръ Всероссійскій!“ За ними повторилъ этотъ крикъ съ необычайнымъ одушевленіемъ весь народъ, стоявшій въ несмѣтномъ числѣ какъ внутри, такъ и внѣ церкви; раздались звуки трубъ и литавръ, зазвонили въ колокола, загремѣла пушечная пальба со всѣхъ невскихъ судовъ и съ петербургской крѣпости и затрещала страшная ружейная пальба, произведенная 29 полками... Все возвѣщало всеобщую радость. Когда все стихло, Петръ отвѣчалъ сенаторамъ: „Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что̀ Господь прошедшею войною и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить!“ Отъ чести носить титулъ „Петра Великаго“, „Отца отечества“ и „Императора Всероссійскаго“ Петръ смиренно отказывался, но долженъ былъ принять эту награду по усиленной просьбѣ всѣхъ сенаторовъ. Съ тѣхъ поръ Петръ сталъ называться „Великимъ“, а всѣ цари русскіе — „Императорами“. Послѣ принятія Петромъ почетнѣйшаго титула, былъ отслуженъ благодарственный Богу молебенъ, сопровождаемый пушечною и ружейною пальбою. По выходѣ Петра изъ цер-

кви, снова раздались радостные крики народа, и опять загремѣла пушечная и ружейная пальба. Во дворцѣ данъ былъ обѣдъ, а вечеромъ—балъ; по всему городу засвѣтилась иллюминація, зажглись свѣчи на окнахъ, запылали на улицахъ смоленыя бочки и дровяные костры, зажженъ былъ великолѣпный фейерверкъ, вся Нева была иллюминована потѣшными огнями; для народа были устроены два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино; съ крѣпости и съ кораблей былъ данъ одинъ залпъ изъ тысячи пушекъ и изъ множества ружей, потрясшій землю; отъ страшной пальбы, казалось, вся Нева покрылась пламенемъ.

Такъ праздновалъ Великій царь заключеніе Ништадтскаго мира, возвеличившаго Россію. Нѣсколько разъ принимался онъ потомъ праздновать этотъ славный миръ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Пирамъ, маскарадамъ, иллюминаціямъ, фейерверкамъ не было конца! По своему обыкновенію, Петръ часто сопровождалъ это торжество замысловатыми шутками. Такъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда уже выпалъ снѣгъ, Петръ устроилъ въ Москвѣ торжественное шествіе по улицамъ города на нарочно устроенныхъ для этого корабляхъ, поставленныхъ на полозья. Корабли эти были снабжены мачтами, парусами и пушками, и были запряжены лошадьми, медвѣдями, свиньями, собаками и проч. Корабль тянулся за кораблемъ, длинной вереницей. Всѣ знатные люди сидѣли на этихъ корабляхъ, одѣтые китайцами, персіянами, черкесами, индѣйцами, турками и разными европейскими народами всякаго званія и сословія. Нѣкоторые ѣхали сидя верхомъ на осѣдланныхъ быкахъ. Самъ Петръ съ царицей ѣхалъ на кораблѣ, запряженномъ шестью лошадьми. Послѣ этого праздника, еще недѣли двѣ сряду отправлялось въ Москвѣ торжество. Всѣ дѣла остановились по случаю всеобщаго гулянья.

Никто въ то время не понималъ такъ хорошо, какъ самъ Петръ Великій, всего того огромнаго значенія, какое имѣла для Россіи шведская война. Война эта была объявлена еще

въ Москвѣ, когда Петербурга еще не существовало. Окончаніе же этой войны праздновалось уже въ новомъ городѣ, въ Петербургѣ, построенномъ въ завоеванной у шведовъ землѣ и сдѣлавшемся уже столицею всей Россіи. Кромѣ бурнаго и холоднаго Сѣвернаго моря, по которому надобно было плыть въ западную Европу нѣсколько мѣсяцевъ, теперь у Россіи было Балтійское море, болѣе спокойное и открытое для плаванія въ теченіе значительной части года и по которому можно попасть въ западную Европу въ нѣсколько дней. Вмѣсто слабаго, малоизвѣстнаго Московскаго царства, теперь появилась могущественная Россійская имперія, прославленная на весь свѣтъ. Самъ Петръ чрезъ эту войну изъ Московскаго царя сдѣлался Всероссійскимъ императоромъ.

Однажды, при спускѣ на воду въ Петербургѣ новопостроеннаго корабля, Петръ сказалъ своимъ вельможамъ замѣчательную рѣчь, въ которой, между прочимъ, выразилъ слѣдующее: „Никому изъ насъ, братцы, и во снѣ не снилось, лѣтъ 30 тому назадъ, что мы будемъ здѣсь плотничать, воздвигнемъ городъ въ завоеванной нами странѣ, доживемъ до того, что увидимъ и русскихъ храбрыхъ солдатъ и матросовъ, и множество иноземныхъ художниковъ и своихъ сыновъ, воротившихся изъ чужихъ краевъ смышлеными, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ уважать чужіе государи!“ И все это было достигнуто въ теченіе какихъ нибудь 20-ти лѣтъ. Мало того, война шведская не только возвысила Россію, но и сокрушила могущество Швеціи, обезсилила Польшу, а также помогла возвыситься Пруссіи, вступившей въ союзъ съ Россіею.

Такова была сила необыкновеннаго ума Петра, его желѣзной воли и пробужденныхъ имъ способностей русскаго народа!

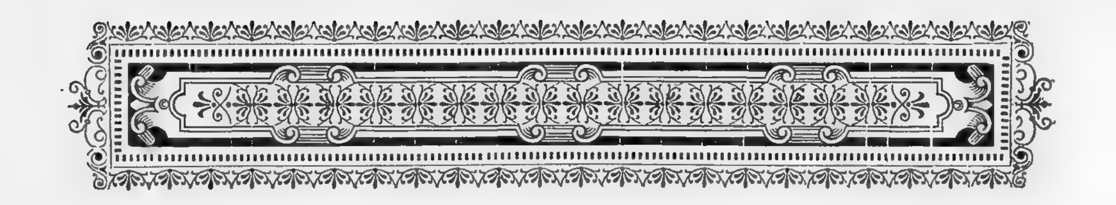
Петръ никогда не воевалъ для своей собственной славы, или по собственной своей любви къ ратному дѣлу. Въ самый разгаръ шведской войны, передъ Полтавскою битвою, онъ сказалъ о себѣ своимъ войскамъ: „а о Петрѣ вѣдайте, что

ему жизнь не дорога, жила бы только Россія, слава, честь и благосостояніе ея!" Послѣ Полтавской побѣды, плѣннымъ шведскимъ генераламъ Петръ говорилъ, что „онъ всегда предпочитаетъ миръ самымъ великимъ побѣдамъ, и что подданные не могутъ быть счастливы, развѣ подъ правленіемъ миролюбиваго государя".

Заключивъ вѣчный миръ съ Швеціею, Петръ собственноручно сжегъ свой деревянный домъ подъ Москвою въ селѣ Преображенскомъ, сказавъ при этомъ окружавшимъ его лицамъ: „Здѣсь задумалъ я впервые войну противъ Швеціи, пусть вмѣстѣ съ этимъ домомъ исчезнетъ всякая мысль о враждѣ съ нею".

Только необычайныя обстоятельства, крайне тягостное положеніе русскаго народа, оторваннаго въ теченіе многихъ вѣковъ отъ образованныхъ народовъ и потому долго остававшагося безъ торговыхъ сношеній съ богатыми и просвѣщенными странами, безъ развитія промысловъ и ремеслъ и въ крайней бѣдности и безсиліи, — только это опасное положеніе Россіи заставило Петра добиваться войною морскаго пути въ Европу, усиленія русскаго царства и сближенія его съ западно-европейскими государствами. Такимъ образомъ благосостояніе русскаго народа было главною цѣлью войны Петра Великаго со шведами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Семейныя дѣла Петра Великаго. — Охлажденіе между супругами. — Царевичъ Алексѣй.— Его воспитаніе и характеръ. — Женитьба. — Безпокойство Петра.— Его старанія исправить царевича.— Бѣгство царевича заграницу.— Возвращеніе его. — Судъ и смерть царевича.

Не желая прерывать изложеніе о ходѣ Сѣверной войны, мы упустили разсказать, что въ это же самое время совершалась тяжелая семейная драма въ самой семьѣ Петра. Драма эта, будучи семейною, имѣла въ то же время государственный характеръ и большую будущность для всей Россіи.

Петръ женился на Евдокіи въ очень ранней юности, когда ему не исполнилось еще 17 лѣтъ, притомъ же совершенно противъ своей воли, по настоянію матери своей, царицы Натальи Кирилловны, которую горячо любилъ и которую ни въ чемъ не хотѣлъ огорчать ослушаніемъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, молодой Петръ вскорѣ послѣ брака сталъ охладѣвать къ своей супругѣ, почти насильно ему навязанной. Евдокія происходила изъ простаго дворянскаго рода Лопухиныхъ. Она была женщина умная, но не отличалась красотою, почти ничему не училась, а главное не понимала значенія преобразованій Петра, всею душей ненавидѣла ихъ, не любила его постоянныхъ отлучекъ и поѣздокъ, его знакомствъ съ иностранцами, его страсти къ ра-

ботѣ, его заботъ о Россіи, и крѣпко держалась старинныхъ русскихъ привычекъ и обычаевъ. Ея родственники Лопухины, отецъ, дядья и братья, также объявились упорными приверженцами старины, крайне враждебно смотрѣвшими на всѣ начинанія Петра. Вступивъ чрезъ замужество Евдокіи въ близкое родство съ царскимъ домомъ, дворяне Лопухины надѣялись чрезъ это добиться прямо почести, власти и привольной жизни, но вмѣсто того они сразу увидѣли, что Петръ, не разбирая ни состоянія, ни званія, всѣхъ одинаково заставлялъ трудиться, а главное—отличалъ людей передъ всѣми преимущественно по уму, по заслугамъ и по познаніямъ. Надѣясь на заступничество Евдокіи, Лопухины не хотѣли покориться Петру, а напротивъ, при помощи царицы, они надѣялись самого молодаго государя отвратить отъ новыхъ затѣй, чтобы заручиться самимъ вліяніемъ и властью. По русской привычкѣ къ самомнѣнію, они думали прежде всего о самихъ себѣ, о своей выгодѣ, о своемъ покоѣ, а Петръ думалъ исключительно о благѣ и счастіи Россіи. Встрѣтивъ со стороны всего рода Лопухиныхъ упорное противодѣйствіе своимъ великимъ планамъ, государь сталъ избѣгать ихъ и удаляться часто отъ своей супруги. Тогда царица Евдокія еще больше начала надоѣдать ему попреками и укорами и настаиваньемъ на сохраненіи старинныхъ привычекъ и обычаевъ. Петръ ни для кого не могъ отказаться отъ блага и счастія Россіи. Увидя неисправимость своей супруги, онъ совсѣмъ охладѣлъ къ ней. Въ Евдокіи и ея родственникахъ Петръ увидѣлъ самые закоренѣлые недостатки, которые онъ старался уничтожить въ другихъ людяхъ: совершенное неумѣнье подчиняться, грубое недовѣріе и упорное самомнѣніе. Евдокія окончательно опротивѣла ему. Уѣзжая въ первый разъ за-границу, Петръ приказалъ выслать изъ Москвы родственниковъ царицы въ отдаленныя окраины, и поручилъ патріарху и близкимъ къ себѣ вельможамъ уговорить царицу добровольно постричься въ монастырь. Евдокія не хотѣла лишаться своего высокаго поло-

женія и не согласилась на постриженіе. Вернувшись черезъ два года изъ-за границы, Петръ самъ поѣхалъ къ царицѣ уговаривать ее къ поступленію въ монастырь. Но Евдокія и тутъ отказалась. Тогда Петръ приказалъ отправить ее въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, гдѣ она и была пострижена подъ именемъ Елены.

Удаляя изъ царской семьи Евдокію, Петръ разсчитывалъ, конечно, уберечь также наслѣдника престола, царевича Алексѣя, отъ того вреднаго вліянія, какое могли оказать на него царица Евдокія и ея родственники. Но было уже поздно. Царевичу исполнилось уже восемь лѣтъ, когда отъ него удалили Евдокію.

Родился царевичъ 19 февраля 1690 года, когда отцу его не было еще 18-ти лѣтъ. Въ столь молодые годы Петръ, конечно, не могъ обращать большаго вниманія на воспитаніе своего сына. Впослѣдствіи онъ тоже былъ на столько постоянно занятъ разными неотложными дѣлами, что не имѣлъ достаточно времени серьезно заниматься воспитаніемъ сына. Постоянные разъѣзды по Россіи и продолжительныя отлучки за-границу иногда подолгу не дозволяли Петру даже видѣть сына. Такимъ образомъ, первыя восемь лѣтъ своей жизни царевичъ Алексѣй пробылъ неразлучно со своею матерью, царицей Евдокіей, отъ которой, равно какъ и отъ ея родственниковъ, постоянно слышалъ только жалобы на Петра и порицаніе всѣхъ его поступковъ. Эта вражда къ отцу и ко всѣмъ дѣламъ его, со словъ матери, запали въ душу царевича съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Когда царицу Евдокію удалили въ монастырь, царевичъ остался на чужихъ рукахъ; его взяли изъ Кремлевскихъ чертоговъ въ село Преображенское, въ хоромы его тетки, царевны Наталіи Алексѣевны, любимой сестры Петра. Самому государю, по-прежнему, некогда было внимательно слѣдить за сыномъ. Сначала къ нему приставили воспитателемъ, или дядькою, Никифора Вяземскаго, человѣка начитаннаго, но недалекаго ума. Вскорѣ Петръ назначилъ

въ учителя царевичу ученаго нѣмца Нейгебауера, но черезъ годъ этотъ дерзкій и высокомѣрный иноземецъ крупно поссорился съ Вяземскимъ и съ другими близкими царевичу людьми, и за это Петръ удалилъ его отъ царевича. Воспитаніе наслѣдника престола было поручено послѣ этого другому нѣмцу, барону Гюйссену, человѣку весьма умному и образованному. Гюйссенъ выучилъ царевича по-французски и сталъ преподавать ему разныя науки. Однако, большія способности самого барона Гюйссена скоро понадобились Петру въ другомъ дѣлѣ, и черезъ три года онъ отправилъ его за-границу съ порученіемъ по посольскимъ дѣламъ. Наблюденіе за воспитаніемъ царевича было тогда поручено любимцу Петра, Меншикову. Подобно самому Петру, Меншиковъ тоже постоянно былъ занятъ разными дѣлами, и притомъ жилъ въ Петербургѣ, а царевичъ въ Москвѣ; а потому царевичъ, 15-ти лѣтъ отъ роду, остался почти безъ присмотра, на полной волѣ.

Петръ самъ, въ дѣтскіе свои годы, будучи насильно удаленъ изъ дворца въ село Преображенское, тоже былъ оставленъ на произволъ судьбы и лишенъ почти всякаго надзора и воспитанія. Находившаяся при немъ мать его едва могла наблюдать развѣ за сохраненіемъ его здоровья; окружавшіе же Петра лица не могли ничему научить его, потому что были люди темные, со старинными привычками къ распущенности, сказавшейся въ особенности въ необузданномъ разгулѣ и бражничаньѣ. Однако, изъ Петра вышелъ человѣкъ необычайной воли, со страстной любовью къ труду и познаніямъ и съ горячей вѣрою въ высокое призваніе Россіи.

Царевичъ Алексѣй гораздо раньше Петра лишился матери; оттого, можетъ быть, даже за здоровьемъ его некому было наблюдать; изъ него вышелъ хилый и болѣзненный юноша. Окружавшіе его, за исключеніемъ рѣдкихъ людей, въ родѣ Гюйссена, были не лучше тѣхъ, которые окружали самого Петра въ дѣтствѣ. Вокругъ царевича, отчасти по его собственному выбору, собрались люди съ распущенными привычками,

склонные къ пьянству и враждебно относившіеся ко всякому труду и образованію. Жившіе при царевичѣ сестры Петра, съ окружавшими ихъ сѣнными дѣвушками, также больше тянули къ старинѣ и нерѣдко участвовали даже въ козняхъ противъ своего брата-царя. Самъ любимецъ Петра, Меншиковъ, которому порученъ былъ главный надзоръ за воспитаніемъ царевича, хотя и отличался необычайными способностями, но въ душѣ былъ тотъ же старинный русскій человѣкъ, высокомѣрный и склонный къ пренебреженію общею пользою, а потому, можетъ быть, и онъ не считалъ своимъ долгомъ наблюдать какъ слѣдуетъ за царевичемъ, ссылаясь на свое пребываніе въ Петербургѣ, и смотрѣлъ сквозь пальцы на бездѣльничанье и бражничанье московскаго царевичева кружка. При такихъ условіяхъ, мало, однако, отличавшихся отъ той обстановки, въ которой выросъ самъ Петръ, изъ царевича не могъ выйдти человѣкъ, подобный Петру, потому что между ними была громадная разница въ природныхъ дарованіяхъ. Петръ надѣленъ былъ отъ природы геніальнымъ умомъ, чуткою душею, ясно отличавшею добро и зло и воспринимавшею все хорошее, что только таилось въ самой глубинѣ народнаго русскаго духа; царевичъ-же Алексѣй обладалъ неглубокимъ, мелкимъ умомъ, усвоивавшимъ изъ окружавшей жизни только видимое, наружное, а это видимое и наружное было большею частью дурное и вредное Поэтому и чувства, и воля царевича, соотвѣтствовавшія его умственнымъ способностямъ, также не могли быть сильными, или направленными къ добру.

Съ ранняго дѣтства наслушавшись отъ матери и ея родственниковъ укоризнъ и порицаній гражданскимъ заботамъ Петра и лицемѣрныхъ сожалѣній о „древнемъ русскомъ благочестіи“, царевичъ Алексѣй съ особеннымъ любопытствомъ и охотою сталъ заниматься чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія, церковныхъ и богословскихъ, а также бесѣдами съ духовными лицами. Онъ усердно принялся изучать исторію русскую и иностранную, началъ заниматься, совершенно прене-

брегая гражданскими науками, почти исключительно лишь рѣшеніемъ разныхъ богословскихъ вопросовъ, доходя въ нихъ до такихъ подробностей, какъ будто онъ готовился въ священники или монахи, а не къ принятію царскаго престола; но и эти исключительно душеспасительныя занятія принесли бы царевичу несомнѣнную пользу, если бы окружавшіе его съ дѣтства люди, со старинными дурными привычками, не внушили ему притворства и ханжества. Занимаясь душеспасительными бесѣдами и часто слушая богослуженіе, царевичъ, въ то-же время, вмѣстѣ съ близкими ему людьми, по старому русскому обычаю, сталъ часто уклоняться въ бражничанье и неумѣренные пиры. Грубость нравовъ окружавшихъ его людей, ихъ распущенность и невѣжество очерствили его сердце, сдѣлали его недоступнымъ для глубокаго воспріятія душеспасительнаго содержанія изучаемыхъ имъ книгъ. Благочестіе было у него только на словахъ, а не въ душѣ. Оттуда и развилась въ немъ наклонность къ лицемѣрію. Впослѣдствіи, царевичъ, въ объясненіе своего поведенія, самъ писалъ о себѣ: „съ младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и дѣвками, гдѣ ничему не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, а больше научился ханжить, къ чему я и отъ натуры склоненъ“. Постоянную его компанію составляли 24 близкихъ ему человѣка: четверо Нарышкиныхъ, пять князей Вяземскихъ, дворецкій царевича Еварлаковъ, сынъ кормилицы царевичевой Колычевъ, Крутицкій архіерей Илларіонъ и нѣсколько протопоповъ, изъ которыхъ протопопъ Яковъ Игнатьевъ былъ духовникомъ царевича и отличался, противъ другихъ, большимъ умомъ и сильною волею, вслѣдствіе чего скоро забралъ въ свои руки царевича. Почти всѣ люди эти, слѣдовавшіе старымъ русскимъ привычкамъ, часто предавались бражничанью. Царевичъ хотя и самъ постоянно участвовалъ въ ихъ пирахъ, надѣлялъ, однако, всѣхъ ихъ насмѣшливыми прозвищами: они у него носили такія названія: отецъ Корова, Засыпка, Чижъ, Адъ, Жибанда, Захлюста, Молохъ, Бритый, Грачъ, и проч. Однажды

царевичъ писалъ своему духовнику: „мы вчера повеселились изрядно: отецъ духовный Чижъ чуть живъ отошелъ до дому, поддержимъ сыномъ“; въ этомъ-же письмѣ одинъ изъ Нарышкиныхъ приписалъ: „мы здѣсь зѣло въ молитвенныхъ подвигахъ пребываемъ, я уже третій день не маливался, и главный нашъ не умножаетъ“. Впослѣдствіи царевичъ самъ сознавался и писалъ: „Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернецами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, въ томъ мнѣ не только не претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣлали“... Вообще, въ кружкѣ этомъ сказывалась во всей своей силѣ старинная грубость нравовъ. Царевичъ тоже безъ церемоній обращался съ ними, по старинѣ; своего наставника Вяземскаго онъ дралъ за волосы и билъ палкой; даже духовнику своему, протопопу Якову Игнатьеву, котораго называлъ первѣйшимъ своимъ другомъ, не разъ дралъ бороду. Духовникъ этотъ, однажды, написалъ ему: „и другіе отъ милостиваго наказанія твоего и побой изувѣчены и хрычатъ кровію“. Но такое обращеніе въ старину считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ и нисколько не препятствовало согласію и дружбѣ между всѣми членами этого кружка. Царевичъ ихъ слушался и во многомъ слѣдовалъ ихъ совѣтамъ, а въ особенности питалъ чрезмѣрное довѣріе и послушаніе къ духовнику своему, протопопу Якову Игнатьеву, самомнѣніе котораго не знало мѣры и который дерзко рѣшился вполнѣ завладѣть волею царевича. Однажды, въ селѣ Преображенскомъ, въ спальнѣ царевича, протопопъ Игнатьевъ, исповѣдовавъ его и положа руку на Св. Евангеліе, потребовалъ у царевича на исповѣди обѣщанія — слушать во всемъ своего духовника, какъ ангела Божія и Христова апостола, считать его судьею всѣхъ своихъ дѣлъ и покоряться во всемъ его совѣтамъ. Царевичъ далъ клятвенное обѣщаніе предъ лежащимъ на стольцѣ Св. Евангеліемъ, исполнять во всемъ волю своего духовника. Такимъ образомъ, близкіе царевичу люди насильственно стара-

лись завладѣть его сердцемъ и внести въ его мысли смуту, подобно тому, какъ родственники матери царевича, Лопухины, хотѣли завладѣть Петромъ, но только онъ имъ не поддался.

Увлекаемый ханжествомъ и бражничаньемъ своихъ близкихъ людей, царевичъ все больше отвыкалъ отъ полезнаго дѣла, отъ занятій полезными для жизни гражданскими науками и вообще отъ всякаго труда, съ которымъ соединялось какое-либо безпокойство, лишеніе, или недостатокъ въ снѣ и ѣдѣ. Ему сдѣлались всего дороже отдыхъ и покой, подобно тому, какъ въ то время даже самые низкородные смутчики думали только о „своей выгодѣ". Поэтому царевичъ не возлюбилъ и той тяжкой работы, въ которой постоянно кипѣлъ его отецъ, не щадя своихъ силъ и не жалѣя ни своего здоровья, ни даже жизни своей. Петръ дѣлалъ это ради пользы государства, подчиняясь вполнѣ своимъ высокимъ обязанностямъ передъ отечествомъ, царевичъ же не думалъ ни о какихъ обязанностяхъ, а только о себѣ самомъ. Словомъ, въ царевичѣ сказалась въ полной силѣ старинная русская привычка къ самомнѣнію и пренебреженію общею пользою, на которыхъ изстари коренилась на Руси смута и которыя такъ нравились окружавшимъ царевича людямъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда царь Петръ глядѣлъ впередъ, заботился о будущемъ Россіи, въ это время наслѣдника престола, царевича Алексѣя, тянуло назадъ къ старинной лѣнивой и распущенной жизни. Поэтому царевичъ былъ очень доволенъ, когда остался безъ надзора, въ кругу лишь близкихъ ему людей, съ которыми онъ могъ спокойно предаваться отдыху и забавамъ.

Царевичъ съ ранняго дѣтства, вслѣдствіе внушеній своей матери и ея родственниковъ, не питалъ никакой любви къ своему отцу, вовсе не понимая его дѣлъ и намѣреній и слыша о немъ только худые отзывы. Сблизившись же съ попами и чернецами и другими людьми, упорно порицавшими всѣ дѣла Петровы, царевичъ еще болѣе охладѣлъ къ отцу. Непреклонное требованіе Петра отъ всѣхъ и каждаго точнаго исполне-

нія своихъ обязанностей передъ государствомъ, его непрестанныя заботы о подчиненіи всѣхъ и каждаго гражданскому долгу и чести, и его непоколебимая строгость ко всѣмъ, уклоняющимся отъ исполненія этихъ обязанностей,—все это внушало царевичу, думавшему только о себѣ самомъ и о своемъ покоѣ, боязнь предъ своимъ родителемъ. Мыслъ о томъ, что непреклонный отецъ можетъ каждую минуту оторвать его отъ сладкаго покоя и заставить его чему-нибудь учиться, или дѣлать что-либо,—эта мысль наводила на царевича непреодолимый страхъ. Прямо воспротивиться отцу онъ не могъ, потому что не имѣлъ на столько ни ума, ни силы воли, да и не чувствовалъ въ себѣ для этого достаточно смѣлости, такъ какъ хотя и не ясно, но все-таки сознавалъ въ своей душѣ, что въ ней вселилась какая то смута и что вся правда на сторонѣ отца, который дѣйствовалъ всегда открыто, искренно и безбоязненно. Поэтому царевичъ старался всячески избѣгать отца, самый видъ котораго напоминалъ ему о его собственной неправотѣ и о той суровой правдѣ, которая неправымъ людямъ кажется страшною, грозною. Боясь отца и не смѣя ослушаться его явно и прямо, царевичъ сталъ прибѣгать къ опасному притворству и къ хитрости, чтобы только не видѣться съ отцомъ и чтобы избѣгать всякаго дѣла, которое могъ отецъ поручить ему. Царевичъ сталъ часто прикидываться больнымъ, или неспособнымъ. Онъ такъ втянулся въ лѣность и нѣгу, что не чувствовалъ уже въ себѣ силы перемѣнить себя. Да онъ и не считалъ этого нужнымъ. „Отецъ не вѣченъ", думалось ему, „когда нибудь я и самъ сяду на престолъ, и тогда некому уже будетъ приневоливать меня къ работѣ; стоитъ только теперь какъ-нибудь извернутъся и переждать". Царевичъ зналъ также, что и другіе близкіе ему люди думаютъ такъ-же.

Неутомимая, кипучая дѣятельность Петра и его постоянное стремленіе подчинить всѣхъ и каждаго повиновенію своему долгу и обязанностямъ, многимъ не нравились, и многіе желали отдохнуть отъ этой неправильной дѣятельности, вернуться къ ста-

ринному покою, съ его распущенностью и самодурствомъ. Близкіе къ царевичу люди, ненавидѣвшіе дѣла Петровы, съ радостью говорили другъ другу, что царевичъ не похожъ на отца, не склоненъ къ неустанной дѣятельности, не охотникъ разъѣзжать изъ конца въ конецъ Россіи, избѣгаетъ тяжкой работы, уклоняется отъ войны, не любитъ моря, и ищетъ только покоя и безмятежной жизни. При немъ-де и всѣмъ близкимъ къ нему людямъ можно будетъ, по-прежнему, жить безъ труда и заботы. Они сообщали эти мысли и самому царевичу и внушали ему, что Петръ по правдѣ не вѣченъ. Дѣйствительно, государю скоро стало часто нездоровиться, и это дало поводъ близкимъ царевичу людямъ толковать о предстоявшей будто бы близкой кончинѣ Петра. Не замедлили даже появиться и пророки на этотъ счетъ. Царевичъ сначала смущался мысли о желаніи отцу смерти; эта грѣховная мысль тяготила его совѣсть; но друзья не замедлили ободрить его. Однажды, чтобы снять этотъ тяжкій грѣхъ съ души своей, царевичъ покаялся на исповѣди своему духовнику, что желаетъ отцу смерти; протопопъ Яковъ Игнатьевъ отвѣчалъ: „Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много". Послѣ этого царевичъ сталъ смѣлѣе ждать кончины Петра и даже говорилъ объ этомъ другимъ: „дождаться бы времени, когда батюшки не станетъ, а до тѣхъ поръ какъ нибудь перетерпѣть!" Царевичъ утѣшался мыслію, что онъ не одинъ такъ думаетъ, но и великое множество людей, которые тянутъ туда же, куда и онъ самъ. Старинныя привычки, склонность къ распущенности, самомнѣнію и смутѣ—жили еще во всѣхъ, даже въ близкихъ къ самому Петру людяхъ. Такъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, отличившійся при усмиреніи бунта Булавина, однако, и самъ не прочь былъ отъ смуты, и однажды притворно говорилъ царевичу: „ты умнѣе отца; отецъ твой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше". Другой, близкій Петру человѣкъ, князь Голицынъ, лицемѣрно поощрялъ любовь царе-

вича къ чернецамъ и говорилъ: „они-де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ“. Князь Борисъ Куракинъ тоже пытался посѣять раздоръ между второй супругой Петра, Екатериной, и царевичемъ Алексѣемъ, и разъ выпыталъ у него: „добра къ тебѣ мачиха? „Добра“, отвѣчалъ царевичъ. Куракинъ замѣтилъ на это: „покамѣсть у ней сына нѣтъ, то къ тебѣ добра, а какъ у ней сынъ будетъ, не такова будетъ“. Семенъ Нарышкинъ старался поощрить въ царевичѣ наклонность къ покою, къ уклоненію отъ государственныхъ заботъ и къ занятіямъ лишь мелочами домашняго хозяйства и говорилъ ему: „горько намъ! царь говоритъ: что вы дома дѣлаете? я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть“. Царевичъ отвѣчалъ: „У него вездѣ все готово; то-то онъ нашихъ нуждъ не знаетъ“. Даже любимецъ Петра, фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ нашептывалъ царевичу, что ему надобно-де держать при дворѣ отца своего человѣка, который бы узнавалъ обо всемъ, что тамъ говорится о немъ. Близкіе же къ самому царевичу люди и подавно старались всячески вооружать его противъ Петра и всѣхъ дѣлъ его. Даже митрополитъ рязанскій, Стефанъ Яворскій, председатель св. Синода, однажды, въ Успенскомъ соборѣ, произнесъ публично молитву за царевича къ св. Алексѣю, говоря: „ты еси оставилъ домъ свой — онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси отъ родителей — онъ такожде... покрый своего тезоименника, нашу едину надежду“... Царевичъ досталъ списокъ этой молитвы и списалъ его. Сѣмена смуты проникали и въ народъ. Темные люди толковали, что будто-бы „царевичъ плачетъ и тоскуетъ“, что „царевичъ нѣмецъ не любитъ, приходилъ къ нему нѣмчинъ и говорилъ невѣдомо какія слова и царевичъ на томъ нѣмчинѣ платье сжегъ и его спалилъ“. Разсказывали также, прямо намекая на смуту, что будто-бы „царевичъ на Москвѣ гуляетъ съ донскими казаками“. Такимъ образомъ, повсюду назрѣвала новая смута, которая была тѣмъ болѣе опасна, что опиралась на царевича, законнаго наслѣдника престола. Старинныя дурныя

привычки, придавленныя-было Петромъ, готовились по смерти Петра снова прорваться наружу, подъ знаменемъ самого наслѣдника престола, радовавшагося скорому наступленію этого времени. Царевичу сказали, что у государя эпилепсія и что „у кого оная болѣзнь въ лѣтахъ случится, тѣ недолго живутъ"; царевичъ съ злорадствомъ сталъ думать про отца, „что и велико года на два продолжится животъ его". Онъ началъ прямо говорить, что „не только дѣла воинскія и прочія отца его дѣла, но и самая его особа зѣло ему омерзѣла, и для того всегда желалъ быть въ отлученіи". Всякія работы и занятія ему окончательно опротивѣли. „Правда, говорилъ царевичъ: природнымъ умомъ я не дуракъ, только труда никакого понести не могу". Поэтому, когда звали его къ государю, то онъ говорилъ: „лучше-бъ я на каторгѣ былъ или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ тамъ быть".

Петръ многаго не зналъ о царевичѣ. Но государь былъ чрезвычайно проницателенъ и сразу разгадалъ натуру царевича. Онъ съ ужасомъ и гнѣвомъ разглядѣлъ, что въ царевичѣ назрѣваютъ и крѣпнутъ всѣ признаки ядовитой смуты, которую онъ съ такимъ тяжелымъ трудомъ и усиліями искоренялъ всюду и во всѣхъ, въ теченіе всей своей жизни. Петръ легко одержалъ побѣду надъ обычной смутой людей „голутвенныхъ", низкородныхъ, безъ труда разорилъ на Дону самое гнѣздо этой необузданной „вольницы". Но не такъ-то легко было одержать побѣду надъ новой смутой, притаившейся въ душѣ единственнаго сына царя, законнаго наслѣдника престола. Государь чувствовалъ, что тотчасъ по вступленіи на престолъ, царевичъ отмѣнитъ всѣ дѣла отца, уничтожитъ всѣ плоды его трудовъ, добытые въ теченіе долгихъ лѣтъ пòтомъ и кровью самого государя и всего русскаго народа,—и воцарится на Руси снова рознь, самомнѣніе и распущенность, отъ которыхъ Россія уже не разъ стояла на краю гибели.

Мысль о возможности возникновенія въ будущемъ новой грозной опасности для Россіи, которую онъ больше всего лю-

билъ и для которой единственно жилъ и трудился, причиняла Петру жестокое страданіе и возбуждала въ немъ страшный гнѣвъ противъ царевича. Онъ рано не возлюбилъ его.

Сначала Петръ, когда еще былъ въ полной силѣ и пользовался здоровьемъ, надѣялся, что ему удастся при своей жизни упрочить новые гражданскіе порядки на столько, что царевичъ уже не въ силахъ будетъ отмѣнить ихъ послѣ и что волей-неволей онъ самъ долженъ будетъ подчиниться этимъ порядкамъ, и мало-по-малу даже совсѣмъ исправится. Поэтому государь сталъ требовать, чтобы царевичъ Алексѣй не только не препятствовалъ новымъ порядкамъ, но и самъ постоянно подчинялся имъ на ряду со всѣми и самъ участвовалъ бы во всѣхъ дѣлахъ отца и въ новомъ устроеніи государства. Государь бралъ его съ собою въ самые трудные походы; такъ, царевичъ участвовалъ въ знаменитомъ походѣ Петра, съ войскомъ и судами, по сухому пути изъ Архангельска къ Онежскому озеру и Шлиссельбургу; былъ во второмъ Нарвскомъ походѣ; завѣдывалъ, по порученію Петра, постройкою судовъ въ Ладогѣ; наблюдалъ за собираніемъ рекрутъ и прокормленіемъ войска въ Смоленскѣ, во время нашествія Карла на Россію; завѣдывалъ, за отсутствіемъ отца, всѣмъ государственнымъ управленіемъ въ Москвѣ и укрѣпленіемъ ея, когда ждали нашествія Карла на Москву; провожалъ, затѣмъ, отрядъ рекрутъ въ Украйну и проч. Въ то же время государь требовалъ, чтобы царевичъ продолжалъ учиться гражданскимъ наукамъ: математикѣ и географіи, нѣмецкому языку и проч. Во всѣхъ этихъ работахъ и занятіяхъ царевичъ не только не показывалъ ни малѣйшаго усердія, но старался еще вовсе уклоняться отъ нихъ, какъ только не чувствовалъ за собою зоркаго глаза родителя. Онъ веселился и бражничалъ, или притворялся больнымъ; бывали случаи, что онъ нарочно принималъ ядовитыя лекарства, съ цѣлью захворать и этимъ отдѣлаться отъ поручаемыхъ ему работъ. Разъ, во время провода рекрутовъ въ Украйну, изнѣженный царевичъ, дѣйствительно, опасно захво-

ралъ и лишь медленно оправился. Петръ, конечно, отлично видѣлъ, что царевичъ старается избѣжать всякихъ занятій и небрежно исполняетъ всѣ порученныя ему дѣла. Государь съ гнѣвомъ напоминалъ ему объ этомъ, на словахъ и въ письмахъ, и постоянно съ укоризною твердилъ ему: „оставя дѣло, ходишь за бездѣльемъ". Въ 1704 году, во время Нарвскаго похода, государь, видя обычную небрежность царевича, сказалъ ему: „Побѣды отъ Бога, но мы должны употреблять всѣ силы, чтобы ихъ получить. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни трудовъ, ни опасностей; ты долженъ слѣдовать моему примѣру, долженъ любить все, что служитъ ко благу и чести отечества и не щадить трудовъ"... Послѣ взятія Нарвы Петръ грозно замѣтилъ царевичу: „Ты долженъ убѣдиться, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру". Постоянно наставляя сына, какъ онъ долженъ поступать, дѣйствовать, учиться, Петръ прибавлялъ: „Если мои совѣты вѣтеръ разнесетъ, и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, я не признаю тебя своимъ сыномъ; я буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя и въ сей, и въ будущей жизни". Царевичъ большею частью упорно отмалчивался, но не думалъ объ исправленіи. Черезъ своихъ друзей онъ завелъ даже тайныя сношенія со своею матерью, царицею Евдокіею, инокинею Еленою, обмѣнивался съ нею письмами и подарками. Однажды, въ 1706 году, онъ рѣшился даже секретно посѣтить свою мать въ Суздальскомъ монастырѣ. Узнавъ объ этомъ, Петръ изъявилъ сыну такой гнѣвъ, что царевичъ послѣ этого сталъ умолять своихъ друзей прекратить всякія сношенія съ бывшею царицею. Все больше убѣждаясь въ упрямствѣ, безпутствѣ и небрежности сына, Петръ, по старинному отеческому обыкновенію, иногда даже бивалъ его, или по-долгу не говорилъ съ нимъ ни слова. Но на царевича ничто не дѣйствовало.

Въ 1709 году Петръ рѣшился попытать новое средство для исправленія царевича. Онъ взялъ его изъ Москвы, уда-

лилъ отъ кружка бражниковъ — друзей его, и отправилъ за-границу, въ Германію, для усовершенствованія въ наукахъ, а также съ цѣлью женить его на одной изъ иноземныхъ принцессъ. Государь надѣялся, что заграничная жизнь, вмѣстѣ съ удаленіемъ царевича изъ Москвы и изъ кружка бражниковъ, а также женитьба на иностранной принцессѣ — перемѣнятъ его нравъ, заставятъ забыть прежнее препровожденіе времени въ ничегонедѣланьѣ и бражничаньѣ.

Царевичъ долго прожилъ за-границей, много видѣлъ тамъ новаго, учился нѣкоторымъ наукамъ, французскому языку и даже танцовать. Въ 1710 году царевичъ въ первый разъ увидѣлся въ Германіи, близь Карлсбада, съ принцессою Шарлоттою Вольфенбюттельскою. Петръ давно уже выражалъ желаніе женить на этой принцессѣ своего сына. Кажется, только въ этомъ одномъ случаѣ намѣреніе Петра совпало съ желаніемъ самого царевича. Принцесса дѣйствительно понравилась царевичу, такъ что онъ сообщилъ объ этомъ даже духовнику своему, протопопу Игнатьеву: „Я писалъ батюшкѣ, что я его воли согласую, чтобъ меня женилъ на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ и лучше мнѣ здѣсь не сыскать“. Въ 1711 году, въ нѣмецкомъ городкѣ Торгау, состоялась свадьба царевича, на которой присутствовалъ и самъ Петръ. Но государь не далъ нѣжиться сыну: на четвертый день послѣ свадьбы, царевичъ долженъ былъ уже ѣхать въ Померанію, для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а недѣли черезъ три — скакалъ уже въ Польшу, собирать провіантъ для войска; за нимъ поѣхала и молодая. Побывавъ послѣ того по служебнымъ дѣламъ во многихъ другихъ мѣстахъ, сдѣлавъ съ Государемъ походъ въ Финляндію и отбывъ порученіе отца по наблюденію за постройкою судовъ въ Старой Русѣ и Ладогѣ, царевичъ только въ августѣ 1713 года вернулся въ Петербургъ, гдѣ ожидала его молодая супруга Шарлотта.

Четыре года уже прошло, какъ царевичъ отбылъ изъ Москвы и вовсе не видался со своими прежними пріятелями; все это

время онъ вращался въ кругу иныхъ людей, видѣлъ новыя мѣста, учился, получалъ разныя порученія отъ отца; наконецъ, два года уже какъ былъ женатъ. Казалось, все это должно было перемѣнить царевича; но не тутъ-то было: на дѣлѣ царевичъ остался совершенно такимъ-же, какимъ былъ и раньше, до поѣздки за границу, а въ отношеніи къ отцу даже сдѣлался еще упрямѣе. За-границей онъ также отдѣлывался отъ ученья, какъ и въ Москвѣ, и все время переписывался тайно со своими московскими пріятелями, во всемъ спрашивая ихъ совѣта. По возвращеніи въ Петербургъ, царевичъ былъ встрѣченъ государемъ милостиво; отецъ сталъ разспрашивать его о заграничныхъ его занятіяхъ, объ ученіи, и поинтересовался посмотрѣть на сдѣланные имъ учебные чертежи; царевичъ, не выучившись какъ слѣдуетъ черченію, обѣщался показать чертежи, но, опасаясь, чтобы Петръ въ самомъ дѣлѣ не заставилъ его чертить при себѣ, и боясь справедливаго гнѣва отца, царевичъ выстрѣлилъ изъ пистолета себѣ въ ладонь; пуля не попала въ руку, но выстрѣломъ опалило ладонь. Когда Петръ, приготовившись экзаменовать сына и увидѣвъ обожженную его руку, спросилъ царевича, что это значитъ, тотъ солгалъ какую-то небывальщину, и отдѣлался отъ экзамена.

Не оправдалась надежда Петра и на исправленіе сына женитьбою. Сначала между царевичемъ и его супругою, Шарлоттою, замѣчались нѣкоторая любовь и дружба. Но они скоро другъ къ другу совершенно охладѣли. Шарлоттѣ не нравились распущенность и частыя попойки мужа, а ему не нравилась ея любовь къ нѣмецкой аккуратности и порядку. Они не могли даже понимать другъ друга, и начали часто ссориться. Царевичъ сталъ обращаться съ нею грубо, не заботился даже объ удобствахъ ея жизни, въ обществѣ отворачивался отъ нея, не говорилъ съ нею ни слова, и все больше предавался бражничанью. Однажды, возвращаясь послѣ такого бражничанья въ нетрезвомъ видѣ, онъ сказалъ въ сердцахъ своему камердинеру: „Жену мнѣ на шею чертовку навязали: какъ-де къ

ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ-де со мною говорить". Отъ неправильнаго и неумѣреннаго образа жизни царевичъ началъ сильно хворать, и въ 1714 году долженъ былъ отправиться снова за-границу, для леченія Карлсбадскими водами. Во время его отсутствія, супруга его, кронпринцесса Шарлотта, родила дочь, Наталью. Царевичъ, вернувшись изъ за-границы, сталъ-было ласково обращаться съ женою; но вскорѣ завелъ себѣ подругу на сторонѣ, простую дѣвицу Евфросинью, бывшую крѣпостную его учителя, Никифора Вяземскаго. Послѣ этого онъ началъ еще сильнѣе прежняго предаваться бражничанью, такъ что, весною 1715 года, вновь опасно заболѣлъ, но все-таки оправился.

Царевичъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда могъ-бы сдѣлаться дѣятельнымъ помощникомъ своего отца, крайне нуждавшагося въ полезныхъ сотрудникахъ и уже начинавшаго изнуряться подъ тяжестью подъятаго имъ непомѣрнаго труда. Но 25-лѣтній царевичъ не только продолжалъ явно обнаруживать полнѣйшую неохоту къ участію въ какихъ-бы то ни было дѣлахъ отца, но даже еще относился къ нимъ крайне враждебно, готовясь при первомъ удобномъ случаѣ разрушить ихъ всѣ и съ нетерпѣніемъ ожидая самой кончины государя. Чѣмъ болѣе Петръ присматривался къ поведенію своего сына, тѣмъ болѣе убѣждался, что онъ не годится быть преемникомъ престола, что не только задуманное Петромъ государственное обновленіе рухнетъ все, вмѣстѣ съ воцареніемъ Алексѣя, но съ нимъ вмѣстѣ поднимутъ голову и воспрянутъ еще съ небывалою силою и тѣ придавленныя Петромъ старинныя рознь и смута, отъ которыхъ столько разъ уже изнывала въ тяжкихъ мукахъ вся Россія. Петръ окончательно отвернулся отъ царевича и даже совсѣмъ перестал съ нимъ говорить. Государь ужъ не хотѣлъ больше прибѣгать ни къ какимъ отеческимъ мѣрамъ, которыя вовсе ни къ чему не приводили. Но государь не могъ бросить на произволъ обстоятельствъ будущей судьбы Россіи и всѣхъ своихъ преобразованій и не обезпечить ихъ прочно на случай

своей кончины. Болѣзненное состояніе и не молодые уже годы государя заставляли его дѣйствовать въ этомъ отношеніи быстро и рѣшительно. Царевичъ былъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ престола; другаго законнаго наслѣдника не было. Но въ волѣ государя были другія средства. Петръ и по отношенію къ царевичу былъ не только отецъ, но и государь. Изверившись во всѣ отеческія мѣры, Петръ вознамѣрился обратиться изъ отца въ грознаго судью своего сына, какъ это онъ дѣлалъ, обыкновенно, и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда добровольно не хотѣли подчиняться правдѣ.

11 октября 1715 года государь приготовилъ сыну грозное письмо; но, можетъ быть, вслѣдствіе тяжелыхъ думъ и сильнаго волненія, сдѣлался нездоровъ. Это заставило его замедлить отправкою письма къ сыну, чтобъ избѣжать новыхъ, еще бóльшихъ волненій. Кромѣ того, государь, какъ и впослѣдствіи не однажды, не сразу рѣшался на грозныя мѣры противъ сына, все еще надѣясь, что онъ самъ собою одумается. Но на слѣдующій день по изготовленіи письма, 12 октября, супруга царевича, Шарлотта, родила сына, Петра. Новорожденный остался живъ, а мать черезъ 10 дней скончалась. 27 октября ее похоронили. Оправившись отъ болѣзни, Петръ лично присутствовалъ на похоронахъ невѣстки. Рожденіе сына у царевича окончательно ободрило Петра, увидѣвшаго теперь, что русскій престолъ и помимо царевича Алексѣя не останется незанятымъ. Въ самый день похоронъ Шарлотты Петръ передалъ сыну грозное письмо свое.

Въ письмѣ этомъ государь напоминалъ царевичу про его неохоту къ ученію, къ занятіямъ государственными дѣлами, къ воинскому дѣлу, „чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли“, и вообще ко всякому труду; далѣе государь писалъ, что только его великою любовью къ просвѣщенію и неустанными трудами Россія превратилась въ могущественную державу, великую и славную. Изложивъ все это, государь спрашивалъ въ письмѣ сына: „ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому выше-

писанное съ помощью Всевышняго насажденіе оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю"... Далѣе государь напоминалъ, что всѣ его отеческія мѣры къ исправленію упрямства и дурныхъ наклонностей сына остались безуспѣшными: „ибо — писалъ Петръ — сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранивалъ, но и бивалъ, къ тому же столько лѣтъ почитай не говорю съ тобою; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на-сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только-бъ дома жить и веселиться"... Въ заключеніе письма, государь прямо объявилъ, что если царевичъ въ скорѣйшемъ времени не исправится искренно и „нелицемѣрно", то онъ лишитъ его наслѣдства: „не мни себѣ—писалъ Петръ,—что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во-истину, Богу извольшу, исполню, ибо я за мое отечество и людей живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный".

На другой день послѣ отдачи этого письма, вторая супруга самого Петра, Екатерина, также родила сына, Петра Петровича. Государь могъ замѣнить теперь Алексѣя не только его сыномъ, своимъ внукомъ, но и собственнымъ своимъ вторымъ сыномъ.

Царевичъ, прочитавъ письмо отца, почуялъ бѣду, смутился и бросился за совѣтомъ къ своимъ пріятелямъ и разнымъ сильнымъ людямъ: къ бывшему учителю своему князю Вяземскому, къ Александру Кикину, къ адмиралу Апраксину и къ князю Василію Долгорукову. Кикинъ и Вяземскій прямо посовѣтовали ему отказаться отъ наслѣдства и удалиться на покой; князь же Долгорукій далъ хитрый совѣтъ: „Давай писемъ хоть тысячу; еще когда-то будетъ! старая пословица: улита ѣдетъ, коли то будетъ... Это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя дѣлывали"... Царевичу понравился этотъ совѣтъ отказаться лишь на словахъ отъ престола и выжидать на по-

коѣ кончины отца, что̀ онъ въ сущности дѣлалъ и до сихъ поръ. Поэтому царевичъ, на четвертый день послѣ полученія отцовскаго письма, написалъ ему отвѣтъ, въ которомъ, по своему обыкновенію, притворно и униженно сознавался, что „памяти весьма лишенъ и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней весьма ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію“, что „правленіе толикаго народа требуетъ не такого гнилого человѣка, какъ я“... Далѣе царевичъ торжественно и формально отказывался въ письмѣ отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе, призывая въ этомъ во свидѣтели Бога, но съ явнымъ притворствомъ прибавилъ: „хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай Боже здоровье“.

Царевичъ и его совѣтники не поняли, чего хотѣлъ Петръ. Зная лицемѣріе и лукавство сына, Петръ не могъ повѣрить никакому его добровольному отреченію отъ престолонаслѣдія. Царевичъ всегда могъ отказаться отъ этого отреченія, сославшись на то, что онъ сдѣлалъ это по принужденію отца. Не даромъ онъ написалъ, что „памяти весьма лишенъ“, и не даромъ князь Долгорукій говорилъ ему: „давай писемъ хоть тысячу“... Петръ добивался не этого. Государь требовалъ отъ царевича, какъ судья, положительнаго и яснаго отвѣта: готовъ онъ немедленно и нелицемѣрно исправиться, или нѣтъ; если нѣтъ, то государь угрожалъ самъ, по своему собственному суду и праву, лишить его наслѣдства такъ, чтобы онъ не могъ уже никогда вернуть себѣ правъ этого наслѣдія. Но вмѣсто этого, царевичъ, не упомянувъ ни слова о своемъ желаніи исправиться, самъ лицемѣрно и униженно отказывался отъ престола. Отвѣтъ этотъ долженъ былъ привести Петра въ страшный гнѣвъ. Вмѣсто искренней готовности къ раскаянію и исправленію, онъ опять встрѣтилъ въ сынѣ закоренѣлое упорство и неисправимое притворство. Петръ былъ такъ взбѣшенъ отвѣтомъ царевича, что князь Василій Долгорукій, придя отъ государя къ Алексѣю, сказалъ: „ну, я тебя у отца съ плахи снялъ!“

Потрясенный столкновеніемъ съ упрямымъ сыномъ, Петръ вскорѣ заболѣлъ такъ тяжко, что даже исповѣдывался и причащался въ чаяніи кончины. Царевичъ же былъ здоровъ, какъ ни въ чемъ не бывало. По выздоровленіи, въ январѣ 1716 года, Петръ, въ отвѣтъ на письмо царевича, написалъ ему „послѣднее напоминаніе еще". Государь прямо извѣщалъ царевича, что не вѣритъ его клятвенному обѣщанію не добиваться престола и напомнилъ ему изреченіе царя Давида: „всякъ человѣкъ ложь". Далѣе государь говорилъ въ письмѣ: „Хотя-бъ ты и истинно хотѣлъ хранить клятву, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло".

Далѣе Петръ упрекалъ царевича, что онъ въ своемъ отвѣтѣ отдѣлывается только пустыми словами, называетъ себя „гнилымъ человѣкомъ", но ничего однако не говоритъ о своей прямой неохотѣ ни къ какому дѣлу. Затѣмъ государь съ гнѣвомъ писалъ: „Ты ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и, конечно, по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ; ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ". Въ заключеніе, государь требовалъ немедленнаго и прямого отвѣта на письмо: „А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю".

Царевичъ испугался и опять обратился за совѣтомъ къ Кикину и Вяземскому. Оба посовѣтовали ему идти безъ разговоровъ въ монастырь; но при этомъ Кикинъ замѣтилъ: „Вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, можно его и снять", а Вяземскій прибавилъ: „Да пошли по отца духовнаго и скажи ему, что ты *принужденъ* идти въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ". Царевичъ на другой же день написалъ отцу: „Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія". Одна-

ко, въ душѣ, царевичъ не очень-то охотно желалъ „монашескаго чина“. Царевичъ смутно догадывался, что пожалуй, вопреки словамъ Кикина, на вѣкъ придется остаться въ монахахъ, что если отецъ упрячетъ его въ монастырь, то, конечно, съумѣетъ это сдѣлать такъ, что оттуда уже никогда не выберешься. Поэтому рѣшившись заявить по совѣту пріятелей о своей готовности идти въ монастырь, царевичъ даже захворалъ.

Петръ увидѣлъ изъ этого письма все безразсудство царевича, рѣшавшагося самъ не зная на что. Поэтому, черезъ недѣлю, собравшись ѣхать за-границу, государь, передъ самымъ отъѣздомъ, навѣстилъ сына. Петръ спросилъ его, не измѣнилъ-ли онъ своего рѣшенія. Царевичъ не приготовился къ отвѣту и только повторилъ прежнее свое заявленіе, что не можетъ быть наслѣдникомъ, по слабости, и желаетъ идти въ монастырь. Отецъ сказалъ ему: „Это молодому человѣку не легко; одумайся, не спѣши. Лучше бы взяться за прямую дорогу, чѣмъ идти въ чернецы“. Государь далъ ему окончательный срокъ полгода, чтобы онъ хорошенько обдумалъ свое рѣшеніе.

Петръ уѣхалъ на долго за-границу. Царевичъ остался въ томительной нерѣшительности, что ему предпринять. Идти въ монастырь ему вовсе не хотѣлось, отказываться отъ престолонаслѣдія онъ тоже не намѣревался; принуждать себя, по желанію отца, къ какой-либо работѣ онъ не могъ: всякій трудъ ему былъ противенъ, какъ не хотѣлось ему и покоряться отцу, котораго въ душѣ онъ ненавидѣлъ. Объявить отцу прямо и открыто, что онъ, каковъ есть, никогда не откажется отъ своихъ правъ отъ престолонаслѣдія,—царевичъ былъ не въ силахъ, потому что у него не хватало благородства характера и мужества для открытой борьбы съ отцомъ. Царевичу оставалась одна только смутная надежда на близкую кончину отца, здоровье котораго дѣйствительно быстро ухудшалось; царевичъ думалъ, что стоитъ только ему какъ-нибудь перетерпѣть, протянуть время до этой кончины, а тамъ онъ ужь самъ

будетъ главою всякихъ распоряженій. Нашлись и добрые люди, которые научили его, какъ именно слѣдуетъ протянуть это время.

Въ то время на слабохарактернаго царевича возъимѣлъ большое вліяніе Александръ Кикинъ, служившій дворецкимъ при сестрѣ государя, царевнѣ Маріи Алексѣевнѣ. Еще въ 1714 году, по возвращеніи царевича изъ Карлсбада, куда онъ ѣздилъ для леченія, Кикинъ говорилъ ему: „Напрасно ты ни съ кѣмъ не видался отъ французскаго двора и туда не уѣхалъ“. Вскорѣ послѣ послѣдняго свиданія Петра съ сыномъ и по отъѣздѣ перваго за-границу, отправилась туда же и сестра государя, Марія Алексѣевна, вмѣстѣ съ Кикинымъ. При прощаніи Кикинъ сказалъ царевичу: „Я тебѣ мѣсто какое-нибудь сыщу“. Вслѣдъ затѣмъ скончалась въ Петербургѣ вторая любимая сестра Петра, царевна Наталія Алексѣевна. Она говорила царевичу: „Пока я была жива, я удерживала брата отъ враждебныхъ намѣреній противъ тебя; но теперь умираю, и время тебѣ самому о себѣ промыслить; лучше всего, при первомъ случаѣ, отдайся подъ покровительство императора (австрійскаго)“. Мало того, кто-то научилъ царевича обратиться съ просьбою о помощи къ заклятому врагу Петра и Россіи—шведскому королю Карлу XII; царевичъ заявилъ объ этомъ шведскому министру Герцу, который сейчасъ-же разсчиталъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы принудить Петра къ заключенію съ нимъ выгодныхъ для Швеціи мирныхъ условій. Но шведы слишкомъ долго совѣщались съ Герцемъ объ этомъ важномъ дѣлѣ и потому пропустили удобный случай. Царевичу же ждать было некогда: ему государь далъ срокъ для принятія окончательнаго рѣшенія всего лишь полгода. Царевичъ долженъ былъ торопиться.

Такимъ образомъ, долго назрѣвавшая въ царевичѣ и въ окружающихъ его людяхъ смута готова была окончательно прорваться наружу. Люди эти затѣвали большое, еще небывалое на Руси дѣло, но никто изъ нихъ, въ сущности, даже

не зналъ, чего онъ хочетъ. По привычкѣ къ притворству и лицемѣрію, каждый въ этомъ дѣлѣ старался сослаться на свою любовь къ старинѣ; но на дѣлѣ всѣ эти замыслы вытекали изъ склонности къ покою, изъ непривычки къ труду, изъ неохоты къ подчиненію и повиновенію. Какъ самъ царевичъ, такъ и близкіе ему люди, постоянно толкуя лишь о самихъ себѣ, какъ бы только спасти себя и уберечь свою выгоду, свой покой, ни разу, однако, не подумали о пользѣ государства, никто изъ нихъ объ этомъ и не заикался. Въ этой смутной и трусливой жизни только для самихъ себя и заключалась та опасная для Россіи неправда, которую царевичъ съ дѣтства взлелѣялъ въ душѣ своей. Только Петръ, не щадившій ни трудовъ своихъ, ни самой жизни своей для блага государства и народа, смѣло смотрѣлъ въ глаза правдѣ, и строго и грозно стоялъ на стражѣ порядка и интересовъ Россіи.

Государь ничего не подозрѣвалъ о новыхъ замыслахъ своего сына. 26 августа 1717 года, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ своего свиданія съ царевичемъ, Петръ написалъ ему изъ-за-границы, какъ обѣщался, письмо съ окончательнымъ требованіемъ: или ѣхать къ нему на работу, не мѣшкавши болѣе недѣли, или немедленно постричься въ монахи и тотчасъ же увѣдомить отца, въ какомъ монастырѣ и въ какое время постригся.

Это окончательное требованіе Петра до того испугало царевича, что онъ рѣшился бѣжать почти опрометью. Съ обычнымъ ханжествомъ, онъ говорилъ близкимъ людямъ: „Я вижу, что мнѣ самъ Богъ путь правитъ: мнѣ снилось, что я церкви строю". Царевичъ занялъ у Меншикова и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ нѣсколько тысячъ червонцевъ и, объявивъ, что онъ ѣдетъ къ отцу, приготовился бѣжать куда глаза глядятъ. Прощаясь съ сенаторами, онъ въ испугѣ шепнулъ на ухо князю Якову Долгорукому: „Пожалуй, меня не оставь!" — „Всегда радъ", отвѣчалъ Долгорукій „только больше не говори: другіе смотрятъ на насъ".

26 сентября 1717 года царевичъ, взявъ съ собою нѣсколько слугъ и дѣвушку Евфросинью, выѣхалъ изъ Петербурга. На пути за границу, близь Либавы, царевичъ встрѣтился съ теткою, Маріею Алексѣевною, и съ Кикинымъ, возвращавшимися изъ-за границы. Царевичъ сталъ горько жаловаться передъ теткою: „Ужь я себя чуть знаю отъ горести, я бы радъ куда скрыться!“ при этихъ словахъ онъ заплакалъ. „Куда тебѣ отъ отца уйти? вездѣ тебя найдутъ“, сказала тетка. Но Кикинъ далъ ему совѣтъ: „Поѣзжай въ Вѣну, къ цесарю: тамъ не выдадутъ“. Хитрый Кикинъ при этомъ постарался всячески запугать царевича, сказавъ ему: „Если отецъ къ тебѣ пришлетъ кого-нибудь уговаривать тебя, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично. Отецъ тебя не постражетъ нынѣ, а хочетъ тебя при себѣ держать неотступно и съ собою возить всюду, чтобъ ты отъ волокиты умеръ, понеже ты труда не понесешь“. Царевичъ повѣрилъ, что можно отъ труда умереть или отъ волокиты, послушался совѣта Кикина бѣжать въ Вѣну, къ своему свояку, австрійскому императору, женатому на родной сестрѣ покойной жены царевича, Шарлоттѣ. При этомъ царевичъ не рѣшился все-таки разставаться съ своей новой подругой Евфросиньей, и взялъ ее съ собою въ бѣгство, не сообразивши, что это будетъ крайне непріятно въ Вѣнѣ для родственниковъ его покойной жены.

Слѣдовало уже напередъ ожидать, что бѣгство это не спасетъ царевича, а только окончательно погубитъ его. Въ царевичѣ не было рѣшительно ничего, на что бы онъ могъ твердо опереться въ своей борьбѣ съ Петромъ, на сторонѣ котораго была правда и собственная могучая, непреклонная воля.

21 ноября, въ 9 часовъ вечера, царевичъ, подъ вымышленнымъ именемъ польскаго дворянина Коханскаго, прибылъ въ Вѣну, вмѣстѣ съ Евфросиньей, переодѣтой пажемъ. Оставивъ свои вещи, прислугу и Евфросинью въ гостинницѣ, царевичъ тотчасъ же, позднимъ вечеромъ, отправился къ австрійскому министру Шенборну.

Не привыкнувъ сдерживать себя и дорожить порядкомъ, царевичъ разсчитывалъ, что сейчасъ же все будетъ исполнено по его желанію; но въ Вѣнѣ его сразу охладили неожиданными для царевича спокойствіемъ, разсудительностію и правдивостью. Царевичъ сразу долженъ былъ почувствовать, что такому человѣку, какъ онъ, и въ Вѣнѣ не будетъ сладко.

Прежде всего царевичъ поднялъ безтолковую суматоху въ домѣ Шенборна. Сначала было онъ попросилъ министра къ себѣ въ гостинницу, но пока тотъ сталъ одѣваться, царевичъ ужъ самъ пришелъ къ нему, и тотчасъ же, въ тревогѣ, попросилъ удалить всѣхъ изъ комнаты, чтобы остаться наединѣ.

Шенборнъ прежде всего попросилъ его успокоиться. „Вы здѣсь въ совершенной безопасности, замѣтилъ онъ царевичу: разскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе и чего вы желаете“.

Царевичъ не могъ устоять на мѣстѣ, забѣгалъ по комнатѣ, перевернулъ кресло, и началъ длинную рѣчь: „Я пришелъ искать протекціи у императора, моего свояка; пусть онъ спасетъ жизнь мою; меня хотятъ погубить — и моихъ бѣдныхъ дѣтей — лишить короны. Отецъ хочетъ меня погубить, а я ничѣмъ не виноватъ“, и пошелъ...

Шенборнъ, однако, остановилъ его совершенно спокойнымъ и правдивымъ замѣчаніемъ: „Мы ничего не слыхали подобнаго относительно такого мудраго монарха, какъ вашъ родитель“.

Царевичъ для смѣлости попросилъ себѣ пива, но пива не оказалось, ему подали вина; царевичъ выпилъ стаканъ и сказалъ: „Ведите меня сейчасъ къ императору!“ Шенборнъ на это могъ только холодно отвѣтить ему: „Теперь поздно. Прежде надобно представить его величеству правдивое и основательное изложеніе вашего дѣла“.

Царевичъ опять началъ въ безсвязной и длинной рѣчи путать правду съ явнымъ вымысломъ, говорилъ, что всему виною царица Екатерина и Меншиковъ; что они хотятъ извести

его, что его нарочно споили и умышленно разстроили его здоровье, что отецъ его былъ къ нему добръ и что онъ самъ его любитъ и почитаетъ, но что отецъ окруженъ злыми людьми и самъ—человѣкъ жестокій и свирѣпый, собственноручно казнитъ осужденныхъ и т. д. Такимъ образомъ, противорѣча на каждомъ словѣ самому себѣ, то хваля отца, то порицая его, царевичъ вспомнилъ, что надо еще выгородить себя отъ упрека въ грубомъ обращеніи его съ своею покойною супругою Шарлоттою, родною сестрою жены австрійскаго императора, подъ защиту котораго онъ пришелъ теперь. Царевичъ и тутъ всю вину свалилъ на другихъ, сказавъ, что не онъ, а отецъ его и мачиха обращались съ нею дурно, какъ съ дѣвкою. Онъ слезно и на колѣняхъ просилъ защитить его отъ грознаго родителя.

Шенборну сразу не понравилась крайняя безпорядочность царевича, его видимая склонность къ неправдѣ и исключительная забота только о самомъ себѣ. Съ такимъ человѣкомъ и австрійцамъ нельзя было имѣть никакого серьезнаго дѣла, а можно было только вмѣстѣ съ нимъ навязать себѣ на шею такую же обузу, какая уже разъѣдала Россію въ видѣ безтолковой смуты. Шенборнъ послѣ прямо говорилъ, что „царевичъ не имѣетъ довольно ума, чтобы надѣяться отъ него какой-либо пользы".

Умный министръ напомнилъ царевичу, что неудовольствіе между отцомъ и сыномъ посторонним лицамъ разбирать трудно, и уговорилъ его вести себя скромнѣе, не требовать свиданія съ императоромъ во избѣжаніе толковъ и подождать спокойно до завтра.

На другой день Шенборнъ, послѣ секретнаго разговора съ своимъ государемъ, объявилъ отъ лица императора царевичу, что если отецъ сердится на него за то, что онъ возитъ съ собою какую-то женщину, то царевичъ долженъ знать, что императору неприличнымъ кажется заступаться за поступки, достойные порицанія. Однако, Шенборнъ сообщилъ царевичу,

Тріумфальный входъ въ Москву изъ подъ Азова.

что императоръ готовъ хлопотать о примиреніи его съ родителемъ, а до тѣхъ поръ будетъ содержать его въ тайнѣ, подъ своею защитой.

Царевичъ согласился. Его отправили секретно, подъ видомъ государственнаго преступника, въ Тироль, въ крѣпость Эренбергъ, расположенную посреди горъ, на высокой скалѣ. Всѣмъ, жившимъ въ крѣпости, строго наказывалось молчать о томъ, кто содержится въ крѣпости. На содержаніе царевича съ Евфросиніею, съ которою онъ не хотѣлъ разставаться и въ крѣпости, императоръ велѣлъ отпускать большія средства, вполнѣ приличныя званію царевича.

Царевичу, однако, не сидѣлось смирно и въ крѣпости. Онъ принялся тамъ писать воззванія къ русскимъ сенаторамъ и архіереямъ, прося ихъ подметывать эти письма въ народъ и всячески содѣйствовать ему, и обѣщая вознаградить ихъ за это въ будущемъ. Австрійское правительство увидѣло изъ этого, въ какую исторію царевичъ можетъ безразсудно впутать Австрію, а потому задержало у себя всѣ эти письма, которыя и понынѣ хранятся въ Вѣнѣ.

Между тѣмъ въ Россіи никто не зналъ, куда царевичъ пропалъ. Даже близкіе ему люди, исключая двухъ-трехъ человѣкъ, ничего не знали о судьбѣ царевича и начали сильно безпокоиться.

Петръ, находившійся въ это время въ Голландіи, видя, что царевичъ, давно уже выѣхавшій изъ Россіи, не является, однако, къ отцу, понялъ, что онъ убѣжалъ, и сразу догадался, куда онъ могъ скрыться. Зная нравъ царевича, Государь предчувствовалъ, какую смуту можетъ поднять царевичъ своимъ бѣгствомъ во всей Европѣ. Петръ немедленно поручилъ русскому посланнику въ Вѣнѣ, Веселовскому, развѣдать, гдѣ скрывается царевичъ, а также передать австрійскому императору письмо, въ которомъ Петръ рѣшительно потребовалъ у могущественнѣйшаго въ то время императора: „еслибы непослушный сынъ русскаго царя оказался явно или тайно въ его

владѣніяхъ — выслать его подъ карауломъ для отеческаго исправленія".

По полученіи царскаго письма, въ Вѣнѣ поняли, что можно ожидать обнаруженія страшнаго гнѣва Петра. На собранномъ совѣтѣ австрійскихъ министровъ не безъ боязни было высказано предположеніе, что русскій царь, не получивъ отъ императора согласія на свое требованіе, можетъ „съ многочисленными русскими войсками", стоявшими въ то время въ Польшѣ, близь австрійской границы, вступить въ предѣлы Австріи. Поэтому, императоръ обратился даже къ англійскому правительству съ просьбою, не окажетъ ли оно, въ случаѣ надобности, содѣйствія Австріи для защиты царевича Алексѣя.

Однако, австрійское правительство не выдало Веселовскому царевича и даже тайны его мѣстопребыванія. Но Веселовскій вскорѣ самъ напалъ на слѣдъ царевича, и тотчасъ извѣстилъ государя о секретномъ проживаніи царевича Алексѣя въ Тиролѣ, подъ именемъ поляка Коханскаго. Государь выслалъ въ помощь Веселовскому капитана Румянцева и своего приближеннаго, Толстого, съ порученіемъ добиваться выдачи царевича.

Австрійскій императоръ, узнавъ объ открытіи русскими мѣстонахожденія царевича, послалъ ему совѣтъ немедленно переѣхать дальше, въ итальянскія владѣнія императора, за городъ Римъ, въ Неаполь. Такимъ образомъ царевичъ, вмѣстѣ съ Евфросиніей, переодѣтой въ мужское платье, 5 мая 1717 г. былъ перевезенъ въ Неаполь, въ крѣпость Сентъ-Эльмо, расположенную на холмѣ, близь города. Но когда царевича везли туда, за нимъ слѣдомъ ѣхалъ, секретно, капитанъ Румянцевъ, который и сообщилъ Петру о всемъ видѣнномъ.

Между тѣмъ, Толстой, не добившись у императора согласія на выдачу царевича, успѣлъ однако выхлопотать себѣ дозволеніе видѣться съ царевичемъ, чтобы уговорить его къ добровольному возвращенію на родину. Императора связывало,

собственно, данное имъ слово, но въ душѣ онъ желалъ отдѣлаться отъ царевича, къ дѣтямъ котораго питалъ больше жалости, чѣмъ къ нему самому, а еще меньше могъ имѣть разсчетовъ на какую-нибудь пользу отъ него. Поэтому онъ съ самаго начала пожелалъ примирить царевича съ отцомъ и охотно дозволилъ Толстому видѣться для этой цѣли съ самимъ царевичемъ. Императоръ даже поручилъ своему итальянскому намѣстнику, Дауну, содѣйствовать Толстому въ склоненіи царевича къ добровольному возвращенію на родину; но при этомъ, императоръ, разумѣется, не отказывался, согласно своему обѣщанію, и отъ защиты царевича, если онъ не согласится на примиреніе съ отцомъ.

По прибытіи Толстого съ Румянцевымъ въ Неаполь, тамошній императорскій намѣстникъ пригласилъ ихъ къ себѣ, куда попросилъ для свиданія съ ними и царевича Алексѣя. Царевичъ не ожидалъ встрѣчи съ Толстымъ и Румянцевымъ и, увидѣвъ ихъ, страшно перепугался: онъ думалъ, что его пригласили для выдачи, и что его сейчасъ же убьютъ. Особенно наводилъ на него страхъ капитанъ Румянцевъ. Толстой передалъ отъ государя царевичу письмо, въ которомъ Петръ писалъ: „Буде побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ; но лучшую любовь покажу тебѣ, если воли моей послушаешь и возвратишься". Въ противномъ случаѣ государь угрожалъ царевичу своимъ гнѣвомъ. „Буде же сего не учинишь—писалъ Петръ,—то, яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаю тебя вѣчно, а яко государь твой—за измѣнника объявляю и не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ".

Перепуганный царевичъ не хотѣлъ и слышать о возвращеніи. Царскіе послы видѣлись съ нимъ у намѣстника два раза, а въ третій разъ онъ ужь вовсе не поѣхалъ на свиданіе съ ними. Тогда Толстой подкупилъ за 60 червонцевъ се-

кретаря намѣстника, чтобы онъ еще лично отъ себя попугалъ царевича. Вопреки воли императора, подкупленный секретарь отправился въ замокъ къ царевичу и сказалъ ему: „Императорская протекція не совсѣмъ для васъ надежна; императоръ далъ слово защищать васъ только до примиренія вашего съ отцомъ; теперь отецъ уже прощаетъ васъ, а вы не ѣдите; если царь вздумаетъ вести войну, то императоръ, нехотя, выдастъ сына отцу“. Не подозрѣвая обмана и не догадавшись даже провѣрить слова секретаря, царевичъ повѣрилъ его выдумкѣ и сильно растревожился. Ему неохота была даже позаботиться, какъ слѣдуетъ, о своей собственной судьбѣ, и онъ все надѣялся, что за него похлопочатъ другіе, а онъ будетъ наслаждаться только сладкимъ покоемъ. Когда же царевичъ теперь увидѣлъ, что и въ Австріи приходится самому заботиться о себѣ, то рѣшился было на отчаянный шагъ: бѣжать въ Римъ и отдаться подъ покровительство римскаго папы. Только Евфросиніи удалось удержать царевича отъ исполненія этого намѣренія, которое окончательно могло уронить его во мнѣніи даже близкихъ ему людей.

Опасаясь, со словъ секретаря, недоброжелательства со стороны императора и удерживаемый Евфросиніею отъ бѣгства въ Римъ, царевичъ, въ тревогѣ, рѣшился самъ пригласить къ себѣ Толстого для переговоровъ, но только безъ Румянцева. Толстой пріѣхалъ къ царевичу и еще больше напугалъ его, сказавъ, что государь собираетъ войско, чтобы доставить оружіемъ своего сына, и что онъ самъ пріѣдетъ въ Италію. „Не думай — говорилъ Толстой, — что онъ тебя видѣть здѣсь не можетъ: кто ему запретитъ?“ Это окончательно смутило царевича и, не зная на что рѣшиться, онъ обѣщался еще подумать, но при этомъ проговорился, и высказалъ свое тайное, но самое пустое желаніе; онъ сказалъ Толстому: „Я бы поѣхалъ къ отцу, если бы у меня не отняли Евфросинію и дозволили жить съ нею въ деревнѣ“. Слова эти показали царскому посланцу, какъ надо дѣйствовать съ царевичемъ. По

совѣту Толстого, итальянскій императорскій намѣстникъ послалъ сказать царевичу, что онъ находитъ поведеніе его неприличнымъ и прикажетъ отлучить отъ него женщину, которая ѣздитъ съ нимъ въ мужской одеждѣ. Испуганный царевичъ сообщилъ объ этомъ Евфросиніи, а та посовѣтовала ему покориться отцовской волѣ и просить у отца прощенія. На другой же день царевичъ объявилъ Толстому, что согласенъ ѣхать въ отечество, если ему позволятъ жениться на Евфросиніи и жить съ нею въ деревнѣ. Толстой отъ имени царя далъ обѣщаніе исполнить его желаніе, и тотчасъ же написалъ объ этомъ Петру, прося его согласія на требованіе царевича и говоря, „что онъ (царевичъ) тѣмъ весьма покажетъ себя во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки“.

Царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, посѣтилъ городъ Баръ съ цѣлью поклониться мощамъ св. угодника Николая, побывалъ въ Римѣ, гдѣ ему оказаны были большія почести, а затѣмъ направился черезъ Вѣну въ Россію. Евфросинія же, по случаю беременности, направилась другою, болѣе удобною дорогою, черезъ Берлинъ. Толстой и Румянцевъ съ той минуты не покидали царевича, опасаясь, какъ бы онъ дорогою опять не перемѣнилъ своего намѣренія, а потому спѣшили поскорѣе выбраться съ нимъ за предѣлы императорскихъ владѣній, не останавливаясь даже въ Вѣнѣ, черезъ которую проѣхали ночью. Царевичъ теперь самъ охотно уже спѣшилъ на родину, мечтая о деревенской жизни, и забылъ даже поблагодарить императора за его покровительство. Императора это повидимому очень удивило, и онъ послалъ на границу приказаніе задержать путешественниковъ и узнать отъ царевича, почему онъ не представился императору въ Вѣнѣ, и не везутъ ли его неволею? Царевичъ и тутъ отдѣлался обманомъ, велѣвъ сказать императору, что онъ не представился ему единственно по причинѣ дорожныхъ обстоятельствъ. Тогда его пропустили чрезъ границу въ Россію, вмѣстѣ съ неотлучными его дядьками. Толстой и Румянцевъ повезли его прямо въ Москву. Увидѣвъ

возвращающагося царевича, простые русскіе люди, не знавшіе всей сути дѣла, кланялись ему въ землю и говорили: „Благослови, Господи, будущаго государя нашего!“ Но царевичъ, согласившись ѣхать въ Россію только подъ условіемъ дозволенія ему жить въ деревнѣ, тѣмъ самымъ отказывался самъ отъ всякихъ правъ на наслѣдство престола. Изъ Твери царевичъ, довольный всѣмъ видѣннымъ и разсчитывавшій на сладкій отдыхъ и покой, а не на заботы объ управленіи, послалъ Евфросиніи письмо, въ которомъ писалъ: „Слава Богу, все хорошо, и чаю, меня отъ всего уволятъ, что намъ жить съ тобою, будетъ Богъ изволитъ, въ деревнѣ и ни до чего намъ дѣла не будетъ“. 31 января 1718 года царевичъ прибылъ въ Москву.

Но не такъ, однако, думали близкіе ему люди, вовсе не ожидавшіе, что царевичъ такъ легко и скоро согласится на возвращеніе въ Россію. Почуявъ бѣду, Кикинъ въ страхѣ говорилъ. „Царевичъ ѣдетъ: отъ отца ему быть въ бѣдѣ, а другіе напрасно будутъ страдать“.

Петръ ничего не зналъ, съ какою собственно цѣлію скрывался царевичъ за-границей, что онъ тамъ дѣлалъ и въ какія соглашенія входилъ съ иноземными государями. Петръ зналъ только, что опасный поступокъ царевича коренился на общей смутѣ, что одинъ онъ не рѣшился бы на это отчаянное дѣло, и что у него должны быть многочисленные приверженцы и тайные подстрекатели, которые желали лишь воспользоваться слабою волею царевича, чтобы затѣять такое дѣло, которое самому царевичу, можетъ быть, и во снѣ не снилось. Вотъ почему Петръ, обѣщавъ царевичу прощеніе за послушаніе своей волѣ и сознавая, что обнаруженное имъ послушаніе могло быть лишь притворнымъ, не оставилъ все-таки этого чрезвычайно важнаго дѣла безъ самаго серьезнаго разслѣдованія.

На четвертый день по прибытіи царевича въ Москву, 3-го февраля 1718 года, въ отвѣтной палатѣ Кремлевскаго дворца, государь собралъ духовенство, высшихъ сановниковъ

и всякихъ чиновъ людей. Никто здѣсь не смѣлъ садиться. Самъ государь стоялъ въ этомъ собраніи. Ввели и царевича Алексѣя, безъ шпаги, въ сопровожденіи Толстого. Какъ только царевичъ увидѣлъ отца, бросился ему въ ноги и съ плачемъ просилъ прощенія въ своей винѣ. Петръ теперь являлся въ двоякомъ положеніи: какъ отецъ, и какъ государь. Какъ отецъ, онъ воленъ былъ въ своихъ чувствахъ къ сыну, а какъ государь — онъ долженъ былъ помнить прежде всего о законѣ, о пользѣ государства. „Встань!“ сказалъ Петръ царевичу: „Объявляю тебѣ свою родительскую милость“. Затѣмъ, Петръ, уже не какъ отецъ, а какъ государь, обратился къ царевичу съ строгою укоризною, напомнилъ ему, какъ онъ заботился объ исправленіи сына, но царевичъ презрѣлъ это и не хотѣлъ обратиться къ тому, что было необходимо для его будущаго сана; потомъ государь напомнилъ ему его послѣднее преступленіе — бѣгство изъ отечества и обращеніе за помощью къ иноземному государю. Царевичъ не могъ представить никакихъ оправданій, призналъ себя во всемъ виновнымъ и просилъ только простить его и даровать жизнь. Государь обѣщалъ ему прощеніе во всѣхъ его винахъ, если только онъ навсегда откажется отъ наслѣдія и откроетъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. „Я покажу тебѣ милость — сказалъ Петръ, — но только съ тѣмъ, чтобы ты показалъ *самую истину* и объявилъ о своихъ согласникахъ, которые тебѣ присовѣтовали бѣжать къ цезарю“. Царевичъ тотчасъ же отказался отъ наслѣдія и хотѣлъ еще что-то сказать, но Петръ прервалъ его, велѣвъ во всеуслышаніе читать заранѣе приготовленный печатный манифестъ, въ которомъ были изложены вины царевича и объявлялось о назначеніи наслѣдникомъ престола втораго сына государя, Петра Петровича, о царевичѣ же говорилось, что царь, „отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя“, прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но, дабы отъ такого властителя государство въ худшее прежняго положенія не пришло, лишаетъ его наслѣдія, „хотя бы ни единой персоны

царской фамилии не оставалось“. По прочтеніи этого манифеста, государь самъ обратился къ царевичу при всѣхъ, со словами: „Прощаю, а наслѣдія лишаю“.

Послѣ этихъ словъ Петръ, а за нимъ и всѣ присутствовавшіе, послѣдовали въ Успенскій соборъ. Здѣсь царевичъ Алексѣй Петровичъ передъ св. Евангеліемъ далъ клятвенное обѣщаніе, что навсегда отказывается отъ престола и признаетъ истиннымъ наслѣдникомъ брата своего, Петра Петровича. Царевичъ подписался на присяжномъ листѣ, а за нимъ подписались и всѣ присутствовавшіе. Въ тотъ же день вышеупомянутый манифестъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе, съ приведеніемъ всѣхъ къ присягѣ на вѣрность новому наслѣднику престола.

Изъ Успенскаго собора государь, вмѣстѣ съ царевичемъ, отправились въ село Преображенское на обѣдъ; туда же съѣхались и сановники, которыхъ царь милостиво угощалъ, равно какъ и царевича, какъ будто не случилось ничего особеннаго.

Теперь царевичъ не былъ уже наслѣдникомъ престола. Чтобы окончательно загладить всѣ свои вины передъ государемъ и воспользоваться полнымъ его прощеніемъ, царевичу оставалось только, согласно требованію Петра, откровенно разсказать о своемъ бѣгствѣ „самую истину“. Если бы царевичъ искренно исполнилъ это требованіе, то, вѣроятно, Петръ окончательно примирился бы съ нимъ; но не таковъ былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Хотя царевичъ подъ торжественною присягою отрекся отъ своихъ правъ на престолонаслѣдіе и объ этомъ объявлено было повсемѣстно законнымъ порядкомъ—царскимъ манифестомъ, и хотя царевичъ желалъ теперь только спокойно жить въ деревнѣ, но на все это полагаться было нельзя. Петръ зналъ удивительное непостоянство царевича и его склонность къ шатанію, на ряду со многими другими русскими людьми, а потому государь имѣлъ право опасаться какой-нибудь новой опасной перемѣны въ намѣреніяхъ царевича. Въ виду этого,

Петръ и обѣщалъ ему дать полное прощеніе только тогда, когда онъ не только отречется торжественно отъ престолонаслѣдія, но разскажетъ еще откровенно всю правду, какъ о самомъ себѣ, такъ и о своихъ сообщникахъ.

На другой день послѣ отреченія царевича отъ престолонаслѣдія, ему предложили вопросный листъ о его винахъ, въ которомъ отъ имени Петра говорилось: „Все, что къ сему дѣлу касается, хотя что здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; а ежели что укроешь и потомъ явно будетъ, на меня не пеняй“.

Царевичъ написалъ показаніе и подалъ отцу. Въ показаніи этомъ царевичъ не открылъ всей истины. По своему обыкновенію, онъ свалилъ всю вину на другихъ, выдалъ всѣхъ своихъ приверженцевъ, припомнилъ всѣ ихъ совѣты и рѣчи, а на нѣкоторыхъ взвелъ даже напраслину; такимъ образомъ, царевичъ, чтобы купить себѣ спокойствіе и безмятежную жизнь, очернилъ до 50 человѣкъ своихъ пріятелей, въ томъ числѣ: Александра Кикина, Ивана Кикина, Семена Нарышкина, Никифора Вяземскаго, протопопа Игнатьева, князя Василія Долгорукаго, свою тетку царевну Марью Алексѣевну, мать свою царицу Евдокію — въ монашествѣ Елену, даже оговорилъ секретаря австрійскаго министра, Кейля, будто бы тотъ принуждалъ его писать письма сенаторамъ и архіереямъ. О себѣ же самомъ не сказалъ всей правды, а о многомъ совершенно умолчалъ.

Государь повѣрилъ этому показанію, и всѣ оговоренныя царевичемъ лица были схвачены и подвергнуты строжайшему допросу, съ пристрастіемъ, то есть съ пыткою. Нѣкоторые сознались въ взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ, другіе же объявили показаніе царевича облыжнымъ. Только одинъ Александръ Кикинъ повинился, послѣ четвертой пытки, въ тяжкой винѣ; онъ сказалъ: „Я побѣгъ царевичу дѣлалъ и мѣсто сыскалъ въ такую мѣру, когда бы царевичъ былъ на царствѣ, чтобъ былъ ко мнѣ милостивъ“. Нѣкоторые же сознались

только въ дерзкихъ рѣчахъ противъ государя. Кикинъ, Игнатьевъ и съ ними еще 7 человѣкъ были казнены, многіе были сосланы на каторгу и въ Сибирь. Василій Долгорукій отправленъ въ ссылку на житье въ дальній городъ Соликамскъ; Вяземскому удалось совсѣмъ избѣгнуть наказанія; царевна Марья Алексѣевна была заключена въ Шлиссельбургскую крѣпость, а потомъ оставлена въ особомъ домѣ подъ надзоромъ; царица Евдокія, инокиня Елена, была переведена въ Староладожскій женскій монастырь подъ строжайшій надзоръ.

Розыскъ по всѣмъ этимъ дѣламъ производился въ Москвѣ, гдѣ находился и государь. Тамъ же былъ и царевичъ. Петръ все это время обращался съ сыномъ милостиво, предполагая, что онъ искренно раскаялся, и считая, что причиною его побѣга были только совѣты и подстрекательства близкихъ ему людей. Такимъ образомъ, царевичъ жилъ на полной свободѣ въ то время, какъ казнили его пріятелей; онъ продолжалъ утѣшаться мыслію, что добылъ себѣ наконецъ спокойствіе и безмятежную жизнь, сильнѣе прежняго бражничалъ, и писалъ изъ Москвы Евфросиніи: „Батюшка поступаетъ со мною милостиво; слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили! Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ!“

Вполнѣ увѣренный, что вся вина царевича происходитъ лишь отъ той смуты, которая укоренилась въ окружавшихъ его людяхъ, Петръ вскорѣ еще больше убѣдился въ этомъ изъ двухъ случаевъ, происшедшихъ во время розыска. 2 марта, въ Сборное воскресенье, когда государь былъ у обѣдни, къ нему смѣло подошелъ неизвѣстный ему человѣкъ, нѣкто подъячій Докукинъ, и подалъ государю присяжный листъ, по которому приводились всѣ къ присягѣ на вѣрность новому наслѣднику престола, царевичу Петру Петровичу. На этомъ листѣ Докукинъ собственноручно написалъ слѣдующее: „За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя, царевича Алексѣя Петровича, христіанскою совѣстію и судомъ Божіимъ и пресвятымъ

Евангеліемъ не клянусь, и на томъ Животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною рукою не подписуюсь... хотя за то и царскій гнѣвъ на мя произмется, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ его святой, за истину, азъ рабъ Христовъ Илларіонъ Докукинъ, страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь". Поступокъ этотъ былъ верхомъ безразсудства. Какой-то ничтожный подъячій открыто не признавалъ для себя обязательнымъ манифестъ законнаго государя, и одинъ за все государство объявлялъ незаконнымъ лишеніе царевича наслѣдства и говорилъ еще, что пришелъ пострадать за правду! Докукина подвергли строжайшему допросу, онъ никого не выдалъ и хулилъ Петра и Екатерину. Его колесовали. Подобный же случай крайнаго озлобленія произошелъ при производствѣ суда надъ оговореннымъ царевичемъ и низложеннымъ съ епископской каѳедры, ростовскимъ архіереемъ Досиѳеемъ, который обвинялся въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ царицей Евдокіей, инокиней Еленою. Присужденный соборомъ архіереевъ къ разстриженію, Доѳисей, а по разстриженіи—Демидъ, въ присутствіи всего высшаго духовенства сказалъ: „Только я одинъ въ семъ дѣлѣ попался: посмотрите, и у всѣхъ, что на на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ? а на имя не скажу". Этого разстригу Демида тоже присудили къ казни; онъ былъ колесованъ. Петръ увидѣлъ, какая опасная смута проникаетъ всюду, и вспомнилъ патріарха Никона, который, на мѣсто царской власти и гражданскаго порядка, открыто домогался утвердить собственную власть. „О, бородачи, бородачи! воскликнулъ Петръ: и отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами!"

18 марта Петръ, вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ, уѣхалъ въ Петербургъ. На Пасху, 12 апрѣля, царевичъ явился къ своей мачихѣ, царицѣ Екатеринѣ, съ поздравленіемъ, и на колѣняхъ умолялъ ее склонить государя къ согласію на его бракъ съ Евфросиніею.

20 апрѣля Евфросинія прибыла, наконецъ, изъ-за границы

въ Петербургъ. Ее тотчасъ же заключили въ Петропавловскую крѣпость, и государь самъ сдѣлалъ ей допросъ, велѣвъ ей показать все, что она знаетъ о бѣгствѣ царевича.

Евфросинія простодушно и искренно разсказала о всѣхъ поступкахъ царевича, о которыхъ онъ самъ утаилъ въ своемъ показаніи. Оказалось, что секретарь австрійскаго посольства вовсе не принуждалъ царевича писать письма русскимъ архіереямъ и сенаторамъ, а дѣлалъ это онъ самъ по своей волѣ, затѣмъ, чтобы эти письма подметывались въ народѣ. Евфросинія показала также, что царевичъ не разъ писалъ австрійскому императору жалобы на отца и что хотѣлъ бѣжать въ Римъ подъ покровительство папы, только она его удержала. По словамъ Евфросиніи, царевичъ радовался, когда читалъ въ газетахъ, что братъ его Петръ Петровичъ боленъ, крѣпко желалъ смерти отцу, постоянно ждалъ мятежа, радовался, когда узналъ, будто въ Мекленбургѣ взбунтовалось русское войско, и вообще прилежно желалъ наслѣдства. Царевичъ говорилъ Евфросиніи: „Чаю, сенаторы не сдѣлаютъ того, чего хочетъ батюшка“. Онъ разсчитывалъ также на общее смятеніе по смерти отца. „Иные станутъ за брата, иные за меня“, говорилъ царевичъ. Онъ разсказывалъ Евфросиніи: „Когда стану царемъ, близкіе къ отцу люди будутъ сидѣть на копьяхъ.... Петербургъ оставлю простымъ городомъ: буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ. Кораблей держать не стану, а войска стану держать только для обороны, и войны имѣть ни съ кѣмъ не буду“. Такимъ образомъ, царевичъ въ тайнѣ желалъ полученія престола и собирался при первомъ случаѣ все перевернуть вверхъ дномъ, разрушить всѣ дѣла Петровы.

Изъ этого показанія государь съ ужасомъ увидѣлъ, какъ неискренно было сознаніе самаго царевича и какъ вообще опасно на него полагаться, не смотря на его, повидимому, пока скромное желаніе жить спокойно въ деревнѣ. Особенно же привели въ гнѣвъ государя измѣнническія намѣренія царевича по сношенію съ иноземными государями, о чемъ онъ самъ

умолчалъ въ своемъ показаніи. Петръ полагалъ, что и Евфросинія многаго еще не знаетъ изъ того, что затѣвалъ царевичъ.

Царевича снова привели къ допросу. Сначала онъ запирался, даже на очной ставкѣ съ Евфросиніей, но потомъ во всемъ повинился, даже въ желаніи бунта, и сказалъ отцу: „Ежели бы бунтовщики меня когда-бъ-нибудь, хотя-бъ и при живомъ тебѣ, позвали, то-бъ я поѣхалъ“. При этомъ царевичъ оговорилъ еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и престарѣлаго Кіевскаго митрополита Іосифа Кроковскаго, который былъ вызванъ изъ Кіева для слѣдствія, но умеръ на пути въ Петербургъ.

Государь былъ поставленъ всѣми этими новыми свѣдѣніями о бѣгствѣ царевича въ крайнее затрудненіе. Очевидно было, что царевичъ, поддерживаемый другими людьми, склонными къ смутѣ, представлялъ крайнюю опасность для государства, и его тяжкая вина, обнаруженная сознаніемъ Евфросиніи, не могла быть оставлена безъ наказанія. Но Петръ былъ связанъ торжественнымъ обѣщаніемъ дать полное прощеніе царевичу, хотя послѣдній самъ не соблюлъ условія этого прощенія—искренно показать всю правду о своемъ бѣгствѣ. Въ виду этого, государь рѣшился отстранить себя отъ суда надъ сыномъ, и, ради безопасности государства, вынужденъ былъ предать его суду постороннихъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ.

Въ маѣ 1718 года, во всенародномъ объявленіи о преданіи суду царевича были перечислены всѣ вины царевича и въ заключеніе говорилось: „По всему тому можно видѣть, что онъ хочетъ получить наслѣдство по волѣ своей, чрезъ чужестранную помощь, или черезъ бунтовщиковъ, и при животѣ отца своего“.

13 іюня учреждены были два судилища: одно изъ высшаго духовенства, а другое — изъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Поручая этимъ судьямъ произвести справедливый приговоръ царевичу, государь печатно объявилъ имъ: „Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не флатируя и не похлѣбуя мнѣ (то-есть безпристрастно) и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно,

и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобы мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ; не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на сына вашего государя, но, не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей души, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно". Государь напомнилъ также судьямъ о томъ, что онъ обѣщалъ сыну прощеніе.

На другой день 14 іюня, царевичъ, по постановленію свѣтскаго суда, былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, для производства слѣдствія, по всей строгости тогдашнихъ законовъ, „съ пристрастіемъ", то-есть съ пыткою. При допросѣ царевича нѣсколько разъ подвергали наказаніямъ, однако, новаго онъ ничего не могъ уже разсказать о себѣ, а только оговорилъ еще нѣсколько постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ и австрійскаго императора, который будто бы обѣщалъ царевичу вооруженную помощь войсками для насильственнаго захвата наслѣдства, и что за это царевичъ будто бы готовъ былъ ничего не пожалѣть для императора.

24 іюня состоялся судъ надъ царевичемъ. При этомъ духовенство, не смотря на настоятельную просьбу государя высказать свой приговоръ прямо и открыто, уклонилось все-таки отъ произнесенія своего мнѣнія. Духовенство не осуждало царевича, и не оправдывало его, а лишь указало на разныя мѣста изъ священнаго писанія, Ветхаго и Новаго Завѣта, на основаніи которыхъ предоставлялось отцу: по Ветхому Завѣту—казнить непокорнаго сына, а по Новому Завѣту—простить его. О государственной пользѣ духовный судъ вовсе не разсуждалъ, а коснулся только обязанностей сына повиноваться отцу, и при этомъ привелъ изъ Новаго Завѣта неподходящій къ этому случаю примѣръ о женѣ прелюбодѣйной и о блудномъ сынѣ, который добровольнымъ возвращеніемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ и исправленіемъ заслужилъ полное прощеніе отца. Въ заключеніе, духовные судьи написали:

„Сердце царево въ руцѣ Божіей есть; да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ“. Такимъ образомъ, духовный судъ не далъ никакого указанія государю, какъ ему поступить съ царевичемъ. Духовенство скрыло свое мнѣніе о дѣлѣ царевича, который не обнаруживалъ искренняго и добровольнаго раскаянія и рѣшительно и навсегда отказался отъ всякаго исправленія, а потому, какъ нераскаянный грѣшникъ, и по Новому Завѣту не заслуживалъ прощенія. Для государя очевидно было, что духовный судъ принялъ сторону царевича, но не рѣшался открыто и прямо высказать свое мнѣніе, основанное не столько на правдѣ, сколько на потворствѣ царевичу. Государю оставалось ждать приговора свѣтскаго суда.

Свѣтскій судъ постановилъ чрезвычайно суровый и, можетъ быть, даже не безпристрастный, но за то прямой и ясный приговоръ: царевичъ былъ обвиненъ судомъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что „намѣренъ былъ овладѣть престоломъ чрезъ бунтовщиковъ, чрезъ чужеземную цесарскую помощь и иноземныя войска, съ разореніемъ всего государства, при животѣ государя, отца своего“. За это 120-ю членами свѣтскаго суда царевичу былъ подписанъ смертный приговоръ. Назначивъ самъ этотъ судъ, Петръ, по справедливости, долженъ былъ уже подчиниться его приговору, хотя бы онъ ему и не нравился.

Черезъ два дня послѣ означеннаго постановленія суда, 26 іюня, въ 7-мъ часу вечера, царевичъ, слабый вообще здоровьемъ и измученный слѣдствіемъ, скончался, освободивъ отъ тяжкаго бремени своего отца и государство. Въ объявленіи государя о смерти царевича Алексѣя Петровича говорилось, что царевичъ, выслушавши смертный приговоръ, пришелъ въ ужасъ, съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, онъ исповѣдался и причастился; 26 іюня, утромъ, государь съ десятью вельможами былъ въ крѣпости для розыска; безнадежно больной царевичъ потребовалъ къ себѣ отца, испросилъ у него прощенія, и вечеромъ по-христіански скончался. Тѣло царевича было перенесено изъ Петропавловской крѣпости въ цер-

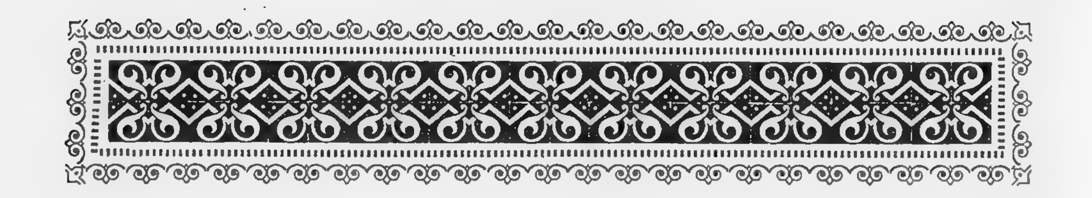
ковь св. Троицы, а 30 іюня, вечеромъ, въ присутствіи царя и царицы, оно было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробомъ покойной его супруги, Шарлотты. О судьбѣ Евфросиніи осталось одно только извѣстіе, что она жила долго послѣ смерти царевича на полной свободѣ.

Дѣло царевича стоило Петру глубокихъ страданій и потрясеній. Не даромъ, тотчасъ же послѣ смерти царевича, онъ какъ бы старался заглушить свою тоску въ шумныхъ пирахъ, бывшихъ 27 іюня, по случаю годовщины Полтавской побѣды, и 29 іюня, въ день имянинъ царя и по случаю спуска новаго корабля. Спустя мѣсяцъ послѣ смерти царевича, въ августѣ 1718 года, Петръ, будучи въ Ревелѣ, впервые услыхалъ тамъ о его прошлой попыткѣ войти въ сношеніе съ шведскимъ королемъ. Государь тогда написалъ объ этомъ Екатеринѣ: „Я здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось“.

Судьба царевича долго во многихъ возбуждала сожалѣніе о немъ: жалѣли его слабость, его любовь къ тихой жизни, говорили, что онъ не былъ виновенъ въ своихъ порокахъ, что онъ былъ русскій человѣкъ, со всѣми его недостатками. Но какая опасность угрожала отъ его недостатковъ всему государству, объ этомъ никто почти не думалъ. По обыкновенію, про смерть царевича въ то время начали ходить въ народѣ разные нелѣпые слухи: говорили, что его задушили, что онъ былъ отравленъ, что Петръ его казнилъ собственноручно, и т. д. По обыкновенію также, стали въ разныхъ мѣстахъ появляться, при Петрѣ и послѣ его смерти, самозванцы, выдававшіе себя за царевича Алексѣя. Такъ, въ разное время были схвачены: одинъ солдатъ и одинъ крестьянинъ, одинъ рабочій и двое нищихъ, выдававшіе себя за царевича Алексѣя и успѣвшіе даже найти себѣ приверженцевъ. Самозванцы эти были казнены.

Судомъ надъ царевичемъ Петръ спасъ отъ разрушенія великое свое дѣло обновленія и духовнаго объединенія Россіи,

упрочивъ незыблемо и безповоротно установленный имъ строгій гражданскій порядокъ и обезпечивъ его навсегда противъ вѣковой распущенности, недовѣрія и себялюбія отдѣльныхъ людей и противъ той смуты, которая долго открыто и тайно разъѣдала русскую гражданскую жизнь во всѣхъ ея частяхъ, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ „стоянія за старину", или „за домъ Богородицы". Осудивъ царевича, Петръ навсегда лишилъ смуту той законности, которой она снова домогалась принять въ лицѣ царевича, законнаго наслѣдника престола, все равно какъ онъ окончательно уничтожилъ законность существованія главнаго гнѣзда старинной розни и смуты—„верховыхъ казачьихъ городковъ" на Дону. Съ тѣхъ поръ уже не было на Руси для смуты явнаго, всѣми признаннаго пристанища. Осужденіемъ царевича Петръ какъ-бы придавилъ самую голову этой смуты. Правда, и послѣ смерти Петра смута продолжала еще жить въ привычкахъ отдѣльныхъ людей и не разъ даже снова проявлялась наружу, но уже явно безсильная противъ того твердаго и освященнаго закономъ и временемъ гражданскаго порядка, который былъ установленъ Петромъ. Кореннымъ же образомъ уничтожалась смута не самимъ Петромъ, при его жизни, а его великимъ образомъ, послѣ его смерти, его геніальной мыслью о правдѣ, о подчиненіи всѣхъ и каждаго общей пользѣ,—о довѣріи другъ къ другу и о смиреніи передъ благомъ всего государства и народа,—только эта мысль, постепенно распространяясь и проникая во всю русскую жизнь, неустанно и твердо продолжала искоренять смуту даже въ привычкахъ отдѣльныхъ людей. Самыми усердными распространителями этихъ мыслей Петра, по кончинѣ государя, несомнѣнно, были его сотрудники и послѣдователи, на подготовленіе и воспитаніе которыхъ онъ положилъ много тяжкихъ заботъ и трудовъ, составившихъ одну изъ величайшихъ его заслугъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Виды Петра на Востокъ. — Походъ въ Хиву. — Занятіе береговъ Каспійскаго моря. — Взятіе Баку и Дербента. — Завоеваніе персидскихъ провинцій. — Смерть Петра.

На Западѣ жили богатые и образованные народы, съ которыми Россія нуждалась въ сближеніи ради просвѣщенія, но на Востокѣ находились народы непросвѣщенные и бѣдные, но воинственные и населявшіе богатыя по природѣ страны. Съ этими народами у Россіи были свои, старинные счеты. Съ Востока нахлынули на Россію татарскія орды, 200 лѣтъ державшія русскій народъ въ порабощеніи, что и послужило главною причиною обѣдненія и обезсиленія Россіи и долголѣтняго отчужденія ея отъ западной Европы. Съ Востока же пришли и турецкія полчища, поработившія единоплеменныхъ и единовѣрныхъ русскимъ балканскихъ славянъ, а также многихъ закавказскихъ христіанъ: армянъ, грузинъ и другихъ; порабощеніе турками единовѣрныхъ намъ народовъ служило также къ обезсиленію Россіи, лишившейся чрезъ это помощи своихъ единовѣрцевъ.

Съ другой стороны, дикіе и воинственные восточные народы отдѣляли Россію отъ обширныхъ и богатыхъ азіатскихъ странъ, населенныхъ мирными народами, каковы—Китай,

Индія и Персія. Торговыя сношенія Россіи съ этими богатыми странами также могли служить къ улучшенію и развитію благосостоянія русскаго народа. Но дикіе, разбойничьи народы преграждали русскимъ доступъ къ этимъ богатымъ странамъ, грабили русскихъ купцовъ, осмѣливавшихся пускаться туда, распространяли ужасъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ въ западный Китай, Индію и Персію. Замиреніе этихъ разбойничьихъ народовъ, обезопасеніе путей въ Китай, Индію и Персію и открытіе съ этими странами прочныхъ торговыхъ сношеній, составляло также важную задачу Россіи.

Вотъ почему Петръ, празднуя заключеніе мира со шведами, говорилъ сенаторамъ: „Однако, надѣясь на миръ, не должно ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ... Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который намъ Богъ кладетъ передъ очами, какъ внутри, такъ и внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ“. Достигнувъ шведскою войною всего, чего ему было желательно добиться для Россіи на Западѣ, Петръ обратилъ послѣ этого оружіе свое на Востокъ.

Еще раньше Петръ, какъ мы видѣли, пытался, силою оружія, добыть у турокъ Черное море и освободить отъ турецкаго ига балканскихъ христіанъ. Но при этомъ Петръ убѣдился, что борьба съ Турціей для Россіи была въ то время еще крайне опасною, какъ по значительности турецкихъ силъ, такъ и въ особенности по тѣмъ затрудненіямъ, которыя ставили Россіи, въ ея борьбѣ съ Турціей, завистливыя западно-европейскія державы. Поэтому Петръ рѣшилъ пока обратить свои заботы на дальнѣйшій Востокъ, гдѣ вмѣшательство европейскихъ державъ не могло имѣть мѣста. Петръ ожидалъ только окончанія шведской войны, чтобы двинуть свои силы въ азіатскія земли.

Часто повторявшіяся въ средне-азіатскихъ степяхъ за Каспійскимъ моремъ разграбленія русскихъ купеческихъ каравановъ, направлявшихся въ Хиву и Бухару, заставили Петра, еще до окончанія шведской войны, принять мѣры къ зами-

ренію закаспійскихъ земель. Уже въ 1716 году онъ поручилъ князю Черкасскому осмотрѣть всѣ мѣстности этого края, построить укрѣпленія у устья рѣку Аму-Дарьи и попытаться склонить хана хивинскаго къ русскому подданству, или хотя къ дружбѣ съ Россіей. Для сопровожденія князю Черкасскому было дано 4.000 человѣкъ войска. Хивинскій ханъ, подозрѣвая завоевательныя намѣренія со стороны русскихъ, заманилъ къ себѣ князя Черкасскаго обѣщаніемъ ласковаго пріема, но какъ только тотъ явился, велѣлъ убить его, при чемъ и русское войско было частью перебито, частью взято въ плѣнъ. Петръ, узнавъ объ этомъ вѣроломствѣ хана, въ раздраженіи приказалъ заключить пріѣхавшаго въ Россію хивинскаго посла въ крѣпость и отправилъ хану грамату, съ требованіемъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ. Разсказываютъ, что ханъ, получивъ эту грамату, топталъ ее ногами.

Петру не удалось при своей жизни расплатиться съ хивинскимъ ханствомъ. Но сдѣланный Петромъ первый шагъ къ Хивѣ и случившееся тамъ при его жизни печальное происшествіе съ русскими войсками, рано или поздно, должны уже были привести русскихъ въ Хиву. Городъ этотъ былъ взятъ русскими войсками штурмомъ уже въ наше время, спустя полтораста лѣтъ послѣ перваго хивинскаго похода.

Гораздо успѣшнѣе были попытки Петра проложить путь русской торговлѣ въ Персію, черезъ Каспійское море и черезъ Кавказъ. Еще во время шведской войны, Петръ старался подробно развѣдать о путяхъ въ Персію и о персидскихъ военныхъ силахъ, а также склонить шаха персидскаго къ направленію въ Россію всей персидской торговли шелкомъ-сырцомъ и къ дозволенію русскому купечеству открыть черезъ Персію торговыя сношенія съ Индіей. Дѣйствительно, ему удалось въ то время заключить съ Персіей торговый договоръ. Тогда же Петръ узналъ о происходившихъ въ Персіи возмущеніяхъ и неурядицахъ, и вообще о слабости персидскаго государства.

Наконецъ, передъ самымъ заключенiемъ Ништадтскаго мира, Петръ получилъ извѣстiе изъ Персiи, что русскiе купцы, торговавшiе въ городѣ Шемахѣ, перебиты и разграблены возмутившимся противъ Персiи кавказскимъ народомъ—лезгинами, платившими дань персидскому хану. Въ то же время, возвратившiйся изъ Китая караванъ русскихъ купцовъ былъ разграбленъ на дорогѣ хивинскими татарами по наущенiю афганцевъ, также возмутившихся противъ Персiи. При этомъ одинъ изъ христiанскихъ кавказскихъ владѣтелей, грузинскiй князь Вахтангъ, обратился къ Петру съ предложенiемъ воспользоваться крайнимъ положенiемъ Персiи и освободить отъ ея власти христiанскую Грузiю.

Заключивъ миръ со Швецiей, Петръ рѣшился немедленно предпринять походъ въ Персiю. Весною 1722 года онъ отправилъ войска свои на судахъ внизъ по Волгѣ къ Астрахани, а слѣдомъ за нимъ отправился и самъ вмѣстѣ съ Екатериною, останавливаясь по пути лишь на короткое время въ поволжскихъ городкахъ для ихъ осмотра. 18 iюля, Петръ, съ 28-тысячнымъ войскомъ, отплылъ на судахъ изъ Астрахани къ кавказскимъ берегамъ, отправивъ туда же берегомъ Каспiйскаго моря конницу.

Достигнувъ береговъ Кавказа, Петръ объявилъ всѣмъ мѣстнымъ владѣтелямъ, данникамъ шаха, что русскiе не будутъ причинять никакихъ обидъ мирнымъ жителямъ. Дѣйствительно, владѣльцы разныхъ мѣстностей, при появленiи русскаго царя съ войскомъ, тотчасъ же выразили готовность служить царю. Нѣкоторые владѣтели приняли Петра и Екатерину даже съ особенною торжественностью. Но уже на пути къ Дербенту Петръ встрѣтилъ сопротивленiе со стороны утимишскаго султана Мугамеда. Петръ отправилъ къ нему трехъ казаковъ—требовать покорности; султанъ приказалъ побить ихъ и вслѣдъ затѣмъ ударилъ съ своими силами на русское войско. Петръ разбилъ его, разрушилъ его столицу Утимишъ и опустошилъ его владѣнiя. 23 августа Петръ подо-

шелъ къ Дербенту. Персидскій комендантъ этой крѣпости вышелъ на встрѣчу царю съ серебряными ключами и сдалъ ему крѣпость. Петръ простоялъ здѣсь до сентября, намѣреваясь идти изъ Дербента на Шемаху и Тифлисъ. Между тѣмъ, приближалась осень, а вмѣстѣ съ тѣмъ наступили и разныя затрудненія для русскаго войска. Подвозъ къ Дербенту по Каспійскому морю продовольствія становился затруднительнымъ, такъ какъ провіантскія суда страдали отъ бурь; въ конницѣ русской, отъ безкормицы, начали падать лошади массами. Видя это, Петръ отказался отъ похода въ Шемаху и Тифлисъ. Оставивъ войска свои въ Дербентѣ подъ начальствомъ генерала Матюшкина, Петръ явился съ Екатериною въ Астрахань. Выславъ отсюда по Каспійскому морю къ персидскимъ границамъ другой русскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Шипова, Петръ возвратился въ декабрѣ въ Москву.

Полковникъ Шиповъ благополучно высадился съ войскомъ на персидскомъ берегу и занялъ городъ囗ештъ. Персіяне приняли здѣсь русскія войска недружелюбно, но Шиповъ, не обращая на это вниманія, простоялъ въ Рештѣ до весны 1723 года. Мало по малу, персіяне начали собирать войска около Решта и стали требовать удаленія русскихъ. Въ мартѣ Шиповъ отправилъ обратно большую часть своего войска на судахъ, и остался въ Рештѣ съ малочисленными силами. Тогда персіяне со всѣхъ сторонъ напали на Шипова, но горсть русскихъ храбрецовъ разбила на-голову многочисленнаго непріятеля и совершенно разсѣяла его.

Не менѣе удачны были дѣйствія и генерала Матюшкина. Подплывъ съ моря къ городу Баку, Матюшкинъ встрѣтилъ сопротивленіе къ высадкѣ русскаго войска на берегъ. Но русскіе отбили персіянъ, принудили городъ къ сдачѣ и овладѣли всею провинціею Гилянъ. 12 сентября 1723 года, присланный въ Петербургъ отъ персидскаго шаха посолъ заключилъ отъ имени своего государя съ русскимъ императоромъ

мирный договоръ, по которому Персія уступила Россіи въ вѣчное владѣніе города Дербентъ и Баку, и провинціи Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ. Такимъ образомъ Петръ, почти безъ войны, пріобрѣлъ южное побережье Каспійскаго моря, богатое различными произведеніями: сахаромъ, мѣдью, нефтью, лимонами и проч. Немедленно Петръ распорядился о постройкѣ укрѣпленій въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ и о призывѣ для заселенія ихъ изъ сосѣднихъ турецкихъ владѣній христіанскихъ жителей—армянъ.

Турція пыталась-было воспрепятствовать русскимъ въ овладѣніи названными землями, главнымъ образомъ, по наущенію англійскаго посла въ Константинополѣ, который говорилъ султану, что ему легко бороться съ Россіею, „ибо русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей, всѣ они ему злодѣи“. Но французскій посолъ, напротивъ, всячески старался удержать султана отъ объявленія войны Россіи и добился того, что Турція помирилась съ новыми завоеваніями Петра.

Персидскій походъ Петра сильно удивилъ западно-европейскія правительства. Всѣ они поражались неутомимою дѣятельностью Петра Великаго, его проницательнымъ умомъ и успѣхами, и говорили, что теперь онъ станетъ заботиться объ установленіи сообщенія Россіи съ Индіею вплоть до Персидскаго залива.

Измученный безмѣрнымъ трудомъ и еще больше безпрерывною борьбою, Петръ окончательно надорвалъ свои силы. Уже самая наружность его обличала въ немъ подъ конецъ необычайнаго труженика. Государь былъ еще не старъ, ему не исполнилось еще 52 лѣтъ, къ тому же онъ обладалъ отъ природы чрезвычайно крѣпкимъ сложеніемъ; но, не смотря на это, тяжкіе труды и непрестанныя заботы оставили въ немъ глубокій слѣдъ: его давно уже стали посѣщать жестокіе недуги, усиливавшіеся съ каждымъ годомъ. Петръ, однако, не обращалъ на нихъ вниманія, продолжалъ крѣпиться, и безъ

устали работалъ. Однако, болѣзнь съ лѣтами становилась все упорнѣе и злѣе; въ лицѣ его уже не было ни кровинки, и оттого еще чернѣе казались его волосы и усы, еще грознѣе и суровѣе смотрѣли его темно-каріе глаза изъ-подъ густыхъ бровей. Въ немъ уже нельзя было узнать когда-то цвѣтущаго здоровьемъ и красотою русскаго богатыря. Повременамъ Петръ болѣлъ очень сильно. Онъ посѣщалъ Олонецкія желѣзныя воды, немного оправлялся, и принимался, по прежнему, за усиленный трудъ на пользу отечества. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ даже работалъ какъ-будто на спѣхъ,—такое множество появлялось его указовъ и распоряженій по всѣмъ частямъ государственнаго управленія: по развитію законодательства, по улучшенію управленія государствомъ, по общественному благоустройству, по народному просвѣщенію, по развитію торговли и промысловъ, по упроченію могущества Россійскаго государства, и проч. Казалось, никакая болѣзнь не могла удержать его отъ исполненія своего высокаго долга и обязанностей. Можно было только замѣтить, что здоровье государя сильно опускалось и самый характеръ его сталъ какъ-будто мѣняться. Между дѣлами онъ часто требовалъ къ себѣ то священника, то доктора, иногда же собиралъ членовъ своего потѣшнаго „собора“. Онъ постоянно имѣлъ задумчивый видъ, чаще обыкновеннаго искалъ уединенія, рѣчь его стала какъ-будто еще отрывистѣе, а нравъ съ годами сдѣлался еще суровѣе и запальчивѣе; съ нимъ боялись даже заговаривать о дѣлахъ, когда онъ оказывался въ мрачномъ настроеніи. Видимо, государь чувствовалъ, что его покидаютъ силы, что ему недолго остается жить, и его начинали терзать сомнѣнія о прочности совершеннаго имъ дѣла, о будущности Россіи. Только воспоминанія о совершенныхъ имъ подвигахъ иногда нѣсколько оживляли его. Особенно же всегда поднимало его духъ воспоминаніе о томъ времени, когда ему, въ 1716 году, по порученію самихъ иноземныхъ государей, какъ-бы изъ сознанія его превосходства, ввѣрено было командованіе

на Балтійскомъ морѣ надъ флотами четырехъ могущественныхъ въ то время державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и русскимъ. Тутъ вѣра въ будущее Россіи, въ превосходство русскаго духа какъ-бы вновь воскресала въ государѣ во всей своей силѣ; онъ съ жаромъ начиналъ разсказывать объ этомъ событіи; слова его лились рѣкою, бодрыя мысли смѣняли одна другую, на блѣдное лицо его выступалъ румянецъ, въ глазахъ блистали радостныя слезы.

Въ сентябрѣ 1724 года, послѣ торжества по случаю освѣщенія вновь построенной церкви въ Царскомъ Селѣ, Петръ заболѣлъ сильно, пролежалъ шесть дней въ постелѣ, но едва только оправился, какъ уже уѣхалъ въ Шлиссельбургъ, ко дню празднованія годовщины взятія этой крѣпости. Изъ Шлиссельбурга Петръ отправился на олонецкіе желѣзные заводы, выковалъ тамъ собственноручно полосу желѣза въ три пуда вѣсомъ, оттуда проѣхалъ въ Новгородъ, вслѣдъ за которымъ посѣтилъ Старую Руссу, гдѣ осматривалъ солеварни. Изъ Старой Руссы государь вернулся для осмотра работъ по прорытію Ладожскаго канала, гдѣ также собственноручно принималъ участіе въ работахъ, и поздней осенью, въ концѣ октября, отправился по Невѣ въ обратный путь въ Петербургъ; но дорогою передумалъ, и, не смотря на наступившій ноябрь мѣсяцъ, рѣшился тотчасъ же плыть изъ Невы дальше, на взморье, чтобы пробраться въ Систербекъ, для осмотра Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, расположеннаго на самомъ берегу Финскаго залива. Погода стояла бурная и холодная, въ заливѣ и даже въ самой Невѣ развело сильное волненіе. Выйдя на взморье, государь, поздно вечеромъ, вынужденъ былъ пристать къ берегу у селенія Лахты, чтобы оттуда, за непогодою, ѣхать въ Систербекъ сухимъ путемъ. Но при выходѣ у Лахты на берегъ, государь замѣтилъ вдали, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега, плывшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами и матросами; вѣтеръ носилъ судно съ этими людьми во всѣ стороны и, наконецъ, въ виду государя, ботъ сѣлъ на мель,

и отъ сильнаго волненія его начало заливать водою и бить объ мель. Государь сейчасъ же отправилъ туда на помощь лодку съ своими людьми; но, приплывя къ боту, люди эти сколько ни трудились, никакъ не могли стащить судно съ мели. Между тѣмъ, ботъ продолжало заливать водою и нѣсколько солдатъ были уже подхвачены волнами. Петръ не утерпѣлъ, сѣлъ въ шлюпку и самъ отправился на помощь. Но шагахъ во ста отъ берега, его шлюпка тоже наткнулась на мель, и онъ не могъ плыть дальше. У бота же продолжали раздаваться крики о помощи, вытаскивали изъ воды полумертвыхъ людей. Тогда Петръ, забывъ страшную стужу и свое нездоровье и помня только христіанскій долгъ всякаго человѣка, выскочилъ изъ своей шлюпки и бросился къ боту пѣшкомъ, по колѣно въ водѣ; добравшись до бота, государь, стоя по поясъ въ холодной ноябрьской водѣ, принялся помогать сдвигать ботъ и спасать людей. На глазахъ его нѣсколько человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ, были унесены волнами, такъ что приходилось спасать другъ друга. Не смотря на это, Петръ проработалъ цѣлую ночь въ водѣ, усиливаясь стащить судно съ мели и спасти находившихся на немъ людей, и, наконецъ, достигъ-таки своей цѣли: ботъ былъ снятъ съ мели, и государь успѣлъ спасти жизнь двадцати человѣкамъ. Наиболѣе пострадавшихъ при этомъ людей, еле державшихся на ногахъ, государь велѣлъ отвезти на берегъ въ ближайшія крестьянскія избы. Самъ же снялъ съ себя мокрую одежду, переодѣлся въ сухое платье, и намѣревался остаться ночевать въ Лахтѣ, чтобы ѣхать на другой день по утру въ Систербекъ. Но онъ уже не могъ заснуть, и почувствовалъ ночью жестокую рѣзь въ животѣ и сильнѣйшіе приступы лихорадки. Петръ отложилъ свое намѣреніе ѣхать въ Систербекъ и утромъ вернулся въ Петербургъ. Прибылъ онъ сюда совершенно больнымъ и слегъ въ постель. У него обнаружились признаки сильной болѣзни, день ото дня все усиливавшіеся,

Петръ, однако, съ твердостью переносилъ болѣзнь. Оправившись на столько, что можно было ходить, государь опять дѣятельно принялся за дѣла. Но вскорѣ его сильно раздражили близкіе ему люди: нѣсколько сановниковъ и окружавшихъ царя лицъ попались въ лихоимствѣ, въ томъ числѣ и Меншиковъ. Петръ пришелъ въ страшный гнѣвъ, назначилъ слѣдствіе и наложилъ опалу на виновныхъ. Эти непріятности усилили болѣзненное состояніе государя. Здоровье его послѣ того уже не поправлялось, а становилось со дня на день все хуже. Петръ продолжалъ, однако, преодолѣвать себя, бодрился, занимался государственными дѣлами, даже удѣлялъ время на забавы. Такъ прошли весь ноябрь и декабрь 1724 года. Но на праздникъ Рождества Христова Петръ уже не могъ дѣлать даже любимаго своего славленья. Насталъ январь 1725 года. Петръ былъ сильно боленъ, хотя все еще крѣпился и занимался дѣлами до 16 января. Въ этотъ день болѣзнь его вдругъ проявилась съ такою силою, что государь отъ жестокой боли вынужденъ былъ слечь въ постель, продолжая, однако, и въ постели, въ минуты малѣйшаго облегченія, заниматься государственными дѣлами. Государя лечилъ его постоянный докторъ, лейбъ-медикъ Блументростъ. Всѣ врачи, сколько ихъ тогда находилось въ Петербургѣ, были тоже созваны на совѣтъ. Блументростъ написалъ также письма двумъ знаменитымъ врачамъ Европы, прося ихъ совѣта. Государю, между тѣмъ, становилось все хуже. По временамъ онъ испытывалъ такія страшныя боли, которыхъ, не смотря на все свое желѣзное терпѣніе, не могъ болѣе выносить, и испускалъ крики.

Всѣ жители Петербурга, отъ мала до велика, въ ужасѣ сбѣгались ко дворцу, или собирались въ церквахъ, гдѣ, по распоряженію св. Сvнода, непрерывно служились молебны о здравіи государя. При больномъ государѣ сначала дежурили по три и по четыре сенатора, которые ни днемъ, ни ночью не отлучались отъ него ни на минуту. Государыня тоже не отходила отъ постели больнаго. 22 января Петръ велѣлъ

поставить близь своей опочивальни походную церковь; здѣсь была отслужена обѣдня, и государь исповѣдался и причастился. 25 января болѣзнь государя усилилась до такой степени, что во дворецъ стали съѣзжаться всѣ остальные сенаторы, всѣ генералы, члены всѣхъ коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, а также весь Сѵнодъ и все знатное духовенство. Страданія государя сдѣлались такъ невыносимы, что на всѣхъ присутствующихъ нападалъ ужасъ; по всему дворцу слышались крики отчаянія, многіе плакали навзрыдъ. Плачъ слышался и на улицахъ среди народа. Претерпѣвая страшныя муки, но жалѣя императрицу, государь приказывалъ ей иногда выходить изъ комнаты, чтобы она не видѣла этихъ мукъ; точно такъ же, когда цесаревны вошли въ комнату, гдѣ лежалъ государь, онъ тотчасъ же велѣлъ имъ выйдти. Изрѣдка, въ минуты облегченія, Петръ немного успокоивался, и печально говорилъ тогда окружавшимъ его лицамъ: „Изъ меня познайте, какое бѣдное созданіе есть человѣкъ!“

Но, не смотря на всѣ свои страданія, государь продолжалъ все-таки заботиться о дѣлахъ. 26 января онъ повелѣлъ издать указъ, чтобы бывшіе въ казенномъ завѣдываніи товары, икру и рыбій клей, отписать на адмиралтейство и изъ доходовъ отъ продажи этихъ товаровъ выдавать жалованье всѣмъ служащимъ въ морской коллегіи и ея конторахъ. Въ тотъ же день, утромъ, государь издалъ манифестъ объ освобожденіи всѣхъ сосланныхъ въ каторжныя работы и о прощеніи всѣхъ преступниковъ, кромѣ самыхъ тяжкихъ, и велѣлъ объявить имъ: „что они освобождены для здравія государя“. Между тѣмъ, отъ страшной боли, силъ у государя оставалось уже такъ мало, что онъ не могъ даже сидѣть въ постели и лежалъ неподвижно. Вечеромъ 26 числа, архіереи съ собравшимся духовенствомъ совершили надъ государемъ священное соборованіе. 27 утромъ страданія Петра усилились, и государь изнемогъ еще болѣе. Онъ не могъ уже кричать, а только издавалъ страдальческіе стоны. Но онъ все еще продолжалъ

дѣлать распоряженія. Утромъ государь далъ повелѣніе сенату, чтобы всѣмъ дворянамъ, не явившимся на смотръ государя и для службы, вины ихъ оставить и имѣній отъ нихъ за то не отписывать. Въ то же время, онъ приказалъ объявить прощеніе всѣмъ тяжкимъ преступникамъ, осужденнымъ на смерть или на вѣчную каторгу, по военнымъ или гражданскимъ законамъ, кромѣ государственныхъ преступниковъ, и при освобожденіи объявить имъ: „что имъ тяжкія вины отпущены для здравія его, государя". Указъ этотъ велѣно было тотчасъ же привести въ исполненіе.

У государя оставалась еще неисполненной одна тяжкая забота: ннзначить себѣ преемника престола. Второй сынъ государя, Петръ Петровичъ, объявленный послѣ царевича Алексѣя законнымъ наслѣдникомъ престола, скончался, будучи 2-хъ лѣтъ отъ роду, въ 1719 году. Въ семействѣ государя оставались, кромѣ супруги императрицы Екатерины, двѣ дочери—Анна и Елизавета Петровна, и малолѣтній внукъ, сынъ царевича Алексѣя, Петръ Алексѣевичъ. Государь оказывалъ расположеніе къ внуку, но объявилъ указомъ, что онъ, по предоставленной ему власти, самъ укажетъ впослѣдствіи наслѣдника престола. У государя было уже составлено на этотъ предметъ духовное завѣщаніе, но, отправляясь въ Москву, на коронацію императрицы, Петръ разорвалъ это духовное завѣщаніе. Можно было думать, что государь, коронуя императрицу, тѣмъ самымъ изъявлялъ намѣреніе назначить ее преемницей престола, по крайней мѣрѣ, на время малолѣтства своего внука Петра Алексѣевича. Однако, распоряженія объ этомъ государемъ не было сдѣлано.

27 января, во 2-мъ часу пополудни, государь, среди страшныхъ мученій, почувствовалъ, что силы его окончательно покидаютъ. Онъ изъявилъ желаніе написать послѣднюю свою волю, потребовалъ бумаги и, взявъ перо въ руки, съ усиліемъ сталъ-было водить имъ, но послѣ первыхъ же двухъ словъ перо выпало, и безсильная рука опустилась на одѣяло. Изъ

написаннаго едва могли разобрать только два слова: „отдайте все...“ Государь велѣлъ позвать дочь свою цесаревну Анну Петровну, чтобы она писала съ его словъ, но когда она подошла къ нему, Петръ не могъ уже произносить ни слова. Тотчасъ же призваны были епископы: тверской Θеофилактъ, псковскій Θеофанъ и архимандритъ Чудова монастыря, для утѣшенія послѣднихъ минутъ государя. Склонясь надъ изголовьемъ умирающаго, они старались подкрѣпить страдальца евангельскими словами. Государь началъ усиливаться встать, его немножко приподняли; возведя глаза къ небу и напрягаясь приподнять руки, Петръ, изсохшими отъ страданій губами, чуть слышно произнесъ: „Сіе едино жажду мою утоляетъ, сіе едино услаждаетъ меня“. Когда же епископъ Θеофанъ сталъ внушать умирающему вѣру въ милосердіе Божіе, Петръ съ чрезвычайными усиліями и едва внятно повторялъ: „Вѣрую и уповаю...“ Тогда епископъ снова сталъ возбуждать умирающаго къ молитвѣ; Петръ, собравши послѣднія свои силы, съ нѣсколько просвѣтленнымъ лицомъ, но чуть лишь слышно произнесъ: „Вѣрую Господи и исповѣдую; вѣрую Господи, помози моему невѣрію!“ Послѣ этого государь совершенно замолкъ и могъ отвѣчать утѣшительнымъ только наклоненіемъ головы и приложеніемъ рукъ къ груди. Замѣтивъ вскорѣ, что и эти движенія прекратились, всѣ присутствовавшіе съ плачемъ поспѣшили къ умирающему государю и, прощаясь съ нимъ, цѣловали его руки. Петръ, казалось, усиливался привѣтствовать ихъ своимъ взглядомъ, но потомъ, съ величайшимъ напряженіемъ силъ, проговорилъ: „послѣ“. Это было послѣднее его слово. Что оно означало, никто не зналъ, но его сочли за желаніе умирающаго немного успокоиться, и всѣ вышли изъ комнаты. Послѣ этого государь ужасно страдалъ въ теченіе еще 15 часовъ, до утра 28 января. Онъ уже ничего не произносилъ, а издавалъ только невнятный раздирающій душу стонъ, судорожно передвигая безпрестанно своею правою рукою; лѣвая же рука уже не дѣйствовала отъ паралича.

Страдальца вторично причастили Св. Тайнъ. Епископы по очереди утѣшали его послѣднія минуты. Петръ все еще не терялъ сознанія и отвѣчалъ своимъ утѣшителямъ слабыми движеніями правой руки и глазъ. Съ четырехъ часовъ утра 28 января онъ уже не могъ производить и этихъ движеній, и началъ охладѣвать, издавая лишь слабые стоны. Преосвященный Ѳеофилактъ сталъ читать въ уши умирающаго отходную молитву. Въ шестомъ часу утра государь совсѣмъ пересталъ стонать и испустилъ духъ. Онъ умеръ на рукахъ императрицы, не покидавшей его ни на минуту, закрывшей ему грозныя очи въ смертный часъ, и сложившей на груди почившаго государя его мозолистыя рабочія руки.

Смерть Петра Великаго неожиданно поразила всѣхъ глубокою скорбью. При жизни своей Петръ Великій, строго призывавшій всѣхъ къ самоусовершенствованію и къ трудовой жизни, не могъ, конечно, пользоваться счастіемъ любви общей; но когда онъ умеръ, всѣ невольно почувствовали, что лишились величайшаго въ мірѣ государя; всѣ сразу сознали, что теперь недостаетъ Россіи долго царившей въ ней могучей воли, высокой мысли и той истинно отеческой любви, съ которою Петръ неустанно заботился о благѣ всѣхъ и каждаго. Невольно тогда у всякаго явился страхъ за будущность Россіи, за возможность поддержанія того могущества, на которое возвелъ ее Петръ Великій; никто не зналъ, куда приведетъ обновленіе Россіи, совершенное Петромъ Великимъ, теперь покинувшимъ свой народъ. Немудрено поэтому, что, по единогласному свидѣтельству современниковъ, при вѣсти о кончинѣ Петра Великаго, рѣдкій изъ русскихъ людей могъ удержаться отъ слезъ и отчаянія. Во дворцѣ происходилъ страшный, всеобщій плачъ. Императрица долго оставалась безъ чувствъ. По сознанію Неплюева, бывшаго въ это время посломъ въ Константинополѣ, онъ, по полученіи извѣстія о кончинѣ Петра, пробылъ цѣлый день въ безпамятствѣ.

Предсмертная воля государя относительно престолонаслѣ-

дія такъ и осталась неизвѣстной; но за малолѣтствомъ внука государя, Петра Алексѣевича, высшими чинами государства была провозглашена императрицей супруга Петра Великаго, Екатерина Алексѣевна.

2-го февраля, тѣло императора было выставлено въ парадной дворцовой залѣ, куда всѣмъ предоставленъ былъ свободный входъ для послѣдняго прощанія съ почившимъ государемъ. 8-го марта звуки трубъ возвѣстили жителямъ Петербурга о погребеніи императора. Черезъ всю Неву, отъ Зимняго дворца до Петропавловской крѣпости былъ перекинутъ деревянный помостъ, обитый чернымъ сукномъ, по которому двинулась торжественная похоронная процессія, при громадномъ стеченіи народа, стоявшаго съ зажженными свѣчами. Отпѣваніе и погребеніе происходило въ Петропавловскомъ соборѣ. По окончаніи обѣдни, преосвященный Ѳеофанъ сказалъ надгробное слово. Рѣчь его была чрезвычайно краткая, но, прерываемая постоянно плачемъ присутствующихъ и собственными слезами оратора, она продолжалась около часа. Знаменитый проповѣдникъ началъ рѣчь словами: „Что се есть?.. до чего мы дожили, о Россіяне! Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!..“ Кончилъ онъ утѣшеніемъ, говоря, что Петръ, „оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ. „Какову онъ Россію свою сдѣлалъ“, закончилъ ораторъ: „такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагамъ страшною, страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною, славна и быти не престанетъ“.

Послѣ окончанія рѣчи, пальба изъ крѣпостныхъ орудій и бѣглый ружейный огонь въ рядахъ войскъ возвѣстили жителямъ Петербурга объ окончаніи отпѣванія тѣла великаго императора.

Императрица Екатерина, горячо любившая Петра, оставила тѣло его еще на сорокъ дней непогребеннымъ, и ежедневно утромъ и вечеромъ являлась въ церковь и горько плакала надъ усопшимъ. Разсказываютъ, что всѣхъ поражала эта

Петръ Великій работаетъ на корабельной верфи въ Саардамѣ.

необычайная привязанность императрицы, и, видя ея рыданія, никто самъ не въ состояніи былъ удержаться отъ слезъ. Императрица, впрочемъ, недолго пережила своего любимаго супруга.

Петръ Великій умеръ 52 лѣтъ отъ роду и царствовалъ 42 года и 7 мѣсяцевъ.

Значеніе царствованія Петра Великаго и самой его личности было, несомнѣнно, громадное; но до сихъ поръ еще великій преобразователь Россіи не можетъ считаться окончательно понятымъ. Всѣ историки Петра вынуждены заканчивать свои повѣствованія о немъ этимъ скромнымъ признаніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной трудности выяснить какъ его великую личность, такъ и все его громадное значеніе. Извѣстный купецъ Голиковъ, жившій въ прошломъ столѣтіи и давшій клятву передъ памятникомъ Петра Великаго написать подробную его исторію, дѣйствительно посвятилъ на это съ необычайной любовью всю свою жизнь и впервые собралъ о Петрѣ Великомъ массу свѣдѣній, написавши до 30 томовъ, но въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ все-таки закончить свое повѣствованіе слѣдующимъ скромнымъ признаніемъ: „Чего же теперь не достаетъ относительно нашего героя? Не достаетъ достойной его исторіи!“ Съ тѣхъ поръ признаніе это слышится постоянно въ заключеніяхъ и всѣхъ позднѣйшихъ историковъ. Уже въ наше время, русскій историкъ Погодинъ закончилъ свое разсужденіе о Петрѣ слѣдующими словами: „Петръ Великій есть сокровище русской исторіи, описанное подробно, но еще не изслѣдованное, не оцѣненное во всѣхъ частяхъ своихъ съ точностію. Много надъ нимъ работы критикѣ, наукѣ: разсмотрѣть его какъ государя, какъ русскаго, какъ гражданина, какъ отца, какъ супруга, какъ человѣка!“ Дѣйствительно, во всѣхъ трудахъ о Петрѣ Великомъ встрѣчается больше удивленія его подвигамъ, больше безотчетныхъ похвалъ, или слѣпой вражды и порицанія, нежели объясненія сущности и значенія его намѣреній и дѣяній.

Несомнѣнно, что въ исторіи Россіи Петръ Великій имѣлъ

и всегда будетъ имѣть двоякое значеніе: какъ мудрый преобразователь и правитель государства, оставившій по себѣ глубокій и неизгладимый слѣдъ въ русской исторіи, и какъ еще небывалый въ мірѣ примѣръ высоко-нравственнаго русскаго гражданина-патріота.

Можетъ быть, Петръ совершилъ бы еще много великихъ подвиговъ на пользу Россіи, если бы преждевременная смерть въ 1725 году не сразила могучаго русскаго богатыря.

Однако, и то, что̀ успѣлъ при своей жизни совершить Петръ Великій для блага Россіи, невольно удивляетъ насъ.

Изъ прежняго Московскаго царства, удаленнаго отъ всѣхъ морей и раскинутаго на необозримыхъ русскихъ степяхъ и равнинахъ, Петръ Великій создалъ державу, сильную на морѣ. Онъ не только добылъ для Россіи море, но и создалъ на немъ грозный русскій флотъ. Онъ въ нѣсколько лѣтъ, изъ русскихъ степняковъ-хлѣбопашцевъ, никогда не видавшихъ моря, образовалъ искусныхъ моряковъ, одерживавшихъ верхъ надъ такими грозными морскими силами, какими располагала въ то время Швеція.

Незадолго передъ своею кончиною, въ августѣ 1723 года, Петръ обозрѣвалъ въ Кронштадтѣ русскій флотъ и любовался своимъ дѣломъ, совершеннымъ имъ съ такою любовію въ теченіе своей жизни. Къ этому времени кронштадтскій флотъ состоялъ уже изъ 29 военныхъ кораблей, на нихъ было 1,730 орудій и до 12,500 человѣкъ матросовъ. Петръ вспомнилъ тогда о томъ небольшомъ ботикѣ, на которомъ въ молодости онъ учился плаванію въ Москвѣ на рѣкѣ Яузѣ, и приказалъ привезти его въ Петербургъ, поставилъ его въ Кронштадтѣ между большими кораблями, нарекъ „Дѣдушка русскаго флота“ и потомъ съ торжествомъ перевезъ его въ Петербургскую крѣпость, гдѣ назначилъ для храненія, какъ народную святыню. Дѣйствительно, этотъ ботикъ Петра Великаго послужилъ зародышемъ того грознаго русскаго флота, съ которымъ уже самъ Петръ одерживалъ блестящія побѣды на Балтійскомъ морѣ, а впо-

слѣдствіи, при державныхъ преемникахъ Петра, флотъ этотъ совершалъ уже и на Черномъ морѣ такіе славные подвиги, какъ битвы Чесменская, Наваринская и Синопская.

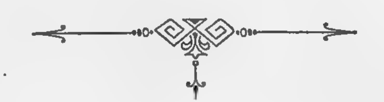
Но не однѣ морскія силы создалъ Петръ Великій. Въ обширномъ Московскомъ царствѣ, едва успѣвавшемъ, съ помощью нестройныхъ ополченій, защищаться отъ своихъ многочисленныхъ враговъ, Петръ создалъ сильную русскую армію, впервые учредивъ въ Россіи постоянное, правильно-устроенное сухопутное войско. Въ этой арміи онъ самъ началъ службу съ чина барабанщика и простаго солдата-бомбардира, прошелъ затѣмъ всю службу военную, до чина генералъ-лейтенанта, и руководилъ всѣмъ устройствомъ военнаго дѣла до мельчайшихъ подробностей. Съ цѣлью удостовѣриться, сколько нужно солдату пищи, Петръ самъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ на солдатскомъ пайкѣ. За то въ нѣсколько лѣтъ онъ и тутъ добился замѣчательныхъ успѣховъ. Изъ малоопытныхъ и несвѣдущихъ старинныхъ русскихъ помѣщиковъ онъ образовалъ дѣятельныхъ и искусныхъ полководцевъ, а изъ деревенскихъ увальней-хлѣбопашцевъ создалъ тѣ стройныя дружины, съ которыми самъ одерживалъ неслыханныя побѣды и которыя впослѣдствіи распространили славу русскаго оружія до Константинополя и Эрзерума—на Востокѣ, и до Парижа—на Западѣ.

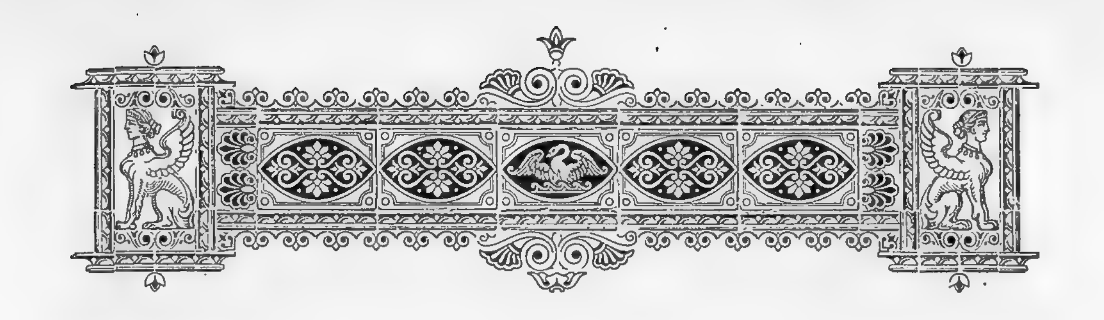
Съ помощью указанныхъ выше средствъ—арміи и флота, могучая воля Петра не только вывела изъ безвѣстности слабое Московское царство, усилила его, возвысила и сравняла по могуществу съ прочими европейскими державами, но и произвела сильное измѣненіе въ положеніи многихъ европейскихъ державъ, особенно Швеціи, Польши и Пруссіи. О значеніи дѣятельности Петра Великаго для западно-европейскихъ государствъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ памятники, поставленные ему въ нѣкоторыхъ иноземныхъ городахъ, а также тщательно сохраняемые тамъ портреты его и вещи, принадлежавшія ему, и, наконецъ, жилища, въ которыхъ онъ тамъ

жилъ или останавливался. Но лучшимъ свидѣтельствомъ всесвѣтнаго значенія дѣятельности Петра служитъ общее признаніе за нимъ титула „Великаго“, а главнымъ образомъ, тотъ могущественный голосъ, которымъ съ тѣхъ поръ пользуется Россія въ совѣтѣ иностранныхъ державъ.

Проницательный умъ Петра и его неустанныя заботы о благѣ и счастіи Россіи ясно намѣтили русскому народу и на Востокѣ почти всѣ тѣ задачи, рѣшенія которыхъ неутомимо добивается Россія до сихъ поръ. Онъ сдѣлалъ починъ въ борьбѣ съ Турецкою имперіей, проложилъ путь къ завоеванію Кавказа и первый указалъ на необходимость замиренія средне-азіатскихъ степей, лежащихъ на пути въ Персію, Китай и Индію.

Казалось бы, перечисленныхъ выше великихъ дѣлъ Петра, стоившихъ ему страшныхъ трудовъ и усилій и продолжительнаго ученія въ Россіи и за-границей, достаточно было для того, чтобы наполнить всю жизнь одного человѣка. Но тѣмъ-то и удивляетъ насъ исполинская личность Петра Великаго, что внѣшнія дѣла Россіи, поставленныя имъ на такую недосягаемую высоту, составляли лишь часть его трудовъ и заботъ; еще бо́льшую часть своей жизни, еще, быть можетъ, больше трудовъ и усилій онъ положилъ на устройство и преобразованіе внутреннихъ дѣлъ Россіи, составлявшихъ главную задачу его жизни, ради чего онъ, главнымъ образомъ, предпринималъ и самыя войны и заботился о внѣшнемъ могуществѣ Россіи. И здѣсь, внутри Россіи, онъ все измѣнилъ, все обновилъ, начиная съ частной жизни и домашняго быта и кончая общественнымъ бытомъ и государственнымъ управленіемъ. На все хватало его богатырскихъ силъ и геніальнаго ума. Это былъ по-истинѣ великій человѣкъ, которымъ можетъ вѣчно гордиться русскій народъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Личный характеръ Петра и его сотрудниковъ. — Гражданская дѣятельность Петра Великаго.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Личный характеръ Петра. — Его частная жизнь. — Работы и забавы. — Недостатки и достоинства характера.

Стараясь всю свою жизнь всѣми средствами создать изъ русскихъ людей дѣятельныхъ, трудолюбивыхъ, согласныхъ и полезныхъ членовъ государства, Петръ, прежде всего, рѣшился показать на самомъ себѣ примѣръ желаемаго имъ русскаго подданнаго, образецъ истинно-русскаго гражданина. Государь вознамѣрился воплотить въ самомъ себѣ все, чего онъ домогался отъ каждаго изъ своихъ подданныхъ. Въ этомъ отношеніи жизнь Петра Великаго представляется чрезвычайно поучительною. Великій государь несомнѣнно желалъ быть учителемъ русскихъ людей, но только онъ училъ не на словахъ, а на дѣлѣ, оттого не въ его рѣчахъ или писаніяхъ, а въ самой его жизни, въ его дѣлахъ и особенно въ его личномъ великомъ примѣрѣ заключается цѣлое и мудрое граж-

данское ученіе, основанное на особыхъ условіяхъ существованія Россіи, на духѣ русской исторіи и на понятіяхъ всего православнаго русскаго народа, къ которому царь, какъ представитель народа, стоялъ ближе всѣхъ и котораго понималъ глубже всѣхъ. Своимъ широкимъ здравымъ русскимъ смысломъ Петръ Великій твердо и ясно сознаълъ, что благо и счастіе для Россіи, для всего русскаго народа возможны только тогда, когда всѣ русскіе люди, во всей своей гражданской жизни, будутъ одинаково подчиняться правдѣ, которая состоитъ въ жизни не только для себя, но и для другихъ, когда каждый гражданинъ, всякій подданный государства, безъ различія званія и состояній, добровольно самъ рѣшится, безъ всякихъ отговорокъ, отказаться въ гражданской жизни отъ всякаго своеволія, недовѣрія и будетъ постоянно, неуклонно и свято исполнять всѣ гражданскія свои обязанности, всякій долгъ свой предъ отечествомъ. Безъ проявленія этой добровольной, безотговорочной рѣшимости въ каждомъ человѣкѣ Петръ считалъ напрасными надежды на истинное благополучіе Россіи. Во внушеніи темнымъ русскимъ людямъ необходимости этого самоисправленія и самоусовершенствованія Петръ Великій видѣлъ существенную, первую и настоятельную потребность, безъ удовлетворенія которой безсильны были бы всякія другія средства.

Замѣчательно, что въ то время, когда послѣдній русскій человѣкъ не хотѣлъ отказаться въ гражданской жизни отъ распущенности, недовѣрія и себялюбія, въ это время великій государь добровольно рѣшился самъ первый показать примѣръ самоисправленія и самоусовершенствованія, рѣшился самъ строго подчиняться всѣмъ гражданскимъ обязанностямъ, всякому, даже малѣйшему, долгу предъ государствомъ и родиной, и не отступалъ уже отъ этого рѣшенія въ теченіе всей своей жизни, до послѣдняго своего издыханія, не смотря на то, что вокругъ себя онъ продолжалъ все время видѣть прежнюю распущенность. Петръ Великій остался вѣренъ своимъ мыслямъ

до гроба, и никогда ни разу не прибѣгалъ ни къ какимъ отговоркамъ, какъ это обыкновенно дѣлали тогда многіе русскіе люди, непонимавшіе необходимости прежде всего исправить самихъ себя, а потому постоянно сваливавшіе вину другъ на друга. Поэтому, царя Петра Великаго можно назвать первымъ истиннымъ русскимъ гражданиномъ.

Немудрено, что великій русскій царь рѣшился первый показать всѣмъ на своей особѣ примѣръ умѣнья жить для пользы своего отечества. Недаромъ, и до Петра Великаго, когда на Руси мало кто думалъ о точномъ исполненіи гражданскихъ обязанностей и всѣ заботились почти исключительно лишь о строгомъ соблюденіи однихъ церковныхъ обрядовъ, недаромъ и въ то время русскіе государи, сообразно этимъ понятіямъ, постоянно также старались служить для всѣхъ примѣромъ самого строгаго благочестія. Они неуклонно подчиняли себя соблюденію всѣхъ обрядовъ православной церкви, введя въ свой домашній бытъ почти монастырскій образъ жизни. Они строго держали всѣ посты и проводили бо́льшую часть дня въ богомольѣ, каждый день выстаивая по нѣскольку часовъ въ дворцовой церкви, за утреней, обѣдней и вечерней. Изъ дворца государи выѣзжали только въ монастыри или въ церкви; бо́льшую часть времени они проводили въ Кремлѣ, въ благочестивомъ одиночествѣ, не выходя изъ своихъ хоромъ, которыя поэтому казались скорѣе монастыремъ, нежели царскимъ дворцомъ. Около дворца ежедневно кормилось болѣе тысячи человѣкъ нищихъ. При этомъ, не смотря на проявлявшееся постоянно въ русскихъ людяхъ своеволіе и рознь, государи русскіе всегда питали самое глубокое довѣріе къ русскому народу. И они же первые стали оказывать довѣріе даже образованнымъ иноземцамъ, приглашая ихъ въ Россію. Въ государяхъ постоянно проявлялось также стремленіе въ смиренію. Во времена татарскаго ига, они первые подали примѣръ русскимъ людямъ необыкновеннаго терпѣнія и смиренія передъ общимъ бѣдствіемъ. Послѣ того, отецъ Петра Великаго, царь

Алексѣй Михайловичъ, прозванъ былъ даже за свою необыкновенную, по сравненію съ другими, кротость нрава „тишайшимъ“ государемъ. Даже въ Иванѣ Грозномъ, въ минуты самого страшнаго его раздраженія, по временамъ порывались неудержимые порывы къ смиренію: онъ надѣвалъ на себя бѣдную монашескую одежду, исполнялъ самыя скромныя обязанности монастырскаго послушника, или выходилъ на Красное Крыльцо каяться передъ всѣмъ народомъ.

Петръ Великій, сознавая всю недостаточность для благоденствія и счастія народа строгаго соблюденія однихъ только внѣшнихъ церковныхъ обрядовъ, первый рѣшился приложить духъ православнаго ученія и къ гражданской жизни, и показать на царской особѣ своей примѣръ строжайшаго подчиненія всѣмъ вообще гражданскимъ обязанностямъ, освященнымъ и православною церковью, сдѣлаться образцомъ самыхъ высокихъ гражданскихъ добродѣтелей, одобряемыхъ и христіанскимъ православнымъ ученіемъ. И въ этомъ отношеній Петръ дѣйствительно явился человѣкомъ еще небывалымъ въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ.

Петръ Великій искренно и чрезвычайно высоко цѣнилъ православную церковь и былъ истинно вѣрующимъ православнымъ христіаниномъ. Можетъ быть, никто лучше его не понималъ всего значенія православной вѣры для русскаго народа, для всей исторіи русской, которую онъ вообще понималъ глубоко. Православная вѣра не только долго служила единственнымъ и вѣрнѣйшимъ источникомъ просвѣщенія русскаго народа, но и всегда имѣла также громадное значеніе и для гражданской русской жизни, служа самою вѣрною и надежною охраною русской народности въ борьбѣ ея съ многочисленными врагами-иноплеменниками, какъ азіатскими, такъ и европейскими. Вотъ почему Петръ считалъ величайшимъ оскорбленіемъ для русскаго чувства всякое порицаніе православной вѣры, и не разъ изъявлялъ за-границей страшный гнѣвъ свой противъ иноземцевъ, осмѣливавшихся при немъ непочтительно

отзываться о православной вѣрѣ, равно какъ и о всемъ русскомъ народѣ. Петръ свято чтилъ и самые обряды православной церкви. На время божественной службы онъ приказывалъ запирать лавки и шинки и запрещалъ суетныя забавы. Воинскимъ уставомъ онъ налагалъ наказанія на тѣхъ, кто не бывалъ на богослуженіи. Самъ Петръ по праздникамъ и наканунѣ всегда бывалъ у обѣдни и всенощной и становился при этомъ, обыкновенно, не на царскомъ мѣстѣ, а на клиросѣ, и пѣлъ басомъ, вмѣстѣ съ пѣвчими, или выходилъ читать басомъ апостола среди церкви. Онъ любилъ продолжительныя и благочинныя службы. Наканунѣ дня памяти Полтавской побѣды, всенощная, въ присутствіи Петра, каждый разъ продолжалась по семи часовъ. Онъ такъ былъ преданъ обрядамъ православной церкви, что даже по случаю своей болѣзни не рѣшался ѣсть мясо въ посты иначе, какъ испросивши на то разрѣшеніе Константинопольскаго патріарха, равно какъ и для всего православнаго россійскаго войска, на время походовъ за-границей. Петръ неуклонно каждый годъ, по примѣру прежнихъ государей, соблюдалъ даже обычай „славленья“ на праздникъ Рождества Христова; только прежніе государи дѣлали это съ пышной и торжественной церемоніей, Петръ же ходилъ по вельможамъ „со славленьемъ“ за-просто, со своей „компаніей“, и, по старому обычаю, получалъ за славленье подарки, которые жертвовалъ на госпитали.

Однако, Петръ не терпѣлъ и жестоко осмѣивалъ всѣхъ тѣхъ, кто всю свою вѣру полагалъ только во внѣшнихъ обрядахъ, не понимая къ тому же ихъ значенія и смысла, и вообще кто думалъ, что вся православная вѣра заключается лишь въ однихъ внѣшнихъ церковныхъ обрядахъ и въ буквѣ церковныхъ книгъ, а не въ живомъ ученіи, которое должно быть строго соблюдаемо и во всей мірской, гражданской жизни. Петръ желалъ, чтобы страхъ Божій постоянно управлялъ всѣми дѣйствіями человѣка. Онъ не разъ говаривалъ, что плохіе слуги Божіи не могутъ быть хорошими слугами госу-

даря и отечества, и что трудящійся противъ закона Божія, никогда не успѣетъ. Поэтому все священное писаніе онъ называлъ лучшимъ изъ всѣхъ книгъ сокровищемъ. Самъ онъ особенно любилъ посланія апостола Павла, которыя зналъ наизустъ. Онъ старался постоянно руководствоваться во всѣхъ своихъ поступкахъ ученіемъ православной вѣры и постоянно ссылался на разныя изреченія изъ священнаго писанія. Однажды своей невѣсткѣ, царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, ходатайствовавшей передъ нимъ за знатную женщину, убившую своихъ дѣтей, Петръ написалъ: „Разсуди, невѣстушка, какъ тяжко мнѣ правый законъ отца или дѣда моего нарушить, то коль тяжчее законъ Божій уничтожить. Я не хочу быть ни Сауломъ, ни Ахавомъ, которые неразсудною милостію законъ Божій преступая, душею и тѣломъ погибли". Желая, чтобы и всѣ русскіе люди руководствовались во всей своей жизни ученіемъ православной вѣры, началами любви къ Богу и къ ближнимъ и смиреніемъ, Петръ приказалъ во всѣхъ церквахъ читать по праздникамъ народу священное писаніе, творенія святыхъ отцовъ, разъяснять значеніе церковныхъ обрядовъ и обязанности каждаго человѣка-христіанина.

Въ основаніе своей собственной жизни и дѣятельности Петръ Великій также положилъ начала довѣрія къ людямъ, смиренія и самоподчиненія.

Петръ питалъ къ людямъ глубочайшую любовь и довѣріе, которыя, главнымъ образомъ, и побуждали его трудиться, не щадя своихъ силъ, для общей пользы. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, онъ съ необычайнымъ довѣріемъ прислушивался къ сужденіямъ одинаково — какъ малограмотнаго русскаго человѣка, такъ и образованнаго иноземца, какъ знатнаго человѣка, такъ и простаго мастероваго, или матроса. Довѣріе же его собственно къ русскимъ людямъ было такъ сильно, что его не могли поколебать никакія самыя дурныя привычки отдѣльныхъ людей. Онъ говаривалъ русскимъ людямъ: „Развѣ всѣ люди не отъ одного праотца Адама произошли, и мы исключены изъ славы

мудрости человѣческой? Помышлять такъ, значитъ хулить Создателя". И до послѣдней минуты своей жизни Петръ сохранилъ самую крѣпкую вѣру въ великія качества русскаго народа. Оттого отношенія его къ людямъ всегда отличались искренностью и благородствомъ. Петръ никогда не лицемѣрилъ и не притворялся, всегда прямо и открыто, безъ боязни говорилъ о себѣ и о своихъ поступкахъ, хотя бы и ошибочныхъ, равно какъ и о всякихъ дѣйствіяхъ другихъ лицъ. Онъ не терпѣлъ притворства и лукавства ни въ комъ. „Лучше грѣхъ явный, нежели тайный", говаривалъ онъ. Обращаясь самъ открыто, безъ всякой хитрости, со всѣми, онъ требовалъ такого же довѣрія и къ себѣ, и бѣда грозила тому, кто вздумалъ бы въ обращеніи съ нимъ позволить себѣ хотя малѣйшую ложь. „За признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія", говаривалъ Петръ Великій. Онъ вообще терпѣть не могъ раболѣпства, угодничества и низкопоклонства, былъ въ высшей степени правдолюбивъ и всегда отличалъ людей, говорившихъ ему правду прямо, безъ лицепріятія. Состраданіе и любовь Петра къ людямъ выражались лучше всего въ его непрестанныхъ заботахъ объ устройствѣ госпиталей для больныхъ и раненыхъ, богадѣленъ и пріютовъ для бѣдныхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ и подкидышей, а также въ не однажды прощаемыхъ имъ недоимкахъ и въ не разъ возвращаемыхъ изъ ссылокъ и освобождаемыхъ изъ тюремъ осужденныхъ. Вообще, не было такого тяжкаго преступленія, котораго бы онъ не простилъ, если только виновный добровольно показывалъ искреннее раскаяніе. „Богъ тебя проститъ", обыкновенно говорилъ государь въ этихъ случаяхъ. Но для этого надобно было, чтобы виновный самъ обнаружилъ свое преступленіе до суда, а не послѣ суда, вслѣдствіе лишь необходимости. Но самымъ высшимъ выраженіемъ любви и довѣрія къ ближнимъ была въ Петрѣ Великомъ его всегдашняя и неизмѣнная готовность служить государству и народу, не щадя своей жизни.

Еще строже держался Петръ начала смиренія. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ и до послѣдней минуты своей жизни онъ никогда не руководствовался себялюбіемъ, не ставилъ на первый планъ своей выгоды и нерѣдко совсѣмъ забывалъ даже о своемъ здоровьѣ и жизни своей, въ заботахъ о благѣ и счастіи Россіи. Польза Россіи и русскаго народа была для него постоянно выше всего. Всякій долгъ предъ государствомъ, всякая обязанность предъ людьми были для него священны, и никакія уже отговорки, ни даже нездоровье, не могли удержать его отъ исполненія своей обязанности или своего долга. Любимое его выраженіе было: „Для отечества моего и людей живота своего не жалѣлъ и не жалѣю“. Передъ Полтавскимъ боемъ онъ писалъ сенаторамъ: „А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, была бы жива и счастлива Россія“. Сообразно съ этимъ, государь вовсе не искалъ для себя славы, постоянно выдвигалъ впередъ государственныя заслуги другихъ людей, самъ же довольствовался скромнымъ, второстепеннымъ мѣстомъ, хотя больше всѣхъ имѣлъ право на высшій почетъ. Всю честь своихъ побѣдъ онъ обыкновенно приписывалъ своей арміи и полководцамъ, постоянно избѣгалъ при этомъ выставлять себя главнымъ лицомъ и никогда не говорилъ: „я“, а скромно говорилъ: „мы“. Вообще, своихъ сотрудниковъ Петръ умѣлъ громко прославить, и не боялся воздавать имъ высшія почести, отъ которыхъ самъ часто со смиреніемъ отказывался. Оттого нѣкоторыхъ изъ его сотрудниковъ не столько прославили ихъ собственныя заслуги, сколько самъ Петръ Великій. Свою же славу онъ постоянно видѣлъ лишь въ одномъ—въ той пользѣ, которую онъ старался принести Россіи и своему народу.

Немудрено, поэтому, что въ Петрѣ рано начала обнаруживаться какая-то страстная готовность подчиняться повиновенію, въ такомъ еще юномъ возрастѣ, въ какомъ обыкновенно охотнѣе всего увлекаются обаяніемъ властвованія. Юный Петръ съ необыкновеннымъ усердіемъ принялся изучать разныя науки

и ремесла, выслушивая съ безропотнымъ терпѣніемъ иногда грубые выговоры отъ своихъ суровыхъ учителей-мастеровъ; съ самою пылкою готовностью подчинялся онъ дисциплинѣ въ рядахъ войска, и по одному слову командира или простого офицера первый бѣжалъ къ ружью или къ солдатскимъ работамъ; съ небывалою еще строгостью онъ отбывалъ военную службу, начавъ ее въ войскѣ — съ простого рядоваго, и во флотѣ — съ простого матроса, и бодро и неуклонно прошелъ, затѣмъ, всю длинную и тяжкую лѣстницу чиноначалія, дослужившись до перваго генеральскаго чина лишь на 27 году своего царствованія. И вездѣ онъ съ одинаковою любовью и ревностью трудился, не гнушаясь никакою работою. Неуклонно также Петръ исполнялъ всегда самымъ точнымъ образомъ не только всякій законъ, но даже и всѣ мельчайшія правила, составленныя имъ хотя бы для потѣшныхъ собраній его „компаніи“. Повиновеніе законамъ и всякимъ общественнымъ правиламъ онъ считалъ для себя непремѣннымъ долгомъ. Если онъ убѣждался въ непригодности закона, то старался прежде всего вовсе отмѣнить его, но пока законъ не былъ отмѣненъ, Петръ считалъ его священнымъ, и самъ первый строжайшимъ образомъ подчинялся ему. Оттого Петръ Великій всегда былъ въ высшей степени справедливъ. Ни богатство, ни знатность, ни ученость, ни даже родство — ничто не могло склонить его къ малѣйшему послабленію. Самые богатые и самые бѣдные люди одинаково должны были отвѣчать передъ нимъ за свои проступки, и одинаково награждались за свои заслуги. Съ дѣтскихъ лѣтъ до страсти полюбивши повиноваться и постоянно, въ теченіе всей своей жизни, съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ выполняя въ точности, во всякой службѣ, работѣ или занятіи, всѣ малѣйшія приказанія старшаго лица, начальника или просто знающаго мастера, государь, однако, не довольствовался этимъ, а выбралъ себѣ еще особое лицо, которому онъ тоже постоянно, во все продолженіе своего царствованія, можно сказать до гробовой доски, оказывалъ, какъ бы

по уговору, знаки подчиненія. Для этого Петръ, еще въ юношескихъ лѣтахъ, выбралъ изъ своихъ сотрудниковъ хотя и не самого достойнаго, но за то самого неподкупнаго человѣка, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, котораго наименовалъ, какъ бы въ шутку, царскимъ титуломъ — „княземъ-кесаремъ", но съ тѣхъ поръ постоянно сталъ самъ воздавать ему царскія почести, величалъ его даже въ письмахъ „вашимъ величествомъ", подписывался его нижайшимъ подданнымъ, принималъ отъ него производство въ чины; когда ѣхалъ съ нимъ въ каретѣ, то уступалъ ему первое мѣсто; пріѣзжая къ нему въ домъ, всегда слѣзалъ съ экипажа у воротъ и черезъ весь дворъ, хотя бы и въ грязь, шелъ пѣшкомъ. И этого добровольнаго подчиненія своего „князю-кесарю" Петръ никогда не забывалъ, до конца своей жизни, какъ бы показывая этимъ, что подчиняться не только ни для кого не обидно, но и должно быть необходимо, какъ необходимо вообще исполненіе всякаго долга.

Петръ ни въ чемъ не зналъ притворства, и никогда не довольствовался одною только внѣшностью, видимостью, а всегда все выполнялъ на дѣлѣ. Такъ точно и довѣріе свое къ людямъ, свое смиреніе и подчиненіе правдѣ онъ не только выказывалъ во внѣшнихъ своихъ, видимыхъ отношеніяхъ къ людямъ, но постоянно проявлялъ ихъ на дѣлѣ и, главнымъ образомъ, въ самомъ усиленномъ трудѣ, въ которомъ не зналъ себѣ равнаго. Необходимость труда Петръ прежде всего выводилъ изъ Священнаго Писанія. Поступивъ въ Голландіи на корабельную верфь плотникомъ, Петръ написалъ объ этомъ въ Москву патріарху Адріану: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся". Онъ часто также гаваривалъ: „праздность есть мать всѣхъ пороковъ". Одному иноземцу, который удивился усердію Царя къ черной работѣ, Петръ сказалъ словами апостола Павла: „яко аще кто не хо-

щетъ дѣлати, ниже да ястъ". Особенно Петръ считалъ необходимымъ самый усиленный трудъ для русскаго человѣка, который по цѣлымъ зимамъ обыкновенно ничего не дѣлалъ, а между тѣмъ суровая русская природа требуетъ отъ каждаго особенно усиленнаго труда для извлеченія изъ нея наибольшей пользы. Поэтому Петръ постоянно твердилъ своимъ сотрудникамъ: „Трудиться надобно: я и царь вашъ, а у меня мозоли на рукахъ"... Говоря въ одномъ изъ своихъ указовъ объ уклоненіи монаховъ-чернецовъ отъ полезныхъ занятій, государь писалъ: „но сего весьма климатъ сѣверныя нашея страны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитатися не могутъ". Поэтому Петръ Великій считалъ усиленный трудъ для русскихъ людей самою первою и важнѣйшею гражданскою обязанностью, безъ которой невозможно созданіе не только общаго благополучія, но даже и достатка отдѣльныхъ людей. И онъ самъ первый показалъ примѣръ такого труда, повелъ жизнь трудовую, рабочую, на пользу всего отечества, не зная отдыха и не имѣя почти свободнаго времени. Помимо тяжкихъ и неустанныхъ трудовъ по государственному управленію и безпрестанныхъ разъѣздовъ по Россіи изъ одного конца государства въ другой, Петръ еще самъ брался всюду, гдѣ это требовалось, за ружье или пушку, даже за пилу, топоръ и молотъ. Про него дѣйствительно можно было сказать, что онъ даромъ хлѣба не ѣлъ, постоянно трудился лучше всякаго работника, все извѣдалъ, до всего дошелъ и, по выраженію самого народа, „только лаптей не умѣлъ плесть".

Никто въ такой степени не понималъ силы труда, какъ Петръ Великій. Онъ по собственному опыту зналъ, что съ помощью усиленнаго труда можно достигнуть всего, помимо даже особыхъ способностей, точно такъ-же, какъ безъ прилежнаго труда ничего нельзя достигнуть, ни съ какими способностями. Все благополучіе отдѣльныхъ людей и всего народа прямо зависитъ отъ того, сколько затрачивается на это труда.

Но за то Петръ и умѣлъ работать. Для него мало было просто трудиться, а надо было еще умѣть трудиться. Онъ постоянно стремился къ тому, чтобы трудъ былъ непрерывный, съ самыми короткими лишь промежутками отдыха, чтобы работа происходила самымъ скорымъ и лучшимъ способомъ, а не какъ пришлось, и чтобы, наконецъ, она приносила пользу не только самому работнику, но и другимъ людямъ и, по возможности, всему государству.

Государь велъ жизнь самого трудолюбиваго и самого дѣловаго человѣка, можетъ быть, во всемъ мірѣ. Онъ не терпѣлъ ни одной минуты праздности, какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Поручая своимъ помощникамъ всевозможныя работы, Петръ всегда самъ первый принимался за нихъ, не пренебрегая никакимъ трудомъ. Заставляя всѣхъ работать безъ устали, государь и самъ трудился въ несравненное число разъ больше всѣхъ. Все свое время онъ неумолимо строго подчинялъ труду, дѣлу. Въ наше время у самого дѣловаго въ свѣтѣ американскаго народа существуетъ поговорка: „время—деньги". Петръ Великій еще двѣсти лѣтъ тому назадъ первый сознал эту истину, первый умѣлъ оцѣнить всю важность сбереженія времени въ работѣ. Поэтому никогда еще не бывало человѣка дѣятельнѣе Петра. Онъ дорожилъ, можно сказать, каждой минутой, чтобы употребить ее съ возможно большею пользою для дѣла. Въ противоположность старинной русской медленности и „волокитѣ", Петръ во всемъ—въ дѣлахъ и даже движеніяхъ, обнаруживалъ необычайную быстроту. У него была привычка даже ходить скоро; про него тогда говорили, что онъ не ходитъ, а „бѣгаетъ". Такую же быстроту онъ проявлялъ и во всѣхъ дѣлахъ. Одинъ современникъ его разсказываетъ, что Петръ Великій въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре часа. Однажды Петръ, передъ отправленіемъ въ Прутскій походъ, въ одинъ день, между прочими дѣлами, написалъ о совершенно различныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ Сенатъ,

изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Государь необыкновенно умѣлъ беречь время во всемъ, даже въ разговорѣ и въ письмахъ. Нигдѣ онъ не употреблялъ лишнихъ словъ, и терпѣть не могъ многословія, хотя бы и ради краснорѣчія; не смотря на это, все, что̀ онъ писалъ, всегда отличалось необыкновенною ясностью. Разговорная рѣчь его точно также постоянно была немногословна; онъ говорилъ скоро, кратко, отрывисто, но чрезвычайно основательно. О чемъ бы его ни спрашивали, онъ тотчасъ же давалъ острый отвѣтъ, приводилъ сильные доводы и нерѣдко поражалъ слушателей какимъ-нибудь неожиданнымъ мѣткимъ сравненіемъ или остроумнымъ примѣромъ. На разныхъ письменныхъ докладахъ, иногда по самымъ запутаннымъ вопросамъ, онъ быстро полагалъ резолюціи краткія и ясныя. И всего этого онъ достигалъ не съ помощью однѣхъ только необыкновенныхъ способностей своихъ, но, конечно, и вслѣдствіе продолжительнаго навыка и своего постояннаго и неуклоннаго стремленія беречь каждую секунду времени, стараться дѣлать всякое дѣло какъ можно скорѣе и лучше. Петръ съ ясностью понималъ всю громадную цѣнность времени, котораго вообще такъ мало въ недолговѣчной жизни человѣческой и умѣлое пользованіе которымъ удесятеряетъ силы людей. Не даромъ также Петръ Великій питалъ особую любовь къ машинамъ и усовершенствованнымъ орудіямъ въ промыслахъ и ремеслахъ, какъ бы предвидя ту громадную ихъ роль въ сбереженіи времени, какую они дѣйствительно играютъ въ наше время. Изъ стремленія къ тому же сбереженію времени, Петръ никогда не откладывалъ никакихъ дѣлъ и ни по какимъ отговоркамъ, и ему всегда казалось особенно нестерпимымъ русское „сейчасъ". Его обыкновеніе тотчасъ же приводить въ исполненіе всякую задуманную имъ мысль, казалось даже многимъ капризомъ, причудою; про него говорили, что онъ дѣлаетъ это изъ упрямства: „я такъ хочу; пусть такъ и будетъ". Но Петръ Великій вовсе не держался такихъ правилъ. Онъ тотчасъ при-

водилъ задуманное въ исполненіе не потому, что онъ такъ хотѣлъ, а потому, что находилъ это задуманное полезнымъ для государства или для народа, а все полезное для Россіи онъ считалъ своею священною обязанностію немедленно осуществлять на дѣлѣ, не останавливаясь ни предъ какими затрудненіями, во что бы то ни стало, и какого бы труда это ему ни стоило. Рѣшимость и настойчивость Петра, съ какими онъ трудился при достиженіи каждой задуманной имъ цѣли, были изумительны. Разъ, начавши дѣло, онъ уже не отвлекался отъ него, вникалъ во всѣ его подробности и даже мелочи, старался всюду устранить всѣ препятствія, и съ необыкновеннымъ терпѣніемъ всегда доводилъ дѣло до конца. Благодаря этому, онъ и совершилъ въ теченіе своего царствованія неисчислимое множество великихъ дѣлъ.

Дорожа временемъ и всюду наблюдая пользу государства, Петръ не думалъ уже о покоѣ, къ которому съ такимъ упорствомъ стремились старинные русскіе люди. Петръ Великій отличался необычайною подвижностью. Если гдѣ его присутствіе казалось ему необходимымъ, или обѣщало какую-либо пользу дѣлу, Петръ тотчасъ же летѣлъ туда безъ всякихъ отговорокъ, часто безъ свиты и съ непонятною скоростью. Оттого его почти безпрестанно можно было видѣть и въ Петербургѣ, и въ разныхъ концахъ Россіи. При этомъ онъ появлялся всюду безъ всякихъ приготовленій къ его встрѣчѣ и помѣщался, обыкновенно, гдѣ пришлось: въ избѣ, въ землянкѣ, на кораблѣ и т. п. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось бывать постоянно, обыкновенно строили для него небольшой и скромный домикъ. Прибывъ на мѣсто, Петръ не терялъ уже ни минуты времени и сейчасъ же принимался за дѣло. Во время своихъ поѣздокъ за-границу, Петръ осматривалъ достопримѣчательности разныхъ попутныхъ городовъ съ такою быстротою, что измучивалъ сопровождавшихъ его иностранцевъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, даже экипажъ не успѣвалъ во-время являться всюду,

гдѣ бывалъ Петръ, и чтобы не приходилось искать государя по городу, для него обыкновенно заранѣе разставляли экипажи на разныхъ углахъ и перекресткахъ города. Такимъ образомъ, Петръ Великій изъѣздилъ на своемъ вѣку въ несравненное число разъ больше, чѣмъ любой государь въ мірѣ.

Въ Петербургѣ Петръ вставалъ очень рано, обыкновенно ранѣе 4 часовъ утра. Говорятъ, что онъ спалъ не болѣе 5 часовъ въ сутки. Вставши, государь ходилъ часъ по комнатѣ, читая основанную имъ въ то время русскую газету, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, или же просматривалъ и исправлялъ рукописные переводы иностранныхъ книгъ, сдѣланные также по его повелѣнію. Не любя прохлаждаться за чаемъ или за кофе, Петръ, ровно въ 4 часа утра, прямо выпивалъ рюмку анисовой водки, клалъ въ карманъ футляръ съ хирургическими и математическими инструментами, который постоянно носилъ при себѣ, а затѣмъ бралъ камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, извѣстную подъ именемъ „дубинки“, а въ другую руку записную книжку, съ которой тоже никогда не разставался, — сейчасъ же ѣхалъ или шелъ пѣшкомъ по дѣламъ, смотря по тому, гдѣ требовалось его присутствіе: на производившіяся въ городѣ работы, въ адмиралтейство, въ госпиталь, въ натуральный кабинетъ и т. п. Этому обыкновенію своему начинать дѣла свои съ самаго ранняго утра Петръ никогда не измѣнялъ. Однажды только-что пріѣхавшему въ Петербургъ нѣмецкому посланнику Петръ назначилъ пріемъ въ 4 часа утра. Нѣмецъ вовсе не думалъ, чтобы государь вставалъ такъ рано и, полагая, что не опоздаетъ, явился во дворецъ въ 5 часовъ утра, но государя уже не было дома. Посланникъ, имѣвшій важныя порученія, принужденъ былъ отправиться вслѣдъ за государемъ въ адмиралтейство, гдѣ и нашелъ государя. Петръ уже работалъ на верфи, взобравшись на мачту какого-то военнаго корабля. Когда ему доложили о пріѣздѣ посланника, Петръ сказалъ:

*

„пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ“. Важный нѣмецъ принужденъ былъ по веревочной лѣстницѣ взбираться на мачту, гдѣ государь, сѣвъ на поперечное бревно, принялъ отъ посланника, съ соблюденіемъ обычныхъ въ этомъ случаѣ церемоній, вѣрющую грамату, подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Около шести часовъ утра государь отправлялся прямо съ работъ въ сенатъ, или въ одну изъ коллегій, куда являлся такъ рано, что ему нерѣдко приходилось еще дожидаться прибытія служащихъ лицъ. Петръ оставался тамъ до одиннадцатаго часу, слушалъ дѣла, излагалъ свои мнѣнія, полагалъ на дѣлахъ резолюціи и разрѣшалъ споры сенаторовъ. Въ одиннадцатомъ часу, государь, собираясь уходить изъ сената, обыкновенно спрашивалъ, нѣтъ ли еще какихъ дѣлъ, и потомъ уже уходилъ, при чемъ для подкрѣпленія силъ ему подносили рюмку водки и крендель. Время до полудня назначено было для пріема просителей во дворцѣ. Государь обыкновенно принималъ челобитчиковъ въ Лѣтнемъ саду, въ галлереѣ, построенной на берегу Невы, а въ хорошую погоду прямо въ главной открытой аллеѣ сада. Туда могъ приходить всякій — и богатый, и бѣдный, и знатный вельможа и люди простого званія. Государь самъ отбиралъ у челобитчиковъ прошенія, внимательно выслушивалъ ихъ жалобы, строго смотрѣлъ въ глаза просителю и переспрашивалъ его, увѣренъ ли онъ въ томъ, что говоритъ правду, затѣмъ немедленно полагалъ свою резолюцію, или отправлялъ просьбу въ сенатъ для постановленія надлежащаго рѣшенія. Пользуясь совершенною доступностью государя, просители начали лѣзть къ нему во множествѣ, не только съ важными дѣлами, но и съ мелочными просьбами, иногда даже по пустякамъ, напримѣръ, одинъ жаловался на другого, что тотъ посмотрѣлъ на него звѣрообразно; стали также являться во множествѣ охотники съ разными пустыми доносами. Государю, дорожившему каждою минутою времени, все это до того надоѣло, что онъ,

наконецъ, вышелъ изъ себя и запретилъ подавать челобитныя и доносы лично ему, а дозволилъ подавать просьбы только по важнымъ дѣламъ, и то не ему лично, а караульному офицеру, находившемуся у дома государя. О прочихъ же дѣлахъ велѣно было подавать челобитныя въ надлежащія судебныя мѣста. Но и послѣ этого указа челобитчики и доносчики не давали государю нигдѣ покоя, и онъ издалъ новый указъ, въ которомъ было сказано: „Хотя всякому своя обида горька и несносна, но притомъ всякому разсудить надлежитъ, что такое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ—одна персона есть, и та всякими войнами и прочими несносными трудами объята, и хотя бы тѣхъ трудовъ не было, возможно ли одному человѣку за такимъ множествомъ усмотрѣть? во-истину, не точію человѣку, ниже ангелу!“ Объяснивъ, затѣмъ, что онъ трудится теперь надъ земскимъ управленіемъ, государь подтвердилъ, чтобы не отнимали у него времени и не подавали ему пустыхъ просьбъ и доносовъ.

Въ полдень ворота Лѣтняго сада запирались, чтобы дать, наконецъ, государю, проведшему почти девять часовъ безъ пищи, спокойно пообѣдать. Петръ садился за столъ, большею частію, со своимъ семействомъ. Государь и за обѣдомъ не любилъ долго прохлаждаться. Чтобы не приходилось долго ждать кушаній и чтобы они не простывали, столовая государя была расположена обыкновенно рядомъ съ кухней: поваръ передавалъ блюда изъ кухни, черезъ окошечко, прямо изъ печи, одно за другимъ.

Откушавъ, государь, обыкновенно, принимался читать голландскія газеты, и тутъ же отмѣчалъ на поляхъ ихъ карандашемъ, что̀ должно переводить изъ нихъ въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Затѣмъ государь уходилъ отдохнуть, на часъ или на два. Въ четыре часа вечера Петръ являлся въ свой токарный кабинетъ. Токарную работу онъ такъ любилъ, что въ каждомъ изъ дворцовъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ токарнымъ станкомъ и даже возилъ его съ собою

въ дорогу. Въ Лѣтнемъ саду для этого былъ построенъ особый маленькій домикъ. Тутъ, кромѣ токарнаго станка, собрано было все, чѣмъ государь любилъ заниматься въ видѣ отдыха: въ домикѣ этомъ помѣщались математическіе инструменты, рѣдкіе камни, небольшой физическій и анатомическій кабинеты, здѣсь же лежали мѣдныя доски съ приборомъ для рѣзанія и гравированія рисунковъ на мѣди, модели различныхъ машинъ, а также орудія плотничныя, столярныя и слесарныя. Свой токарный кабинетъ государь называлъ единственнымъ мѣстомъ отдыха. Въ токарномъ домикѣ государь, послѣ короткаго послѣобѣденнаго отдохновенія, проводилъ иногда по нѣскольку часовъ. Чтобы избавиться отъ докучливыхъ посѣтителей и въ этомъ мѣстѣ, государь прибилъ къ дверямъ кабинета слѣдующую собственноручную надпись: „Кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ сіе мѣсто имѣлъ покойное“. Только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить сюда безъ доклада; всѣ же прочіе, даже сама императрица Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться. Въ этомъ кабинетѣ государь, вмѣстѣ съ близкими ему людьми, обсуждалъ всѣ государственныя тайны; здѣсь онъ, отправляя пословъ за-границу и научая ихъ искусному и твердому отстаиванію интересовъ Россіи, давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ милости на достойныхъ, и здѣсь же, заперевъ дверь на ключъ, грозный царь строго, но тихо спрашивалъ провинившихся: „не отъ лихоимства ли нажились?“ и отсюда же, отечески наказавъ виновнаго изъ собственныхъ рукъ „дубинкою“, онъ ласково выпускалъ его на волю. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ раскрывалъ свою записную книжку, въ которой было отмѣчено все, чтò ему надлежало сдѣлать въ теченіе того дня, и удовлетворившись, что все означенное въ этой книжкѣ исполнено, принимался уже за какую либо изъ своихъ собственныхъ любимыхъ работъ: са-

дился за токарный станокъ, или рѣзалъ рисунки на мѣди, или чертилъ планы кораблей и построекъ, и проч. За токарнымъ станкомъ Петръ работалъ почти всегда подъ надзоромъ мастера Андрея Нартова, котораго очень любилъ. Бо̀льшая часть вещей, выточенныхъ государемъ на токарномъ станкѣ изъ кости, состояла изъ предметовъ, служащихъ для украшенія церквей: паникадилъ, изображеній святыхъ и т. п. Однихъ изображеній св. Екатерины, сдѣланныхъ Петромъ собственноручно, сохранилось до сего времени болѣе десяти экземпляровъ. Однажды онъ сдѣлалъ для престарѣлаго, больного князя Голицына покойное кресло на колесахъ. Въ домикѣ Петра Великаго, что на Петербургской сторонѣ, до сихъ поръ, между прочими предметами, сохраняются также собственной его работы: деревянный стулъ съ кожаною подушкою, яликъ съ остатками паруса, рама оконная съ свинцовымъ переплетомъ и скамейка, на которой государь лѣтомъ, въ ясную погоду, часто сиживалъ у дверей своего домика, любуясь на Неву и Петербургъ. Рисунки, которые государь вырѣзывалъ на мѣди, по большей части изображали достопамятныя событія изъ его царствованія, чаще всего морскія сраженія, въ которыхъ русскіе одерживали побѣду.

Въ 10 часовъ вечера государь ложился спать. Иногда онъ просыпался и ночью, приказывалъ деньщику подать аспидную доску и записывалъ еще что нибудь на память.

Отличаясь необычайною дѣятельностью и безпримѣрнымъ въ мірѣ трудолюбіемъ, Петръ Великій, въ то же время, обнаруживалъ чрезвычайную бережливость во всѣхъ расходахъ на собственныя потребности и нужды. Щедрый въ награжденіи заслугъ своихъ подданныхъ, государь старался какъ можно меньше тратить лично на себя. Своей супругѣ, императрицѣ Екатеринѣ, онъ дозволялъ еще жить довольно богато, соотвѣтственно ея высокому сану, но и тутъ старался соблюдать возможно бо̀льшую экономію. На весь императорскій дворъ, со всѣми торжествами при немъ, выходило не болѣе

50 или 60 тысячъ рублей въ годъ. Лично же самъ Петръ Великій жилъ только на свое жалованье, получаемое за дѣйствительную службу въ войскахъ, по чинамъ, на ряду съ другими, и на небольшое свое имѣніе въ Новгородской губерніи, состоявшее всего изъ 969 душъ. Государь былъ такъ строгъ къ себѣ, что говорилъ, что онъ „воленъ только въ деньгахъ, получаемыхъ имъ за его службу, собираемыя же съ народа деньги онъ не можетъ иначе употреблять, какъ только на пользу государственную, ибо въ нихъ онъ нѣкогда обязанъ будетъ отдать отчетъ Богу". Любой помѣщикъ средней руки въ то время имѣлъ больше доходовъ и больше расходовалъ на себя, чѣмъ Петръ Великій. Государь не терпѣлъ ни въ чемъ роскоши, мотовства и расточительности, свойственныхъ людямъ съ распущенными привычками. Онъ во всѣхъ своихъ потребностяхъ старался подчинить себя правиламъ строжайшей бережливости и умѣренности, и умѣлъ дѣйствительно довольствоваться очень немногимъ. Государь постоянно велъ даже особую тетрадь, въ которую аккуратно записывалъ все, куда истрачивалъ свое жалованье; такая вѣдомость сохранилась за 11 лѣтъ.

Въ лѣтнее время Петръ Великій жилъ во дворцѣ Лѣтняго сада, а зимою — въ Зимнемъ дворцѣ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Эрмитажъ. Всѣ эти дворцы были такъ малы и скромны, что онъ не могъ въ нихъ дѣлать даже пріемовъ иностраннымъ посламъ, или давать большихъ пировъ. Пріемный посольскій покой или „аудіенцъ-камера" помѣщалась въ сенатѣ, а большіе пиры государь давалъ въ почтовомъ домѣ, или въ домѣ Меншикова. Разныхъ придворныхъ чиновъ онъ не держалъ при себѣ, а они состояли лишь изъ нѣсколькихъ деньщиковъ — молодыхъ дворянъ, изъ которыхъ одинъ дежурный деньщикъ служилъ государю, императрицѣ и великимъ княжнамъ. Дежурный деньщикъ находился при государѣ безотлучно, днемъ и ночью, былъ довѣреннымъ его лицомъ и служилъ за камердинера, адъютанта и даже за

секретаря. Многочисленной прислуги и богатыхъ ливрей Петръ Великій не терпѣлъ, и вообще не любилъ лакеевъ, называя ихъ шпіонами, которые худо слышатъ и еще хуже пересказываютъ подслушанное.

Одѣвался Петръ чрезвычайно скромно. Онъ не носилъ даже парика, бывшаго тогда въ большой модѣ. Петръ носилъ собственные, довольно длинные, вьющіеся волосы, подстриженные въ кружокъ и расчесанные на двѣ стороны. Лѣтомъ онъ надѣвалъ на голову черный бархатный картузъ, а зимою—шапку изъ калмыцкихъ барашковъ; любимой его верхней одеждой былъ французскій кафтанъ, въ родѣ казакина, сшитый изъ довольно грубаго сѣраго сукна, съ русской фабрики купца Сѣрикова; манжетъ онъ не надѣвалъ, на ногахъ носилъ цвѣтные шерстяные чулки и башмаки съ мѣдными или стальными пряжками; нерѣдко Петръ изнашивалъ чулки до дыръ, а башмаки носилъ по году и больше, подкладывая подъ нихъ даже подметки, такъ какъ не любилъ разставаться съ обувью, къ которой привыкала нога. Дома его часто видѣли въ нанковомъ халатѣ. Военную его парадную одежду составлялъ полковничій мундиръ, изъ сукна зеленаго цвѣта, посредственной доброты, обшитый по борту золотымъ шитымъ галуномъ, съ большими мѣдными позолоченными пуговицами, а также шпага съ мѣднымъ безъ позолоты эфесомъ, обвитымъ черною проволокою, и поярковая трехугольная шляпа, безъ позумента и безъ перьевъ. Но и эту скромную парадную одежду государь не часто одѣвалъ и находилъ ее стѣснительной для себя, такъ что лѣтомъ, на улицахъ, онъ ходилъ обыкновенно безъ шляпы, которую несъ за нимъ его деньщикъ. Орденовъ государь тоже не надѣвалъ. Съ этою простотою въ одеждѣ государь неохотно разставался даже за-границей, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, гдѣ въ то время при дворѣ царствовала изумительная роскошь и великолѣпіе. Пріѣхавъ туда, государь рѣшился заказать себѣ парадный парикъ; ему принесли сдѣланный по послѣдней модѣ, широкій, съ длинными кудрями. Петръ собственноручно

обрѣзалъ его такъ, что онъ едва прикрывалъ его собственные волосы. Въ этомъ парикѣ и состоялъ весь парадъ, который Петръ дозволилъ себѣ по случаю прибытія своего къ великолѣпному двору французскаго короля; затѣмъ онъ продолжалъ ходить тамъ въ сѣромъ кафтанѣ безъ галуновъ, при манишкѣ безъ манжетъ, въ шляпѣ безъ перьевъ и съ черной кожаной портупеей черезъ плечо. Эта одежда до того отличала его отъ французовъ, что, спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда Петра изъ Франціи, одежда эта вошла въ Парижѣ въ моду, подъ названіемъ „царскаго платья". Самому же Петру и эта одежда казалась еще очень парадной, такъ что онъ ее долго берегъ, и черезъ 6 лѣтъ послѣ посѣщенія французскаго двора, въ 1723 году, торжественно принималъ въ этомъ самомъ платьѣ персидскаго посла. Только по особымъ случаямъ государь иногда наряжался. Такъ, однажды, 25 мая 1723 года, государь удивилъ петербургскихъ жителей необыкновенною пышностью. Его увидѣли на улицахъ Петербурга, окруженнаго отрядомъ гвардіи, въ экипажѣ, выложенномъ краснымъ бархатомъ и запряженномъ цугомъ, съ лакеями позади, въ богатыхъ ливреяхъ. Но оказалось, что государь затѣялъ это не для себя, а съ намѣреніемъ отличить заслуги нѣкоторыхъ изъ своихъ сотрудниковъ: онъ ѣхалъ за-городъ на встрѣчу князю Григорію Долгорукому и графу Алексѣю Головкину, чрезвычайно успѣшно исполнявшимъ около 15 лѣтъ должности русскихъ посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, и теперь возвращавшимся въ Россію просвѣщенными людьми. Петръ остановился для встрѣчи ихъ въ четырехъ верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа, и когда они подъѣхали, посадилъ ихъ къ себѣ въ парадный экипажъ на первыя мѣста, провезъ ихъ по главнымъ улицамъ столицы и доставилъ во дворецъ, гдѣ предъ всѣми собравшимися вельможами торжественно благодарилъ ихъ за вѣрную и искусную службу.

Въ другой разъ, императрица Екатерина, ко дню коронаціи своей, сама вышила государю серебромъ съ блестками

нарядный шелковый кафтанъ, съ кружевными манжетами, и пожелала, чтобы государь былъ на коронаціи въ этомъ кафтанѣ. Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянувъ на шитье, слегка тряхнулъ имъ, отчего нѣсколько блестокъ осыпалось на полъ. „Смотри, Катенька", сказалъ онъ государынѣ, указывая на упавшія блестки: „слуга вымететъ это вмѣстѣ съ соромъ, а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата". Петръ, однако, исполнилъ желаніе императрицы и былъ на коронаціи въ этомъ кафтанѣ. Иногда онъ немного принаряжался также на свадьбы. Только при спускахъ кораблей государь всегда былъ одѣтъ богато: онъ встрѣчалъ гостей, входившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ, шитомъ золотомъ, адмиральскомъ мундирѣ и въ голубой Андреевской лентѣ черезъ плечо. Этимъ онъ хотѣлъ отличить чрезвычайную важность морского дѣла, какъ всегда и вездѣ отличалъ его въ ряду всѣхъ другихъ дѣлъ.

Петръ Великій соблюдалъ чрезвычайную умѣренность и въ своемъ столѣ. Одинъ знатный иностранецъ разсказываетъ, что ему случилось однажды, въ праздничный день, отправиться изъ церкви прямо во дворецъ, вмѣстѣ съ государемъ, министрами, офицерами и многими знатными вельможами. Во дворцѣ между тѣмъ былъ уже накрытъ столъ, всего лишь на шестьнадцать приборовъ. Когда подали кушанье, государь сѣлъ съ государыней за столъ, и обратившись къ собранію, сказалъ: „Господа! извольте садиться, кому достанется мѣсто, а прочіе пусть идутъ обѣдать съ своими женами". Дѣйствительно, на скромное жалованье, которымъ довольствовался Петръ, нельзя было задавать обильныхъ и роскошныхъ обѣдовъ. Драгоцѣнной посуды у него тоже не было. Любимымъ его столовымъ приборомъ, который онъ постоянно употреблялъ, были: деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками; дежурный деньщикъ долженъ былъ носить ихъ постоянно съ собою, и клалъ ихъ передъ государемъ, даже когда ему случалось обѣдать въ гостяхъ. Выпивая

предъ обѣдомъ чарку анисовой водки, Петръ Великій обыкновенно приговаривалъ: „Здравствуй тотъ, кто любитъ Бога, меня и отечество“. Любимыми кушаньями Петра были: студень, молодой редисъ, щи, каша, ветчина, жареная утка и лимбургскій сыръ. Въ хорошихъ винахъ Петръ зналъ большой толкъ, но пилъ съ удовольствіемъ и русскій квасъ, а особенно пиво. Вообще, Петръ не былъ разборчивъ на пищу, ѣлъ мало и лишь на столько, чтобы жить и самому зарабатывать насущный хлѣбъ. Поэтому даже въ скромныхъ своихъ кушаньяхъ государь старался соблюдать большую экономію. Однажды, ему подали на столъ цѣльный кусокъ лимбургскаго сыру, привезеннаго ему въ подарокъ голландцами; откушавъ немного сыру, Петръ вынулъ, затѣмъ, изъ кармана математическій инструментъ, вымѣрилъ остатокъ сыра, записалъ его мѣру въ свою памятную книжку, и приказалъ нѣмцу-повару спрятать сыръ и подавать его до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ весь. На другой день сыръ опять подали на столъ; государь взялъ инструментъ, снова вымѣрилъ сыръ, посмотрѣлъ въ записную книжку, и нашелъ, что половины сыра уже нѣтъ. Онъ приказалъ позвать повара и спросилъ: „куда дѣвалась половина? не приказывалъ ли я спрятать сыръ? Погоди-жъ, прибавилъ государь: я тебѣ напомню, — и тотчасъ всталъ изъ-за стола, взялъ свою „дубинку“ и изъ собственныхъ рукъ наказалъ ослушника-нѣмца. Петръ не любилъ причудничества въ пищѣ даже въ другихъ людяхъ. Смѣясь надъ такими обжорами, онъ говаривалъ: „какую пользу отечеству можетъ принести тѣло, когда оно состоитъ изъ одного брюха!“ Иногда Петръ крѣпко потѣшался надъ обжорами. Разъ въ саду, въ присутствіи своемъ, онъ подчивалъ голландскаго шкипера; увидѣвъ, что шкиперъ, непонимавшій по-русски ни слова, пьетъ и ѣстъ чрезвычайно много и проворно, Петръ очень смѣялся и громко говорилъ: „этотъ Емеля все перемелетъ“, и затѣмъ постоянно приказывалъ повару: „подавай сему гостю больше, у насъ всего довольно: пусть ѣстъ и пьетъ безъ платы“. При этомъ

Петръ разсказалъ, какъ съ него самого одинъ трактирщикъ въ Голландіи взялъ сто червонцевъ за двѣнадцать яицъ, за сыръ, масло и двѣ бутылки пива.

Вообще, Петръ Великій ни въ чемъ не любилъ излишества и прихотей, нерѣдко даже спалъ на полу, никогда не игралъ въ карты, преслѣдовалъ всякія денежныя игры, не находилъ никакого удовольствія въ охотѣ и избѣгалъ вообще праздныхъ забавъ.

Государь любилъ также ходить пѣшкомъ, но, занятый множествомъ дѣлъ, онъ часто пользовался лошадьми. Ѣздилъ онъ лѣтомъ на легкой длинной телѣжкѣ на двухъ колесахъ, т. е. въ одноколкѣ, выкрашенной въ красную краску и запряженной парою; зимою же онъ ѣздилъ въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, обыкновенно съ двумя деньщиками, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ, а другой ѣхалъ сзади верхомъ.

Не смотря на множество дѣлъ своихъ и на чрезвычайное свое трудолюбіе, Петръ Великій находилъ, однако, свободное время часто бывать еще въ домахъ своихъ подданныхъ и вообще любилъ постоянно показываться въ обществѣ и на улицѣ, не будучи охотникомъ сидѣть дома. При этомъ, въ обращеніи съ своими подданными Петръ былъ чрезвычайно простъ и обходителенъ. Всякій могъ свободно встрѣчаться съ государемъ, идти съ нимъ вмѣстѣ, начать разговоръ, если кому требовалось. Когда при этомъ кто нибудь на пути останавливался передъ государемъ и снималъ шапку, Петръ быстро подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: „Чего ты?“ Если тотъ отвѣчалъ, что остановился изъ уваженія къ его особѣ, то государь, похлопавъ его по головѣ, замѣчалъ: „Эхъ, братъ, у тебя свои дѣла, у меня мои, ступай себѣ своей дорогой“. Его часто видали на улицахъ идущимъ подъ руку съ какимъ нибудь фабрикантомъ, или иноземнымъ матросомъ, иногда онъ просто ходилъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной. Часто также заходилъ онъ на фабрики и безъ церемоніи садился за ткацкій станокъ, показывая мастерамъ, какъ

надо ткать. Въ праздничный день Петръ заходилъ послѣ обѣдни въ трактиръ нѣмца Фельтена выпить рюмку анисовки и потолковать за кружкой пива съ иноземными шкиперами, которые собирались въ этомъ трактирѣ. Если государю случалось имѣть къ кому нибудь дѣло, къ вельможѣ, купцу, или даже простому ремесленнику, то онъ, взявъ съ собою камышевую трость, нерѣдко отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то садился за столъ на первое попавшееся мѣсто, и приказывалъ подавать себѣ то же, что подносили и другимъ; при этомъ онъ толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставлялъ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ всѣ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Разъ онъ пріѣхалъ на фабрику купца Полуярославцева; хозяинъ спалъ. Петръ не велѣлъ его будить и пошелъ смотрѣть работы. Полуярославцевъ скоро проснулся, узналъ, что на фабрикѣ государь, побѣжалъ къ нему и сталъ просить прощенія, что не пришелъ раньше. „Я заѣзжаю къ тебѣ не затѣмъ, чтобы тебя безпокоить, сказалъ ему государь: такъ не въ чемъ тебѣ и извиняться“. Петръ терпѣть не могъ также, когда ради его тратились бѣдные люди. Однажды онъ зашелъ въ Тулѣ къ мастеру Демидову, бывшему въ то время еще безвѣстнымъ кузнецомъ. Демидовъ поднесъ высокому гостю дорогого рейнскаго вина. Петръ попробовалъ и сказалъ: „Неприлично тебѣ, Демидовъ, держать такое дорогое вино“. — „Да я, государь, съ роду не пью, а досталъ для тебя“, — отвѣчалъ Демидовъ. Петръ сказалъ на это: „Отнеси назадъ и дай рюмку нашего русскаго, простого“. Въ другой разъ государь, узнавши, что при встрѣчахъ въ городахъ ему подносятъ цѣнные подарки на деньги, собираемыя насильно съ бѣдныхъ жителей, повелѣлъ немедленно возвратить городамъ всѣ ихъ подарки, поднесенные ему прежде, и воспретилъ и впредь дѣлать ему такія же поднесенія.

Петръ любилъ запросто пировать съ своими вельможами, часто бывалъ и у простыхъ людей на разныхъ семейныхъ

празднествахъ: на крестинахъ, на свадьбахъ, а также на похоронахъ. Самый бѣдный человѣкъ могъ просить Петра на крестины, на свадьбу или на закладку дома. Государь охотно ѣхалъ, если имѣлъ время; плясалъ на свадьбахъ; на постройкахъ поздравлялъ хозяина съ новосельемъ рюмкой водки и иногда обѣдалъ съ простыми плотниками; на похоронахъ шелъ за гробомъ. Однажды государь, вмѣстѣ съ Неплюевымъ, только что вернувшимся изъ Италіи, ѣхалъ въ домъ Меншикова, гдѣ его ждали къ званому обѣду. На дорогѣ встрѣтился имъ простой матросъ, остановилъ государя и сказалъ: „Государь, у меня родился сынъ, а тебѣ — матросъ; удостой посѣтить и окрестить". Петръ торопился на обѣдъ, но узнавъ, что матросъ живетъ недалеко и что все уже готово къ крестинамъ, сказалъ Неплюеву: „поѣдемъ на родины со мною". Пріѣхавъ къ матросу, Петръ былъ воспріемникомъ, поздравилъ и поцѣловалъ родильницу въ губы, положилъ ей подъ подушку два цѣлковыхъ и хотѣлъ ѣхать. Но хозяинъ и хозяйка начали просить своего высокаго кума чаркой водки и кускомъ пирога. Не захотѣлъ государь обидѣть бѣдныхъ людей, выпилъ рюмку водки и, закусивши пирогомъ съ морковью, подалъ кусокъ его Неплюеву, сказавъ: „Заѣшь, братъ: это родимая наша пища, а не итальянская". Тогда матросъ сталъ предлагать высокому гостю: „Не соизволишь ли, государь, откушать и щецъ нашихъ солдатскихъ?" „Ну, давай, пожалуй, и щецъ", согласился Петръ, и отвѣдалъ кстати и браги, наваренной по случаю крестинъ. „Давай побольше такихъ матросовъ, — мнѣ они надобны", говорилъ государь, весело посмѣиваясь, поблагодарилъ хозяина и отправился къ Меншикову, который давно уже со всѣми гостями ждалъ государя.

Вообще Петръ былъ необыкновенно пріятнымъ гостемъ въ обществѣ, не любилъ никого ничѣмъ стѣснять, былъ веселымъ собесѣдникомъ, поражалъ слушателей остроуміемъ и веселыми шутками. Одинъ иностранецъ, бывшій свидѣтелемъ пребыванія Петра въ Голландіи, говорилъ, что доступность, простота и

искренность обращенія Петра со всѣми такъ привязали къ нему голландцевъ, привыкшихъ къ свободному обращенію, что почти невѣроятное число людей наперерывъ соглашались служить ему съ удовольствіемъ.

Къ морякамъ-голландцамъ Петръ вообще питалъ особенное расположеніе, точно такъ же, какъ и къ морю. Долго пробывши въ Голландіи, Петръ свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками, которые послѣ того часто пріѣзжали въ Петербургъ и привозили государю въ подарокъ сыръ, императрицѣ полотно, и пряники для малолѣтнихъ великихъ князей Петра Петровича и Петра Алексѣевича. Государь, съ своей стороны, часто угощалъ ихъ и постоянно заботился о томъ, чтобы имъ въ Петербургѣ доставить возможное удовольствіе. Вообще, встрѣча иноземныхъ кораблей всегда чрезвычайно радовала Петра. Онъ иногда проводилъ по нѣскольку часовъ съ зрительною трубою въ рукахъ, въ Екатерингофѣ, или въ Петергофѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ въ Петербургъ, выѣзжалъ на встрѣчу тѣмъ кораблямъ, которые приходили къ Кронштадту, и самъ, какъ опытный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру, или по кронѣ. Иноземные шкипера имѣли свободный доступъ къ государю; онъ не разъ, за кружкою пива и за глиняною трубкою, проводилъ съ ними цѣлые вечера, слушая разсказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія на морѣ и проч. Петръ не пропускалъ также ни одного спуска на воду вновь построеннаго русскаго корабля. Это было для него самымъ веселымъ праздникомъ. При этомъ совершался, прежде всего, церковный обрядъ освященія корабля. Когда, затѣмъ, снимали корабль и спускали на воду, въ это время гремѣли литавры и трубы, палили изъ пушекъ съ крѣпости и съ адмиралтейства, потомъ слѣдовали поздравленія отъ всѣхъ приближенныхъ, послѣ чего подавался обѣдъ въ каютѣ корабля. Въ этихъ случаяхъ никакихъ церемоній не соблюдалось: корабельные мастера обѣдали рядомъ съ царемъ, и онъ пилъ за ихъ здо-

Заложеніе Петербурга.

ровье. Берегъ Невы при подобныхъ торжествахъ усѣевался множествомъ зрителей, и царь нерѣдко угощалъ народъ на открытомъ воздухѣ.

Говорятъ, что у Петра Великаго была какая-то особенная страсть къ морю и вообще къ морскому дѣлу. Но это едва ли справедливо. Петръ съ неменьшею любовью во всю свою жизнь хлопоталъ и заботился и о всѣхъ другихъ своихъ дѣлахъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ немъ было множество страстей. Страсти, т. е. слѣпой привязанности къ морю, въ Петрѣ тѣмъ болѣе не могло быть, что онъ былъ уроженцемъ почти степной страны и въ первый разъ увидалъ море въ Архангельскѣ, будучи уже 16 лѣтъ отъ роду; да и это море было не изъ такихъ, которыя могутъ сразу внушить страсть къ нему: это было холодное и непривѣтное Сѣверное или Бѣлое море. Только 25 лѣтъ отъ роду, плывя въ Голландію, Петръ увидалъ другія, болѣе привѣтливыя моря, Балтійское и Нѣмецкое. Но чтобы получить страсть къ морю, надо родиться на берегу моря, надо, чтобы оно жило въ самыхъ воспоминаніяхъ дѣтства; такъ привязываются къ морю уроженцы всякой приморской страны. Въ сердцѣ же Петра Великаго неоткуда было зародиться такой страсти. Но онъ былъ необычайно уменъ. Его голова постоянно работала и заправляла всѣми его чувствами и стремленіями. Онъ еще въ ранней юности, по самому незначительному поводу, вовсе не видавши моря, понялъ громадное значеніе для народовъ морей и мореходства. Его сразу поразила, при первомъ видѣ лавированій знаменитаго ботика, необычайная легкость передвиженія на морскихъ судахъ, простота и доступность этого средства передвиженія, легкость, съ которою при такихъ средствахъ можно входить въ сношенія со всѣми другими народами. Петръ самъ многому научился въ молодости отъ иноземцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, поэтому онъ и впослѣдствіи особенно цѣнилъ важность сношеній съ другими народами. Петръ Великій почти уже не отдѣлялъ дѣла мореходства отъ дѣла про-

свѣщенія, на которомъ зиждется и прочное могущество государства, и самое воспитаніе подданныхъ и выработка въ нихъ многихъ гражданскихъ доблестей. Желая просвѣтить своихъ сотрудниковъ, государь прежде всего заставлялъ ихъ научиться кораблестроенію и мореходству, сдѣлаться моряками. Желая просвѣтить Россію, Петръ предварительно завоевывалъ Балтійское море и передвинулъ русскую столицу изъ центра русскихъ степей на берега этого моря. Но, родившись и воспитавшись въ степи и добившись лишь небольшаго приморскаго уголка на всю громадную Россію, Петръ хорошо поэтому сознавалъ и чувствовалъ, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ каждомъ русскомъ человѣкѣ, охота пользоваться моремъ и мореходствомъ легко можетъ снова исчезнуть и, во всякомъ случаѣ, лишь съ трудомъ можетъ поддерживаться. Какъ вслѣдствіе суровости русской природы государь считалъ необходимымъ для русскихъ людей постоянное принужденіе себя къ усиленному труду, такъ и вслѣдствіе недостатка въ Россіи морей, онъ считалъ необходимымъ для русскаго человѣка добровольное принужденіе себя къ усиленнымъ занятіямъ мореходствомъ. Онъ самъ какъ-бы боялся забыть море, упустить изъ вниманія всю громадную важность мореходства и его благодѣтельное вліяніе на выработку морскихъ привычекъ людей, а потому старался какъ можно чаще видѣть море, при всякомъ случаѣ бывать на немъ, и постоянно напоминать о морѣ себѣ и другимъ. Разсказываютъ, что Петръ Великій ни на одномъ праздникѣ не пропускалъ случая выпить за здоровье русскаго флота; деньщики обязаны были напоминать ему объ этомъ, если онъ забывалъ. Шуту своему Дакостѣ Петръ обѣщалъ платить 1,000 рублей въ видѣ штрафа всякій разъ, когда онъ самъ забудетъ провозгласить за флотъ здравицу. Всѣ дворцы Петра, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ окрестностяхъ, были построены или на берегу моря, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. И ежедневно, послѣ всякаго обѣда, государь уходилъ отдохнуть на часъ или на

два не въ свою спальню, а на свою яхту, безотлучно стоявшую на водѣ подлѣ его дворца. Въ Петергофѣ Петръ говаривалъ, что ему душно во дворцахъ и садахъ, и всегда ночевалъ въ отдѣльномъ домикѣ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Когда ему случалось занемогать въ приморскомъ городѣ, то Петръ, какъ-бы боясь не увидѣть долго моря, приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани, увѣряя, что морской воздухъ лучшее для него лекарство. Въ высшей степени казались трогательными эти постоянныя усилія Петра поддержать въ себѣ склонность къ морю, для пользы отечества и народа. Въ Петербургѣ лѣтомъ Петръ постоянно катался по Невѣ, хотя бы въ открытой лодкѣ. Къ несчастію, добытый имъ уголокъ Балтійскаго моря, равно какъ и самая Нева — ежегодно подвержены продолжительному замерзанію. почти на цѣлые полгода. Въ этихъ случаяхъ, дѣйствительно, легко уже было совсѣмъ забыть о водѣ и морѣ. Но Петръ и тутъ нашелся. Въ началѣ зимы, когда уже появлялся на Невѣ ледъ, государь приказывалъ протащить въ какую-нибудь оставшуюся большую полынью свою лодку, и катался на ней въ полыньѣ подъ парусами... Но вскорѣ Нева совсѣмъ покрывалась сплошнымъ льдомъ, какъ-бы вовсе прекращая самое существованіе свое на цѣлые полгода. Но Петръ и тогда не оставлялъ своихъ катаній по Невѣ. Среди зимы, онъ приказывалъ расчищать ледъ на Невѣ на извѣстномъ пространствѣ, и по этому льду катался на парусной лодкѣ, поставленной на полозья, отлично управляя такимъ сухопутнымъ судномъ. Однажды государь прямо сказалъ одному голландскому шкиперу, что предпринимаетъ катанья по Невѣ съ тою цѣлію, чтобы не забыть искусства мореплаванія. На это шкиперъ отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, царь, ты не забудешь: я чаю, ты и во снѣ командуешь флотомъ“.

Вообще Петръ Великій, обладавшій всѣми достоинствами лучшихъ русскихъ людей, въ то же время глубоко сознавалъ и нѣкоторые недостатки своего воспитанія, полученнаго имъ

въ дѣтствѣ, въ глуши русской земли, на ряду съ другими русскими людьми. Отъ природы Петръ былъ одаренъ такими богатыми способностями, что, не получивши во время правильнаго образованія, онъ, однако, въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ, при недолговременной лишь подготовкѣ, изучилъ столь многое и такъ основательно, что приводилъ въ изумленіе своими познаніями даже извѣстныхъ знатоковъ, проводившихъ всю свою жизнь за тѣмъ, что онъ изучалъ только мимоходомъ. Петръ зналъ хорошо по-латыни, по-нѣмецки и по-голландски и понималъ французскій языкъ, хотя и не говорилъ на немъ. Онъ былъ самымъ ученымъ человѣкомъ въ Россіи и могъ поспорить во многомъ и съ иноземными учеными; онъ зналъ въ совершенствѣ кораблестроительное и мореплавательное искусства, астрономію и геометрію; былъ очень свѣдущъ въ математикѣ, физикѣ, механикѣ, географіи и даже въ медицинѣ; онъ славился какъ отличный полководецъ, мудрый правитель, замѣчательный дипломатъ и, въ то же время, какъ искусный мастеръ множества ремеслъ. Въ немъ воплощались всѣ лучшія качества русскаго человѣка, часто затемненныя въ другихъ русскихъ людяхъ невѣжествомъ и упорствомъ и просвѣтленныя въ самомъ Петрѣ его обширнымъ умомъ и громаднымъ образованіемъ. Всѣ таившіяся въ глубинѣ русскаго народнаго духа добродѣтели — страстная любовь къ правдѣ, самоотверженная готовность подчиняться во всемъ пользѣ своего отечества, безграничное довѣріе къ людямъ и глубокое смиреніе, — всѣ эти великія добродѣтели русскаго народа сказывались въ Петрѣ съ необычайною силою. Но при такомъ богатствѣ своей души и способностей и при всѣхъ своихъ громадныхъ заслугахъ и исключительной высотѣ своего положенія, Петръ Великій, однако, не чуждъ былъ и многихъ недостатковъ обыкновенныхъ русскихъ людей, благодаря, главнымъ образомъ, воспитанію, полученному имъ въ дѣтствѣ и юности. Воспитаніе имѣетъ громадное значеніе для каждаго человѣка и оставляетъ въ немъ неизгладимые слѣды на всю жизнь. Петръ

Великій отлично сознавалъ это, и съ горечью вспоминалъ о полученномъ имъ въ ранней юности воспитаніи. Однажды, войдя въ комнату одной изъ своихъ дочерей, царевны Натальи, и увидѣвъ ее за ученьемъ, Петръ съ грустью сказалъ: „Ахъ, еслибы я въ дѣтствѣ былъ лучше ученъ, я согласился бы лучше лишиться одного пальца на своей рукѣ“.

За границей про Петра также говорили, что „если бы онъ былъ воспитанъ лучше, то былъ бы совершеннѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ“. Дѣйствительно, помимо его достоинствъ, которыя всѣхъ поражали и всегда будутъ поражать, въ Петрѣ Великомъ, къ сожалѣнію, сказывались иногда такіе недостатки, которые для многихъ совсѣмъ заслоняли собою всѣ его крупныя и неоспоримыя достоинства.

Петръ съ самого ранняго дѣтства воспитывался, можно сказать, самъ собою, почти безъ всякаго присмотра, живя въ деревнѣ, на полной волѣ, среди народа. Правда, это, собственно, можетъ быть, и помогло его впечатлительной душѣ и глубокому уму обнять въ себѣ всѣ великія качества русскихъ людей; но эта же вольная жизнь среди народа внѣдрила въ него и многія привычки старинныхъ людей, которыя онъ самъ впослѣдствіи съ такою настойчивостью старался безпрестанно искоренять въ другихъ людяхъ. Не смотря на живой свой умъ и сильную волю, Петръ не могъ, конечно, во время своего дѣтства и юности, совершенно избѣгнуть вреднаго примѣра окружавшихъ его людей. Съ самого ранняго дѣтства имъ никто не руководилъ, никто не помогалъ ему совѣтомъ, не старался отстранить его отъ вредныхъ вліяній, никто не содѣйствовалъ ему въ умѣньѣ распознавать добро и зло. Кругомъ себя, въ самомъ еще нѣжномъ своемъ возрастѣ, онъ видѣлъ почти однѣ лишь распущенныя привычки, упорное недовѣріе и страшное самомнѣніе. Все это незамѣтно и съ непреодолимой силой дѣйствовало на впечатлительнаго ребенка и, мало-по-малу, проникало въ его собственную нѣжную душу. Хотя съ возрастомъ Петръ все болѣе сознавалъ страш-

ный вредъ этихъ привычекъ и необходимость искорененія ихъ, но въ немъ самомъ онѣ уже успѣли достаточно окрѣпнуть, тѣмъ болѣе, что въ самомъ себѣ труднѣе замѣчать недостатки. Въ Петрѣ эти недостатки могли обнаруживаться тѣмъ съ большею силою, что онъ еще отъ природы обладалъ чрезвычайно горячимъ и пылкимъ нравомъ, и къ тому же съ юныхъ лѣтъ пользовался самодержавной царской властью. Если самый послѣдній русскій человѣкъ въ то время не въ состояніи былъ постоянно подчинять себя велѣніямъ долга и внушеніямъ разума, всегда смирять свои страсти и непрерывно согласовать свою жизнь съ пользою другихъ, то тѣмъ болѣе трудно было сдерживать себя горячему и пылкому Петру, тѣмъ труднѣе было освободиться ему отъ временныхъ приступовъ неукротимости и невоздержности. Вся разница только въ томъ, что Петръ Великій сознавалъ въ себѣ эти недостатки и съ страшными усиліями старался побороть ихъ въ себѣ; но то, что вошло въ душу съ дѣтства, не легко уже искоренимо: не даромъ говорится, что „привычка — вторая натура". Эта усиленная борьба съ своими страстями, съ самимъ собою, можетъ быть, всего болѣе причинила страданій Петру и главнымъ образомъ способствовала разрушенію его необыкновенно крѣпкаго здоровья, потому что упомянутые недостатки проявлялись въ немъ по временамъ съ необычайною силою.

Немного нужно было для того, чтобы горячій по натурѣ Петръ вдругъ вспылилъ. Иногда одно неосторожно сказанное слово приводило его въ страшный гнѣвъ. Правда, причины его гнѣва почти всегда были справедливы. Особенно ложь и лихоимство распаляли гнѣвливаго царя. Но Петръ забывался тогда до того, что уже не могъ болѣе сдерживать себя, окончательно терялъ власть надъ собою. Онъ не помнилъ самъ себя, съ нимъ дѣлался болѣзненный припадокъ гнѣва, который наводилъ на всѣхъ ужасъ, черты лица его измѣнялись, лицо его и особенно ротъ подергивались судорогой. Всѣ присутствующіе трепетали. Однажды Петръ, на пиру у Лефорта,

узнавъ, что главнокомандующій Шеинъ производитъ въ чины за взятки, пришелъ въ такую ярость, что выхватилъ шпагу и замахнулся ею на Шеина, а когда Ромодановскій и Зотовъ старались оборонить Шеина, онъ ударилъ Зотова по головѣ, а Ромодановскаго по рукѣ и едва не отсѣкъ ему палецъ; заступился Лефортъ, но и тому досталось, и только Меншикову съ трудомъ удалось утишить страшный гнѣвъ Петра. Такіе припадки дѣлались съ нимъ нерѣдко, и тогда доставалось даже самымъ близкимъ ему людямъ. Петръ самъ былъ не радъ этимъ припадкамъ, крайне разстроивавшимъ его здоровье, но онъ уже не могъ въ этихъ случаяхъ совладать съ собой. Сначала только Лефортъ могъ уговаривать его въ этихъ случаяхъ, а потомъ Меншиковъ, но впослѣдствіи Петръ потерялъ довѣріе и къ Меншикову, и тогда только императрица Екатерина Алексѣевна умѣла успокоить разгнѣваннаго царя: она ласково сажала его подлѣ себя, наклоняла его голову и слегка перебирала ему волосы; Петръ засыпалъ, Екатерина сидѣла такъ часа два, не шевелясь. Петръ просыпался совсѣмъ успокоенный, и тогда съ горечью говорилъ: „О Боже! будучи въ состояніи управлять государствомъ, я не могу управлять самимъ собою!“ Нечего и говорить, что послѣ подобныхъ вспышекъ, особенно противъ тѣхъ лицъ, которыя навлекали на себя этотъ гнѣвъ рѣзко сказанной правдой, Петръ обнаруживалъ самое искреннее раскаяніе и щедро награждалъ потерпѣвшихъ отъ его горячности. Случалось иногда, что Петръ и самъ унималъ свой гнѣвъ, даже противъ дѣйствительно провинившихся людей; тогда онъ объявлялъ имъ прощеніе, и самъ первый сердечно радовался своей милости. Простивъ, однажды, послѣ страшнаго проявленія своего гнѣва, многихъ вельможъ, провинившихся въ значительныхъ преступленіяхъ, Петръ, наконецъ, одумался, примирился съ ними, пригласилъ ихъ къ себѣ, и выразилъ свою радость по случаю примиренія тѣмъ, что задалъ веселый пиръ на весь Петербургъ, съ блестящей иллюминаціей и радостной пушечной пальбою...

Петръ всячески старался побороть въ себѣ эту горячность; онъ запирался у себя и по цѣлымъ днямъ никого къ себѣ не впускалъ, но нигдѣ уже не находилъ себѣ покоя, и когда виновный попадался ему въ это время, на него находилъ припадокъ ярости, начинались кровавые розыски, ставились висѣлицы, колья, плахи. Однако, Петръ обладалъ такой страшной силой воли, что въ самые неукротимые порывы своего гнѣва всегда строго дѣйствовалъ на основаніи закона, правда, суроваго и немилостиваго, но не имъ придуманнаго: въ то время жестокость лежала въ обычаѣ и въ законѣ, и вообще тогда люди не всегда умѣли отличать твердость отъ жестокости, не только въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ. Петръ только безъ содроганія сердца пользовался всѣми этими суровыми законами, и ничто уже тогда не могло умилостивить его.

Вообще Петръ былъ сынъ своего народа, русскій человѣкъ до мозга костей, со всѣми русскими добродѣтелями и недостатками. Онъ постоянно впадалъ въ разныя крайности, извѣстныя подъ именемъ русской „широкой натуры", но онъ всячески старался побороть ихъ въ себѣ, чего вовсе не дѣлали въ то время другіе люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что борьба крайностей, которая постоянно происходила въ Петрѣ, много причиняла страданій ему самому, и еще больше вредила его великому дѣлу. Чрезмѣрно крутыя мѣры, къ которымъ иногда прибѣгалъ Петръ, только порождали ему недоброжелателей и нерѣдко плодили смуты.

Не слѣдуетъ, однако, придавать разнымъ недостаткамъ Петра большее значеніе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ имѣли. Дѣло Петра, не смотря ни на какіе его недостатки, не могло уже погибнуть потому, что онъ былъ неизмѣримо больше великъ въ своихъ достоинствахъ. Только люди, ослѣпленные лицемѣріемъ и ограниченные, не хотѣли видѣть въ немъ этихъ громадныхъ достоинствъ и упорно указывали на его лишь второстепенные недостатки. И не вина была Петра, что онъ

получилъ воспитаніе среди грубыхъ нравовъ и привычекъ. Достаточно того, что онъ всячески боролся со своими недостатками, страдалъ отъ нихъ больше всѣхъ, и съумѣлъ воплотить въ себѣ первый совершенно иныя качества русскаго народнаго духа, сдѣлавшія его однимъ изъ величайшихъ людей, не только въ исторіи Россіи, но и въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Подъ его суровою и подчасъ мрачною наружностью постоянно жила великая русская мысль и крѣпкій могучій русскій духъ, которыхъ не могли одолѣть никакіе недостатки и которые съ теченіемъ времени все больше будутъ свѣтить русскимъ людямъ, застилая всѣ его недостатки. Въ Петрѣ жила только одна преобладающая страсть, противъ которой онъ не боролся, которой всецѣло подчинялся и которая вознесла его выше всѣхъ людей, это — великая страсть къ высшей правдѣ, къ постоянному и безкорыстному служенію отечеству и народу, страсть, коренившаяся въ народномъ русскомъ духѣ.

Петръ Великій, благодаря своему могучему таланту и обширнымъ дарованіямъ, могъ сдѣлаться, еслибы захотѣлъ такого рода славы, всесвѣтнымъ завоевателемъ, или замѣчательнѣйшимъ ученымъ, или же славнымъ мореплавателемъ и проч. Но Петръ предпочелъ быть великимъ учителемъ. Полководцемъ онъ былъ на столько, на сколько это было нужно для его народа; на столько же онъ былъ и ученымъ, и мореплавателемъ, и мастеромъ почти всякаго дѣла. Онъ избралъ предметомъ своего учительства почти всю гражданскую жизнь. Все, чего никогда не зналъ русскій человѣкъ, чего никогда не видѣлъ и въ чемъ нуждался, все это Петръ давалъ своему народу и съ любовію и терпѣливо объяснялъ ему. Начиная съ самыхъ высшихъ гражданскихъ учрежденій и различныхъ общественныхъ порядковъ, и кончая платьемъ, жилищемъ, даже нравами и обычаями, — все это Петръ Великій давалъ русскимъ людямъ въ новыхъ образцахъ, которые существовали въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ, но которые онъ постоянно

старался согласовать съ историческимъ духомъ всего русскаго народа. Задача Петра Великаго состояла въ томъ, чтобы научить русскихъ людей всему, чего они сами не могли видѣть и знать, живя въ глуши своей обширной страны. При этомъ Петръ являлся чрезвычайно живымъ и опытнымъ учителемъ: онъ никогда ничего не измышлялъ, сидя у себя въ кабинетѣ, а широко черпалъ образцы для своего народа изъ мíровой жизни, которую по личному опыту изучилъ основательно; но какъ черезчуръ строгій учитель, Петръ Великій лишь излишнимъ принужденіемъ иногда самъ поселялъ въ своихъ ученикахъ неохоту къ этому новому, еще небывалому въ мірѣ ученію. Будучи самъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ, Петръ Великій не могъ смотрѣть иначе и на весь міръ, какъ только русскими глазами, русскимъ народнымъ здравымъ смысломъ, и постоянно съ точки зрѣнія потребностей русскаго человѣка и его духа. Онъ во всемъ мірѣ старался уловить только то, что̀ полезно было для русскихъ людей, что̀ отвѣчало ихъ народному духу. Правда, не всегда это казалось такимъ на первый взглядъ, но это было лишь въ мелочахъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ недостатковъ самого Петра, такъ и еще въ большей степени вслѣдствіе дурныхъ привычекъ самихъ русскихъ людей.

Изложивъ трудовую жизнь Петра Великаго, интересно взглянуть, много ли онъ имѣлъ сотрудниковъ, которые бы, вполнѣ понимая его обширныя задачи, искренно и усердно помогали ему въ его великихъ предпріятіяхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Сотрудники Петра Великаго. — Екатерина. — Князь Меншиковъ. — Толстой. — Неплюевъ. — Ромодановскій. — Шереметевъ. — Куракинъ. — Волынскій. — Яковъ Долгорукій. — Стефанъ Яворскій и Θеофанъ Прокоповичъ.— Дмитрій Ростовскій.

Рѣшившись поставить Россію на первое мѣсто между всѣми образованными и могущественными европейскими государствами, и приступивъ затѣмъ, съ цѣлью упражненія русскихъ людей въ лучшихъ гражданскихъ привычкахъ, къ трудному дѣлу преобразованія всей гражданской русской жизни въ различныхъ ея частяхъ, Петръ съ самого начала встрѣтилъ такое упорное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ, что для успѣха и упроченія своего дѣла естественно почувствовалъ надобность прежде всего въ преданныхъ и дѣятельныхъ помощникахъ, которые бы могли не только раздѣлять его трудъ, но и поддерживать и развивать его дѣло и послѣ его смерти. Но найдти такихъ помощниковъ было далеко не легко. Почти никто еще въ то время не умѣлъ не только постоянно и неуклонно служить отечеству, но даже не понималъ надлежащимъ образомъ своихъ обязанностей и долга передъ государствомъ и народомъ. Крестьянинъ Посошковъ писалъ въ то время о Петрѣ: „Нашъ монархъ на гору еще самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ“... Самъ Петръ однажды писалъ супругѣ своей

Екатеринѣ: „Лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной рукѣ вынужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь“. Поэтому Петръ въ продолженіе всего своего царствованія старался подготовить себѣ съ особеннымъ усердіемъ ближайшихъ полезныхъ сотрудниковъ. Въ началѣ онъ разсчитывалъ найдти такихъ сотрудниковъ, преимущественно, около себя, главнымъ же образомъ, въ лицѣ своего сына и наслѣдника престола, царевича Алексѣя Петровича; но скоро горько ошибся въ этомъ.

Не разсчитывая всѣми своими преобразованіями сразу и вполнѣ измѣнить русскихъ людей, или сообщить имъ всѣ новыя лучшія привычки, Петръ Великій не могъ, конечно, вслѣдствіе этого, быть совершенно спокойнымъ за будущее Россіи. Установивъ новые лучшіе и твердые гражданскіе порядки во всей русской жизни, съ сильнымъ правительствомъ во главѣ, Петръ несомнѣнно добился внѣшняго наружнаго устройства и спокойствія жизни на столько, что онъ уже не боялся проявленія какихъ-либо новыхъ опасныхъ смутъ при своей жизни. Уничтоживъ распущенное стрѣлецкое войско и самозванную вольницу „верховыхъ казацкихъ городковъ“ на Дону, Петръ окончательно искоренилъ и это, какъ бы законное прежде гнѣздо гражданской смуты и разлада, постоянное скопище своевольныхъ и распущенныхъ людей. Тѣмъ не менѣе, въ отдѣльныхъ русскихъ людяхъ, въ разрозненномъ видѣ, смута и рознь и послѣ того по-прежнему крѣпко еще жили, и проявлялись то здѣсь, то тамъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Петръ Великій все это зналъ и видѣлъ, и еще при своей жизни всячески старался подавлять всякое проявленіе этой смуты, даже когда замѣчалъ ее въ отдѣльныхъ людяхъ. Но, любя страстно Россію и заботясь больше всего о ея будущемъ, государь тѣмъ болѣе страшился возможности возникновенія послѣ своей смерти какихъ-либо новыхъ разрушительныхъ смутъ противъ установленныхъ имъ гражданскихъ порядковъ и новыхъ правилъ жизни. Доказательствъ этой возможности

Петру пришлось не долго ждать: онъ съ ужасомъ увидѣлъ назрѣвшій разладъ и смуту около самого себя, въ тиши своего собственнаго царскаго семейства, въ лицѣ первой своей супруги царицы Евдокіи и, какъ уже было сказано, въ лицѣ своего единственнаго сына и наслѣдника престола, царевича Алексѣя.

Не найдя себѣ желаемаго сотрудника въ лицѣ наслѣдника престола, царевича Алексѣя, и встрѣтивъ въ немъ наоборотъ упорнаго противника, Петръ тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ принялся набирать себѣ среди постороннихъ людей способныхъ, преданныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ.

Подысканіе подобныхъ сотрудниковъ представляло для Петра, какъ и для всѣхъ прежнихъ русскихъ государей, одну изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ. Общая темнота, непривычка къ труду и страшное самомнѣніе — не только не способствовали замѣтному выдѣленію пригодныхъ для дѣла людей, но еще совершенно какъ-бы заслоняли ихъ собою. Подъ толстою корою дурныхъ привычекъ и невѣжества, иногда трудно было разглядѣть даже крупныя достоинства въ тѣхъ, въ комъ они несомнѣнно были. Оттого стариннымъ государямъ нашимъ часто приходилось разубѣждаться въ выбираемыхъ ими людяхъ и довольствоваться, большею частью, людьми случайными, иногда безъ всякихъ заслугъ. Этому въ особенности способствовало старинное обыкновеніе государей жениться на дочеряхъ своихъ подданныхъ изъ знатнаго рода. Входя въ столь близкое родство съ государями, эти знатные люди, помимо всякихъ другихъ заслугъ, становились, обыкновенно, самыми близкими къ государю людьми, его ближайшими и постоянными помощниками и совѣтниками и самыми сильными въ государствѣ вельможами, старавшимися удалить отъ престола другихъ людей съ настоящими заслугами и способностями, которыхъ у нихъ самихъ часто недоставало. Оттого въ старину замѣчательные государственные дѣятели появлялись не часто. Однако, великія нужды государства и гражданское не-

строеніе нерѣдко вынуждали государей не довольствоваться совѣтами однихъ только близкихъ къ ихъ семьѣ вельможъ, но и находить себѣ между совершенно посторонними людьми способныхъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Большею частію, такіе люди намѣчались еще во время ранней юности государей, благодаря старинному русскому обычаю — окружать царскихъ дѣтей сверстниками изъ семействъ знатныхъ родовъ. Изъ этихъ-то сверстниковъ впослѣдствіи государи и отмѣчали людей, наиболѣе выдающихся по своимъ дарованіямъ. Нѣкоторые-же государи, на основаніи самодержавной власти своей, приближали къ себѣ людей, выдающихся сильнымъ умомъ и волею, вовсе не разбирая ихъ происхожденія и званія. Вотъ почему близъ царскаго трона иногда появлялись замѣчательные люди самаго незнатнаго происхожденія, какъ, напримѣръ, при Иванѣ Грозномъ — священникъ Благовѣщенской церкви Сильверстъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ — патріархъ Никонъ, по происхожденію крестьянинъ.

Но даже между самыми замѣчательными совѣтниками старинныхъ государей не всегда попадались вѣрные и усердные слуги царю и отечеству. Какъ только люди эти выдвигались впередъ, сейчасъ-же обнаруживались въ нихъ старинная привычка къ себялюбію и самомнѣнію: они забывали думать о смиренномъ и безустанномъ трудѣ на пользу государства, скоро также переставали сдерживать свои страсти и необузданно стремились къ самовластію, подобно Борису Годунову, Никону, боярину Морозову и другимъ.

Не такіе, конечно, сотрудники нужны были Петру. Самъ, строго подчинивъ себя во всемъ безкорыстному служенію государству, Петръ, естественно, искалъ и въ своихъ сотрудникахъ преданности дѣлу и пониманія общей пользы, безъ всякихъ себялюбивыхъ и личныхъ цѣлей. Но такихъ людей въ то время почти не было. Государю пришлось выискивать помощниковъ себѣ всюду и самому воспитывать ихъ. А это былъ не легкій трудъ, возможный развѣ только для

Петра, отличавшагося рѣдкою проницательностью ума и желѣзною силою воли.

Петръ обладалъ необыкновенною способностью распознавать людей. Онъ сразу угадывалъ даровитаго человѣка. Въ подобныхъ случаяхъ Петръ, обыкновенно, приподнималъ молодому человѣку на лбу волосы и, пристально посмотрѣвъ ему въ глаза, говорилъ, обращаясь къ присутствующимъ: „Въ семъ маломъ будетъ путь“, или „не будетъ“, и тотчасъ опредѣлялъ его къ тому дѣлу, на которое тотъ, по его мнѣнію, былъ способенъ, въ чемъ Петръ очень рѣдко ошибался. Нуждаясь въ наиболѣе даровитыхъ людяхъ и ища въ нихъ рѣдкой въ то время способности къ неустанному труду, Петръ, по примѣру нѣкоторыхъ старинныхъ государей, избиралъ себѣ такихъ сотрудниковъ изъ всѣхъ классовъ общества, безъ различія званія и состояній. Государь давалъ ходъ всякому, въ комъ только замѣчалъ способность и стараніе. Оттого многіе изъ низкородныхъ людей дослужились при немъ до самыхъ высокихъ должностей.

Главныхъ своихъ сотрудниковъ Петръ намѣтилъ, можно сказать, еще во время своего дѣтства. Какъ всѣ другія царскія дѣти, Петръ съ ранняго дѣтства былъ окруженъ для забавы многочисленными сверстниками, съ тою только разницею, что Петръ проводилъ свою юность не въ царскихъ палатахъ и не въ обществѣ однихъ дѣтей знатныхъ боярскихъ родовъ, а жилъ на полной свободѣ, въ селѣ Преображенскомъ, и набиралъ себѣ сверстниковъ большею частью самъ, изъ людей всякаго званія и состоянія, а иногда даже изъ людей безъ роду и племени. Такихъ сверстниковъ набралось у него столько, что онъ могъ составить изъ нихъ цѣлый потѣшный полкъ. Изъ этихъ-то сверстниковъ впослѣдствіи и вышелъ самый замѣчательный сотрудникъ Петра, князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, человѣкъ почти неизвѣстнаго происхожденія.

Вступивъ, затѣмъ, въ управленіе государствомъ, Петръ продолжалъ до конца своего царствованія набирать себѣ помощ-

никовъ отовсюду: изъ князей, бояръ, духовныхъ лицъ, купцовъ, крестьянъ, даже изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ людей. Особенно дѣятельнымъ сотрудникомъ Петра изъ этихъ послѣднихъ людей вышелъ Курбатовъ, бывшій крѣпостной человѣкъ. Кромѣ того, въ числѣ сотрудниковъ Петра постоянно занимали особое мѣсто иноземцы, частью намѣченные Петромъ также еще во время его дѣтства, а частью набранные впослѣдствіи Однако, иноземцы эти дѣйствовали больше въ качествѣ учителей русскихъ людей, чѣмъ сотрудниковъ государя. Петръ никогда не возводилъ иноземцевъ на высшія государственныя должности, и нуждался въ нихъ потому только, что они представляли изъ себя уже готовыхъ и опытныхъ исполнителей его плановъ, тогда какъ русскихъ людей надо было еще долго и многому учить. Петръ всю свою жизнь съ необычайнымъ усердіемъ и терпѣніемъ занимался этимъ труднымъ дѣломъ—подготовкою себѣ знающихъ и опытныхъ помощниковъ изъ коренныхъ русскихъ людей.

Быстро и всюду находя между коренными русскими чрезвычайно даровитыхъ людей, государь, однако, не скоро и лишь съ огромными усиліями могъ отучать ихъ отъ дурныхъ привычекъ, укоренившихся въ нихъ съ дѣтства. Почти во всѣхъ нихъ постоянно и неудержимо прорывались наружу старинные пороки: распущенность, лѣнь, пренебреженіе къ общей пользѣ, притворство, дармоѣдство и страшное самомнѣніе. Не легко было отучать ихъ отъ этихъ привычекъ, всосанныхъ съ молокомъ матери. Но Петръ за все брался съ необычайнымъ умѣньемъ и энергіей. Въ продолженіе всего своего царствованія онъ не переставалъ постоянно употреблять всевозможныя средства для исправленія нравовъ своихъ сотрудниковъ.

Важнѣйшимъ изъ этихъ средствъ было образованіе Петромъ изъ своихъ сотрудниковъ какъ-бы товарищескаго кружка, „*компаніи*", съ которою онъ почти не разставался, ни въ ученьѣ, ни въ дѣлахъ, ни въ забавахъ и увеселеніяхъ. Это давало государю возможность близко узнавать своихъ помощниковъ, по-

стоянно наблюдать за ними, во-время замѣчать ихъ достоинства и недостатки и своевременно принимать мѣры къ возможному ихъ исправленію. Кромѣ того, съ цѣлью наученія своихъ сотрудниковъ умѣнью сдерживать себя, подчиняться повиновенію, Петръ постоянно составлялъ для нихъ, по всевозможнымъ случаямъ, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ забавахъ, различныя *правила*, которымъ всѣ члены компаніи обязаны были неуклонно подчиняться, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія.

Другимъ важнымъ средствомъ для исправленія своихъ сотрудниковъ государь считалъ трудъ и „ученіе“. Всѣ его сотрудники, безъ различія чиновъ и званій, должны были всю свою жизнь учиться и совершенствоваться въ знаніи и постоянно кипѣть въ работѣ, какую только указывалъ имъ государь. Они должны были и плотничать, и учиться военному дѣлу, и мореплаванію, и участвовать въ военныхъ походахъ и сраженіяхъ, и заниматься улучшеніемъ государственнаго хозяйства и управленія, помогать государю въ его заботахъ о развитіи въ Россіи просвѣщенія, торговли, искусствъ, путей сообщенія, содѣйствовать ему въ установленіи новыхъ порядковъ въ городахъ и селахъ и проч., то онъ отправлялъ ихъ для совершенствованія въ знаніяхъ за-границу, то приказывалъ изучать дѣло у себя на мѣстѣ. Умѣя отлично угадывать, кто къ чему способенъ, Петръ, однако, не давалъ своимъ сотрудникамъ долго засиживаться на одномъ дѣлѣ, какъ-бы для того, чтобы замѣнить отсутствовавшее у нихъ образованіе знакомствомъ на опытѣ съ жизнью и свѣтомъ и чтобы у нихъ оставалось какъ можно меньше времени для проявленія обычнаго самодурства и склонности къ ничегонедѣланію. При этомъ Петръ за всѣми занятіями своихъ сотрудниковъ почти постоянно наблюдалъ самъ лично. Вообще, можно безошибочно сказать, что сотрудники Петра въ потѣ лица ѣли хлѣбъ свой.

Но, безъ сомнѣнія, самымъ могущественнымъ средствомъ для исправленія сотрудниковъ Петра служилъ его собственный великій примѣръ. Одному изъ важныхъ впослѣдствіи сотруд-

никовъ своихъ, Ивану Неплюеву, при его поступленіи на службу во флотъ, государь, показывая свои руки, сказалъ: „Вотъ что, братецъ, трудиться надобно. Я и царь вашъ, а у меня мозоли на рукахъ, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ и хотя подъ старость имѣть себѣ достойныхъ помощниковъ“.

Почти такъ-же Петръ старался личнымъ своимъ примѣромъ внушить своимъ помощникамъ любовь къ правдѣ, къ искренности, мужеству и благородству, уваженіе къ святости законовъ и чувство смиренія передъ благомъ отечества.

Однажды, государь, съ цѣлью испытать справедливость и силу повиновенія долгу въ своихъ сотрудникахъ-сенаторахъ, нарочно попросилъ у нихъ себѣ выгоднаго, но совсѣмъ неподходящаго для него мѣста; на счастье, сенаторы догадались отказать ему въ этомъ, и тѣмъ заслужили благодарность отъ государя и, конечно, избѣгли строгаго наказанія, какое ожидало ихъ въ случаѣ, если-бы они согласились дать ему это мѣсто. Когда тотъ же самый Неплюевъ, о которомъ было упомянуто выше, опредѣлился на службу и услышалъ о себѣ хорошее мнѣніе государя: „въ этомъ маломъ будетъ путь“,—то началъ-было уже мечтать о себѣ, что ему безъ труда ужь можно будетъ пользоваться расположеніемъ и милостями государя. Но знакомые стали предупреждать Неплюева и постоянно твердить ему: „Будь исправенъ и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; онъ больше разсердится, если солжешь“. Однажды Неплюевъ, дѣйствительно, засидѣлся гдѣ-то въ гостяхъ, до поздней ночи, на другой день долго проспалъ и явился на службу позднѣе другихъ. А Петръ былъ уже тамъ. Увидѣвъ государя, Неплюевъ сильно перепугался и хотѣлъ-было бѣжать домой и сказаться больнымъ, но вспомнилъ добрый совѣтъ друзей, рѣшился подойти прямо къ тому мѣсту, гдѣ находился государь. „А я уже, мой другъ, здѣсь!“ сказалъ ему съ укоризною Петръ. „Виноватъ, государь“, отвѣчалъ Неплюевъ: „вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ“. Петръ взялъ его за плечо и сильно пожалъ; тотъ

вздрогнулъ, думая, что пришла бѣда; но государь добродушно промолвилъ: „Спасибо, малый, что говоришь правду, Богъ проститъ! Кто бабѣ не внукъ!“

Петръ ни въ комъ не терпѣлъ лицемѣрнаго, только наружнаго повиновенія, какъ и всякаго другаго притворства. Запретивъ падать ницъ передъ своею царской особой, снимать шапки передъ дворцомъ и подписываться на челобитныхъ унизительными именами, Петръ написалъ въ своемъ указѣ объ этомъ: „Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству, — сія-то почесть свойственна царю“. Требуя, такимъ образомъ, отъ всѣхъ непритворнаго повиновенія и подчиненія по духу и на дѣлѣ, Петръ не любилъ также ни въ комъ неразумнаго, слѣпаго послушанія, при которомъ люди не знаютъ, что́ и зачѣмъ они дѣлаютъ. Оттого онъ во всѣхъ своихъ указахъ всегда и обстоятельно объяснялъ для всѣхъ, почему и зачѣмъ вводится каждый новый законъ. Еще больше Петръ не терпѣлъ рабскаго послушанія въ своихъ сотрудникахъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ содѣйствія и тѣмъ большей пользы, чѣмъ они больше будутъ сами размышлять о дѣлѣ и понимать его, а не слѣпо только исполнять приказанное. Разъ онъ написалъ Шереметеву: „Дай вмѣстѣ съ прочими генералами совѣтъ, какъ войну къ концу привести, только чтобъ въ письмѣ твоемъ отнюдь не было *какъ изволишь*“. Заставляя своихъ сотрудниковъ размышлять о каждомъ дѣлѣ и дѣлать его по своему разумѣнію, Петръ тѣмъ самымъ отучалъ ихъ и отъ небрежности въ дѣлахъ, отъ русскаго „авось“, ставя ихъ такимъ образомъ въ необходимость самимъ отвѣчать за свои дѣйствія, а не ссылаться на то, что „такъ-де было приказано“.

Особеннаго же труда стоило Петру искорененіе во многихъ изъ своихъ сотрудниковъ наиболѣе вредной и упорной привычки къ дармоѣдству, казнокрадству и лихоимству. Петръ всячески старался внушить имъ и всѣмъ прочимъ русскимъ людямъ чувство уваженія къ чужому добру, къ святости и

неприкосновенности государственнаго и общественнаго достоянія и чужой собственности. Но привычка кормиться на чужой счетъ была въ то время такъ сильна, что даже личный примѣръ государя мало дѣйствовалъ противъ нея, и это, вмѣстѣ со всякой другой ложью и небрежностью, постоянно выводило Петра, при его горячемъ характерѣ, изъ всякаго терпѣнія. Не будучи въ состояніи сдерживать болѣе свой гнѣвъ въ этихъ случаяхъ и желая съ корнемъ вырвать вредныя привычки изъ такихъ ослушниковъ, Петръ часто употреблялъ для этого особое средство, а именно — „дубинку"; такъ называлась трость, съ которою постоянно ходилъ государь. Какъ только до государя доходили слухи о лихоимствѣ котораго-нибудь изъ его сотрудниковъ, или онъ самъ замѣчалъ, что кто-нибудь изъ нихъ начиналъ жить роскошно, не по жалованью, Петръ тотчасъ-же призывалъ его къ себѣ, высылалъ изъ комнаты всѣхъ постороннихъ, запиралъ за собою дверь на ключъ, и съ глазу на глазъ начиналъ строго допрашивать, откуда у него появились деньги: „не отъ лихоимства-ли нажился?"... Обмануть государя было почти невозможно, и потому виновный волей-неволей признавался въ лихоимствѣ. Тогда Петръ бралъ виновнаго за плечо и, не разбирая чина и званія, сильно наказывалъ его дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ этомъ случаѣ не какъ императоръ со своими подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надо исправить. Сорвавши свой гнѣвъ, Петръ сейчасъ-же успокоивался, такъ что объ этомъ исправленіи никто даже никогда не узнавалъ: наказанный выходилъ изъ царской комнаты, обыкновенно, съ веселымъ лицомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Самъ государь, чтобы не дать постороннимъ замѣтить случившагося, милостиво провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или даже самъ отправлялся къ нему посидѣть. Но страшная бѣда угрожала тѣмъ лихоимцамъ и казнокрадамъ, которые не хотѣли добровольно сознаться въ своей винѣ и лгали передъ государемъ. Тогда

Петръ открывалъ передъ всѣми ихъ вину, отдавалъ притворщиковъ подъ судъ и, если судомъ подтверждалось ихъ преступленіе, то налагалъ на нихъ жестокое наказаніе, нерѣдко смертную казнь. Вообще Петръ не могъ переносить никакой лжи и нерадѣнія. Однажды онъ ѣхалъ по Петербургу въ одноколкѣ, вмѣстѣ съ петербургскимъ генералъ-полиціймейстеромъ Девьеромъ; подъѣзжая къ одному мосту, государь замѣтилъ, что съ моста этого снято нѣсколько досокъ, такъ что по нему проѣхать трудно. Петръ вспылилъ, выскочилъ изъ одноколки, приказалъ деньщику своему сейчасъ-же исправить мостъ, а полиціймейстера Девьера, за небреженіе о мостахъ, тутъ-же на мостовой поколотилъ дубинкой. Сорвавши сердце, Петръ успокоился, сѣлъ въ одноколку и, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ Девьеру: „садись, братъ“.

Распущенность русскихъ людей особенно сильно выражалась въ то время въ безобразномъ пьянствѣ, которому предавались тогда люди всякаго званія и состоянія, и не только не считали это большимъ порокомъ, но еще часто хвастались своимъ бражничаньемъ. При праздной жизни бражничанье дѣйствительно мало кому мѣшало; но при неустанной работѣ, къ которой Петръ призвалъ своихъ сотрудниковъ, безшабашное пьянство не только уже сильно мѣшало, но прямо вредило успѣшному ходу дѣлъ. Петръ, конечно, видѣлъ все это, а потому прежде всего поставилъ непремѣннымъ правиломъ для своихъ сотрудниковъ: „пей, да дѣло разумѣй“. У него уже нельзя было ни въ какомъ дѣлѣ отговариваться тѣмъ, что „хмѣленъ былъ“, что̀ считалось прежде чуть-ли не самою уважительною причиною. Никакая попойка, хотя-бы устроенная даже по волѣ самого Петра, не должна была, однако, служить отговоркой для дѣла. Не можешь во хмѣлю, или съ похмѣлья, успѣшно вести дѣло, такъ не пей вовсе, или-же пей столько, сколько не можетъ повредить ходу дѣла. Искоренять вовсе употребленіе спиртныхъ напитковъ, государь, разумѣется, не имѣлъ намѣренія. Петръ самъ любилъ повеселиться. Однако,

противъ безшабашнаго пьянства онъ первый не задумался употреблять особое и, можетъ быть, самое дѣйствительное средство: это — безпощадную насмѣшку. Насмѣшки Петра надъ пьянствомъ были на столько-же безпощадны, на сколько было безшабашно самое пьянство. Петръ выбралъ изъ среды близкихъ себѣ лицъ, менѣе способныхъ людей и самыхъ горькихъ пьяницъ, и составилъ изъ нихъ особое общество, или компанію, назвавъ ее „всешутѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ". Такъ какъ пьянство особенно казалось безобразнымъ въ особахъ духовнаго званія, то предсѣдателю этого потѣшнаго общества, своему бывшему учителю Никитѣ Зотову, горчайшему пьяницѣ, Петръ далъ названіе. „князя-папы". Государь давалъ вообще самыя обидныя клички членамъ этого „всепьянѣйшаго" собора и заставлялъ ихъ иногда публично разыгрывать самыя унизительныя роли, какъ напримѣръ, въ потѣшной женитьбѣ 70-ти лѣтняго „князя - папы" Зотова на вдовѣ - старухѣ Стремоуховой. Зотовъ, однако, не устыдился разыграть изъ себя шута, но только просилъ, чтобы ему дозволили „въ Москвѣ супружество принять неразглашательное и отъ разбивки злыхъ человѣкъ петербургскимъ жителямъ сокровенное". Петръ, однако, отпраздновалъ шутовскую свадьбу Зотова публично въ Москвѣ, нарядивъ всѣхъ гостей въ шутовскіе костюмы и проведя свадебную процессію по улицамъ Москвы, при звукахъ потѣшной музыки изъ тарелокъ, свистковъ и трещетокъ, при насмѣшливыхъ крикахъ всего народа. Особенно-же солоно приходилось членамъ „всепьянѣйшаго" собора отъ принудительнаго питья. Они обязаны были пить въ собраніи насильно, изъ огромныхъ сосудовъ, и часто послѣ одного такого „собранія" многіе изъ нихъ были больны по недѣлямъ. Вообще, быть членомъ „всепьянѣйшаго" собора было не сладко и почетъ этотъ на многихъ наводилъ даже страхъ. Но никакой пьяница, избранный въ члены собора, не могъ уже отказаться отъ этой чести и долженъ былъ волей-неволей нести свою пьяную долю. Такимъ образомъ, посредствомъ „всепьянѣйшаго собора" Петръ, можетъ

быть, впервые пошатнулъ въ высшемъ классѣ русскаго общества вѣками укоренившуюся привычку къ безобразному пьянству, считавшемуся до того времени извинительною и даже до нѣкоторой степени уважительною слабостью. Какъ необыкновенно умный человѣкъ, Петръ никогда ничего не дѣлалъ безъ цѣли, а потому воспользовался „всепьянѣйшимъ соборомъ“ и для осмѣянія разныхъ другихъ вредныхъ привычекъ отдѣльныхъ русскихъ людей, какъ напримѣръ притворства, ханжества, пристрастія къ чисто-внѣшнимъ обрядамъ, склонности къ пустому и праздному краснобайству и проч. Тѣмъ-же „соборомъ“ Петръ воспользовался и для пріученія даже отборныхъ пьяницъ къ умѣнью подчиняться повиновенію. Всѣ собранія „всепьянѣйшаго собора“ происходили по особо составленнымъ самимъ Петромъ уставамъ или правиламъ, которымъ всѣ члены собора обязаны были безпрекословно подчиняться, подъ опасеніемъ выпить не переводя духъ „большаго орла“... Петръ даже пріучалъ членовъ „всешутѣйшаго собора“ къ выборнымъ порядкамъ, заставляя ихъ самихъ избирать изъ своей среды „большинствомъ голосовъ“ наиболѣе подходящихъ людей на разныя шутовскія должности. Петръ собиралъ всешутѣйшій соборъ довольно часто, какъ только у него было свободное время, и, по своему обыкновенію, всегда самъ строго наблюдалъ за соблюденіемъ въ этихъ собраніяхъ разныхъ правилъ, и даже самъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ „собора“, хотя, разумѣется, никогда не бывалъ послѣ этого боленъ.

Петръ съ одинаковою строгостью наблюдалъ и за всѣми сотрудниками изъ иноземцевъ. Государь замѣтилъ, что приглашаемые имъ на русскую службу иноземцы, будучи у себя на родинѣ людьми добропорядочными, скоро становились въ Россіи худшими, нежели самые порочные русскіе люди. Поэтому, учреждая Академію наукъ, Петръ приказалъ устроить для ученыхъ иноземцевъ совершенно отдѣльное помѣщеніе, снабдивъ ихъ всѣмъ необходимымъ, „дабы ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучи-

лись ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно, понеже суть образцы такіе: которые въ отечествѣ своемъ добронравны, бывши съ роскошниками и пьяницами, въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, нежели прибыли учинили“.. Въ виду этого приходилось иногда подвергать иноземцевъ наказаніямъ, не исключая даже сѣченія розгами. Даже изъ наиболѣе полезныхъ и близкихъ къ государю иноземцевъ, какъ напримѣръ Виніусъ, подвергались иногда за нерадѣніе о службѣ и злоупотребленія отрѣшенію отъ должности и наложенію огромнаго денежнаго взысканія. Однажды, какой-то иноземецъ представилъ государю планъ учрежденія морскаго корпуса, подробно объясняя въ запискѣ своей будто-бы пользу государству отъ предлагаемаго имъ способа устройства училища, а на самомъ дѣлѣ, имѣя въ виду лишь собственныя выгоды. Петръ сейчасъ-же замѣтилъ хитрую мысль иноземца и написалъ на запискѣ: „Этого не должно: ибо болѣе клонится къ лакомству и карману, нежели къ службѣ“, а потомъ велѣлъ объявить этому иноземцу, что если онъ не хочетъ дѣло дѣлать безъ прихотей, „то чтобъ отдалъ взятое жалованье и выѣхалъ изъ сей земли“.

Такимъ образомъ, благодаря различнымъ мѣрамъ, принятымъ Петромъ, и его неусыпному личному наблюденію, ему удалось подготовить себѣ многихъ, хотя и не освободившихся совсѣмъ отъ дурныхъ привычекъ, но дѣйствительно способныхъ и дѣятельныхъ помощниковъ, которыхъ хватило не на одно его царствованіе.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ Петра самымъ замѣчательнымъ и наиболѣе близкимъ къ государю человѣкомъ былъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ. По лѣтамъ, Меншиковъ былъ ровестникъ Петру: онъ родился въ одно время съ нимъ, въ 1672 году. Меншиковъ былъ очень незнатнаго происхожденія, сынъ простолюдина, придворнаго конюха. Отецъ сначала отдалъ его въ разнощики къ москов-

скому пирожнику, и четырнадцатилѣтній Меншиковъ началъ торговать по Москвѣ въ разносъ пирогами. При этомъ онъ отличался необыкновеннымъ балагурствомъ и разными остроумными выходками, чтобы заманить къ себѣ побольше покупателей. Этого забавнаго мальчика скоро замѣтилъ иноземецъ Лефортъ, бывшій въ большой дружбѣ съ Петромъ. Лефорту такъ понравился Меншиковъ, что онъ переманилъ его отъ пирожника къ себѣ въ услуженіе. Юный Меншиковъ, своею смѣтливостію, умѣньемъ угодить, вѣрностью и чрезвычайно веселымъ нравомъ, еще болѣе понравился Лефорту. Однажды къ Лефорту зашелъ государь и увидалъ тамъ Меншикова. Петру сразу понравился расторопный, бойкій и остроумный мальчуганъ. Государь взялъ его къ себѣ въ услуженіе, а потомъ, за его необыкновенную понятливость и исполнительность, записалъ Меншикова къ себѣ въ потѣшный полкъ, оставивъ его, въ то же время, при себѣ камердинеромъ. Съ тѣхъ поръ Петръ не разлучался съ Меншиковымъ. Государь даже ложась спать, клалъ его у своихъ ногъ на полу. Огромныя способности, необыкновенная любознательность, сильная воля и чрезвычайная расторопность Меншикова съ каждымъ годомъ все больше располагали къ нему государя. Петръ сталъ называть его за-просто „Алексашкой“, „Алексашей“, а впослѣдствіи — „Данилычемъ“. Случалось, правда, что вспыльчивый Петръ иногда выражалъ Даниловичу свой гнѣвъ и даже бивалъ его, но Меншиковъ своею покорностью и терпѣливостью скоро вновь снискивалъ себѣ прежнюю любовь государя. Петръ, необычайно склонный къ общительности, привязался, наконецъ, къ Меншикову до такой степени, что не отпускалъ уже его отъ себя и сталъ брать его съ собою всюду: въ походы, за границу и во всѣ свои поѣздки. За Азовскій походъ Меншиковъ получилъ первый офицерскій чинъ, и съ тѣхъ поръ быстро пошелъ въ гору. Во время поѣздокъ съ государемъ за границу, Меншиковъ основательно ознакомился съ нѣмецкимъ и голландскимъ языками и нѣкоторыми науками,

а при дворахъ иноземныхъ государей и въ домахъ разныхъ иностранныхъ вельможъ, быстро присмотрѣлся ко всѣмъ пріемамъ свѣтскаго обхожденія. По возвращеніи въ Россію, Меншиковъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ и наиболѣе понятливымъ сотрудникомъ Петра во всѣхъ его дѣлахъ: и въ бояхъ со шведами, и въ различныхъ преобразованіяхъ Россіи, и особенно по строенію Петербурга, главное наблюденіе надъ которымъ было поручено Меншикову, назначенному губернаторомъ новой столицы. За особое отличіе въ Полтавской битвѣ Меншиковъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Желая еще болѣе возвысить своего любимца, Петръ выхлопоталъ для него у австрійскаго императора титулъ „свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи". Съ той поры первымъ вельможею въ государствѣ сдѣлался Меншиковъ, этотъ, по выраженію поэта Пушкина, „счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ". Дѣйствительно, Меншиковъ лучше всѣхъ понималъ великія намѣренія Петра и былъ самымъ способнымъ и умѣлымъ исполнителемъ его плановъ. Онъ былъ правой рукой государя. Въ отсутствіе Петра, безъ Меншикова всѣ дѣла приходили въ замѣшательство. За то Петръ высоко цѣнилъ незамѣнимую опытность въ дѣлахъ и чрезвычайную ловкость своего любимца. Самая наружность Меншикова была замѣчательна: онъ былъ строенъ, высокъ ростомъ, худощавъ, съ пріятными чертами лица, съ очень умными, живыми глазами; любилъ одѣваться великолѣпно и въ высшей степени опрятно. Рѣчь его отличалась необыкновенной ясностью; онъ былъ проницателенъ, необычайно подвиженъ и энергиченъ въ дѣлахъ и умѣлъ безошибочно выбирать людей.

Щедро награждая огромныя заслуги Меншикова, Петръ, однако, принужденъ былъ часто выражать сильнѣйшее свое негодованіе на многіе изъ его поступковъ. Ни съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ Петръ не наживалъ себѣ столько хлопотъ, какъ съ Меншиковымъ, постоянно попадавшимся въ разныхъ преступленіяхъ. Обладая многими замѣчательными

достоинствами, Меншиковъ, въ то же время, отличался разными дурными привычками тогдашнихъ русскихъ людей, особенно же гордостью, страстью къ своеволію и притворству и неискоренимою наклонностью къ наживѣ на чужой счетъ. Надменность и гордость Меншикова отталкивали отъ него даже его сотоварищей и часто отвращали отъ него самого Петра, а своеволіе Меншикова нерѣдко вызывало сильнѣйшій гнѣвъ государя. Народъ также не любилъ Меншикова и говорилъ про него: „всѣ тѣ ереси отъ еретика, Александра Меншикова". Особенно казалась неискоренимою въ Меншиковѣ его страсть къ казнокрадству и лихоимству, не смотря на то, что онъ и безъ того былъ чрезвычайно богатъ и постоянно осыпаемъ милостями и наградами государя.

Еще во время пребыванія Меншикова съ русскими войсками въ Польшѣ, онъ навлекъ на себя немилость Петра своимъ непомѣрнымъ грабительствомъ, и хотя успѣлъ испросить себѣ прощеніе, но государь пересталъ уже питать къ нему прежнее безграничное довѣріе. Только ради его огромныхъ способностей, несомнѣнныхъ заслугъ и незамѣнимой опытности и ловкости въ дѣлахъ, а также ради прежней своей дружбы къ нему, государь продолжалъ поручать ему самыя важныя дѣла и не отнималъ отъ него дарованной ему высокой чести. Но уже въ 1712 году, Петръ, отправляя Меншикова съ войсками въ Померанію, писалъ ему: „Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію, не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя". Но, несмотря на всѣ угрозы, Меншиковъ нѣкоторыми своими своевольными поступками въ Помераніи еще болѣе раздражилъ Петра, и, при всей своей ловкости и умѣньѣ вывертываться, едва успѣлъ избѣжать тяжкаго наказанія. Въ 1715 году открылись за Меншиковымъ новыя злоупотребленія по управленію Петербургскою губерніею. Надъ нимъ и нѣкоторыми изъ его сотоварищей было

назначено слѣдствіе, которое привело къ начету на Меншикова нѣскольких сотъ тысячъ рублей казенныхъ денегъ. Государь былъ страшно разгнѣванъ. Въ раздраженіи онъ укорялъ Меншикова въ притворствѣ и говорилъ, что онъ представляетъ ему „честныхъ людей плутами, а плутовъ честными людьми“. Меншиковъ просилъ помилованія у царя, въ уваженіе хотя-бы того, что онъ во всѣ годы своего прошедшаго управленія доставлялъ казнѣ много пользы, и пытался также умилостивить государя, пожертвовавъ безплатно огромное количество провіанта изъ своихъ запасовъ въ пользу войска, терпѣвшаго въ то время въ Финляндіи большую нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Кромѣ того, Меншиковъ нашелъ себѣ ревностную заступницу въ лицѣ супруги государя, царицы Екатерины, которая вообще постоянно ходатайствовала предъ государемъ за всѣхъ опальныхъ, а за Меншикова въ особенности, такъ какъ этотъ ловкій вельможа успѣлъ оказать ей прежде важныя услуги. Къ счастью также Меншикова, въ это время возникло дѣло царевича, государю было уже не до него, и Меншиковъ отдѣлался только большимъ денежнымъ штрафомъ. Снова возвративъ себѣ разными услугами довѣріе государя, Меншиковъ былъ назначенъ даже въ члены верховнаго суда, для раскрытія разныхъ злоупотребленій по управленію; но въ этихъ злоупотребленіяхъ прежде всего оказался замѣшаннымъ самъ Меншиковъ. Однако, благодаря своей ловкости и заступничеству Екатерины, онъ опять успѣлъ испросить себѣ прощеніе у государя, отдѣлавшись лишь уплатою громаднаго штрафа, въ 100,000 червонцевъ. Не смотря на это, онъ вскорѣ снова попался въ незаконномъ присвоеніи земель и людей къ своему новопожалованному имѣнію въ Малороссіи. Меншиковъ долженъ былъ повиниться во всемъ и слезно просилъ у государя „милостиваго прощенія и отеческаго разсужденія“. Онъ поспѣшилъ также обратиться за ходатайствомъ къ государынѣ, и Екатерина настойчиво просила за него государя. Петръ сказалъ ей: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ,

во грѣхахъ родился и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой". Тѣмъ не менѣе государь и на этотъ разъ простилъ его, ради его великихъ заслугъ, но прибавилъ: „если онъ не исправится, то быть ему безъ головы". Не прошло, однако, и года, какъ, въ 1723 же году, Меншиковъ опять навлекъ на себя гнѣвъ государя: онъ накупилъ въ свой домъ на казенный счетъ мебели, содержалъ на казенныя деньги свою прислугу и попался во многихъ другихъ злоупотребленіяхъ по управленію губерніей и Кронштадтомъ. Петръ отнялъ отъ него подаренныя ему имѣнія въ Малороссіи, лишилъ его выгоднаго табачнаго откупа, а также званія псковскаго намѣстника, и кромѣ того наложилъ на него штрафъ въ 200,000 рублей. Вдобавокъ, государь наказалъ его изъ собственныхъ рукъ „дубинкою", и послѣ того пересталъ допускать его къ себѣ на глаза. Только настойчивыя просьбы Екатерины снова вернули Меншикову нѣкоторое расположеніе государя. Петръ самъ пріѣхалъ къ нему и, увидавъ на стѣнахъ въ его домѣ бѣдныя обои, спросилъ: что это значитъ? Меншиковъ, притворившись бѣднякомъ, отвѣтилъ: „Я долженъ былъ продать свои богатыя обои, чтобы расплатиться съ казною". Петру не понравился этотъ лицемѣрный отвѣтъ, онъ строго взглянулъ на Меншикова и сказалъ: „Если я пріѣду къ тебѣ на первую ассамблею и не найду твой домъ убраннымъ прилично твоему сану, ты у меня заплатишь еще большій штрафъ". Меншиковъ поспѣшилъ исполнить замѣчаніе государя, и Петръ больше уже не вспоминалъ о прошломъ. Но уже въ мартѣ слѣдующаго года Меншиковъ опять раздражилъ государя новыми злоупотребленіями, и Петръ лишилъ его, наконецъ, губернаторской должности, званія президента военной коллегіи и пересталъ вовсе видѣться съ нимъ. Только въ началѣ 1725 года, передъ самой кончиной своею, Петръ, по настоянію императрицы Екатерины, примирился съ Меншиковымъ и допустилъ прежняго друга своей юности къ своей смертной постели. Вообще, только чрезвычайное счастье благопріятствовало Меншикову и

лишь его необыкновенныя ловкость и изворотливость спасали его отъ тяжкаго наказанія, къ которому присуждаемы были многіе изъ его сотоварищей, попадавшихся въ одинаковыхъ съ нимъ преступленіяхъ.

Не смотря на свои чрезвычайныя способности, Меншиковъ все-таки не понималъ самого духа преобразованій Петра, и былъ хотя и ловкимъ, но только чисто-внѣшнимъ исполнителемъ его намѣреній. Вмѣстѣ съ многими другими, онъ усвоилъ себѣ лишь наружную сторону преобразованій Петра, какъ это многіе дѣлали долго еще и послѣ смерти Петра. Оттого дурныя привычки Меншикова брали перевѣсъ надъ его огромными достоинствами, и только желѣзная воля Петра могла сдерживать въ немъ до извѣстной степени дурныя страсти, по крайней мѣрѣ, наружно; внутренно-же Меншиковъ готовъ былъ ни передъ чѣмъ не останавливаться для своего возвышенія и обогащенія. Словомъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ, только наружныхъ послѣдователей Петра и введенной имъ образованности, въ душѣ же оставался такимъ-же стариннымъ человѣкомъ, какими были и многіе другіе его современники. Какъ до Петра русскіе люди отличались особенною преданностью преимущественно внѣшнимъ русскимъ обрядамъ и обычаямъ, такъ и послѣ Петра они долго еще подражали только внѣшней введенной имъ образованности. Подобно тому, какъ громадное зданіе видно все только издали, а не вблизи, такъ и весь великій духовный образъ Петра, воплотившаго въ себѣ самый духъ русскаго народа, сталъ лучше видѣнъ лишь издали, только позднѣйшимъ поколѣніямъ, а не его современникамъ. Меншиковъ отличался отъ другихъ своихъ современниковъ только тѣмъ, что съ чрезвычайною смѣлостью и рѣшительностью прямо сталъ на сторонѣ внѣшнихъ преобразованій Петра. Въ этомъ отношеніи онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ; это и было причиной того, что послѣ смерти Петра, когда началось общее увлеченіе внѣшнею образованностью, Меншиковъ сталъ играть первенствующую роль въ

государствѣ. Самъ Петръ не терпѣлъ въ Меншиковѣ, какъ и въ другихъ своихъ сотрудникахъ, этого притворнаго, только наружнаго подражанія ему, но государь все-таки видѣлъ, что такая безповоротная преданность, хотя-бы и чисто-внѣшнимъ его преобразованіемъ, какая въ особенности проявлялась въ Меншиковѣ, можетъ навсегда обезпечить успѣхъ и всѣхъ вообще его преобразованій и сдѣлать совершенно невозможнымъ возвращеніе къ прежнему гражданскому нестроенію; поэтому, говоря своему сыну: „лучше чужой, да добрый, нежели свой непотребный“, Петръ подъ „чужимъ“, можетъ быть, разумѣлъ Меншикова.

Замѣчательный также примѣръ большихъ способностей и, въ то же время, дурныхъ наклонностей представлялъ другой сотрудникъ Петра, графъ Толстой, не разъ оказывавшій Петру и государству большія услуги своимъ чрезвычайно изворотливымъ умомъ. Даже иностранцы называли Толстого „умнѣйшею головою въ Россіи“. Но этотъ человѣкъ тоже не брезгалъ никакими средствами, чтобы самому возвыситься. Участвуя, во время молодости Петра, въ стрѣлецкомъ бунтѣ противъ него, Толстой, впослѣдствіи, чтобы снискать себѣ расположеніе государя, самъ отправился учиться за границу, будучи уже 52 лѣтъ отъ роду. Потомъ онъ постепенно возвысился, пользуясь покровительствомъ своихъ родственниковъ и даже посредствомъ подарковъ вліятельнымъ лицамъ. Канцлеръ Головкинъ доставилъ ему за подарки мѣсто русскаго посланника въ Константинополѣ. Здѣсь Толстой былъ полезнымъ дѣятелемъ и оказалъ важныя услуги государству, но, въ то же время, попался въ казнокрадствѣ. Узнавъ, что посольскій секретарь донесъ на него въ Петербургъ о растратѣ имъ казенныхъ денегъ, Толстой нарочно обвинилъ самого секретаря въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ турецкими властями, осудилъ его на смерть и заставилъ его при всѣхъ выпить яду. По возвращеніи изъ Турціи, Толстой далъ Меншикову 20,000 рублей и чрезъ это получилъ близкое къ государю мѣсто. Но Петръ не со-

всѣмъ вѣрилъ въ преданность прежняго бунтовщика. Разсказываютъ, что не разъ во время веселаго пира Петръ сдергивалъ съ Толстаго парикъ и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: „Эхъ, голова, голова! какъ-бы не такъ умна была, давно-бы и отрубить тебя велѣлъ“.

Другіе сотрудники Петра тоже не были избавлены отъ многихъ старинныхъ дурныхъ привычекъ, хотя и далеко не въ такой степени, какъ Меншиковъ и Толстой. Къ числу наиболѣе честныхъ и замѣчательныхъ сотрудниковъ Петра слѣдуетъ отнести умнаго и образованнаго полководца, фельдмаршала Шереметева, а также чрезвычайно трудолюбиваго и преданнаго государю вельможу Неплюева и ученыхъ дѣльцевъ—графа Брюса, Миниха и Татищева. Къ полезнымъ также сотрудникамъ Петра слѣдуетъ причислить весьма опытныхъ дипломатовъ: Украинцева, Куракина, Матвѣева и Волынскаго.

Нѣкоторые-же изъ сотрудниковъ Петра заслужили даже громкую извѣстность своею смѣлою и отважною прямотою. Особенно въ этомъ отношеніи отличался сенаторъ князь Яковъ Долгорукій. Однажды сенаторы, въ его отсутствіе, назначили для работъ въ Ладожскомъ каналѣ крестьянъ изъ двухъ ближайшихъ губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ шведской войны, и указъ объ этомъ былъ уже подписанъ ими и утвержденъ государемъ. Придя на другой день въ сенатъ и узнавши объ этомъ постановленіи, князь Долгорукій нашелъ его въ высшей степени несправедливымъ, сталъ порицать его и сгоряча разорвалъ этотъ указъ, подписанный самимъ государемъ. Въ это время вошелъ въ сенатъ Петръ и, услыхавъ о поступкѣ Долгорукаго, такъ сильно вспылилъ, что занесъ даже руки и спросилъ Долгорукаго, какъ онъ осмѣлился сдѣлать столь тяжкое преступленіе? Долгорукій отвѣчалъ: „Обѣ губерніи потерпѣли въ войну больше всѣхъ остальныхъ, а потому лучше собрать рабочихъ съ другихъ губерній, понемногу съ каждой, да послать на работу плѣнныхъ шведовъ“. Сказавъ это, Долгорукій повинился въ своемъ дерзкомъ поступкѣ и про-

Петръ I и царевичъ Алексѣй по возвращеніи изъ бѣгства.

силъ прощенія. Петръ простилъ, велѣлъ исполнить совѣтъ Долгорукаго, но замѣтилъ только, чтобы онъ былъ впередъ осторожнѣе. Государь говаривалъ о Долгорукомъ: „Князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ. Онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо“.

Подобною же смѣлостью характера отличался и адмиралъ Сиверсъ. Однажды, производя ученье флоту въ Кронштадтѣ, государь, вслѣдствіе происшедшей путаницы въ движеніяхъ флота, остался очень недоволенъ нѣкоторыми командирами кораблей и велѣлъ посадить ихъ подъ арестъ. Адмиралъ Сиверсъ вступился за нихъ и затѣялъ горячій споръ съ государемъ, говоря, что онъ самъ виноватъ въ происшедшемъ безпорядкѣ. Петръ нисколько не разгнѣвался на дерзкія, но справедливыя слова адмирала.

Особое мѣсто между всѣми сотрудниками Петра занималъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, начальникъ тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ. Онъ отличался рѣдкою неподкупностью, его ни за какія сокровища нельзя было склонить къ попустительству, или поблажкѣ, но въ немъ съ особенною силою сказывался страшный недостатокъ того времени, свойственный многимъ стариннымъ людямъ, это—жестокость, доходившая почти до кровожадности. У Ромодановскаго и шутки были не человѣческія. Онъ даже на дому у себя держалъ медвѣдя, который подавалъ приходившему гостю большую чарку перцовки, и, въ случаѣ отказа пить, хваталъ гостя за платье и срывалъ съ его головы парикъ или шапку. Кто-же попадался въ руки Ромодановскаго по дѣлу на розыскѣ, тотъ уже заранѣе долженъ былъ считать себя погибшимъ. Одно имя Ромодановскаго наводило на многихъ трепетъ. Правда, въ то время жестокость была вообще въ обычаѣ, но не въ такой степени, какъ у Ромодановскаго. Петръ цѣнилъ его неподкупность, но называлъ его „звѣремъ“ и постоянно назначалъ его на разныя шутовскія роли: онъ сдѣлалъ его чле-

номъ „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“, далъ ему насмѣшливое названіе „князя-кесаря“, какъ Зотову далъ прозвище „князя-папы“, и заставлялъ его быть участникомъ всякаго неумѣреннаго пиршества.

Кромѣ постоянныхъ сотрудниковъ по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ, у Петра были еще второстепенные помощники, на разныхъ поприщахъ полезной дѣятельности, хорошо понимавшіе значеніе его преобразованій, трудившіеся въ его духѣ и большею частью выведенные въ люди самимъ государемъ. Однажды Петръ производилъ испытаніе пріѣхавшимъ послѣ ученія изъ-за-границы молодымъ русскимъ дворянамъ. Замѣтивъ около одного дворянина не отходившаго отъ него слугу и какъ-будто старавшагося подсказать отвѣтъ своему барину, Петръ спросилъ его, что ему нужно; слуга объяснилъ, что онъ родомъ калмыкъ, былъ съ своимъ бариномъ за-границей, присматривался и прислушивался къ его ученью и кое-чему подучился. Государь проэкзаменовалъ калмыка и увидѣлъ, что онъ многому отлично выучился, тогда какъ баринъ его почти ничему не научился. Государь произвелъ калмыка въ офицеры, а барина отдалъ ему въ команду простымъ матросомъ. Калмыкъ сталъ прозываться Калмыковымъ и дослужился до большаго чина. Въ другой разъ Петръ, будучи въ Голландіи, въ Амстердамѣ, зашелъ къ одному учившемуся тамъ русскому и увидѣлъ за столомъ его сына, 14-лѣтняго мальчика, что-то чертившаго на листѣ бумаги, но при входѣ государя сейчасъ-же спрятавшаго этотъ листъ въ карманъ. Государь велѣлъ показать листъ и увидѣлъ, что мальчикъ срисовывалъ голландскую картину. — „Развѣ любишь рисовать?“ спросилъ его Петръ, самъ въ то время съ любовью учившійся рисованію. — „Люблю, отвѣчалъ мальчикъ: да учиться не у кого“. Государь отдалъ его въ ученье. Чрезъ нѣсколько лѣтъ мальчикъ этотъ, по фамиліи Никитинъ, съ успѣхомъ окончилъ ученье и вернулся въ Петербургъ, въ ночь на Свѣтлый праздникъ. Государь узналъ про это въ церкви,

и послѣ службы тотчасъ-же пошелъ къ Никитину, поздравилъ съ пріѣздомъ, похристосовался съ нимъ, узналъ объ его успѣхахъ и горячо благодарилъ за ученье. Никитинъ сдѣлался первымъ извѣстнымъ русскимъ художникомъ.

Петръ, считавшійся лучшимъ морякомъ въ Россіи, нашелъ, однако, соперника себѣ и въ искусствѣ мореплаванія, въ лицѣ капитанъ-лейтенанта Ѳедора Муханова. Мухановъ учился мореплаванію вмѣстѣ съ Петромъ въ Голландіи и достигъ въ этомъ дѣлѣ такого искусства, что прозванъ былъ „русскимъ голландцемъ" и даже съумѣлъ самъ составить правила навигаціи. Петръ говаривалъ, что онъ лучше Муханова понимаетъ оснастку корабля, но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступитъ Ѳедору. Однажды, прочитывая вмѣстѣ съ Мухановымъ составленныя имъ правила навигаціи, государь затѣялъ съ нимъ споръ, который они положили рѣшить на опытѣ, на морѣ. Мухановъ былъ командиромъ 30-пушечнаго фрегата Арондель, и въ назначенный день на этотъ корабль приглашены были въ свидѣтели состязанія всѣ флагманы и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи. „Русскій голландецъ", дѣйствительно, одержалъ верхъ надъ Петромъ, и государь въ благодарность подарилъ на его корабль образъ Спаса, а въ память проведенной ночи въ его каютѣ отдалъ ему съ себя рубашку.

Къ числу полезныхъ дѣятелей, въ сотрудничествѣ съ которыми государь не разъ также трудился, принадлежали: его кабинетъ-секретарь Макаровъ, механикъ-самоучка Сердюковъ, типографы Поликарповъ и Абрамовъ, писатель-крестьянинъ Посошковъ, ученый математикъ Магнитскій, токарный мастеръ Нартовъ, промышленные и торговые люди—Демидовы, Строгановы, Гончаровы, Соловьевы и нѣкоторые другіе.

Важнѣйшими сотрудниками Петра по дѣламъ церковнаго управленія были: митрополитъ Стефанъ Яворскій, архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и архіепископъ Дмитрій Ростовскій. Всѣ эти высшія духовныя лица были избраны Петромъ изъ среды малороссійскаго духовенства, которое въ

то время отличалось наиболѣе значительнымъ просвѣщеніемъ, благодаря издавна существовавшей въ Кіевѣ славяно-греко-латинской духовной академіи.

Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій и муромскій, славился своею ученостью и искусствомъ краснорѣчивѣйшаго проповѣдника. Онъ долго сначала уклонялся отъ архіерейскаго сана и намѣревался жить на родинѣ въ уединеніи, но, за его способности и познанія, онъ былъ посвященъ въ митрополиты, а потомъ назначенъ „блюстителемъ патріаршаго престола“ и первымъ предсѣдателемъ св. синода. Однако, и послѣ того Стефанъ Яворскій нѣсколько разъ просилъ государя отпустить его въ Малороссію, но Петръ старался привлекать полезныхъ людей къ службѣ, а не къ покою, и не отпустилъ Яворскаго. Главная заслуга Яворскаго состояла вообще въ дѣятельной защитѣ православія, ради предупрежденія всякой опасности для православной церкви отъ открывшихся тогда дѣятельныхъ сношеній съ западно-европейскими народами и отъ народившагося раскола внутри Россіи. Главное его сочиненіе „Камень вѣры“ было написано въ опровержение лютеранства, но въ своихъ нападкахъ противъ иноземныхъ ересей, равно какъ и въ преслѣдованіи раскола, Стефанъ Яворскій, по свойственному тогда всѣмъ русскимъ людямъ неумѣнью сдерживать себя, часто переступалъ всякую мѣру, обнаруживая совершенно излишнюю горячность и подчасъ даже жестокость, что̀ не особенно нравилось государю.

Яворскій не всегда потакалъ и самому Петру. Нерѣдко въ своихъ проповѣдяхъ онъ охуждалъ брадобритіе, учрежденіе фискаловъ и разныя другія мѣры. Петръ прощалъ все это ученому и краснорѣчивому святителю. Однажды, въ 1712 году, во время пребыванія царевича Алексѣя за-границей для ученія, въ день св. Алексѣя человѣка Божія, Яворскій въ соборѣ въ проповѣди, не называя прямо имени государя, началъ, однако, довольно ясно и рѣзко порицать поступки Петра, его преобразованія, установленіе строгихъ гражданскихъ поряд-

ковъ, нарушеніе покоя русскихъ людей, высказывалъ горькое сожалѣніе объ учившемся за-границей царевичѣ Алексѣѣ и называлъ его „единой надеждой Россіи". Церковь была полна молящимися, между которыми были и близкіе къ государю сановники. Петру сейчасъ-же обо всемъ доложили. Государь, однако, не наложилъ на Яворскаго никакой опалы, а замѣтилъ только, что самъ святитель первый не соблюлъ церковнаго правила, обличая прямо при всѣхъ въ церкви, ибо, по Евангелію, надо: „перво одному, потомъ со свидѣтели"...

Настоящимъ же сотрудникомъ Петра по церковному управленію, болѣе всѣхъ понимавшимъ намѣренія государя и дѣятельно ему помогавшимъ, былъ епископъ новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, родомъ также малороссъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ обладалъ необыкновеннымъ умомъ, а по ученію не имѣлъ себѣ равнаго. Въ молодости онъ учился въ Кіевской духовной академіи, потомъ усовершенствовался въ наукахъ въ западно-европейскихъ высшихъ духовныхъ училищахъ. Его знали за-границей почти всѣ ученые. Вернувшись въ Кіевъ, онъ сдѣлался преподавателемъ Кіевской духовной академіи. Въ 1706 году, по случаю войны со шведами, Петръ посѣтилъ Кіевъ и зашелъ въ Софійскій соборъ. По окончаніи богослуженія вышелъ на амвонъ молодой монахъ и произнесъ проповѣдь, въ которой краснорѣчиво, но безъ всякаго пустословія, просто и ясно, высказалъ много мыслей, согласовавшихся съ мыслями самого Петра и чрезвычайно понравившихся ему. Государь спросилъ имя проповѣдника. Это былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Послѣ Полтавской побѣды Прокоповичъ снова встрѣтилъ государя въ Кіевѣ и опять сказалъ рѣчь, въ которой также обнаружилъ близкое пониманіе намѣреній Петра, и эта рѣчь очень понравилась Петру. Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ вскорѣ вызванъ къ государю въ прутскій походъ, а потомъ назначенъ, по волѣ государя, ректоромъ Кіевской академіи. Въ 1715 году онъ былъ уже вызванъ въ Петербургъ, а въ 1718 году посвященъ, помимо даже его желанія, въ архіе-

реи и назначенъ епископомъ псковскимъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ лучше всѣхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ лицъ, понималъ значеніе преобразованій Петра и не разъ въ проповѣдяхъ своихъ объяснялъ цѣль и смыслъ этихъ преобразованій. Государь сдѣлалъ его однимъ изъ главныхъ своихъ сотрудниковъ. Умъ и ученость Ѳеофана, а особенно его искусство владѣть перомъ оказали большое содѣйствіе Петру преимущественно въ преобразованіяхъ церковнаго управленія и монастырскаго быта, а также въ дѣлѣ образованія православнаго духовенства и духовнаго просвѣщенія народа. Ѳеофанъ принималъ особенно дѣятельное участіе въ учрежденіи синода, онъ-же трудился вмѣстѣ съ государемъ и надъ составленіемъ знаменитаго „Духовнаго регламента". Петръ постоянно обращался къ Ѳеофану по всѣмъ дѣламъ, которыя требовали его ученаго содѣйствія и смѣлой мысли. Ѳеофанъ во многомъ сходился со взглядами великаго государя. Особенно онъ не терпѣлъ, какъ и государь, притворства, лицемѣрія, ханжества, приверженности къ однимъ лишь внѣшнимъ обрядамъ и страсти къ преніямъ о вѣрѣ въ людяхъ невѣжественныхъ. Ѳеофанъ сдѣлался близкимъ къ государю человѣкомъ; Петръ чрезвычайно полюбилъ епископа, бывалъ его частымъ гостемъ и любилъ слушать его умную и острую бесѣду.

Замѣчательнымъ также человѣкомъ изъ лицъ малороссійскаго духовенства, трудившимся въ духѣ Петра, былъ епископъ Дмитрій Ростовскій, знаменитый составитель „Четіихъ-Миней" или житій святыхъ, причисленный впослѣдствіи къ лику святыхъ. Еще въ 1700 году онъ былъ вызванъ изъ Малороссіи и назначенъ митрополитомъ тобольскимъ; но Дмитрію, занятому составленіемъ Четіихъ-Миней, страшно не хотѣлось удаляться въ Сибирь, и онъ заболѣлъ съ горя; тогда государь назначилъ его митрополитомъ ростовскимъ. Въ Ростовѣ св. Дмитрій трудился до гроба на пользу духовнаго просвѣщенія народа, продолжалъ составлять житія святыхъ, писалъ проповѣди, завелъ при своемъ митрополичьемъ домѣ для дѣтей

духовнаго званія школу, въ которой самъ исполнялъ учительскія обязанности, и въ то же время постоянно старался разсѣевать заблужденія раскольниковъ, въ опровerженіе которыхъ онъ написалъ знаменитую книгу: „Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ“. Въ своихъ проповѣдяхъ св. Дмитрій постоянно поддерживалъ предпринимаемыя государемъ преобразованія. Однажды, когда въ Ростовѣ былъ полученъ царскій указъ служилымъ людямъ о бритьѣ бородъ, къ митрополиту Дмитрію, шедшему изъ собора послѣ обѣдни домой, подошли два человѣка съ бородами, и сказали ему: „Владыко святой, какъ ты велишь? велятъ намъ по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить: лучше намъ пусть головы отсѣкутся, чѣмъ бороды обрѣютъ!“ Изумленный такимъ вопросомъ, Дмитрій спросилъ ихъ: „Что отростетъ—голова ли отсѣченная, или борода обритая?“ Тѣ, помолчавши, отвѣчали: „борода отростетъ—а голова нѣтъ“.— „Такъ вамъ лучше не пощадить бороды, которая десять разъ обритая отростетъ, чѣмъ потерять голову, которая, разъ отсѣченная, уже не отростетъ никогда“,—сказалъ митрополитъ и пошелъ въ свою келію. Но слѣдомъ за нимъ пришло къ нему еще много другихъ горожанъ, которые, обривши бороды, стали сомнѣваться о спасеніи души, и думали, что они потеряли образъ и подобіе Божіе. Дмитрій объяснилъ имъ, что образъ Божій и подобіе состоятъ не въ видимомъ лицѣ человѣческомъ, а въ невидимой душѣ. По этому поводу онъ написалъ даже особое сочиненіе „Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ“. Сочиненіе это нѣсколько разъ печаталось, по приказанію самого Петра. Дмитрій рано окончилъ свою полезную дѣятельность; онъ скончался въ 1709 году. Знаменитый митрополитъ умеръ въ крайней бѣдности: кромѣ книгъ у него ничего не осталось. По его завѣщанію, въ гробѣ его, подъ голову и все тѣло, положены были его черновыя рукописныя сочиненія.

Изъ числа духовныхъ лицъ малороссійскаго происхожденія былъ также очень близкимъ къ государю человѣкомъ Ѳеодосій

Яновскій, архимандритъ Александро-Невскаго монастыря, а потомъ митрополитъ новгородскій.

Изъ великорусскихъ же архіереевъ больше другихъ понималъ великія намѣренія Петра и дѣйствовалъ въ его духѣ только святитель Митрофанъ Воронежскій, обладавшій большимъ природнымъ здравымъ умомъ, и знаменитый не ученостью, а строгимъ благочестіемъ и святостью жизни, причтенный поэтому впослѣдствіи къ лику святыхъ. Замѣчательно, что этотъ благочестивый епископъ степнаго русскаго города особенно любилъ изъ всѣхъ дѣлъ Петра—заботы его о русскомъ флотѣ. Святой Митрофанъ находилъ эти заботы спасительными для русскаго государства, и всѣ деньги, какія у него накоплялись, жертвовалъ на дѣло кораблестроенія и на военныя предпріятія государя, клонившіяся къ упроченію могущества Россіи. Однажды онъ принесъ государю 6,000 рублей на военныя издержки, и потомъ не разъ посылалъ ему деньги, надписывая: „на ратныхъ“. За то и Петръ любилъ святителя Митрофана чрезвычайно и исполнялъ всѣ его желанія. Однажды св. Митрофанъ, увидавши поставленныя у входа царскаго дома въ Воронежѣ статуи, ни за что не хотѣлъ идти къ государю, объявивши, что онъ скорѣе приметъ смерть. Петръ сейчасъ же приказалъ снять статуи. Когда Митрофанъ скончался, государь самъ, со своими приближенными, несъ гробъ своего любимаго святителя и самъ опустилъ его въ землю.

Такимъ образомъ, государь, на всѣхъ поприщахъ своей дѣятельности, находилъ замѣчательныхъ и полезныхъ для великаго своего дѣла сотрудниковъ. Изъ русскихъ людей, привыкшихъ только къ покою и соблюденію лишь своей выгоды, Петръ умѣлъ создать неутомимыхъ дѣятелей, удивительно помогавшихъ ему въ дѣлѣ возвеличенія Россіи, въ качествѣ замѣчательныхъ полководцевъ, дипломатовъ, ученыхъ, министровъ, художниковъ, торговыхъ людей и проч. Однако, немногіе изъ этихъ людей были искренно и безкорыстно преданы Петру. Старинныя привычки продолжали жить въ нихъ,

сдерживаемыя только могучимъ примѣромъ и желѣзною волею Петра.

Когда государя не стало, то почти во всѣхъ его сотрудникахъ пробудились съ необычайною силою долго сдерживаемыя и дремавшія въ нихъ страсти: рознь, своекорыстіе и необычайное самомнѣніе. Только Неплюевъ и Татищевъ до конца своей жизни остались скромными и полезными тружениками, въ качествѣ дипломатовъ, служилыхъ людей и правителей. Татищевъ, кромѣ того, сдѣлался впослѣдствіи первымъ русскимъ ученымъ историкомъ. Другіе же сотрудники Петра, по смерти его, тотчасъ-же почувствовали свою силу, и начали съ необычайнымъ своеволіемъ стремиться къ преобладающей власти въ государствѣ. Правда, могущество этихъ людей, твердо усвоившихъ себѣ наружную сторону преобразованій Петра, значительно содѣйствовало упроченію многихъ дѣлъ великаго государя, но своимъ непомѣрнымъ самолюбіемъ они не могли уже спасти самихъ себя. Въ борьбѣ изъ-за власти и преобладанія, они начали безпощадно губить другъ друга. Меншиковъ, Остерманъ, Толстой, Минихъ и другіе кончили свою жизнь въ тяжкой ссылкѣ, низвергнутые съ высоты своего положенія ожесточенными происками другъ противъ друга.

Изъ всѣхъ близкихъ къ Петру Великому лицъ, безусловной преданностью и искренней любовью къ нему отличалась только его вторая супруга, императрица Екатерина Алексѣевна. Екатерина происходила изъ очень незнатнаго рода: она была дочь простаго лифляндскаго обывателя Скавронскаго. Въ дѣвичествѣ она проживала въ Лифляндіи, въ городѣ Маріенбургѣ, въ домѣ лютеранскаго пастора Глюка, замѣчательно ученаго человѣка, знавшаго восточные языки и намѣревавшагося съ однимъ русскимъ священникомъ перевести библію на простой русскій языкъ, что сдѣлано лишь въ наше время.

Когда русскія войска, въ 1702 году, отбили у шведовъ городъ Маріенбургъ, то Екатерина, вмѣстѣ съ пасторомъ, попалась въ плѣнъ и была принята въ семейство Менши-

кова. Жена Меншикова скоро чрезвычайно полюбила плѣнницу Екатерину, отличавшуюся замѣчательною красотою, живымъ умомъ, веселымъ нравомъ и необыкновенною кротостью характера.

Петръ вскорѣ увидѣлъ Екатерину въ домѣ Меншикова. Высокая и статная красавица, умная, живая и кроткая—чрезвычайно понравилась ему. Въ 1703 году Петръ взялъ ее къ себѣ; Екатерина приняла православную вѣру и сдѣлалась супругой государя. Съ тѣхъ поръ Петръ не могъ уже болѣе обходиться безъ нея. Куда ѣхалъ онъ, туда и она. Государыня раздѣляла всѣ труды и опасности царя, часто бывала съ нимъ въ дорогѣ, даже въ походахъ. Вообще Екатерина была необыкновенная женщина, вполнѣ достойная своего супруга, и подобно Петру, не боялась никакихъ опасностей и невзгодъ. Она была прекрасная наѣздница. Въ походахъ царя Екатерина мужественно переносила всякія лишенія. Во время персидскаго похода она за сильными жарами не поколебалась сбрить свои прекрасные волосы и носить мѣховую шапку, для защиты отъ солнечныхъ лучей. Вообще, характеръ ея, при всей его женственной кротости и покорности, отличался, въ то же время, почти мужской отвагой. Обходительная и ласковая съ окружающими, она, въ минуты опасности, проявляла необыкновенное безстрашіе.

Когда разъ къ Ревелю подступили англійскіе корабли съ враждебными намѣреніями, Екатерина сама хотѣла вести русскій флотъ на непріятеля. Однажды, во время производства смотра гвардейскимъ полкамъ, раздался откуда-то неосторожный выстрѣлъ, и бывшаго вблизи императрицы знатнаго русскаго купца убило на повалъ пулею, пролетѣвшею въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ императрицы. Государыня не шевельнулась и, какъ-будто ни въ чемъ не бывало, продолжала дѣлать смотръ. Она обладала также замѣчательной физической силой. Разъ, на свадьбѣ Головкина, она одною вытянутою рукою подняла маршальскій жезлъ Петра, котораго не

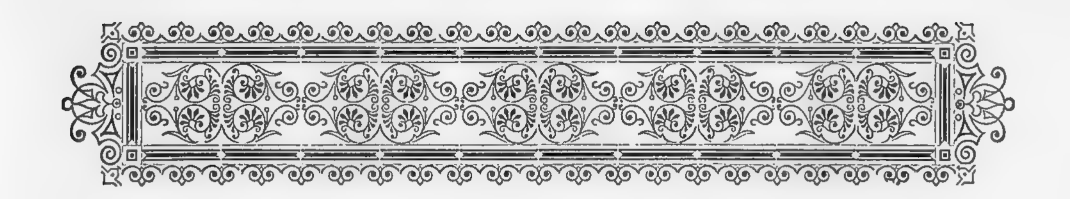
могли поднять такимъ образомъ деньщикъ Петра—молодой Бутурлинъ и австрійскій посланникъ, графъ Кинскій. Екатерина очень любила своего супруга, она дѣлила всѣ его радости и горе, старалась содѣйствовать успѣху всѣхъ его предпріятій, и особенно привлекала сердце государя необыкновеннымъ умѣньемъ подчиняться, чрезвычайною кротостью и покорностью своего нрава, чего онъ съ такою ревностью искалъ во всѣхъ русскихъ людяхъ. Съ характеромъ самого Петра, крутымъ и вспыльчивымъ, трудно было ладить, но Екатерина своей безропотной покорностью умѣла вполнѣ покорить его сердце. Она всячески постоянно угождала своему супругу и даже въ обыкновенномъ разговорѣ называла его „батюшкою“. Петръ, съ своей стороны, чрезвычайно и искренно полюбилъ Екатерину и цѣнилъ ее высоко; одну ее онъ любилъ окружать роскошью и блескомъ. Въ разговорѣ онъ называлъ ее „Катенькой“, а въ письмахъ величалъ ее нѣжнымъ именемъ: „другъ мой сердечный Катеринушка“, и былъ такъ привязанъ къ ней, что всюду скучалъ безъ нея. Екатерина сдѣлалась для него необходимой, особенно благодаря тому, что одна она умѣла успокоить Петра въ минуты частыхъ вспышекъ его гнѣва и одна могла шутками развлечь находившее на него по временамъ тягостное раздумье. Она сдѣлалась миротворцемъ въ царскомъ домѣ, служила заступницей за всѣхъ опальныхъ, старалась постоянно уговаривать государя, и всегда умѣла смѣнить гнѣвъ на милость. Про нее сотрудники Петра говорили: „Кабы на государевъ жестокій нравъ, да не царица, такъ намъ-бы житья не было“. За всѣ эти качества государь самъ высоко цѣнилъ Екатерину, тѣмъ болѣе, что онъ вошелъ уже въ годы и нуждался въ семейномъ мирѣ, при которомъ онъ могъ-бы всегда найдти у себя въ домѣ успокоеніе и отдыхъ отъ тяжкихъ трудовъ и постоянныхъ безпокойствъ.

Онъ часто вспоминалъ также заслугу Екатерины во время Прутскаго похода, когда наши войска, при которыхъ находились государь съ супругою, были неожиданно окружены силь-

нѣйшею турецкою арміею, и когда Екатерина, не потерявшая присутствія духа, много содѣйствовала спасенію государя и войска отъ угрожавшей имъ страшной опасности.

Въ благодарность за все это, государь задумалъ торжественно короновать Екатерину императорскою короною.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Устройство внутренняго управленія.—Учрежденіе сената и коллегій.—Провинціальныя учрежденія.—Реформы въ духовномъ вѣдомствѣ.

Между всѣми отраслями великаго русскаго народа, малоросами, великоросами и бѣлорусами, изстари стало брать перевѣсъ многочисленное великорусское племя. Великоросы выдержали главный напоръ татарскихъ и другихъ азіатскихъ полчищъ, окончательно сокрушили ихъ силу и содѣйствовали объединенію всей Русской земли въ одно цѣльное государство. И далеко не одна многочисленность великорусскаго племени способствовала такому рѣшительному преобладанію его надъ всѣми другими племенами Русской земли, но и его высокое природное качество, воспитанное православною вѣрою и закаленное въ долгой и ожесточенной борьбѣ съ азіатскими народами.

Вотъ почему великоросы сдѣлались господствующимъ племенемъ и добились объединенія всей Русской земли въ одномъ государствѣ, подъ одной крѣпкой властью московскаго царя, и сообщили великое качество своего мощнаго духа и всему русскому народу.

Уже до Петра Великаго Россія изумляла иноземныхъ путешественниковъ обширностью своихъ предѣловъ, неисчерпаемымъ разнообразіемъ ея природныхъ богатствъ, крѣпкою

преданностью всего народа государю, величіемъ царской власти, многочисленностью войска и безграничнымъ подчиненіемъ всѣхъ русскихъ людей православной церкви.

Но въ этомъ могущественномъ, но еще молодомъ государствѣ не успѣла тогда окончательно устроиться и окрѣпнуть вся гражданская жизнь, во всѣхъ ея подробностяхъ. Весь русскій народъ, безъ различія его классовъ и сословій, составлялъ уже одно неразрывное и стройное цѣлое; въ отдѣльныхъ же русскихъ людяхъ и даже въ разныхъ отдѣльныхъ частяхъ и сословіяхъ русскаго народа сказывалось еще въ значительной степени неумѣнье служить своему общему отечеству.

Только въ минуты опасности государству въ русскихъ людяхъ какъ-бы пробуждались во всей своей силѣ, таившіяся въ нихъ подъ корою дурныхъ привычекъ, высокія гражданскія добродѣтели: самоотверженная любовь къ отечеству, безграничное смиреніе и стойкая преданность другъ другу,—добродѣтели, которыя способствовали самому созданію могущественнаго русскаго государства. Достаточно вспомнить только самоотверженный подвигъ простого нижегородскаго гражданина Минина-Сухорука, воскликнувшаго въ минуту угрожавшей государству общей смуты: „Заложимъ женъ и дѣтей нашихъ, и выкупимъ отечество", чтобы понять, какое высокое гражданское чувство всегда таилось въ груди истинно-русскихъ людей. Но въ обыкновенное время, когда ничто не угрожало родинѣ, русскіе люди по прежнему охотно предавались розни и своеволію, порождавшимъ прискорбное гражданское нестроеніе. Такъ продолжалось до Петра.

Въ его время въ Москвѣ существовала цѣлая слобода изъ образованныхъ иноземцевъ, прозванная Нѣмецкою: изъ европейскихъ купцовъ, военныхъ, ремесленниковъ, художниковъ и даже актеровъ.

Острый умъ юнаго Петръ не могъ не замѣтить сразу всей разницы между привычками русскихъ людей и образованныхъ

иноземцевъ, между жизнью въ Нѣмецкой слободѣ и русской жизнью. Иноземцы, по сравненію съ русскими людьми, выдѣлялись знаніемъ свѣта и людей, умѣньемъ постоянно сдерживать себя, привычкою строго подчиняться порядку, довѣріемъ другъ къ другу, согласіемъ между собою и заботливостью объ общей своей пользѣ. Оттого и жизнь въ Нѣмецкой слободѣ отличалась бо́льшимъ устройствомъ и порядкомъ, нежели въ самой Москвѣ.

Петру чрезвычайно понравилась жизнь въ Нѣмецкой слободѣ. Но онъ широкимъ русскимъ умомъ своимъ понялъ эту жизнь по своему, по-русски. Юный Петръ предоставилъ все управленіе государствомъ избраннымъ имъ вельможамъ, а самъ, въ продолженіе 17 лѣтъ со времени вступленія своего на престолъ, вплоть до 27-лѣтняго возраста своего, сталъ какъ-бы подвергать себя великому испытанію: онъ усердно принялся за обученіе самого себя, почти безъ помощи учителей и наставниковъ, съ жадностью слушалъ разсказы о старинной русской жизни, особенно о временахъ Ивана Грознаго, а также о жизни и порядкахъ во всѣхъ другихъ, древнихъ и новыхъ образованныхъ странахъ.

Изучивши, послѣ заграничнаго путешествія, гражданскій бытъ западно-европейскихъ образованныхъ народовъ, и вернувшись, затѣмъ, въ Россію,—Петръ Великій лично самъ приступилъ къ управленію Россійскимъ государствомъ. Съ этою цѣлію онъ вознамѣрился создать сильное правительство, кото́рое бы могло на дѣлѣ добиться неуклоннаго исполненія отечественныхъ законовъ и дать твердое и единообразное устройство всей гражданской русской жизни.

Прежніе государи занимались только наиболѣе важными государственными дѣлами и почти всегда въ совѣщаніи съ самыми знатными боярами, имѣвшими право, по знатности своего рода, почти ежедневно являться въ царскія палаты на поклонъ государю и на совѣщанія съ нимъ, въ такъ называемую Большую или Боярскую думу. Петръ почти съ самаго начала сво-

его царствованія удалилъ отъ себя всѣхъ прежнихъ совѣтниковъ бояръ, которые стояли близко къ государю не по своимъ заслугамъ, а только по праву своего рожденія. Государь сталъ самъ избирать себѣ помощниковъ изъ людей всякаго званія, выдающихся по своему уму и способностямъ, годнымъ для государственнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, чтобы имѣть возможность все направлять къ одной цѣли — ко благу государства и народа, распространилъ свою царскую власть на всю русскую жизнь, даже на частный домашній бытъ, который прежніе государи предоставляли на добрую волю каждаго. Для Петра почти не было такого дѣла въ государствѣ и даже въ общественномъ и частномъ быту, на которое бы онъ не считалъ необходимымъ обратить свое вниманіе. Онъ все подчинилъ своей крѣпкой власти съ тѣмъ, чтобы все согласовать съ пользою всей Россіи и чтобы ничто въ государствѣ одно другому не мѣшало и не противорѣчило.

До Петра государи русскіе вели жизнь тихую и уединенную. Изъ Москвы они далеко не ѣздили, въ домахъ частныхъ лицъ вовсе не бывали; посѣщали только монастыри, или выѣзжали на охоту; въ военные походы государи хаживали очень рѣдко; при этомъ, за-просто изъ дворца они почти никогда не выходили, а всякій разъ показывались передъ народомъ въ торжественномъ шествіи, въ парадной одеждѣ, ведомые подъ руки, или на богато убранномъ конѣ, и окруженные многочисленной свитой. Въ большіе праздники государи надѣвали великолѣпную царскую одежду, затканную золотомъ и унизанную драгоцѣнными камнями. Бо́льшую же часть времени они проводили во дворцѣ.

Доступъ къ государю былъ очень труденъ. При этомъ, всякій, проходившій мимо царскаго дворца, обязанъ былъ снимать шапку; при встрѣчѣ же съ самимъ государемъ, каждый повергался на землю, или падалъ на колѣни, даже на улицѣ. Въ прошеніяхъ на имя государя всѣ просители, не исключая и бояръ, называли себя государевыми „холопами“ и подписывались

уменьшительными именами, т. е. „Ваньками“, „Васьками“ и т. д.

Петръ отмѣнилъ всѣ старинные унизительные порядки. Указомъ 30-го декабря 1701 года онъ запретилъ падать ницъ передъ нимъ или становиться на колѣни, а также снимать шапки передъ дворцомъ и писаться на прошеніяхъ уменьшительными прозвищами, и повелѣлъ всѣмъ при встрѣчѣ съ государемъ отдавать только поклонъ. Онъ объявилъ въ указѣ: „менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — сія-то почесть свойственна царю“. Государь сталъ одѣваться въ обыкновенную одежду, выходить изъ дворца за-просто, нерѣдко одинъ, началъ посѣщать дома частныхъ лицъ, служебныя мѣста, приходскія церкви, вникалъ во всѣ подробности всякаго дѣла, усердно брался даже за черную работу и безпрестанно также ѣздилъ по Россіи изъ одного конца государства въ другой, смотря по тому, гдѣ требовалось его присутствіе. Доступъ къ государю открытъ былъ для всѣхъ, каждый могъ подавать и присылать просьбы царю, или письма къ нему о разныхъ улучшеніяхъ. Государь говорилъ, что всѣмъ и каждому „надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очами кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ“. И онъ первый показалъ примѣръ неустаннаго труда, сдѣлавшись дѣйствительно работникомъ своего народа, незнавшимъ почти отдыха.

Строгій и неумолимый къ самому себѣ, государь потребовалъ и отъ своихъ близкихъ самоотверженнаго служенія государству и смиренной готовности на всякую полезную работу. Онъ говорилъ имъ: „Я и царь вашъ, а у меня мозоли на рукахъ“. Петръ вознамѣрился призвать также и всѣхъ русскихъ людей на тяжкій трудъ ради блага Россіи, и съ этой цѣлію преобразовалъ всѣ гражданскія и правительственныя учрежденія въ Россіи, начиная съ самыхъ высшихъ.

Петру Великому, не терпѣвшему ни въ комъ своеволія и самомнѣнія, особенно не по душѣ была Большая или Боярская дума. Правда, между думными боярами были люди, убѣленные сѣдинами и умудренные опытностію, но были и такіе, за которыми, кромѣ породы, не значилось никакихъ государственныхъ заслугъ и которые не умѣли даже подписать своего имени. Они собирались почти ежедневно въ царскихъ палатахъ, для сужденія о дѣлахъ государственныхъ, при чемъ размѣщались обыкновенно по степени своей знатности. Но тутъ, нерѣдко въ присутствіи самаго царя, происходили между боярами обычные въ то время споры и ссоры „изъ-за мѣстъ". Одинъ не хотѣлъ сѣсть ниже другого, считая свой родъ знатнѣйшимъ. Иногда поднимался такой шумъ, что нельзя было рѣшать дѣла. Наконецъ, когда спорившаго боярина, по царскому приказу, уводили изъ палатъ для наказанія, и когда всѣ успокоивались, царь объявлялъ о дѣлѣ и спрашивалъ совѣта у думныхъ людей. Тогда, кто изъ нихъ умнѣе и опытнѣе, говорилъ свое мнѣніе, а иные бояре, по словамъ современника, „*брады свои уставя*, ничего не отвѣчали... потому что многіе изъ нихъ грамотѣ были неученые". Послѣ обсужденія дѣла, государь приказывалъ думнымъ дьякамъ записать боярскій приговоръ, при чемъ на граматахъ думы обыкновенно писалось: „царь указалъ и бояре приговорили".

Такимъ образомъ основаніемъ боярской думы служила только знатность породы, а это вело къ несогласіямъ, къ пустымъ спорамъ изъ-за мѣстъ или къ „мѣстничеству", къ своеволію и къ неохотѣ смиренно подчиняться всѣмъ требованіямъ государственной пользы. Правда, споры изъ-за мѣстъ были окончательно запрещены боярамъ еще старшимъ братомъ Петра, царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, но трудно было искоренить мѣстничество изъ обычая и нравовъ бояръ. Если они въ присутствіи царя не хотѣли добровольно уступить другъ другу, то безъ руководства государя, самостоятельно, подъ своей собственной отвѣтственностью, и подавно не легко

могли приходить къ соглашенію. Поэтому Петръ Великій не видѣлъ въ боярской думѣ сильнаго и надежнаго помощника себѣ и почти ни разу не созывалъ ея. Въ началѣ своего царствованія онъ довольствовался учрежденной имъ „Ближней Канцеляріей царскаго величества“, которая безотлучно находилась при государѣ, гдѣ бы онъ ни былъ: въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Литвѣ, или за-границей. Петръ какъ бы хотѣлъ сначала самъ извѣдать на опытѣ все государственное управленіе, самъ старался слѣдить и заправлять всѣми дѣлами, и потому къ нему, въ канцелярію, гдѣ бы онъ ни находился, постояннно всѣ обращались съ донесеніями, вопросами, просьбами и жалобами, и всѣ эти бумаги онъ самъ прочитывалъ и полагалъ на нихъ собственноручные отвѣты и резолюціи. Подлѣ него былъ безотлучно только „кабинетъ-секретарь“ Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, завѣдывавшій письменною частью въ „канцеляріи“. Изучивъ, такимъ образомъ, самолично и долгимъ опытомъ все искусство государственнаго управленія, Петръ только тогда рѣшился научить своихъ помощниковъ самостоятельному и отвѣтсвенному управленію государственными дѣлами; съ этою цѣлію онъ вознамѣрился основать, взамѣнъ боярской думы, новое высшее правительственное учрежденіе съ сильною властью, въ помощи котораго постоянно нуждался, какъ по множеству своихъ дѣлъ, такъ и по частымъ разъѣздамъ изъ одного мѣста въ другое. Этому новому учрежденію, по примѣру нѣкоторыхъ сосѣднихъ европейскихъ государствъ, Петръ далъ названіе *Сената*. 22-го февраля 1711 года, отправляясь въ походъ противъ Турціи, Петръ издалъ указъ, въ которомъ говорилось: „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“. Вслѣдъ за тѣмъ государь новымъ указомъ повелѣлъ: „всякъ да будетъ послушенъ Сенату и ихъ указамъ такъ, какъ намъ самому“.

Зная привычку русскихъ людей во всемъ дѣйствовать врознь и отсутствіе въ нихъ навыка нести на себѣ отвѣт-

ственность за свои дѣйствія, Петръ вознамѣрился пріучить ихъ, въ новомъ учрежденіи, къ умѣнью дѣйствовать согласно между собою, подъ строгой отвѣтственностью каждаго за всякое свое дѣйствіе. Съ этой цѣлью онъ составилъ сенатъ изъ *нѣсколькихъ лицъ*, избранныхъ имъ самимъ изъ людей разныхъ сословій, наиболѣе способныхъ и оказавшихъ болѣе или менѣе важныя услуги государству, и далъ имъ всѣмъ одинаковыя права, т. е. *равные голоса*. Всѣ дѣла они должны были рѣшать не иначе, какъ *единогласнымъ* приговоромъ всѣхъ членовъ. Всякій приговоръ или указъ сенаторы обязаны были подписывать *собственноручно*, съ тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не могъ сваливать вину на другаго. Государь предоставилъ сенату право издавать указы, которыхъ всѣ обязаны были слушаться, подъ страхомъ наказанія и даже смертной казни. Сенаторы должны были завѣдывать важными дѣлами: имъ указано было вѣдать по всей Россіи суды, заботиться о торговлѣ и промышленности, о войскѣ и флотѣ, смотрѣть за расходами, собирать въ казну деньги и искоренять неправду во всемъ. Для этого въ помощь сенаторамъ даны были *фискалы*, которые обязаны были доносить сенату о всякой замѣченной ими неправдѣ въ управленіи, или по службѣ, а чтобы сенатъ зналъ нужды разныхъ областей, при немъ должны были неотлучно находиться *комиссары* изъ разныхъ мѣстъ.

Въ началѣ сенатъ учрежденъ былъ только на время отлучекъ государя изъ столицы и состоялъ всего изъ 9 сановниковъ; но потомъ, въ 1718 году, когда сенаторы уже пріучились къ дѣлу, сенатъ былъ объявленъ постояннымъ учрежденіемъ и число членовъ его постепенно было увеличено.

Петръ всячески старался съ самого начала поставить сенаторовъ, какъ говорится, на собственныя ноги, пріучить ихъ рѣшать дѣла самостоятельно, согласно справедливости и собственному разумѣнію и за свой собственный страхъ, безъ указки каждый разъ со стороны самого государя. Но не легко было отучить русскихъ людей отъ вкоренившихся въ нихъ

привычекъ, и господа сенаторы или, какъ ихъ называлъ самъ Петръ, „господа сенатъ“, доставляли ему много заботъ и горя, особенно въ началѣ существованія этого учрежденія.

Самъ Петръ, благодаря необыкновенному уму своему, научился рѣшать всякія дѣла вѣрно и быстро. Но сенаторамъ это долго не давалось и они не скоро пріучились браться за дѣло какъ слѣдуетъ. Не смотря на то, что сенаторы были избраны самимъ государемъ изъ лучшихъ людей, они все-таки, по старой привычкѣ, никакъ не могли поладить между собой, иногда непристойно ссорились въ сенатѣ другъ съ другомъ, поднимали во время засѣданій шумъ, укоризны и брань; часто обнаруживали также неохоту трудиться на пользу государства, а нерѣдко и совсѣмъ забывали о государственной пользѣ, поддаваясь личной корысти, или ведя дѣло халатно, по домашнему, не какъ требовала польза службы, а какъ имъ самимъ было удобнѣе и легче; они постоянно опаздывали къ засѣданіямъ, или пріѣзжали въ сенатъ въ нетрезвомъ видѣ, или же совсѣмъ не являлись на службу; постоянно также медлили въ рѣшеніи дѣлъ, хорошенько не обдумывали ихъ, или откладывали „до завтра“, по русской пословицѣ: „дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ“. Объ исполненіи указовъ вовсе не заботились, думая, что разъ посланъ указъ—и тѣмъ дѣло сбыто съ рукъ.

Петръ заранѣе все это предвидѣлъ, и потому, одновременно съ учрежденіемъ сената, предоставилъ право всякому желающему, если кто замѣтитъ неправду въ дѣйствіяхъ сенаторовъ, жаловаться на нихъ самому государю. Поэтому на сенатъ, съ самаго начала, стали поступать многія жалобы: отовсюду жаловались на притѣсненія сенаторовъ, на послабленія и нерадѣніе ихъ. Для лучшаго наблюденія за сенаторами, государь, въ 1715 году, учредилъ при сенатѣ особую должность „надзирателя указовъ“, который долженъ былъ немедленно сообщать государю, если сенаторы тратили время по пустому, или вели дѣла нерадиво. Въ 1722 году Петръ усилилъ на-

блюденіе за сенаторами, учредивъ при сенатѣ новую должность „генералъ-прокурора“, который обязанъ былъ „смотрѣть накрѣпко, дабы сенатъ свою должность хранилъ и въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ“. О генералъ-прокурорѣ государь говорилъ: „Сей чинъ, *яко око наше*... того ради“, говорилось въ указѣ, „ему и подлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ“. Самъ государь никогда не упускалъ случая бывать въ сенатѣ и лично смотрѣть въ немъ за порядкомъ, и, по своему обыкновенію, очень часто самъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ сенаторовъ.

Зорко слѣдя за дѣйствіями сената, Петръ зналъ о всѣхъ дѣлахъ сенаторовъ подробно. Поступки ихъ часто возбуждали гнѣвъ Петра, и въ отношеніи къ сенаторамъ, какъ и вообще ко всѣмъ, онъ былъ неумолимымъ судьею. Онъ налагалъ на сенаторовъ тяжкія наказанія и дѣлалъ имъ строжайшія внушенія; но въ то же время государь съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и чисто съ отеческой любовью продолжалъ заботиться объ исправленіи ихъ. Петръ всячески старался внушить сенаторамъ, чтобы они отличали государственное и общественное дѣло отъ домашняго дѣла, и чтобы поступали въ государственныхъ дѣлахъ всегда по закону и по прабдѣ, а не по своему нраву и капризу; онъ постоянно разъяснялъ имъ важность работы на пользу государства и необходимость постояннаго исполненія каждымъ своего долга предъ отечествомъ. Государь училъ сенаторовъ подробно, какимъ образомъ служащіе обязаны работать: „Никому въ сенатѣ—писалъ онъ въ 1719 году—не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы нашей, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами, или шутками, понеже сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны... И надобно, чтобъ всякія дѣла не въ особливыхъ домахъ или бесѣдахъ, но въ сенатѣ рѣшались и въ протоколъ записывались, и не подлежитъ сенатскимъ членамъ никого постороннихъ съ собою въ сенатъ

брать... Глава же всему, дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали". За неправильныя и неумѣлыя дѣйствія, Петръ безпощадно укорялъ сенаторовъ, называя ихъ распоряженія достойными смѣха, грозилъ имъ строжайшей отвѣтственностью за продажность, похлебство и медленность, и постоянно понукалъ ихъ. „Дивлюсь я, писалъ онъ сенаторамъ, — что пишите, какъ старые судьи—*послано*, а то позабыли, что *дошло-ли?*" Чтобы прекратить споры и неприличное поведеніе въ присутственномъ мѣстѣ, Петръ вынужденъ былъ налагать на провинившихся огромные штрафы. Кромѣ того, въ 1721 году, Петръ приставилъ къ сенату двухъ штабъ-офицеровъ гвардіи, чтобы они смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ сенатѣ, и тѣхъ, кто будетъ вести себя неприлично, арестовывали и отводили въ крѣпость. Сенаторовъ же, неисправимыхъ въ склонности къ беззаконіямъ и осмѣливавшихся нарушать довѣріе государя своимъ корыстолюбіемъ и лихоимствомъ, Петръ приговаривалъ къ смертной казни.

Непоколебимою твердостью и настойчивымъ терпѣніемъ государь, наконецъ, достигъ того, что сенатъ сдѣлался чрезвычайно дѣятельнымъ и полезнымъ для государства учрежденіемъ. Сенаторы оказали значительную помощь Петру въ приведеніи имъ въ надлежащее состояніе войска и флота, въ устройствѣ защиты границъ государства, въ принятіи мѣръ для поощренія торговли и промышленности, въ устройствѣ путей, въ умноженіи казны и проч. Мало того, Петръ видѣлъ, что между сенаторами стали, наконецъ, появляться люди, нежалѣвшіе труда для блага отечества, научившіеся самостоятельно и вѣрно понимать государственную и общественную пользу и часто ставившіе, въ этихъ случаяхъ, правду выше всего, не боясь отстаивать свое мнѣніе съ непоколебимою твердостью даже передъ самимъ государемъ. Особенною смѣлостью въ этомъ отношеніи отличался сенаторъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій.

Подготовивъ, такимъ образомъ, сенаторовъ къ самостоятельной работѣ по управленію государствомъ, и сдѣлавъ сенатъ, въ 1718 году, постояннымъ учрежденіемъ, Петръ только тогда рѣшился преобразовать другія высшія правительственныя учрежденія, подвѣдомственныя сенату. Государь какъ бы старался напередъ подготовить себѣ, для этого труднаго дѣла, знающаго и правдиваго помощника, каковаго онъ надѣялся найдти въ сенатѣ.

До Петра Великаго разныя столичныя правительственныя учрежденія, отчасти подвѣдомственныя прежней боярской думѣ и соотвѣтствовавшія нынѣшнимъ министерствамъ, назывались *приказами*, которыхъ было въ Москвѣ до 40, какъ напримѣръ: приказъ большаго дворца и большой казны, приказъ посольскій, стрѣлецкій, пушкарскій, судный, разбойный, сибирскій, Малыя Россіи и друг. Каждымъ приказомъ завѣдывалъ бояринъ, иногда съ товарищемъ. Письменную же часть въ приказахъ вели дьяки и подъячіе, называвшіеся общимъ именемъ „приказныхъ" и назначавшіеся изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій, преимущественно изъ духовнаго званія. Но бояре, также какъ и дьяки, были люди малознающіе и плохо подготовленные къ государственной службѣ. Кромѣ того, одноличное завѣдываніе дѣлами давало каждому изъ нихъ возможность своевольно распоряжаться во ввѣренной ему важнѣйшей части государственнаго управленія, безнаказанно медлить въ рѣшеніи разныхъ дѣлъ, даже не исполнять царскихъ приказовъ, и часто прибѣгать къ лихоимству и притѣсненіямъ. Не даромъ старинные русскіе государи, замѣчая слабость и разладъ въ управленіи различныхъ приказовъ, созывали иногда въ помощь имъ „земскіе соборы", составленные изъ выборныхъ лицъ, или, по тогдашнему, изъ „излюбленныхъ, лучшихъ" людей.

Вотъ почему Петръ, какъ только ему удалось окончательно устроить сенатъ, тотчасъ же приступилъ, въ 1717 г., къ устройству, взамѣнъ приказовъ, нѣсколькихъ новыхъ,

болѣе сильныхъ высшихъ столичныхъ правительственныхъ учрежденій. Государь, старавшійся во всемъ пріучать русскихъ людей къ дружной работѣ сообща, учредилъ для завѣдыванія главнѣйшими частями государственнаго управленія, вмѣсто прежнихъ многочисленныхъ приказовъ съ одноличнымъ управленіемъ, нѣсколько новыхъ отдѣльныхъ *коллегій*, т. е. *собраній*, составленныхъ изъ многихъ лицъ. По трудности наблюденія за нѣсколькими коллегіями, Петръ не далъ членамъ коллегій равныхъ голосовъ, какъ сенаторамъ, а подчинилъ ихъ однихъ другимъ, чтобъ они зависѣли одинъ отъ другого, наблюдали другъ за другомъ и, такимъ образомъ, какъ колеса въ часахъ, приводили другъ друга въ движеніе. Старшимъ въ каждомъ собраніи или коллегіи былъ *президентъ* или предсѣдатель, затѣмъ помощникомъ его былъ *вице-президентъ*; за ними, въ каждомъ собраніи, слѣдовали четыре *совѣтника* и четыре *асессора* или засѣдателя и, кромѣ того, еще нѣсколько низшихъ членовъ и подъячихъ, дѣлившихся также на разряды. Чтобы въ совѣтники и асессоры попадали лучшіе люди, каждая коллегія должна была избирать ихъ изъ своей среды *баллотировкой*. Для большаго подчиненія коллегій сенату и для укрѣпленія связи между самими коллегіями, предсѣдателями коллегій должны были состоять члены сената, избираемые въ эту должность самими сенаторами изъ своей среды баллотировкой. Петръ замѣтилъ также, что непривычка старинныхъ русскихъ людей повиноваться проявлялась также въ уклоненіи ихъ отъ подчиненія большинству голосовъ во всякомъ общемъ дѣлѣ; при этомъ русскіе люди всегда находили отговорку въ томъ, что дѣло рѣшено-де не единогласно, „не всѣмъ-де міромъ“, хотя бы дѣло было самое неважное. Но и всякое единогласное постановленіе всего міра старинный русскій человѣкъ, обыкновенно, скоро забывалъ и, такимъ образомъ, ссылался на него только для проформы, на дѣлѣ же просто не хотѣлъ подчиняться. Поэтому Петръ Великій оставилъ единогласное рѣшеніе только для

самыхъ важныхъ дѣлъ, разсматривавшихся въ сенатѣ. Всѣ же дѣла въ коллегіяхъ, въ видахъ ускоренія рѣшеній по нимъ и съ цѣлью бо́льшаго пріученія русскихъ людей къ подчиненію, должны были рѣшаться не единогласно, какъ въ сенатѣ, а простымъ *большинствомъ голосовъ*; когда же голоса раздѣлялись по-ровну, то голосъ предсѣдателя собранія давалъ перевѣсъ. Всѣхъ такихъ коллегій было образовано десять: коллегія иностранныхъ дѣлъ, коллегія казенныхъ сборовъ, коллегія государственныхъ расходовъ, коллегія счетная всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ, коллегія юстиціи, воинская коллегія, торговая коллегія, и коллегія, завѣдывавшая горнымъ дѣломъ, фабриками и заводами; чтобы избавить малороссійскій народъ отъ своеволія казачьихъ гетмановъ, Петръ, вмѣсто единоличнаго гетманскаго управленія, установилъ для управленія Малороссіею также коллегію малороссійскую; а впослѣдствіи была установлена еще вотчинная коллегія, для завѣдыванія вотчинами и помѣстьями.

Петръ всячески старался внушить членамъ коллегій, какъ и сенаторамъ, усердіе къ работѣ и чувство законности и отвѣтственности за свои дѣйствія, и для этого точно опредѣлилъ въ *Генеральномъ уставѣ* для коллегій обязанности всѣхъ служащихъ. Зная непривычку русскихъ людей къ постоянному и правильному труду и ихъ медленность во всякомъ дѣлѣ, государь подробно указалъ въ уставѣ даже самое время и порядокъ занятій въ коллегіяхъ. Засѣданія въ коллегіяхъ должны были происходить по понедѣльникамъ, вторчикамъ, средамъ и пятницамъ, а по четвергамъ предсѣдатели всѣхъ коллегій обязаны были съѣзжаться для совѣщаній въ сенатскую палату, гдѣ имъ положено было находиться пять часовъ. За неприбытіе въ должность членъ коллегіи наказывался за каждый просроченный часъ вычетомъ изъ жалованья, слѣдуемаго ему за недѣлю. Коллегіи должны были, не иначе, какъ съ одобренія сената, печатать свои указы и приговоры. Указы должны были исполняться коллегіями немедленно, не долѣе, какъ чрезъ не-

дѣлю; справки болѣе шести недѣль строго запрещено было протягивать, дѣла челобитчиковъ должны были рѣшаться по очереди, не долѣе шести мѣсяцевъ, подъ опасеніемъ штрафа 30-ти рублей за день. Прошенія постановлено было принимать непремѣнно въ зданіи коллегіи, а не на домахъ у предсѣдателей. Кромѣ того, для руководства каждой коллегіи, государь составилъ особые подробные уставы, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ „уставъ воинской коллегіи“.

Устройство коллегій стоило Петру еще бо́льшихъ заботъ, чѣмъ учрежденіе сената. Прежде всего обнаружился полный недостатокъ въ знающихъ и способныхъ людяхъ, годныхъ для занятій въ „собраніяхъ“. Петръ предполагалъ приступить къ открытію коллегій еще въ 1717 году, но, не смотря на то, что въ приготовленіяхъ къ ихъ открытію прошелъ этотъ годъ и весь слѣдующій, 1718 годъ, — дѣло все-таки плохо подвигалось впередъ, за ненахожденіемъ достаточна́го числа свѣдущихъ людей, а также вслѣдствіе обычной склонности русскихъ людей къ медленности, которая носила въ то время даже особое названіе — „волокиты“. Эта медленность страшно волновала Петра, и онъ сдѣлалъ строгій выговоръ сенату за нерадѣніе къ исполненію царскихъ указовъ. Государь приказалъ сенаторамъ, назначеннымъ въ предсѣдатели будущихъ коллегій, подавать лично ему рапорты, изъ которыхъ онъ могъ бы видѣть положеніе и ходъ дѣла устроенія коллегій. Чтобы не откладывать открытія коллегій изъ-за недостатка годныхъ для этого людей, государь повелѣлъ назначить въ помощники предсѣдателей свѣдущихъ иностранцевъ, которые бы могли научить русскихъ людей порядку и способамъ занятій въ собраніяхъ. Для этого Петръ намѣревался воспользоваться услугами плѣнныхъ шведовъ, поселенныхъ въ Сибири, которые на своей родинѣ могли хорошо ознакомиться съ коллегіальнымъ управленіемъ. Поэтому Петръ говорилъ о шведахъ: „Одинъ изъ нихъ можетъ быть потребнѣе, чѣмъ два человѣка нѣмцевъ“. Особенно же Петръ желалъ привлечь на службу въ колле-

гіяхъ образованныхъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ австрійскихъ славянъ, какъ родственныхъ русскимъ по племени и языку. Кромѣ того, государь приказалъ послать въ Пруссію нѣсколько десятковъ молодыхъ русскихъ подъячихъ, для наученія ихъ нѣмецкому языку, „дабы удобнѣе въ коллегіумъ были“.

Благодаря усиліямъ и настойчивости Петра, въ 1719 году всѣ коллегіи вступили уже въ отправленіе своей должности. Но вскорѣ государю пришлось выражать свое недовольство на обычную рознь и нерадѣніе членовъ коллегій. Петръ добивался, чтобы всѣ правительственныя мѣста оказывали другъ другу взаимное вспоможеніе. Между тѣмъ съ самаго начала обнаружился полный разладъ между предсѣдателями разныхъ коллегій. Въ самыхъ собраніяхъ происходили раздоры, безчинная брань и даже драки. Президенты коллегій, пользуясь своимъ старшинствомъ, по привычкѣ къ своеволію, старались совсѣмъ подчинить себѣ товарищей и рѣшать дѣла не по большинству голосовъ, а по своему усмотрѣнію, отчего не только возникали споры, но терпѣло ущербъ и самое дѣло. Поэтому Петръ нерѣдко дѣлалъ строжайшія внушенія членамъ коллегій, чтобъ они не считались старшинствомъ и не ссорились изъ-за мѣстъ, припоминая имъ, что старинное „мѣстничество“ давно уже безвозвратно искоренено. Государь требовалъ, чтобы всѣ вели себя въ собраніяхъ пристойно, а на провинившихся налагалъ штрафы и подвергалъ ихъ даже смертной казни.

За медленность въ дѣлахъ и неисполненіе царскихъ указовъ государь угрожалъ разореніемъ, ссылкою и лишеніемъ живота. Но часто онъ съ отеческою заботливостью собственноручными предписаніями старался научить членовъ коллегіи новымъ порядкамъ и, по своему обыкновенію, нерѣдко самолично участвовалъ въ ихъ засѣданіяхъ. Видя непривычку русскаго человѣка къ выборнымъ порядкамъ, Петръ часто самъ наблюдалъ за выборами въ собраніяхъ, руководилъ баллотировкою въ нихъ, подробно объясняя при этомъ членамъ коллегій установленныя на этотъ случай правила, и требуя, чтобы

люди выбирались непремѣнно по этимъ правиламъ и нелицепріятно. Замѣтивъ, что въ коллегіяхъ набралось много иноземцевъ, неспособныхъ и недобросовѣстныхъ, Петръ велѣлъ разобрать ихъ и неспособныхъ выключить, отчего въ коллегіяхъ осталось до 100 мѣстъ пустыхъ, на которыя трудно было достать новыхъ людей. Не мало также огорчало Петра и то, что сами русскіе люди, по своей темнотѣ и по равнодушію ко всякому общественному дѣлу, хотя и близко ихъ касающемуся, долго не могли ознакомиться съ назначеніемъ и устройствомъ коллегій. Поэтому, челобитчики, нуждавшіеся въ подачѣ просьбъ, часто не знали, въ какую коллегію слѣдовало подавать. Это побудило Петра назначить особое должностное лицо, которое должно было принимать челобитныя и послѣ принятія разсылать ихъ по коллегіямъ. Для наблюденія за исполненіемъ членами коллегій своего дѣла безъ проволочекъ и лицепріятія, Петръ учредилъ особую должность *генералъ-рекетмейстера*, подобно тому, какъ при сенатѣ учреждена была должность генералъ-прокурора.

Такъ какъ коллегіи были учреждены уже въ концѣ царствованія Петра, всего за пять лѣтъ до его кончины, то государю, при трудности искорененія старыхъ привычекъ въ русскихъ людяхъ, не удалось при жизни своей поставить эти коллегіи, съ ихъ выборными порядками и съ рѣшеніемъ въ нихъ дѣлъ по большинству голосовъ, такъ же прочно, какъ былъ прочно поставленъ имъ сенатъ, учрежденный еще за пятнадцать лѣтъ до его кончины. Поэтому, по смерти Петра Великаго, коллегіальное управленіе, предоставленное самому себѣ, привело только къ размноженію числа приказныхъ и къ изизлишней перепискѣ бумагъ, такъ что впослѣдствіи выборные порядки въ коллегіяхъ и рѣшеніе дѣлъ въ нихъ по большинству голосовъ были отмѣнены.

Еще больше затрудненій для Петра представляло преобразованіе областнаго управленія въ Россійскомъ государствѣ. Въ обширныхъ и глухихъ русскихъ областяхъ, значительно

отдаленныхъ отъ столицы, еще сильнѣе, нежели въ столицѣ, сказывались въ русскихъ людяхъ неумѣнье жить, непривычка сдерживать себя и подчинять долгу и закону. Оттого въ областяхъ этихъ искони утвердилось настроеніе, сказывавшееся въ разногласіяхъ начальныхъ людей и жителей и въ насиліи; не даромъ тамъ съ изстари вошла въ обыкновеніе поговорка: „до Бога высоко, до царя далеко".

До Петра Великаго обширное Московское государство дѣлилось, главнымъ образомъ, на значительныя области, называвшіяся *уѣздами*. Уѣзды въ свою очередь подраздѣлялись на *станы*, *погосты*, *губы* и *волости*. Каждой областью или уѣздомъ управлялъ *воевода*, назначавшійся на эту должность московскимъ правительствомъ и состоявшій подъ главнымъ надзоромъ московскихъ приказовъ. Воеводамъ подчинены были въ уѣздѣ низшіе приказные люди, называвшіеся *приставами*, *недѣльщиками*, *доводчиками*, *окладчиками* и проч., а также выборные *земскіе старосты* въ городахъ и разнаго рода *земскіе головы* и *цѣловальники*, выбираемые на эти должности городскими и сельскими жителями ежегодно, для раскладки податей и сбора въ казну пошлинъ.

Жалованья казеннаго, по бѣдности тогдашней казны, воеводы и другіе служилые люди иногда вовсе не получали, а посылались въ области главнымъ образомъ на *кормленіе*, т. е. съ правомъ собирать отъ жителей добровольныя приношені которыя въ то время не считались взятками. Поэтому, воеводство представляло служилому человѣку возможность „покормиться", т. е. увеличить свое состояніе, и потому давалось часто какъ награда за военную службу. Но насильное вымоганіе приношеній отъ жителей строго запрещалось.

Однако, въ виду трудности наблюденія за отдаленными областями, не только воеводы, но и выборные земскіе люди часто злоупотребляли своею властью, въ особенности вслѣдствіе существованія права на „кормленіе", Не довольствуясь добровольными приношеніями жителей и сборомъ установлен-

ныхъ пошлинъ, они не совѣстились прибѣгать къ разнаго рода притѣсненіямъ и всяческимъ насиліямъ, чтобы не остаться въ накладѣ и насытить свою жадность. При томъ же, воеводы, завѣдывавшіе многочисленными и разнообразными дѣлами, начиная отъ сбора податей и наряда войска и кончая уголовнымъ и гражданскимъ судомъ во всей области,—не имѣли возможности и силъ выполнить удовлетворительно всѣхъ своихъ обязанностей, отчего въ областяхъ усиливалось нестроеніе и по всѣмъ уѣздамъ господствовала еще болѣе досадная „волокита" въ дѣлахъ, чѣмъ въ столицѣ. Оттого жители нерѣдко терпѣли разореніе и всяческія обиды. Горькія жалобы народа часто доходили до государей, но, не смотря на всю строгость законовъ и на постоянную заботливость государей о правомъ судѣ и о безопасности лицъ и собственности, въ отдаленныхъ областяхъ не уменьшалось своеволіе и безсовѣстное лихоимство.

Царь Петръ Великій, нигдѣ и ни въ чемъ не терпѣвшій неправды и неуклонно стремившійся научить русскихъ людей строгому подчиненію долгу и закону, согласію между собой и смиренію передъ благомъ всего государства, съ самаго начала своего царствованія обратилъ серьезное вниманіе на улучшеніе областнаго управленія. Но до окончательнаго преобразованія столичнаго управленія, Петръ Великій не предпринималъ кореннаго переустройства областей.

Еще раньше, въ 1708 году, Петръ впервые раздѣлилъ Великую Россію, со всѣми ея воеводствами, на 8 *губерній*, поставивъ во главѣ каждой изъ нихъ *губернатора*, главная обязанность котораго состояла въ исправномъ доставленіи въ столицу казенныхъ доходовъ. Съ учрежденіемъ сената, губернаторы были подчинены этому новому учрежденію. Когда же были, наконецъ, образованы коллегіи, то государь предпринялъ окончательное переустройство губерній. Каждая губернія была раздѣлена, вмѣсто воеводствъ, на *провинціи*, а провинціи раздѣлялись на *уѣзды*. Во главѣ губерній оставлены были, по прежнему, губернаторы, а начальствованіе надъ про-

винціями было поручено, вмѣсто воеводъ, выборнымъ людямъ—*ландратамъ* или земскимъ совѣтникамъ, которыхъ должны были выбирать дворяне. Всѣ эти новыя губернскія и провинціальныя начальства стали получать жалованье изъ казны и были подчинены столичнымъ коллегіямъ. Какъ и въ столицѣ, въ губерніяхъ введено было не только выборное, но и соборное начало въ управленіи. Такъ, безъ ландратовъ губернаторы не имѣли права рѣшать никакихъ дѣлъ, и для этого при губернаторахъ должны были по-очереди находиться для совѣщаній два гландрата, каждый съ правомъ одного голоса, при чемъ самъ убернаторъ пользовался двумя голосами. Губернатору указано было, чтобы онъ былъ надъ земскими совѣтниками „не яко властитель, а яко президентъ", т. е. предсѣдатель. Впослѣдствіи, для болѣе исправнаго исполненія губернаторами и ландратами ихъ обязанностей, въ помощь имъ были открыты еще особыя земскія учрежденія, также съ выборными людьми: въ губерніяхъ—*земскія конторы*, въ провинціяхъ—*земскія канцеляріи*, а въ уѣздахъ—*земскіе комиссары*, съ разными подчиненными имъ низшими выборными людьми. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ впервые введена была правильная отчетность въ казенныхъ суммахъ и имуществѣ, всѣмъ точно указаны были ихъ обязанности, при чемъ высшіе начальники должны были наблюдать за низшими, а эти послѣдніе должны были сами нести отвѣтственность за свои дѣйствія, а не оправдываться приказаніями высшихъ начальниковъ.

Заботясь о правомъ и скоромъ судѣ для всѣхъ, Петръ совсѣмъ выдѣлилъ судебную часть изъ вѣдѣнія губернаторовъ и ландратовъ. Лица всѣхъ сословій, по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, должны были обращаться за разбирательствомъ къ особымъ выборнымъ *земскимъ судьямъ*, подчиненнымъ только столичной юстицъ-коллегіи и обязаннымъ дѣйствовать по особымъ, даннымъ имъ наказамъ. Кромѣ того, въ большихъ городахъ были учреждены для всѣхъ сословій *надворные суды*, также не подчиненные губернаторамъ.

Бѣгство Карла XII и Мазепы послѣ Полтавскаго боя.

Наконецъ, всѣмъ промышленнымъ и торговымъ людямъ государь предоставилъ право имѣть свой особый судъ и свою расправу, изъ выборныхъ изъ ихъ среды людей. Петръ видѣлъ, что старинные начальные русскіе люди, по своей привычкѣ къ своеволію и корысти, особенно старались притѣснять купцовъ и ремесленниковъ, какъ людей болѣе зажиточныхъ. Государь съ прискорбіемъ писалъ въ указѣ, что купеческіе и ремесленные люди въ Россіи „отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній несносны, едва они не разорены, отчего оныхъ весьма умалилось“. Между тѣмъ торговля и промыслы должны были особенно содѣйствовать обогащенію страны и усиленію государства. Поэтому Петръ еще въ самомъ началѣ своего царствованія, въ 1699 году, чтобы избавить торговыхъ и ремесленныхъ людей отъ насилія и самовольства воеводъ, предоставилъ горожанамъ право выбирать изъ своей среды, для завѣдыванія своими дѣлами, *бурмистровъ*. Эти выборные городскіе люди подчинены были своему же особому высшему учрежденію въ Москвѣ — *бурмистерской палатѣ* (ратушѣ). Но горожане скоро нажили себѣ, между своими же выборными людьми, новыхъ насильниковъ и міроѣдовъ. Выборные бурмистры, распоряжавшіеся всѣми дѣлами однолично, также старались притѣснять людей маломочныхъ и обирали ихъ всякими способами. Поэтому, съ учрежденіемъ по всей Россіи коллегіальнаго управленія, въ 1721 году, Петръ отмѣнилъ одноличное управленіе и для промышленнаго сословія. Во всѣхъ значительныхъ городахъ велѣно было составить *магистраты*, соотвѣтствующіе нынѣшнимъ городскимъ думамъ, изъ первостатейныхъ, зажиточныхъ и умныхъ гражданъ. Въ каждый магистратъ граждане должны были выбирать 2—4 человѣкъ *бургомистровъ*, къ нимъ нѣсколько *совѣтниковъ* и одного *предсѣдателя* или президента, и только въ мелкихъ городахъ выбирался одинъ бургомистръ съ совѣтниками. Для помѣщенія магистратовъ указано было строить въ каждомъ городѣ на площади *ратушу* — каменный двух-

этажный домъ. Въ этихъ ратушахъ магистраты должны были разбирать всѣ ввѣренныя имъ дѣла. Петръ во всемъ старался какъ-бы выдѣлить важное общественное дѣло отъ домашняго, и съ этою цѣлью для производства общественныхъ дѣлъ устраивалъ особыя общественныя зданія. Магистраты вѣдали судъ надъ городскими промышленными и торговыми людьми и завѣдывали всѣмъ городскимъ хозяйствомъ. Въ столицѣ, вмѣсто бурмистерской палаты, былъ учрежденъ *главный магистратъ*, которому государь указалъ, въ особомъ подробномъ уставѣ, заботиться объ интересахъ торговли, завѣдывать всѣми провинціальными магистратами и бургомистрами и стараться содержать эти учрежденія такъ, чтобъ они были „въ такую знатность и почтеніе приведены, какъ въ иныхъ государствахъ обыкновенно есть“.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ коллегій и съ переустройствомъ губернскаго и городскаго управленія, начались во всемъ государствѣ новые порядки, всюду производились выборы, открывались новые суды, происходили засѣданія собраній. Петръ внимательно слѣдилъ за ходомъ своихъ преобразованій, но, къ его великому огорченію, съ самаго же начала въ областяхъ обнаружилось крайнее нерадѣніе ко всѣмъ его благимъ начинаніямъ, еще въ большей степени, чѣмъ въ столицѣ. Новыя губернскія власти вовсе не заботились о согласной и усердной работѣ на пользу государства, а напротивъ проявляли старинную рознь и чрезвычайную медленность въ дѣлахъ. Петръ вынужденъ былъ объявить въ указѣ, что отъ губернаторовъ „не только слабое отправленіе идетъ, но и весьма многое ослушаніе чинится“. Предписанія столичныхъ коллегій часто оставались въ провинціяхъ не только безъ исполненія, но и вовсе безъ отвѣта. Приходилось даже посылать нарочныхъ въ губерніи съ понужденіемъ. Отчетныя вѣдомости о казенныхъ деньгахъ или вовсе не присылались изъ губерній, или присылались составленныя завѣдомо неправильно. Между собою губернскія власти постоянно ссорились, ставили другъ

другу всякія препятствія и не исполняли законныхъ требованій другъ друга. Государь писалъ въ указѣ, „что одинъ судъ другой судъ ни во что вмѣняетъ и не только исполнять, но съ яростью поносить хочетъ“. Особенно огорчало Петра нерадѣніе къ новымъ порядкамъ самихъ провинціальныхъ жителей, которые совсѣмъ не хотѣли заботиться объ общей пользѣ; они не только вовсе не цѣнили дарованнаго имъ государемъ права выбирать себѣ, для своей же пользы, достойныхъ и почтенныхъ правителей и судей, но еще смотрѣли на выборы, какъ на обременительную для себя повинность. Поэтому, мѣстные жители или старались вовсе не являться на выборы, или выбирали людей безъ всякаго разбора, лишь бы только поскорѣе сбыть съ рукъ выборы; иногда даже нарочно выбирали такихъ людей, которые ни на какое дѣло не годились: „все равно, дескать, такъ шляются, пусть они и занимаютъ выборныя должности“. Даже помѣщики пренебрегали выборами и посылали вмѣсто себя въ собранія своихъ прикащиковъ. Отъ этого новые выборные начальные люди оказывались часто хуже прежнихъ воеводъ. Они позволяли себѣ всякаго рода насилія и утѣсненія надъ жителями. Особенно самовольничали тѣ изъ выборныхъ людей, которые завѣдывали дѣлами однолично, безъ участія товарищей, какъ напримѣръ — начальники провинцій или ландраты и земскіе судьи.

Петръ грозно взялся за искорененіе неправды и нерадѣнія въ губернскомъ и провинціальномъ управленіи. Государь повелѣлъ немедленно отвѣчать на предписанія столичныхъ коллегій и исполнять указы. За всякое промедленіе въ исполненіи требованій коллегій, губернаторы обязаны были виновныхъ сковать по ногамъ, а на шеи положить имъ цѣпи и до тѣхъ поръ ихъ не освобождать, пока они не исполнятъ своей обязанности. Государь указалъ также, чтобы за троекратное неисполненіе сенатскаго предписанія брать съ самихъ губернаторовъ большой штрафъ и подвергать ихъ аресту. За неисполненіе же царскихъ указовъ государь угрожалъ губернскимъ

и провинціальнымъ властямъ жестокимъ наказаніемъ. Не переставая, въ то же время, заботиться о пріученіи русскихъ людей къ самоподчиненію и къ согласной и усердной работѣ на пользу государства, Петръ всячески старался исправлять и поддерживать выборные порядки въ губерніяхъ и провинціяхъ. Онъ указалъ помѣщикамъ и обывателямъ самимъ являться на выборы и самимъ судить и штрафовать выборныхъ людей, если они въ чемъ провинятся. Только выборы ландратовъ и земскихъ судей, завѣдывавшихъ дѣлами однолично, Петръ вынужденъ былъ совсѣмъ отмѣнить и взамѣнъ ихъ снова возстановить должность воеводъ, ввѣривъ имъ право суда и расправы въ провинціяхъ, но при участіи двухъ товарищей, изъ дворянъ, или изъ отставныхъ офицеровъ. Магистраты же, земскія конторы и канцеляріи и надворные суды въ губерніяхъ были оставлены.

Всѣ эти областныя учрежденія, образованныя за тричетыре года до кончины Петра, не могли пустить, конечно, глубокихъ корней въ областномъ быту при жизни самого государя. Но Петръ успѣлъ все-таки положить начало самоподчиненію и согласію среди городскаго и отчасти дворянскаго сословій.

Одновременно съ переустройствомъ всѣхъ гражданскихъ порядковъ, государь обратилъ также серьезное вниманіе на улучшеніе церковнаго управленія, въ которомъ тоже сильно сказывались старинныя привычки русскихъ людей и разладъ съ общею гражданскою жизнью въ государствѣ. Во главѣ церкви стоялъ въ то время московскій патріархъ, который единолично распоряжался всѣми церковными дѣлами. Патріаршій престолъ былъ учрежденъ въ Россіи всего за 100 лѣтъ до Петра Великаго, въ 1589 году, отчасти при содѣйствіи Бориса Годунова. Хотя патріархи избирались на это мѣсто самими государями, но, пользуясь своимъ высокимъ духовнымъ саномъ и глубокимъ уваженіемъ къ нимъ народа, они нерѣдко стремились принимать излишнее участіе въ гражданскихъ дѣ-

лахъ государства. Патріархи не только засѣдали въ боярской думѣ, но и домогались правъ ходатайствовать предъ государями за опальныхъ и подсудимыхъ по свѣтскимъ дѣламъ и старались разными способами оказывать вліяніе на государственныя дѣла. Они завѣдывали также чисто-свѣтскими учрежденіями, „патріаршимъ приказомъ“ и „разря́домъ“, въ которыхъ держали у себя на службѣ значительное число свѣтскихъ чиновниковъ: бояръ, дѣтей боярскихъ, дьяковъ и проч., а завѣдываемые ими монастыри владѣли, на правахъ помѣщиковъ, огромными вотчинами и помѣстьями, съ деревнями и крестьянами.

Излишнія заботы патріарховъ, на ряду съ прочими русскими людьми, о своихъ собственныхъ мірскихъ выгодахъ, способствовали укорененію въ церковномъ управленіи нестроенія, своеволія и раздоровъ. Епископы тоже занимались больше мірскими дѣлами, заботясь о собираніи въ своихъ епархіяхъ епископскихъ доходовъ съ монастырей и принадлежавшихъ имъ деревень, и даже вѣдая гражданскій судъ между духовными лицами и принадлежавшими имъ крестьянами. Особенно же сильно въ то время проявлялось нестроеніе и забота о мірскихъ выгодахъ въ монастыряхъ.

Важныя заслуги древнихъ монастырей въ дѣлѣ просвѣщенія и даже защиты и заселенія Русской земли высоко цѣнились русскими государями и народомъ. Но, по тогдашнимъ понятіямъ, русскіе благочестивые люди стали награждать заслуги монастырей несвойственными имъ чрезмѣрными мірскими богатствами и выгодами; многіе приносили монастырямъ богатые дары драгоцѣнными вещами, деньгами, землями и даже деревнями съ крестьянами. Кромѣ того, правительство награждало монастыри такъ называемыми „тарханами“, т. е. правомъ на освобожденіе ихъ земель и деревень отъ податей, пошлинъ и повинностей. Вслѣдствіе этого, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, монастыри сильно размножились и въ рукахъ ихъ скопились огромныя богатства и обширныя поземельныя вла-

дѣнія, заселенныя крестьянами. Самые монастыри начали строиться уже не въ глуши пустынь, а въ многолюдныхъ городахъ. Къ началу царствованія Петра Великаго въ Россіи уже считалось 557 монастырей. Имъ принадлежали вотчины съ 130.000 крестьянскихъ дворовъ. Одна Троицко-Сергіевская лавра владѣла 20.000 дворовъ. Скопившіяся, такимъ образомъ, въ монастыряхъ богатства и нахожденіе ихъ среди городскаго населенія значительно способствовали порчѣ монастырскихъ нравовъ. Владѣніе населенными землями стало отвлекать монашество отъ заботъ о спасеніи своей души къ чисто-хозяйственнымъ хлопотамъ. Монахи стали жить помѣщиками, трудами своихъ крестьянъ. Избытокъ во всемъ соблазнялъ монашество къ неумѣренности и невоздержанію. Многіе начали принимать постриженіе уже не ради спасенія души, а для спокойной жизни, для даровыхъ хлѣбовъ и бражничанья, не стыдясь даже порочить свой санъ всякимъ непотребствомъ. Привольное и льготное монастырское житье стало привлекать въ монастыри всѣхъ, кому не по нраву была трудовая мірская жизнь, а такъ какъ доступъ въ монастыри былъ свободный и никому не возбранялось селиться въ нихъ, то въ монастырскихъ стѣнахъ накопилось великое множество тунеядцевъ и дармоѣдовъ, вовсе не принимавшихъ постриженія. Освобожденіе монастырскихъ земель отъ податей и повинностей привлекало на ихъ земли и многихъ трудолюбивыхъ крестьянъ. Вслѣдствіе всего этого, государство лишалось многихъ земель и огромнаго числа работниковъ, переходившихъ къ монастырямъ и не несшихъ никакихъ государственныхъ обязанностей, которыя, вслѣдствіе этого, ложились всею своею тяжестью на остальное трудолюбивое мірское населеніе.

Своеволіе и небреженіе къ пользамъ православной церкви обнаруживалось и въ произвольномъ размноженіи церквей и духовныхъ лицъ. Храмы строились въ городахъ и деревняхъ, не соображаясь съ нуждою и съ числомъ прихожанъ, отчего многія церкви пустовали; но при нихъ все-таки ставились

попы и дьяконы, также сверхъ потребы, вслѣдствіе чего духовенство приходило въ нищету и впадало въ пороки.

Между тѣмъ, о приложеніи православно-христіанскаго ученія къ гражданской жизни, о духовномъ просвѣщеніи не только прихожанъ, но нерѣдко и самихъ себя духовенство почти вовсе не заботилось. Школъ совсѣмъ не заводили. Оттого не только священники, но и сами епископы были большею частью „самоучки“. Только въ Малороссіи существовали духовныя школы, но къ нимъ русское духовенство относилось съ большимъ пренебреженіемъ. Часто сами патріархи были люди мало просвѣщенные. Особеннымъ же недостаткомъ просвѣщенія отличалось сельское духовенство. Между сельскими священниками встрѣчались люди совсѣмъ не умѣвшіе читать. Безграмотные попы попадались даже въ Москвѣ. Чаще же всего мѣста священнослужителей переходили по наслѣдству, а иногда просто продавались за деньги, какъ доходныя мѣста. Немудрено, что при такихъ условіяхъ большинство священниковъ лишь кое-какъ научилось богослуженію, въ ученіи же православной вѣры ничего не понимало. Всю вѣру и благочестіе они полагали только въ соблюденіи наружныхъ обрядовъ благочестія: какъ творить земные поклоны, вкушать просѳору, ставить свѣчи, какого напѣва держаться и проч., что̀ мало приносило пользы мірянамъ въ самой жизни. О своихъ же духовныхъ обязанностяхъ и о просвѣщеніи народа духовныя лица плохо радѣли, и часто по нѣскольку недѣль вовсе не отправляли богослуженія; случалось, что священникъ на Свѣтлый праздникъ служилъ только одну обѣдню на недѣлѣ. Самое богослуженіе совершали безъ должнаго благочинія. Внѣ церкви духовные люди часто показывались въ неприличномъ видѣ, нерѣдко ссорились между собою по-мужичьи, и даже показывали иногда свою храбрость въ кулачныхъ бояхъ. Оттого и прихожане недостаточно радѣли о церкви; многіе ходили туда рѣдко, въ самой церкви стояли безчинно, какъ въ простомъ домѣ, зачастую до самой старости не исповѣдывались, о православномъ же вѣроученіи никогда

ничего не слыхали и заботились больше о соблюденіи разныхъ внѣшнихъ обрядовъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ православному ученію. Большинство народа, не исключая и бояръ, было даже проникнуто еще старыми языческими суевѣріями. Всѣ вѣрили въ колдовство, разныя чары и заклинанія, а также въ ложныя чудеса. По церквамъ распространяли иконы, произвольно возводимыя въ чудотворныя, самимъ приходскимъ духовенствомъ, безъ разрѣшенія высшей духовной власти. По селамъ во множествѣ ходили также ложные пророки, или юродивые обоего пола, нагіе и босые, съ распущенными волосами: они кривлялись, били себя въ грудь и разсказывали о своихъ видѣніяхъ. Во многихъ мѣстахъ сохранялись даже безобразныя языческія празднества и жертвоприношенія, въ особенности на Ивановъ день, на Красную горку, въ Троицкую субботу и друг. Въ церквахъ постоянно безчинствовали притворныя кликуши, къ которымъ народъ относился съ суевѣрнымъ страхомъ.

Еще меньше заботилось духовенство о распространеніи истинъ христіанской вѣры между инородцами-язычниками, которые населяли почти весь сѣверъ и востокъ Россіи. Всѣ эти инородцы оставались идолопоклонниками, а татары, бывшіе и въ началѣ язычниками, успѣли даже принять мусульманскую вѣру. Только рѣдкіе ревностные православные подвижники по своей доброй волѣ старались распространить христіанскую вѣру между язычниками.

Вслѣдствіе недостатка просвѣщенія среди духовенства, искаженія православнаго церковно-обрядоваго ученія легко проникали не только въ народъ, но даже и въ церковныя книги, которыя тогда печатались съ рукописныхъ образцовъ, составлявшихся иногда людьми несвѣдущими и малограмотными. Эти невѣжественные переписчики нерѣдко позволяли себѣ произвольно вносить въ церковныя книги даже свои собственныя выдумки, вовсе не касающіяся дѣлъ церкви, напримѣръ, о бритьѣ усовъ и бороды. Разныхъ ошибокъ и

произвольныхъ вставокъ въ печатныхъ церковныхъ книгахъ накопилось столько, что еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ признано было необходимымъ приступить къ исправленію церковныхъ книгъ, но только при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, патріарху Никону, съ непоколебимою строгостью старавшемуся привести въ устройство православную церковь, удалось, съ согласія созваннаго имъ духовнаго собора, исправить церковныя книги по стариннымъ русскимъ и греческимъ рукописямъ. Но, не смотря на то, что исправленія эти были незначительныя и касались больше самой грамоты и лишь отчасти церковно-обрядоваго ученія, однако, многіе изъ невѣжественныхъ духовныхъ лицъ, высказывавшихъ еще раньше свое недовольство на строгость патріарха, воспользовались этимъ случаемъ, объявили исправленія его ересью и, вмѣстѣ со своими прихожанами, подъ именемъ *старообрядцевъ*, отдѣлились отъ православной церкви. Въ этомъ расколѣ съ особенною силою сказалось тогда неумѣнье русскихъ людей сдерживать себя, непривычка ихъ соглашаться между собою и уступать другъ другу. Изъ-за спора объ одной какой-нибудь буквѣ въ церковной книгѣ, русскіе люди не только окончательно расходились между собою, но и объявляли другъ друга „погаными", и даже считали грѣхомъ ѣсть другъ съ другомъ изъ одной посуды. Такимъ образомъ, вслѣдствіе всеобщаго невѣжества и недостаточнаго радѣнія духовенства о дѣлахъ вѣры, обычная русская рознь проникла и въ церковь православную.

Государи русскіе изстари обращали свои заботы на устроеніе церковнаго управленія, и, замѣчая слабость со стороны митрополитовъ и патріарховъ, управлявшихъ одноличнo церковными дѣлами, нерѣдко созывали въ помощь имъ „духовные соборы". Но постановленія этихъ соборовъ объ устроеніи церковныхъ дѣлъ, объ измѣненіи монастырскаго быта и объ искорененіи въ народѣ языческихъ обычаевъ—большею частью не имѣли успѣха, вслѣдствіе общаго нестроенія и темноты старинныхъ русскихъ людей. Своеволіе и суевѣрія, вмѣстѣ

съ заботами о мірскихъ выгодахъ, по-прежнему постоянно сказывались въ церковныхъ дѣлахъ. Особенно сильно проявилось стремленіе къ мірской власти и наклонность къ самомнѣнію въ патріархѣ Никонѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. По происхожденію своему сынъ крестьянина Нижегородской губерніи, патріархъ Никонъ достигъ, однако, такой почести, что во время отлучекъ государя управлялъ почти всѣмъ государствомъ и началъ на граматахъ писаться „великимъ государемъ", и даже вступалъ въ открытый споръ съ государемъ, своимъ другомъ и благодѣтелемъ.

Во время отрочества Петра, слѣдовавшіе послѣ Никона патріархи, люди добрые, но мало образованные, не разъ также пытались вмѣшиваться въ мірскія дѣла молодаго царя, старавшагося уже въ то время, съ помощью приглашенныхъ имъ иноземцевъ, обучить русскіе полки иностранному строю. Такъ, патріархъ Іоакимъ, умирая, оставилъ завѣщаніе, въ которомъ Богомъ заклиналъ молодыхъ братьевъ-царей, Петра и Іоанна, „да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ совершенно". Государю тогда уже не понравилось это непрошенное вмѣшательство духовной власти въ воинскомъ дѣлѣ. Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ, также сталъ ратовать противъ вводимой Петромъ въ войскахъ перемѣны одежды. Увидѣвъ, однажды, на самомъ Петрѣ короткое платье, патріархъ сдѣлалъ ему замѣчаніе. Государь на это посовѣтовалъ Адріану, вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись побольше о дѣлахъ церкви.

Сдѣлавшись, по смерти брата Іоанна, единодержавнымъ государемъ и приступивъ къ полному переустройству гражданскаго управленія, Петръ вознамѣрился согласовать съ гражданскою жизнью и церковное управленіе, и призвать къ дружной и усердной работѣ на пользу общую и все духовенство.

Первымъ поводомъ къ этому послужила смерть патріарха Адріана, скончавшагося въ 1700 году. Еще раньше государь намѣревался призвать на патріаршій престолъ кого-либо изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и образованныхъ архіереевъ, который бы могъ помочь ему въ трудномъ дѣлѣ искорененія безпорядковъ въ церковномъ управленіи, но, опасаясь упорнаго противодѣйствія со стороны духовенства ко всякому новому просвѣщенному патріарху и, съ другой стороны, желая навсегда избѣжать властолюбія со стороны самихъ патріарховъ, Петръ, по смерти Адріана, не назначилъ никого на патріаршій престолъ. Для управленія собственно церковью, т. е. для завѣдыванія дѣлами о ересяхъ, расколѣ и духовенствѣ, государь призвалъ ученаго рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, которому указалъ быть только „блюстителемъ патріаршаго престола", но не предоставилъ ему патріаршаго сана, а равно не далъ ему также права распоряжаться монастырскими и церковными вотчинами и другими мірскими дѣлами, состоявшими прежде въ завѣдываніи патріарховъ. Бывшія при патріаршемъ престолѣ свѣтскія учрежденія, патріаршіе „приказъ" и „разрядъ" были уничтожены. Точно также всѣмъ архіереямъ запрещено было вмѣшиваться въ какія-бы то ни было мірскія дѣла безъ царскаго разрѣшенія, а равно всѣ они были лишены права управлять самимъ монастырскими имѣніями, а стали получать жалованье отъ казны, изъ доходовъ съ монастырскихъ имѣній. На мѣста архіереевъ Петръ сталъ назначать духовныхъ лицъ съ большимъ разборомъ, преимущественно изъ ученыхъ малороссовъ, приказывая напередъ себѣ подавать для просмотра списки кандидатовъ на епископскія каѳедры. Затѣмъ, съ цѣлью самому знать ближе и даже лично всѣхъ архіереевъ въ своемъ государствѣ, Петръ постановилъ, чтобы архіереи поочередно пріѣзжали въ Петербургъ и проживали тамъ „начиная свое бытье съ января". Для этого имъ отведены были въ столицѣ особыя мѣста, на которыхъ они сами могли выстроить себѣ "подворья".

Одновременно съ назначеніемъ Стефана Яворскаго на мѣсто блюстителя патріаршаго престола, въ 1701 году, Петръ, взамѣнъ существовавшихъ при патріаршемъ престолѣ „приказа“ и „разряда“, образовалъ, для завѣдыванія всѣми монастырскими и церковными вотчинами и помѣстьями, „монастырскій приказъ“, учрежденный еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но уничтоженный потомъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Управленіе монастырскимъ приказомъ государь ввѣрилъ свѣтскому лицу—Мусину-Пушкину. Всѣ архіерейскія и монастырскія вотчины велѣно было переписать и подчинить монастырскому приказу. Самые монастыри и въ нихъ монаховъ и монахинь указано было также переписать, а владѣніе имъ вотчинами и угодьями запретить. Всѣхъ мірянъ, жившихъ по монастырямъ непостриженными, приказано было вывести вонъ, а дѣвицъ, проживавшихъ въ женскихъ монастыряхъ подъ именемъ „родственницъ“, велѣно выдавать замужъ, келейницамъ въ женскихъ монастыряхъ указано быть только женщинамъ стараго возраста. Посвящать вновь въ монахи и монахини безъ царскаго указа никого не было дозволено, и притомъ въ монахини разрѣшалось постригать не ранѣе сорока лѣтъ. Чтобы въ самыхъ писаніяхъ своихъ монахи не могли заниматься свѣтскими дѣлами или толковать по своему церковное ученіе и втайнѣ уклоняться въ ереси, имъ строго было запрещено писать въ кельяхъ, а дозволялось заниматься этимъ, съ разрѣшенія монастырскаго начальства, только при трапезѣ, при всей братіи, какъ это установлено было древними отцами. На содержаніе монаховъ и монахинь, какъ богатыхъ монастырей, такъ и бѣдныхъ, было приказано выдавать въ годъ по 10 рублей и по 10 четвертей хлѣба на человѣка изъ доходовъ съ вотчинъ богатыхъ монастырей. На всю остальную часть монастырскихъ доходовъ приказано было заводить богадѣльни, для призрѣнія больныхъ, престарѣлыхъ и сиротъ, съ тѣмъ, чтобы въ этихъ богадѣльняхъ здоровые сами присматривали за больными.

Все это пока были только предварительныя мѣры, которыми государь надѣялся ослабить своеволіе и нестроеніе въ церковномъ управленіи и монастырскомъ быту. Къ окончательному же устройству церковнаго управленія Петръ приступилъ лишь послѣ кореннаго преобразованія гражданскаго управленія. Государь придавалъ важное значеніе правильному устройству церковныхъ дѣлъ и не хотѣлъ брать на себя отвѣтственности въ этомъ великомъ дѣлѣ, такъ какъ самъ онъ обладалъ только свѣтскою властью. Поэтому государь еще ранѣе избралъ себѣ изъ среды духовныхъ лицъ умнаго и ученаго помощника, преподавателя и ректора Кіевской духовной академіи, монаха Ѳеофана Прокоповича. Государь, въ 1715 году, вызвалъ Ѳеофана въ Петербургъ, а въ 1718 году Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ посвященъ въ епископы и получилъ отъ государя назначеніе въ псковскіе архіереи. Петръ сблизился съ Ѳеофаномъ и много бесѣдовалъ съ нимъ о дѣлахъ церковныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ государь и выработалъ окончательно планъ устройства церковнаго управленія и при его же содѣйствіи составилъ знаменитый „Духовный регламентъ" или уставъ.

Подобно тому, какъ во всемъ гражданскомъ управленіи, Петръ, взамѣнъ одноличной власти, ввелъ коллегіи или собранія, такъ и по церковнымъ дѣламъ онъ рѣшился учредить *соборное* управленіе. Государь объявилъ, что „для лучшаго управленія мнится быть удобно „*духовной коллегіи*". „Отъ соборнаго управленія, писалъ онъ въ указѣ, нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе могутъ произойти, когда въ челѣ церковнаго управленія находится одинъ человѣкъ". Далѣе Петръ объяснялъ, что если онъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, при самодержавной власти своей, нашелъ необходимымъ ввести въ помощь себѣ соборное управленіе, „тѣмъ болѣе, это необходимо въ церковномъ управленіи, гдѣ правительство не монаршеское есть и правителемъ заповѣдуется, да не господствуютъ клиру". Дѣйствительно, соборное управленіе церковью

искони отвѣчало самому духу православія. Не даромъ и прежніе государи русскіе, для рѣшенія важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ, постоянно собирали „духовные соборы“.

Такимъ образомъ, 25 января 1721 года, Петръ учредилъ, взамѣнъ патріаршаго престола, духовную коллегію, подъ названіемъ „*Святѣйшаго Синода*“. Государь постановилъ, чтобы синодъ состоялъ не менѣе какъ изъ 12 членовъ, изъ которыхъ три должны быть избраны изъ архіереевъ, а остальные — изъ архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ. Предсѣдателемъ этого духовнаго собранія былъ назначенъ прежній блюститель патріаршаго престола, митрополитъ Стефанъ Яворскій. Члены синода должны были рѣшать всѣ дѣла сообща. Для наблюденія за дѣйствіями синода, чтобы рѣшенія его не клонились ко вреду государства и согласовались бы съ общею пользою, Петръ поставилъ при синодѣ свѣтское лицо—оберъ-прокурора, котораго избралъ самъ.

Синоду предоставлено было право вѣдать всѣ дѣла церковныя, всѣ вопросы вѣры и сочиненія богословскія, а также патріаршія и архіерейскія вотчины, а потому монастырскій приказъ былъ закрытъ.

Одновременно съ учрежденіемъ святѣйшаго синода, было устроено и епархіальное церковное управленіе. Во главѣ каждой епархіи былъ оставленъ по-прежнему епископъ или архіепископъ, подчиненный синоду. Для достиженія епископскаго сана, по новому положенію, необходимо было не только получить духовное образованіе, но и самому потомъ заниматься обученіемъ другихъ богословскимъ наукамъ, а затѣмъ вступать въ Невскій монастырь на испытаніе на три года, по истеченіи которыхъ постригаться въ монашество. Изъ такихъ просвѣщенныхъ и испытанныхъ въ дѣлѣ вѣры иноковъ предположено было поставлять архіереевъ и архимандритовъ, но не иначе, какъ по выбору государя изъ двухъ представленныхъ ему синодомъ кандидатовъ, такъ чтобы въ архіереи не могли уже попадать люди недостойные, или недостаточно просвѣ-

щенные. Епископамъ было вмѣнено въ обязанность, кромѣ управленія церковными дѣлами, строго наблюдать за всей своей епархіей, и для этого ежегодно объѣзжать епархію, а при объѣздѣ отправлять въ городахъ и селахъ богослуженіе, говорить проповѣди и стараться искоренять въ духовенствѣ и въ народѣ всякія суевѣрія и языческие обычаи.

Для ближайшаго наблюденія за епархіей, архіереи должны были избирать себѣ помощниковъ, „законниковъ“ или благочинныхъ, которые бы наблюдали въ епархіи за всѣмъ, что̀ требуетъ исправленія.

Для приготовленія во священники, чтобы мѣста ихъ не оставались праздными, велѣно было заранѣе обучать священническихъ и причетническихъ дѣтей, подъ непосредственнымъ надзоромъ самихъ епископовъ. Изъ этихъ воспитанниковъ велѣно было замѣщать священническія убылыя мѣста по выбору прихожанъ, съ представленіемъ кандидатовъ на утвержденіе архіереевъ. Ставимый въ приходскіе священники долженъ былъ представлять архіерею одобрительное свидѣтельство отъ прихожанъ, или отъ владѣльцевъ вотчины. Государь хотѣлъ устроить такъ, чтобы священники, имѣя довольныя средства, сами ничего не вымогали за исправленіе требъ. Для этого прихожане, или владѣльцы вотчинъ, представлявшіе кандидатовъ на священническія мѣста, должны были обозначать, какая дается священнику руга или земля, а ставленникъ давалъ подписку, что будетъ доволенъ тою ругою или землею. Кромѣ того, было указано имѣть при церквахъ старосту, который обязанъ былъ выстроить на церковныя деньги домъ священнику; собственные же дома въ приходѣ священникамъ воспрещалось имѣть. Кромѣ отправленія богослуженія и исправленія требъ, священники обязаны были наблюдать, чтобы ихъ прихожане посѣщали церкви во всѣ праздники и чтобы каждый изъ прихожанъ хотя однажды въ годъ исповѣдывался и пріобщался. Для искорененія суевѣрія въ народѣ и разъясненія ему истинъ православной вѣры, священники должны

были каждый праздникъ читать народу понятно и вразумительно составленныя книжки о правилахъ вѣры, объ обязанностяхъ всякаго христіанина и о значеніи церковныхъ обрядовъ. Самимъ мірянамъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ запрещалось торговать.

Строить новыя церкви дозволено было только съ разрѣшенія синода, а чтобы облегчить наблюденіе надъ церквями и духовенствомъ, велѣно было лишнія церкви закрыть. Точно также было приказано упразднить всѣ домашнія церкви. Только лицамъ царской фамиліи и престарѣлымъ особамъ дозволялось устраивать въ домахъ собственныя церкви и держать крестовыхъ поповъ. Государь говорилъ, что „всѣ господа могутъ ходить въ приходскія церкви и нечего имъ стыдиться считать своею братіею такихъ же христіанъ, какъ они сами, хотя бы то были и ихъ подданные". Царь велѣлъ также синоду запретить богатымъ людямъ понуждать священниковъ, безъ крайней надобности, ходить къ нимъ въ дома для крещенія младенцевъ, или для служенія вечерни и заутрени, потому что это дѣлалось, по замѣчанію государя, изъ тщеславія богатыхъ, которые „хотятъ разниться отъ прочей христіанской братіи". Петръ указалъ синоду издать и разныя другія правила о благочиніи въ церквахъ: такъ, запрещено было разговаривать въ церквахъ во время богослуженія, приносить въ церкви домашнія иконы и молиться на нихъ, привѣшивать къ церковнымъ образамъ разные домашніе предметы, каковы: полотенца, куски матерій, монеты и проч.

Одновременно съ этимъ, Петръ старался ввести бо̀льшую строгость и въ монастырскую жизнь. Безъ разрѣшенія синода запрещено было заводить новые скиты и монастыри. Ранѣе тридцатилѣтняго возраста никого не велѣно было постригать въ монахи. Точно также запрещалось постригать въ монашество военныхъ людей—безъ увольненія ихъ начальства, крѣпостныхъ—безъ разрѣшенія ихъ господъ, всѣхъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ, дѣтей—безъ согласія родителей, или по

произволу родителей, противъ желанія самихъ дѣтей. Государь говорилъ, что у насъ въ Россіи суровый климатъ никому не позволяетъ оставаться безъ труда и сожалѣлъ, что въ монастыри „бо́льшая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ ѣсть хлѣбъ". Поэтому государь приказалъ особой конторѣ, учрежденной для завѣдыванія монастырскими имуществами и вотчинами, росписать по монастырямъ отставныхъ солдатъ и сиротъ, нищихъ и немогущихъ работать, и затѣмъ сдѣлать раскладку, сколько въ каждомъ монастырѣ слѣдуетъ содержать монаховъ, чтобы они могли служить этимъ убогимъ и неимущимъ; всѣхъ же остальныхъ чернецовъ обязать обработывать монастырскую землю, доходы съ которой употреблять частью на содержаніе монастырей, а частью на содержаніе устроенныхъ при нихъ богадѣленъ и пріютовъ. Въ женскіе монастыри велѣно отдавать на воспитаніе подкидышей и сиротъ, остающихся безъ призрѣнія, съ тѣмъ, чтобы по достиженіи ими семилѣтняго возраста, мальчиковъ—отдавать въ школы, а дѣвочекъ—оставлять въ монастырѣ для обученія грамотѣ и разнымъ рукодѣліямъ. Для поддержанія строгости и чистоты нравовъ въ женскихъ монастыряхъ, монастыри эти были сдѣланы закрытыми заведеніями, съ каковою цѣлью церкви въ нихъ велѣно было ставить на самыхъ монастырскихъ воротахъ, съ крыльцами, выходящими прямо на улицу, за предѣлы монастырской ограды, такъ, чтобы богомольцы лишены были всякаго предлога вступать во внутренность самого монастыря.

Заботясь о лучшемъ устройствѣ церковнаго управленія и о непремѣнномъ и усердномъ исполненіи всѣми духовными лицами своихъ обязанностей, государь установилъ также строгія правила и для печатанія церковныхъ книгъ. Чтобы предупредить появленіе въ нихъ какихъ-либо новыхъ ошибокъ, или мыслей, несходныхъ съ признаннымъ православною церковью ученіемъ, Петръ постановилъ правиломъ, чтобы каждая книга духовнаго содержанія, прежде ея печатанія, представ-

лялась въ святѣйшій синодъ на просмотръ и одобреніе высшей духовной власти.

Вообще государь всячески заботился объ установленіи такого порядка во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, который-бы не только не давалъ поводовъ къ уклоненію отъ церкви, но и соединялъ-бы всѣхъ въ дружной работѣ на пользу православія и государства и служилъ-бы къ развитію и совершенствованію духовнаго просвѣщенія въ Россіи, въ духѣ строго-православнаго ученія. Успѣвшихъ-же раньше уклониться отъ церкви и совратиться въ расколъ, Петръ старался возвратить въ нѣдра православной церкви, избѣгая, однако, при этомъ насилія и притѣсненій. Онъ говорилъ, что „охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“. Одному иновѣрцу государь отвѣчалъ: „Господь дѣйствительно далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ Христосъ“. Поэтому государь и къ вѣроученію отдѣлившихся отъ церкви старообрядцевъ относился безъ всякаго раздраженія, хотя и не видѣлъ въ ихъ толкахъ ничего разумнаго. Къ сожалѣнію, сами старообрядцы не переставали дѣлать все, чтобы вызвать справедливый гнѣвъ государя. Еще въ дѣтствѣ Петръ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, какъ стрѣльцы-старообрядцы, подъ предлогомъ стоянія за домъ „Пресвятой Богородицы“, не только своевольно вмѣшивались въ государственныя дѣла и возвели въ правительницы царевну Софью, но и жестоко при этомъ умертвили многихъ близкихъ ему людей. Позднѣе онъ также встрѣтилъ въ старообрядцахъ самыхъ упорныхъ хулителей всѣхъ преобразованій, предпринятыхъ имъ для блага и счастія Россіи. А главное, въ старообрядцахъ проявилось въ то время въ самой сильнѣйшей степени старинное русское самомнѣніе, непривычка подчиняться и склонность къ непримиримой розни, которая принесла раньше столько зла русскому государству и противъ которой Петръ боролся съ такой энергіей.

Государь старался призвать всѣхъ къ неустанной работѣ сообща на пользу отечества, принуждая каждаго, не исключая и самого себя, къ неуклонному исполненію всѣхъ обязанностей передъ государствомъ; а между тѣмъ старообрядцы, подъ предлогомъ будто-бы наступленія временъ антихриста, начали толпами укрываться въ лѣсахъ и пустыняхъ, или бѣгали за-границу, отбывая отъ службы и повинностей и лишая государство тысячей рабочихъ рукъ. Они стали даже укрывать у себя бѣглыхъ, бродягъ, разбойниковъ и всякихъ людей, уклонявшихся отъ податей и сборовъ. Старовѣры дошли тогда даже до какого-то неистовства, извративъ свойственное старинному русскому благочестію понятіе о пріятности Богу страданій за правду и, на этомъ основаніи, слѣпо обрекая себя иногда толпами на самосожженіе, или считая богоугоднымъ дѣломъ безъ толку упорствовать и раздражать власти. Вотъ почему Петръ вынужденъ былъ, противъ своего желанія, употребить строгія мѣры противъ заблужденій раскольниковъ, проистекавшихъ отъ крайней ихъ темноты и невѣжества. „Дурно многіе говорятъ“, говорится въ Петровскомъ духовномъ регламентѣ, „что наука порождаетъ ереси: наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко бѣснуются?“ Онъ называлъ ихъ „сомнительными сынами отечества, безпрерывно мыслящими зло“.

Въ числѣ мѣръ, принятыхъ Петромъ противъ старообрядцевъ, можно указать на слѣдующія. Царь велѣлъ переписать всѣхъ старообрядцевъ, чтобы знать ихъ число и не позволять болѣе другимъ присоединяться къ нимъ. Для этого было повелѣно указомъ каждому прихожанину, подъ опасеніемъ штрафа, исповѣдываться у своего духовнаго отца хотя однажды въ годъ, потому что уклоненіе отъ исповѣди и причастія обличало принадлежность къ расколу: „нѣсть лучшаго знаменія, почему познать раскольщика“,—говорилось въ указѣ. Никого изъ старообрядцевъ не велѣно было допускать къ должностямъ, не только духовнымъ, но и гражданскимъ. Для отличія отъ право-

славныхъ, староверы должны были носить даже особую одежду— длинный кафтанъ съ стоячимъ клееннымъ краснымъ козыремъ. Придерживавшіеся открыто старообрядчества должны были платить двойной окладъ податей противъ православныхъ, чтобы затѣмъ не подвергаться уже никакимъ другимъ наказаніямъ. Старовѣрческія книги и иконы запрещено было продавать. За совращеніе въ расколъ и неподчиненіе властямъ велѣно было ссылать старовѣровъ въ Сибирь, а также въ Рогервикъ (Балтійскій портъ), на работы по постройкамъ гавани. Но государь старался при этомъ, чтобы старообрядцамъ не было напрасныхъ притѣсненій. Для этого Петръ указалъ, чтобы духовныя лица, уличившія кого либо въ расколѣ, не судили его сами, а сообщали-бы о такихъ людяхъ свѣтскому начальству, и дѣло о нихъ окончательно рѣшалось уже въ синодѣ, при двухъ свѣтскихъ членахъ сената. Если же государь замѣчалъ, что старообрядцы трудолюбиво и добросовѣстно исполняли свои общественныя обязанности, то онъ, при всей своей нелюбви къ расколу, относился къ нимъ чрезвычайно милостиво. Однажды, въ 1702 году, Петръ шелъ съ войскомъ изъ Архангельска къ Ладожскому озеру, мимо большаго старообрядческаго Выговскаго монастыря. Когда въ монастырѣ разнеслась страшная вѣсть о приближеніи Петра, многіе изъ старообрядческихъ монаховъ и монахинь начали уже готовиться къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовнѣ, для сожженія себя, другіе-же собирались бѣжать. Но нѣкоторые съ отчаянія рѣшились сами выйдти на встрѣчу грозному царю. Стали они въ сторонѣ и ждали государя. Петръ приблизился къ нимъ на конѣ, съ какимъ-то бояриномъ, взглянулъ на „стариковъ" и спросилъ: „Что за люди?" „Это раскольщики", сказалъ ему бояринъ: „властей не почитаютъ духовныхъ, о здравіи вашего царскаго величества не молятся". „Ну, а подати платятъ исправно?" строго спросилъ государь. „Да, народъ трудолюбивый", сознался бояринъ: „недоимки за ними никогда не бываетъ". Петръ засмѣялся и промолвилъ.

„Такъ пускай живутъ, и если не царя, то хоть раба Божія Петра въ молитвахъ поминаютъ“,—и проѣхалъ дальше. Когда впослѣдствіи открылись близъ Выговской пустыни Повѣнецкіе желѣзодѣлательные заводы, то государь приказалъ приписать выговскихъ монаховъ къ этимъ заводамъ для подъема руды и выдѣлки извести, объявивъ при этомъ, что „за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять“. Позднѣе, въ 1711 году, былъ изданъ даже особый указъ, „чтобы никто общежителямъ (выговскимъ) Андрею Денисову съ товарищами и посланнымъ отъ нихъ обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истязанія“. Однажды государь спросилъ о торговцахъ-старовѣрахъ: „Каковы купцы изъ раскольниковъ, честны-ли и прилежны-ли?“ Когда ему отвѣтили, что честны и прилежны, то онъ сказалъ: „Если они подлинно таковы, то по мнѣ вѣруютъ чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“.

Петръ старался также внушить духовенству, чтобы въ дѣлахъ вѣры „съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать по апостолу... а не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“. Для обращенія старообрядцевъ кроткими и увѣщательными средствами, государь посылалъ къ нимъ игумена Переяславскаго монастыря, Питирима, бывшаго прежде раскольникомъ и потому хорошо знавшаго своихъ единовѣрцевъ. Но невѣжество и нерадѣніе тогдашняго духовенства препятствовали успѣшному присоединенію старообрядцевъ къ православной церкви. Многіе священники, за посулы, часто сами старались укрывать старообрядцевъ.

Петръ принялъ также рѣшительныя мѣры къ распространенію православной вѣры между инородцами-язычниками, населявшими преимущественно Восточную Россію. Сибирскому

митрополиту, въ 1714 году, указано было ѣздить по инородческимъ землямъ, сожигать языческія мольбища и приводить жителей въ христіанскую вѣру, объявляя новокрещенымъ льготу въ податяхъ (въ ясакѣ). Крѣпостныхъ сибирскихъ инородцевъ, принимавшихъ крещеніе, велѣно было освобождать отъ холопства. Въ 1713 году всѣмъ поволжскимъ мусульманскимъ владѣльцамъ имѣній царскимъ указомъ предписывалось въ теченіе полугода креститься, а въ случаѣ ихъ несогласія принять крещеніе, царь угрожалъ отобрать у нихъ помѣстья и вотчины. Всѣхъ принявшихъ крещеніе татаръ и иновѣрцевъ не велѣно было брать въ солдаты и имъ давалась льгота на 3 года отъ всѣхъ податей.

Иностранцамъ разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, съ цѣлью заохотить ихъ селиться въ Россіи, государь предоставилъ также бо̀льшую свободу, нежели они пользовались въ Россіи прежде. До того времени русскіе православные люди считали непристойнымъ заходить не только въ иновѣрческую церковь, но и въ иновѣрческія слободы. Даже ѣсть вмѣстѣ съ иновѣрцами считалось зазорнымъ. Имъ запрещено было также ходить въ русскую церковь, а если кому изъ нихъ удавалось побывать въ церкви, то ее окуривали ладономъ и окропляли святой водой. Богослуженіе свое они не могли отправлять на виду православныхъ людей. Петръ все это измѣнилъ. Онъ дозволилъ иностранцамъ имѣть свои церкви, вѣшать колокола и открыто отправлять свое богослуженіе. Онъ разрѣшилъ имъ бывать и въ русскихъ церквахъ, а иногда даже и самъ заходилъ въ ихъ церкви. Русскимъ дозволено было также жениться на иновѣркахъ. Но распространять въ Россіи какое-либо иностранное вѣроисповѣданіе было строжайше запрещено. За это Петръ, въ 1719 году, велѣлъ немедленно выгнать изъ Россіи іезуитовъ, которые успѣли тогда совратить въ Москвѣ въ католичество нѣсколькихъ мѣщанъ, которыхъ тоже приказано было арестовать. О всѣхъ совращавщихся въ иновѣріе русскихъ подданныхъ приказано было до-

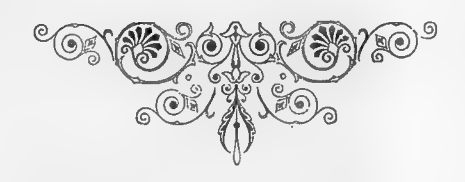
носить немедленно самому государю. Напротивъ, Петръ старался, чтобы иновѣрцы сами присоединялись къ православной церкви. И дѣйствительно, многіе изъ иностранцевъ, поступавшихъ на русскую службу, а въ особенности плѣнные шведы, охотно тогда принимали православіе.

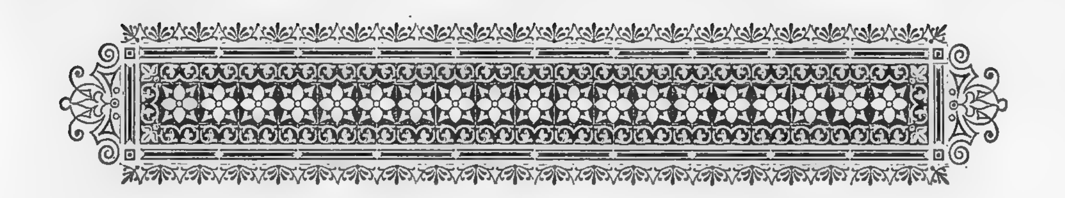
Всѣ описанныя выше важнѣйшія правила церковнаго управленія и необходимыя мѣры къ улучшенію вообще всѣхъ церковныхъ дѣлъ—были тогда изложены въ знаменитомъ „Духовномъ Регламентѣ“, составленномъ псковскимъ епископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, при дѣятельномъ участіи самого государя. Въ этомъ регламентѣ или уставѣ подробно были опредѣлены обязанности всѣхъ духовныхъ лицъ, начиная съ членовъ святѣйшаго синода и кончая духовенствомъ приходскихъ церквей. Въ уставѣ подробно также объяснена польза образованія духовенства, точно указаны правила благочинія въ церквахъ, значеніе церковныхъ обрядовъ, необходимость искорененія вредныхъ и безсмысленныхъ суевѣрій, языческихъ обычаевъ, притворныхъ кликушъ и бѣснующихся, выдумщиковъ ложныхъ чудесъ и проч.

Устройство церковнаго управленія, какъ и всѣ другія дѣла Петра, не обошлось для него безъ большихъ огорченій. Члены синода, по обыкновенію всѣхъ тогдашнихъ русскихъ людей, на первыхъ же порахъ начали вступать въ споры и ссоры между собою, съ сенатомъ и съ разными сильными людьми, такъ что государю самому приходилось мирить и объяснять каждому права его. Архіереи, вмѣсто дружнаго содѣйствія государю въ его благихъ начинаніяхъ, высказывали крайнее недовольство новыми порядками; одинъ архіерей грозился даже церкви затворить и архіерейство покинуть. Самъ предсѣдатель святѣйшаго синода, митрополитъ Стефанъ Яворскій, не разъ осмѣливался порицать въ проповѣдяхъ новые порядки и просился у государя въ отставку; но Петръ не отпустилъ его. Свѣтскія власти, которымъ ввѣрено было завѣдываніе монастырскими имуществами и вотчинами, въ свою

очередь не въ мѣру усердствовали и часто обижали архіереевъ и монастырскую братію. Приходское же духовенство, по своей темнотѣ, не только не заботилось объ искорененіи суевѣрій, но еще само нерѣдко поддерживало ихъ и распространяло ложныя чудеса. Государь и тутъ вынужденъ былъ самъ принимать мѣры противъ лжеучителей. Однажды, въ Петербургѣ какой-то священникъ распространилъ слухъ, что у иконы, стоявшей у него въ церкви, творятся чудеса. Государь призвалъ этого попа во дворецъ и просилъ его сотворить чудо, а какъ чуда не случилось, то Петръ приказалъ отправить обманщика въ крѣпость, лишить сана и наказать кнутомъ. Въ Петербургской-же церкви Исаакія Далматскаго, во время обѣдни, жена одного плотника стала разъ кричать, что она „испорчена", а когда ее потащили къ допросу, созналась, что она это затѣяла по злобѣ на мужа, который поколотилъ ея деверя. Тогда царь велѣлъ приводить къ допросу всѣхъ кликушъ, нарушавшихъ благочиніе въ церквахъ.

Вообще, Петръ постоянно и дѣятельно наблюдалъ за приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ своихъ предначертаній по церковному управленію и, благодаря его неусыпнымъ заботамъ, были навсегда искоренены многія прежнія причины несогласій, раздоровъ и безпорядковъ въ православной церкви.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Преобразованіе дворянства.—Устройство купечества.—Заведеніе ремесленныхъ цеховъ.—Преслѣдованіе казнокрадства.

Преобразовавъ, такимъ образомъ, все управленіе въ государствѣ и усиливъ въ немъ работу сообща на пользу Русской земли, Петръ обратилъ потомъ свои заботы на осуществленіе такихъ мѣръ, которыя измѣнили бы дурныя привычки всѣхъ русскихъ людей, искоренили бы во всѣхъ нихъ рознь, неумѣнье подчиняться и небреженіе объ общей пользѣ и выработали бы изъ нихъ гражданъ, способныхъ постоянно служить своей великой родинѣ. Съ этой цѣлью онъ предпринялъ переустройство всѣхъ сословій въ россійскомъ государствѣ.

До Петра Великаго народъ русскій дробился на разныя сословія, которыя подраздѣлялись еще на многіе классы и разряды. Главнымъ образомъ, русскій народъ раздѣлялся на два класса: *служилыхъ* людей, т. е. обязанныхъ государству службою, и *тяглозыхъ* людей, т. е. податныхъ или земскихъ людей. Служилые люди раздѣлялись, въ свою очередь, на разныя ступени, смотря по знатности ихъ рода. Самый высшій разрядъ служилыхъ людей составляла *боярская* знать, которая по степени значительности ея родовъ и правамъ службы, тоже раздѣлялась на нѣсколько „статей“. Слово „бояринъ“

означало собственно самый высшій придворный чинъ; за нимъ слѣдовалъ „окольничій", а потомъ „думный дворянинъ". Эти три статьи засѣдали въ боярской думѣ. Далѣе слѣдовали придворные чины: „спальники", „стольники", „стряпчіе", „жильцы" и другіе должностные люди, отправлявшіе службу при царской особѣ и назначавшіеся на эти должности обыкновенно изъ дѣтей знатныхъ людей. Кромѣ этихъ придворныхъ должностей, бояре занимали, также сообразно степени знатности своего рода, высшія должности въ войскахъ и на гражданской службѣ въ городахъ. Бояре же, не занятые войною или службою въ городахъ, постоянно жили въ Москвѣ и каждый день могли съѣзжаться во дворецъ на поклонъ государю. Всѣ бояре находились въ полной власти государя и не избавлялись даже отъ тѣлеснаго наказанія. Но, не смотря на то, пользуясь прирожденными правами на высшія должности въ государствѣ, бояре имѣли большую силу при дворѣ и, по привычкѣ къ своеволію и раздорамъ, часто досаждали государямъ особенно своимъ наружнымъ, рабскимъ повиновеніемъ и неумѣньемъ подчиняться на дѣлѣ добровольно и постоянно. Помимо того, не только въ гражданской, но и въ военной службѣ между боярами происходили частыя пререканія изъ-за власти, изъ-за мѣстъ, порождавшія упущенія по службѣ и нерадѣніе къ дѣлу.

Средній классъ служилаго сословія составляли *дворяне*, т. е. владѣльцы деревень, а послѣдній классъ—*дѣти боярскія*, т. е. мелкопомѣстные землевладѣльцы. И тѣ и другіе подраздѣлялись также на разныя статьи. Всѣ эти люди—бояре, дворяне и дѣти боярскія—обязаны были служить тамъ, гдѣ укажетъ государь; главную же обязанность всѣхъ ихъ составляла военная служба. Служившіе при дворѣ спальники, стольники, стряпчіе, жильцы и проч. были въ то же время и военные люди и составляли конный отрядъ царскихъ тѣлохранителей. Затѣмъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ составлялъ главную основу русскаго войска. Они отправляли собственно конную службу и обязывались въ военное время

выводить съ собою, смотря по количеству отведенной имъ земли, извѣстное число вооруженныхъ слугъ и крестьянъ, или наемныхъ людей, такъ какъ постояннаго войска въ Россіи въ то время не было. За свою службу государству, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, дворяне, равно какъ и бояре, получали помѣстья и вотчины. Хотя дворяне и дѣти боярскія всѣ обязаны были служить царю до гроба, до послѣднихъ силъ, но эти обязанности, какъ и многія другія, въ то время больше значились на бумагѣ, нежели на дѣлѣ. Службою въ городахъ были заняты большею частію только бѣднѣйшіе изъ дворянъ, нуждавшіеся въ средствахъ къ жизни; военная же служба хотя и была для всѣхъ ихъ обязательною и довольно тяжелою, но она не лежала на нихъ постоянно, а выпадала лишь во время войны; но и тутъ многіе изъ дворянъ, по тогдашнему обыкновенію, успѣвали вовсе уклоняться отъ нея. Такимъ образомъ, большинство дворянъ и дѣтей боярскихъ оставались безъ дѣла и жили въ полной праздности, трудами своихъ кабальныхъ людей и холопей, и, на-ряду съ другими русскими людьми, часто своевольничали въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, пренебрегая законами и царскими указами. Бѣднѣйшіе изъ помѣщиковъ пускались даже со своими людьми въ разбои на большихъ дорогахъ.

Сословіе людей *тягловыхъ*, или податныхъ (земщину) составляли „посадскіе", т. е. городскіе жители и „крестьяне". Къ посадскимъ людямъ принадлежали собственно городское населеніе, занимавшееся торговлею и промыслами. Они раздѣлялись на „сотни" и „слободы". Высшіе разряды торговыхъ людей въ столицѣ носили названіе *гостей*, *гостиной сотни* и *суконной сотни*, остальные составляли *черныя сотни*. Самые зажиточные изъ посадскихъ назывались „лучшими людьми", остальные „меньшими". Посадскіе обязаны были платить подати въ казну и, кромѣ того, отправлять царскую службу въ качествѣ разнаго рода выборныхъ приставовъ, или цѣловальниковъ, при сборѣ пошлинъ, при тамож-

няхъ, питейныхъ домахъ и проч. Хотя служба эта для нихъ была тяжела, такъ какъ они отвѣчали своимъ имуществомъ за всякій убытокъ или недоборъ, но эта тяжесть значилась тоже больше на бумагѣ, нежели на дѣлѣ. При общей привычкѣ къ своекорыстію, выборные посадскіе люди прибѣгали къ разнымъ насиліямъ и произвольнымъ поборамъ, и потому не только не терпѣли ущерба отъ своей службы, но часто еще разживались отъ нея. При этомъ многіе изъ посадскихъ людей успѣвали даже вовсе уклоняться отъ этой службы и отъ всякихъ сборовъ. Главный же недостатокъ въ устройствѣ сословія посадскихъ людей заключался въ томъ, что ни торговля, ни промыслы ихъ не были подчинены никакому надзору. Отъ того и въ торговлѣ и въ разныхъ промыслахъ городскихъ сильно распространены были нерадѣніе, плутовство и обманъ.

Большими недостатками отличалось въ то время и устройство крестьянскаго сословія. Въ то время всѣ русскіе люди, какое бы они названіе ни носили, къ какому бы званію ни принадлежали, проникнуты были однимъ духомъ, отличались одинаковыми достоинствами и недостатками. Разныя сословія тогда не различались между собою ни обычаями, ни нравами, ни образованіемъ, а только правами и состояніемъ.

Крестьяне въ то время не владѣли собственной землей, а жили на земляхъ, принадлежавшихъ государю, или служилымъ людямъ, или же монастырямъ. Государевы крестьяне раздѣлялись на *дворцовыхъ*, доходы съ которыхъ шли исключительно на государя, и на *черносошныхъ*, платившихъ подать въ государственную казну. Помѣщичьи крестьяне также платили въ казну поземельную подать; монастырскіе же крестьяне, которыхъ было очень значительное число, были освобождены отъ всякихъ сборовъ, вслѣдствіе чего на всѣхъ остальныхъ крестьянъ падала вся тяжесть податей. Кромѣ того, былъ еще довольно многочисленный классъ деревенскихъ людей, избавленный также отъ всякихъ сборовъ, это—помѣщичьи холопы и кабальные люди. Власть помѣщиковъ надъ холопами и кабальными

была очень сильна, надъ крестьянами же, жившими за извѣстную плату на помѣщичьихъ земляхъ, власть владѣльцевъ, по закону, была довольно ограниченная, но, по свойственному тогда многимъ русскимъ людямъ пренебреженію къ закону, дворяне почти неограниченно своевольничали въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Въ свою очередь, и сами крестьяне часто не стыдились разными способами обходить законъ, стараясь постоянно уклоняться отъ взноса податей и сборовъ и мало заботясь объ успѣшности своихъ земледѣльческихъ занятій. Съ цѣлью избавиться отъ уплаты казенныхъ сборовъ, многіе крестьяне или приписывались къ монастырямъ, или даже добровольно продавали себя въ кабалу помѣщикамъ, т. е. поступали въ холопы, или же прямо пускались въ бѣги со своихъ земель, въ глухіе лѣса и на окраины Россіи, образовывая тамъ многочисленныя воровскія шайки, въ которыхъ, на-ряду съ крестьянами, встрѣчались и бѣглые помѣщики, и военные люди, и даже лица духовнаго званія. Всѣ эти люди значились, какъ тогда говорилось, въ „нѣтяхъ", ушедшими въ „нѣтье". Отъ такихъ „нѣтчиковъ" пустовали не только многія деревни, но иногда цѣлыя области. Столь слабая связь крестьянъ съ землей, съ одной стороны, была причиной плохаго состоянія земледѣлія, а съ другой—служила источникомъ многихъ безпорядковъ въ государствѣ, такъ какъ, при этомъ въ государственную казну не только не могли правильно поступать доходы, но часто вовсе нельзя было отыскать значительную часть населенія, обязаннаго платить подати. Всѣ эти недостатки въ устройствѣ разныхъ сословій причиняли много зла Русской землѣ, и государи русскіе издавна обращали свое вниманіе на это слабое подчиненіе каждаго сословія закону и на столь нетвердое на дѣлѣ прикрѣпленіе къ государству. Но трудно было измѣнить издавна укоренившіеся на Руси обычаи и порядки.

При Петрѣ все гражданское управленіе въ Россіи было перестроено на началахъ дружной, согласной работы на

пользу государства, и для этого требовались новыя силы, иные люди, съ новымъ воспитаніемъ и съ новыми привычками. Поэтому прежняго устройства сословій больше нельзя уже было терпѣть. Петръ говорилъ, что при такомъ устройствѣ сословій „отъ труда ищетъ всякій уклониться и жить праздностью, которая, по священному писанію, мать всѣхъ пороковъ". Государь и рѣшился перестроить всѣ сословія русскаго народа такъ, чтобы весь ихъ бытъ и всѣ распорядки были согласованы съ общею пользою, подчинены служенію государству, чтобы каждое сословіе пріучалось неуклонно исполнять свой долгъ и обязанности передъ государствомъ и всѣмъ народомъ.

24 января 1722 года, Петръ Великій, взамѣнъ прежнихъ прирожденныхъ дворянскихъ правъ на всѣ высшія государственныя должности, издалъ знаменитый указъ, заключавшій въ себѣ „Табель о рангахъ", т. е. положеніе о государственныхъ *чинахъ*, послужившее основаніемъ новому порядку гражданской и военной службы и измѣнившее прежнее значеніе дворянскаго и отчасти прочихъ сословій. По этому закону, къ государственной службѣ и къ производству въ государственные чины допускались лица всѣхъ сословій, если они получили установленное воспитаніе; при этомъ, вся государственная служба строго была раздѣлена на три разряда: воинскую, статскую и придворную, и въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ установлено было *14 классовъ* чиновъ, въ порядкѣ отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ должностей. Каждый чинъ означалъ въ сущности соотвѣтствующую должность, при чемъ самый чинъ или „рангъ" давалъ право на извѣстную почесть. Всякій, кто самовольно займетъ мѣсто, дающее ему право на почесть выше его ранга, подвергался штрафу; унижавшій публично чинъ свой наказывался наравнѣ съ присвоившими себѣ высшій чинъ. Чтобы почеты по чинамъ не вводили въ жизнь пустаго и вреднаго чванства, въ указѣ было сказано: „сіе осмотрѣніе каждаго ранга не въ такихъ оказіяхъ требуется, когда нѣкоторые, якобы добрые друзья и сосѣди

съѣдутся, или при публичныхъ ассамблеяхъ, но токмо въ церквахъ при службѣ Божіей, при дворовыхъ церемоніяхъ, при аудіенціяхъ пословъ, въ торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ" и тому подобномъ. Каждый могъ быть произведенъ изъ низшаго класса въ слѣдующій высшій чинъ, только по выслуженіи опредѣленнаго срока и не иначе, какъ за заслуги. Чтобы придать болѣе силы этому новому учрежденію, велѣно было предпочитать чиновниковъ лицамъ нечиновнымъ, хотя бы они были самаго знатнаго происхожденія. Порода давала преимущества только по придворной службѣ. Такимъ образомъ, стерты были даже слѣды стариннаго мѣстничества. Достоинство государственной службы, заслуги, оказанныя на госудаственвой службѣ, были поставлены выше рожденія.

Не менѣе важное значеніе, въ новыхъ порядкахъ государственной службы, имѣло также установленіе правила, по которому выслуга чина 7-го класса въ статской службѣ и перваго офицерскаго чина въ военной службѣ—давали выслужившему эти чины потомственное дворянское званіе, къ какому-бы онъ сословію ни принадлежалъ по своему рожденію. Такимъ образомъ, съ одной стороны, люди самаго низкаго состоянія получали возможность достигать самыхъ высшихъ чиновъ, а съ другой стороны, уже не знатность происхожденія давала право на извѣстный чинъ или должность, а какъ разъ наоборотъ—извѣстный чинъ, т. е. заслуги, оказанныя на государственной службѣ, давали право потомственнаго дворянскаго званія, хотя бы и не дворянину. Извѣстно, сколько при Петрѣ людей изъ самыхъ низшихъ сословій достигли высокаго положенія въ государствѣ. Такимъ образомъ, Петръ учредилъ новый классъ дворянства, какъ потомственнаго, такъ и личнаго, открывъ всѣмъ доступъ къ нему, чрезъ воинскія доблести и чрезъ гражданскія заслуги. Чины являлись какъ бы наградой доброй службы всякаго служилаго человѣка, какого-бы рода онъ ни былъ. При этомъ кромѣ чиновъ, для награды

ревностной службы впервые также установлены были ордена. До Петра, государи московскіе жаловали русскихъ людей за вѣрную службу деньгами, помѣстьями и вотчинами, кубками, ковшами и даже шубами. Такія награды обыкновенно еще болѣе развивали въ служилыхъ людяхъ склонность къ корыстолюбію, и безъ того сильную. Петръ-же хотѣлъ, чтобы въ царской наградѣ было больше почета, чѣмъ корысти, а потому для наградъ самыхъ высокихъ заслугъ установилъ ордена, а именно: Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго (введеннаго уже послѣ его смерти) и женскій орденъ св. Екатерины.

Табелью о рангахъ установленъ былъ порядокъ службы, существующій у насъ до сихъ поръ почти безъ измѣненія, какъ въ гражданской, такъ и въ придворной службѣ; кромѣ того, при открытіи коллегій особыми уставами или регламентами, по каждому роду службы въ отдѣльности, были подробно опредѣлены правила и порядки службы, не оставшіеся также безъ вліянія на положеніе разныхъ сословій народа. Всѣ эти уставы, составленные самимъ государемъ, были изданы въ тѣхъ видахъ, какъ говорилось въ указѣ: „дабы всякій чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ знаніемъ, а невѣдѣніемъ нз отговаривался“. Особенно замѣчателенъ изъ этихъ уставовъ Петра Великаго „Воинскій уставъ“, который оказалъ наиболѣе сильное вліяніе на измѣненія въ положеніи разныхъ сословій и надолго остался основою русскаго военнаго законодательства. Въ этомъ уставѣ были подробно опредѣлены: всѣ существующіе и понынѣ воинскіе чины и должности, отъ генералиссимуса до послѣдняго кашевара; раздѣленіе ихъ на корпуса, дивизіи, баталіоны и проч., всѣ роды оружія—артиллерія, пѣхота, кавалерія и проч.; занятія войскъ въ мирное и военное время, правильное снабженіе арміи жизненными припасами, военно-судная, медицинская и почтовая части, расквартированіе войска и, наконецъ, рекрутская повинность, которая, кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій, распространена была и на посадскихъ жителей, а въ

Петръ I пьетъ за здоровье шведовъ послѣ Полтавы.

концѣ царствованія Петра—и на разныхъ инородцевъ въ Россіи: татаръ, мордву и черемисъ, раньше освобождавшихся отъ рекрутчины; изъ посадскихъ жителей только купцы могли давать за своихъ рекрутъ выкупъ. Дворяне-же всѣ безъ исключенія обязаны были служить преимущественно въ военной службѣ, а также и въ гражданской. Кромѣ того, указано было брать въ военную службу всѣхъ праздныхъ людей, какъ напримѣръ, бродяжныхъ людей и вольноотпущенныхъ, которые, получивши отпускную, обыкновенно шатались безъ дѣла, или опять поступали въ холопы. Воинскимъ уставомъ впервые также на Руси была введена въ войскѣ строжайшая дисциплина, т. е. безусловное подчиненіе младшихъ чиновъ старшимъ и всѣхъ чиновъ вообще—всѣмъ правиламъ военнаго быта. Приказанія начальства нельзя уже было измѣнять, хотябы явно съ доброю цѣлью; всякому дозволялось заявить свое мнѣніе командиру, или самому генералу, а все-таки слѣдовало непремѣнно исполнить данное приказаніе. Въ то же время подначальные люди ограждались отъ произвола ихъ начальниковъ. Офицерамъ запрещалось употреблять солдатъ на свои работы, или брать къ себѣ въ услуженіе, исключая деньщиковъ, и указывалось не обращаться съ ними жестоко. Даже на время самыхъ сраженій были установлены правила, которыя слѣдовало строго помнить и соблюдать. Такъ, запрещено было наносить побои сдавшимся непріятелямъ; съ плѣнникомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было обходиться какъ съ врагомъ, какъ это прежде дѣлалось. При взятіи городовъ штурмомъ, запрещалось, подъ опасеніемъ смертной казни, грабить церкви, духовныя школы и госпитали. Вообще воинскимъ уставомъ требовалась отъ военныхъ людей служба неуклонная и вводился совершенно незнакомый прежде рускимъ людямъ строжайшій порядокъ. Въ уставѣ впервые также опредѣлено было самое слово „солдатъ“. Имя „солдатъ“, говорилось въ уставѣ, „просто содержитъ въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскахъ есть, отъ генерала до послѣдняго мушкетера, коннаго и пѣшаго“.

Табель о рангахъ, равно какъ и различные уставы о службѣ, послужили главнымъ основаніемъ къ совершенному переустройству распорядковъ и въ средѣ самыхъ русскихъ сословій. Люди всѣхъ сословій, безъ различія, призывались къ подчиненію закону и долгу и къ неустанному правильному труду на пользу государства.

Коренное дворянство, по стариннымъ русскимъ понятіямъ, составляло на Руси главное служилое сословіе, предназначавшееся на всю жизнь для службы государству, и потому изстари пользовалось передъ другими сословіями такими правами, которыя составляли не столько преимущества, сколько обязанности. Только нестроеніе государства способствовало въ старину боярскому сословію уклоняться въ дѣйствительности отъ серьезнаго труда. Петръ, вѣрный духу русской исторіи, не уничтожилъ правъ и преимуществъ дворянскаго происхожденія, но, сдѣлавъ дворянское званіе доступнымъ черезъ государственныя заслуги для лицъ всякаго происхожденія, онъ тѣмъ самымъ не только хотѣлъ заохотить на эту службу людей изъ разныхъ сословій, но заставить и самое дворянство на дѣлѣ исполнять свои старинныя обязанности передъ государствомъ. Поэтому Петръ не давалъ дворянству особаго сословнаго управленія, какое онъ далъ, напримѣръ, сословію городскому. Составляя служилое сословіе, вся обязанность котораго заключалась въ государственной службѣ, дворянство получило все свое устройство въ табели о рангахъ и въ уставахъ о государственной службѣ, которыми каждый дворянинъ обязывался съ юныхъ лѣтъ до старости служить государству, на военной или гражданской службѣ, и подчиняться всѣмъ правиламъ этой службы. Такимъ образомъ, государственное устройство и управленіе, по мысли Петра, было въ то же время и устройствомъ дворянскаго сословія.

При Петрѣ дворянство на дѣлѣ было обременено тяжелою службою. Всѣмъ, считавшимся до того времени коренными дворянами, прежде всего, вмѣнялось доказать, когда и

отъ кого пожалована имъ дворянская честь. Тѣ, которые докажутъ, что ихъ родъ пользовался дворянствомъ не менѣе ста лѣтъ, получали дворянскіе гербы. Заведены были списки дворянъ, по именамъ и чинамъ, и въ эти стиски стали вносить и ихъ дѣтей. Такимъ образомъ положено было начало родословнымъ книгамъ и герольдіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ дворяне приведены были въ извѣстность, и никто уже не могъ присвоить себѣ званіе не по праву. Затѣмъ, Петръ зорко смотрѣлъ, чтобы никто изъ дворянъ на самомъ дѣлѣ не уклонялся отъ службы; онъ приказывалъ воеводамъ каждой провинціи собирать дворянскихъ сыновей отъ 10 до 13 лѣтъ и записывать ихъ въ военную службу, а неспособныхъ къ ней опредѣлять въ гражданскую. Государь часто самъ собиралъ дворянъ на смотры къ себѣ и самъ назначалъ, кого на какую службу опредѣлить. Такъ, въ 1714 году онъ велѣлъ всѣмъ дворянамъ собраться въ октябрѣ на смотръ въ Петербургъ, съ дѣтьми и сродниками; но, по тогдашней привычкѣ уклоняться отъ исполненія закона, никто изъ дворянъ не явился; отложили смотръ до марта 1715 года, но и въ мартѣ явились лишь не многіе; срокъ еще отложили до сентября, уже съ угрозами, но и послѣ того много еще было непослушныхъ царскому указу. Тогда Петръ приказалъ отбирать у неявившихся имѣнія и отдавать ближнимъ ихъ родственникамъ. Съ цѣлью заставить дворянъ подчиняться закону и не отвиливать отъ службы, Петръ прибѣгалъ къ самымъ строгимъ мѣрамъ. Въ 1721 году онъ приказалъ вновь переписать всѣхъ дворянъ, находившихся не на службѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ, и велѣлъ прибыть имъ въ Москву или Петербургъ къ новому году, но многіе опять не явились. Тогда государь приказалъ имена неявившихся вывѣсить на висѣлицѣ, съ барабаннымъ боемъ. Петръ всюду неотступно преслѣдовалъ уклоняющихся отъ службы. Однажды, до 300 дворянскихъ сыновей, отвиливая отъ службы, записались въ школу. Государь велѣлъ и оттуда ихъ взять и послать на

службу. Одинъ дворянинъ, посланный за-границу для подготовленія къ морской службѣ, бѣжалъ, тамъ постригся въ монахи и дошелъ уже до іеродіакона, но когда вернулся въ Россію, Петръ велѣлъ его взять и отправить въ Петербургъ на царскую службу.

У дворянъ, не привыкшихъ къ настоящему труду, составился въ то время такой взглядъ, что, по своему происхожденію, они должны исправлять на службѣ только начальническія должности. Петръ, знавшій цѣну дѣйствительному труду, постановилъ, чтобы дворяне, по выдержаніи установленнаго испытанія, поступали сначала въ гражданскую службу на низшую должность (юнкерами), а въ военную—рядовыми гвардіи; лица же, которыя, опираясь на свою дворянскую породу, вовсе не служили солдатами, отнюдь не велѣлъ производить въ офицерскіе чины. Это правило Петръ строго соблюдалъ и въ отношеніи къ самому себѣ: какъ извѣстно, онъ самъ началъ службу съ „бомбардира“, т. е. съ простаго артиллерійскаго солдата, и только на 27 году своего царствованія дослужился до генеральскаго чина.

Петръ замѣтилъ также, что привычка къ ничегонедѣланію держалась у дворянъ, главнымъ образомъ, на обезпеченности каждаго изъ дворянскихъ сыновей наслѣдственнымъ имѣніемъ, т. е. всѣмъ готовымъ, такъ что дворяне не нуждались даже въ извлеченіи какой-либо пользы изъ своихъ капиталовъ, и потому издавна имѣли обычай, по примѣру крестьянъ, прятать свои деньги и сокровища у себя на дому и даже зарывать ихъ въ землю. Такимъ образомъ, не только сами дворяне избѣгали полезнаго труда, но и самые капиталы ихъ лежали также безъ пользы, не принося ни имъ самимъ доходовъ, ни затрачиваясь на полезныя предпріятія. А главное, вслѣдствіе раздробленія помѣщичьихъ имѣній порознь между всѣми наслѣдниками, развелось много бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, у которыхъ и крестьянамъ было труднѣе, потому что имъ приходилось больше работать для обезпеченія небогатаго помѣщика.

Въ виду этого государь издалъ указъ, чтобы недвижимое дворянское имущество, по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ странъ, не дѣлилось, а по смерти отца переходило бы къ одному старшему сыну (маіоратъ), дабы другіе наслѣдники, получивши, вмѣсто недвижимыхъ имуществъ, капиталы, вынуждены были поневолѣ, ради средствъ къ жизни, приняться за какіе нибудь дѣятельныя предпріятія, или искать хлѣба службой и другими полезными для страны средствами. При этомъ государь замѣтилъ въ указѣ, что при большемъ достаткѣ владѣтеля, и крестьянамъ будетъ легче, и государственные доходы будутъ поступать исправнѣе.

Несомнѣнно, что подобное пересозданіе русскаго дворянства принесло бы много пользы странѣ и государству, но Петръ скоро самъ увидѣлъ, какое неисчислимое множество способовъ находило русское дворянство уклоняться отъ исполненія закона о единонаслѣдіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что маіоратъ или единонаслѣдіе противорѣчитъ будто-бы многовѣковымъ русскимъ привычкамъ, освятившимъ право всѣхъ дѣтей на равныя части. Поэтому единонаслѣдіе послужило на Руси неисчерпаемымъ источникомъ зависти и разныхъ хитростей и породило множество судебныхъ тяжбъ и даже безпорядковъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; такъ, родители, передавши землю одному сыну, старались отдать другому, чтобы не обидѣть его, все остальное, т. е. не только деньги, но и скотъ, и хлѣбъ, и земледѣльческія орудія, безъ которыхъ имѣніе перваго наслѣдника приходило въ полное разстройство. Петръ вынужденъ былъ, наконецъ, отмѣнить указъ о единонаслѣдіи, но не переставалъ, однако, употреблять всѣ средства, чтобы привлечь дворянъ къ разнымъ полезнымъ занятіямъ, наравнѣ съ людьми другихъ сословій. Онъ запретилъ ставить въ безчестіе дворянамъ занятія какимъ нибудь ремесломъ, или вступленіе въ духовное званіе; поощрялъ также людей знатныхъ фамилій заниматься торговлею, а не сидѣть праздными только потому, что они не нуждались ни въ чемъ.

Всѣми этими мѣрами Петръ, во всякомъ случаѣ, успѣлъ заронить въ дворянскомъ сословіи сѣмена труда, которыя постепенно развивались все больше.

Сословію посадскихъ людей, т. е. городскихъ жителей, Петръ далъ также совершенно новое устройство. Даровавъ имъ собственное выборное управленіе, чрезъ учрежденіе магистратовъ и бургомистровъ, государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣлилъ городское сословіе на двѣ гильдіи: къ 1-й гильдіи отнесены первостатейные купцы, банкиры, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, аптекаря и вообще люди, производящіе свое ремесло или торговлю въ большомъ размѣрѣ; ко 2-й гильдіи принадлежали мелкіе торговцы и менѣе значительные ремесленники. Такимъ образомъ, собственно городское сословіе составлено было изъ торговыхъ людей и ремесленниковъ. Наравнѣ съ другими сословіями, они должны были служить государству своими капиталами, платя въ казну установленный взносъ за принадлежность къ гильдіи и за право производства промысловъ и торговли. Съ цѣлью устройства ремесленныхъ людей и установленія правильнаго надзора надъ самыми ремеслами, государь рѣшился ввести въ городахъ, по примѣру западно-европейскихъ странъ, для каждаго ремесла свое особое „собраніе ремесленныхъ людей“, называемое по-польски „*цехомъ*“. Каждое ремесло или занятіе должно было имѣть свой цехъ изъ настоящихъ мастеровъ, подъ начальствомъ старшины, который велъ книги, гдѣ записывались права и правила цеха. Такимъ образомъ, каждое ремесло или занятіе должно было собирать всѣхъ занимающихся лицъ въ одинъ цехъ или въ одно общество. Всякій желающій могъ свободно вступать въ цехъ; даже помѣщичьи крестьяне, знавшіе какое-либо ремесло и работавшіе не только на себя и на своихъ помѣщиковъ, но и на другихъ, были обязаны записываться въ цехъ. Такіе крестьяне могли за 50 рублей выкупаться. Незаконнорожденныхъ тоже по большей части опредѣляли въ ремесленники. Всѣ иностранные мастера также могли быть свободно принимаемы въ цехи. Только люди, про-

живавшіе наймами и черными работами, или поденщиной, не могли вступать въ цехи. Желавшій быть мастеромъ долженъ былъ явиться къ цеховому старшинѣ, подвергнуться отъ него испытанію въ своемъ ремеслѣ и получить свидѣтельство на званіе мастера. Только мастерамъ, получившимъ такія свидѣтельства, дозволялось выпускать въ продажу свои произведенія съ наложеніемъ своего клейма. Клеймилъ эти издѣлія самъ старшина, свидѣтельствуя тѣмъ ихъ годность. Недовольный заказанною работою могъ жаловаться старшинѣ. Старшина имѣлъ право приказывать вновь передѣлать такое издѣліе или же уничтожить его вовсе, когда находилъ негоднымъ. Каждый мастеръ-хозяинъ могъ содержать у себя, сколько ему заблагоразсудится, учениковъ, но, ради дѣйствительнаго наученія ихъ своему мастерству, обязывался не увольнять ихъ ранѣе семилѣтняго срока.

Введеніе цеховъ, какъ и многія благія начинанія Петра, встрѣтило сильныя затрудненія. Ремесленное дѣло въ Россіи стояло въ то время на самой низкой ступени развитія и настоящихъ мастеровъ почти не было. Не мало также тормозило введеніе этого преобразованія обычная на Руси „волокита". Лица, которымъ поручено было составленіе устава о цехахъ, нѣсколько лѣтъ тянули это дѣло. Наконецъ, въ 1722 году, Петръ вышелъ изъ терпѣнія и написалъ оберъ-президенту главнаго магистрата: „ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или полгода, то ты и товарищъ твой, Исаевъ, будете въ работу каторжную сосланы". При такихъ препятствіяхъ, учрежденіе цеховъ трудно было привить въ Россіи, тѣмъ болѣе, что государь взялся за это дѣло уже въ концѣ своего царствованія. Но Петръ надѣялся, чрезъ умноженіе русскихъ мастеровъ, отправляемыхъ для обученія за границу, а также чрезъ приглашеніе иностранныхъ мастеровъ, положить основаніе развитію хотя въ будущемъ ремесленнаго дѣла въ Россіи. И, дѣйствительно, уже при немъ въ Россіи распространилось по всѣмъ

значительнымъ городамъ множество иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, которые нашли себѣ столько русскихъ учениковъ, что скоро возникло на Руси уже настоящее ремесленное дѣло, которое современемъ могло развиться и въ цеховое устройство.

Подчиняя каждое сословіе строгому служенію государству, Петръ съ тою же цѣлію далъ нѣсколько иное устройство и крестьянскому сословію. Чтобы усилить земледѣльческія занятія и затруднить бѣгство и укрывательство „нѣтчиковъ“ отъ несенія государственныхъ повинностей, Петръ рѣшился тверже прикрѣпить крестьянское сословіе къ землѣ, и въ то же время привести въ извѣстность всѣхъ тяглыхъ людей. Для этого онъ впервые велѣлъ ввести при церквахъ метрическія записи: о бракахъ, рожденіи, крещеніи и погребеніи. Съ тою же цѣлью Петръ указалъ, въ 1719 году, произвести первую на Руси ревизскую народную перепись, которая была окончена черезъ три года, къ 1722 году. Оказалось, что всего въ Россіи было тогда болѣе 888 тысячъ дворовъ, а всего населенія было около 8 милліоновъ душъ, изъ которыхъ до 6 милліоновъ — податныхъ и до 2 милліоновъ — неподатныхъ. Изъ числа податныхъ было больше 172 тысячъ купечества, а изъ числа неподатныхъ — до 500 тысячъ дворянъ. По окончаніи ревизіи, взамѣнъ прежней подати съ земли, отъ которой легко уклонялись многіе крестьяне, они были обложены болѣе тяжелою подушною податью, отъ которой уклоняться было уже труднѣе. Всего было обложено 500 тысячъ крестьянъ, по 80 копѣекъ съ души. Вскорѣ послѣ этого, въ 1724 году, съ цѣлью искорененія бѣгства съ земель, установлены были паспорты. Крестьяне могли брать отпуски только въ своемъ уѣздѣ и не далѣе 30 верстъ; для отлучекъ же въ другой уѣздъ должны были уже выправлять паспорты. Безъ паспортовъ никуда не велѣно было пропускать и всякаго безпаспортнаго считать прямымъ воромъ. Но и тутъ русскіе люди находили средства уклоняться отъ закона, придумавъ фальшивые письменные виды. Однако, при-

шлось тогда крестьянамъ, на ряду съ другими сословіями, исправнѣе отбывать свои повинности. Пускаться въ бѣги тоже сдѣлалось труднѣе, а чтобы ихъ не вынуждало къ тому самовольство служилыхъ людей и помѣщиковъ, Петръ повелѣлъ указомъ отбирать деревни изъ управленія такихъ помѣщиковъ, которые налагаютъ на крестьянъ невыносимыя тягости и разоряютъ ихъ.

Не по сердцу былъ Петру и укоренившійся въ тогдашнемъ русскомъ дворянствѣ обычай продавать своихъ крѣпостныхъ людей, какъ скотовъ. Государь издалъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или матери, дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ, и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь“. Но при тогдашней привычкѣ русскихъ людей къ своеволію, многія желанія государя не исполнялись. Петръ хотѣлъ также, чтобы всѣхъ добровольно поступающихъ въ военную службу крѣпостныхъ людей навсегда освобождать отъ крѣпостной зависимости; но и отъ исполненія этого желанія государя русскіе люди успѣли тогда уклониться. Государь надѣялся, что военная дисциплина исправитъ присущіе русскому человѣку недостатки, и потому считалъ безопаснымъ освобождать такихъ людей отъ помѣщичьей власти. Общее же освобожденіе крѣпостныхъ людей, при господствовавшихъ тогда на Руси распущенныхъ привычкахъ, Петръ считалъ преждевременнымъ, хотя у него и заходила рѣчь объ этомъ. Однажды, въ разговорѣ объ этомъ, Петръ замѣтилъ, что для этого надобно прежде исправить дурныя привычки русскихъ людей, сдѣлать ихъ настоящими людьми, и что управлять народомъ, непривыкшимъ къ сдерживанію себя и къ уваженію законовъ, можно пока только со строгостью. Петръ, какъ мы видѣли выше, и направилъ всѣ свои усилія къ совершенному исправ-

ленію нравовъ русскихъ людей и къ искорененію въ нихъ разныхъ дурныхъ привычекъ, и тѣмъ самымъ онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ первый шагъ къ подготовленію русскаго крестьянскаго сословія къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости.

Много доставило заботъ Петру его стараніе исправить гражданскіе нравы вообще всѣхъ русскихъ людей и, въ особенности, его стремленіе внушить русскимъ людямъ постоянное и высокое уваженіе къ законамъ, о чемъ изстари заботились и прежніе русскіе государи. Въ точномъ исполненіи всѣми закона Петръ видѣлъ высшее выраженіе гражданскаго единенія русскихъ людей и необходимѣйшій и священнѣйшій долгъ каждаго гражданина, такъ какъ въ законахъ выражается многовѣковая забота государей, лучшихъ людей и всего народа объ устройствѣ Русской земли. Сборники русскихъ законовъ въ старину носили названіе „Русской Правды", а потомъ стали называться „Судебниками", а затѣмъ „Уложеніемъ законовъ". Отдѣльные же новые законы, по установившемуся изстари на Руси обычаю, издавались въ формѣ царскихъ „указовъ".

Царь Петръ Великій издалъ много отдѣльныхъ мудрыхъ законовъ и совершилъ столько преобразованій въ государствѣ, что прежніе законы, составленные при его отцѣ и извѣстные подъ именемъ „Уложенія царя Алексѣя Михайловича", оказывались уже недостаточными. Надо было сдѣлать сводъ новымъ законамъ съ прежними, пополнить и улучшить тѣ и другіе, словомъ—составить новое Уложеніе законовъ. Объ этомъ Петръ заботился въ теченіе всего своего царствованія. Сначала, въ 1700 году, онъ поручилъ это дѣло особой палатѣ, составленной изъ разныхъ русскихъ служилыхъ людей, но они, по русскому обычаю, въ три года почти ничего не сдѣлали. Въ 1714 году государь поручилъ составить уложеніе новой комиссіи, но и эта комиссія работала три года, почти безъ всякаго успѣха. Тогда Петръ, въ 1720 году, рѣшился составить новое уложеніе, на основаніи прежнихъ русскихъ,

а также шведскихъ, датскихъ и другихъ законовъ, и пригласилъ для участія въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ образованныхъ иноземцевъ. Однако, и эта комиссія не успѣла составить Уложенія, такъ какъ не нашлось на столько свѣдущихъ людей, которые могли бы обнять въ законахъ все великое дѣло Петра и достигнуть того совершенства, какого онъ требовалъ отъ нихъ. Но, не дожидаясь составленія новаго Уложенія, Петръ самъ принялся за улучшеніе и смягченіе во многомъ прежнихъ законовъ, отличавшихся, сообразно нравамъ и обычаямъ того времени, крайнею суровостію. Бо̀льшая часть изданныхъ Петромъ указовъ или законовъ написаны имъ собственноручно. Изъ прежнихъ законовъ Петръ совсѣмъ отмѣнилъ „правежъ“, — этотъ, установившійся на Руси со времени татарскаго ига, жестокій обычай бить должника палками до тѣхъ поръ, пока онъ уплатитъ долгъ; государь совсѣмъ также запретилъ пытки въ дѣлахъ маловажныхъ, а въ важныхъ дѣлахъ указалъ безъ особыхъ причинъ и подозрѣнія не пытать и, кромѣ того, допустилъ изъятія для многихъ лицъ, тогда какъ прежде отъ пытки не освобождался никто. Петръ отмѣнилъ также жестокую казнь для фальшивыхъ монетчиковъ, которымъ заливали горло расплавленнымъ оловомъ; государь указалъ замѣнить имъ эту казнь отсѣченіемъ головы. Вообще Петръ всюду старался смягчить жестокость старинныхъ русскихъ обычаевъ, и въ изданномъ имъ Уставѣ о судопроизводствѣ высказалъ слѣдующую, замѣчательную по милосердію мысль: „Лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить“.

Заботясь объ улучшеніи законовъ и смягченіи самыхъ наказаній за нарушеніе ихъ, Петръ Великій, однако, всѣми мѣрами старался внушить русскимъ людямъ необходимость добровольнаго, постояннаго и твердаго подчиненія всѣхъ и каждаго законамъ. Многіе русскіе люди того времени не понимали, что на законѣ держится все благоустройство народа: вся безопасность и свобода каждаго, безопасность всякаго

имущества, весь порядокъ въ обществѣ, столь необходимый для спокойствія жизни — основываются и поддерживаются только закономъ. Поэтому лучшіе русскіе люди, во главѣ съ государями, изстари заботились о точномъ исполненіи всѣми законовъ. Но многіе, по темнотѣ своей, часто старались обходить законъ, или даже вовсе уклоняться отъ исполненія его. Царскіе указы, какъ служилыми людьми, такъ и многими простыми русскими людьми исполнялись медленно и нерѣдко лишь подъ угрозою. Поэтому законъ большею частію оставался только на бумагѣ; на дѣлѣ же уважалась только сила. Оттого кто былъ богатъ и силенъ, тотъ былъ и правъ; не подчиняясь закону, слушались только палки и кнута, которыхъ не ставили себѣ въ безчестіе даже знатные бояре. Медленность въ исполненіи законовъ и нерадѣніе къ нимъ породили знаменитую московскую „волокиту“ въ судебныхъ дѣлахъ. Дѣла въ судахъ тянулись по десяткамъ лѣтъ, при чемъ правда оставалась въ сторонѣ, а старались только какъ можно больше вытягивать изъ просителей подачекъ. Зараза пристрастія и неправосудія сильно сказывалась во всѣхъ классахъ людей, какъ высшаго, такъ и низкаго состоянія. При этомъ, всякій норовилъ оправдаться разными отговорками, стараясь свалить вину на другихъ, а самъ первый никто не хотѣлъ исправиться. Все это хорошо видѣлъ Петръ и въ раздраженіи у него срывались иногда рѣзкія слова о русскихъ людяхъ. Однажды онъ замѣтилъ: „Нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ укрѣпленіе (фортецію) правды“. Особенно досаждало государя притворное, только наружное повиновеніе и усердная забота лишь о внѣшнемъ благочестіи, а не о внутренней правдѣ. Иные думали, что достаточно снять шапку и поклониться до земли, а во всемъ остальномъ можно-де поступать какъ кому хочется. Поэтому государь говаривалъ, что для всѣхъ людей достаточно десяти заповѣдей, а такимъ русскимъ людямъ слѣдовало-бы дать еще одиннадцатую заповѣдь—противъ лицемѣрія.

Крестьянинъ Иванъ Посошковъ тогда-же писалъ: „Намъ сіе вельми зазорно: не точію у иноземцевъ, но и басурмане судъ чинятъ праведенъ, а у насъ вѣра святая, благочестивая, на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда негодная, и какіе указы его императорскаго величества ни состоятся, всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ“... Русскіе люди, въ первый разъ при Петрѣ побывавшіе за-границей, по возвращеніи оттуда съ удивленіемъ разсказызали, что тамъ даже при азартныхъ играхъ не бываетъ обмана, что при судопроизводствѣ всѣ держатъ себя чинно и что судьи обращаются съ обвиненными и свидѣтелями тихо и учтиво, не кричатъ на нихъ, не ругаются, что на улицахъ „не видно пьяныхъ“ и всѣ постоянно трудолюбивы и предпріимчивы, „всюду и во всемъ ищутъ прибыли“. Но русскіе люди не понимали, что все видѣнное ими благоустройство жизни основывалось на умѣньѣ людей постоянно сдерживать себя, на привычкѣ ихъ неуклонно подчиняться своему долгу и обязанностямъ передъ государствомъ и обществомъ, словомъ, на уваженіи ихъ къ государственнымъ законамъ и ко всякимъ общественнымъ постановленіямъ и правиламъ.

Петръ Великій и старался всѣми мѣрами внушить русскимъ людямъ это уваженіе къ законамъ, къ ихъ святости. На этомъ основаніи, онъ строго наказывалъ неправосудіе, равно какъ и „волокиту“, т. е. медленность въ судебныхъ дѣлахъ, касающихся особенно людей бѣдныхъ и слабыхъ. Въ одномъ указѣ Петра говорилось: „Наипаче же смотрѣть судьямъ того всемѣрно, чтобы безвластные бѣдные люди и вдовы и сироты безъ меньшей самой волокиты, по безотступнымъ своимъ докукамъ, на дѣла свои самыя скорыя вершенія отъ судей впредь получали и отъ обидящихъ ихъ защищены были, не смотря ни на какое лицо“. Въ другомъ указѣ о бѣдныхъ людяхъ, вдовахъ и сиротахъ „безгласныхъ и безпомощныхъ“ говорилось, что его царское величество всемилосердымъ ихъ защитителемъ есть и взыскателемъ обидъ ихъ напрасныхъ отъ

начальствующихъ". Однажды государь грозно писалъ въ указѣ своемъ о неправосудіи судей: „Того ради надлежитъ въ винахъ званія своего волею и вѣдѣніемъ преступившихъ, такъ наказывать, якобы кто въ самый бой должность свою преступилъ, или какъ самого измѣнника, понеже сіе преступленіе вящше измѣны; ибо о измѣнѣ увѣдавъ остерегутся, а отъ сей не всякій остережется". Въ другой разъ Петръ съ горечью говорилъ въ указѣ: „Всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, подбирая масть къ масти". Чтобы отучить русскихъ людей отъ вредной привычки произвольно толковать законы, каждымъ въ свою пользу, — государь приказалъ напечатать и выставить въ сенатѣ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ законами, чтобы не преступать святости ихъ. Въ наставленіи этомъ, между прочимъ, говорилось: „Буде-же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ сенатъ выписки о томъ". Только сенатъ, собравши всѣ коллегіи, могъ давать толкованіе неясному закону, и то подъ присягою, и свое мнѣніе обязанъ былъ представлять государю на утвержденіе.

Между многими способами уклоненія отъ закона, русскіе люди наичаще всего пользовались отговоркою въ своей темнотѣ, ссылались на незнаніе закона; хотя-бы русскій человѣкъ и зналъ законъ, но онъ все-таки говорилъ: „мы люди темные, гдѣ намъ знать всѣ законы", и на этомъ основаніи просилъ освободить его отъ отвѣтственности и смягчать ему наказаніе. Петръ всячески старался искоренить это вредное притворство. Онъ установилъ закономъ, чтобы никто изъ служащихъ и прочихъ гражданъ не отговаривался невѣдѣніемъ закона, а чтобы всякій отвѣчалъ за свои поступки, какъ вполнѣ знающій законъ. Въ то же время государь всячески старался распространять въ народѣ дѣйствительное знаніе законовъ и предупреж-

дать неправильное толкованіе, или искаженіе ихъ. Съ этой цѣлію Петръ, въ 1720 году, указалъ посылать впредь не письменные, какъ прежде бывало, а печатные указы и прочитывать ихъ народу въ церквахъ.

Но ни въ чемъ такъ не сказывалась среди старинныхъ русскихъ людей привычка къ пренебреженію законовъ, какъ въ государственномъ хозяйствѣ, которое отъ того было въ большомъ разстройствѣ, и Петру Великому пришлось съ чрезвычайными усиліями почти вновь создавать государственную казну.

До Петра русскіе люди по бѣдности своей платили въ казну лишь очень незначительную подать, которая называлась *тягломъ* и платилась крестьянскими обществами *съ сохи*, т. е. съ извѣстнаго числа участковъ земли, которые они обработывали, а городскими жителями или посадскими — по числу *дворовъ*. Всѣ ремесла и торговыя статьи также были обложены небольшою пошлиною. Въ случаѣ войны, на военныя издержки производились особые сборы. Но въ виду незначительности всѣхъ этихъ сборовъ, государственная казна пополнялась еще доходами съ наиболѣе прибыльныхъ торговыхъ статей и промысловъ, которые всѣ были отписаны на государя. Кромѣ того, разныя сословія отбывали въ помощь государству нѣкоторыя натуральныя повинности: такъ, дворяне обязаны были на свой счетъ ставить и снаряжать войско и продовольствовать его во время войны, крестьяне — содержать ямскую гоньбу для провоза служилыхъ людей, строить и чинить разныя государственныя зданія, дороги, мосты и т. п. Всѣ эти подати и повинности сами по себѣ были вовсе необременительны, но, вслѣдствіе неустройства, даже и эти незначительные сборы и повинности казались тогда русскимъ людямъ очень тяжелыми, а иногда и совсѣмъ непосильными. Особенно затруднительно было для жителей исполненіе этихъ обязанностей вслѣдствіе совершеннаго уклоненія многихъ русскихъ людей отъ всякихъ податей, посредствомъ бѣговъ, а также съ помощью приписки

къ монастырямъ и обычая закладываться за помѣщиками. Оттого очень тяжело приходилось тѣмъ людямъ, которые не покидали своего труда и смирно сидѣли на мѣстѣ, въ своихъ городскихъ и сельскихъ обществахъ; на нихъ и ложились всѣмъ своимъ бременемъ государственные сборы и повинности, такъ какъ имъ приходилось платить не только за себя, но и за всѣхъ своихъ „выбылыхъ“ людей, которыхъ было великое множество. Благодаря этому нежеланію старинныхъ русскихъ людей дружно и сообща отбывать свои подати и повинности, многіе изъ нихъ вовсе не могли выполнять этихъ обязанностей. Вслѣдствіе этого огромныя „недоимки“ изстари составляли неизлечимую болѣзнь русскаго казеннаго хозяйства. Всѣ подати и сборы, большею частью, значились только на бумагѣ, въ казну же поступала лишь небольшая часть назначеннаго.

Еще болѣе злая болѣзнь разъѣдала въ старину русское государственное хозяйство въ видѣ лихоимства и казнокрадства, какъ служилыхъ, такъ и выборныхъ земскихъ людей. Кого бы ни приставили въ то время къ общественнымъ и казеннымъ сборамъ, приказнаго, помѣщика, цѣловальника изъ посадскихъ, или старосту изъ крестьянъ, — всякій сейчасъ же норовилъ нажиться на счетъ общественныхъ денегъ. Особенно поддерживало въ нихъ эту привычку къ дармоѣдству и легкой наживѣ старинное обыкновеніе посылать служилыхъ людей на мѣста, по недостатку денегъ въ казнѣ, не на жалованье, а на „кормленіе“, т. е. на доброхотныя пожертвованія жителей. Русскіе люди такъ привыкли тогда собирать съ жителей подарки, что уже не отказывались отъ нихъ и тогда, когда имъ назначалось жалованье. А главное, своевольники и дармоѣды не совѣстились прибѣгать къ разнымъ притѣсненіямъ и насиліямъ, чтобы получить съ жителей побольше доходовъ. Способы, какіе употребляли тогда взяточники съ цѣлью наживы, были до того разнообразны и затѣйливы, что, по словамъ старинныхъ людей, изслѣдовать ихъ было такъ-же трудно, какъ исчерпать море. Они нарочно пріѣзжали за сборомъ въ

такое время, когда у обывателей не могло быть денегъ, чтобы получить съ нихъ подарокъ за отсрочку; съ тою же цѣлію посылали жителей отправлять ямскую повинность въ самую дурную погоду; были и такіе насильники, которые сажали обывателей даже подъ караулъ, требуя выкупа, или прямо ставили на „правежъ“ подъ палки. Выискивались и настоящіе злодѣи, прибѣгавшіе къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Собирая съ жителей всякими утѣсненіями поборы для себя, бездѣльники утаивали въ свою пользу и бóльшую долю изъ казенныхъ сборовъ. Тогда замѣчали, что изъ 100 рублей казенныхъ денегъ, собранныхъ съ обывателей, до казны доходило не болѣе 30 рублей, остальныя же деньги расходились по карманамъ тѣхъ людей, которые состояли при сборѣ. Недаромъ въ то время говорили, что какой-нибудь писецъ, получавшій 6 рублей въ годъ жалованья, какъ только приставлялся къ сборамъ, въ четыре или въ пять лѣтъ разживался такъ, что строилъ себѣ каменныя палаты. Поэтому и государственная казна, и безъ того скудная отъ бѣдности жителей и „недоимокъ“, еще болѣе разорялась отъ воровства и хищенія сборщиковъ. Обыватели же, уклонявшіеся отъ сборовъ по своему нерадѣнію и лѣности, еще въ большемъ числѣ разбѣгались отъ притѣсненій и насилія безсовѣстныхъ людей. Государи русскіе изстари всячески старались устранить зло недоимокъ и издавали строжайшіе указы противъ всякихъ лихоимцевъ и казнокрадовъ; но злодѣевъ трудно было уличать въ воровствѣ, такъ какъ они постоянно ссылались на то, что жалованья не получали и что посланы на „кормленіе“.

Еще труднѣе было бороться съ этимъ зломъ Петру Великому. Государь затѣялъ на благо Россіи великія дѣла, которыя требовали большихъ расходовъ. Для усиленія могущества Россіи и улучшенія ея благоденствія, для отвоеванія у шведовъ Балтійскаго моря и защиты страны отъ разныхъ другихъ непріятелей, постоянно разорявшихъ и безъ того бѣдное населеніе, Петръ долженъ былъ образовать сильное войско и

флотъ; для установленія внутри государства прочнаго порядка и спокойствія жизни, государь вынужденъ былъ отмѣнить прежнее кормленіе и положить жалованье служилымъ людямъ, а также ввести соборное управленіе съ выборными порядками, а чрезъ это умножалось число служилыхъ людей и увеличивалось жалованье имъ. Такимъ образомъ, всѣ эти великія преобразованія, предпринятыя для блага Россіи, требовали огромныхъ средствъ, которыхъ собрать было трудно. Обѣднѣвшіе жители, которые бѣгали и отъ прежнихъ незначительныхъ сборовъ, большихъ и подавно не въ состояніи были вынести. Петръ зналъ также, что и то немногое, чтó возможно было собрать съ жителей, далеко не все можетъ попасть въ казну, благодаря ворамъ и бездѣльникамъ. Правда, государь надѣялся, что усиленіе могущества Россіи и упроченіе внутри ея порядка и благоденствія дадутъ возможность русскимъ людямъ со временемъ окончательно оправиться и войдти въ силу; но дожидаться этого не приходилось, потому что одна война со шведами, тянувшаяся 21 годъ, требовала постоянно огромныхъ издержекъ. Такимъ образомъ, Петру предстояла почти неразрѣшимая задача: откуда взять огромныя средства для необходимаго усиленія и преобразованія Россіи, когда этихъ средствъ русскіе люди не имѣли?

Немногимъ задача эта была бы по силамъ, но Петръ рѣшилъ ее скоро и просто. Государь съ самаго начала намѣтилъ себѣ вѣрный путь: путь этотъ — вѣра въ русскій народъ. Отдѣльные русскіе люди были бѣдны, неумѣлы и безсильны, но весь русскій народъ былъ силенъ и крѣпокъ духомъ и всегда умѣлъ самоотверженно служить государству.

Петръ Великій постоянно ясно сознавалъ родственный ему народный духъ, и потому твердо вѣрилъ, что Россія имѣетъ великое будущее и что съ русскимъ народомъ возможно всего добиться. Стоило только объявить великую нужду государства и свои великія цѣли, и народъ русскій не пожалѣетъ ничего для пользы своего отечества и не побоится никакихъ тягостей

для блага родной земли. На недовольство же и жалобы отдѣльныхъ людей Петръ не обращалъ никакого вниманія. Не чувствовалъ онъ боязни и передъ воровствомъ и бездѣльничествомъ и другими напускными пороками отдѣльныхъ людей, неотвѣчавшими великому духу народному: противъ этихъ распущенныхъ привычекъ Петръ готовилъ сильное средство — страхъ наказанія.

Обрекши самъ себя на неустанный трудъ и постоянныя лишенія и опасности, Петръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во имя блага и счастія Россіи, рѣшился наложить временно великую тягость и на весь русскій народъ. Всѣ должны были тогда соединить свои крайнія усилія, чтобы вывести государство на путь счастія и славы.

Особенно трудно было народу въ первое время великихъ преобразованій и войнъ Петра, когда тяжкія неудачи русскихъ войскъ въ борьбѣ со шведами потребовали напряженія всѣхъ силъ народа. Наборы людей въ войска шли возростающимъ образомъ изъ года въ годъ. Всѣ сословія, не исключая духовныхъ и чиновниковъ, должны были ставить за себя рекрутовъ, подводы, провіантъ, рабочихъ и проч. Отъ податей и пошлинъ ничто не было избавлено. Не только вся торговля и земли были обложены налогами, но и всѣ ремесла и промыслы, и всякая передача имущества, и заключеніе разныхъ условій и договоровъ. На всякихъ мастеровыхъ: каменьщиковъ, плотниковъ, портныхъ, хлѣбниковъ, разносчиковъ и чернорабочихъ наложены были годовыя подати. Всѣ рыбныя ловли, торговыя пристани, мельницы, мосты, перевозы, торговыя площади, постоялые дворы, даже пчельники и бани были обложены оброкомъ. Въ 1705 году крайній недостатокъ средствъ въ казнѣ понудилъ наложить пошлину даже на дубовые гробы, на бороды и на платье. Для этихъ сборовъ у городскихъ воротъ были поставлены особые пристава, обязанные собирать пошлину при въѣздѣ въ городъ. Но, не смотря на всѣ эти усиленныя мѣры, недостатокъ средствъ сказывался постоянно.

*

Войскамъ иногда бывало недодано жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ; выписанные изъ-за-границы иноземные мастера нерѣдко недополучали условленнаго жалованья; отправляемые для ученія за-границу русскіе люди тоже часто жаловались на неполученіе слѣдуемаго имъ содержанія. Вотъ почему постоянной заботой Петра было усиленіе казны. Государь объявилъ, что если кто выдумаетъ новый источникъ прибыли, безъ народнаго отягощенія, тому давать треть или четверть прибыли ежегодно. На этотъ призывъ не замедлили откликнуться прежде всего простые русскіе люди. Дворецкій Курбатовъ, по замѣченному имъ примѣру за-границей, первый предложилъ ввести въ Россіи гербовую бумагу; эта мысль такъ понравилась государю, что онъ велѣлъ учредить особую должность „прибыльщиковъ", изъ которыхъ первымъ назначенъ былъ Курбатовъ. Прибыльщики работали неутомимо, и были чрезвычайно изобрѣтательны на выдумки, выискивая всюду выгоду казнѣ, пріумножая доходы ея, указывая на вредъ нѣкоторыхъ налоговъ и льготъ, и предупреждая воровство и лихоимство. За то Петръ щедро награждалъ ихъ службу. Бывшій дворецкій Курбатовъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Архангельскъ; другой прибыльщикъ, вышедшій также изъ крѣпостныхъ людей, Ершовъ, былъ сдѣланъ вице-губернаторомъ московскимъ.

Налагая временно, по случаю чрезвычайныхъ обстоятельствъ, великія тягости на русскій народъ, Петръ въ то же время зорко слѣдилъ, чтобы тягости эти не были не подъ силу русскимъ людямъ, и чтобы при этомъ не было притѣсненій, а соблюдалась бы строгая справедливость. Онъ издалъ указъ, въ которомъ объявлялось, чтобы при раскладкѣ податей „соблюдать равенство между богатыми и бѣдными, чтобы никто не былъ ни отягченъ, ни уволенъ болѣе другихъ". „Въ противномъ случаѣ", говорилось въ указѣ, „убогіе станутъ разбѣгаться и вопль бѣдныхъ привлечетъ гнѣвъ Божій на государство". Несомнѣнно, что если бы указы Петра соблюдались свято всѣми

русскими людьми, то имъ не были бы не подъ силу даже еще болѣе тяжелыя жертвы; но, къ сожалѣнію, старая привычка иныхъ людей уклоняться отъ податей и сборовъ и склонность другихъ къ лихоимству и притѣсненіямъ — сдѣлали эти жертвы для многихъ отдѣльныхъ людей непосильными. Отъ усиленныхъ налоговъ русскіе люди начали всякими способами уклоняться еще въ большемъ числѣ, нежели прежде, сваливая, такимъ образомъ, свою долю платежей на своихъ согражданъ и односельчанъ, которые отъ этого нерѣдко совсѣмъ разорялись. Еще больше стали также страдать тогда обыватели отъ притѣсненій и своевольства разныхъ сборщиковъ и цѣловальниковъ. При усиленныхъ сборахъ люди эти находили себѣ гораздо больше случаевъ къ незаконной наживѣ, нежели это было прежде. Они не сдѣлались хуже, чѣмъ были раньше, но имъ представилось значительно больше случаевъ къ насыщенію своей жадности. Потому-то въ царствованіе Петра налегла на русскимъ людей еще небывалая тягота. Наиболѣе своевольные обыватели стали разбѣгаться отъ сборовъ десятками тысячъ. Насчитываютъ до 100 тысячъ жителей, бѣжавшихъ только за-границу, на югъ и западъ. Недоимки возросли до огромныхъ размѣровъ. Въ казну собиралась едва третья, а можетъ быть и четвертая часть сборовъ, значительная доля которыхъ оставалась въ карманахъ казнокрадовъ.

Весь народъ русскій, конечно, продолжалъ терпѣливо и самоотверженно выносить всѣ эти бѣдствія. Но противъ названныхъ золъ, обнаружившихся съ чрезвычайной силою и грозившихъ разореніемъ и опасностью всему государству, находившемуся и безъ того въ тяжкомъ положеніи, Петръ Великій рѣшился принять строжайшія мѣры, чтобы сразу удержать развитіе безстыднаго воровства и внушить своевольникамъ необходимость гражданской честности и вѣрной службы государству. Государь издалъ указъ, въ которомъ объявлялось, что онъ, „милосердуя о народахъ государствъ своихъ“, рѣшился „искоренить повредителей интересовъ государственныхъ и во

всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тяготы, а именно въ сборахъ", потому что, говорилось въ указѣ: „возростаютъ на тягость всенародную великія неправды и грабительства, тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность". Государь отнынѣ строжайше запретилъ, подъ страхомъ смертной казни, людямъ всѣхъ званій, великимъ и малымъ, брать посулы и пользоваться собираемыми съ народа деньгами. Въ указѣ объявлялось, что виновный въ гражданской нечестности „жестоко на тѣлѣ наказанъ, шельмованъ, всего имѣнія лишенъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ и смертью казненъ будетъ". А чтобы никто болѣе не могъ скрыть своего бездѣльничества и избѣжать наказанія, велѣно было всякому, подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія, открывать правительству такихъ преступниковъ, „не выкручиваясь тѣмъ, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель". Во всѣхъ церквахъ велѣно было также читать народу печатныя объявленія, въ которыхъ всѣ приглашались безъ опасенія открывать правительству взяточниковъ и казнокрадовъ.

Но, предвидя, что развѣ только обиженные рѣшатся искать защиты у государя отъ насилія, люди же посторонніе будутъ по прежнему сторониться отъ этого дѣла, по русской пословицѣ: „моя хата съ краю — ничего не знаю", — Петръ Великій съ цѣлью знать все и во-время замѣчать неправильности въ ходѣ каждаго предпринятаго имъ дѣла, прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: онъ учредилъ по всему государству, почти при всякомъ дѣлѣ — *фискаловъ*, которые обязаны были раскрывать всякую неправду, всякое злоупотребленіе и вообще всякій вредъ государству, не разбирая лицъ и званій. При сенатѣ былъ учрежденъ оберъ-фискалъ, главный на все государство. Подъ его вѣдѣніемъ состояли провинціальные фискалы, а подъ властію послѣднихъ находились городовые фискалы. Они должны были зорко смотрѣть, чтобы служащіе исправляли свои должности не ко вреду государя и не къ отягченію подчиненныхъ.

Фискаламъ также строго предписывалось, чтобы „по одному разглашенію и безъ основанія, вѣрнаго и добраго служителя его величества въ чести, животѣ и имѣніи по своему произволенію не повреждать“. Точно также и противъ фискаловъ никому не дозволялось высказывать досаду, подъ страхомъ жестокаго наказанія.

Конечно, это была чрезвычайная, лишь временная мѣра, основанная на суровости вообще тогдашнихъ обычаевъ и нравовъ и на чрезвычайномъ усиленіи зла. Вообще, Петру Великому, жившему въ то темное время, когда на Руси почти совершенно отсутствовало печатное дѣло и вовсе не было удобныхъ путей сообщенія, недоставало многихъ средствъ, съ помощью которыхъ онъ могъ бы и безъ фискаловъ узнавать о положеніи дѣлъ даже въ глухихъ областяхъ обширной Россіи. Своими преобразованіями Петръ предупредилъ самое время, поэтому ему пришлось самому искусственно создавать многія средства, въ томъ числѣ и фискаловъ, которыми онъ какъ бы хотѣлъ замѣнить для себя позднѣйшую гласность. Но трудно сказать, чтобы мѣра эта могла значительно содѣйствовать успѣху преобразованій Петра. Правда, съ помощью фискаловъ онъ узнавалъ о всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ злоупотребленіяхъ, вредившихъ государству и дѣлу его преобразованія, и потому могъ во-время принимать мѣры къ устраненію нѣкоторыхъ неправильностей; но исправить порочныхъ людей и уменьшить зло этою мѣрою было невозможно. А главное, фискалы, по общей привычкѣ къ своеволію, скоро сами начали злоупотреблять своими обязанностями, сами стали притѣснять жителей не менѣе другихъ насильниковъ, или же посылали доносы безъ всякаго основанія, по одной враждѣ къ оговоренному, или даже прямо съ цѣлью вымогательства. Недаромъ фискаловъ не любили и народъ отвращался отъ нихъ, что сознавалъ и самъ государь. Онъ и не давалъ никакой пощады насильникамъ-фискаламъ, какъ и всякимъ другимъ лихоимцамъ и казнокрадамъ.

Ни для кого Петръ не былъ такъ грозенъ своимъ правосудіемъ, какъ противъ дармоѣдовъ, мірскихъ съѣдухъ и казнокрадовъ. Ничто такъ не было противно ему, какъ эта гражданская безчестность, отсутствіе стыда и совѣсти, небреженіе къ государственному и народному благосостоянію. Не жалѣя никакихъ средствъ для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ государства, Петръ за каждую копѣйку, излишне взятую или утаенную сборщикомъ податей, былъ неумолимъ для виновнаго. Онъ поступалъ съ нимъ по всей строгости тогдашнихъ законовъ, по которымъ за преступленія по должности назначалась смертная казнь и другія тяжкія наказанія. Законъ этотъ прежде оставался только на бумагѣ, безъ исполненія, такъ какъ трудно было уличать въ воровствѣ своевольниковъ, ссылавшихся на свое право „кормленія" и вообще умѣвшихъ заметать слѣды своего бездѣльничества. Петръ, отмѣнившій „кормленіе", рѣшился впервые неумолимо примѣнять суровый законъ ко всѣмъ своевольникамъ, не разбирая ни чиновъ, ни званій; даже заслуги государственныя не могли избавить отъ кары провинившагося въ лихоимствѣ или казнокрадствѣ. Петръ зналъ, что зло это можетъ быть искоренено только страхомъ неминуемаго наказанія, когда всякій воръ будетъ увѣренъ, что преступленіе его не останется не раскрытымъ и безнаказаннымъ.

Въ числѣ первыхъ изъ высшихъ сановниковъ попался въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ. Не смотря на многія заслуги этого сановника, искусно управлявшаго 10 лѣтъ Сибирью, заслужившаго тамъ общую любовь, впервые открывшаго тамъ золотой песокъ и пользовавшагося расположеніемъ самого Петра, государь, узнавши, по донесенію оберъ-фискала Нестерова, о произведенныхъ Гагаринымъ злоупотребленіяхъ, приказалъ немедленно разслѣдовать дѣло. Оказалось, что Гагаринъ утаивалъ у себя вещи, купленныя на казенныя деньги, бралъ взятки съ купцовъ, дозволялъ имъ за богатые подарки незаконный торгъ, и оттого

страшно разбогатѣлъ, велъ жизнь роскошную, употреблялъ при столѣ серебряную посуду, имѣлъ осыпанную бриллiантами икону и проч. Гагаринъ самъ повинился во всемъ и просилъ, какъ милости, отпустить его въ монастырь на вѣчное покаянiе. Но Петръ былъ неумолимъ и приказалъ его повѣсить въ Петербургѣ. Послѣ того, въ 1715 году, уличенъ былъ въ злоупотребленiяхъ петербургскiй вице-губернаторъ Корсаковъ, и, не смотря на покровительство любимца Петра, князя Меншикова, былъ публично наказанъ кнутомъ, а двумъ сенаторамъ, князю Волконскому и Опухтину, за разныя злоупотребленiя, жгли языки раскаленнымъ желѣзомъ. Тогда же былъ осужденъ Синявинъ, надзиравшiй за петербургскими постройками. Даже близкiй человѣкъ къ Петру, Александръ Кикинъ, управлявшiй адмиралтействомъ, попался въ злоупотребленiяхъ и спасся только тѣмъ, что заплатилъ огромный денежный штрафъ, но все-таки былъ временно отрѣшенъ отъ должности. Государь въ теченiе всего своего царствованiя строго, но терпѣливо продолжалъ карать всякое воровство и безстыдство.

Только одно время Петръ Великiй, казалось, сталъ даже ожесточаться противъ своевольниковъ. Это случилось въ концѣ его царствованiя, при особыхъ обстоятельствахъ, послѣ того, какъ единственный сынъ его, надежда государя и наслѣдникъ престола, царевичъ Алексѣй Петровичъ, окончательно объявилъ себя на сторонѣ старыхъ привычекъ русскихъ людей и, подобно многимъ простымъ русскимъ людямъ, бѣжалъ за-границу... На Петра нашло тогда мрачное раздумье. Онъ, казалось, началъ терять вѣру въ русскихъ людей. Отличавшiйся всегда богатырскимъ терпѣнiемъ, Петръ уже только съ трудомъ могъ сдерживать себя. Весь свой гнѣвъ онъ излилъ въ то время на казнокрадовъ и лихоимцевъ. Грозенъ былъ тогда Петръ. Въ это время, именно въ 1718 году, былъ уличенъ въ утайкѣ 80,000 рублей при продажѣ казенной соли князь Масальскiй. Онъ былъ приговоренъ за это къ смертной казни, но умеръ раньше назначеннаго дня казни и былъ наскоро

погребенъ. Петръ, узнавши объ этомъ, приказалъ отрыть его тѣло и повѣсить на висѣлицѣ.

Въ томъ же году, архангельскій оберъ-комиссаръ, завѣдывавшій, съ двумя братьями, таможенными пошлинными дѣлами, былъ обвиненъ въ противозаконной продажѣ за-границу собственнаго хлѣбнаго зерна, вмѣсто казеннаго, и за это былъ подвергнутъ вмѣстѣ съ обоими своими братьями громадному штрафу, который не могъ быть покрытъ всѣми ихъ имѣніями.

Въ 1722 году попался въ разныхъ злоупотребленіяхъ воронежскій вице-губернаторъ Колычевъ, уличенный въ присвоеніи себѣ до 700,000 рублей казенныхъ денегъ; за это онъ былъ жестоко наказанъ кнутомъ. Тогда же попался въ злоупотребленіяхъ и въ нарушеніи закона заслуженный сановникъ, сенаторъ и подканцлеръ Шафировъ, пользовавшійся до этого времени большимъ довѣріемъ государя. Дѣло началось съ неприличной ссоры и брани въ сенатѣ, отъ чего Петръ всячески старался отучить русскихъ сановниковъ. Шафировъ, вмѣстѣ съ князьями Голицынымъ и Долгорукимъ, сталъ укорять князя Меншикова въ захватѣ лишнихъ земель и людей къ пожалованному ему имѣнію въ Малороссіи. За Меншикова вступился оберъ-прокуроръ сената, Скорняковъ-Писаревъ, который уличилъ самого Шафирова въ намѣреніи выдать своему брату, при переходѣ съ одной службы на другую, лишнее жалованье, и съ этою цѣлью подводилъ его подъ законъ объ иноземцахъ. На это Скорняковъ-Писаревъ сказалъ въ сенатѣ, что Шафировы вовсе не иноземцы, а жидовской породы. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій въ сенатѣ разбиралось новое дѣло о злоупотребленіяхъ по почтѣ, которою управлялъ тотъ же Шафировъ. Скорняковъ-Писаревъ потребовалъ, чтобы Шафировъ вышелъ изъ присутствія, такъ какъ по закону судьи не могутъ присутствовать при разборѣ дѣлъ, касающихся до нихъ самихъ. Озлобившійся Шафировъ не послушался и обозвалъ оберъ-прокурора воромъ, а потомъ наговорилъ дерзостей канцлеру Головкину и Меншикову. Оскорбленные се-

наторы сами вышли изъ сената. Государь въ то время былъ въ персидскомъ походѣ. Полетѣли къ нему просьбы и жалобы на Шафирова. Возвратившись изъ похода, въ январѣ 1723 года, Петръ назначилъ высшій судъ надъ Шафировымъ, изъ сенаторовъ и генераловъ, которые приговорили Шафирова, за злоупотребленія и нарушеніе закона, къ смертной казни. 15 февраля, въ Московскомъ Кремлѣ, назначена была самая казнь. Собралось множество народа. Шафирова привезли на простыхъ саняхъ и въ старой шубѣ, взвели на эшафотъ, прочитали смертный приговоръ, и сняли съ него парикъ и шубу. Шафировъ нѣсколько разъ перекрестился, сталъ на колѣни и положилъ голову на плаху. Палачъ взмахнулъ топоромъ, но ударилъ мимо, въ дерево, при чемъ кабинетъ-секретарь Макаровъ провозгласилъ, что государь, въ уваженіе прежнихъ заслугъ Шафирова, даруетъ ему жизнь и замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Сибирь. Шафировъ былъ очень тученъ и, поднявшись на ноги, пришелъ въ столь сильное волненіе, что едва не умеръ отъ удара, но бывшій тутъ же лѣкарь успѣлъ во-время пустить ему кровь. Потрясенный позоромъ, Шафировъ произнесъ: „Лучше было бы, еслибы пустилъ мнѣ кровь палачъ и съ кровью истекла моя жизнь“. Государь замѣнилъ Шафирову самую ссылку отправкою на жительство въ Новгородъ, вмѣстѣ съ его семействомъ, гдѣ Шафировъ жилъ подъ строгимъ надзоромъ и въ крайней бѣдности, получая съ семьею на пропитаніе по 33 копѣйки въ день. Императрица Екатерина просила государя помиловать Шафирова, какъ человѣка умнаго и надежнаго. Но государь, признавъ его разъ достойнымъ наказанія, уже не отступился отъ своего рѣшенія.

Пострадали тогда по дѣлу Шафирова и другія лица. Скорняковъ-Писаревъ тогда же былъ отрѣшенъ отъ должности оберъ-прокурора, лишенъ всѣхъ пожалованныхъ ему имѣній и разжалованъ въ солдаты. Князь Долгоруковъ и Голицынъ наказаны денежнымъ штрафомъ и заключеніемъ въ тюрьму на полгода. Но этихъ послѣднихъ государь, по просьбѣ им-

ператрицы, простилъ черезъ четыря дня, а въ слѣдующемъ году и Скорнякову-Писареву была возвращена половина отобранныхъ деревень, данъ чинъ полковника и мѣсто смотрителя за работами на Ладожскомъ каналѣ.

Почти одновременно съ Шафировымъ, въ 1723 году, былъ обвиненъ въ злоупотребленіяхъ ярославскій провинціалъ-фискалъ Попцовъ и за это былъ казненъ смертью. На допросѣ до казни, онъ оговорилъ самого оберъ-фискала Нестерова, обличившаго раньше князя Гагарина и вообще отличавшагося много лѣтъ ревностнымъ преслѣдованіемъ злоупотребленій. Государь велѣлъ нарядить судъ и надъ Нестеровымъ. Тогда оказалось, что Нестеровъ бралъ съ Попцова взятки деньгами и вещами, бралъ взятки и съ другихъ лицъ за опредѣленіе ихъ на воеводскія мѣста, былъ не чистъ на руку и по кабачнымъ откупамъ. За нимъ насчитывалось до 300,000 рублей казенныхъ денегъ. Нестеровъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ колесованіе. Казнь происходила въ январѣ 1724 года, на площади противъ зданія коллегій. Петръ самъ стоялъ въ это время въ помѣщеніи коллегіи у окна. Старикъ Нестеровъ, взойдя на эшафотъ, увидѣлъ въ окнѣ государя, поклонился ему и закричалъ: „виноватъ!“ Но помилованія не послѣдовало. Онъ былъ казненъ вмѣстѣ съ другими девятью своими товарищами; кромѣ того, еще нѣсколько человѣкъ были тогда наказаны кнутомъ, а четыремъ изъ нихъ вырвали ноздри. Петръ приказалъ согнать на эту казнь всѣхъ подъячихъ, дабы они видѣли, что̀ бываетъ за преступленія по должности.

Вскорѣ послѣ этого, попался въ злоупотребленіи довѣріемъ государя близкій къ царскому двору человѣкъ, Вилліамъ Монсъ. Онъ завѣдывалъ вотчинами императрицы, а его сестра была любимой фрейлиной государыни. Пользуясь такою близостью къ царскому двору, нѣмцы эти зазнались и вообразили, что они стали могущественными особами, начали надменно обращаться съ просителями и хвастались своимъ положеніемъ. Однажды государь, проведя вечеръ въ дружеской бесѣдѣ съ

Монсомъ и отпустивши его домой, отправился самъ къ начальнику тайной канцеляріи, генералу Ушакову, производившему дознанія о злоупотребленіяхъ разныхъ лицъ. Государь, можетъ быть, неожиданно увидѣлъ тамъ на допросѣ уже арестованнаго Монса, еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ мирно бесѣдовавшаго съ самимъ Петромъ. „И ты здѣсь!“ сказалъ государь, бросивъ на него гнѣвный взглядъ. Монсъ повинился въ утайкѣ въ свою пользу оброковъ съ нѣкоторыхъ вотчинъ императрицы и въ доставленіи должностей при дворѣ за взятки. Высшій судъ приговорилъ его къ смертной казни. Государь самъ пріѣхалъ къ нему проститься. „Жаль мнѣ тебя, очень жаль, да дѣлать нечего, надобно тебя казнить“, говорилъ ему Петръ. Можетъ быть, у государя имѣлись особыя причины быть недовольнымъ Монсомъ, но вѣрнѣе всего государю было особенно горько злоупотребленіе его довѣріемъ со стороны даже самыхъ близкихъ къ нему лицъ. Поэтому ходатайство императрицы о пощадѣ Монсу, считавшемуся необходимымъ при дворѣ, привело государя въ такой гнѣвъ, что онъ въ глазахъ государыни разбилъ дорогое зеркало и воскликнулъ: „Видишь ли, вотъ прекраснѣйшее украшеніе моего дворца: хочу и уничтожу его!“ Государыня на это кротко замѣтила: „Развѣ отъ этого твой дворецъ сталъ лучше?“ Петръ промолчалъ, но судебнаго приговора надъ Монсомъ не отмѣнилъ. 16 ноября 1724 года Монсъ былъ казненъ отсѣченіемъ головы; секретарь Монса, Столѣтовъ, получилъ четырнадцать ударовъ кнутомъ и былъ отправленъ въ десятилѣтнюю каторгу; даже придворному шуту Балакиреву, втершемуся во дворецъ чрезъ Монса, дали шестьдесятъ ударовъ батогами и сослали въ каторжную работу на три года.

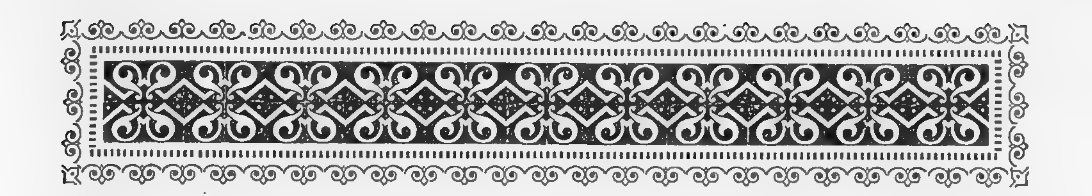
Вскорѣ послѣ Монса попался въ казнокрадствѣ любимецъ Петра, князь Меншиковъ, неоднократно раньше судившійся за разныя злоупотребленія, а вслѣдъ за нимъ уличенъ былъ во взяточничествѣ самый близкій къ государю человѣкъ, его домашній секретарь Макаровъ. Обоимъ имъ грозила тоже смертная казнь, но на этотъ разъ неотступное ходатайство госуда-

рыни имѣло больше успѣха: на Меншикова наложенъ былъ только огромный штрафъ и царская опала; Макаровъ отдѣлался также штрафомъ.

Вообще Петръ до самаго конца своей жизни не переставалъ преслѣдовать казнокрадовъ и лихоимцевъ, и въ послѣдніе годы своего царствованія наказывалъ этихъ нарушителей правды съ особенною безпощадностью. Разъ государь, услышавши въ сенатѣ о новыхъ воровствахъ, въ гнѣвѣ сказалъ оберъ-прокурору Ягужинскому: „Напиши указъ, что всякій воръ, который украдетъ на столько, чего стоитъ веревка, немедленно долженъ быть повѣшенъ". На это Ягужинскій возразилъ: „Всемилостивѣйшій государь, развѣ хочешь ты остаться императоромъ одинъ, безъ подданныхъ".—„Какъ такъ?" спросилъ государь. Ягужинскій отвѣчалъ: „Вѣдь мы всѣ воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе, а другой меньше". Государь разсмѣялся.

Петръ самъ хорошо видѣлъ, что даже страшный царскій гнѣвъ не отваживалъ своевольниковъ отъ взяточничества и казнокрадства: до того въ нихъ укоренилась обычная надежда, что авось воровство останется необнаруженнымъ и безнаказаннымъ. Дѣйствительно, въ то время трудно было раскрыть каждое бездѣльничество, и потому многимъ оно легко сходило съ рукъ. Но нельзя сомнѣваться, что если не суровостью, то справедливостью и непоколебимо строгимъ примѣненіемъ закона къ каждому раскрытому преступленію, Петру удалось предотвратить, можетъ быть, страшныя разоренія и опасность, угрожавшія государству вслѣдствіе непомѣрно усилившихся поборовъ и притѣсненій. Законное возмездіе казнокрадамъ и лихоимцамъ послужило въ этомъ случаѣ какъ бы громоотводомъ для гораздо большей бѣды. Съ другой стороны, Петръ Великій, своею безпощадной строгостью къ нарушителямъ правды, впервые заставилъ многихъ русскихъ людей серьезно подумать о томъ, какъ надо служить государству.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Заботы Петра объ улучшеніи народнаго хозяйства. — Расширеніе внутренней свободы торговли. — Борьба Петра съ неумѣлостью и недобросовѣстностью русскихъ купцовъ. — Развитіе горнаго дѣла. — Устройство фабрикъ и заводовъ. — Улучшеніе сельскаго хозяйства.

Тотчасъ же по окончаніи войны со шведами, Петръ обратилъ вниманіе на улучшеніе государственнаго хозяйства. Съ одной стороны онъ тотчасъ же отмѣнилъ бо́льшую часть чрезвычайныхъ сборовъ и простилъ накопившіяся недоимки, а съ другой—принялъ мѣры къ усиленію казны посредствомъ выпуска большаго количества монеты. Въ прежнее время, по недостатку золота и серебра въ Россіи, на московскомъ монетномъ дворѣ чеканили серебряной монеты въ годъ не болѣе, какъ на 500,000 рублей, и даже меньше. Рудныхъ заводовъ въ Россіи не было; золото и серебро получались большею частію изъ-за-границы въ видѣ иностранной монеты и разныхъ вещей; изъ нихъ и перечеканивалась русская монета. Но за качествомъ получаемаго изъ-за-границы золота и серебра не было тогда правильнаго наблюденія, отчего въ торговлѣ и въ домашнемъ быту обращалось много фальшивой монеты и вещей изъ поддѣльнаго золота и серебра. Петръ, открывъ впервые въ Россіи разработку серебряныхъ и мѣдныхъ рудниковъ и даже промывку золотого песка въ Сибири, въ то же время ввелъ строгій

надзоръ за изготовленіемъ вещей изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Съ цѣлью прекратить плутовство въ этихъ издѣліяхъ или, какъ было сказано въ указѣ: „чтобы всеконечно истребить воровской вымыселъ въ серебряныхъ и золотыхъ дѣлѣхъ", Петръ установилъ для всѣхъ такихъ издѣлій *пробу* золоту и серебру, въ нѣсколько разрядовъ, сообразно достоинствамъ этихъ металловъ. Въ особомъ учрежденіи, названномъ „купецкою палатой", выборные мастера должны были класть пробу или клеймить всѣ золотыя и серебряныя вещи. Продажа издѣлій безъ пробы была строго воспрещена, подъ опасеніемъ большого штрафа и даже ссылки въ Сибирь. Купецкой палатѣ поручено было также всюду пріобрѣтать покупкою для казны золото и серебро. Съ цѣлію увеличенія драгоцѣнныхъ металловъ въ казнѣ, велѣно было брать пошлину съ привозныхъ и отпускаемыхъ за-границу товаровъ золотою монетою. Всѣ эти мѣры, вмѣстѣ съ разработкою рудниковъ, стали доставлять казнѣ столько металла, что уже въ 1700 году выбили на монетномъ дворѣ серебряной монеты на 2.000,000 рублей, а въ слѣдующемъ году—на 4.500,000 рублей. Самое монетное дѣло было преобразовано, такъ какъ прежде въ немъ происходила большая путаница. Денежный счетъ, напримѣръ, вели рублями, алтынами и деньгами, а на монетномъ дворѣ чеканились только серебряныя копѣйки и денежки; но по малому числу и этихъ монетъ, всякій произвольно разсѣкалъ еще серебряныя копѣйки на нѣсколько частей, а вмѣсто денежекъ въ нѣкоторыхъ городахъ употребляли даже кусочки кожи и другіе жеребьевые знаки. Чтобы прекратить эту путаницу въ монетномъ дѣлѣ, Петръ строго воспретилъ разсѣкать копѣйки и торговать жеребьемъ, а взамѣнъ этого, указалъ монетному двору чеканить мелкія мѣдныя деньги—полушки и полуполушки, серебряныя монеты—полтинники, полуполтинники и гривенники, и золотую монету—червонцы, на которыхъ выбивался портретъ государя. Всѣ, у кого были старыя монеты, должны были сносить ихъ въ купецкую палату и обмѣнивать ихъ на новыя деньги.

Петръ Великій у госпожи Ментенонъ.

Заботы Петра объ увеличенiи средствъ казны, если принять во вниманiе тогдашнюю бѣдность Россiи, увѣнчались значительнымъ успѣхомъ, доказавши въ немъ разсчетливаго и великаго хозяина. До него казенные доходы едва достигали одного миллiона рублей. Но уже въ 1710 году, когда Петръ въ первый разъ велѣлъ сличить приходъ съ расходомъ, оказалось, что общiй доходъ достигалъ уже трехъ миллiоновъ рублей. Къ концу же царствованiя Петра, ежегодные государственные доходы Россiи возросли до десяти миллiоновъ рублей. Но въ чемъ особенно выказалась строгая бережливость и хозяйственный умъ Петра, это въ томъ, что, не смотря на веденныя имъ продолжительныя и разорительныя войны и на разныя предпринятыя имъ дорого-стоющiя преобразованiя, за Россiей, однако, за все время его царствованiя, не осталось долгу ни одной копѣйки!

Особенно же сильно сказался хозяйственный генiй Петра въ его постоянномъ стремленiи — основать государственное благосостоянiе главнымъ образомъ на улучшенiи и расширенiи народнаго хозяйства, на развитiи и усиленiи благосостоянiя всѣхъ подданныхъ государства. Никто въ то время не понималъ съ такою ясностью, какъ Петръ Великiй, что государство можетъ обладать могущественными средствами только тогда, когда разовьется прочный достатокъ среди самаго населенiя. Къ развитiю и умноженiю этого достатка Петръ Великiй и стремился всѣми своими силами, въ теченiе всего своего царствованiя, и выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ такимъ великимъ хозяиномъ, которому еще не было примѣра въ исторiи всѣхъ народовъ.

До Петра Великаго Россiя была страною бѣдною, хотя въ ней таилось несмѣтное количество естественныхъ произведенiй. Земля была плодородна, рѣки изобиловали рыбою, лѣса были наполнены дорогимъ пушнымъ звѣремъ, въ нѣдрахъ земли скрывались неизсякаемые источники драгоцѣнныхъ металловъ и разныхъ полезныхъ минераловъ. Но все это богат-

ство естественныхъ произведенiй оставалось почти нетронутымъ, потому что никто не умѣлъ извлечь его и пользоваться имъ какъ слѣдуетъ. Даже хлѣбопашествомъ занимались только для своей надобности, и не только не вывозили хлѣба на продажу за-границу, но рѣдко заготовляли его и про себя въ запасъ. Вся промышленность въ Россiи въ то время состояла главнымъ образомъ въ рукодѣльномъ производствѣ, но и оно ограничивалось большею частью выдѣлкою грубаго холста. Фабрикъ же и заводовъ почти не было. Вся торговля русская заключалась въ перевозкѣ изъ города въ городъ хлѣба, сала, дегтю, и отчасти мѣха, воска, меда, кожи, рыбы, льна и пеньки. Въ чужiя земли русскiе торговые люди вовсе не ѣздили, ни съ своими товарами, ни за прiобрѣтенiемъ иноземныхъ товаровъ, и не имѣли для этого ни одного корабля. Посѣщать чужiя, иновѣрческiя страны считалось даже грѣхомъ. Да и вообще всякое полезное занятiе, всякiй мiрской трудъ были тогда въ пренебреженiи у русскихъ людей. Бояре считали даже непристойнымъ для своего званiя браться за какую-либо полезную работу. При этомъ, между многими русскими людьми, вовсе не считался унизительнымъ недостатокъ честности въ самыхъ занятiяхъ: такъ, московскiе купцы изстари славились обычаемъ запрашивать въ нѣсколько разъ дороже настоящей цѣны, горячо при этомъ божиться и въ то же время подмѣнивать товаръ и всячески обманывать покупателя. Еще меньше заботились русскiе люди о постоянномъ улучшенiи и усовершенствованiи своихъ промысловъ и ремеслъ, ведя всякое свое дѣло такъ, какъ вели его отцы и дѣды.

Неумѣнье и неохота русскихъ людей взяться за какое либо полезное дѣло, и проистекавшая оттуда бѣдность русскаго народа изстари обращали на себя вниманiе русскихъ государей, постоянно старавшихся, съ цѣлью развитiя на Руси промысловъ и торговли, приглашать въ Россiю разныхъ иностранныхъ мастеровъ и торговцевъ, которые бы могли показать примѣръ русскимъ людямъ, какъ надо браться за

всякое дѣло. Но одно приглашеніе иностранцевъ въ Россію мало принесло пользы русской торговлѣ и промышленности. Русскіе люди относились къ иноземцамъ съ недовѣріемъ и чуждались ихъ, и оттого ничему не могли научиться у нихъ. Искусство иноземцевъ приносило пользу только имъ самимъ: они всячески скрывали свои знанія отъ русскихъ, зарабатывали въ Россіи большія деньги и увозили ихъ съ собой заграницу. Нѣкоторые изъ иноземцевъ, впрочемъ, оставались въ Россіи и даже начали заводить здѣсь фабрики и заводы. Такъ голландецъ Виніусъ, еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, открылъ первые въ Россіи желѣзоплавильные заводы около Тулы; другой иностранецъ, Марселіусъ, устроилъ заводы на рѣкахъ Костромѣ, Шекснѣ и Вагѣ, а въ царствованіе Алексѣя Михайловича были основаны еще Олонецкіе желѣзные заводы. На этихъ заводахъ изготовлялись только пушки, ядра, ружья и другія вещи для казны, и то не въ достаточномъ числѣ. Кромѣ того, открыты были суконная и полотняная фабрики, назначенныя тоже только для царскаго двора, такъ что русскіе люди, по-прежнему, должны были выписывать все необходимое для жизни изъ-за-границы: оттуда везли къ намъ металлическія издѣлія, сукна, полотна, шелковыя и бумажныя ткани, вина, бумагу, монету и даже пушки, ядра, ружья и порохъ, а Персія снабжала насъ шелковыми и бумажными тканями.

Такимъ образомъ, умѣлые и дѣятельные иноземцы, пользуясь темнотою и небреженіемъ русскихъ людей къ полезнымъ занятіямъ, брали съ нихъ послѣдніе достатки за свои дорогіе товары, покупая, въ то же время, за безцѣнокъ разныя русскія сырыя произведенія: кожи, сало, ленъ и пеньку.

Немудрено поэтому, что въ Россіи не было тогда большихъ богатствъ. Даже государи русскіе, чтобы получить необходимыя средства для содержанія царскаго двора, вынуждены были сами принимать участіе въ торговлѣ. Они посылали, обыкновенно, таможенныхъ чиновниковъ и цѣловальниковъ

*

отбирать у иноземцевъ самые лучшіе товары и покупать ихъ на государя, а затѣмъ товары эти перепродавались и вырученныя деньги вносились въ царскую казну. Точно также многіе промыслы въ Россіи находились въ исключительномъ пользованіи казны, какъ напримѣръ: выдѣлка и продажа хлѣбнаго вина, селитры, поташа, соли, дорогихъ мѣховъ и проч. Все это воспрещалось добывать и пускать въ продажу частнымъ лицамъ. Недостатокъ средствъ въ казнѣ вынуждалъ, кромѣ того, брать многочисленныя пошлины въ пользу казны съ одного и того же товара, при всякомъ его движеніи: при нагрузкѣ его, при проѣздѣ чрезъ мосты, при привалахъ, при свалкѣ, и проч. Вслѣдствіе этого, торговля русская была крайне стѣснена, а потому и старанія государей о развитіи торговли и промышленности на Руси постоянно оставались безуспѣшными.

Петръ Великій, почти съ дѣтства, изъ разговоровъ и бесѣдъ съ иностранными торговцами и мастерами, проживавшими въ Москвѣ, убѣдился въ тѣхъ огромныхъ выгодахъ, какія можетъ доставить государству и народу широкое развитіе въ странѣ разныхъ промысловъ и торговли. Поэтому, отправившись, еще въ юношескихъ лѣтахъ, за-границу для усовершенствованія себя въ искусствѣ кораблестроенія и въ наукахъ, Петръ, между дѣломъ, подробно и на опытѣ самъ принялся изучать тамъ всюду: въ Германіи, Голландіи, Франціи и Англіи, — все торговое и промышленное дѣло: разное фабричное и заводское производство, всевозможныя ремесла, веденіе торговыхъ книгъ, порядки торговыхъ займовъ, биржевое устройство, способы торговли въ складчину или компаніями, и проч. Особенно въ Англіи Петръ убѣдился, что ничто не можетъ такъ обогатить страну, какъ торговля, промыслы и фабричное и заводское дѣло. Онъ удивился, что въ такомъ небольшомъ государствѣ, какъ Англія, благодаря развитію промышленности и торговли, получается гораздо больше дохода, чѣмъ во всей обширной Россіи.

Вернувшись въ Россію, и добывъ Россіи Балтійское море, для торговыхъ сношеній съ Западной Европой, онъ усердно началъ заботиться и о насажденіи и развитіи среди русскаго народа торговли, фабрикъ, заводовъ, промысловъ и разныхъ ремеслъ. Будучи самъ отличнымъ знатокомъ торговаго и всякаго ремесленнаго дѣла, Петръ призвалъ и всѣхъ русскихъ людей къ полезнымъ занятіямъ, и сдѣлался и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, неутомимымъ наставникомъ своего народа. Въ теченіе всего своего царствованія онъ постоянно училъ всѣхъ и каждаго, какъ должно дѣйствовать въ качествѣ купца, фабриканта, ремесленника, земледѣльца и проч.

Прежде всего, государь рѣшился уничтожить всякія стѣсненія торговли. Въ 1713 году онъ даровалъ право всѣмъ людямъ безъ исключенія свободно вести торговлю въ Россіи, съ уплатой обыкновенныхъ пошлинъ; государь убѣдился также, что казенная торговля стѣсняетъ частную промышленность, да и не можетъ въ рукахъ казны идти такъ успѣшно, какъ въ рукахъ частныхъ лицъ. Поэтому, какъ только счастіе войны поблагопріятствовало Россіи и государство освободилось отъ излишнихъ расходовъ на войну, Петръ, въ 1718 году, издалъ слѣдующій знаменательный указъ: „Великій государь, милосердуя къ купечеству Россійскаго государства, указалъ по именному своему указу казеннымъ товарамъ быть только двумъ — поташу и смольчагу, и то для сбереженія лѣсовъ, а прочими товарами, которые продавались изъ казны, торговать вольно, только съ прибавочною пошлиною, чтобы было къ государственной пользѣ и къ народной прибыли“. Такимъ образомъ казенная продажа товаровъ была совершенно уничтожена.

Въ то же время государь указалъ главному столичному магистрату всѣми способами заботиться объ улучшеніи и развитіи торговли и ремеслъ, содѣйствовать всѣмъ торговымъ предпріятіямъ вообще по всей Имперіи, открывать въ малыхъ

городахъ ярмарки, а въ значительныхъ приморскихъ торговыхъ городахъ устраивать биржи, гдѣ бы купечество могло собираться для своихъ торговыхъ дѣлъ, постановленій и векселей; при биржахъ учреждать присяжныхъ маклеровъ, записи которыхъ имѣли бы силу судныхъ протоколовъ, и проч. Кромѣ того, особой правительственной, торговой (коммерцъ) коллегіи, равно какъ и сенату, указывалось прилагать всѣ заботы къ облегченію и развитію торговли, какъ внутри Россіи, такъ и морской или внѣшней. Въ уставахъ или регламентахъ главнаго магистрата и коммерцъ-коллегіи были указаны подробно всѣ способы и средства для развитія торговли. Государь старался также воспользоваться для этого опытностью и знаніями иноземцевъ, изъ которыхъ одного или двухъ желалъ опредѣлить даже на службу въ коммерцъ-коллегію, „ибо“, говорилъ онъ, „безпрекословія есть, что ихъ торги несравненно лучше нашихъ“. Вообще Петръ какъ самъ многому научился у иностранцевъ по торговой части, такъ желалъ, чтобы и русскіе люди заимствовали у нихъ все полезное по этой части. Въ одномъ изъ своихъ указовъ объ этомъ, государь писалъ, что правительство „учинило нѣкоторыя перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ“.

Особенно заботился государь о развитіи морской или внѣшней торговли Россіи, какъ наиболѣе выгодной и способствующей обогащенію и гражданскому просвѣщенію народа. Съ этой цѣлью Петръ всячески заохочивалъ иностранныхъ купцовъ пріѣзжать на корабляхъ въ наши приморскіе города; онъ давалъ имъ разныя льготы, нерѣдко самъ встрѣчалъ ихъ корабли, ласково бесѣдовалъ съ пріѣзжавшими купцами и съ ихъ капитанами и даже матросами, и часто не жалѣлъ средствъ на угощеніе ихъ. Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ было предписано преимущественно спѣшить рѣшеніемъ всѣхъ дѣлъ корабельныхъ служителей, дабы не было препятствія ихъ отъѣзду;

съ чиновниковъ, оказавшихъ медленность, строго взыскивалось. А чтобы не было при этомъ никакихъ споровъ и задержекъ, государь, въ 1724 году, издалъ особый торговый уставъ, гдѣ были начертаны подробныя правила: о приходѣ иностранныхъ торговыхъ судовъ, о способѣ ихъ выгрузки, о нагрузкѣ на нихъ русскихъ товаровъ и о платежѣ казенныхъ пошлинъ. Для взаимной выгоды народовъ, государь заключилъ также торговые договоры между Россіей и другими державами. Кромѣ голландскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ купцовъ, торговавшихъ и прежде съ Россіею, Петръ старался привлечь къ торговлѣ съ нами испанцевъ, португальцевъ и другіе европейскіе народы. Государь усердно также заботился о расширеніи русской торговли съ китайцами и персіянами.

Для огражденія русскихъ купцовъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны персіянъ, онъ заключилъ съ Персіей особый торговый договоръ. Петръ намѣревался даже войдти въ торговыя сношенія съ богатой Индіей, а также устроить торговыя русскія поселенія или колоніи на роскошныхъ островахъ южной Азіи.

Кромѣ того, для облегченія русскимъ торговцамъ сношеній съ иноземными и для оказанія имъ всякаго содѣйствія въ иностранной торговлѣ, Петръ поставилъ русскихъ консуловъ во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ разныхъ европейскихъ государствъ.

Входя, такимъ образомъ, въ торговыя сношенія со многими народами и заохочивая ихъ разными льготами къ посѣщенію русскихъ торговыхъ пунктовъ, государь, въ то же время, зорко наблюдалъ, чтобы въ эту внѣшнюю торговлю какъ можно больше шелъ русскій товаръ, а не иностранный, и съ этою цѣлью онъ накладывалъ на тѣ привозимые въ Россію иностранные товары, которые могли быть приготовляемы и въ Россіи, въ два раза бо́льшую пошлину противъ взимаемой съ русскихъ товаровъ, вывозимыхъ за-границу. Но главнымъ обра-

зомъ Петръ заботился о томъ, чтобы русскіе купцы сами возили свой товаръ за-границу, на своихъ русскихъ корабляхъ, и чтобы, такимъ образомъ, не приходилось платить иностранцамъ за перевозку нашихъ товаровъ, черезъ что наша внѣшняя торговля могла бы сдѣлаться болѣе выгодною, такъ какъ одно лишь занятіе морскою перевозкою само по себѣ уже представляетъ огромныя выгоды. Петръ установилъ, что русскимъ кораблемъ долженъ почитаться тотъ, на которомъ не менѣе трехъ четвертей матросовъ были русскіе. Съ такого корабля брали только третью часть пошлины, взимаемой съ иностранныхъ судовъ; кромѣ того, изъ пошлины съ товара, перевозимаго на русскомъ кораблѣ, убавлялась еще четвертая часть. Русскому же торговцу, употреблявшему иностранный корабль, сбавлялась только двадцатая часть пошлины. Государь всячески поощрялъ русскихъ купцовъ къ постройкѣ своихъ кораблей. Для этого онъ открылъ судостроительныя верфи во многихъ городахъ: въ Архангельскѣ, Петербургѣ, Олонцѣ, Рогервикѣ (Балтійскомъ портѣ), Нижнемъ Новгородѣ, Казани, Воронежѣ, Дѣдиновѣ и Астрахани. Во всѣ эти мѣста онъ постоянно посылалъ лучшихъ мастеровъ-иноземцевъ, чтобы они научили русскихъ людей строить суда, способныя ходить по морю; часто государь самъ посѣщалъ всѣ эти верфи и собственноручно работалъ на нихъ надъ постройкою судовъ, желая собственнымъ примѣромъ научить русскихъ искусству кораблестроенія.

Въ видахъ того-же поощренія къ мореходству, всякаго русскаго, поступавшаго на службу на купеческій корабль, не велѣно было требовать ни къ какому иному дѣлу и препятствовать ему въ этомъ чѣмъ-либо строго запрещалось всѣмъ начальнымъ людямъ.

Такъ какъ для веденія внѣшней торговли нужны большіе капиталы и при этомъ приходится еще выдерживать соперничество иностранныхъ купцовъ, то силы и средства одного человѣка рѣдко бываютъ достаточны для этого дѣла. Поэтому иностранные купцы дѣйствуютъ во внѣшней торговлѣ, боль-

шею частью, сообща, въ складчину, или компаніями, и во всякомъ случаѣ всегда сговорившись между собою. Между тѣмъ, русскіе торговцы, по обычной русскимъ людямъ розни, вели всякую торговлю въ разбродъ, каждый самъ по себѣ. Оттого русскіе торговые люди не могли выдерживать соперничества иноземныхъ купцовъ и постоянно оставались отъ нихъ въ накладѣ. Разъ, одинъ ярославецъ, купецъ Лаптевъ, самъ повезъ-было изъ Архангельска на своемъ кораблѣ пушной товаръ въ Голландію, но тамошніе купцы сговорились между собою и ничего у него не купили, такъ что ярославецъ долженъ былъ вернуться со всѣмъ своимъ грузомъ восвояси. Тогда тѣ же самые голландскіе купцы, слѣдомъ за нимъ, пріѣхали въ Архангельскъ и разобрали у него весь товаръ, по очень высокой цѣнѣ. Этимъ они сразу отбили охоту у русскихъ торговцевъ ѣздить за-границу. Въ виду этого, Петръ часто самъ выбиралъ, какой товаръ слѣдуетъ везти заграницу, разсчитывая на вѣрный сбытъ, и училъ русскихъ купцовъ возить товары туда, откуда купцы къ намъ не ѣздятъ. А главное, старался пріучить русскихъ торговцевъ дѣйствовать сообща. Еще въ началѣ своего царствованія, государь приказалъ: „купецкимъ людямъ торговать такъ-же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, „компаніями". Онъ всячески потомъ поощрялъ попытки русскихъ купцовъ соединяться въ общества. Впослѣдствіи онъ успѣлъ учредить общество для производства торговли съ Персіей, а также хлопоталъ объ учрежденіи Восточно-Китайскаго купеческаго общества. Наконецъ, для развитія въ русскихъ людяхъ духа торговой предпріимчивости и ознакомленія со способами торговли иноземныхъ купцовъ, государь велѣлъ посылать въ чужіе края дѣтей купеческихъ, партіями не менѣе 15 человѣкъ, а во вновь пріобрѣтенныя Россіею торговые города Ригу и Ревель—партіями по 20 человѣкъ.

Заботы Петра о развитіи и расширеніи русской торговли стоили ему огромныхъ трудовъ. Не смотря на все свое знаніе

торговаго дѣла, онъ часто самъ сознавался, „что изъ всѣхъ дѣлъ управленія торговля представляетъ наиболѣе затрудненій“. Главное препятствіе заключалось въ томъ, что русскіе люди, не смотря на всѣми признанную способность свою къ торговой и промышленной дѣятельности и на свою изворотливость и смѣтливость, не имѣли, однако, никакой опытности во внѣшней торговлѣ, которою до Петра Великаго почти никто не занимался въ Россіи. Между тѣмъ, торговое дѣло, особенно международное, больше всякаго другаго дѣла требуетъ твердаго навыка въ немъ и обширнаго знакомства съ разными странами. Когда пришлось заключать торговый договоръ съ Голландіей, то въ Россіи не нашлось ни одного человѣка, который бы, помимо самого государя, могъ сообразить, въ чемъ и какихъ выгодъ слѣдуетъ намъ добиваться. Завѣдывавшій сношеніями Россіи съ иностранными державами, умный дипломатъ Петра, Остерманъ, сказалъ голландскому посланнику, слишкомъ долго дожидавшемуся окончанія переговоровъ по заключенію съ Россіей торговаго договора: „Между нами, я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ“. Много вредила также улучшенію нашихъ торговыхъ сношеній съ иностранцами привычка русскихъ купцовъ къ обману, которую государь всячески старался искоренить. Онъ писалъ однажды въ указѣ: „Объявить указъ въ народѣ: такъ какъ происходятъ жалобы англійскихъ купцовъ, что русскіе купцы въ бракованіи пеньки чинятъ обманы, въ средину хорошей не только кладутъ худую и гнилую, но и каменья, то подтвердить жестокими указами отнюдь того не чинить“. Виновнымъ въ такомъ воровствѣ купцамъ государь угрожалъ смертной казнью. Для предупрежденія плутовства, Петръ устроилъ браковщиковъ, т. е. повѣрщиковъ по торговлѣ пенькою, льномъ, саломъ, воскомъ и юфтью, и указалъ правила самой повѣрки. Кромѣ того, съ

цѣлью ввести большій порядокъ въ торговлю и оградить покупателей отъ всякаго обмана, Петръ Великій установилъ одинакія для всѣхъ вѣсы и мѣры, образцы которыхъ доселѣ хранятся въ столицѣ. Полиція должна была строго наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ вѣсы и мѣры были клейменыя и не разнились отъ установленныхъ образцовъ.

Однако, старанія Петра о развитіи и улучшеніи русской торговли не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Особенно оставались тщетными его заботы о томъ, чтобы русскіе люди сами возили свой товаръ за-границу на своихъ корабляхъ. Правда, при его личномъ содѣйствіи удавалось иногда отправлять русскіе корабли съ разными русскими товарами даже въ дальнія страны, напр. въ Испанію, но сами русскіе купцы вовсе не умѣли взяться за это дѣло и никакъ не могли понять международной торговли. Такъ, однажды, въ 1722 году, въ столицу Швеціи, въ Стокгольмъ, вздумали пріѣхать русскіе купцы съ разною деревенскою мелочью: привезли съ собою немного холста, ложки деревянныя, орѣхи каленые, и стали продавать этотъ хламъ въ иноземной столицѣ на саняхъ, а нѣкоторые начали на улицѣ кашу варить у моста, гдѣ останавливаются корабли. Шведы смѣялись надъ этими купцами. Тогда посланникъ нашъ Бестужевъ, узнавши объ этомъ, запретилъ имъ продавать орѣхи и ложки и „чтобы впредь съ такою бездѣлицею въ иныя земли не ѣздили и кашу на улицахъ не варили, а наняли бы себѣ домъ и тамъ свою нужду исправляли“. За все царствованіе Петра выискался только одинъ предпріимчивый и способный купецъ, Соловьевъ, который нѣсколько лѣтъ чрезвычайно удачно занимался въ Голландіи торговлею въ большихъ размѣрахъ.

Заботы государя о веденіи русскими купцами торговли компаніями или обществами тоже мало имѣли успѣха. Въ началѣ, когда прошелъ объ этомъ слухъ за-границей, иностранные купцы испугались-было, думая, что эта мѣра быстро разовьетъ русскую торговлю на счетъ торговли иноземной. Но

вскорѣ голландскій посланникъ уже съ увѣренностью писалъ изъ Москвы своимъ землякамъ: „что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое сложное и трудное дѣло“. Даже общество, учрежденное Петромъ для производства торговли съ Персіей, не имѣло никакого успѣха, по случаю безпрерывно господствовавшихъ въ тѣхъ странахъ безпорядковъ. Распалось и Восточно-Китайское купеческое общество, по случаю разрыва съ Китаемъ.

Точно также долго не удавалось Петру пріучить русскихъ людей къ постройкѣ настоящихъ морскихъ судовъ.

Не смотря на всѣ просьбы и наставленія Петра и даже на угрозы тяжкимъ наказаніемъ, торговые русскіе приморскіе жители продолжали попрежнему строить и спускать на море старинныя свои „качи“ и „ладьи“, на которыхъ не безопасно было заниматься даже у береговъ рыбной ловлей. Суда эти стоили дешевле „новоманерныхъ“, какія предлагалъ Петръ, а потому всѣ и продолжали довольствоваться старинною „посудиной“. Выгодъ-же внѣшней торговли никто не хотѣлъ понять. Но и въ этомъ дѣлѣ выискалось, впрочемъ, одно замѣчательно способное русское семейство промышленныхъ людей, Баженинытъ, которые устроили свою верфь на Сѣверной Двинѣ, при д. Вавчугѣ, и изготовляли на ней хорошія мореходныя суда, по всѣмъ правиламъ искусства, т. е. по чертежамъ. Баженины славились постройкою судовъ даже за-границей, такъ что у нихъ покупали суда про свою нужду датчане и голландцы и пускали ихъ по всѣмъ морямъ подъ своими флагами. Петръ очень цѣнилъ за это Бажениныхъ, всякій свой пріѣздъ въ Архангельскъ непремѣнно бывалъ у нихъ въ домѣ, подолгу бесѣдовалъ съ ними, пожаловалъ ихъ лѣсомъ въ количествѣ 2,470 десятинъ и даровалъ имъ грамату, которою предоставлялись Баженинымъ разныя льготы по пользованію корабельными лѣсами, по изготовленію кораблей и по отпуску ихъ за-границу.

Сдѣлавъ, такимъ образомъ, первый починъ во внѣшней русской торговлѣ, Петръ Великій добился-таки того, что вообще торговля русская еще при его жизни значительно выросла. Въ 1724 году въ главныя русскія гавани Балтійскаго моря пришло уже 750 иностранныхъ кораблей; къ одному Петербургу пришло тогда болѣе 200 кораблей. Притомъ, разныхъ русскихъ произведеній стали отпускать тогда за-границу столько, что они превосходили количество ввозимыхъ къ намъ иностранныхъ товаровъ, такъ что иноземцы стали платить намъ за нашъ товаръ больше, чѣмъ сами получали за свой товаръ, и такимъ образомъ начали оставлять часть своихъ капиталовъ въ Россіи, тогда какъ прежде уходило заграницу больше русскихъ денегъ.

Но гораздо бóльшимъ успѣхомъ увѣнчались заботы Петра о развитіи промышленности въ Россіи. Государь особенно усердно хлопоталъ объ этомъ, такъ какъ русскіе много платили тогда иностранцамъ даже за такіе товары, которые могли быть въ избыткѣ изготовляемы въ самой Россіи. Онъ говорилъ: „Наше Россійское государство предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многая польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ“. Петръ вѣрилъ въ способности русскихъ людей къ занятіямъ разными промыслами, равно какъ и торговлею, но послѣдняя, по ея сложности и трудности, требуетъ продолжительнаго навыка и обширной опытности, тогда какъ промыслы и ремесла скорѣе даются прилежнымъ и способнымъ людямъ. На замѣчаніе бояръ: „гдѣ намъ, батюшка, русскимъ, спознать заморскія хитрости!“, Петръ отвѣчалъ: „Развѣ всѣ люди не отъ одного праотца Адама произошли, и мы исключены изъ славы мудрости человѣческой? Помышлять такъ, значитъ хулить Создателя“.

Главное наблюденіе за развитіемъ и улучшеніемъ въ Россіи промышленности Петръ ввѣрилъ мануфактуръ-коллегіи; но, по своему обыкновенію, государь почти постоянно самъ лично руководилъ всѣмъ этимъ дѣломъ.

Съ цѣлью развитія въ Россіи промышленнаго дѣла, Петръ Великій принималъ всевозможныя мѣры. Одною изъ первыхъ мѣръ былъ, по старинному обычаю, призывъ въ Россію образованныхъ и опытныхъ иноземныхъ мастеровъ всякаго дѣла, для наученія русскихъ людей разнымъ искусствамъ. Петръ постоянно, въ продолженіе всего своего царствованія, чрезъ разныхъ своихъ довѣренныхъ лицъ, выписывалъ изъ-за-границы: инженеровъ, столяровъ, плотниковъ, архитекторовъ, мастеровъ желѣзнаго и мѣднаго дѣла, канатниковъ, парусныхъ дѣлъ мастеровъ, садовниковъ, пушечныхъ и ружейныхъ мастеровъ, лѣкарей, земледѣльцевъ, и даже поваровъ или, какъ тогда ихъ называли „коховъ“. Такіе мастера набирались изъ всѣхъ государствъ — изъ Германіи, Голландіи, Австріи, Франціи, Италіи и Англіи. Даже плѣнные шведы, которыхъ поселено было въ Сибири тысячъ до 10, занимаясь тамъ для своего прокормленія разными мастерствами, должны были обучать и русскихъ людей своимъ искусствамъ, изъ которыхъ они славились въ особенности кузнечнымъ мастерствомъ. Особенно же много привлекъ въ Россію иностранцевъ манифестъ государя 1702 года, по которому всѣмъ иноземцамъ въ Россіи даровано было свободное отправленіе богослуженія и обѣщалось покровительство царя. Тогда множество иностранныхъ мастеровъ и ремесленниковъ распространилось по всѣмъ значительнымъ русскимъ городамъ. Но государь очень хорошо понималъ, что иноземцевъ привлекаетъ въ Россію главнымъ образомъ корысть, а не желаніе принести пользу русскимъ; поэтому Петръ зорко наблюдалъ, чтобы иноземные мастера не занимались въ Россіи только накопленіемъ денегъ, какъ это бывало прежде, а дѣйствительно обучали бы русскихъ людей разнымъ мастерствамъ. А такъ какъ между пріѣзжими иностранцами

попадались иногда и обманщики, вовсе не знакомые съ дѣломъ, то государь приказывалъ немедленно свидѣтельствовать всѣхъ пріѣзжавшихъ мастеровъ, дѣйствительно ли они знаютъ свое дѣло, и если оказывалось, что не знаютъ, то велѣно было отпускать ихъ обратно безъ всякаго оскорбленія, дабы этимъ не отвадить и знающихъ людей отъ поѣздки въ Россію; когда же пріѣзжіе оказывались годными, то приказывалось содержать ихъ въ довольствѣ, предоставлять имъ право безпошлинной торговли ихъ издѣліями, свободу отъ поборовъ, службъ и разныхъ повинностей, и всегда, когда пожелаютъ, отпускать ихъ за-границу, чтобы и въ этомъ не было жалобъ на Россію. Вообще Петръ умѣлъ цѣнить пользу, какую могли принести русскимъ людямъ иноземные мастера въ качествѣ учителей. Разъ онъ даже помиловалъ одного слесарнаго мастера-француза, приговореннаго за убійство къ каторгѣ, приказавъ содержать его въ Петербургѣ для обученія русскихъ слесарному дѣлу. Къ сожалѣнію, нѣкоторые пріѣзжіе иноземцы иногда оказывались въ Россіи людьми ни на что негодными, даже небезвредными, склонными къ распутству, пьянству, казнокрадству и другимъ преступленіямъ, что̀ отчасти зависѣло отъ того, что иностранцы всячески старались сбыть къ намъ своихъ наиболѣе худыхъ людей. Съ такими иноземцами по необходимости приходилось поступать строго и сурово; ихъ подвергали даже тѣлеснымъ наказаніямъ, или удерживали у нихъ жалованье.

Петръ вообще оказывалъ вниманіе иноземцамъ лишь на столько, на сколько они могли быть полезными русскимъ людямъ. Государь понималъ, что только русскіе люди могутъ честно и вѣрно, не изъ одной корысти, служить Россіи; поэтому онъ главное вниманіе свое постоянно обращалъ на то, чтобы во главѣ каждаго промышленнаго дѣла, какъ и всякаго другого, непремѣнно стояли знающіе русскіе люди, а не иноземцы. Съ этою цѣлію государь всячески старался ознакомить русскихъ людей какъ можно больше съ правильнымъ веденіемъ

промышленныхъ дѣлъ, и для этого не только приглашалъ въ Россію иноземцевъ, но и самихъ русскихъ, въ продолженіе всего своего царствованія, постоянно посылалъ во множествѣ за-границу, для ихъ обученія мастерствамъ, чего прежде вовсе не дѣлалось. Всѣмъ посылаемымъ за-границу русскимъ мастерамъ, а равно и ихъ семействамъ, было назначаемо содержаніе отъ казны, во все время ихъ отлучки въ чужіе края. За-границей они должны были посѣщать лучшія фабрики, заводы и мануфактуры, а также обучаться разнымъ мастерствамъ, кто къ какому оказывался годенъ: механикѣ, корабельному дѣлу, каретному мастерству, столярному, мебельному, плотничьему, литейному, каменьщичьему, мельничному и прочимъ мастерствамъ. Но, къ сожалѣнію, отправляемые въ чужіе края русскіе мастера, по своей привычкѣ къ своеволію, не всегда занимались тамъ усердно своимъ дѣломъ. Отовсюду на нихъ шли жалобы государю. Русскій посланникъ Веселовскій писалъ тогда царю изъ Англіи: „Ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины... и хотя я ихъ добромъ и угрозами уговаривалъ, чтобы они волѣ вашего величества послушны были, однакожь они въ противности пребываютъ, надѣясь на то, что я ихъ наказать не могу безъ воли вашего величества, и что, по обычаю здѣшняго государства, наказывать иначе нельзя, какъ по суду“. Но самъ государь строго относился къ этимъ „мастерамъ“. По возвращеніи ихъ изъ-за-границы, онъ большею частію самъ подвергалъ ихъ строжайшему экзамену. Такъ какъ Петръ зналъ въ совершенствѣ почти всѣ фабричныя производства и ремесла, то экзаменъ у него былъ самый трудный. Не даромъ, однажды, даже наслѣдникъ престола, царевичъ Алексѣй, не любившій много заниматься науками, рѣшился лучше прострѣлить себѣ руку изъ пистолета и сказаться больнымъ, чѣмъ являться на экзаменъ къ отцу. За то

Петръ щедро награждалъ тѣхъ, кто дѣйствительно потрудился при ученіи. Изучившимъ за-границей разныя мастерства давалось готовое помѣщеніе, а также жалованье въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, и пособіе на первое обзаведеніе, затѣмъ имъ объявлялось, „чтобъ заводились и учениковъ учили, а на жалованье бы впредь не надѣялись“.

Государь руководилъ умѣлою рукою и развитіемъ самаго промышленнаго дѣла въ Россіи. Если онъ, въ этомъ случаѣ, чему либо не могъ иногда научить другихъ въ подробности, то непремѣнно являлся къ каждому, по крайней мѣрѣ, съ дѣльнымъ совѣтомъ. Прежде всего, Петръ Великій, отмѣнивъ всѣ казенные промыслы, дозволилъ всѣмъ людямъ безъ исключенія заводить, съ вѣдома мануфактуръ-коллегіи, разные фабрики и заводы, предоставляя такимъ фабрикантамъ и заводчикамъ, какъ русскимъ, такъ и иноземцамъ, всевозможныя льготы. Съ цѣлью наблюденія за успѣшнымъ дѣйствіемъ открываемыхъ фабрикъ и за достоинствомъ ихъ произведеній, государь установилъ, чтобы въ началѣ каждаго года всѣ мануфактуристы представляли ему образчики своихъ издѣлій. Видя нерѣдко, что и льготы не привлекаютъ достаточно желающихъ къ занятіямъ новымъ для русскихъ людей фабричнымъ дѣломъ, Петръ иногда рѣшался даже принуждать къ этому неволей. Въ одномъ изъ своихъ указовъ государь писалъ: „Нашъ народъ яко дѣти, не ученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется; но, когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ“.

Особенное вниманіе Петръ обратилъ на развитіе въ Россіи горнозаводскаго дѣла, т. е. на пріисканіе и разработку рудъ— желѣзныхъ, мѣдныхъ и проч., такъ какъ въ этихъ металлахъ особенно всегда нуждались, какъ государство, такъ и народъ. Завѣдывавшій нашими желѣзными заводами писалъ разъ Петру: „Болитъ сердце, что иноземцы, продавъ высокою цѣною швед-

ское желѣзо и набравъ наши деньги, къ себѣ увезли, а наше сибирское желѣзо многимъ лучше шведскаго". Чтобы не пропадало, такимъ образомъ, наше добро, Петръ постоянно по всему государству разсылалъ знатоковъ руднаго дѣла, для отысканія различныхъ рудъ, красокъ, минераловъ и т. п. Губернаторамъ было вмѣнено въ обязанность всякими способами содѣйствовать къ отысканію рудъ въ управляемыхъ ими губерніяхъ. Отыскивателямъ рудъ дано было право нанимать рабочихъ, а если они не шли добровольно, то брать ихъ невольно, хотя и за высокую плату. Владѣльцамъ имѣній, на земляхъ которыхъ отыскивалась руда, строго запрещалось препятствовать постороннимъ людямъ устройству на ихъ землѣ рудныхъ заводовъ, если только сами владѣльцы не изъявляли желанія открыть у себя такой же заводъ. За утайку мѣстонахожденія руды назначалось строгое наказаніе. Бергъ-коллегіи, то есть рудной коллегіи, велѣно было оказывать всякое содѣйствіе заводчикамъ и предоставлять имъ самимъ и ихъ рабочимъ и мастерамъ разныя льготы отъ податей и повинностей. Выписываемые изъ-за границы мастера желѣзнаго и мѣднаго дѣла должны были обучать своему искусству русскихъ рабочихъ, не скрывая тѣхъ пріемовъ, которые они изучили у себя на родинѣ.

Благодаря принятымъ Петромъ энергическимъ мѣрамъ, въ Россіи при немъ впервые были найдены многіе металлы и руды. Такъ, открытъ былъ тогда золотой песокъ въ Сибири, на р. Гаѣ, близъ калмыцкаго городка Еркета. Государь немедленно велѣлъ назначить туда плѣнныхъ шведскихъ инженеровъ, для исканія и промыванія золотаго песка. Тогда же были заведены въ Сибири, въ Дауріи, серебряные заводы, для поддержки которыхъ были отправлены туда пашенные крестьяне, а собственно на заводскія работы велѣно было отправить освобожденныхъ отъ каторжной работы ссыльно-поселенцевъ. Кромѣ того, въ разныхъ пунктахъ при Уральскихъ горахъ открыто было 5 большихъ мѣдныхъ заводовъ—въ Кунгурѣ,

Екатеринбургѣ, близъ Верхотурья и при Пыскарскомъ монастырѣ. Для обезпеченія этихъ заводовъ рабочими, къ нимъ присылались государственные крестьяне и даже бѣглые солдаты.

Особенно же много было заведено при Петрѣ желѣзныхъ заводовъ какъ въ Сибири, такъ и въ Европейской Россіи. Ядромъ для развитія этого дѣла въ Россіи послужилъ Тульскій желѣзный заводъ, открытый еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иностранцемъ Виніусомъ. Еще въ юности, предъ войной съ турками изъ-за Азова, Петръ, проѣзжая изъ Москвы въ Воронежъ, по пути заѣхалъ на тульскіе заводы, чтобы отыскать тамъ мастера, который бы взялся сдѣлать нѣсколько алебардъ по иностранному образцу. На вызовъ государя явился молодой русскій мастеръ Никита Демидычъ Антуфьевъ, и такъ понравился Петру ростомъ, ловкостью и силой, что государь сказалъ шутя: „вотъ молодецъ, годится въ Преображенскій полкъ". Мастеръ испугался и упалъ Петру въ ноги, умоляя его помиловать ради матери. Петръ засмѣялся и сказалъ: „Я помилую тебя, если ты скуешь триста алебардъ по сему образцу". Никита согласился, и, черезъ мѣсяцъ, привезъ государю въ Воронежъ такъ хорошо выкованныя алебарды, что Петръ заплатилъ ему втрое за работу, подарилъ нѣмецкаго сукна на платье, серебряный ковшъ, и дозволилъ ему устроить чугунно-плавильный заводъ, какого до того времени не было въ Россіи. По взятіи у турокъ Азова, на обратномъ пути въ Москву, Петръ опять заѣхалъ на тульскіе заводы, совѣтывался тамъ съ заводчиками о необходимостя разныхъ улучшеній въ желѣзномъ дѣлѣ, показывалъ Никитѣ Демидычу образцы иностранныхъ ружей и указалъ ему на пригодность для выдѣлки такихъ ружей желѣзной руды, открытой въ Сибири. Никита, по указанному ему образцу, дѣйствительно сдѣлалъ изъ сибирской руды нѣсколько ружей, оказавшихся, какъ по работѣ, такъ и по матеріалу, превосходными. Петръ полюбилъ ловкаго и способнаго мастера Никиту, щедро наградилъ

*

его за работы, сдалъ ему выгодный подрядъ на поставку въ Петербургъ желѣза изъ сибирскихъ заводовъ и предоставилъ ему разныя льготы по перевозкѣ и продажѣ желѣза во всей имперіи, такъ что Никита скоро сталъ богачемъ. Петръ называлъ его за-просто Демидычемъ, и это названіе такъ и осталось за нимъ и за всѣмъ родомъ извѣстныхъ богачей, носящихъ и понынѣ фамилію Демидовыхъ.

Тульскій желѣзный заводъ сдѣлался обширнѣйшимъ въ государствѣ, такъ какъ Петръ поручилъ этому заводу изготовленіе оружія на всю русскую армію. Пушки же лились на сибирскихъ и уральскихъ желѣзныхъ заводахъ. Кромѣ того, Петръ построилъ желѣзные заводы, называемые Петровскими, близь Онежскаго озера, а также въ Олонцѣ, и открылъ Сестрорѣцкій литейный заводъ, недалеко отъ Петербурга. Петръ любилъ бывать часто на этихъ заводахъ, въ своемъ присутствіи приказывалъ лить пушки и нерѣдко работалъ на нихъ собственноручно, проживая по нѣскольку дней въ рабочихъ землянкахъ. Въ тульскомъ заводѣ до сихъ поръ сохраняется желѣзная полоса въ три пуда, выкованная государемъ собственноручно. Петръ не даромъ любилъ металлическое производство, такъ какъ оно даетъ народу разныя необходимыя средства къ достиженію благосостоянія: ремесленные инструменты, заводскія и земледѣльческія орудія, а также вооруженіе войска и даже различную хозяйственную и домашнюю утварь. Поэтому Петръ особенно заботился о развитіи желѣзнаго дѣла въ Россіи. Государь указалъ выбрать изъ плѣнныхъ шведовъ, славившихся кузнечнымъ мастерствомъ, и послать по два человѣка въ каждую губернію для обученія кузнечному дѣлу русскихъ людей. По всей Россіи велѣно было обучать, по выбору губернаторовъ, молодыхъ людей ружейному, замочному и сѣдельному мастерствамъ; для этого губернаторы отправляли ихъ на заводы на счетъ жителей губерніи, а по окончаніи обученія разсылали по полкамъ. Вообще, желѣзное дѣло въ Россіи къ концу царствованія Петра такъ развилось, что однихъ желѣз-

ныхъ заводовъ насчитывалось уже 26, сверхъ того было 36 ручныхъ горновъ въ Казанской губерніи и 39 такихъ же горновъ въ Московской губерніи. Раньше желѣзо и мѣдь привозились большею частью изъ Швеціи, а къ концу царствованія Петра въ Россіи выплавлялось своего чугуна и мѣди уже около 7 милліоновъ пудовъ.

Особенно быстро развилось при Петрѣ игольное производство, при помощи рязанскихъ купцовъ Томилина и Рюмина, открывшихъ игольную фабрику въ Рязанскомъ уѣздѣ. Для легкой игольной фабрикаціи набирались малолѣтніе бѣдняки, просившіе милостыню. Фабрика эта выдѣлывала иглъ въ огромномъ количествѣ, на сумму до 330 тысячъ рублей; выдѣлывалось столько иглъ, что не только хватало ихъ на всю Россію, но еще отправлялось за-границу. Владѣльцамъ этой фабрики Петръ далъ право на безпошлинную торговлю въ теченіе 18 лѣтъ. А чтобы совсѣмъ прекратить привозъ къ намъ иголокъ изъ-за границы, государь указалъ брать съ иностранныхъ пошлину въ стоимость самого товара.

Въ 1716 году Петръ сдѣлалъ также распоряженіе объ исканіи во всѣхъ губерніяхъ красокъ, при чемъ имъ были собраны и разосланы образчики всѣхъ сортовъ ископаемыхъ красокъ, привозимыхъ къ намъ изъ-за-границы. За отысканіе въ Россіи и присылку въ Петербургъ такихъ красокъ была обѣщана плата по заранѣе объявленнымъ цѣнамъ. Вскорѣ послѣ этого указа, въ 1718 году, житель Садовой слободы, Московской губерніи, Павелъ Васильевъ, открылъ краску *баканъ*, оказавшуюся не хуже венеціанской, за что дана была ему привиллегія на приготовленіе и продажу этой краски и подрядъ на поставку ея въ адмиралтейство по 20 пудовъ въ годъ. Привозъ изъ-за-границы такой же краски былъ воспрещенъ. Тогда же въ Московскомъ уѣздѣ Соловьевъ открылъ купоросную руду, въ которой, по испытаніи, открылся черный купоросъ, горючая сѣра и краска *мумія*. Соловьеву вмѣстѣ съ купцомъ Томиловымъ дана была привиллегія на купоросный и красильный

заводъ, при чемъ велѣно было устроить также заводъ для приготовленія скипидара, канифоли, гарпіуса и другихъ веществъ, добываемыхъ при гонкѣ скипидара, и дозволено было имъ продавать все это безпошлинно въ теченіе 30 лѣтъ.

Петръ много также хлопоталъ о расширеніи и умноженіи въ Россіи пороховыхъ заводовъ. Хотя и до него существовали у насъ эти заводы, но пороху на нихъ выдѣлывалось очень мало, да и селитра и сѣра для приготовленія пороха большею частью выписывались изъ чужихъ краевъ. Петръ Великій, съ цѣлью развитія пороховаго дѣла, отправилъ надежныхъ купцовъ въ Малороссію, гдѣ, главнымъ образомъ, варилась селитра, съ порученіемъ открывать новые заводы, прежніе же велѣлъ исправить и расширить, обязавъ при этомъ заводчиковъ поставлять всю селитру въ казну. Благодаря этой мѣрѣ, подъ конецъ войны Россіи съ Швеціей, въ русской арміи пересталъ уже чувствоваться недостатокъ въ порохѣ, тогда какъ въ началѣ войны его постоянно не хватало.

Стеклянное производство въ Россіи, не смотря на обиліе у насъ годныхъ для этого матеріаловъ, до Петра производилось тоже въ такихъ небольшихъ размѣрахъ, что большую часть стеклянной посуды приходилось выписывать изъ-за-границы, преимущественно изъ Голландіи. Любимецъ Петра, Меншиковъ, устроилъ большой стеклянный заводъ въ отнятомъ у шведовъ городѣ Ямбургѣ и при немъ открылъ первую въ Россіи зеркальную фабрику. Указомъ, въ 1720 году, было опредѣлено завести такую же фабрику зеркалъ и хрустальной посуды въ г. Кіевѣ.

Заботясь о сохраненіи лѣсовъ въ Россіи, Петръ сталъ искать также иного топлива, кромѣ дровъ. Увидѣвъ каменный уголь, Петръ, со свойственной ему проницательностью, сразу угадалъ будущее значеніе этого ископаемаго топлива. Взявъ въ руки кусокъ угля, Петръ сказалъ: „Сей минералъ, если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ“. Узнавъ изъ донесенія подъячаго Капустина о залежахъ камен-

наго угля въ Донской области, государь велѣлъ отправить туда людей, для раскопки угля на трехсаженной глубинѣ и болѣе. Этимъ положено было начало каменноугольной промышленности на Дону. Въ 1723 году Петръ приказалъ произвести развѣдки каменнаго угля по Днѣпру и его притокамъ. Тогда же было положено начало и добыванію въ Россіи торфа, при чемъ, на добываніе этого топлива, была выдана десятилѣтняя привиллегія иностранцу Фонармусу.

Такимъ образомъ, Петръ положилъ начало добыванію и разработкѣ почти всѣхъ минеральныхъ богатствъ, лежавшихъ до того времени въ русской землѣ почти непочатыми.

Не меньше Петръ заботился объ улучшеніи и разработкѣ и всѣхъ остальныхъ произведеній Россіи. На Руси изстари велось въ большихъ размѣрахъ овцеводство, особенно въ южныхъ губерніяхъ. Между тѣмъ, изъ собираемой съ овецъ шерсти выдѣлывались только самыя грубыя самотканныя сукна. Тонкое же сукно, подъ названіемъ „нѣмецкаго“, почти все шло къ намъ изъ-за-границы. Рѣшившись развить въ Россіи собственное производство тонкихъ суконъ, которыхъ въ особенности много требовалось на обмундированіе войска, Петръ дѣятельно принялся за размноженіе суконныхъ фабрикъ. Для успѣшнаго производства этого промысла, онъ, въ 1712 году, указалъ собрать „компанію“ изъ торговыхъ лицъ, а въ случаѣ несогласія вступить въ компанію, приказалъ понуждать къ тому неволею. Такимъ образомъ заведена была большая суконная фабрика. Было также открыто нѣсколько другихъ суконныхъ фабрикъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Впослѣдствіи, въ 1719 году, государь велѣлъ отдать и казенный суконный заводъ, основанный въ Москвѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, частной компаніи купца Щеглова съ товарищами, обязавъ ихъ расширить производство сукна на столько, чтобы его хватало на всю русскую армію и, сверхъ того, оставалось бы и для продажи частнымъ лицамъ. Расторопному и дѣятельному казанскому купцу Микляеву Петръ подарилъ

другую казенную суконную фабрику, со всѣми принадлежавшими къ ней угодьями, крестьянами, землями, матеріалами и машинами, и, поцѣловавъ его въ голову, сказалъ: „Я надѣюсь, что ты скоро доведешь ее до желаемаго мною состоянія". Съ цѣлью поддержки новаго русскаго суконнаго производства, государь запретилъ покупать заморское сукно на мундиры для войска, а также велѣлъ и всей боярской прислугѣ носить платье изъ русскаго сукна. Точно также былъ совершенно воспрещенъ вывозъ русской шерсти за границу, чтобы въ Россіи не было недостатка въ матеріалѣ для выдѣлки суконъ. Какъ ни плохо еще выдѣлывались тогда наши сукна, но и самъ государь сталъ постоянно носить домашнее будничное платье изъ русскаго сукна, и постоянно хвалился передъ своими близкими, что носитъ сукно русскаго издѣлія, совѣтуя и имъ подражать ему въ этомъ. Позднѣе, Петръ основалъ новую обширную компанію для выдѣлки суконъ лучшаго качества. Компанейщики освобождались отъ всѣхъ податей и повинностей и отъ платежа пошлинъ при продажѣ сукна, а для основанія предпріятія имъ было дано въ заемъ на три года, безъ процентовъ, 30,000 рублей, съ правомъ уплачивать этотъ долгъ въ казну сукнами. За то компанія эта не могла возвышать цѣны на сукно. Ей указано было также быть въ помощь другимъ нашимъ небольшимъ фабрикамъ, принимая отъ нихъ сукна неотдѣланными. Въ указѣ объ этомъ государь говорилъ: „Съ помощію Божіею, нѣкоторые изъ россійскаго народа, трудолюбивые и тщательные къ оной фабрикѣ, шерсть прясть и ткать научились, а красить, лощить, гладить, тискать, пристригать и ворсить еще не пріобыкли, и для того обучать этимъ мастерствамъ безкорыстно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ россійскихъ людей было довольное число".

Петръ всячески заботился объ улучшеніи доброты русскихъ суконъ, постоянно самъ наблюдалъ за ихъ качествомъ, но при этомъ требовалъ, чтобы на окраску этихъ суконъ пред-

почтительно употреблялись краски, находимыя въ Россіи, а также — чтобы не портили зря шерсти. Однажды, двое русскихъ фабрикантовъ, Дубровскій и Сѣриковъ, привезли государю на пробу самаго тонкаго сукна, каждый со своей фабрики. Петръ, ощупавъ тонкое сукно Дубровскаго, спросилъ: „Изъ чего оно?“ — „Изъ одной пуши выдѣлано“, похвастался фабрикантъ. — „Этакъ ты у меня перепортишь всю шерсть“, строго замѣтилъ государь: „впредъ не смѣй выщипывать одной пуши, а старайся изъ стрижки дѣлать получше шерсть“. Петръ отдалъ предпочтеніе сукну Сѣрикова, потому что оно было сдѣлано изъ обыкновенной стрижки, и остался имъ такъ доволенъ, что впослѣдствіи сталъ носить постоянно домашнее платье изъ этого сукна. Но государь старался улучшить выдѣлку русскаго сукна на столько, чтобы изъ него можно было дѣлать не одну будничную, но и праздничную одежду. Дѣйствительно, суконное производство скоро доведено было Петромъ до такого совершенства, что изъ него можно уже было дѣлать хорошее платье. Довольный этимъ успѣхомъ, Петръ уже въ 1705 году съ радостью писалъ своему любимцу Меншикову: „Сукны дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло весьма изрядно, изъ которыхъ я себѣ сдѣлалъ кафтанъ къ празднику“. Впослѣдствіи, при суконныхъ фабрикахъ заведена была и ковровая, на которой ткались ковры съ разными картинами, по образцу гобеленовскихъ ковровъ, видѣнныхъ Петромъ во Франціи.

Полотняный промыселъ въ Россіи до Петра Великаго также былъ въ очень плохомъ состояніи, хотя изобиліе льна и пеньки въ Россіи указывало, что промыселъ этотъ, при умѣньѣ и трудолюбіи, могъ бы процвѣтать у насъ какъ нигдѣ. Между тѣмъ, не только по деревнямъ нашимъ, но даже и въ городахъ, полотна изготовлялись большею частью лишь на ручныхъ станкахъ, въ видѣ грубаго холста. Петръ скоро обратилъ на это серьезное вниманіе. Искусство выдѣлыванія полотенъ изстари процвѣтало въ Голландіи. Поэтому Петръ ста-

рался, для развитія и усовершенствованія полотнянаго промысла въ Россіи, заручиться голландскими мастерами, подобно тому, какъ въ кузнечномъ дѣлѣ онъ употреблялъ преимущественно шведскихъ мастеровъ. Будучи еще въ Голландіи, государь подрядилъ тамъ искуснаго полотнянаго мастера и отправилъ его въ Калугу, съ письмомъ отъ себя, къ одному извѣстному въ то время русскому калужскому полотнянщику, Гончарову. Предлагая этому полотнянщику иностраннаго мастера, за договоренную плату, Петръ между прочимъ писалъ ему въ письмѣ: „Буде же тебѣ тягостно производить договоренное жалованье тому мастеру, то я беру платить ему отъ себя". Другому русскому купцу, Затрапезному, пожелавшему открыть полотняную фабрику въ Ярославлѣ, Петръ подарилъ обширный дворъ и отвелъ даромъ мѣсто подлѣ рѣки для бѣленія полотенъ. Въ 1714 году государь дозволилъ завести полотняную фабрику иностранцу Тиммерману, съ правомъ продажи полотенъ не только въ Россіи, но и за-границей. А въ 1718 г. Петръ основалъ уже цѣлую „компанію" для выдѣлки полотенъ, скатертей и салфетокъ. Государь велѣлъ отвести учредителямъ этой компаніи обширный дворъ и отдалъ имъ фабрику на 30 лѣтъ. По просьбѣ учредителей, государь согласился даже запретить другимъ лицамъ торговать скатертями и салфетками, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, если учредители черезъ годъ подадутъ ему записку, что у нихъ есть чѣмъ содержать фабрику. Въ 1720 году была основана другая компанія для выдѣлки полотенъ, во главѣ которой поставленъ былъ опытный въ полотняномъ дѣлѣ голландецъ. Компанейщики, внесшіе въ общій капиталъ по тысячѣ рублей, освобождались отъ государственныхъ повинностей и отъ платежа пошлинъ при оптовой продажѣ своихъ товаровъ, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ. За то они обязывались содѣйствовать распространенію въ Россіи искусства дѣлать полотна, принимая на свою фабрику русскихъ людей въ ученики и работники. Тогда же, для усовершенствованія паруснаго производства въ Россіи,

была поручена иностранцу Тиммерману казенная московская парусная фабрика, изъ-за десятой доли доходовъ, съ обязательствомъ изготовлять парусину въ казну и для продажи. Къ этому времени, полотняный промыселъ въ Россіи развился уже на столько, что запрещенъ былъ привозъ въ Россію изъ-за-границы коломянки и другихъ низкихъ сортовъ полотенъ, которыхъ стало выдѣлываться у насъ уже достаточно. Вскорѣ дѣло это пошло такъ успѣшно, что государь повелѣлъ отпускать русское полотно за-границу, а чтобы оно нашло тамъ большій сбытъ, Петръ, согласно обычаю иноземцевъ, велѣлъ дѣлать русскія полотна не уже одного аршина съ четвертью. На сколько усовершенствовалась тогда самая выдѣлка русскихъ полотенъ, показываетъ свидѣтельство самихъ иноземцевъ, удостовѣрявшихъ, что выдѣлываемое тогда въ Россіи полотно не уступало въ достоинствѣ голландскому полотну.

Замѣчательны были также мѣры, принятыя Петромъ для развитія у насъ писчебумажнаго производства. До него писчая бумага выдѣлывалась въ Россіи лишь самаго низкаго сорта и въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что бо̀льшую часть ея приходилось выписывать изъ Голландіи. Петръ для изученія этого дѣла отправилъ въ Голландію нѣсколькихъ молодыхъ людей и, по возвращеніи ихъ въ Россію, велѣлъ одному изъ нихъ, Короткину, построить близъ Москвы бумажную мельницу, по голландскому образцу. Затѣмъ Петръ издалъ для москвичей указъ, чтобы „ненужное холщевое тряпье отнюдь никуда не бросали, а складывали и продавали на фабрику по 8 денегъ за пудъ“. Въ 1714 году за ту же цѣну было приказано доставлять негодный холстъ и лоскутья и въ Петербургъ, сухопутьемъ и водою. Всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ запрещено было кидать ненужную писанную бумагу, а свозить ее на Петербургскую бумажную фабрику, въ обмѣнъ на вновь выдѣланную. Въ 1719 году стала выдѣлываться бумага близъ Петербурга, на Дудергофской мельницѣ. Государь самъ опре-

дѣлилъ всѣ сорта бумаги и самъ назначилъ цѣны на каждый сортъ. Бумага доставлялась въ адмиралтейство и оттуда продавалась на письменное производство во всѣ присутственныя мѣста и аптеки и на книжное печатаніе въ типографіи. Всего въ царствованіе Петра было построено до 30 бумажныхъ фабрикъ. Съ тѣхъ поръ и торгъ лоскутьями сталъ давать хлѣбъ многимъ бѣднякамъ.

До Петра много также переплачивалось иностранцамъ русскихъ денегъ за привозъ въ Россію шелковыхъ матерій, бархату и парчи, такъ какъ товаръ этотъ не изготовлялся въ Россіи, а между тѣмъ бояре русскіе въ то время постоянно носили парчевые, шелковые и бархатные кафтаны, обшитые золотыми и серебряными галунами. Въ 1717 году Петръ поручилъ своимъ сановникамъ, подканцлеру барону Шафирову и Толстому, учредить въ Россіи фабрику всякихъ шелковыхъ матерій и парчей, а для выдѣлки ихъ выписалъ опытныхъ мастеровъ изъ Франціи, у которыхъ велѣлъ учиться многимъ молодымъ русскимъ людямъ. Фабриканты обязывались выдѣлывать золотыя, серебротканныя, шелковыя и шерстяныя матеріи, парчи, штофы, бархаты, атласы, камки, тафты и всякаго рода ленты, галуны, чулки и проч. На вспоможеніе Петръ отвелъ имъ безденежно готовые дворы въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ, а мастерамъ ихъ обѣщаны были мѣста подъ жилища на вѣчныя времена. Фабриканты освобождались также на 50 лѣтъ отъ платежа пошлинъ при продажѣ своихъ издѣлій внутри Россіи, а въ обезпеченіе ихъ прибытка запрещалось другимъ лицамъ производить такіе же товары; изъ-за-границы же дозволено было привозить только шелковый штофъ, не болѣе какъ на 100 тысячъ рублей въ годъ. Кромѣ этой фабрики, тогда же была открыта въ Москвѣ, Алексѣемъ Милютинымъ, другая фабрика шелковыхъ лентъ. Онъ былъ освобожденъ отъ всякихъ податей, пока не утвердится начатый имъ промыселъ. Заведя свои шелковыя фабрики, государь велѣлъ всѣмъ придворнымъ носить шелковые чулки

непремѣнно русскаго производства. Въ 1721 году дозволено уже было всѣмъ людямъ заводить въ Россіи шелковыя фабрики, съ предоставленіемъ учредителямъ ихъ привиллегій на 50 лѣтъ.

Много хлопоталъ также Петръ объ улучшеніи и расширеніи въ Россіи кожевеннаго и юфтянаго промысла, которымъ русскіе и прежде много занимались, отправляя свой товаръ въ огромномъ количествѣ даже за-границу. Но Петръ замѣтилъ, что русская юфть отпускается по дешевой цѣнѣ, такъ какъ она пропускаетъ воду и расползается отъ мокроты, потому что приготовляется съ дегтемъ, тогда какъ иностранцы приготовляютъ свою юфть съ ворванью, т. е. съ китовымъ саломъ, отчего обувь у нихъ была прочнѣе русской. Петръ запретилъ въ Россіи дѣлать юфть съ дегтемъ, а для наученія русскихъ приготовленію ея съ ворванью, выписалъ иностранныхъ мастеровъ въ Москву, куда велѣлъ выслать для обученія нашихъ кожевниковъ изъ разныхъ русскихъ городовъ. Срокъ обученія былъ назначенъ двухгодичный, по истеченіи котораго выдѣлывать и продавать юфть съ березовымъ дегтемъ воспрещалось, подъ страхомъ лишенія имущества и даже ссылки въ каторгу. Вслѣдъ затѣмъ, въ видахъ распространенія и улучшенія во всей Россіи кожевеннаго дѣла, велѣно было прислать въ Москву, изъ разныхъ городовъ, второстепенныхъ мастеровыхъ людей для обученія ихъ лучшей выдѣлкѣ юфти. Съ тою же цѣлію, государь приказалъ разослать иностранныхъ мастеровъ и по нѣкоторымъ губерніямъ. Въ Астраханскомъ краѣ, изобиловавшемъ въ то время рогатымъ скотомъ, воспрещено было продавать быковъ на сторону, а велѣно было рѣзать и, снимая съ нихъ шкуры, отправлять въ Казань на выдѣлку. Кожевникамъ точно также было приказано отнюдь не выбрасывать худой коровьей шерсти, но собирать ее для фабрикъ.

Петръ ко всему прикладывалъ свой хозяйственный аршинъ, и считалъ нужнымъ и другихъ принуждать заботиться объ

изысканіи всякихъ выгодъ. Онъ писалъ въ своемъ указѣ: „И въ мануфактурныхъ дѣлахъ надо добрымъ хозяиномъ быть и не однимъ предложеніемъ, но и принужденіемъ дѣйствовать; напримѣръ: гдѣ валяютъ полости тонкія, тамъ заставлять дѣлать шляпы; гдѣ дѣлаютъ юфть, тамъ заставлять выдѣлывать лосиныя кожи и прочая, что изъ кожъ дѣлается. А когда выучатся, тогда могутъ и безъ надсмотрщиковъ быть".

Однако, русскіе люди не скоро привыкли къ новому способу выдѣлки кожъ, такъ что запрещеніе продавать юфть съ березовымъ дегтемъ въ первое время сильно сократило кожевенное производство, но за то развелось много кожевенныхъ заводовъ съ хорошею выдѣлкою кожъ.

Въ 1718 году Петръ далъ десятилѣтнюю привиллегію московскому купцу Вестову на устройство перваго въ Россіи сахарнаго завода, съ правомъ приготовлять сахаръ изъ привознаго сырца и безпошлинно торговать сахаромъ въ головахъ первые три года. Къ 1721 году производство сахара въ Россіи на столько уже умножилось, что привозъ сахара изъ-заграницы былъ воспрещенъ.

Государь не оставилъ безъ вниманія и улучшенія и развитія сельскаго хозяйства въ Россіи. Съ цѣлью увеличенія посѣвовъ и сбыта хлѣба, попеченіе о хлѣбопашествѣ было ввѣрено камеръ-коллегіи, при которой учреждена была для наблюденія за земледѣліемъ особая контора. Съ тою же цѣлью, въ 1716 году, винокуреніе, находившееся до того времени всецѣло въ рукахъ казны, объявлено было свободнымъ для людей всякихъ чиновъ, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ въ казну и съ обязанностію объявлять губернаторамъ о количествѣ выкуриваемаго вина. Государь старался также о прибавкѣ пашенъ государственнымъ и дворцовымъ крестьянамъ. Особенно Петръ хлопоталъ о распространеніи хлѣбопашества въ Сибири, гдѣ разные азіатскіе народцы охотнѣе всего мѣняли свой товаръ на хлѣбъ. Съ этою цѣлью Петръ всячески заботился о заселеніи Сибири, велѣлъ раздавать тамъ

земли крестьянамъ, снабжать ихъ сѣменами для посѣвовъ и выдавать денежныя пособія. Всѣ ссыльные въ Сибири также обязаны были обработывать землю. Для улучшенія обработки полей Петръ выписывалъ изъ-за-границы людей, хорошо знавшихъ земледѣліе, и поселялъ ихъ въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобъ отъ нихъ народъ могъ научиться удобренію земли, о которой до того времени не слыхали въ Россіи.

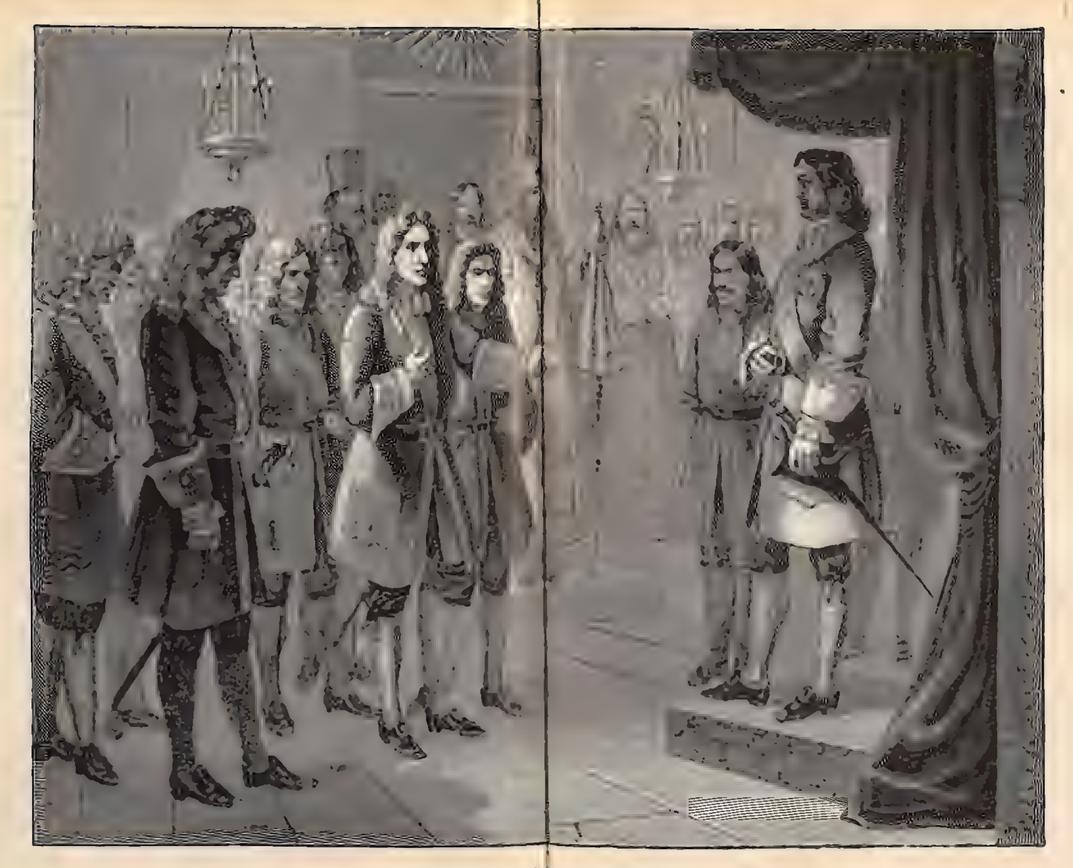
До Петра въ Россіи не знали также употребленія косъ и жали хлѣбъ только серпомъ. Узнавши отъ нѣмецкихъ поселянъ, что выгоднѣе скашивать хлѣбъ на поляхъ косою, съ прикрѣпленными къ ней граблями, Петръ, въ 1721 году, приказалъ снимать хлѣбъ косами, вмѣсто серповъ. Для этого государь разослалъ по губерніямъ образцы такихъ косъ и предписалъ губернаторамъ раздавать ихъ смышленымъ крестьянамъ, которые бы могли научить и остальныхъ поселянъ новому способу уборки хлѣба. Онъ писалъ объ этомъ губернаторамъ, въ своемъ указѣ: „Сами знаете, что добро и надобно, а новое дѣло-то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ“. Такимъ образомъ вошли въ употребленіе въ Россіи косы.

Больше всего заботился Петръ о разведеніи въ Россіи льна и пеньки, такъ какъ на этотъ товаръ былъ большой спросъ за-границей и по прибыльной цѣнѣ. Петръ Великій замѣтилъ, что льномъ промышляли главнымъ образомъ въ Псковѣ и Вязьникахъ, а пенькою—въ Брянскѣ. Жителямъ этихъ мѣстностей государь указалъ увеличивать постепенно посѣвъ пеньки и льна и писалъ по этому случаю въ своемъ указѣ: „Кто сѣялъ четверть льну или пеньки, тотъ пусть, при слѣдующихъ посѣвахъ, прибавляетъ еще по четверику противъ прошлогодняго посѣва, а гдѣ вовсе не сѣяли, тамъ учить крестьянъ, какъ приняться за это дѣло, толкуя имъ при этомъ, что велѣно это дѣлать для всенародной пользы“. Чтобы поднять цѣну на нѣкоторыя наши сельскія произведенія, идущія за-границу, Петръ запретилъ вывозить льняное и конопляное сѣмя, а велѣлъ

бить изъ него масло, за которое платили дороже, чѣмъ за сѣмя. Это распоряженіе заставило заводить по деревнямъ маслобойни, которыя дали новую прибыльную работу большому числу рукъ.

Петръ старался также ввести въ наше сельское хозяйство много совершенно новыхъ произведеній. Стоило только провѣдать Петру, гдѣ что можетъ хорошо родиться, какъ онъ немедленно приказывалъ начальникамъ тѣхъ губерній заботиться о распространеніи тамъ и улучшеніи новыхъ посѣвовъ. Онъ первый указалъ разводить въ Россіи картофель, который въ началѣ наши крестьяне, а особенно старообрядцы, считали поганымъ, но безъ котораго нынѣ, однако, никто уже не обходится. Петромъ же былъ введенъ въ Россіи посѣвъ табака. До него въ Россіи не только воспрещалось разведеніе табака, но и куреніе привознаго табака было запрещено закономъ, подъ страхомъ смертной казни. Но многіе русскіе люди, вопреки запрещенію, все-таки тайно покупали табакъ въ большомъ количествѣ отъ иностранныхъ купцовъ, такъ что запрещеніе куренія табака содѣйствовало только обогащенію иноземцевъ на счетъ русскихъ. Петръ дозволилъ свободный привозъ въ Россію иностраннаго табака, но въ то же время сталъ заботиться, чтобы русскіе люди не платили иноземцамъ за это зеліе, а сами бы занялись прибыльнымъ промысломъ разведенія табака. Съ этою цѣлью, Петръ выписалъ изъ-за-границы лучшіе сорты табака и велѣлъ засѣвать ихъ въ Малороссіи, гдѣ промыселъ этотъ такъ привился, что и до сихъ поръ табакъ разводится тамъ въ большомъ количествѣ и доставляетъ не мало выгодъ сельскимъ жителямъ.

Узнавши, что около Астрахани растетъ виноградъ, изъ котораго русскіе люди не извлекали всей пользы, Петръ тотчасъ началъ хлопотать объ улучшеніи и распространеніи астраханскихъ виноградниковъ, а также о разведеніи виноградниковъ по Дону и о выдѣлкѣ вина изъ тамошняго винограда. Съ этой цѣлью онъ выписалъ разныхъ сортовъ виноградныя лозы изъ Германіи съ Рейна и изъ Венгріи, и для каждаго сорта

Принятіе Петромъ Императорскаго титула.

вина—опытнаго винодѣла. Виноградники скоро разрослись не только около Астрахани, но и по Тереку и на Дону, гдѣ стали приготовлять впервые русское виноградное вино, которое до того времени получалось исключительно изъ-за-границы. Одинъ французъ, посланный Петромъ въ Астрахань, развелъ тамъ семь сортовъ французскаго винограда, изъ которыхъ приготовлялъ разныхъ сортовъ вина. Такимъ образомъ было положено въ Россіи начало выгодному промыслу—русскому винодѣлію.

Петръ много хлопоталъ также о распространеніи въ Россіи тутоваго дерева, для разведенія шелковичнаго червя. Съ этой цѣлью онъ основалъ на Волгѣ, въ Царицынѣ, первое въ Россіи шелковичное заведеніе, а въ Малороссіи собственноручно посадилъ первыя тутовыя деревья. Но къ этому прибыльному и трудному промыслу, требовавшему тщательнаго ухода за деревьями и за червемъ, русскіе люди долго не могли привыкнуть.

Чтобы не платить иностранцамъ за привозимыя ими въ Россію аптекарскія или лечебныя и красильныя травы, Петръ велѣлъ завести въ Астрахани аптекарскіе огороды, и съ тою же цѣлію развелъ аптекарскія травы въ Петербургѣ, на томъ островѣ, который и до сихъ поръ называется поэтому Аптекарскимъ. Лѣкарямъ велѣно было присматриваться въ разныхъ мѣстахъ Россіи къ растущимъ на поляхъ травамъ и собирать между ними лѣкарственныя растенія, нужныя для аптекъ. Точно также было указано собирать и разводить разныя красильныя травы: марену, червецъ, яблоновый листъ, дрокъ, зеленку, душицу и проч. Русскіе мануфактурные фабриканты обязаны были предпочительно употреблять краски изъ находимыхъ въ Россіи травъ.

Петръ неутомимо заботился и объ улучшеніи скотоводства въ Россіи. Такъ, онъ выписалъ изъ-за-границы, въ Холмогоры, Архангельской губерніи, рогатый скотъ голландской породы. Оттуда и произошли холмогорскія коровы, распространившіяся и по другимъ мѣстамъ Россіи и доселѣ считаю-

щіяся лучшими. Петръ устроилъ также первые въ Россіи конскіе заводы, съ цѣлью улучшенія породы русскихъ лошадей. Для этого онъ выписалъ лучшихъ породъ лошадей изъ Пруссіи и Силезіи и приказалъ открыть конскіе заводы на Дону и въ губерніяхъ Казанской и Кіевской. Такъ какъ войска наши нуждались въ доставкѣ хорошихъ лошадей, то государь велѣлъ людямъ всѣхъ сословій, исключая крестьянъ, заводить лучшихъ породъ лошадей.

Особенно же Петръ хлопоталъ объ улучшеніи и развитіи въ Россіи овцеводства, такъ какъ промыселъ этотъ, по обилію привольныхъ степей въ Россіи, могъ идти у насъ особенно успѣшно, тѣмъ болѣе, что въ шерсти сильно нуждались наши вновь открытыя суконныя фабрики, вынужденныя выписывать шерсть изъ-за-границы. Петръ выписалъ изъ Силезіи опытныхъ пастуховъ и тонкорунныхъ овецъ, извѣстныхъ нынѣ въ Россіи подъ именемъ шленскихъ. Государь велѣлъ раздать этихъ овецъ многовотчиннымъ помѣщикамъ, обязавъ ихъ, хотя бы и не хотѣли, принимать къ себѣ и содержать выписанныхъ пастуховъ или овчаровъ. Петръ особенно старался о размноженіи овчарней въ Малороссіи. Зная непривычку русскихъ людей самимъ браться за новыя дѣла, государь выписалъ изъ-за-границы 20 овцеводовъ и послалъ ихъ въ Казань, для ознакомленія русскихъ съ лучшими способами стрижки овецъ и обработки шерсти. Кромѣ того, Петръ отправлялъ молодыхъ русскихъ людей въ иностранныя земли, чтобы они тамъ учились скотоводству. Въ то же время, русскимъ суконнымъ фабрикамъ приказано было изготовлять сукна только изъ русской шерсти. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, при Петрѣ были открыты три овчарные завода, появились ученые овчары изъ русскихъ людей и въ одной Малороссіи считалось уже тогда до 150 тысячъ головъ овецъ лучшихъ иностранныхъ породъ.

Петръ обращалъ вниманіе и на развитіе всѣхъ другихъ промысловъ въ Россіи. Онъ умножилъ и улучшилъ наши соле-

варенные промыслы, указывая ловить въ Астрахани осетровъ и стерлядей и отпускать ихъ за море. Государь училъ также архангельскихъ рыбныхъ промышленниковъ солить сельди по голландскому способу и расширить торговлю ими. Петръ самъ изучалъ за-границей китовый промыселъ и, кромѣ того, выписывалъ оттуда въ Россію опытныхъ китолововъ, для улучшенія и расширенія китоваго промысла на Бѣломъ морѣ. Онъ велѣлъ тамъ строить для этого промысла болѣе прочныя и лучше приспособленныя суда, чѣмъ какія употреблялись прежде. Съ цѣлью развитія вообще морскихъ промысловъ, онъ отдалъ китовый, моржевой и тресковый промыслы на Бѣломъ морѣ въ компанію купцу Матвѣю Евреинову на 30 лѣтъ.

Словомъ, не было предмета, который бы казался неутомимому государю маловажнымъ или не стоющимъ вниманія. Все онъ хотѣлъ постоянно улучшать и развивать. По его повелѣнію, русскіе люди должны были упражняться даже въ лучшихъ способахъ изготовленія масла; кромѣ того, имъ выписаны были голландки для обученія русскихъ женщинъ пряденію; самъ Петръ училъ русскихъ людей, какъ лучше дѣлать кровли на домахъ. Государь старался также искоренить на Руси обычай „рубить“ дрова, такъ какъ при этомъ много дерева пропадаетъ понапрасну въ щепахъ; онъ хотѣлъ пріучить русскихъ дровосѣковъ къ *распилкѣ дровъ* и строго приказывалъ, „чтобы работные люди изучались въ два года пилованью дровъ“.

Трудно даже исчислить всѣ мѣры, какія принималъ великій государь, съ цѣлью поднять русское народное благосостояніе. Чего достигъ Петръ въ этомъ отношеніи, можно уже видѣть изъ того, сколько имъ было заведено фабрикъ и заводовъ: суконныхъ, полотняныхъ, скатертныхъ, салфетныхъ, парусинныхъ, бумажныхъ, шелковыхъ, парчевыхъ, ленточныхъ, позументныхъ, чулочныхъ, кожевенныхъ, сафьянныхъ, лосинныхъ, канатныхъ, шпалерныхъ, сахарныхъ, крахмальныхъ, корзинныхъ, мыльныхъ, свѣчныхъ, зеркальныхъ, пушеч-

ныхъ, ружейныхъ, пороховыхъ, разныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, пожарныхъ трубъ, оловянной посуды, пуговицъ, табачныхъ трубокъ, игральныхъ картъ и проч. Къ концу его царствованія въ Россіи работало уже до 230 фабрикъ и заводовъ, около которыхъ кормилось и училось мастерству много разнаго бѣднаго и прежде неумѣлаго люда. Между фабрикантами появились большею частью русскіе люди. А главное, произведенія Русской земли перестали уже идти заграницу всѣ сплошь за безцѣнокъ въ сыромъ видѣ, а стали обработываться въ самой Россіи, возрастая чрезъ это въ своей цѣнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась и переплата русскихъ денегъ иностранцамъ, такъ какъ въ Россіи завелись почти всѣ необходимыя собственныя фабрики и заводы, и русскіе могли уже обходиться безъ привоза многихъ иностранныхъ товаровъ. Всѣмъ этимъ положено было начало развитію русскаго народнаго благосостоянія и русской торговли. Государь былъ вправѣ еще при своей жизни сказать: „Ужъ за многое благодаренія слышутся, особенно за тѣ дѣла, плодъ которыхъ уже видѣнъ"

Петръ былъ необыкновенно умѣлый хозяинъ и стремился научить правильному и разумному хозяйству и всѣхъ русскихъ людей. Онъ всячески старался искоренить въ нихъ небрежность во всякой работѣ, привычку дѣлать все кое-какъ, а не какъ лучше и выгоднѣе. Особенно Петра огорчало отсутствіе въ русскихъ людяхъ хозяйственной разсчетливости, экономіи, неумѣнье жить. Русскій человѣкъ и до сихъ поръ еще многое считаетъ въ своемъ хозяйствѣ не важнымъ, не стоющимъ вниманія, словомъ—такимъ, что̀ можно бросить, сломать, или даже сжечь. Для Петра же ничего не было маловажнаго: все у него имѣло свою важность, какъ у хорошаго хозяина каждая мелочь имѣетъ свое мѣсто и должна приносить свою пользу. Государь видѣлъ, что хозяйство русскаго человѣка отъ того главнымъ образомъ и было бѣдно, что у него одно не важно, другое не стоитъ вниманія, третье пропадаетъ

прахомъ. Петръ особенно убѣждался въ этомъ на крайне небрежномъ отношеніи русскихъ людей къ своимъ роднымъ лѣсамъ, къ этому народному русскому богатству. Привыкнувъ вести и свои собственныя дѣла безъ всякаго разсчета и соображенія съ общею пользою, русскіе люди изстари безпощадно истребляли лѣса, иногда даже безъ всякой цѣли, зря, нисколько не думая, какой вредъ они наносятъ этимъ себѣ и всему государству. Способы истребленія лѣсовъ были безчисленны. Большею частью выжигали лѣса подъ пашни и пастбища, чтобъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ собирать съ нихъ обильную жатву, а затѣмъ, по истощеніи земли, перейти опять къ выжиганію новыхъ лѣсныхъ пространствъ. Не менѣе истреблялось лѣсу и на постройку рѣчныхъ барокъ, для сплава водою разныхъ грузовъ. Суда эти строились въ огромномъ числѣ и такъ непрочно, что они могли служить только на одинъ сплавъ. Такимъ образомъ, ежегодно возобновлялась постройка огромнаго числа судовъ, для чего истреблялись съ каждымъ годомъ новыя обширныя лѣсныя пространства, прилегающія къ нашимъ судоходнымъ рѣкамъ и озерамъ. Безъ всякаго также разсчета истреблялись лѣса на постройки, на топливо и на разныя мелкія подѣлки. Огромныя, дорого стоющія деревья постоянно срубались на дрова, на корыта, на кадки, на какую-нибудь ничтожную подпорку, и тому подобное. Отъ этого безпощаднаго истребленія лѣсовъ многія наши южныя области обратились въ голыя степи, страдающія постоянными засухами и совершенно обезлюдѣвшія, гдѣ нельзя уже было достать ни одного кусочка дерева ни на постройку, ни на топливо, ни на подѣлки. О правильной же рубкѣ лѣса и о разведеніи новыхъ лѣсовъ въ то время и подавно никто не думалъ.

Петръ видѣлъ за-границей, какъ тамъ берегутъ лѣса и какія выгоды и удобства приносятъ они, когда ихъ заботливо охраняютъ и правильно ими пользуются. Въ Россіи же, не смотря на безпощадную рубку лѣсовъ, доходовъ отъ нихъ почти никакихъ не получалось. А главное, приступивъ къ

постройкѣ въ Россіи военнаго и торговаго флота, государь на первыхъ же порахъ увидѣлъ, что, не смотря на обиліе лѣсовъ въ Россіи, у насъ трудно уже было достать годныхъ для корабельнаго дѣла деревьевъ, такъ какъ они остались лишь въ отдаленныхъ отъ воды и глухихъ мѣстахъ; вблизи же рѣкъ, озеръ и морей почти уже все было истреблено. Это заставило Петра взяться со всею строгостью за прекращеніе лѣсоистребленія и за сбереженіе и расширеніе оставшихся лѣсовъ.

Государь указалъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса, на пространствѣ 50-ти верстъ отъ береговъ большихъ и 20-ти верстъ отъ береговъ малыхъ рѣкъ. Всѣ лѣса по рѣкамъ раздѣлены были на округа, которыми завѣдывали выбираемые изъ дворянъ лѣсные старосты (вальдмейстеры). Имъ подчинены были лѣсничіе изъ крестьянъ, выбираемые по одному съ каждыхъ пятисотъ дворовъ. Изъ описанныхъ лѣсовъ объявлены были „заповѣдными“ тѣ, въ которыхъ росли деревья извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровыя, годныя для корабельной постройки, а именно: дубы, вязы, клены и сосны, толщиною не менѣе 12 вершковъ въ отрубѣ. Въ этихъ лѣсахъ запрещалось не только рубить большія деревья, но и собирать валежникъ. Лѣсничіе обязаны были клеймить заповѣдныя деревья. Ослушникамъ угрожалось смертною казнью, „безъ всякія пощады, кто-бъ ни былъ“. Изъ остальныхъ описанныхъ лѣсовъ жители могли получать деревья на постройку судовъ и на разныя подѣлки лишь съ разрѣшенія лѣсничихъ; даже помѣщики должны были испрашивать согласія лѣсничихъ на рубку большихъ деревьевъ въ своихъ собственныхъ лѣсахъ. Лѣса же, отстоящіе на болѣе далекомъ, противъ указаннаго, разстояніи отъ рѣкъ, были объявлены открытыми для рубки, за исключеніемъ растущихъ въ нихъ большихъ дубовъ, рубить которые и здѣсь можно было только съ разрѣшенія начальства. Кромѣ того, всѣ лѣсопромышленники обязаны были, одинаково во всѣхъ лѣсахъ, употреблять правильную рубку, т. е. раздѣлять свой лѣсъ на столько участковъ, сколько требовалось

годовъ для того, чтобы вырубленный лѣсъ могъ постоянно возобновляться. Наконецъ, въ случаѣ лѣснаго пожара, въ какомъ бы лѣсу онъ ни произошелъ, всѣ окрестные жители, изъ-за 10 верстъ, должны были спѣшить на помощь. Затѣмъ, ради сбереженія лѣса, указано было строить рѣчныя суда возможно прочнѣе, чтобы они могли служить нѣсколько лѣтъ. Для этого государь разослалъ всюду по мѣстамъ рѣчнаго судостроенія ученыхъ мастеровъ, которые обязаны были учить русскихъ людей постройкѣ „новоманерныхъ судовъ". Староманерныя же суда были обложены высокой пошлиной, съ тѣмъ, чтобы ихъ болѣе не строили. Ради того же сбереженія лѣсовъ, всѣ мелкія подѣлки велѣно было дѣлать изъ отрубковъ и сучьевъ; поташъ указано было дѣлать тоже изъ сучьевъ, изъ старыхъ бочекъ и тому подобнаго дерева, негоднаго для строенія. Государь указалъ также, чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ посѣянъ новый лѣсъ. Онъ и самъ часто съ любовью разводилъ деревья и сажалъ жолуди. До сихъ поръ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ сохраняются деревья, посаженныя собственноручно Петромъ, а подъ Таганрогомъ сохранилась разведенная имъ цѣлая дубовая роща. Не даромъ Петра называютъ „первымъ лѣсоводомъ въ Россіи". Государь строго слѣдилъ за исполненіемъ всѣхъ своихъ указовъ по лѣсной части, велѣлъ прибивать ихъ къ столбамъ въ деревняхъ, читать въ церквахъ „приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался". Но русскіе люди продолжали постоянно нарушать новыя правила и часто подвергались за это огромнымъ штрафамъ и даже тѣлеснымъ наказаніямъ. Однако, государь строго слѣдилъ при этомъ, чтобы никто не злоупотреблялъ новыми правилами и не дѣлалъ излишняго притѣсненія народу. Вообще, усиліями Петра удалось положить хотя нѣкоторое начало правильному устройству лѣснаго дѣла въ Россіи, о чемъ до него никто не думалъ, а главное — ему удалось хотя нѣсколько задержать то страшное истребленіе лѣсовъ, которое до него производилось совершенно безпрепятственно.

Усиливая и развивая, такимъ образомъ, все народное хозяйство, государь надѣялся тѣмъ самымъ искоренить между русскими людьми всякое тунеядство, всякую праздность, которую онъ называлъ „матерью всѣхъ пороковъ“. Государь разсчитывалъ, что полезныя занятія исправятъ многія дурныя привычки русскихъ людей. Съ этой цѣлію онъ старался всѣхъ привлечь къ неустанному труду, и строго требовалъ, чтобы никто не оставался празднымъ. Замѣтивъ, что небогатые дворяне ничѣмъ не занимались въ своихъ маленькихъ помѣстьяхъ, государь заботился о привлеченіи ихъ къ занятіямъ торговлею. Монахамъ, не занятымъ церковною службою и монастырскимъ управленіемъ, указалъ заниматься хлѣбопашествомъ и другимъ полезнымъ трудомъ. Лишнихъ монастырскихъ служекъ и дѣтей церковныхъ причетниковъ, отъ 15 до 20-лѣтняго возраста, кормившихся на счетъ прихожанъ, велѣлъ отдавать учиться разнымъ мастерствамъ. Государь указалъ также учить рукодѣлью и разнымъ ремесламъ монахинь въ женскихъ монастыряхъ. Въ указѣ объ этомъ говорилось: „Разослать по монастырямъ покровскихъ мастерицъ пряденія для обученія пряжѣ тѣхъ монахинь, которыя не знаютъ никакого другаго ремесла, но кто изъ нихъ знаетъ лучшія рукодѣлія — препятствія въ ихъ работахъ не чинить“. Такимъ образомъ, никакая праздность не укрывалась отъ зоркаго глаза государя. Онъ даже нищихъ и бѣглыхъ старался пристраивать къ фабрикамъ, заводамъ, или къ новымъ земледѣльческимъ поселеніямъ.

Конечно, Петръ Великій не могъ при жизни своей достигнуть всего, что онъ желалъ сдѣлать для народнаго благосостоянія. Неохота и непониманіе русскихъ людей доставили ему много огорченій. Но терпѣніемъ и силою воли онъ и тутъ успѣлъ положить правильное основаніе будущей дѣятельности русскихъ людей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Заботы Петра о народномъ просвѣщеніи. — Навигацкая школа въ Москвѣ и морская академія въ Петербургѣ. — Неудовольствіе народа на школы. — Строгость противъ ослушниковъ. — Духовныя школы. — Газеты и календари. — Искусства и театръ. — Академія наукъ.

Петръ Великій съ необыкновенною ясностью сознавалъ, что многіе недостатки русскихъ людей, какъ въ ихъ собственныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ и въ особенности въ дѣлѣ служенія ихъ государству, зависѣли главнымъ образомъ отъ недостатка въ нихъ полезныхъ знаній, необходимыхъ въ гражданской жизни. Вообще, никто въ то время не придавалъ такой высокой цѣны просвѣщенію, какъ Петръ Великій. Поэтому онъ въ теченіе всего своего царствованія съ необычайною ревностью стремился къ насажденію между русскими людьми самаго широкаго просвѣщенія.

До Петра Великаго дѣло русскаго просвѣщенія въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ находилось въ крайнемъ упадкѣ. Гражданскихъ школъ и даже самыхъ необходимыхъ для первоначальнаго обученія свѣтскихъ книгъ совсѣмъ не было. Духовныхъ школъ тоже было крайне недостаточно. Лишь въ Малороссіи, для борьбы съ католической уніею, были заведены разныя духовныя училища и даже возникла въ Кіевѣ знаменитая Кіевская духовная академія, устроенная, однако, по образцу западно-евро-

пейскихъ духовныхъ школъ. Воспитанники этой академіи нерѣдко даже ѣздили доканчивать свое образованіе въ Западную Европу. На всю же Великороссію, только въ Москвѣ, передъ самымъ уже царствованіемъ Петра Великаго, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, было открыто одно высшее духовное училище, подъ названіемъ „Славяно-Греко-Латинской академіи", устроенной тоже по образцу Кіевской академіи. Вотъ почти все, что̀ существовало на Руси даже для просвѣщенія православнаго духовенства. Не мудрено поэтому, что большинство русскихъ людей, получившихъ какое нибудь образованіе, были тогда преимущественно самоучки или же съ домашнимъ образованіемъ. Единственными учителями были въ то время монахи и церковнослужители, при чемъ для людей разныхъ сословій все образованіе ограничивалось обыкновенно только умѣньемъ читать и писать.

Даже боярское и дворянское сословія въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличались отъ простолюдиновъ. Случалось иногда, что бояринъ, засѣдавшій въ царской думѣ, вовсе не умѣлъ читать или подписать своего имени. Тогдашнее воспитаніе дворянскихъ дѣтей вообще мало способствовало развитію въ нихъ умственныхъ способностей. Обыкновенно ихъ пріучали съ малыхъ лѣтъ къ вздорнымъ капризамъ и съ самыхъ пеленокъ разныя мамушки, нянюшки и дядьки вбивали имъ въ голову барскую спѣсь и пренебреженіе ко всякимъ занятіямъ и ученью. Оттого съ большимъ трудомъ и даже не всегда научались они чтенію букваря и псалтири, обыкновенно подъ указку сельскаго дьячка, котораго избалованный ученикъ считалъ скорѣе своей забавой, нежели наставникомъ. Благодаря такому воспитанію, русскій баричъ того времени, въ возрастѣ 17—18 лѣтъ, считался еще неразумнымъ младенцемъ и жилъ въ помѣстьѣ своихъ родителей въ самомъ темномъ невѣжествѣ. Всѣ эти юноши младенцы носили тогда характерное названіе — „недорослей".

Не смотря на то, любовь къ просвѣщенію изстари жила въ русскомъ народѣ и сказывалась въ тѣхъ любознательныхъ

людяхъ, которые, не довольствуясь знаніемъ грамоты, старались еще просвѣтить свой умъ чтеніемъ разныхъ книгъ. Такихъ книгъ, однако, было тогда не много. Печатаніе въ то время стоило очень дорого, такъ какъ типографій было крайне недостаточно; печатались преимущественно лишь церковныя книги, которыя по своей дороговизнѣ были доступны рѣдкимъ людямъ. Всѣ же другія книги были рукописныя, переписывавшіяся самими любителями, или по заказу, и стоили тоже не дешево. Изъ такихъ книгъ первое мѣсто занимали „сборники", большею частью тоже духовнаго, или же историческаго содержанія. Въ нихъ помѣщались обыкновенно поученія отцовъ церкви, житія святыхъ, библейскія сказанія, разсужденія нравоучительныя и разсказы изъ русской или византійской исторіи, и т. п. Самыя письмена или буквы и языкъ въ этихъ рукописныхъ, равно какъ и во всѣхъ печатныхъ книгахъ, употреблялись въ то время лишь церковно-славянскіе или обще-славянскіе. Такимъ образомъ, русскій народъ не имѣлъ даже собственныхъ русскихъ письмянъ или азбуки и своего собственнаго русскаго письменнаго языка, одинаковаго съ родною рѣчью и единственно удобнаго для умственнаго общенія между русскими людьми.

Вмѣстѣ съ недостаткомъ гражданскаго просвѣщенія, въ Россіи до Петра Великаго почти отсутствовали и искусства, которыя въ то время проявлялись на Руси главнымъ образомъ въ строеніи и украшеніи храмовъ. Но и для этого дѣла настоящихъ мастеровъ-художниковъ между русскими людьми не было. Нѣсколько посредственныхъ мастеровъ находились лишь въ Москвѣ, да въ Псковѣ славились каменьщики, а въ Новгородѣ — рѣзчики и иконописцы. Этимъ и ограничивалось почти все искусство старинныхъ русскихъ людей, хотя они по своимъ природнымъ дарованіямъ и любви къ искусству могли бы достигнуть и въ этомъ дѣлѣ большаго успѣха. Развитію искусствъ въ Россіи, кромѣ недостатка просвѣщенія, препятствовала главнымъ образомъ бѣдность русскаго народа. Только

въ Москвѣ храмы и палаты украшались нерѣдко золотою и серебряною утварью, съ драгоцѣнными каменьями; въ сельскихъ же и городскихъ храмахъ церковные сосуды употреблялись большею частью оловянные, и даже деревянные.

Русскіе государи издавна обращали вниманіе на необходимость распространенія просвѣщенія среди русскаго народа и на насажденіе искусствъ въ Россіи, главнымъ образомъ, чрезъ приглашеніе въ Россію иноземныхъ мастеровъ-художниковъ, которые дѣйствительно украсили Москву многими великолѣпными зданіями и сооруженіями. Близкое сосѣдство польскаго королевства, а также торговыя сношенія съ другими иноземцами и даже войны съ ними много способствовали появленію любви къ образованности и въ самихъ русскихъ людяхъ. Такимъ образомъ, мало по малу, среди русскихъ людей, преимущественно при царскомъ дворѣ и у знатныхъ московскихъ бояръ, стало входить въ обычай выписывать почти исключительно изъ Польши и Малороссіи книжно-образованныхъ домашнихъ учителей и наставниковъ, для воспитанія своихъ дѣтей. Особенною любовью къ такому образованію отличался, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, а также князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго, любившій заниматься больше чтеніемъ богословскихъ книгъ, первый, однако, понялъ, что пора русскимъ людямъ самимъ заимствовать у „нѣмцевъ“ и ихъ „хитрыя художества“. При немъ же прибыла въ Москву первая труппа нѣмецкихъ актеровъ и музыкантовъ. Они просили у царя дозволенія забавлять его царское величество театральными представленіями. Царь просилъ совѣта у своего духовника; тотъ отвѣчалъ, что можно нѣмцамъ играть во дворцѣ, потому что византійскіе, то-есть греческіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя увеселенія. Представленія такъ понравились царю, что онъ поручилъ Матвѣеву устроить постоянный театръ, выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ и отдать въ ученье къ нимъ русскихъ.

Мало того, бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, управлявшій посольскимъ приказомъ, впервые на Руси завелъ *куранты*, т. е. газеты, впрочемъ рукописныя, назначавшіяся исключительно для царскаго двора и составлявшія почти государственную тайну. Въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ.

Примѣръ вышеназванныхъ государей и любознательныхъ русскихъ людей достаточно показываетъ, въ какой степени русскіе люди стремились тогда къ свѣтскому просвѣщенію и искусствамъ. Тѣмъ не менѣе, русское просвѣщеніе, исключая духовнаго, въ то время почти еще и не зарождалось, и, попрежнему, требовало чрезвычайной силы воли для его насажденія въ Россіи.

Гражданскихъ школъ все еще не было заведено; между свѣтскими русскими людьми не появилось еще ни одного настоящаго ученаго, ни одного человѣка, который бы могъ сказать, что онъ знаетъ какую-либо свѣтскую науку и можетъ научить ей и другихъ, ни одного лѣкаря, ни просвѣщеннаго купца, ни образованнаго художника или промышленника, въ которыхъ такъ нуждалась тогда Россія. Появлялись только просто любознательные русскіе люди, преимущественно между боярами, получившіе чисто-книжное образованіе, большею частью въ польскомъ духѣ, и ради удовлетворенія лишь собственной любознательности. Но и такіе, просто начитанные люди—всѣ были наперечетъ. За ними же, попрежнему, оставалась совершенно безъ всякаго образованія многомилліонная масса русскихъ людей всякаго званія, которые не только не стремились ни къ какому гражданскому просвѣщенію, но еще относились къ нему чрезвычайно враждебно. Старинные русскіе люди всѣхъ сословій крѣпко стояли исключительно за церковно-славянскую письменность, отвергали надобность гражданскаго просвѣщенія и прямо говорили: „Не нами положено, не намъ и мѣнять: лежи оно такъ до вѣка!“

Несомнѣнно, что во враждѣ этой сказывалось не одно не-

вѣжество, но слышался и голосъ народнаго благоразумія, сказывалась сила чувства русской народности. Дѣло въ томъ, что русскимъ людямъ приходилось тогда заимствовать свѣтское просвѣщеніе у западныхъ европейцевъ, у которыхъ преобладало въ то время преимущественно чисто-книжное просвѣщеніе, тѣсно связанное съ католической религіей или съ „латинствомъ“. Особенно сильно сказывалась такая образованность въ ближайшемъ къ Россіи сосѣднемъ Польскомъ королевствѣ, и образованность эта начала уже было преобладать и въ Москвѣ. Исключительное заимствованіе подобнаго просвѣщенія, при полномъ отсутствіи въ русскихъ людяхъ собственнаго образованія, могло угрожать русской народности и вѣрѣ большой опасностью. Примѣры этому народъ русскій уже видѣлъ на своихъ юго-западныхъ единоплеменникахъ, вовлеченныхъ папствомъ въ церковную унію, т. е. въ единеніе съ римско-католической религіей подъ главенствомъ папы. Католическіе монахи сильно домогались вовлечь въ эти сѣти всю Малороссію и даже Россію.

Вотъ почему весь народъ русскій сильно враждовалъ противъ небезопаснаго западнаго латинскаго просвѣщенія. Въ русскомъ народѣ въ самомъ жили великія духовныя силы, которыя не позволяли поработить себя никакою чуждою образованностью и которыя стремились изыскать свой путь къ просвѣщенію, къ самостоятельному проявленію русскаго ума и способностей.

Только слабые духомъ народы безсильно и вполнѣ подчиняются совершенно чуждой образованности, и вслѣдствіе этого постепенно совсѣмъ теряютъ свою народность. Сильный же духомъ народъ неуклонно и твердо изыскиваетъ самостоятельный и безопасный путь къ просвѣщенію, чтобы создать свою образованность и покорить ея силѣ другіе народы. Такой путь къ просвѣщенію и изыскивалъ изстари русскій народъ.

Не даромъ русскіе государи издавна не боялись приглашать въ Россію, изъ всѣхъ просвѣщенныхъ иностранцевъ,

преимущественно образованныхъ художниковъ, мастеровъ разнаго дѣла, лѣкарей и знатоковъ разныхъ искусствъ. Да и русская жизнь, въ которой почти всякій бѣгалъ отъ дѣла и никто не умѣлъ взяться за полезный трудъ, ни въ чемъ такъ не нуждалась, какъ въ образованныхъ работникахъ, въ ученыхъ дѣловыхъ людяхъ и разныхъ мастерахъ, а не въ краснобаяхъ и книжникахъ, которыхъ и у себя въ лицѣ разныхъ лжеучителей не знали какъ избыть. Даже въ самомъ характерѣ русскихъ людей, не смотря на всю ихъ темноту, всегда существовала особенная склонность къ мастерствамъ и искусствамъ, къ полезной „наукѣ“. Не даромъ русскіе люди и въ то время обращали особенное вниманіе свое на „заморскія хитрости“, и удивлялись не книжной мудрости иноземцевъ, а ихъ ловкости и искусству во всякомъ дѣлѣ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, до страсти любившій „хитрыя художества“, по цѣлымъ часамъ высиживалъ, любуясь занятной работой придворныхъ мастеровъ золотого дѣла. Такимъ образомъ, существовалъ для русскихъ людей особый самостоятельный путь къ чисто-гражданскому просвѣщенію, а именно—чрезъ пріобрѣтеніе полезныхъ для мірской жизни знаній,—путь, намѣченный самой русской исторіей и наиболѣе отвѣчавшій самымъ наклонностямъ русскихъ людей, а главное—непредставлявшій никакой опасности для православной вѣры и русской народности.

Петръ Великій проницательнымъ умомъ своимъ скоро и ясно сознадъ этотъ путь. Съ дѣтства пристрастившись самъ къ „дѣлу“, къ „полезнымъ занятіямъ“, къ „работѣ“, т. е. къ разнымъ мастерствамъ и искусствамъ, Петръ, вступивъ въ управленіе народомъ, твердо рѣшился вывести на этотъ путь и всѣхъ русскихъ людей. Обладая сильнымъ и обширнымъ умомъ, Петръ расширилъ и свой взглядъ на полезность знанія, угадалъ пользу для государства и народа не въ однихъ только искусствахъ и мастерствахъ, но и вообще въ гражданскихъ наукахъ, въ дѣльномъ знаніи. Онъ сталъ домогаться отъ всякаго знанія, отъ всякой науки непосредственнаго приложенія

къ народной жизни и доставленія прямыхъ выгодъ государству. Торопясь работой и дорожа временемъ, Петръ ни въ чемъ не терпѣлъ безплодныхъ разсужденій, и научился изъ всякаго знанія вѣрно извлекать пользу, умѣлъ во всякомъ знаніи отличить существенное и важное отъ излишнихъ разглагольствованій. Этимъ самымъ Петръ открывалъ для русской народности твердый и безопасный путь уже ко всякому свѣтскому просвѣщенію, а не только къ мастерствамъ и художествамъ, путь къ широкой и самостоятельной русской образованности, стараясь всѣ науки строго подчинить служенію государству и народу, а не праздному любопытству отдѣльныхъ людей, и стремясь обратить всякое знаніе въ дѣятельную государственную силу, а не въ пустую игру праздныхъ умовъ. Словомъ, въ то время, когда никто еще не подозрѣвалъ умственныхъ силъ русскаго народа, Петръ, своею всепроницающею мыслію, первый угадалъ характеръ русскаго ума и надлежащее направленіе для всего русскаго просвѣщенія, свойственное самому духу русскаго народа и русской исторіи. Благодаря такому ясному, твердому и опредѣленному направленію мысли Петра, онъ безъ труда уже могъ избрать и тѣ народы, заимствованіе просвѣщенія у которыхъ не только не представляло никакой опасности для русской народности, а, напротивъ, страшно было для самихъ европейскихъ народовъ. Не смотря на то, что вліяніе польской образованности до него все болѣе усиливалось въ Москвѣ, Петръ сразу отвернулся отъ образованности римско-католическихъ народовъ, а избралъ для заимствованія просвѣщенія такіе народы, какъ голландцы, датчане, нѣмцы и англичане, у которыхъ преобладали прикладныя знанія и науки, прямо полезныя для жизни и для дѣла, и неимѣвшія никакого отношенія къ ихъ религіи. Твердо намѣтивъ, такимъ образомъ, путь русскому просвѣщенію, Петръ, по своему обыкновенію, взялся уже за дѣло безъ всякихъ колебаній со свойственной ему рѣшимостью и силою воли.

Прежде всего, онъ, почти съ самаго начала своего цар-

ствованія, а, именно съ 1697 года, за неимѣніемъ пока въ Россіи собственныхъ наставниковъ, началъ отправлять русскихъ молодыхъ людей для обученія, большими партіями, за-границу: въ Голландію, Данію, Англію и Германію. Для этого Петръ избиралъ людей, больше другихъ располагавшихъ свободнымъ временемъ и наиболѣе нуждавшихся въ образованіи, т. е. людей самыхъ знатныхъ фамилій. Въ первый разъ онъ выбралъ для отправки въ ученье молодыхъ людей изъ царедворцевъ, исправлявшихъ разныя придворныя должности—стольниковъ, спальниковъ и т. п., большею частію уже людей взрослыхъ и семейныхъ. Но потомъ государь сталъ отправлять за-границу не только знатныхъ бояръ, но и простыхъ дворянъ, даже подъячихъ и людей разныхъ сословій, преимущественно на казенный счетъ. Петръ не переставалъ посылать русскую молодежь за-границу до конца своего царствованія. Тогда говорили, что было отправлено за-границу для ученія нѣсколько тысячъ русскихъ. Государь смотрѣлъ на „ученье“ не только какъ на главное средство къ просвѣщенію, но и какъ на одинъ изъ способовъ воспитанія и выдержки распущеннаго характера старинныхъ русскихъ людей. Быть „ученикомъ“ у Петра значило уже сдѣлать первый шагъ къ самоподчиненію, довѣрію и смиренію. Для того, чтобы молодые люди дѣйствительно занимались за-границей дѣломъ, государь приставлялъ къ нимъ особыхъ надзирателей или дядекъ, при чемъ каждый ученикъ, приступая къ изученію разныхъ наукъ, долженъ былъ, кромѣ того, тотчасъ же опредѣляться, не смотря ни на какое свое званіе, къ какому-нибудь еще полезному мастерству или дѣлу: къ корабельному дѣлу, въ матросы, къ строенію водяныхъ мельницъ, къ воинскому дѣлу, къ мѣдному, артиллерійскому и инженерному дѣлу, къ каретному мастерству, столярному дѣлу, архитектурѣ, живописи, слесарному дѣлу, даже каменьщичьему ремеслу и т. п. Сообразно съ этимъ и науки для каждаго избирались наиболѣе подходящія къ избранному имъ дѣлу; такъ, „ученики“ наши занимались тогда за-границей изученіемъ

преимущественно наукъ о мореплаваніи, математикѣ, геометріи, механики, географіи, и языковъ—нѣмецкаго, голландскаго, англійскаго и проч. Однажды, въ 1724 году, посланные въ Голландію для изученія архитектуры молодые люди донесли оттуда, что имъ нечего дѣлать; Петръ велѣлъ собрать ихъ вмѣстѣ и учить разведенію, содержанію и украшенію огородовъ, а по мѣрѣ надобности и желѣзному дѣлу. Въ другой разъ, въ 1716 году, Петръ указалъ выбрать въ Москвѣ, въ латинскихъ школахъ, „изъ учениковъ робятъ добрыхъ, молодыхъ пять человѣкъ, для посылки въ Персиду, для ученія языкамъ: турецкому, арабскому и персидскому". Такимъ образомъ, для каждаго ученика строго было опредѣлено какъ мастерство или дѣло, такъ и науки, которымъ онъ долженъ былъ научиться за-границей, и за успѣхи въ которыхъ онъ долженъ былъ отвѣчать. За небрежное ученіе или за неудовлетворительное свидѣтельство отъ иноземныхъ наставниковъ, „ученикамъ" угрожалось строгими наказаніями и даже лишеніемъ имущества; за успѣхи же въ наукахъ имъ обѣщалась щедрая награда. По возвращеніи учениковъ изъ-за-границы, государь большею частью самъ производилъ имъ строжайшій экзаменъ, при чемъ скрыть лѣнь и незнаніе отъ проницательнаго взгляда Петра было уже немыслимо. Кромѣ того, государь, бывая самъ часто за-границей, зорко слѣдилъ тамъ за занятіями учениковъ и не упускалъ ихъ изъ виду и въ Россіи. Онъ постоянно переписывался съ ихъ надзирателями и даже со многими „учениками".

Не смотря на то, обученіе за-границей русскихъ молодыхъ людей не всегда шло успѣшно, встрѣчая разныя препятствія, преимущественно въ старинныхъ привычкахъ русскихъ людей. Ученье представлялось имъ такимъ новымъ и страшнымъ дѣломъ, что родители, отправляя своихъ дѣтей за-границу, разставались съ ними, точно съ приговоренными къ смерти. Да и не легко было, въ особенности царедворцамъ, привыкшимъ къ привольной и праздной жизни, приниматься за обученіе разнымъ мастерствамъ, да еще и труднымъ наукамъ,

въ чужихъ земляхъ, не зная иностранныхъ языковъ. Къ тому же, многимъ „ученикамъ“, бывшимъ уже въ возрастѣ, приходилось разставаться съ своими женами и дѣтьми. Не мудрено поэтому, что многіе изъ нихъ не обнаруживали никакой охоты къ ученью и не умѣли взяться за это дѣло какъ слѣдуетъ. Одинъ русскій дворянинъ, отправленный въ Венецію для ученія, изъ боязни впасть тамъ въ ересь латинянъ, совсѣмъ ни разу не выходилъ изъ своей комнаты и потому такъ ничему и не научился. Другой дворянинъ съ прискорбіемъ писалъ изъ-за-границы о своемъ ученіи: „и я грѣшникъ, въ первое несчастіе опредѣленъ“. Третій „ученикъ“ писалъ своимъ родственникамъ: „житіе мнѣ пришло самое бѣдственное и трудное... Наука опредѣлена самая премудрая; хотя мнѣ всѣ дни своего живота на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учиться языка, не знамо науки“. Кромѣ того, „ученики“ наши нерѣдко отличались за-границей еще невиданнымъ тамъ удальствомъ и распущенностью. Надзиравшій во Франціи за русскими учениками, Зотовъ, писалъ разъ государю, что французскій маршалъ призывалъ его къ себѣ и выговаривалъ ему „о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ“. Въ другой разъ онъ же сообщалъ изъ Франціи государю, что „гардемаринъ Глѣбовъ пакололъ шпагою гардемарина Барятинскаго и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ (французскій) не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно, на поединкахъ, лицомъ къ лицу“. Изъ Англіи тоже постоянно приходили жалобы на русскихъ учениковъ; одинъ изъ надзирателей писалъ оттуда: „тщился я ублажить англичанина, которому одинъ изъ московскихъ глазъ вышибъ, но онъ 500 фунтовъ запросилъ“, то-есть болѣе 4000 р. по тогдашнимъ деньгамъ. Поставленный для главнаго надзора за русскими обучавши-

мися за-границей, князь Иванъ Львовъ, вскорѣ сталъ просить государя не посылать больше новыхъ учениковъ въ Англію, „для того, что и старые тамъ научились больше пить и тратить деньги“. Нѣкоторые изъ этихъ „учениковъ“ сидѣли въ Англіи подъ карауломъ за долги. Случалось и въ Голландіи, что русскіе князья и бояре, научившись разнымъ наукамъ, разъѣзжались потомъ, не сказавъ и спасибо своему наставнику, а двое изъ нихъ, не заплативъ денегъ, увезли еще у своего учителя четыре глобуса. Вездѣ русскіе ученики входили въ неоплатные долги и учиняли драки и увѣчья. Надзиратель Львовъ, подъ конецъ, совсѣмъ вышелъ изъ терпѣнія и писалъ государю: „изсушили навигаторы не только кровь, но уже самое сердце мое; я бы радъ, чтобъ они тамъ меня убили до смерти, нежели бы мнѣ такое злостраданіе имѣть“. Даже про самого надзирателя Львова разсказывали, что онъ тамъ „хаживалъ самымъ нищенскимъ образомъ, всей Голландіи былъ на посмѣшище, бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ“ и проч. Видя все это, многіе изъ иноземцевъ и русскихъ людей высказывали мнѣніе, что русскіе ничему не могутъ научиться за-границей, что не слѣдуетъ отправлять ихъ для ученія въ чужіе края и что они обнаруживаютъ тамъ наклонность научаться только всему худому. Но Петръ твердо вѣрилъ въ способности русскихъ людей, не обращалъ никакого вниманія на худыя мнѣнія о русскихъ ученикахъ, и продолжалъ отправлять ихъ за-границу, вѣря, что, по русской пословицѣ, „перемелется—все мука будетъ“.

Дѣйствительно, мало-по-малу русскіе люди попривыкли къ мысли о необходимости ученья и о выгодахъ образованія, начали обнаруживать охоту къ занятіямъ науками, а нѣкоторые родители стали даже сами уже просить объ отправкѣ ихъ дѣтей въ ученье за-границу. Одинъ изъ нихъ, Неплюевъ, отправляя своего малолѣтняго сына за-границу, просилъ царя: „повели, государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину (русскому посланнику), чтобъ сына моего своею про-

текціею не оставилъ; повели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе и отдать его учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенія; умилостивься, государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который современемъ можетъ вашему величеству заслужить". Другой отецъ самъ наставлялъ въ письмѣ своего сына, молодого барича, отправленнаго въ Голландію: „Нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не въ оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишься въ такихъ наукахъ, въ которыхъ тебѣ упражнятися довлѣетъ, дабы достойна себя сотвориши ему, великому государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ тя изволитъ употребити; понеже великая есть и трудная преграда между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ".

Многіе изъ учениковъ стали оказывать замѣтные успѣхи въ наукахъ, а нѣкоторые обнаруживали даже чрезвычайное рвеніе къ ученію. Одинъ изъ такихъ учениковъ, Василій Корчминъ, въ отвѣтъ на письмо государя, сообщалъ ему: „Мы съ Стенькою Бужениновымъ, благодаря Богу, по 20-е марта выучили фейерверкъ и всю артиллерію; нынѣ учимъ тригіометрію. Мастеръ нашъ—человѣкъ добрый, знаетъ много, намъ указываетъ хорошо... Изволишь писать, чтобы я увѣдомилъ, какъ Степанъ, не учась грамотѣ, гіометрію выучилъ, и я про то не вѣдаю: Богъ и слѣпцы просвѣщаетъ"... Большіе также успѣхи въ мастерствахъ и наукахъ оказывали Меншиковъ, Борисъ Шереметевъ, Головинъ, Матвѣевъ и Неплюевъ. Особенно въ изученіи иностранныхъ языковъ русскіе ученики обнаруживали необычайную способность. Охота къ ученью постепенно развилась среди русскихъ на столько, что во многихъ случаяхъ русскіе уже сами просили позволенія отправиться за-границу. Особенно замѣчательный примѣръ любви къ наукѣ проявилъ тогда бояринъ Петръ Андреевичъ Толстой. Будучи уже пятидесяти лѣтъ слишкомъ отъ роду и имѣя жену, дѣтей и внуковъ, Толстой, однако, самъ вызвался ѣхать за-границу, для изученія морскаго дѣла и разныхъ наукъ.

Онъ отправился въ Италію, отлично выучился тамъ итальянскому языку и математикѣ, нѣсколько мѣсяцевъ плавалъ по Адріатическому морю, и получилъ свидѣтелство, что ознакомился совершенно съ морскимъ дѣломъ; побывалъ также въ Мальтѣ, гдѣ тоже получилъ свидѣтельство въ томъ, что встрѣчался съ турками и показалъ безстрашіе. Другой русскій дворянинъ, Татищевъ, такъ пристрастился къ изученію иностранныхъ языковъ, что и по возвращеніи въ Россію, во время своего пребыванія на Уралѣ въ качествѣ надзирателя за горными заводами, постоянно держалъ при себѣ двухъ студентовъ, для своего усовершенствованія въ знаніи латинскаго, французскаго, шведскаго и нѣмецкаго языковъ. Кромѣ разныхъ научныхъ познаній, многіе изъ русскихъ учениковъ, изъ своего пребыванія за-границей, вынесли также знакомство съ бытомъ разныхъ народовъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ учебными заведеніями, библіотеками, произведеніями искусствъ, промышленными заводами, богоугодными заведеніями, больницами, водопроводами, садами, музеями и проч. Все это впослѣдствіи принесло имъ не мало пользы при занятіи разныхъ государственныхъ должностей въ Россіи. Не даромъ при Петрѣ появилось такое множество замѣчательныхъ русскихъ сановниковъ на разныхъ поприщахъ государственной дѣятельности. Такимъ образомъ, Петръ не ошибся, настойчиво отправляя русскихъ людей цѣлыми партіями для обученія заграницу.

Но одновременно съ этимъ, Петръ еще больше заботился о насажденіи просвѣщенія у себя дома, въ самой Россіи, т. е. объ основаніи на Руси разныхъ гражданскихъ училищъ и о подготовленіи собственныхъ образованныхъ наставниковъ для русскихъ людей. Прежде всего Петръ старался завести школы для дворянскаго сословія, предназначеннаго преимущественно для государственной службы и потому больше другихъ нуждавшагося въ грамотности и образованіи. И тутъ Петръ Великій старался основывать такія училища, которыя

бы давали не одно только книжное образованіе, а прямо подготовляли бы каждаго къ тому дѣлу или занятію, къ которому онъ предназначался. Въ 1701 году, когда Петербурга еще не существовало и единственною столицею Россіи была Москва, государь издалъ первый такой указъ, которымъ повелѣвалось учредить въ Москвѣ, какъ говорилось въ указѣ, школу „математическихъ и навигацкихъ, то есть мореходныхъ хитростно искусствъ ученія", и въ эту школу набирать „добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ". Подъ школу государь отдалъ Сухареву башню, со всѣми бывшими при ней строеніями и землею. Башня эта, выведенная въ нѣсколько ярусовъ, находилась на дорогѣ изъ Москвы къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, на земляномъ валу, окружавшемъ въ то время первопрестольную столицу.

По своему обыкновенію, Петръ самъ составилъ планъ учрежденія этой первой въ Россіи гражданской школы, при содѣйствіи англійскаго ученаго Фарварсона, выписаннаго въ Россію для преподаванія наукъ въ этой школѣ. Примѣняясь къ нуждамъ государства, Петръ задумалъ устроить это, покуда единственное, въ Россіи училище такимъ образомъ, чтобы изъ него можно было выпускать молодыхъ людей во всѣ роды службъ, военной и гражданской. Поэтому, въ навигацкую школу велѣно было принимать не однихъ только дворянскихъ дѣтей, но и дьячихъ, подъячихъ, изъ домовъ боярскихъ и разнаго званія. Хотя главнымъ предметомъ ученія въ этой школѣ предполагались морскія науки, но изъ нея, кромѣ моряковъ, выходили и инженеры, артиллеристы, учители, землемѣры, архитекторы, гражданскіе чиновники, писаря, и даже мастеровые. Съ этой цѣлію, при училищѣ открытъ былъ низшій классъ, подъ названіемъ „русской школы", для обученія первоначальному чтенію и письму, а также классъ ариѳметики, называвшійся „цифирною школою". Въ высшихъ же классахъ училища, т. е. собственно въ навигацкой школѣ, кромѣ ариѳметики, преподавались: геометрія, тригонометрія, геодезія, навигація, астрономія,

и даже „рапирная наука“, т. е. фехтованье. Дѣти разночинцевъ, научившіеся въ русской и цифирной школахъ читать, писать и считать, могли этимъ оканчивать свое ученье и поступать въ писаря, на разныя должности въ адмиралтейство, къ архитекторамъ, аптекарямъ и т. п. Дѣти же дворянскіе изъ русской и цифирной школъ должны были поступать въ высшіе классы навигацкой школы, для дальнѣйшаго обученія. Поступать въ школу могли ученики отъ 10 лѣтъ и даже 20-лѣтніе. Зная, что избалованные дворянскіе дѣти, или какъ ихъ тогда называли, „недоросли“, не будутъ охотно поступать въ школу и станутъ всячески уклоняться отъ обученія труднымъ наукамъ, Петръ велѣлъ присылать всѣхъ недорослей на смотръ, а не опредѣляться въ школы по своему выбору. Обыкновеннно ихъ смотрѣлъ самъ царь. Способнѣйшихъ и богатѣйшихъ изъ нихъ онъ отправлялъ въ ученье за-границу, а тѣхъ изъ недорослей, кто выросъ изъ лѣтъ и былъ годенъ къ фронту, тѣхъ назначалъ въ гвардейскіе полки солдатами; двадцатилѣтнихъ же и моложе опредѣлялъ въ навигацкую школу. Въ отсутствіе государя, смотры недорослямъ производилъ кто нибудь изъ царскихъ довѣренныхъ лицъ.

Въ числѣ учителей навигацкой школы, кромѣ ученыхъ англичанъ, нарочно приглашенныхъ для этого изъ-за границы, былъ также знаменитый Леонтій Филипповичъ Магницкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ по тому времени русскихъ людей, составитель первой русской ариѳметики. Это былъ человѣкъ добросовѣстный, умный и свѣдущій въ наукахъ, знавшій нѣсколько иностранныхъ языковъ. Петръ, всегда съ радостью встрѣчавшій выдающихся русскихъ людей, особенно полюбилъ Магницкаго, жаловалъ его деревнями, приказалъ выстроить ему домъ въ Москвѣ и даже благословилъ его иконою. За глубокія познанія Леонтія Филипповича и за его привлекательную бесѣду, Петръ называлъ его „магнитомъ“ и потому приказалъ писаться „Магнитскимъ“. Ариѳметика его, изложенная въ стихахъ, по тому времени была замѣчательною и дѣль-

ною книгою, которая долгое время служила въ школахъ почти единственнымъ руководствомъ и распространилась и въ народѣ. Не даромъ, впослѣдствіи, книга эта до такой степени заинтересовала крестьянскаго мальчика Ломоносова, что онъ рѣшился добиваться просвѣщенія и, дѣйствительно, сдѣлался великимъ русскимъ ученымъ.

Учениковъ въ навигацкой школѣ полагалось имѣть 500 человѣкъ. Дворяне, имѣвшіе въ своемъ владѣніи болѣе пяти дворовъ, должны были жить на свой счетъ, по квартирамъ; прочіе же ученики жили въ школѣ и получали за свое ученье, какъ за службу, жалованье или, по тогдашнему, „кормовыя деньги". Кто большему научался, тому шло и жалованья больше противъ другихъ. За то и требованія съ учениковъ были большія. Сообразно съ суровыми нравами и обычаями того времени, школьниковъ держали очень строго; напримѣръ, за большіе проступки, до которыхъ недоросли были особенно падки, наказывали на школьномъ дворѣ батогами, кошками и плетьми. Ученье было тоже не изъ легкихъ, такъ какъ иноземцы-учители или вовсе не знали русскаго языка, или знали плохо; русскіе же наставники, по новости въ Россіи гражданской науки, не умѣли еще ни объяснить ихъ ученикамъ какъ слѣдуетъ, ни даже подыскать подходящаго русскаго слова для какого-либо ученаго выраженія. Оттого въ учебникахъ того времени попадалось много непонятныхъ и лишнихъ словъ, до крайности затемнявшихъ предметъ и затруднявшихъ его изученіе. Даже первоначальныя науки, которымъ нынѣ малолѣтній ученикъ играючи можетъ научиться, тогда съ трудомъ лишь могъ одолѣвать способный двадцатилѣтній ученикъ навигацкой школы, и то послѣ постояннаго и усерднаго труда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Послѣ всего вышесказаннаго легко понять, съ какою неохотою и страхомъ поступали ученики въ навигацкую школу. Добровольно являлись въ школу больше дѣти разночинцевъ; избалованные же дѣти дворянскіе всячески уклонялись отъ

ученья, подъ разными предлогами. Школьное ученіе представлялось тогда всѣмъ дѣломъ новымъ, страшнымъ и совершенно противорѣчившимъ вѣковымъ русскимъ привычкамъ и обычаямъ. Избалованныхъ недорослей требовали въ училище, въ руки наставниковъ-иноземцевъ и въ товарищество къ разночинцамъ, гдѣ, по тогдашнему обычаю, за нерадѣніе и шалость жестоко наказывали. Немудрено поэтому, что многіе недоросли совсѣмъ не являлись даже на смотры. Въ началѣ государь старался заохотить ихъ къ ученью кроткими мѣрами: хорошимъ жалованьемъ, обѣщаніемъ „царской милости", обнадеживаньемъ „въ пріятіи чести, противъ мѣры дѣла своего". Но когда и эти мѣры не дѣйствовали, терпѣніе государя кончалось, кротость замѣнялась строгостью, и противъ баричей гремѣли грозные царскіе указы, которыми повелѣвалось „всѣмъ недорослямъ, дворянскимъ дѣтямъ, явиться на службу", подъ угрозою „въ потеряніи чести и живота". На городскихъ воротахъ и даже во всѣхъ большихъ селахъ вывѣшивались списки неявившихся, чтобъ всѣ знали, кто укрывается. Было публиковано также, что всякому, кто откроетъ укрывавшагося, будетъ отдано имѣніе виновнаго. Но и послѣ такихъ суровыхъ мѣръ неявившихся оказывалось много, такъ что въ школѣ никогда не было положеннаго числа учениковъ, т. е. 500 человѣкъ. Иные недоросли старались, минуя смотры, самовольно опредѣляться въ духовныя школы, гдѣ было легче учиться. Такихъ ослушниковъ тоже строго наказывали, возвращали ихъ изъ этихъ школъ и заставляли учиться въ навигацкой школѣ пять лѣтъ безъ жалованья. Однажды, нѣсколько человѣкъ недорослей, самовольно записавшихся въ славяно-греко-латинскую академію, были взяты оттуда и посланы на три года въ каторжныя работы. Въ другой разъ, за самовольное поступленіе недорослей въ заиконоспасское духовное училище, Петръ отправилъ провинившихся въ Петербургъ въ черную работу, бить сваи подъ пеньковые амбары. Въ числѣ провинившихся были племянники и внуки близкаго къ государю вельможи,

вице-адмирала Ѳедора Матвѣевича Апраксина. Зная, что просить царя за своихъ родственниковъ объ отмѣнѣ наказанія нельзя, Апраксинъ надѣлъ самъ мундиръ и орденъ Андрея Первозваннаго и, придя на мѣсто постройки амбаровъ, снялъ съ себя Андреевскую ленту и мундиръ, повѣсилъ ихъ на деревѣ и принялся бить сваи вмѣстѣ съ недорослями. Прибывшій на мѣсто работы Петръ съ удивленіемъ сказалъ ему: „Ѳедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же вбиваешь сваи?“ Апраксинъ отвѣчалъ: „Государь, здѣсь бьютъ сваи мои племянники и внучата, а я что-за человѣкъ? Какое имѣю въ родѣ преимущество? а кавалеріи и мундиру безчестья я не принесъ, они висятъ на деревѣ“. Только этимъ путемъ Апраксину удалось испросить прощеніе своимъ недорослямъ и ихъ товарищамъ.

Иногда случалось, что лица, производившія смотры недорослямъ въ отсутствіе государя, самовольно освобождали ихъ отъ ученья, по родству или по просьбамъ другихъ родственниковъ, или даже вслѣдствіе подкупа, не смотря на то, что государь постоянно подтверждалъ, чтобы на смотрахъ были внимательными и безпристрастными. Однажды, тотъ же Апраксинъ пропустилъ почему-то цѣлую зиму безъ осмотра недорослей, и наконецъ, выбралъ изъ нихъ только пятерыхъ, и то изъ незнатныхъ фамилій, и послалъ списокъ ихъ на утвержденіе государя. Петръ замѣтилъ эту небрежность и строго отвѣчалъ Апраксину: „А зачѣмъ сія зима пропущена и сего не исполнено, не знаю... Буде же ради собственнаго чего сіе доброе дѣло изволяете портить, въ томъ какъ хочете; да и по тому можно знать, что всего открещено пять человѣкъ и то изъ низкихъ: на тебѣ Боже, что намъ не гоже“...

Даже и по поступленіи въ навигацкую школу, недоросли, при содѣйствіи своихъ родителей, находили все-таки разные способы уклоняться отъ ученія. То они отговаривались болѣзнями, то — дурными дорогами, то — смертью и поминками близкихъ родныхъ. Наконецъ, за эти прогульные дни или за

нѣты положена была царскимъ указомъ значительная пеня: по 5 рублей за первый прогульный день, по 10 рублей — за второй день, и по 15 рублей за каждый изъ слѣдующихъ дней. Въ случаѣ же неуплаты пени, виновныхъ велѣно было ставить на правежъ, пока они не уплатятъ тѣ штрафы сполна. Сколько оказывалось въ школѣ такихъ „нѣтчиковъ", можно уже судить по тому, что въ продолженіе лишь пяти мѣсяцевъ 1707 года такихъ штрафовъ набралось 8.545 рублей. Мало того, многіе ученики совсѣмъ убѣгали изъ школы и пропадали безъ вѣсти, лишь бы только не учиться. Такъ, изъ Петербургской морской академіи въ одинъ годъ, изъ 400 учениковъ, бѣжали 116 человѣкъ, а изъ Переяславско-рязанской цифирной школы, изъ 96 учениковъ, находилось въ бѣгахъ 59 человѣкъ.

Государь, однако, не обращалъ на это вниманія, и продолжалъ терпѣливо заботиться объ устроеніи и развитіи школы. Онъ зналъ, что бѣжавшіе отъ ученья недоросли, еслибъ даже и вовсе ихъ не забирали въ школу, все равно оставались бы безполезными людьми; за то изъ всѣхъ поступившихъ въ школу недорослей навѣрное найдутся и такіе, которые окажутся прилежными и способными учениками. Дѣйствительно, съ самаго начала открытія навигацкой школы, такихъ учениковъ объявлялось не мало. Уже въ первый годъ существованія школы, въ 1701 году, завѣдывавшій наборомъ учениковъ Виніусъ съ радостью писалъ государю, что „собрано въ школы 250 ребятъ, изъ которыхъ выйдутъ хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера". Черезъ два года, другой довѣренный государя, Курбатовъ, сообщалъ ему, что „прибрано учениковъ до 180 человѣкъ, охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳметикѣ, изъ которыхъ человѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометріи". При этомъ Курбатовъ писалъ: „А нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прижиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейтарскія дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ

охотою немалою“. Государь добился также того, что въ навигацкой школѣ учились дѣти почти всѣхъ знатныхъ фамилій.

Радуясь первымъ успѣхамъ въ Россіи свѣтскаго просвѣщенія, Петръ всячески заботился объ умноженіи учениковъ. Онъ писалъ Апраксину: „Хотя бы и слишкомъ набрали и размножили, понеже сами можете видѣть, какая въ томъ есть польза, что не токмо къ морскому ходу нужна сія школа, но и артиллеріи и инженерству“. Въ эту первую гражданскую русскую школу, въ свою завѣтную Сухареву башню, Петръ самъ любилъ заходить часто, для отдыха отъ своихъ безпрестанныхъ трудовъ и отъ досадной борьбы съ невѣжествомъ и своеволіемъ. Здѣсь онъ бывалъ какъ добрый отецъ въ своемъ семействѣ; раздѣлялъ труды учителей, принималъ участіе въ обученіи юношей и въ производствѣ имъ экзаменовъ, бесѣдовалъ съ наставниками, какъ равный съ равными, иногда давалъ имъ добрый совѣтъ, а иному и самъ у нихъ учился. Государь заботился также доставить ученикамъ невиданныя ими прежде удовольствія. При самомъ основаніи училища, въ 1701 году, изъ Германіи была выписана труппа актеровъ, которая, вмѣстѣ съ учениками школы, въ залахъ Сухаревой башни, представляла свѣтскія комедіи, посѣщаемыя нерѣдко и самимъ государемъ. Въ полдень и по вечерамъ, передъ зарею, на Сухаревой башнѣ играла музыка.

Само собою разумѣется, что среди темныхъ людей вскорѣ пошли самые нелѣпые толки про эту первую русскую гражданскую школу, въ которой впервые стали преподавать новыя, неслыханныя прежде науки. Стали тогда разсказывать въ народѣ, что вывезенные изъ-за моря нѣмецкіе колдуны читаютъ на Сухаревой башнѣ какія-то таинственныя книги, и днемъ, и ночью смотрятъ на небо въ какія-то диковинныя трубы. Особенно много ходило розсказней про графа Брюса, занимавшагося въ Сухаревой башнѣ химіей. Разсказывали, что онъ добивался составленія живой и мертвой воды и, умирая, просилъ изрѣзать себя на мелкіе куски и вспрыснуть сначала мертвою водой, а

потомъ живою, чтобы снова ожить, и что до этого не допустилъ только самъ царь. Да и до сихъ поръ въ народѣ существуетъ еще преданіе, что на Сухаревой башнѣ будто бы хранилась черная книга, которую стерегли двѣнадцать духовъ, и что послѣ она была закладена въ стѣну и заколочена алтынными гвоздями.

Такими нелѣпыми толками встрѣтили русскіе люди первую гражданскую школу, въ которой читались такія же науки, какъ и въ любой нынѣшней гимназіи, только въ меньшемъ объемѣ и въ меньшемъ числѣ. Самъ государь, разумѣется, не обращалъ на эти толки никакого вниманія и настойчиво продолжалъ дѣлать свое дѣло.

По завоеваніи Балтійскаго моря и по основаніи у береговъ его города Петербурга, Петръ для охраны этой новой русской столицы, вынужденъ былъ завести на морѣ сильный флотъ, на который потребовалось множество новыхъ образованныхъ моряковъ. Такимъ образомъ, прежней Московской навигацкой школы было уже недостаточно для приготовленія морскихъ офицеровъ. Поэтому Петръ, въ 1715 году, основалъ въ Петербургѣ новое высшее гражданское училище—морскую *академію*. Московская навигацкая школа была оставлена въ качествѣ лишь приготовительнаго морскаго училища, изъ котораго ученики могли переходить, для усовершенствованія себя въ образованіи, въ Петербургскую морскую академію, гдѣ преподавались остальныя высшія науки, необходимыя для морскаго офицера. Однако, государь, всегда строго соображавшійся съ нуждами государства, открылъ и при Петербургской морской академіи „русскую“ и „цифирную“ школы, въ которыхъ учили читать и ариѳметикѣ, и даже ввелъ тамъ обученіе рисованію и живописи. Вслѣдъ за основаніемъ морской академіи, именнымъ указомъ, велѣно было дворянскихъ мальчиковъ, отъ 10-ти лѣтъ и старше, посылать въ Петербургъ для обученія морскому дѣлу. Государь, какъ и всегда, самъ трудился надъ составленіемъ инструкціи для этого новаго училища.

Морская академія устроена была уже въ видѣ настоящаго военно-учебнаго заведенія. Въ ней былъ введенъ полный военный порядокъ и строгая дисциплина. Воспитанники ея, въ числѣ 300 человѣкъ, назывались „морской гвардіей", имѣли ружья и содержали караулы. Завѣдывалъ академіею директоръ, но въ строевомъ отношеніи надъ воспитанниками начальствовалъ офицеръ, въ помощь которому назначались еще нѣсколько офицеровъ и старыхъ солдатъ — дядекъ. Во всякомъ классѣ, для наблюденія за порядкомъ, велѣно было находиться по одному дядькѣ и имѣть хлыстъ въ рукахъ; „а буде кто изъ учениковъ", говорилось въ инструкціи, „станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой бы ученикъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ". Даже учителямъ академіи, если кто изъ нихъ двукратно попадется въ потворствѣ и взяткахъ, угрожалось „тѣлеснымъ наказаніемъ". Между самими воспитанниками были совершенно взрослые люди, которые иногда женились; запрещалось только жениться ранѣе 25-лѣтняго возраста. На сколько дозволяло помѣщеніе, ученики должны были жить въ зданіи академіи; но многіе жили по квартирамъ и получали жалованье, которое выдавалось деньгами или, за недостаткомъ ихъ, товаромъ; при продажѣ товара ученики, обыкновенно, много теряли противъ той цѣны, по которой сами получали товаръ, а потому иные изъ нихъ, безразсудно потративъ вырученныя деньги, по цѣлымъ мѣсяцамъ голодали. Въ 1724 году 85 учениковъ совсѣмъ не являлись въ академію по три и по пяти мѣсяцевъ, за неимѣніемъ одежды и средствъ къ пропитанію; нѣкоторые изъ нихъ кормились вольной работой, другіе же промышляли даже грабежемъ. Побѣги изъ морской академіи были тоже очень часты. Не смотря на все это, академія эта принесла не мало пользы дѣлу просвѣщенія русскаго дворянства. По свидѣтельству современниковъ, нельзя было тогда найдти въ Россіи ни одного знатнаго семейства, изъ котораго не находилось бы юношей 16—18 лѣтъ въ морской академіи.

Кромѣ этой академіи, Петръ основалъ еще въ Петербургѣ *инженерную школу*, въ которой преподавались науки, необходимыя для военныхъ инженеровъ. Положено было, чтобы въ этой школѣ двѣ трети учениковъ были тоже дворянскаго званія, а остальные — могли быть изъ дѣтей разночинцевъ.

Еще раньше, въ 1706 году, въ Москвѣ построенъ былъ на монастырскіе доходы госпиталь, и при немъ открыта „медицинская школа“, подъ главнымъ завѣдываніемъ иноземца, доктора Бидлоо, съ двумя помощниками—русскими. Въ госпиталѣ этомъ училось много учениковъ и къ нимъ поступало много больныхъ. Въ одномъ 1712 году въ этой школѣ обучалось до 50 русскихъ учениковъ, изъ которыхъ многіе выучивались хорошо, пріобрѣтя основательныя познанія въ хирургіи.

Заботясь постоянно о размноженіи гражданскихъ училищъ въ Россіи, Петръ старался также воспользоваться для этой цѣли услугами образованныхъ иноземцевъ, проживавшихъ въ Россіи. Такъ, государь опредѣлилъ ежегодное жалованье въ 3000 рублей плѣнному нѣмецкому пастору Глюку, человѣку очень ученому, съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ въ Москвѣ гимназію для разночинцевъ. Кромѣ того, въ Петербургѣ были учреждены разныя частныя училища, открытыя иноземцами, между которыми были нѣмцы, французы, шведы и итальянцы. Плѣнные шведы даже въ Сибири, въ Тобольскѣ, открыли учебное заведеніе.

Особенно заботился государь объ искорененіи невѣжества въ дворянскомъ сословіи и о подготовленіи его посредствомъ образованія къ полезной службѣ государству. Не ограничиваясь открытыми въ двухъ столицахъ училищами, Петръ, въ 1714 году, указалъ разослать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ математическихъ школъ, учить всѣхъ дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи. Архіереи не должны были давать вѣнечныя памяти дворянамъ, желающимъ вступить въ бракъ, если они не выучатся. Въ указѣ объ этомъ говорилось: „и положить штрафъ такой, чтобъ невольно будетъ же-

Петръ I и князь Долгоруковъ въ Сенатѣ.

ниться, пока сему не выучится“. Въ сенатѣ герольдмейстеру велѣно было наблюдать за тѣмъ, чтобы дворяне учились также въ особыхъ школахъ для приготовленія свѣдущихъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ экономіи и законамъ, и потомъ тотчасъ поступали бы на службу при коллегіяхъ, для пріобрѣтенія практическихъ познаній.

Ссылаясь на то, что открыто уже достаточное число училищъ, государь приказалъ, чтобы дворяне, не умѣвшіе ни читать, ни писать, ни изъясняться на какомъ-либо иностранномъ языкѣ, лишаемы были наслѣдства. Если кто изъ нихъ извинялся тѣмъ, что вовсе не имѣлъ способностей для ученья, то его испытывали сперва въ продолженіе цѣлаго года, прежде нежели освобождали отъ ученья.

Петръ сильно желалъ распространенія просвѣщенія и во всѣхъ классахъ общества. Еще въ 1714 и 1716 годахъ положено было начало народнымъ училищамъ. Именными царскими указами велѣно было послать въ губерніи по два человѣка изъ математическихъ школъ, для безплатнаго обученія грамотѣ, цифири и геометріи дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, изъ семействъ всѣхъ чиновниковъ, приказныхъ, посадскихъ и всякаго чина, кромѣ дворянъ. Подъ эти школы велѣно было отвести помѣщенія въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. По окончаніи ученія, указано было выдавать ученикамъ свидѣтельство, безъ котораго нельзя было жениться. Въ 1724 году, по открытіи магистратовъ, этимъ городскимъ учрежденіямъ также вмѣнено было въ обязанность учить читать, писать и считать дѣтей не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ родителой, и съ этой цѣлію устраивать при городскихъ церквахъ школы. Но эти распоряженія государя, какъ и многія другія намѣренія его, встрѣчали неодолимыя препятствія въ своеволіи и упорствѣ темныхъ людей. Не смотря на частыя подтвержденія царскими указами о высылкѣ учениковъ въ народныя школы, завѣдывавшіе этими школами постоянно писали донесенія, что, вопреки царскимъ указамъ, родители не при-

сылаютъ дѣтей для обученія. Своевольные люди, привыкшіе разными способами уклоняться отъ закона, нашли и тутъ средство избавиться отъ ученья, отговариваясь тѣмъ, что будто бы имъ тогда трудно будетъ платить подати. Такъ, въ 1720 году, посадскіе люди разныхъ городовъ писали въ челобитной государю: „а дѣти у насъ дома смолоду пріучаются сидѣть за прилавкомъ и посылаются со старшими по купеческимъ дѣламъ. Если у насъ будутъ забирать дѣтей, то промыслы упадутъ и въ казенныхъ поборахъ будетъ остановка, обучать же дѣтей мы можемъ и дома“. Но, по своему обыкновенію, посадскіе люди не обучали дѣтей и дома, а продолжали держать ихъ лишь „за прилавкомъ“. Тѣмъ не менѣе, государь вынужденъ былъ, наконецъ, запретить забирать насильно въ школы дѣтей посадскихъ людей. Не малое также препятствіе народному образованію встрѣчалъ Петръ и въ своеволіи служилыхъ людей, которые за подарки освобождали однихъ отъ ученья, а другихъ, вмѣсто школъ, держали въ тюрьмахъ за карауломъ. Не смотря на все это, благодаря усиліямъ Петра, въ Россіи впервые зародились тогда народныя школы.

Неутомимо заботился государь и о распространеніи просвѣщенія въ православномъ духовенствѣ. Петръ впервые учредилъ духовныя училища по всѣмъ епархіямъ, при архіерейскихъ домахъ, чтобы епископы сами могли видѣть, кто изъ учениковъ по способностямъ и поведенію будетъ достоинъ священническаго сана. Училища эти содержались изъ доходовъ церквей и монастырей, а учители получали жалованье отъ самого епископа. Сначала государь приказывалъ обучать въ духовныхъ училищахъ тѣхъ священнослужительскихъ дѣтей, которые сами пожелаютъ; но въ 1723 году Петръ вынужденъ былъ издать указъ, чтобы брать въ эти школы всѣхъ поповичей, которые учиться могутъ, и кто не пойдетъ охотно, тѣхъ брать неволей. Не воспитывавшихся въ духовныхъ училищахъ не позволялось посвящать во священники, а лѣнивые ученики лишались всѣхъ правъ своего званія. Для приготовле-

нія ученыхъ монаховъ въ высшій духовный санъ, государь указалъ устроить въ Петербургѣ и Москвѣ *духовныя семинаріи.* Здѣсь воспитанники обучались наукамъ въ строго-православномъ духѣ, до 30-лѣтняго возраста, а потомъ поступали въ монастыри въ монахи, пріучались говорить въ соборныхъ церквахъ проповѣди, обучать дѣтей, переводить разныя церковныя и богословскія сочиненія, изучать древнихъ учителей церкви и, получивъ наконецъ хорошее свидѣтельство, могли въ скоромъ времени быть производимы въ епископы. Вообще Петръ впервые положилъ тѣ превосходныя начала для учрежденія духовнаго образованія въ Россіи, которыя дѣйствуютъ въ главныхъ чертахъ и понынѣ; точно такъ же, какъ при учрежденіи гражданскихъ училищъ, онъ первый положилъ въ основу прикладныя знанія.

Не менѣе стараній приложилъ государь и къ развитію всей русской гражданской письменности и вообще печатнаго дѣла въ Россіи. И здѣсь государю пришлось начинать дѣло прямо съ *азбуки*. Петръ, любившій во всемъ сберегать время и трудъ, придумалъ завести, для русскихъ свѣтскихъ книгъ, особую, свою русскую гражданскую азбуку, которая была бы попроще и удобнѣе для печатанія и чтенія, нежели прежняя церковно-славянская азбука. Съ этой цѣлью онъ заказалъ изготовить въ Голландіи особую азбуку русскихъ буквъ, и для введенія въ употребленіе въ Россіи этой новой печати, выписалъ оттуда же опытныхъ печатниковъ. Въ 1708 году были напечатаны первыя книги этой азбукой, но новыя буквы вышли неуклюжія и уродливыя. Тогда Петръ самъ взялся за составленіе русской азбуки, самъ вырѣзалъ буквы, долго трудился надъ исправленіемъ и передѣлываніемъ ихъ, по образцу латинской азбуки, и наконецъ придумалъ ту русскую *гражданскую печать* или азбуку, которою русскіе люди пользуются и до сихъ поръ. Вслѣдъ за тѣмъ, по его указу, открыто было въ Петербургѣ нѣсколько типографій, для печатанія какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ книгъ, и даже рисунковъ и картинъ.

*

Кромѣ того, Петръ далъ привиллегію одному голландскому типографу (Іоганну Тессингу) завести въ Амстердамѣ русскую типографію и печатать въ ней на славянскомъ, голландскомъ и латинскомъ языкахъ географическія карты, чертежи, портреты и книги по части математики, архитектуры и военнаго искусства, но только отнюдь не печатать церковныхъ книгъ. Какъ и во всемъ, Петръ и въ типографскомъ дѣлѣ нашелъ себѣ полезныхъ сотрудниковъ и между самими русскими людьми, въ лицѣ искусныхъ типографщиковъ Поликарпова и Аврамова.

Устроивъ гражданское печатное дѣло, Петръ, въ то же время, старался положить широкое основаніе развитію самой гражданской русской письменности. Въ этомъ отношеніи первой заслугой Петра было его стараніе научить русскихъ людей, прежде всего, правильному, толковому и чисто-русскому способу изложенія мыслей. По новости вообще свѣтскаго книжнаго дѣла въ Россіи, тогда немногіе изъ русскихъ умѣли взяться за это, какъ слѣдуетъ. Гражданскія книги писались, обыкновенно, полу-русскимъ, полу-славянскимъ языкомъ, по образцу церковныхъ книгъ, или же русская рѣчь пересыпалась множествомъ иностранныхъ словъ, до крайности затемнявшихъ изложеніе, при чемъ сочинители не умѣли даже остановиться на сути дѣла, о которомъ писали, а больше всего заботились о краснорѣчіи и витіеватости изложенія, и для этого приплетали разныя не идущія къ дѣлу разсужденія. Петръ, любившій до страсти дѣло и торопившійся работой, не терпѣлъ пустого краснобайства или, какъ онъ выражался, „праздной красоты“; поэтому онъ сталъ требоватъ отъ всѣхъ краткости, простоты и дѣльности въ изложеніи, чтобы въ книгѣ прямо захватывалась суть дѣла, безъ излишнихъ разглагольствованій. Оттого Петру казались противными нѣмецкія книги, отличавшіяся вообще ненужной плодовитостью рѣчи, расширявшей ихъ книги до страшныхъ размѣровъ, отнимавшихъ при чтеніи ихъ много лишняго времени. Поэтому государь желалъ, чтобы нѣмецкія книги переводились на русскій языкъ съ сокращеніями, вы-

брасывая все излишнее. Петръ Великій самъ первый далъ образцы гражданскаго, родного чисто-русскаго языка, полнаго силы, простоты и краткости. Государь зналъ въ совершенствѣ простую, разговорную великорусскую рѣчь, и постоянно сталъ писать такою рѣчью, не прибѣгая вовсе къ употреблявшемуся прежде въ русскихъ книгахъ высокому славянскому нарѣчію. Его безчисленные указы, письма, резолюціи и уставы могутъ служить и понынѣ прекрасными образцами русской рѣчи. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи письма Петра, всегда отличавшіяся краткостью, ясностью и точностью выраженій и, подчасъ, живымъ и увѣсистымъ остроуміемъ, съ примѣсью чисто-русскаго добродушія.

Такъ какъ своихъ писателей или сочинителей въ Россіи въ то время пока еще было немного, то государь велѣлъ переводить на русскій языкъ тѣ изъ иностранныхъ книгъ, которыя бы могли сообщить русскимъ людямъ наиболѣе полезныя и необходимыя свѣдѣнія. Къ числу такихъ книгъ Петръ относилъ прежде всего школьные учебники, которыхъ было тогда много переведено съ иностранныхъ языковъ. Кромѣ того переводились и печатались книги, сообщавшія свѣдѣнія по разнымъ наукамъ, а также о разныхъ иностранныхъ государствахъ, ихъ законахъ и исторіи. По порученію государя, Остерманъ и пасторъ Глюкъ должны были переводить съ нѣмецкаго языка; Зотовъ, Волковъ и Гарлицкій—съ французскаго; Шафировъ и Копіевскій—съ голландскаго, а съ латинскаго—Ѳеофанъ Прокоповичъ и, подъ его руководствомъ, новгородскіе монахи. Какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, Петръ самъ принялся руководить и выборомъ книгъ для переводовъ и печатанія, постоянно самъ наблюдалъ за ихъ изданіемъ, самъ вникалъ во всѣ подробности, и точно также и тутъ ничто не казалось ему мелочнымъ или недостойнымъ его вниманія. Онъ постоянно собственноручно исправлялъ всѣ книги, которыя переводились съ иностранныхъ языковъ на русскій. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ просмотрѣнною са-

мимъ государемъ. Если при этомъ Петръ замѣчалъ, что переводъ сдѣланъ плохо, то непремѣнно доискивался причины этого, и когда оказывалось, что переведено неудовлетворительно по недостаточному знанію переводчикомъ иностраннаго языка или по незнакомству его съ самымъ предметомъ, о которомъ говорится въ книгѣ, то государь, съ цѣлью улучшенія перевода, приказывалъ предварительно обучить такого переводчика иностранному языку, или той наукѣ, въ которой послѣдній оказался слабымъ.

Петръ особенно поощрялъ рѣдкихъ въ то время своихъ русскихъ сочинителей, какъ напримѣръ, Лаврентія Магницкаго, составителя первой русской ариѳметики. И тутъ государь являлся руководителемъ дѣла, указывалъ что̀ слѣдуетъ писать, въ какихъ книгахъ преимущественно нуждаются русскіе люди, и какъ слѣдуетъ вообще излагать свои мысли. При этомъ Петръ обращалъ особенное вниманіе на духовныя потребности простого народа, крайне нуждавшагося въ просвѣщеніи. Государь въ этомъ случаѣ имѣлъ цѣлью разсѣевать суевѣрія въ народѣ, научать его отличать духъ православнаго ученія отъ буквы, сущность вѣры отъ простой обрядности. Въ одномъ изъ указовъ синоду государь велѣлъ объяснять народу въ краткихъ поученіяхъ, что̀ составляетъ непремѣнный законъ Божій и что по временамъ и случаямъ измѣнялось, въ чемъ заключается „прямой путь“, чтобы люди знали, въ какой силѣ принимать тѣ или другіе пункты христіанскаго ученія. „Надобно“, писалъ Петръ, „всего болѣе истолковать вѣру, надежду и любовь: о первой и послѣдней или мало, или не прямо что знаютъ, а о надеждѣ и не слыхали, потому что всю надежду кладутъ на обряды“. Въ виду этого, Петръ велѣлъ составить для народа три книги: одну о главныхъ правилахъ православной вѣры, другую—объ обязанностяхъ всѣхъ людей, а въ третьей помѣстить избранныя поученія святыхъ отцовъ. Эти три книги велѣно было читать по праздникамъ въ церквахъ такимъ образомъ, чтобы каждая изъ нихъ повторялась че-

тыре раза въ годъ, дабы лучше сохранялась въ памяти народа. Петръ намѣревался также перевести библію съ славянскаго на русскій языкъ и сдѣлать ее доступной всѣмъ по цѣнѣ, а также собрать и напечатать въ особой книгѣ русскія пословицы и поговорки; но, по случаю преждевременной кончины, государь не успѣлъ привести этого намѣренія въ исполненіе, и послѣ него все это сдѣлано лишь въ наше время. Занятый съ утра до ночи множествомъ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, Петръ находилъ, однако, время и для того, чтобы еще самому заниматься писательствомъ. По окончаніи шведской войны, онъ усердно принялся за составленіе ея историческаго описанія, и самъ, аккуратно каждую субботу, посвящалъ утро этому дѣлу, описывая въ строгомъ порядкѣ всѣ сраженія и побѣды и разныя внутреннія преобразованія, совершенныя въ его царствованіе. Потомъ государь привлекъ къ этому дѣлу Шафирова, Ѳеофана Прокоповича и другихъ.

Петръ Великій первый также придумалъ издавать въ Россіи *газеты*, понявъ все огромное значеніе ихъ въ дѣлѣ распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній. Составлявшіеся до него исключительно для государей рукописные куранты были недоступны остальнымъ русскимъ людямъ и составляли почти государственную тайну. Петръ прекратилъ составленіе рукописныхъ курантовъ и повелѣлъ предавать ихъ тисненію, для всеобщаго пользованія, подъ названіемъ „Русскія Вѣдомости", и такимъ образомъ положилъ начало русской повременной печати. Первый нумеръ печатныхъ „Русскихъ Вѣдомостей" вышелъ 2 января 1703 года, въ числѣ 1000 экземпляровъ. Государь самъ правилъ корректуру перваго газетнаго листа, который съ поправками государя хранится въ московской синодальной типографіи. Петръ постоянно и послѣ слѣдилъ за своей газетой, и для этого ежедневно прочитывалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ ихъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, что̀ должно переводить въ „Русскія Вѣдомости". Въ газетѣ русской помѣщались извѣстія „о всякихъ

дѣлахъ Московскаго государства и окрестныхъ государствъ". Петръ на столько съумѣлъ заинтересовать этой первой газетой русскую публику, что многіе недовольствовались прочтеніемъ газеты, а еще переписывали отдѣльные нумера ея въ особые рукописные сборники. Кромѣ газеты, при Петрѣ получили также большое распространеніе между русскими людьми разнаго рода *календари* или мѣсяцесловы, въ которыхъ, кромѣ календарныхъ свѣдѣній, помѣщались еще обыкновенно разныя астрологическія бредни или предсказанія, которымъ въ то время многіе вѣрили. Изъ петровскихъ календарей пользуется особенною извѣстностью даже и въ настоящее время такъ называемый „Брюсовъ календарь", заключающій въ себѣ, между прочимъ, предсказанія погоды на каждый день и на нѣсколько столѣтій впередъ. Какъ это ни кажется смѣшнымъ, но многіе и теперь еще продолжаютъ вѣрить этимъ предсказаніямъ, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что лицу, по имени котораго называется календарь, т. е. Брюсу, приписываются разныя волшебныя качества, начиная съ искусства составлять „живую и мертвую воду". Между тѣмъ самъ Брюсъ вовсе не участвовалъ въ составленіи этого календаря, а только наблюдалъ за его печатаніемъ.

Петръ положилъ также начало у насъ отечествовѣдѣнію. Онъ первый задумалъ составить ученыя описанія русской страны, и съ этой цѣлью разсылалъ учениковъ Петербургской морской академіи по губерніямъ, для составленія географическихъ картъ. На основаніи произведенныхъ этими учениками изысканій и изслѣдованій былъ составленъ первый русскій географическій *атласъ*, который вышелъ изъ печати, впрочемъ, уже послѣ кончины государя. Кромѣ того, государь отправилъ двухъ знающихъ и надежныхъ навигаторовъ, Лужина и Евреинова, на окраины Восточной Сибири, съ цѣлью, между прочимъ, развѣдать, соединяется ли Азія или собственно наша Сибирь съ Америкой земнымъ перешейкомъ, или раздѣляется морскимъ проливомъ. Навигаторы эти побывали во многихъ

отдаленныхъ сибирскихъ краяхъ и много плавали по морю, но вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой не могли рѣшить. Тогда государь отправилъ съ этою же цѣлію знаменитаго ученаго Беринга, которому наконецъ удалось добраться, на самомъ крайнемъ сѣверѣ, до того мѣста, гдѣ Сибирь и Америка наиболѣе сближаются между собою, при чемъ оказалось, что обѣ эти страны, въ указанномъ мѣстѣ, отдѣляются узкимъ воднымъ проливомъ, по которому Берингъ самъ проплылъ изъ конца въ конецъ и, такимъ образомъ, точно рѣшилъ вопросъ о соединеніи Америки съ Азіей. Поэтому упомянутый проливъ и до сихъ поръ называется Беринговымъ, въ честь открывшаго его ученаго, возвратившагося изъ этого путешествія уже послѣ кончины Петра.

Любя до страсти русскую исторію, Петръ сильно заботился также положить начало русской *археологіи*, т. е. правильному изученію русской старины. Съ этой цѣлію государь, въ 1715 году, приказалъ по всѣмъ епархіямъ собирать въ монастыряхъ и церквахъ древнія жалованныя граматы, старинныя русскія лѣтописи и хронографы, старопечатныя книги, снимать рисунки съ древностей, и все это доставлять въ Петербургъ въ святѣйшій синодъ для храненія. Велѣно было также сберегать отъ разрушенія всякія древности: развалины старинныхъ зданій, древнія церкви и т. п. Посѣтивъ самъ на Волгѣ развалины древняго города „Булгаръ“, государь повелѣлъ указомъ списать тамъ точныя копіи со всѣхъ надгробныхъ надписей, перевести ихъ на русскій языкъ и принять мѣры для сохраненія въ цѣлости остатковъ этихъ замѣчательныхъ развалинъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ Петра, было собрано и сохранено много памятниковъ и матеріаловъ для русской исторіи.

Петръ Великій старался завести въ Россіи вообще все, что̀ содѣйствуетъ просвѣщенію народа. Такъ онъ первый учредилъ въ Петербургѣ публичную библіотеку, т. е. доступное для общественнаго пользованія книгохранилище. Библіотека

эта начала составляться изъ книгъ, которыя попадались нашимъ войскамъ при завоеваніи городовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, потомъ увеличилась нѣсколькими собраніями книгъ, поступившими въ нее послѣ смерти или опалы разныхъ вельможъ. Въ 1719 году библіотека эта на столько уже умножилась, что ее пришлось перенести изъ Лѣтняго дворца, гдѣ она помѣщалась до того времени, въ просторное помѣщеніе, въ частномъ домѣ Кикина, близь Смольнаго монастыря.

Государь много также хлопоталъ объ устройствѣ въ Петербургѣ кунсткамеры, т. е. собранія разныхъ рѣдкостей, служащихъ для нагляднаго ознакомленія съ природою и ея произведеніями. Еще въ бытность свою въ Голландіи, Петръ купилъ тамъ у своего учителя анатоміи, знаменитаго ученаго Рюйша, его анатомическій кабинетъ, который, вмѣстѣ съ собраніемъ рѣдкостей, пріобрѣтеннымъ у аптекаря Себа, составилъ кабинетъ натуральной исторіи. Государь раза два или три въ недѣлю посѣщалъ этотъ музей, самъ пополнялъ собраніе рѣдкостей тѣлами уродовъ, разными животными и растеніями. Съ этою цѣлью велѣно было доставлять въ Петербургъ, за плату, разныя старинныя рѣдкія вещи, необыкновенныя человѣческія кости, такія же кости и чучела животныхъ и птицъ, старинное оружіе, древнюю посуду. За старинные черепа человѣческие назначена была большая цѣна. Указано было также доставлять мертвыя тѣла необыкновенныхъ уродовъ, для храненія ихъ въ спирту. Петръ нарочно даже отправлялъ, въ разные края Россіи, ученыхъ людей для собиранія всякихъ рѣдкостей: „вещей, звѣрей, травъ, рудъ и проч.“. Много рѣдкостей государь продолжалъ получать въ теченіе всего своего царствованія чрезъ разныхъ лицъ изъ-за-границы. Особенно обогатилась кунсткамера послѣ второй поѣздки самого Петра за-границу, гдѣ онъ пріобрѣлъ самыя разнообразныя собранія рѣдкостей. Въ 1722 году, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, на мѣстѣ нынѣшняго помѣщенія Академіи наукъ, уже начали строить особое зда-

ніе для помѣщенія кунсткамеры. Разсказываютъ, что на этомъ мѣстѣ росли тогда рядомъ двѣ сосны, сукъ одной изъ которыхъ вросъ въ другую такимъ образомъ, что нельзя было узнать, которой собственной соснѣ принадлежитъ этотъ сукъ. Это рѣдкое явленіе и подало мысль государю устроить на означенномъ мѣстѣ хранилище рѣдкостей, въ числѣ которыхъ былъ помѣщенъ и отрубокъ двухъ сосенъ съ упомянутымъ сукомъ, сохраняющимся и донынѣ въ академическомъ музеѣ. Разсказываютъ также, что государь употреблялъ всевозможныя средства, чтобы привлечь публику къ посѣщенію кунсткамеры и чрезъ это возбудить любознательность въ русскихъ людяхъ. Съ этой цѣлію онъ приказалъ выдавать въ кунсткамеру по 400 рублей въ годъ, на угощеніе посѣтителей кофеемъ, виномъ и водкой, зная, что безъ этого послѣдняго средства русскаго человѣка никуда не заманишь. Самъ государь, будучи большимъ охотникомъ до рѣдкостей, любилъ бывать въ кунсткамерѣ часто и разъ даже принялъ тамъ иноземнаго посланника.

Зная благотворное вліяніе искусствъ на нравы людей, Петръ Великій дѣятельно старался насадить въ Россіи и разныя искусства: живопись, музыку и театръ. Благочестивые русскіе люди того времени, по темнотѣ своей, называли всѣ эти искусства „нѣмецкими скверными обычаями“, „латинскими и нѣмецкими поступками“, и считали великимъ грѣхомъ, заслуживающимъ вѣчнаго наказанія въ аду, не только театръ, но даже „гуденіе, трубы, бубны, сопѣли, медвѣди, птицы и собаки ловчія, конское уристалище“ и т. п. Петръ, напротивъ, убѣдился изъ примѣра западныхъ народовъ, что искусства много способствуютъ распространенію просвѣщенія въ народѣ, искорененію грубости нравовъ и возбужденію въ людяхъ добрыхъ и благородныхъ чувствъ. Поэтому, Петръ, не смотря на вражду старинныхъ русскихъ людей ко всякаго рода искусствамъ, открылъ въ Москвѣ первый *публичный театръ*, выписавъ для него актеровъ изъ-за-границы, и приказалъ имъ обу-

чать этому искусству и русскихъ людей. Правда, этотъ первый русскій театръ былъ плохъ, но завести и такой театръ впервые стоило государю большихъ хлопотъ, такъ какъ иноземные актеры не знали русскаго языка, мало вообще заботились объ успѣхѣ русскаго искусства, а сами русскіе не умѣли вовсе взяться за это непривычное дѣло. Пришлось, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, самому государю наблюдать и руководить этимъ дѣломъ. Впрочемъ, самъ Петръ былъ небольшой охотникъ до театра, равно какъ и до *музыки*; да оба эти искусства и не были тогда такъ усовершенствованы, какъ въ наше время, не только у насъ въ Россіи, но и на Западѣ. Государь, однако, какъ бы въ предвидѣніи будущаго огромнаго значенія этихъ искусствъ, ввелъ въ употребленіе въ Россіи и театръ, и музыку. Всего же больше при немъ сдѣлали у насъ успѣха *живопись* и *архитектура*, до которыхъ Петръ самъ былъ большой охотникъ, въ особенности до картинъ съ морскими видами и такъ называемой фламандской школы. Онъ самъ также часто занимался вырѣзаніемъ рисунковъ для печатанія. Для обученія этимъ искусствамъ молодыхъ русскихъ людей, государь отправлялъ ихъ за-границу и, кромѣ того, въ Петербургѣ, при оружейной канцеляріи, какъ говорилось въ указѣ объ этомъ: „ради общенародной во всякихъ художествахъ пользы, противъ обычаевъ государствъ европейскихъ, зачата была небольшая академія, ради правильнаго обученія рисованія иконнаго и живописнаго и прочихъ художествъ". Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, появились при Петрѣ первые рускіе живописцы, изъ которыхъ лучшимъ въ то время былъ художникъ Никитинъ, писавшій портреты съ самого государя. Любовь къ картинамъ, по примѣру государя, распространилась и среди другихъ русскихъ людей, начавшихъ покупать для украшенія своихъ жилищъ уже настоящія художественныя картины, а не лубочныя, какъ бывало прежде.

Строительное искусство также впервые развилось при Петрѣ; онъ самъ былъ искусный архитекторъ, и по его чер-

тежамъ построено было много зданій; при немъ же появились и первые ученые русскіе архитекторы, и уже не однѣ царскія палаты начали строить изъ камня, по планамъ и рисункамъ архитекторовъ, но и дома многихъ богатыхъ частныхъ лицъ.

Положивъ, такимъ образомъ, начало всему гражданскому образованію, необходимому прямо для жизни, для разныхъ родовъ государственной службы и различныхъ частныхъ занятій, Петръ не забылъ и высшей науки, занимающейся человѣческими познаніями вообще. Не смотря на всевозможныя препятствія, которыя встрѣчалъ государь на каждомъ шагу, при распространеніи даже первоначальнаго образованія между русскими людьми, однако, онъ на столько твердо вѣрилъ въ способности русскаго человѣка къ ученію и вообще къ наукѣ, что, какъ самъ не переставалъ учиться до гроба, такъ постоянно заботился всякими средствами распространять возможно больше просвѣщенія и между всѣми русскими людьми. Не довольствуясь учрежденіемъ различныхъ училищъ, Петръ, благодаря своимъ всестороннимъ познаніямъ, постоянно еще самъ являлся, всюду и во всемъ, учителемъ русскихъ людей, даже въ высшихъ наукахъ. Такъ, основательно зная хирургію и медицину, Петръ часто показывалъ въ учрежденныхъ имъ госпиталяхъ примѣръ русскимъ врачамъ, какъ надобно дѣлать хирургическія операціи. Зная астрономію въ такомъ совершенствѣ, какъ немногіе въ то время западные ученые, Петръ не только слѣдилъ за преподаваніемъ этихъ наукъ въ училищахъ и часто самъ при случаѣ разъяснялъ тамъ эти науки, но иногда собиралъ для этого даже нарочно постороннихъ слушателей. Такъ, въ 1706 году, будучи въ Воронежѣ, государь, по случаю предстоявшаго солнечнаго затменія, велѣлъ прислать ему изъ навигацкой школы трубы и рисунокъ затменія, какъ оно должно было быть видимо въ Воронежѣ, и всѣмъ объяснялъ тамъ причину этого явленія, чтобы предупредить суевѣрные толки въ народѣ. Въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, у государя былъ поставленъ въ особомъ домикѣ

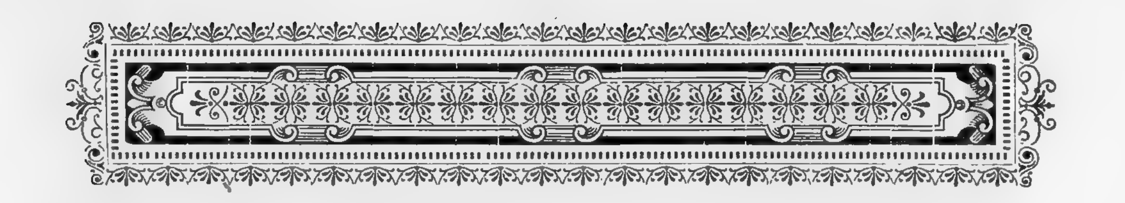
знаменитый глобусъ, имѣвшій до 2 саженъ въ поперечникѣ, подаренный Петру правителемъ герцогства Голштинскаго. На внутреннихъ стѣнахъ этого глобуса были изображены небесныя свѣтила, и государь часто проводилъ по нѣскольку часовъ, вмѣстѣ съ Брюсомъ, въ Готторпскомъ глобусѣ, разсматривая обращеніе небесныхъ свѣтилъ. Въ 1715 году, по случаю солнечнаго затменія, государь, также для предупрежденія всякихъ толковъ, еще за мѣсяцъ до затменія, издалъ объ этомъ указъ и велѣлъ построить надъ домикомъ, гдѣ былъ глобусъ, обсерваторію. Въ день затменія приказано было собраться на Царицынъ лугъ сенату, членамъ коллегій, канцелярскимъ служителямъ и особенно духовенству, и Петръ провелъ тутъ съ ними цѣлый день, подводя каждаго къ трубѣ для наблюденій и подробно объясняя всѣмъ причину видѣннаго явленія.

Но, не ограничиваясь своимъ постояннымъ и разнообразнымъ учительствомъ и основаніемъ многочисленныхъ низшихъ и среднихъ училищъ, государь тогда же вознамѣрился открыть въ Россіи высшую академію наукъ. Петръ въ продолженіе почти всего своего царствованія мечталъ объ открытіи этой академіи и часто совѣщался объ этомъ съ иностранными учеными. Наконецъ, въ 1724 году, Петръ указалъ устроить академію наукъ, „гдѣ бы учились языкамъ, наукамъ и знатнымъ художествамъ“. Государь и въ устройствѣ академіи старался сообразоваться съ нуждами и состояніемъ Россіи. Такъ, академія эта, по недостатку въ Россіи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, должна была, по мысли Петра, совмѣщать въ себѣ три учрежденія, которыя въ другихъ государствахъ существовали отдѣльно; а именно: россійская академія заключала въ себѣ „собственно академію“, т. е. ученое общество, члены котораго должны были производить открытія и усовершенствованія въ высшихъ наукахъ и имѣть однажды въ годъ торжественныя публичныя засѣданія для чтенія отчетовъ о своихъ ученыхъ трудахъ; во-вторыхъ—„университетъ“. т. е. высшее учебное заведеніе, въ которомъ академики должны были

читать публичныя лекціи молодымъ людямъ по высшимъ наукамъ, и въ-третьихъ—„гимназію“ или учительскій институтъ, т. е. среднее учебное заведеніе, гдѣ помощники академиковъ обязаны были учить юношей начальнымъ основаніямъ наукъ, подготовляя своихъ учениковъ къ университету или къ учительскому званію. Но самому Петру Великому не удалось дождаться открытія всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе преждевременной кончины государя, академія и университетъ по его плану были открыты уже при его преемникахъ.

Будучи въ высокой степени просвѣщеннымъ государемъ, изучившимъ почти всѣ науки, Петръ Великій ясно сознавалъ всю возможность для государства и народа развитія въ Россіи высшихъ наукъ. Онъ видѣлъ на примѣрѣ другихъ государствъ, какое въ нихъ громадное значеніе имѣютъ науки, равно какъ и вся вообще письменность, для развитія и объединенія народнаго чувства и сознанія, для самостоятельности и крѣпости этихъ государствъ и народовъ, для независимости ихъ даже въ своихъ мысляхъ отъ другихъ народовъ. Добившись внѣшняго могущества Россіи, т. е. развитія ея военныхъ силъ, сухопутныхъ и морскихъ, съ помощью которыхъ онъ измѣнилъ положеніе въ Европѣ многихъ державъ,—Петръ, однако, не былъ удовлетворенъ этимъ. Его проницательный умъ, глубокая мудрость и страстная любовь къ русскому народу какъ бы подсказывили ему, что внѣшняго могущества, внѣшней силы еще недостаточно для упроченія славы и счастія народа, что чисто-внѣшнія силы преходящи и ненадежны и что духовная мощь и умственныя силы выше и прочнѣе внѣшняго могущества. И Петръ глубоко вѣрилъ въ эту духовную, нравственную мощь русскаго народа. Какъ въ старину темные русскіе люди почему-то считали себя „Израилемъ“, т. е. „лучшимъ, избраннымъ народомъ“, такъ и Петръ, будучи вполнѣ русскимъ человѣкомъ, но просвѣтленнымъ наукой и образованіемъ, ясно сознавалъ въ складѣ природнаго русскаго ума и духа нѣкоторые глубокіе задатки для нравственнаго и умственнаго превос-

ходства. Это-то убѣжеденіе и заставляло его главнымъ образомъ работать всю жизнь, не щадя своихъ силъ и самой жизни, для блага и счастія Россіи. Государь вѣрилъ, что русскій народъ современемъ одержитъ умственный и нравственный перевѣсъ надъ Западной Европой, какъ онъ уже одержалъ тогда перевѣсъ матеріальный. Эту мысль Петръ ясно высказалъ однажды, въ 1714 году, при спускѣ въ Петербургѣ корабля „Илья Пророкъ", въ слѣдующей замѣчательной рѣчи, выраженной, по обыкновенію, просто, кратко и сильно и обращенной къ присутствовавшимъ на торжествѣ русскимъ вельможамъ: „Историки", говорилъ пророчески государь, „полагаютъ колыбель всѣхъ наукъ въ Греціи, откуда онѣ, по превратности временъ, были изгнаны и перешли въ Италію, а изъ Италіи распространились по всѣмъ остальнымъ европейскимъ землямъ, до самой Польши, и только по безразсудности нашихъ предковъ не проникли до насъ. Нѣмцы и поляки долгое время сами пребывали въ такомъ же мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребывали доселѣ, и однако они просвѣтились, благодаря неутомимымъ заботамъ своихъ правителей, сдѣлались образованными и усвоили себѣ древнія греческія науки, искусства и образъ жизни. Теперь очередь дошла и до насъ, если только вы поддержите меня, будете добровольно подчиняться мнѣ безъ всякихъ отговорокъ, и научитесь безъ предразсудковъ распознавать пользу и вредъ. Я приравниваю распространеніе наукъ и искусствъ къ обращенію крови въ человѣческомъ тѣлѣ: и мнѣ сдается, что современемъ науки оставятъ свое теперешнее мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, перейдутъ въ Россію и продержатся нѣсколько вѣковъ у насъ, а затѣмъ снова возвратятся въ прежнее свое отечество—въ Грецію. При этомъ я прошу васъ покамѣсть держаться латинской поговорки — „молись и трудись", и твердо будьте увѣрены, что, можетъ быть, вы еще на нашемъ вѣку *пристыдите* своимъ просвѣщеніемъ другіе образованные народы и вознесете русское имя на высшую ступень славы и величія".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Устройство водяныхъ и сухопутныхъ сообщенiй.—Мѣры противъ разбойниковъ и нищихъ.—Учрежденiе богадѣленъ и госпиталей.—Благоустройство селъ и деревень.—Учрежденiе полицiи и медицинской части.

Много усилiй положено было Петромъ и на введенiе благоустройства въ городахъ и селахъ. До Петра Великаго, вслѣдствiе господствовавшаго въ жизни нестроенiя, никто не обращалъ большого вниманiя на благоустройство страны. Такъ, пути сообщенiя, какъ грунтовыя, такъ и водяныя, находились въ то время въ первобытномъ состоянiи, почтъ почти не существовало. Лучшими дорогами считались тогда природные пути: *санный* путь и рѣки; грунтовыя же дороги были совершенно неустроены. Только зимою, по санному пути, на дорогахъ между большими городами, появлялись огромные обозы съ товарами. Лѣтомъ же главнымъ средствомъ сообщенiя служили судоходныя рѣки, изъ которыхъ главное мѣсто занимала Волга. Но плаванiе и по этимъ рѣкамъ было затруднительно. Чтобы попасть изъ одной рѣки въ другую, часто надо было перегружать суда и перетаскивать ихъ по сухому пути черезъ *волоки*, такъ какъ соединительныхъ каналовъ между рѣками не было. Самыя суда, на которыхъ производилось плаванiе по этимъ рѣкамъ, сколачивались кой-какъ, лишь бы только доплыть какъ-нибудь въ одинъ конецъ, до мѣста назначенiя. Оттого въ болѣе глубокихъ и опасныхъ

мѣстахъ, особенно на озерахъ, погибало многое множество судовъ съ товарами и даже съ людьми.

Не меньшимъ зломъ, еще болѣе затруднявшимъ сообщенія по всѣмъ этимъ путямъ, какъ сухопутнымъ, такъ и водянымъ, служили многочисленныя разбойничьи шайки, составлявшіяся изъ множества бѣглыхъ и своевольныхъ людей, отъ которыхъ часто не было на дорогахъ ни прохода, ни проѣзда. На большихъ рѣкахъ, какъ Волга и Ока, многочисленныя шайки разбойниковъ открыто разгуливали на своихъ собственныхъ судахъ, нападали на купеческіе караваны, и съ крикомъ: „сарынь на кичку"!—вскакивали на суда, грабили ихъ товары и перебивали хозяевъ. На сухопутныхъ большихъ дорогахъ разбои и грабежи были еще страшнѣе. Здѣсь разбойничьи шайки состояли нерѣдко человѣкъ изъ 200 и болѣе, съ исправнымъ вооруженіемъ. Шайки эти нападали на обозы, на помѣщичьи усадьбы и деревни, и даже на монастыри и города, и разграбляли ихъ. Не въ рѣдкость было, что и сами помѣщики, со своею многочисленною челядью, которой имъ нечѣмъ было кормить и одѣвать, разбойничали по большимъ дорогамъ и нападали на деревни.

Другую язву тогдашней городской и сельской жизни составляло нищенство, сильно распространенное по всей Руси. Охотниковъ кормиться на чужой счетъ, лѣнтяевъ и дармоѣдовъ всякаго рода, избѣгавшихъ труда, развелось тогда всюду великое множество, въ разсчетѣ на благочестивый обычай русскихъ людей надѣлять нищихъ милостынею. Въ одномъ царскомъ дворцѣ, въ дни поминовенія, кормилось нищихъ около полуторы тысячи человѣкъ. Они гнѣздились во множествѣ по городамъ и монастырямъ, особенно же въ Москвѣ, гдѣ эти нищіе толпами шатались по торговымъ рядамъ и улицамъ. Были на Руси даже цѣлыя селенія, всѣ жители которыхъ сплошь промышляли нищенствомъ, какъ какимъ-нибудь ремесломъ, калѣчили съ этою цѣлью своихъ дѣтей, чтобы возбуждать къ себѣ больше жалости, составляли особые духовные

стихи, для выпрашиванія подаяній, и разъѣзжали по городамъ, селамъ и особенно по ярмаркамъ, за сборомъ обильныхъ подаяній. Нищіе эти были нерѣдко скрытые разбойники, которые въ большихъ городахъ по ночамъ, въ темныхъ и узкихъ улицахъ, убивали кистенями прохожихъ людей и обирали ихъ тѣла. Подобный нищенскій разбойный промыселъ въ самой Москвѣ былъ дѣломъ совершенно обычнымъ, особенно во время святокъ и масляницы: въ эти дни ежегодно подбирали тамъ на улицахъ по нѣскольку десятковъ убитыхъ и свозили ихъ въ убогій домъ, гдѣ сваливали въ одну братскую могилу безъ церковныхъ обрядовъ, и уже въ субботу Пятидесятницы священники отпѣвали ихъ всѣхъ.

Впрочемъ, убійства и драки были въ то грубое время обычнымъ дѣломъ даже между мирными обывателями городовъ и селъ. Самые жестокіе *кулачные бои* были въ обычаѣ повсемѣстно на Руси, особенно въ свободные отъ работы зимніе праздничные дни. Въ бояхъ этихъ участвовало по нѣскольку сотъ человѣкъ; дрались обыкновенно жители одной стороны города или села противъ жителей другой, или какъ тогда говорили, „ходили стѣна на стѣну". При этомъ пускали въ ходъ не только кулаки, но и кистени и дубины. Было также въ обычаѣ у каждаго русскаго человѣка носить постоянно при себѣ остроконечный ножъ, который тоже пускался въ ходъ при дракахъ. Не мудрено поэтому, что русскіе люди не спѣшили на помощь, когда слышали на улицѣ крикъ „караулъ", считая это самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; точно также, изъ любви къ дракамъ, никто не торопился разнимать ссорящихся, а напротивъ каждый самъ вмѣшивался въ драку, чтобы помогать той или другой сторонѣ. Искалѣченные и убитые въ разныхъ бояхъ попадались нерѣдко.

Но самымъ страшнымъ бѣдствіемъ для городовъ и деревень бывали въ старину *пожары*. Причиной ихъ служили отчасти поджоги, производившіеся шлявшимися во множествѣ праздными злонамѣренными людьми, а, главнымъ образомъ, крайнее

нерадѣніе и небрежность въ устройствѣ своихъ жилищъ самими обывателями городовъ и деревень. Въ то время вся Русь, по справедливости, могла назваться *деревянною*. Не только въ селахъ, но даже и въ большихъ городахъ почти всѣ постройки сплошь были деревянныя и, большею частью, съ соломенными крышами. Всѣ дома въ городѣ стояли не на улицу окнами, а помѣщались внутри дворовъ и располагались какъ попало въ безпорядкѣ, по кривымъ улицамъ, выходя на нихъ заборами, сараями и конюшнями. Постройка городскихъ избъ, даже въ Москвѣ, была самая незатѣйливая, мало чѣмъ отличавшаяся отъ деревенской. Избы эти обыкновенно продавались на рынкѣ, въ Китай-городѣ, готовыми, въ видѣ срубовъ. Обыватель покупалъ за деньги готовый срубъ, и приказывалъ везти на мѣсто, гдѣ наскоро его вновь сколачивали. Многія изъ такихъ избъ въ Москвѣ были курныя, безъ трубъ, или же съ деревянными. Самыя мостовыя на московскихъ улицахъ были тоже деревянныя, такъ что во время пожаровъ загорались не только дома, сараи и дворы, но горѣла и самая мостовая. Такимъ образомъ весь городъ подверженъ былъ дѣйствію пламени, и безпрестанно уничтожался пожарами, хотя быстро возобновлялся съ помощью готовыхъ, наскоро сколоченныхъ рыночныхъ избъ. Но, разумѣется, при этихъ пожарахъ часто безвозвратно погибало все имущество жителей и даже люди. Пожары принимали иногда такіе страшные размѣры, что наводили ужасъ на жителей. При одномъ изъ такихъ пожаровъ въ Москвѣ царь Иванъ Васильевичъ Грозный бѣжалъ въ безпамятствѣ изъ столицы и далъ клятву и обѣщаніе измѣнить свою жизнь. Напуганныхъ пожарами больныхъ людей встрѣчалось множество, въ особенности между женщинами. Средствъ для тушенія пожаровъ почти не было, да никакія средства и не могли бы помочь при вышеописанномъ устройствѣ городовъ. Въ деревняхъ же пожары находили для себя еще больше пищи и случались еще чаще. Такимъ образомъ, ежегодно Россія терпѣла огромные убытки отъ пожаровъ.

Не меньшимъ бѣдствіемъ для населенія служили въ то время частые голода и моры, противъ которыхъ тоже не принималось почти никакихъ мѣръ. Къ обработкѣ полей русскіе люди обыкновенно не прилагали никакого искусства, отчего происходили частые неурожаи; запасовъ хлѣба тоже не оставляли, а потому, въ случаяхъ неурожая, множество людей оставались совсѣмъ безъ хлѣба. А такъ какъ правильнаго надзора за торговлей не было, и купцы, во время неурожаевъ, нагло самовольничали, страшно поднимая цѣны на хлѣбъ и дѣлая его совершенно недоступнымъ для бѣдныхъ жителей, то происходили ужасныя голодухи. Кромѣ того, въ торговлѣ разными съѣстными припасами постоянно господствовали обманъ и небрежность. На рынкахъ въ городахъ и селахъ продавались зачастую гнилыя овощи и рыба, или тухлое мясо, и никто на это не обращалъ вниманія. Убойный скотъ рѣзали для продажи тамъ же, гдѣ происходила и самая торговля мясомъ, отчего на рынкахъ стояло страшное зловоніе и зараза. Не лучше того было и на дворахъ и улицахъ городскихъ. За чистотою и порядкомъ въ городѣ никто не наблюдалъ; полиціи не было. Всякій житель, по русскому обыкновенію, хотѣлъ—чистилъ свой дворъ, не хотѣлъ — оставлялъ его въ навозѣ. Навозъ свободно скоплялся на дворахъ и улицахъ. Всякія нечистоты сваливались въ самомъ городѣ, въ ту же рѣку, изъ которой жители брали себѣ воду для питья и кушанья. Грязь и нечистота, вмѣстѣ съ частыми голодами, производили опустошительныя болѣзни. Моровыя повѣтрія нерѣдко свирѣпствовали повсемѣстно и опустошали города и селенія, а иногда и цѣлыя области. Докторовъ не было. Лѣченіемъ занимались повсемѣстно, даже въ самой Москвѣ, простые знахари, которые, по своему невѣжеству, давали часто больнымъ такія зелья, отъ которыхъ тѣ умирали скорой смертью. Аптекъ тоже не было. Лѣкарствами служили разныя простыя народныя средства, а большею частью нашептыванья, наговоры и тому подобное шарлатанство. Поэтому при лѣченіи разныхъ болѣзней русскіе

люди оказывались совершенно безсильными, и многіе больные даже изъ бояръ умирали безъ всякой помощи.

Заботы объ устраненіи всѣхъ этихъ бѣдствій проявляли русскіе государи еще до Петра Великаго, но лишь въ видѣ попытокъ. Такъ изстари государи московскіе выписывали въ Россію иностранныхъ докторовъ, но преимущественно для пользованія только царскаго семейства. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заведена была въ Москвѣ и аптека, изъ которой, однако, можно было получить лѣкарство не иначе, какъ подавши о томъ челобитную самому царю. Впослѣдствіи царь Алексѣй Михаиловичъ дозволилъ покупать лѣкарство свободно, и при немъже была открыта въ Москвѣ вторая аптека. Но лѣкарства въ нихъ были дороги и, по прежнему, народъ покупалъ разныя снадобья и травы въ зеленныхъ лавкахъ и у мужиковъ ходячихъ. Случалось также, что государи спрашивали совѣтовъ у иностранныхъ докторовъ о средствахъ къ прекращенію моровыхъ повѣтрій. Прилагались также старанія и объ устраненіи другихъ неурядицъ въ русской жизни, какъ-то: пожаровъ, разбоевъ, отсутствія удобныхъ сообщеній между городами и проч. Такъ, противъ разбойничьихъ шаекъ иногда высылалось царское войско; при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ появились даже первыя почты въ Россіи. Но всѣ эти мѣры были недостаточны и проходили почти безслѣдно.

Петръ Великій первый ясно сознавалъ всю необходимость и пользу введенія правильнаго благоустройства въ странѣ, и, по своему обыкновенію, онъ со всею силой своей желѣзной воли принялся за это трудное и новое для Россіи дѣло.

Особенное вниманіе государь обратилъ на улучшеніе путей сообщенія, въ которыхъ больше всего нуждалась русская торговля и сельская промышленность. Проницательный умъ Петра и тутъ сразу и вѣрно опредѣлилъ путь для рѣшенія этого вопроса; у него родилась геніальная мысль: воспользоваться громаднымъ протяженіемъ русскихъ судоходныхъ рѣкъ для установленія непрерывнаго сообщенія по нимъ черезъ всю Россію,

Перенесеніе мощей Александра Невскаго въ Петербургъ.

между всѣми пятью русскими морями, лежащими на противоположныхъ окраинахъ Россіи, т. е. между Каспійскимъ, Азовскимъ, Чернымъ, Балтійскимъ и Бѣлымъ морями, въ которыя наши большія рѣки текутъ почти изъ самаго центра Россіи. Вскорѣ послѣ заложенія при рѣкѣ Невѣ, у Балтійскаго моря, города Петербурга, государь, съ цѣлью облегчить подвозъ изнутри Россіи провіанта и разныхъ товаровъ къ этой новой столицѣ, рѣшилъ соединить ее непрерывнымъ воднымъ путемъ съ разными областями Россіи, посредствомъ прорытія канала между верховьями рѣки Волги и верховьями рѣкъ, соединяющихся съ Невою, такъ чтобы Балтійское море, въ которое впадаетъ Нева, соединено было съ Каспійскимъ моремъ, принимающимъ въ себя Волгу. Для этого Петръ указалъ прорыть Вышневолоцкій каналъ на волокѣ между р. Цною и р. Тверцою. Государь при этомъ самолично производилъ изысканія близь г. Вышняго-Волочка, отыскивая наиболѣе удобное направленіе для канала. За самыми работами по устройству Вышневолоцкаго канала Петръ постоянно и зорко слѣдилъ. Какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, государь и въ этомъ дѣлѣ нашелъ себѣ дѣятельнаго и способнаго помощника въ лицѣ русскаго самоучки-инженера, Михаила Ивановича Сердюкова, неутомимо трудившагося вмѣстѣ съ государемъ надъ проведеніемъ канала. Уже въ началѣ нынѣшняго вѣка, одинъ старый крестьянинъ, которому было 120 лѣтъ отъ роду, разсказывалъ, какъ онъ самъ видѣлъ Петра и Сердюкова при занятіи дѣломъ устройства Вышневолоцкаго канала. Каналъ былъ оконченъ въ 1711 году. Затѣмъ, въ 1719 году, по берегамъ рѣкъ Мсты и Волхова велѣно было впервые устроить бичевники, чтобы можно было съ помощью ихъ взводить суда противъ теченія лошадьми. Впослѣдствіи обнаружилось, что на пути изъ Вышневолоцкаго канала въ р. Неву, при проходѣ чрезъ обширное Ладожское озеро, погибаетъ, отъ свирѣпствовавшихъ тамъ бурь, около третьей части всѣхъ судовъ, такъ что въ одномъ 1718 году на озерѣ потонуло болѣе 1000 барокъ. Эти

несчастія съ судами нерѣдко оставляли Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ безъ провіанта и заставляли ожидать подвоза къ столицѣ товаровъ на обозахъ, по санному пути, иногда изъ-за 1000 и болѣе верстъ. Чтобы устранить это важное неудобство для столицы, государь рѣшилъ прорыть новый каналъ, въ обходъ Ладожскаго озера, изъ р. Волхова прямо въ р. Неву. Работа эта требовала огромныхъ средствъ и силъ, такъ какъ приходилось устраивать каналъ на протяженіи около ста верстъ. Но Петръ не останавливался ни передъ какими препятствіями, когда дѣло представлялось необходимымъ. Сначала онъ предположилъ обратить на эту работу тѣ войска, которыя оставались безъ дѣла и получали жалованье даромъ, частью-же людей, нарочно собранныхъ со всего государства по наряду, по одному работнику съ 14 дворовъ. Но вскорѣ государь убѣдился, что нарядъ работниковъ даетъ поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ народа. Тогда Петръ, какъ говорилось въ указѣ, „милосердуя о народѣ", указалъ производить работу по подряду, чрезъ вольнонаемныхъ рабочихъ, назначивъ для этого особый денежный сборъ со всего государства. Работы начались въ 1719 году, и ежегодно надъ устройствомъ Ладожскаго канала трудилось по 12.000 работниковъ, кромѣ солдатъ. Государь часто пріѣзжалъ для наблюденія за прорытіемъ этого канала и нерѣдко собственноручно принималъ участіе въ работахъ на немъ. Дѣло было чрезвычайно трудное и встрѣчало на каждомъ шагу страшныя препятствія; назначенные для этого денежные сборы часто подолгу не поступали въ казну, такъ что не чѣмъ было платить рабочимъ. Отъ нужды и болѣзней рабочіе перемирали. Въ добавокъ, завѣдывавшій постройкою канала, иноземецъ Виніусъ, не смотря на зоркое наблюденіе самого государя, нерѣдко утаивалъ у себя собранныя деньги; пришлось его отставить отъ этого дѣла и назначить другаго ученаго иноземца, Миниха. Этотъ, къ счастію, оказался дѣльнымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ. Съ меньшимъ числомъ рабочихъ и за

нѣсколько разъ меньшую плату, онъ производилъ работу гораздо быстрѣе. Пріѣхавъ однажды на каналъ въ болѣзненномъ состояніи, Петръ съ радостью увидѣлъ, что окончень удачно уже цѣлый участокъ канала, объѣхалъ его, обнялъ Миниха, и благодарилъ его за радѣніе. Возвратившись оттуда въ Петербургъ, Петръ сказалъ императрицѣ: „Я былъ боленъ, но работа Миниха сдѣлала меня здоровымъ; я надѣюсь, со временемъ, съ нимъ ѣхать водою изъ Петербурга и въ Головинскомъ саду при рѣкѣ Яузѣ въ Москвѣ стать“. Однако работы за каналомъ было столько, что онъ былъ оконченъ весь уже послѣ кончины Петра. Кромѣ Вышневолоцкаго и Ладожскаго каналовъ Петръ намѣревался соединить каналомъ р. Тихвинку съ р. Мологою, и еще раньше велѣлъ устроить каналъ между рѣками Камышенской и Иловлей для соединенія р. Волги съ р. Дономъ, т. е. Каспійскаго моря съ Азовскимъ, а также прорыть каналъ между верховьями р. Дона и р. Шатью, впадающею въ Уну, для соединенія Дона съ р. Окою. Государь и здѣсь часто самъ наблюдалъ за постройкою. Но эти послѣдніе каналы впослѣдствіи были оставлены, такъ какъ Азовское море, послѣ Прутскаго похода Петра, перешло въ руки турокъ и Россія была отрѣзана отъ Азовскаго моря. Вообще, въ дѣлѣ постройки каналовъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, преждевременная кончина Петра помѣшала осуществленію многихъ его намѣреній, которыя отчасти выполнены лишь въ наше время. Тѣмъ не менѣе, Петръ опередилъ постройкою каналовъ даже многія западно-европейскія государства, въ которыхъ въ то время только еще собирались приступить къ этому важному дѣлу.

Улучшая водяные пути, государь во все продолженіе своего царствованія обращалъ большое вниманіе и на улучшеніе самыхъ средствъ перевозки по нимъ, т. е. на развитіе и улучшеніе постройки рѣчныхъ судовъ или барокъ. Въ видахъ сбереженія лѣса, Петръ строго запретилъ строить суда топорной работы, изъ нераспиленнаго лѣса, а для совершеннаго

устраненія частой поломки непрочныхъ судовъ, указалъ, въ 1714 году, строить суда прочныя, по даннымъ имъ самимъ образцамъ, и непремѣнно безъ скобокъ, чтобы можно было проконопачивать суда. Изъ судовъ, которыя везли въ Петербургъ провіантъ, велѣно было пропускать въ столицу только тѣ суда, которыя были выстроены по новому образцу. Изданъ былъ даже особый уставъ о новоманерныхъ рѣчныхъ судахъ, называемыхъ „эверами", о томъ, какъ ими управлять и какъ съ ними обращаться. Во всѣ мѣста, гдѣ издавна производилась постройка рѣчныхъ судовъ, посланы были мастера „эвернаго дѣла", изъ русскихъ и иностранцевъ, для наученія жителей постройкѣ судовъ новымъ способомъ. Посланные должны были внушать жителямъ, что это дѣлается для ихъ же пользы, такъ какъ при прежнемъ способѣ постройки происходятъ частыя крушенія судовъ. Суда стараго устройства велѣно было перестроивать, а недостроенныя суда стараго покроя изломать. Потомъ установлено было, чтобы съ новоманерныхъ судовъ брать обыкновенную пошлину, а съ судовъ стараго покроя брать въ первый годъ двойную пошлину, во второй—тройную, и такъ далѣе, увеличивая штрафъ ежегодно. Съ цѣлью расширить судостроеніе, въ разныхъ мѣстахъ по рѣкамъ заведены были новыя верфи, а именно на рѣкахъ: Волховѣ, Свири и Онежскомъ озерѣ, а также въ Московской губерніи—на Дубенской и Нерельской пристаняхъ, на Волгѣ въ Казани, на р. Воронежѣ въ Тавровѣ и на р. Усердѣ. На эти верфи переселены были изъ разныхъ губерній тысячи русскихъ плотниковъ и многіе иностранные мастера, а также множество дворянскихъ дѣтей, для наученія ихъ судостроенію. На всѣхъ этихъ верфяхъ государь часто и самъ бывалъ для наблюденія за судостроеніемъ, и при этомъ всегда собственноручно работалъ надъ постройкою судовъ, показывая собственнымъ примѣромъ, съ какою тщательностью надо строить суда. Хотя русскіе люди, по обыкновенію, всячески уклонялись отъ исполненія царскихъ намѣреній, но труды государя

не могли пропасть даромъ, такъ какъ заботы объ улучшеніи судостроенія въ Россіи съ тѣхъ поръ уже не прекращались и понынѣ.

Петръ положилъ начало и правильному устройству сухопутныхъ большихъ дорогъ. Въ 1712 году государь велѣлъ проложить большую „перспективную“ дорогу отъ Петербурга до Москвы, подъ наблюденіемъ ученыхъ иностранцевъ. Готовясь въ походъ въ Персію, Петръ приказалъ также устроить дорогу отъ Москвы до Царицына. Устроено было много и другихъ грунтовыхъ путей. Всѣ жители провинцій, подъ наблюденіемъ земскаго начальства, обязаны были поддерживать большія дороги. Государь указалъ также, для починки и проложенія новыхъ дорогъ, обложить особымъ налогомъ купечество и всѣ обывательскіе дворы. Разстоянія на дорогахъ были впервые обозначены верстовыми столбами. Въ разстояніи 10 или 20 верстъ по большимъ дорогамъ были устроены отъ правительства постоялые дворы, которые отдавались на откупъ съ правомъ продажи харчей и питій. Государь приказалъ даже вымѣрить, во время зимы, по льду рѣкъ, весь рѣчной путь отъ Москвы до Астрахани, и отъ одного города до другаго по берегу поставить верстовые столбы, по которымъ можно было бы узнать разстояніе между пристанями. Намѣреніе устроить пути сообщенія не покидало Петра до конца его жизни.

Петръ Великій первый также устроилъ, на правильныхъ основаніяхъ, *почту*, для провоза какъ пассажировъ, такъ и писемъ. Во всѣхъ городахъ были учреждены почтовые чиновники, подъ главнымъ завѣдываніемъ петербургской „почтъ-дирекціи“, учрежденной въ 1722 году, вмѣсто прежняго „ямскаго приказа“. Для проѣзда на почтовыхъ лошадяхъ установлено было выправлять отъ мѣстнаго начальства подорожную. Возить почту указано было ямщикамъ, освобожденнымъ отъ всѣхъ податей и отъ воинской повинности и получавшимъ прогонныя деньги. Письменная почта стала ходить между

Петербургомъ и Москвою два раза въ недѣлю, по прочимъ-же городамъ разъ въ недѣлю.

Съ цѣлью обезопасить пути, а равно города и села, отъ лихихъ людей, Петръ крѣпко взялся за разбойниковъ и нищихъ, которыхъ онъ не переставалъ преслѣдовать во все продолженіе своего царствованія. Всѣмъ провинціальнымъ начальникамъ, служилымъ и земскимъ, постоянно подтверждалось строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ уѣздахъ не шлялись гуляющіе люди, способные сдѣлаться ворами и разбойниками. Въ 1719 году разосланъ былъ по всѣмъ губерніямъ, прочитанъ во всѣхъ церквахъ и вывѣшенъ повсюду на видныхъ мѣстахъ—печатный указъ о томъ, чтобы каждый обыватель немедленно объявилъ начальству о замѣченныхъ ворахъ, бѣглыхъ и становщикахъ, державшихъ у себя притоны, или укрывавшихъ воровъ и разбойниковъ. Сельскимъ старостамъ и приказчикамъ, за недонесеніе о пребываніи въ ихъ деревняхъ преступниковъ, угрожала смертная казнь, а старостъ и приказчиковъ тѣхъ селеній, изъ которыхъ окажутся разбойники, велѣно бить кнутомъ за то, что не смотрѣли за своими крестьянами. Помѣщикамъ, за недонесеніе о пребываніи въ ихъ имѣніи воровъ и разбойниковъ, угрожалось отнятіемъ имѣнія, а тѣхъ помѣщиковъ и помѣщичьихъ крестьянъ, которые давали притонъ разбойникамъ, велѣно было вѣшать. Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ стояли на квартирахъ армейскіе полки, командирамъ этихъ полковъ велѣно было, по указанію губернаторовъ и земскихъ провинціальныхъ властей, посылать драгунъ и солдатъ для поимки разбойниковъ. Во многихъ мѣстахъ на ловлю разбойниковъ отправляемы были нарочные сыщики, или военные люди съ отрядами, къ которымъ обязаны были присоединяться на помощь отставные дворяне, дѣти боярскіе, служилые люди и крестьяне. Пойманныхъ воровъ и разбойниковъ приказано было безъ замедленія судить и казнить смертію. Тѣмъ же ворамъ и разбойникамъ, которые сами добровольно приносили повинную, объявлялось, по царскому милосердію, прощеніе.

Ассамблея при Петрѣ Великомъ.

Вдоль польской границы, въ 1723 году, также разставлены были заставы изъ драгунскихъ полковъ, для поимки бѣглыхъ, которые переходили за рубежъ толпами съ ружьями и рогатинами, и грабили и мучили людей по дорогамъ. Даже польскому правительству написано было, чтобы оно, съ своей стороны, назначило комиссаровъ для поимки и отсылки въ Россію укрывавшагося въ Польшѣ русскаго бѣглаго люда. Въ Петербургѣ принимались еще болѣе строгія мѣры противъ воровъ и разбойниковъ, которые укрывались въ сосѣднихъ лѣсахъ, проникали оттуда въ столицу, поджигали дома, днемъ на улицахъ срывали шапки съ прохожихъ, обкрадывали рынки, а ночью часто вырывали изъ могилъ покойниковъ и обдирали ихъ. Однажды, подъ Петербургомъ, собралась шайка разбойниковъ изъ 9.000 человѣкъ, подъ командою какого-то отставнаго полковника, и помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и военные склады и перебить жителей. Въ одно время, въ Петербургѣ разбойники сдѣлались такъ дерзки и безстрашны, что самъ государь вынужденъ былъ кончать свои пиры въ ранній часъ, чтобы гости могли безопасно разъѣхаться по домамъ. Поэтому, для всеобщей охраны, въ большихъ городахъ впервые учреждена была полиція. Въ 1722 г. въ Петербургѣ и Москвѣ учреждены были должности оберъ-полиціймейстеровъ. Кромѣ того, въ Петербургѣ поставлены были по концамъ каждой улицы шлагбаумы, которые опускались полицейской стражей на всю ночь, съ 11 часовъ вечера до утренней зари, и въ теченіе всей ночи пѣшеходы пропускались не иначе, какъ по одному, и притомъ непремѣнно съ фонарями, исключая священниковъ, лекарей и повивальныхъ бабокъ; а чуть шелъ кружокъ, наводившій подозрѣніе, всѣхъ брали подъ караулъ. Велѣно было также уничтожать всѣ подозрительные дома, притоны пьянства, карточной игры и всякаго разврата, забирать „гулающихъ и слоняющихся" людей, которые гнѣздились по кабакамъ, торговымъ банямъ, харчевнямъ, а ночью производили буйства и грабежи.

Петръ хотѣлъ также отучить русскихъ отъ склонности къ ссорамъ и дракамъ: велѣно было не допускать на петербургскихъ улицахъ и рынкахъ дракъ. По всей Россіи былъ изданъ также указъ, запрещавшій всѣмъ носить при себѣ остроконечные ножи. Въ Петербургѣ полиція отличалась особенно строгостью. Генералъ-полиціймейстеръ ежедневно здѣсь сѣкъ кнутомъ человѣкъ по шести и болѣе обоего пола, за буйство и разные проступки. Но главнымъ ужасомъ для всѣхъ воровъ и разбойниковъ въ новой столицѣ былъ князь-кесарь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, завѣдывавшій тайной канцеляріей. Кто попадался его суду, тотъ заранѣе уже долженъ былъ почитать себя погибшимъ. Память о безпощадномъ преслѣдованіи при Петрѣ разбойниковъ сохранилась въ народѣ до сихъ поръ, въ разсказахъ о томъ, какъ государь собственноручно расправлялся съ лихими людьми.

Самыя строгія мѣры были приняты также противъ всякихъ бродягъ и нищихъ, которыми, главнымъ образомъ, пополнялись разбойничьи шайки и которые зачастую сами промышляли тайнымъ воровствомъ и грабежомъ. Не терпя ни въ комъ тунеядства и дармоѣдства, Петръ хотѣлъ, чтобы въ его царствѣ не было нищихъ. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ отмѣнилъ старинный обычай русскихъ государей кормить во дворцѣ нищихъ. За тѣмъ государь издалъ, сначала для Петербурга, а потомъ и на всю Россію, запрещеніе подавать милостыню нищимъ, чѣмъ въ особенности поддерживалось и развивалось въ старину нищенство на Руси. За раздачу нищимъ милостыни назначенъ былъ штрафъ: въ первый разъ—пять рублей, а во второй—десять рублей. Для искорененія нищенства въ Москвѣ велѣно было учредить изъ московскаго гарнизона особыхъ поимщиковъ, которые обязаны были хватать нищую братію и шатавшихся монаховъ и вести ихъ въ монастырскій приказъ. Въ Петербургѣ также указано было брать подъ караулъ всѣхъ нищихъ, шатавшихся по улицамъ, и допрашивать, откуда они и зачѣмъ бродятъ. Пойман-

ныхъ въ первый разъ, по наказаніи батогами, отправляли на родину, или прямо къ тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ они работали прежде; пойманныхъ же во второй разъ, по наказаніи кнутомъ, ссылали: взрослыхъ мужчинъ—на каторгу, а малолѣтнихъ—на суконный дворъ въ работу. Съ хозяевъ, отъ которыхъ ушли эти нищіе во второй разъ, за недостатокъ присмотра за ними, брали штрафъ по 5 рублей за каждаго нищаго. Взятыхъ за нищенство женщинъ отправляли въ работу на полотняныя фабрики.

Но, искореняя праздность и тунеядство, государь, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые озаботился о правильномъ устройствѣ помощи дѣйствительно бѣднымъ и больнымъ людямъ. Для этого велѣно было всѣмъ городскимъ магистратамъ заводить богадѣльни, пріюты и госпитали, куда-бы принимались для призрѣнія завѣдомо бѣдные люди, престарѣлые, неспособные къ работѣ, сирые и увѣчные, и гдѣ надъ ними существовалъ-бы постоянный надзоръ. Для подкидышей впервые указано было устроить госпитали. Для ухода за этими младенцами велѣно пріискать искусныхъ женщинъ. Матерямъ предоставлено приносить младенцевъ въ эти пріюты тайно и класть чрезъ закрытое окно. Для исправленія лѣнтяевъ, нищихъ, гулякъ, непослушныхъ родителямъ дѣтей и расточителей имѣній, велѣно было устроить смирительные дома, а для исправленія дурнаго поведенія женщинъ—прядильные дома. Святѣйшему синоду указано было сочинить наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ подавать милостыню. Въ уставѣ духовной коллегіи, т. е. синоду, говорилось: „Многіе бездѣльники, при совершенномъ здравіи, за лѣностью пускаются на прошеніе милостыни и по міру ходятъ безстудно, иные съ притворнымъ стенаніемъ передъ народомъ поютъ и простыхъ невѣждъ еще вящше обезумливаютъ... по дорогамъ, гдѣ угодно видятъ, разбиваютъ, зажигатели суть... и что еще мѣру превосходитъ безсовѣстіе и безчеловѣчье оныхъ, младенцамъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные члены развращаютъ, чтобъ были

*

прямые нищіе и милосердія достойны". Поэтому, всякій, кто желалъ помогать нищимъ или убогимъ, долженъ былъ отсылать милостыню въ богадѣльни. Штрафы за раздачу милостыни на улицахъ, въ руки нищихъ, шли также на богадѣльни. Въ 1723 году святѣйшій синодъ указалъ, во время богослуженія въ церквахъ, сборъ подаяній собирать въ два кошелька: въ одинъ—на церковныя нужды, а въ другой—на содержаніе больныхъ и неимущихъ. На госпитали отдавались сверхъ того имущества осужденныхъ духовныхъ лицъ и вся выручка съ проданнаго имущества осужденныхъ раскольниковъ. Богатые монастыри должны были также открывать госпитали и богадѣльни на свой счетъ. Такимъ образомъ, искореняя обманное нищенство и склонность къ проживанію на чужой счетъ, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало въ Россіи правильной благотворительности для людей, дѣйствительно неспособныхъ къ труду и нуждающихся въ помощи.

Петръ впервые также ввелъ въ Россіи разныя мѣры противъ пожаровъ, объ уменьшеніи которыхъ онъ ревностно заботился до конца своей жизни. Для предупрежденія опасности отъ пожаровъ, Петръ прежде всего усиленно хлопоталъ, въ теченіе всего своего царствованія, о замѣнѣ въ городахъ деревянныхъ построекъ каменными и о расположеніи ихъ не какъ попало, а по плану, по широкимъ и прямымъ улицамъ, обсаженнымъ по возможности деревьями. Образцомъ въ этомъ отношеніи должна была служить вновь построенная Петромъ столица—Петербургъ. Въ главныхъ частяхъ этого города указано было строить непремѣнно каменныя зданія. По недостатку въ то время кирпичныхъ заводовъ, государь вмѣнилъ въ обязанность строющимся богатымъ людямъ изготовлять кирпичъ на собственный счетъ; каждый обязывался выработать не менѣе милліона кирпичей, подъ опасеніемъ штрафа. На окраинахъ же города бѣднымъ жителямъ дозволялось строить мазанки, на каменномъ фундаментѣ, и только въ крайнихъ случаяхъ дозволялось ставить деревянные домики. По всему Пе-

тербургу запрещено было ставить конюшни и сараи на улицу, какъ это дѣлалось на Руси, а велѣно непремѣнно устраивать ихъ внутри дворовъ, такъ чтобы на улицу обращено было окнами жилое зданіе, печи указано было дѣлать непремѣнно съ высокими кирпичными трубами, а строенія крыть дерномъ, или черепицею. Замѣтивъ, въ 1721 году, на Васильевскомъ островѣ зданія, возведенныя не по плану, государь велѣлъ сломать ихъ, а съ виновныхъ взять по сту рублей штрафа. Всякій домовладѣлецъ долженъ былъ вымостить камнемъ на свой счетъ улицу передъ своимъ домомъ и засадить ее липовыми или другими деревьями. Мощеніе улицъ въ Петербургѣ было исполнено быстро, не смотря на то, что мостовая обходилась домовладѣльцамъ не дешево. Булыжный камень съ трудомъ находили въ окрестностяхъ Петербурга, и то въ недостаточномъ количествѣ, а потому велѣно было на всякомъ возу, въѣзжавшемъ въ Петербургъ съ товаромъ, и на каждой баркѣ, приплывавшей по Невѣ къ городу, привозить опредѣленное число штукъ камней, набранныхъ на пути, и сгружать ихъ въ городѣ. Всякую четверть года, у всѣхъ жителей велѣно было осматривать печи и бани; въ лѣтнее время топить избы и бани дозволялось только разъ въ недѣлю.

По примѣру Петербурга, должна была перестроиться и Москва. Послѣ случившагося въ Москвѣ пожара, государь запретилъ ставить тамъ деревянные дома и, подъ опасеніемъ штрафа, приказалъ непремѣнно строить каменные дома, обращенные окнами на улицу, и каменныя же надворныя постройки. Если-же кто не могъ строить кирпичныхъ домовъ, тотъ долженъ былъ ставить глиняныя мазанки, по образцу, который нарочно далъ самъ государь въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. Въ отдаленныхъ частяхъ города дозволялось строить и деревянные дома, но непремѣнно съ глинянымъ потолкомъ, и чтобы печи были поставлены на землѣ, а не на мосткахъ, и устроены такъ, чтобы огонь не доходилъ до стѣны. Черныхъ избъ безъ трубъ или съ деревянными трубами отнюдь не доз-

волялось болѣе строить въ Москвѣ, а существуюшія велѣно сломать. Вмѣсто прежней деревянной мостовой, непрочной, неудобной для ѣзды и опасной во время пожаровъ, приказано было мостить московскія улицы дикимъ камнемъ. Для этого купцы и посадскіе люди должны были на свой счетъ возить камень, а крестьяне, приходя въ Москву, должны были непремѣнно приносить съ собою не менѣе трехъ камней и отдавать ихъ у городскихъ воротъ городскимъ цѣловальникамъ. Такъ какъ москвичи, по русскому обыкновенію, постоянно уклонялись отъ исполненія царскихъ указовъ, то Петръ, въ 1722 году, назначилъ для нихъ четырехлѣтній срокъ, въ продолженіе котораго московскіе обыватели должны были непремѣнно выстроить каменные дома и покрыть ихъ гонтомъ. Для этого приказано было собрать въ Москву изъ Малороссіи мастеровъ, умѣющихъ дѣлать гонтовыя крыши; они должны были безплатно обучать этому крестьянъ, которыхъ помѣщики пожелаютъ отдать въ обученіе.

Но не одна Москва должна была перестраиваться по новому, но и другіе русскіе города. Въ 1714 году всѣмъ губернаторамъ было объявлено, чтобы съ будущаго за тѣмъ года начались строиться каменные дома по всѣмъ городамъ. Во всѣхъ монастыряхъ, гдѣ будутъ производиться новыя постройки, приказано было также непремѣнно строить всѣ зданія изъ камня и изъ кирпича, а не изъ дерева. Въ Новгородѣ, послѣ бывшаго тамъ въ 1722 году пожара, велѣно было вновь разбить улицы по плану, широкія и прямыя, и ставить дома на нихъ правильно, какъ въ Петербургѣ.

Петръ издалъ также замѣчательныя правила о сельскихъ постройкахъ, имѣющія значеніе и понынѣ. По этимъ правиламъ, между прочимъ, слѣдовало оставлять въ деревняхъ подъ улицы широкія пространства и обсаживать ихъ деревьями; между дворами велѣно оставлять пустое мѣсто въ 5 саженъ. Но указъ царскій, по обыкновенію, плохо исполнялся; крестьяне продолжали строиться по прежнему, какъ попало. Въ

1722 году въ Россіи погорѣло множество селъ. Государь приказалъ отстроить погорѣвшія села не иначе, какъ по изданнымъ правиламъ о сельскихъ постройкахъ. Въ 1724 году Петръ издалъ подтвердительный указъ, чтобы помѣщики непремѣнно принуждали крестьянъ строиться по плану. Вообще, указанія государя относительно благоустройства жизни исполнялись въ точности только въ Петербургѣ, благодаря его постоянному личному присутствію здѣсь. За то въ Петербургѣ и пожары перестали быть тѣмъ страшнымъ бѣдствіемъ, какимъ они являлись изстари для всей остальной Россіи. Хотя и въ Петербургѣ пожары случались часто, почти каждую недѣлю, но они кончались здѣсь скоро, вслѣдствіе новаго способа устройства домовъ, а также благодаря впервые учрежденной здѣсь Петромъ пожарной командѣ. Государь завелъ для Петербурга четыре пожарныхъ трубы, по одной для каждой части города. Въ пожарную команду были зачислены солдаты, плотники и люди разныхъ чиновъ и званій, не исключая вельможъ. Всякій долженъ былъ являться на пожаръ по очереди, и для каждаго назначено было, по особому росписанію, съ какимъ именно инструментомъ приходить на пожаръ: съ топоромъ, ведромъ, или инымъ снярядомъ. Государь строго слѣдилъ за исправнымъ отбываніемъ всѣми этой повинности; за неаккуратное исполненіе пожарной службы, или за уклоненіе отъ нея, угрожалось тяжкимъ наказаніемъ. Всякій долженъ былъ неуклонно спѣшить на помощь противъ общественнаго бѣдствія. Самъ Петръ всегда являлся на пожары, наряду со всѣми, и неустрашимо работалъ собственноручно въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, что вчужѣ становилось жутко. За то при немъ въ Петербургѣ почти никогда не сгорало разомъ больше двухъ домовъ.

По случаю обычныхъ въ то время на Руси неурожаевъ и голодухъ, Петръ усердно заботился о введеніи разныхъ мѣръ, изъ которыхъ важнѣйшею было повелѣніе устроить въ селеніяхъ по всей Россіи *хлѣбные магазины*, въ которыхъ бы

жители хранили въ складчину часть урожая, на случай голоднаго времени. Но, по привычкѣ къ жизни на авось и по обычному нерадѣнію объ общей пользѣ, русскіе люди не спѣшили исполнять это мудрое повелѣніе государя. Однако, Петръ до конца своей жизни не переставалъ подтверждать указами о необходимости заведенія хлѣбныхъ магазиновъ. Кромѣ того, государь строго запретилъ, чтобы торговцы не смѣли пользоваться народнымъ бѣдствіемъ и назначать безбожныя цѣны на провіантъ въ неурожайные годы; съ этой цѣлію были изданы строгія правила противъ повышенія цѣнъ на съѣстные припасы, въ видахъ охраненія покупателей отъ стачекъ между алчными купцами. Когда-же дѣйствительно наступалъ голодъ, тогда Петръ прибѣгалъ уже къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Такъ, въ 1722 году, по случаю большаго хлѣбнаго недорода, для облегченія народнаго бѣдствія, велѣно было со всѣхъ чиновниковъ вычитать одну четверть изъ получаемаго ими жалованья и удерживать всѣ слѣдующія имъ наградныя деньги. Хлѣбные запасы у помѣщиковъ, за исключеніемъ необходимаго количества на обсѣмененіе помѣщичьихъ и крестьянскихъ полей, приказано было отобрать и раздать неимущимъ на пропитаніе, съ тѣмъ, чтобы они послѣ возвращали безъ всякой отговорки. Велѣно было также отобрать хлѣбъ у купцовъ и промышленниковъ, скупавшихъ его для продажи по высокой цѣнѣ, и давать имъ вырученныя за продажу деньги въ такомъ количествѣ, чтобы они не могли получать прибыли больше одной гривны на рубль. Кромѣ того, разрѣшено было привозить хлѣбъ изъ-за-границы безплатно. Въ концѣ своего царствованія, государь приказалъ устроить при камеръ-коллегіи особую контору, для принятія мѣръ на будущее время въ случаѣ неурожая.

Неутомимо также боролся Петръ противъ тѣхъ моровыхъ повѣтрій, которыя часто съ необычайною силою свирѣпствовали на Руси, какъ вслѣдствіе постоянно повторявшихся голодовокъ, такъ и въ особенности по причинѣ господствовавшей

въ русскихъ городахъ и селеніяхъ крайней нечистоты и неопрятности. Государь и противъ этихъ болѣзней и смертности намѣтилъ вѣрнѣйшія средства, необходимость которыхъ люди вполнѣ сознали только въ наше время. Образцомъ всѣхъ мѣропріятій, принимаемыхъ для оздоровленія населенныхъ мѣстъ, служилъ Петербургъ, въ которомъ государь завелъ съ этой цѣлью неслыханные до того времени на Руси порядки. Петръ строжайше предписалъ, чтобы всѣ улицы и переулки въ городѣ сохранялись въ чистотѣ и сухости. Подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, запрещалось выбрасывать на улицы мертвыя тѣла животныхъ и всякій соръ, или выпускать на улицу домашній скотъ, который портилъ мостовыя и деревья. По старой привычкѣ, мясники въ Петербургѣ завели-было бойни въ самомъ городѣ, на рѣчкѣ Мойкѣ, и стали бросать въ нее внутренности животныхъ, такъ что невозможно было приблизиться къ рѣчкѣ, отъ страшнаго зловонія. Государь велѣлъ немедленно выселить бойни дальше отъ жилыхъ мѣстъ, за пильныя мельницы. Было строго также воспрещено сваливать въ рѣки всякія нечистоты и соръ, а за нарушеніе этого правила служителямъ всякаго дома, хотя-бы и самой высокой персоны, угрожалось наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ каторжную работу. По всѣмъ малымъ рѣчкамъ и каналамъ въ городѣ воспрещалось ѣздить зимою на саняхъ или верхомъ, чтобы не засаривать ихъ навозомъ. Русскіе люди полагали до этого, что о чистотѣ надобно заботиться только въ своихъ комнатахъ, объ опрятномъ-же содержаніи улицъ и даже цѣлаго города они и не слыхивали никогда, а потому, вопреки царскому запрещенію, продолжали по прежнему выбрасывать соръ и всякую падаль на улицу, Тогда Петръ приказалъ завести, для вывоза нечистотъ, особыхъ лошадей и при нихъ рабочихъ изъ рекрутъ и взятыхъ гулящихъ людей. Для сохраненія въ городѣ постоянной чистоты и порядка, запрещено было на проѣзжихъ улицахъ и у мостовъ черезъ рѣки устраивать торговые шалаши, точно также воспрещалось

всѣмъ возамъ, прибывавшимъ въ городъ съ сѣномъ, дровами и разными сельскими произведеніями, останавливаться для торговли гдѣ попало, какъ это вездѣ на Руси дѣлалось, а приказано было отводить имъ на рынкахъ особыя мѣста. Торговцамъ съѣстными припасами предписывалось соблюдать въ лавкахъ чистоту и быть одѣтыми постоянно чисто, „въ бѣлые мундиры"; при этомъ имъ указано было не поднимать самовольно цѣнъ и не продавать ничего не свѣжаго или вреднаго для здоровья, подъ опасеніемъ за первый разъ—кнута, за второй—каторги, а за третій—смертной казни. Запрещена была даже шибкая ѣзда на улицахъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, а у кого была охота скакать взапуски, для тѣхъ отводилось особое мѣсто за городомъ.

Съ 1721 года въ Петербургѣ впервые также введено было освѣщеніе улицъ, для чего велѣно было устроить на Васильевскомъ островѣ 595 фонарей. Съ цѣлью наблюденія за здоровьемъ жителей, полиціи предписано было узнавать о всѣхъ пріѣзжавшихъ въ городъ, и всѣ жители обязаны были о каждомъ больномъ заразительною болѣзнію немедленно доносить въ канцелярію полиціймейстера. Кромѣ того, для леченія бѣдныхъ больныхъ впервые были заведены въ Петербургѣ больницы, а для военныхъ—морской и сухопутный госпитали. Помимо докторовъ-иностранцевъ, къ госпиталямъ были приставлены и русскіе лѣкари. Самъ государь, ради поощренія русскихъ людей къ занятіямъ врачебнымъ искусствомъ и для искорененія въ нихъ недовѣрія къ лѣкарямъ, не разъ принималъ непосредственное участіе въ лѣченіи больныхъ, основательно изучивши за-границей медицинскія науки, подъ руководствомъ знаменитыхъ докторовъ. Петръ до конца своей жизни не переставалъ самъ заниматься врачебнымъ дѣломъ. Онъ постоянно носилъ при себѣ футляръ съ хирургическими инструментами: лопаточку для растиранія пластыря, ножницы, щупъ для ранъ, клещи для выдергиванія зубовъ, ланцетъ для кровопусканія, анатомическій ножъ и проч. Государь былъ

самымъ искуснымъ помощникомъ своего придворнаго доктора Термонта, и не хуже его вскрывалъ трупы, пускалъ кровь, дѣлалъ порѣзы и выдергивалъ зубы. Ему всегда должны были давать знать, когда въ госпиталѣ, или въ частномъ домѣ, предстояла какая нибудь операція. Однажды государь приказалъ откладывать вскрытіе утонувшаго въ Невѣ трупа придворнаго пажа до тѣхъ поръ, пока время позволяло ему самому присутствовать при вскрытіи трупа. Въ госпиталяхъ онъ собственноручно дѣлалъ перевязки разнымъ солдатамъ. Къ нему всякій могъ обращаться за помощью отъ зубной боли; такъ, однажды, онъ охотно согласился выдернуть зубъ женѣ своего камердинера, а въ другой разъ — служанкѣ одного голландскаго купца. Но особенно важную операцію Петръ сдѣлалъ надъ женою другого голландскаго купца: онъ выпустилъ ей воду изъ живота въ количествѣ двадцати фунтовъ. Правда, государь не могъ спасти ей жизни, но все-таки самая операція произведена была имъ съ большимъ искусствомъ, и больная умерла лишь на девятый день. Государь самъ шелъ за ея гробомъ. Вообще, Петръ, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, не одними только указами старался ввести въ новой столицѣ правильную врачебную помощь жителямъ, но и собственнымъ примѣромъ. И далеко не объ одномъ Петербургѣ заботился государь. Имъ были приняты также мѣры къ оздоровленію Москвы и вообще всѣхъ поселеній Россіи. Въ Москвѣ, отъ накопившейся въ ней вѣками грязи, народу помирало столько, что въ одномъ 1703 году умершихъ было на 2000 человѣкъ больше, нежели родившихся, т. е. населеніе Москвы прямо убывало. Петръ, наконецъ, запретилъ москвичамъ, подъ страхомъ пени, бросать на улицу падаль и соръ, выливать на нихъ нечистоты и заваливать рѣки навозомъ. На рынкахъ, въ мясныхъ рядахъ, велѣно было не допускать продажи испорченнаго мяса, или отъ больной скотины, а также гнилой рыбы. Съ этой цѣлію запрещено было мясникамъ производить свой промыселъ тайно. Продавцамъ съѣстныхъ припасовъ, для

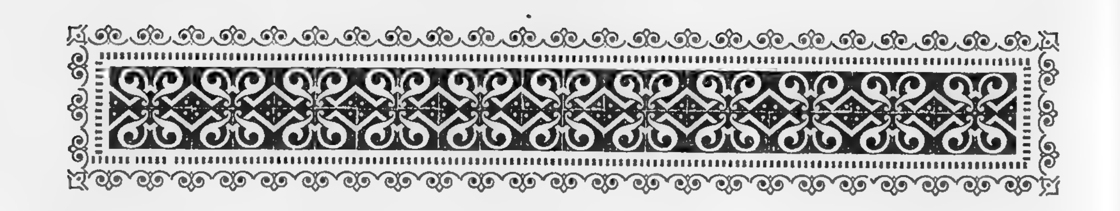
предохраненія послѣднихъ отъ пыли, приказано было покрывать свои шалаши рогожами, а полки—холстомъ. Московскихъ калачниковъ обязали для опрятности носить бѣлые балахоны. Указано было также закрыть въ Москвѣ всѣ зеленныя лавки, гдѣ изстари продавались, подъ видомъ цѣлебныхъ снадобій, разныя непотребныя травы, отъ которыхъ люди быстро умирали; запрещено было продавать снадобья и мужикамъ ходячимъ. Вмѣсто того, Петръ велѣлъ открыть въ Москвѣ 8 аптекъ, изъ которыхъ двѣ существовали тамъ еще раньше. Указано было также построить въ Москвѣ, на доходы монастырскіе, госпиталь, для безплатнаго пользованія больныхъ.

Не ограничиваясь заботами объ оздоровленіи Москвы, служившей, по многолюдству ея населенія, главнымъ очагомъ заразы, Петръ издалъ также важныя для народнаго здравія постановленія для всей Россіи, сохранившія свою силу и до настоящаго времени. Въ 1723 году состоялся указъ о запрещеніи хоронить умершихъ при церквахъ, близь жилыхъ мѣстъ, а велѣно погребать ихъ только на особыхъ кладбищахъ, или въ монастыряхъ. Во избѣжаніе случаевъ погребенія мнимоумершихъ, приказано было хоронить умершихъ не раньше трехъ дней. Объявлено было также по всей Россіи, что всякій невѣжда, незнающій медицинскихъ наукъ, который возьмется лѣчить больныхъ и сдѣлаетъ имъ вредъ, будетъ казненъ смертію. Для перваго примѣра былъ отправленъ въ ссылку на каторгу одинъ дворовый человѣкъ, который далъ своему боярину, Петру Салтыкову, страдавшему безсонницею, такого лѣкарства, отъ котораго тотъ заснулъ на вѣки.

Петръ положилъ начало и правильному устройству вообще медицинской части въ Россіи. Всѣ врачи и аптекари, съ ихъ аптеками, по всей Россіи, были подчинены главной медицинской конторѣ, учрежденной въ Петербургѣ. По всѣмъ губерніямъ, въ городахъ велѣно было устроить больницы, или госпитали для бѣдныхъ больныхъ и раненыхъ. На содержаніе ихъ положено обратить сборъ въ церквахъ съ вѣнечныхъ па-

мятей, собираемыхъ при вѣнчаніи, а также деньги, выручаемыя отъ продажи свѣчей въ церквахъ. На тотъ-же предметъ велѣно употреблять и неокладные доходы въ губерніяхъ. За пожалованіе въ чинъ дьяка, велѣно взыскивать на госпитали по сту рублей. Наконецъ, въ 1721 году, на содержаніе богадѣленъ и госпиталей установлено вычитать изъ жалованья всѣхъ чиновниковъ, кромѣ солдатъ, по копѣйки съ рубля въ годъ. Въ 1720 году, по случаю появленія моровой язвы въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, государь издалъ впервые постановленія объ охранительныхъ мѣрахъ отъ заразныхъ болѣзней. Губернаторы, при первомъ извѣстіи о появленіи мороваго повѣтрія, должны были немедленно устроивать заставы, для задержанія ѣдущихъ изъ зараженныхъ мѣстъ, на срокъ до шести недѣль, не дозволяя имъ ни съ кѣмъ сообщаться. Даже письма, шедшія черезъ заставу, велѣно задерживать. Зараженныя уже мѣста велѣно оцѣплять карауломъ и никого оттуда не выпускать, а равно и туда впускать. Дома, въ которыхъ были больные заразительною болѣзнію, приказано сожигать, а обитателей ихъ выводить съ домашнимъ скотомъ и рухлядью. Для оказанія-же помощи жителямъ зараженныхъ мѣстностей велѣно посылать докторовъ и опытныхъ людей.

Изыскивая всѣ способы для пользованія больныхъ, Петръ, по примѣру европейскихъ странъ, открылъ также впервые въ Россіи *минеральныя воды*. Такія воды были найдены въ Олонцѣ, и Петръ, для примѣра, самъ первый пользовался ими. Но старинные русскіе люди, относившіеся съ недовѣріемъ ко всякой новизнѣ, начали разсказывать разныя небылицы про открытыя Олонецкія воды, такъ что государь вынужденъ былъ издать грозный указъ, строго запрещавшій „порочить“ минеральныя воды. Вообще, Петръ встрѣчалъ на каждомъ шагу всевозможныя препятствія въ своихъ заботахъ о народномъ здравіи, какъ и во всѣхъ другихъ своихъ преобразованіяхъ; но онъ твердо и неуклонно продолжалъ добиваться своей цѣли, и успѣлъ на всегда намѣтить тотъ путь къ народному здравію, по которому и понынѣ идетъ Россія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Старинная жизнь русской семьи.—Затворничество женщинъ.—Грубость мужскихъ нравовъ.—Гоненіе на бороды и старую одежду.—Ассамблеи.—Перемѣна лѣтосчисленія.

Добиваясь блага и счастья для русскаго народа, Петръ старался все направить къ этой цѣли, не пренебрегая при этомъ даже тѣмъ, что казалось другимъ мелочнымъ и повидимому не стоющимъ вниманія. Искореняя въ русскихъ людяхъ рознь, непривычку къ подчиненію, пренебреженіе къ общей пользѣ, самомнѣніе и нерадѣніе о собственной жизни, государь всюду преслѣдовалъ эти пороки, не только въ государственномъ быту, но и въ общественномъ и даже въ частномъ быту. Въ жизни все имѣетъ связь между собою. Поэтому Петръ Великій, измѣняя одно, не могъ не затронуть и многаго другаго. Государь видѣлъ, какъ глубоко укоренились въ русскихъ людахъ разныя дурныя привычки и какъ привычки эти проникли всюду, даже въ домашній и семейный бытъ старинныхъ русскихъ людей. Проницательный умъ Петра скоро сознаълъ, что если не искоренить дурныхъ привычекъ въ самой частной жизни русскихъ людей, то безуспѣшны будутъ и всѣ его государственныя и общественныя преобразованія, потому что старыя привычки въ людяхъ будутъ питаться и поддерживаться прежнимъ ихъ домашнимъ и се-

мейнымъ бытомъ. Петръ хотѣлъ уничтожить всѣ препятствія къ преобразованію Русскаго государства, къ созданію изъ русскихъ людей полезныхъ и дѣятельныхъ гражданъ. Поэтому онъ вознамѣрился измѣнить самый домашній и семейный бытъ русскихъ людей.

Благоустройство государственное и общественное держится не только на законѣ, общественныхъ правилахъ и просвѣщеніи, но и на правильномъ устройствѣ семейнаго быта гражданъ, на добрыхъ нравахъ ихъ жизни. Особенно важное значеніе для государственнаго благоустройства имѣетъ семья, которая собственно и даетъ, воспитываетъ гражданъ, членовъ государства. Поэтому изъ дурной семьи нельзя ожидать хорошихъ, благонадежныхъ гражданъ. Между тѣмъ, старинная русская семья не отличалась правильнымъ, разумнымъ устройствомъ. Хорошаго въ ней было только одно, это—преданность православной церкви; въ этой преданности строго воспитывались члены каждаго семейства и, благодаря ей, семья русская держалась крѣпко, среди всѣхъ невзгодъ и бѣдствій, постигавшихъ Русскую землю. Но за то въ семьѣ русской успѣло накопиться много обычаевъ, не свойственныхъ православному народу. Многовѣковая жизнь русскаго народа, во время татарщины, въ сосѣдствѣ и общеніи съ азіатскими народами и въ отчужденіи отъ образованныхъ христіанскихъ народовъ, внесла въ домашніе русскіе обычаи много азіатскаго. Оттого и семейная жизнь русскихъ людей основана была не на уваженіи и любви членовъ ея другъ къ другу, а на насиліи и страхѣ. Отецъ или глава семейства распоряжался всею семьею по своему произволу, не подчиняясь самъ ни божескимъ законамъ, ни человѣческимъ. Даже мать семейства и вообще женщина въ семьѣ не пользовалась уваженіемъ и почетомъ. Во всѣхъ сословіяхъ, даже въ высшемъ боярскомъ, мужья одинаково имѣли въ то время варварское обыкновеніе: *учить* жену *плетью*. Мало того, въ русскомъ боярскомъ сословіи, по азіатскому обыкновенію, женщины

вовсе были удалены изъ общества мужчинъ и заключены въ *терема*, гдѣ проводили жизнь въ праздности и скукѣ. Мужчины одни сходились въ гости, а женщины, даже матери семействъ, могли показываться среди гостей только для того, чтобы въ видѣ слуги или рабыни подать гостю съ низкимъ поклономъ чарку вина. Въ обыкновенное же время, жена и дочери боярскія проводили время въ терему, въ обществѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, занимаясь пряденьемъ, или вышиваньемъ. Изъ дому онѣ могли выѣзжать не иначе, какъ въ закрытыхъ колымагахъ, съ завѣшенными окнами, окруженныя толпою холоповъ. При выходѣ изъ дому на улицу, по азіатскому обычаю, онѣ должны были закрывать себѣ лицо фатою. Даже въ царской семьѣ женщины вели затворническую жизнь, внутри теремовъ. Кромѣ самыхъ близкихъ людей, царевенъ никто никогда не видалъ; даже доктора лечили ихъ по разсказамъ прислужницъ. Когда же приходилось имъ въ Кремлѣ идти въ церковь, то на этотъ разъ запирали кремлевскія ворота и никого не впускали въ Кремль. Жителямъ самого Кремля запрещалось на это время выходить на улицу, а чтобы и изъ оконъ домовъ нельзя было видѣть царицы, или царевень, то передъ ними несли ширмы. Выѣзжали онѣ за городъ также въ закрытыхъ экипажахъ. Разъ, когда мать Петра Великаго, царица Наталія Кирилловна, во время въѣзда иноземнаго посла въ Москву, рѣшилась стать у открытаго окна, чтобы показаться народу и посмотрѣть на торжество, то народъ, проходя мимо, не смѣлъ смотрѣть на нее и опускалъ глаза внизъ. Царевны замужъ не выходили, потому что за подданныхъ было не въ обычаѣ, а за иноземныхъ принцевъ не позволяла вѣра.

Браки, въ боярскомъ и прочихъ сословіяхъ русскаго народа, устраивались не по сердечной склонности жениха, а по волѣ самихъ родителей, при чемъ о согласіи молодыхъ людей не спрашивали. Женихъ обыкновенно до самаго окончанія свадьбы вовсе и не видѣлъ своей невѣсты. Оттого при заключеніи браковъ между боярами случались иногда обманы; напримѣръ,

когда родственница жениха пріѣзжала смотрѣть невѣсту, то показывали ей, вмѣсто дочери, красивую служанку или-же ставили подъ вѣнецъ, вмѣсто той дочери, за которую сватались, другую дочь, отличавшуюся какимъ-нибудь недостаткомъ. При такихъ порядкахъ браки рѣдко могли быть счастливы, да и въ самой семьѣ не могло быть ладу. Неуваженіе другъ къ другу, грубость въ обращеніи и драки постоянно сказывались въ семейномъ быту. Выросшіе въ такихъ семьяхъ, подъ страхомъ плети, дѣти тоже съ пеленокъ заражались грубостью, склонностью къ насилію. Особенно сильно проявлялась эта грубость нравовъ во время пировъ, на которыхъ могли присутствовать только мужчины. Не стѣсняемые присутствіемъ женщинъ, мужчины полагали все свое веселье въ питьѣ, ѣдѣ и буйствѣ. Умѣренности тогда ни въ чемъ не знали. Пиршества, обыкновенно, бывали длинны, тянулись цѣлый день, а иногда и два-три дня подъ рядъ, безъ перерыва. Всякій званый боярскій обѣдъ долженъ былъ отличаться чрезвычайнымъ множествомъ кушаній и напитковъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него „гостьба толсто-трапезна“. Онъ старался напоить гостей до того, чтобъ ихъ отвезли домой замертво пьяными. Кто мало пилъ, или ѣлъ, тотъ огорчалъ хозяина. Къ концу обѣда, гости, не желавшіе болѣе пить, притворялись, обыкновенно, пьяными, дабы въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Но ихъ заставляли пить насильно, иногда даже побоями. Не мудрено, поэтому, что тогда вошло въ обычай, чтобы хозяинъ на другой день послѣ званнаго обѣда посылалъ дворецкаго узнавать о здоровьѣ гостей. Во хмѣлю, на пирахъ, сказывалась настоящая натура русскихъ людей: они неумѣренно шумѣли, произносили непристойныя слова, придирались другъ къ другу, бранились, дрались. Недаромъ тогда, вмѣсто слова „хмѣленъ“, говорили „шуменъ“.

Не скупясь на званыхъ обѣдахъ на угощеніе гостей, даже насильно, виномъ и кушаньями, бояре, однако, были крайне скупы на ласковое обращеніе съ посѣтителями по какому ни-

будь дѣлу. Всякій такой посѣтитель, русскій или иноземецъ, вздумавшій пріѣхать по дѣлу къ русскому боярину, не могъ тотчасъ видѣть его, а долженъ былъ мерзнуть на дворѣ и дожидаться, когда хозяинъ выйдетъ по своимъ дѣламъ на свой дворъ, и на привѣтствіе посѣтителя скажетъ: „чего тебѣ нужно, я отъ тебя ничего не желаю", или, спросивши у посѣтителя объ его отечествѣ, говорилъ ему: „такой земли я не знаю; ступай себѣ къ тѣмъ, къ кому посланъ". Случалось даже, что иныхъ иноземцевъ-посѣтителей связывали на дворѣ и жестоко сѣкли. За то, когда бояринъ замѣчалъ, что самъ царь съ какимъ нибудь изъ иноземцевъ былъ ласковъ, то и онъ начиналъ уже всячески унижаться передъ этимъ иноземцемъ. Нисколько не заботясь о пристойномъ обращеніи, русскіе бояре, не говоря уже о прочихъ сословіяхъ, еще меньше заботились о пристойности своего вида, объ опрятности и чистотѣ. Самая одежда русскихъ бояръ значительно отличала ихъ отъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ и нерѣдко служила для иностранцевъ предметомъ празднаго любопытства и обидныхъ насмѣшекъ. Бояре, равно какъ и служилые русскіе люди, носили богатую одежду, азіатскаго покроя, мало удобную для работы, не соотвѣтствовавшую простотѣ русскаго характера и приноровленную къ праздной и лѣнивой жизни. Волосы на головѣ бояре подстригали довольно коротко, но бороды никогда не подстригали, и чѣмъ она была длиннѣе, тѣмъ считалась почетнѣе; подстригать или брить бороду, равно какъ и носить короткое платье, почиталось нечестіемъ и ересью. Особенно священнымъ обычаемъ считалось ношеніе бороды. Бритье бороды называлось „развратнымъ, скареднымъ дѣломъ", „еллинскимъ, блудническимъ, гнуснымъ обычаемъ", „еретическимъ безобразіемъ, уподобляющимъ человѣка котамъ и псамъ". Даже общеніе съ бритыми людьми считалось грѣховнымъ. Надъ бритыми иноземцами всѣ смѣялись.

Но сами русскіе люди не замѣчали своихъ недостатковъ. Такъ, кармановъ въ русскомъ платьѣ не было, а потому бояринъ,

или служилый человѣкъ пряталъ платокъ въ шапку, а ножъ, бумагу и другія вещи — въ сапогъ за голенище, деньги же брали въ ротъ. При наклонности старинныхъ русскихъ людей къ неопрятности, особенно послѣ сильной выпивки, дорогая, тяжелая и неудобная одежда ихъ казалась иноземцамъ еще болѣе соблазнительною. Поэтому, наружность русскихъ бояръ не только вызывала насмѣшки и осужденіе со стороны иностранцевъ, но въ значительной степени содѣйствовала отчужденію другихъ народовъ отъ русскихъ. Даже родственные намъ по вѣрѣ и по племени южные славяне порицали русскій „строй власовъ, брады и платья“, считая „остуднымъ мужу устроиться бисеромъ“, называя русское боярское платье „показующимъ мягкоту и распуту женскую“, „непригоднымъ къ храбрости“, свойственнымъ „варварскимъ народамъ“. Русскій бояринъ заграницей, осмѣиваемый иноземцами, возбуждалъ къ себѣ въ славянахъ жалость, и они усердно совѣтовали русскимъ боярамъ перемѣнить азіатское платье, чтобы не лишиться уваженія другихъ христіанскихъ народовъ. Верхняя женская одежда русскихъ боярынь и боярышень, надѣваемая по-верхъ рукавовъ и сарафана, походила отчасти на мужскую, имѣя тоже азіатскій покрой. Между всѣми русскими женщинами чрезвычайно былъ также распространенъ восточный обычай бѣлиться и румяниться.

Кромѣ обильной ѣды и выпивки, другихъ какихъ-либо общественныхъ увеселеній наши предки почти не знали. Всякій сидѣлъ въ своемъ углу. Было только одно мѣсто, куда сходились всѣ, знакомые и незнакомые,—это церковь Божія, по выходѣ изъ которой опять всѣ расходились по своимъ угламъ. Для какихъ-либо мірскихъ, общественныхъ собраній, или увеселеній, не было заведено мѣста, и никто объ этомъ и не думалъ. Тогда говорили, что въ театръ ѣздить—значитъ „бѣса тѣшить“. Вообще всякія мірскія забавы, хотя бы и невинныя, считались тогда, по монастырскому правилу, грѣхомъ, достойнымъ высшаго наказанія въ аду, и преслѣдовались ду-

ховенствомъ. Считалось даже нечестіемъ и ересью ѣздить въ повозкѣ съ дышломъ. За куренье или нюханье табака рѣзали носы и били кнутомъ. Табакъ называли „богомерзкою травою“, „проклятымъ зельемъ“. Конечно, на дѣлѣ русскіе люди не отказывались ни отъ какихъ увеселеній и забавъ; даже куреніе табака было распространено въ тайнѣ до такой степени, что самые бѣдные люди покупали его на послѣднюю копѣйку. Но большею частью разнымъ забавамъ предавались только въ пьяномъ видѣ, отчего многія невинныя въ сущности увеселенія обращались часто въ грубыя и непристойныя гульбища. Поэтому и самое охужденіе старинными людьми мірскихъ увеселеній было только притворное и казалось постороннимъ людямъ лицемѣріемъ и ханжествомъ.

Такимъ образомъ, и въ частномъ быту старинныхъ русскихъ людей сказывался недостатокъ добрыхъ нравовъ, искренности и другихъ качествъ, необходимыхъ для каждаго хорошаго гражданина. Въ самой приверженности бояръ къ отрощенію бородъ и къ роскошному, длинному и широкому платью какъ-бы выражалась привычка ихъ къ распущенности и нерадѣнію. Поэтому, государи и многіе лучшіе русскіе люди изстари обращали вниманіе на исправленіе этихъ недостатковъ русскихъ людей. Такъ, еще отецъ царя Ивана Грознаго, великій князь московскій Василій Ивановичъ, пытался собственнымъ примѣромъ поощрить бояръ къ бритью бородъ. При Иванѣ Грозномъ было обращено особое вниманіе на исправленіе грубыхъ семейныхъ и общественныхъ обычаевъ русскихъ людей, о чемъ много разсуждалось тогда на Стоглавомъ и Земскомъ соборахъ.

При царѣ Борисѣ Годуновѣ нѣкоторые русскіе люди сами уже начали брить себѣ бороды. Послѣдовавшее, затѣмъ, нашествіе поляковъ на Москву еще болѣе способствовало распространенію этого обычая на Руси. Знаменитый бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, двоюродный братъ царя Михаила Ѳеодоровича, первый началъ одѣвать своихъ слугъ въ западно-

европейское платье, и самъ иногда являлся ко двору въ польской одеждѣ. Самъ царь Алексѣй Михаиловичъ, какъ мы уже видѣли выше, дозволялъ заморскимъ актерамъ тѣшить свое царское величество театральными представленіями и музыкою. Его супруга, царица Наталія Кирилловна, также начала иногда показываться народу и выѣзжать въ открытомъ экипажѣ. Другъ и главный совѣтникъ царя, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, отличался еще большею любовью къ новымъ обычаямъ. Домъ его былъ украшенъ многими предметами домашняго обихода, заимствованными у Западной Европы. По вступленіи на престолъ старшаго сына царя Алексѣя, Θеодора Алексѣевича, у знатныхъ московскихъ бояръ появилась даже „мода“ стричъ волосы по-польски, брить бороды, носить сабли и кунтуши польскіе. Самъ царь Θеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ, чтобы всѣ дворяне и приказные люди носили короткіе кафтаны, вмѣсто прежнихъ длинныхъ „охобней“ и „однорядковъ“, въ которыхъ запрещено было являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Царевнамъ также разрѣшено было показываться при дворѣ, смотрѣть на театральныя представленія и знакомиться со свѣтомъ и съ тѣмъ, что̀ дѣлается въ свѣтѣ. Царевна Софія Алексѣевна даже сама стала сочинять комедіи. Во время ея правленія особенною любовью къ новымъ обычаямъ отличался умный и просвѣщенный князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Онъ восхищалъ даже иностранцевъ непривычнымъ въ то время въ русскихъ боярахъ умѣньемъ сдерживать себя, учтивостью и вѣжливостью обращенія. Онъ вовсе не пилъ водки, и когда разъ, по русскому обычаю, подалъ иноземцу-гостю чарку „зелена вина“, то не только не настаивалъ на выпитіе этой чарки, но еще самъ отсовѣтывалъ и пробовать водку. Голицынъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ, украшенномъ европейской мебелью, картинами, статуями, часами боевыми и столовыми и другими предметами, составлявшими чрезвычайную рѣдкость въ домѣ русскаго боярина того времени.

Но, не смотря на постепенно усиливавшееся, повидимому, распространеніе новыхъ обычаевъ, прежняя грубость нравовъ на Руси держалась, однако, крѣпко. Въ сущности, появлялись лишь рѣдкіе отдѣльные люди, добровольно соглашавшіеся на перемѣну прежнихъ грубыхъ обычаевъ. Въ остальныхъ же русскихъ людяхъ, даже неволею и царскими указами, какъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, нельзя было поколебать приверженности къ стариннымъ нравамъ и привычкамъ. Главнымъ образомъ измѣненію нравовъ и принятію новыхъ обычаевъ препятствовали, въ то время, особыя понятія о благочестіи стариннаго русскаго духовенства, не охотно подчинявшагося гражданскимъ порядкамъ и постоянно старавшагося, съ своей стороны, вмѣшиваться въ чисто-мірскую жизнь. Еще при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ московское духовенство сильно возстало противъ бритья бородъ. Въ смутное время знаменитый инокъ Троицко-Сергіева монастыря Авраамій Палицынъ также усердно ратовалъ противъ этого нововведенія, говоря, что, „старые мужи брады свои постризаху, во юноши премѣняхуся“. Патріархъ Никонъ, настоявшій на исправленіи церковныхъ книгъ, не терпѣлъ, однако, никакихъ перемѣнъ въ русскомъ платьѣ. Даже у боярина Никиты Ивановича Романова онъ вытребовалъ иноземныя одежды и уничтожилъ ихъ. Послѣ него, патріархъ Іоакимъ еще сильнѣе сталъ ратовать противъ брадобритія и отлучалъ отъ церкви не только тѣхъ, которые брили бороду, но и тѣхъ, кто имѣлъ общеніе съ ними. Преемникъ Іоакима, патріархъ Адріанъ, продолжалъ преслѣдовать бритье бородъ, говоря, что брадобрейцы станутъ на страшномъ судѣ не съ праведниками, украшенными брадою, а съ бритыми еретиками. Извѣстный протопопъ Аввакумъ точно также, однажды, не хотѣлъ благословить боярина Матвѣя Шереметева, выбрившаго себѣ бороду. Такимъ образомъ, даже высшіе пастыри духовные не умѣли въ то время отличать простаго житейскаго обычая отъ дѣла вѣры. Остальные же русскіе люди, отличавшіеся еще мень-

шимъ просвѣщеніемъ, и подавно почитали грѣхомъ и ересью всякую перемѣну въ гражданскихъ нравахъ, или въ одеждѣ. Бояре не хотѣли даже вѣрить, когда имъ разсказывали, что какой-либо изъ вельможъ сбрилъ себѣ бороду. Всякаго приверженца новыхъ обычаевъ русскіе люди ненавидѣли. Даже самъ царь Алексѣй Михаиловичъ, любившій потѣшаться музыкою и представленіями иноземныхъ актеровъ, стоялъ, однако за бороду, и отрѣшилъ отъ мѣста князя Кольцова-Масальскаго за то, что тотъ подрѣзалъ у себя волосы. Тогда-же былъ изданъ указъ, строго воспрещавшій „перенимать иноземскіе нѣмецкіе и иные извычаи, постригать волосовъ, носить платье, кафтаны и шапки съ иноземныхъ образцовъ“.

Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича о бритьѣ бородъ и ношеніи короткой одежды вызвалъ также сильный ропотъ противъ этого нововведенія, среди духовенства, бояръ и простого народа. Такимъ образомъ, даже царскіе указы о перемѣнѣ обычаевъ оставались безъ исполненія. Разумѣется, за это нельзя было строго винить ни духовенство, ни вообще русскихъ людей. Напротивъ, въ необычайной преданности ихъ стариннымъ русскимъ нравамъ и обычаямъ сказывалась отчасти крѣпкая любовь ихъ къ своей народности. При крайней темнотѣ старинныхъ русскихъ людей, они только своею непоколебимою преданностью русскимъ нравамъ и обычаямъ, равно какъ и внѣшнимъ обрядамъ православной церкви, могли съ успѣхомъ охранять свою народность отъ духовнаго порабощенія иноземцами. Они какъ бы сознавали, что темному русскому человѣку слѣдуетъ только сдѣлать одинъ шагъ къ перемѣнѣ, къ заимствованію у иноземцевъ, хотя бы и въ мелочахъ, и онъ уже не сможетъ удержаться отъ новыхъ перемѣнъ, не съумѣетъ остановиться во время и уклониться отъ такихъ заимствованій, которыя могутъ повести къ потерѣ русской народности. Поэтому, чтобы привязать крѣпче русскаго человѣка къ его народности, старинные русскіе люди какъ-бы освятили всѣ прежніе свои мірскіе обычаи, почти на ряду съ церковными

обрядами. Поэтому же и государи русскіе, хотя отчасти сознавали вредъ многихъ изъ старинныхъ обычаевъ, однако, постоянно колебались въ перемѣнѣ ихъ, и то разрѣшали брить бороды, носить короткое платье и т. п., то опять запрещали. Такимъ колебаніямъ нельзя было предвидѣть и конца.

Петръ Великій, какъ государь необыкновенно мудрый, смотрѣвшій всегда на суть дѣла, а не на видимость, сразу понялъ, что народность состоитъ не въ одних наружныхъ внѣшнихъ обрядахъ, но и въ духѣ народа, въ его исторіи, вѣрѣ, духовной самобытности. Поэтому Петръ рѣшился охранять русскую народность не соблюденіемъ только старинныхъ обычаевъ и нравовъ, а распространеніемъ широкаго самобытнаго просвѣщенія въ русскомъ народѣ, и развитіемъ прочнаго внѣшняго могущества русскаго государства. Съ другой стороны, Петръ Великій съ прискорбіемъ видѣлъ, что приверженность къ старинѣ часто служила русскимъ людямъ только предлогомъ для неподчиненія и уклоненія отъ исполненія царскихъ указовъ. Ссылаясь на святость старинныхъ обычаевъ, иные русскіе люди знать болѣе ничего не хотѣли, ничему болѣе не желали подчиняться и не думали ни о какихъ необходимыхъ улучшеніяхъ своей жизни. Особенно приверженность бояръ къ отрощенію бородъ и старому боярскому платью часто служила для многихъ изъ нихъ предлогомъ къ удержанію и всѣхъ своихъ прежнихъ грубыхъ нравовъ и обычаевъ. Не желая разставаться съ бородою и платьемъ, они не хотѣли покидать и прежнихъ своихъ привычекъ къ распущенности, къ которой, такъ сказать, прилажена была самая ихъ внѣшность. Петръ Великій все это видѣлъ, и разсчитывалъ, что бояринъ, начавши разъ брить бороду и перемѣнивши свое платье на болѣе удобное, тѣмъ самымъ обнаружитъ уже хотя нѣкоторую склонность къ улучшенію своей жизни, нѣкоторое подчиненіе извѣстнымъ требованіямъ.

Онъ не опасался вреда для русской народности отъ измѣненія разныхъ старинныхъ привычекъ и домашнихъ обычаевъ,

такъ какъ народность состоитъ, конечно, не въ чьей-либо бородѣ и не въ боярскомъ платьѣ. Напротивъ, Петръ вознамѣрился, почти при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе государствомъ, начать свои преобразованія именно съ измѣненія этихъ частныхъ обычаевъ, какъ бы желая этимъ заставить русскихъ людей сдѣлать первый шагъ къ улучшенію, прежде всего, во второстепенныхъ, менѣе важныхъ вещахъ. Вообще, Петръ Великій, какъ мудрый государь, никогда ничего не дѣлалъ безъ цѣли, по одному капризу, или изъ-за того, что онъ такъ хотѣлъ, или такъ ему нравилось. Напротивъ, всѣ его поступки всегда основывались на какой-нибудь серьезной мысли, или преслѣдовали какую-нибудь опредѣленную цѣль. Точно такъ же онъ дѣйствовалъ и по отношенію ко многимъ русскимъ обычаямъ. Петръ Великій все хотѣлъ подчинить общей пользѣ—благу государства и всего народа. Намѣреваясь измѣнить внѣшность русскихъ служилыхъ людей, онъ чрезъ это хотѣлъ прежде всего хотя по виду сблизить ихъ съ западно-европейцами, чуждавшимися русскихъ и относившимися съ неуваженіемъ къ самой ихъ внѣшности. Съ другой стороны, Петръ видѣлъ въ одеждѣ несомнѣнное проявленіе привычекъ людей. Не даромъ лѣнивый и полусонный азіатецъ носитъ халатъ, т. е. длинное спальное платье. Старинная одежда русскихъ бояръ тоже не соотвѣтствовала дѣятельной, трудовой жизни. Поэтому Петръ, призывавшій всѣ сословія русскаго народа къ неустанной работѣ на пользу государства, рѣшился перемѣнить и прежнюю, широкую и длинную одежду бояръ на короткую и болѣе удобную для работы. Петръ Великій, почти при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе государствомъ, и началъ съ этого обновленіе русскаго человѣка. Случившійся тогда, во время перваго путешествія Петра за-границей, крайне опасный для государства бунтъ стрѣльцовъ, ратовавшихъ за царевну Софію и за старинныя русскія привычки, заставилъ Петра взяться за дѣло быстро и круто.

Еще передъ возвращеніемъ Петра изъ-за-границы, санов-

ники московскіе какъ бы уже предчувствовали перемѣну въ молодомъ царѣ, до того времени почти не вмѣшивавшемся въ управленіе государствомъ. Бояре были въ сильномъ волненіи. Они собирались по два раза въ день для совѣщаній; въ разныхъ приказахъ происходили повѣрки. 25 августа 1698 года, вечеромъ, Петръ прибылъ изъ-за-границы въ Москву и тотчасъ же отправился въ любимое мѣсто своего пребыванія, въ подмосковное село Преображенское. На другой день, рано утромъ, въ Преображенскій дворецъ явились московскіе сановники и разные знатные и незначительные люди поклониться государю. Петръ ласково со всѣми поздоровался, со многими близкими людьми обнялся и поцѣловался, милостиво разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ нихъ, но тутъ же, къ неописанному изумленію всѣхъ присутствующихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды. Сначала онъ остригъ бороду генералиссимусу Шеину, потомъ князю Кесарю Ромодановскому, а потомъ и прочимъ вельможамъ, не тронувъ только двухъ самыхъ почтенныхъ стариковъ—Стрѣшнева и Черкасскаго. Дней черезъ пять, по случаю Новаго года, къ генералиссимусу Шеину собралось множество гостей, между которыми было не мало и бородачей. На пиръ прибылъ и государь. Онъ былъ веселъ, много шутилъ и, по старинному русскому обычаю, раздавалъ по случаю новолѣтія яблоки. Но среди всеобщаго веселья, царскій шутъ, явившійся неожиданно съ ножницами въ рукахъ, вдругъ сталъ хватать за бороду то того, то другого, и мигомъ обрѣзывалъ имъ бороды. Три дня спустя, на вечерѣ у Лефорта уже не видно было бородачей.

Скоро дошла очередь и до „охабней“ и „однорядковъ“. Въ февралѣ 1699 года, на другомъ пиру, Петръ, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ гостей были непомѣтно длинные рукава, взялъ ножницы и собственноручно обрѣзалъ ими рукава, сказавъ, что такое платье мѣшаетъ работать и такими длинными рукавами легко задѣть и опрокинуть что-нибудь. Послѣ этого повелѣно было царскимъ указомъ, „для славы и красоты го-

сударства и воинскаго управленія“, всѣмъ дворянамъ, приказнымъ людямъ и всему войску — брить бороды и носить шапки, сапоги и короткое платье иноземнаго покроя, „чтобы было къ воинскому дѣлу пристойное“, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ; всѣмъ женамъ и дочерямъ дворянъ и служилыхъ людей велѣно было также носить платье, шапки и башмаки иноземнаго покроя. А чтобы никто не отговаривался неумѣньемъ изготовить такое платье, въ Москвѣ, у городскихъ воротъ и въ другихъ модныхъ мѣстахъ, были выставлены чучелы, т. е. образцы новаго платья. Съ ослушниковъ царскаго указа велѣно было взыскивать особую, довольно значительную пошлину или денежный штрафъ. Такимъ образомъ, всякій, не сбрившій бороды, или не снявшій стариннаго платья, долженъ былъ, при появленіи на улицѣ, платить штрафъ особымъ цѣловальникамъ, поставленнымъ у городскихъ воротъ. На рынкахъ строго воспрещалось продавать сапоги, платье и сѣдла прежняго образца. Только духовныя лица и крестьяне могли не брить бороды и одѣваться по прежнему. Жены же священнослужителей и причетниковъ не увольнялись отъ ношенія новой одежды.

Близкіе къ государю люди скоро привыкли къ новому платью. Изъ женскаго пола сестры царя первыя начали одѣваться въ иноземное платье. Но вообще царскій указъ объ одеждѣ, какъ и всѣ другіе, плохо исполнялся русскими людьми. Даже московскія боярыни долго послѣ того щеголяли въ нѣмецкихъ платьяхъ только на глазахъ государя, а какъ только онъ уѣзжалъ изъ Москвы, то тотчасъ же надѣвали старинное платье. Мужчины, по своему обыкновенію, тоже постоянно прибѣгали къ обходу царскаго указа, и, не желая разставаться съ бородою, не сбривали ее, а только слегка подстригали. Все это не могло укрыться отъ глазъ царя. Грозными указами онъ не разъ подтверждалъ свое распоряженіе о бритьѣ бородъ и ношеніи одежды новаго покроя. За ношеніе бороды установлено было взимать въ казну ежегодно съ каждаго бо-

родача большой выкупъ, въ удостовѣреніе чего выдавалась ему особая металлическая бляха, называвшаяся „бородовымъ знакомъ“. Кромѣ того, всѣ бородачи должны были носить особый зипунъ, со стоячимъ клееным козыремъ; раскольники же, для отличія отъ обыкновенныхъ бородачей, должны были носить козырь красный. За несоблюденіе всѣхъ этихъ распоряженій взимался особый штрафъ, въ противномъ же случаѣ цѣловальники и караульные солдаты брали ослушниковъ и представляли начальству. Иногда, такимъ образомъ, набиралось подъ карауломъ множество бородачей, не хотѣвшихъ заплатить штрафа и разстаться съ бородою. Царь приказывалъ имъ всѣмъ выбривать бороды и освобождать на поруки. Всю свою жизнь Петръ не переставалъ бороться противъ этихъ ослушниковъ. Еще незадолго до своей кончины, въ 1724 году, онъ велѣлъ обязать бородачей, для ихъ отличія, носить особые мѣдные знаки, а женамъ ихъ указано было одѣвать опашни и шапки со старинными рогами.

Настойчиво добиваясь перемѣны боярскаго и служилаго платья, Петръ, однако, избѣжалъ ошибки въ этомъ дѣлѣ прежнихъ нововводителей. Замѣчательно, что до Петра Великаго, вслѣдствіе близости къ Россіи Польскаго королевства, русскіе нововводители иноземнаго платья отдавали исключительное предпочтеніе польской одеждѣ. Эта исключительность представлялась небезопасною для русской народности. Петръ же не желалъ поддѣлываться подъ какой-бы то ни было отдѣльный народъ, а потому не отдавалъ предпочтенія одеждѣ какого-нибудь одного народа, а тѣмъ болѣе польской: онъ старался ввести на Руси смѣшанную одежду — венгерскую, нѣмецкую, французскую, какъ-бы предоставляя этимъ русскому дѣловому человѣку самому подобрать и выработать себѣ, по своему собственному нраву, наиболѣе удобное и подходящее платье.

Не ограничиваясь заботою объ улучшеніи русской одежды и вообще внѣшняго вида русскихъ людей, Петръ старался

измѣнить къ лучшему и самыя жилища русскихъ людей. Онъ указалъ строить въ городахъ дома на европейскій образецъ, съ большими окнами изъ стеколъ, обращенными не на дворъ, а на улицу, и съ болѣе удобнымъ внутреннимъ убранствомъ ихъ. Ставить на улицу конюшни и сараи было воспрещено. Такимъ образомъ, Петръ какъ бы и здѣсь преслѣдовалъ старинную привычку русскихъ людей къ темнотѣ и розни, къ сидѣнью по своимъ угламъ и нежеланію знать, что̀ дѣлается на улицѣ и на бѣломъ свѣтѣ.

Петръ Великій рѣшился совсѣмъ вытащить русскаго человѣка, безъ различія пола, изъ его темнаго угла на свѣтъ божій, въ общество ему подобныхъ людей, чтобы постепенно и во всемъ вырабатывалась въ нихъ способность къ общенію другъ съ другомъ, къ согласію между собою и къ подчиненію правиламъ общежитія. Государь приказалъ, чтобы на свадьбахъ и всякихъ общественныхъ увеселеніяхъ, женщины находились вмѣстѣ съ мужчинами, а не особо, какъ то дѣлалось прежде, и чтобы на подобныхъ собраніяхъ была музыка и танцы. Для примѣра своимъ подданнымъ, государь самъ часто ѣздилъ на свадьбы, устраивалъ разныя забавы, и заохочивалъ лицъ обоего пола къ обращенію между собою. Тѣ, которые добровольно не хотѣли веселиться сообща, наказывались денежною пенею. Живя каждый самъ по себѣ, русскіе люди не могли пріучаться подчиняться чему-либо; начавъ же появляться въ обществѣ, они должны были поневолѣ сообразоваться въ своемъ поведеніи съ понятіями другихъ людей и съ тѣми правилами, которыхъ держится каждое общество. Петръ завелъ даже особыя мѣста для общественныхъ мірскихъ собраній. Построивъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ театры для всѣхъ, онъ приказалъ ѣздить на театральныя представленія не однимъ мужчинамъ, но и ихъ женамъ и дочерямъ, безъ фаты и покрывала. Самъ Петръ не былъ большимъ охотникомъ до театра, но въ примѣръ другимъ часто ѣздилъ туда съ своимъ семействомъ, гдѣ для него была устроена особая „свѣтлица“, т. е. ложа

Поощряя всякія собранія, Петръ велѣлъ съ этою цѣлію устроить въ Петербургѣ первый въ Россіи трактиръ, куда самъ любилъ заходить по праздникамъ и встрѣчаться тамъ съ тѣмъ или другимъ посѣтителемъ, для бесѣды за кружкою пива. Съ тою же цѣлью пріученія русскихъ людей проводить время вмѣстѣ, Петръ, по примѣру французовъ, завелъ въ Петербургѣ особыя вечернія собранія или балы, называвшіеся тогда „ассамблеями“. Вмѣсто прежнихъ обѣдовъ и вечеринокъ, отдѣльно для лицъ мужскаго пола, начинавшяхся многоядѣніемъ и попойкою и кончавшихся шумомъ или дракою, государь установилъ собираться вмѣстѣ лицамъ обоего пола, для пріятнаго и невиннаго препровожденія времени, съ строгимъ соблюденіемъ правилъ обходительности и вѣжливости. „Ассамблеи“ эти были установлены особымъ указомъ с.-петербургскому генералъ-полиціймейстеру. Въ указѣ этомъ Петръ объяснялъ: „Ассамблея—слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное въ которомъ домѣ собраніе или съѣздъ дѣлается, не только для забавы, но и для дѣла; ибо тутъ можетъ другъ друга видѣть и о всякой нуждѣ переговорить, также слышать, чтó гдѣ дѣлается, при томъ же и забава“. Государь самъ росписалъ очереди, когда въ чьемъ домѣ должно быть ассамблеѣ, не исключивъ изъ очереди и самого себя, и установилъ подробныя правила, какимъ образомъ отправлять ассамблеи. Объ ассамблеяхъ обыкновенно возвѣщалось жителямъ Петербурга барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ и прибитыми къ фонарнымъ столбамъ объявленіями, въ которыхъ хозяинъ того дома, гдѣ устроивалась ассамблея, хотя бы то былъ и самъ государь, извѣщалъ, что всякому вольно пріѣзжать на ассамблею, какъ дворянамъ, офицерамъ, знатнымъ приказнымъ, купцамъ и начальнымъ мастеровымъ людямъ, такъ и ихъ женамъ и дочерямъ, и даже духовнымъ лицамъ. Начиналась ассамблея не ранѣе 4-хъ часовъ пополудни и продолжалась не позже 10-ти часовъ. Генералъ-

полиціймейстеръ обязанъ былъ заранѣе явиться къ хозяину дома, чтобы записывать, кто не пріѣдетъ на ассамблею. Самъ хозяинъ не долженъ былъ никого ни встрѣтить, ни провожать, ни подчивать гостей, и могъ даже совсѣмъ не быть въ это время дома, а обязанъ былъ только приготовить покои, свѣчи, питье для утоленія жажды и столы съ разными играми. Только лакеямъ, которыхъ государь вообще не жаловалъ, воспрещалось входить въ эти покои, а указывалось быть въ сѣняхъ. Каждый изъ гостей воленъ былъ пріѣзжать и уѣзжать, когда ему угодно, лишь бы не раньше и не позже установленнаго времени, и проводить время на ассамблеѣ по своему усмотрѣнію—сидѣть, ходить, играть, танцовать, вести бесѣду, какъ кому нравится, и никто не долженъ былъ препятствовать ему или принуждать его; не велѣно было также ни вставать передъ кѣмъ-бы то ни было, ни провожать, а только при пріѣздѣ и отъѣздѣ почтить поклономъ. Вообще, указывалось быть на ассамблеѣ безъ всякихъ чиновъ, и никому ничѣмъ не досаждать. За неподчиненіе же правиламъ ассамблеи угрожалось каждому, кто бы онъ ни былъ, штрафомъ „Великаго Орла“: такъ Петръ называлъ огромный кубокъ съ виномъ, изъ котораго виновный въ нарушеніи приличій обязывался выпить залпомъ, все до дна; отъ осушенія этого кубка или „Орла“ виновный не освобождался никакими причинами или оправданіями. Первая ассамблея была въ Петербургѣ 7-го декабря 1718 года, въ домѣ генералъ-адмирала Апраксина. Спустя три года, ассамблеи были заведены и въ Москвѣ. Свои очередныя ассамблеи государь давалъ зимою въ почтовомъ домѣ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ, а лѣтомъ—въ Лѣтнемъ саду. Петръ являлся на ассамблею обыкновенно въ 6 часовъ, а нѣсколько позже пріѣзжала государыня съ царевнами. Передъ начатіемъ самого бала, хозяинъ дома, по установленному правилу, подносилъ одной изъ дамъ, по своему выбору, букетъ цвѣтовъ, бронзовый вызолоченный жезлъ и перчатку, въ знакъ владычества, давая тѣмъ знать, что въ

свѣтскомъ обществѣ господство принадлежитъ женщинѣ. Послѣ этого дама принимала названіе „царицы бала", подзывала къ себѣ по собственному выбору кавалера, приказывала ему стать на колѣни, посвящала его, чрезъ приложеніе двухъ своихъ пальцевъ къ его щекѣ, въ „маршалы бала", и затѣмъ передавала ему жезлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть свою. Маршалъ обязанъ былъ исполнять безъ отговорки всѣ повелѣнія своей „царицы". Затѣмъ, подъ управленіемъ маршала и подъ звуки стройной музыки, начинались танцы, въ промежутокъ между которыми дамамъ разносили чай, кофе, медъ, варенья, шоколадъ и лимонадъ. Танцы составляли главное увеселеніе на ассамблеяхъ. Первыми учителями русскихъ дамъ и кавалеровъ въ танцахъ были плѣнные шведскіе офицеры. Самъ Петръ, равно какъ и его супруга Екатерина, умѣлъ ловко и проворно танцовать, иногда онъ даже самъ управлялъ танцами, становясь въ первой парѣ, хотя и не былъ большимъ охотникомъ до танцевъ.

Любя, однако, по чисто-русской своей натурѣ, веселье, Петръ былъ великій мастеръ устроивать забавы. Онъ даже изобрѣлъ свой собственный танецъ, въ которомъ отъ 60 до 100 человѣкъ, сначала подъ звуки похороннаго марша, двигались тихо погребальнымъ шествіемъ, а потомъ вдругъ, по знаку маршальскаго жезла, музыка переходила въ веселую, дамы бросали своихъ кавалеровъ и брали новыхъ между нетанцовавшими, кавалеры ловили своихъ дамъ, или искали другихъ; поднималась суматоха, бѣготня, смѣхъ, какъ будто играли въ жмурки; самъ Петръ и его супруга Екатерина не освобождали себя отъ этого: за ними бѣгали, какъ и за всѣми другими; сами они ловили другихъ; наконецъ, по новому знаку маршала, все опять быстро приходило въ порядокъ, и тѣ, кто къ этому времени остался безъ дамы, подвергались наказанію: осушенію „большаго" или „малаго орла". Въ то время, когда въ однихъ покояхъ происходили, такимъ образомъ, танцы, въ другихъ комнатахъ курили табакъ, или вели бесѣду

Петръ I спасаетъ погибавшихъ людей на Лахтѣ.

за бутылкою вина, играли въ фанты, въ шашки и шахматы; не допускалась на ассамблеяхъ только карточная игра, которой Петръ терпѣть не могъ; любимой его игрой были шахматы, въ которыхъ онъ почти не зналъ себѣ равнаго. Въ концѣ ассамблеи, „царица бала“ торжественно отдавала букетъ цвѣтовъ тому кавалеру, въ домѣ котораго она хотѣла танцовать въ слѣдующій разъ.

Всѣ эти небывалыя прежде на Руси увеселенія, разумѣется, не сразу привились къ русскому обществу. Въ глазахъ старинныхъ русскихъ людей танцы сначала казались увеселеніемъ непристойнымъ. Дамы и кавалеры на ассамблеяхъ долго дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоровъ, и послѣ каждаго танца тотчасъ же расходились въ разныя стороны. По словамъ очевидцевъ, вначалѣ на ассамблеяхъ „всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга“. Точно также, русскія дамы на первыхъ порахъ долгое время выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, на что эти послѣдніе очень обижались. Проявлялась также на ассамблеяхъ и прежняя грубость нравовъ. Хозяева, устраивавшіе ассамблею, по старому обычаю, часто старались угостить гостя водкою, виномъ и закусками, и, стремясь перещеголять другъ друга роскошью угощенія, обыкновенно напивались сами и напаивали гостей своихъ до-пьяна.

Неумѣніе держать себя въ обществѣ и подчиняться правиламъ приличія, давало себя знать на каждомъ шагу. Однажды, на пиру у кесаря Ромодановскаго, князь Долгорукій при всѣхъ разругался съ хозяиномъ, схватился съ нимъ за волосы, и оба били другъ друга кулаками съ полчаса, и никто ихъ не разнималъ. Въ другой разъ, къ сестрѣ князя Меншикова присватался петербургскій полиціймейстеръ Девіеръ; будучи о себѣ самого высокаго мнѣнія, Меншиковъ такъ оскорбился дерзостью Девіера, что велѣлъ его связать и жестоко высѣчь. Подобная дикость нравовъ заставила государя приняться за обученіе русскихъ людей самымъ необходимымъ правиламъ

обходительности, вѣжливости и опрятности, чтобы никто не вводилъ въ соблазнъ своимъ поведеніемъ постороннихъ людей. Съ этою цѣлью Петръ повелѣлъ составить и напечатать книгу: „Юности честное зерцало, или показаніе къ житейскому обхожденію“. Въ этой книгѣ, кромѣ букваря, содержались также наставленія о сохраненіи въ чистотѣ ногтей и рта, запрещеніе громко чихать, сморкаться и плевать, указанія прилично стоять, сидѣть, ходить, ѣсть и пить, кланяться и проч... Книга эта была большою новостью для русскихъ людей, издавалась нѣсколько разъ и быстро расходилась въ публикѣ. Петръ вынужденъ былъ также издать особый указъ для своихъ царедворцевъ, чтобы они не заваливались во дворцѣ на кровати въ сапогахъ. Вообще, еслибы самъ государь не присматривалъ на первыхъ порахъ за ассамблеями и не руководилъ бы ими со свойственной ему энергіей, то онѣ скоро обратились бы въ старинное русское многоядѣніе съ попойками и драками. Прежняя грубость нравовъ въ особенности стала смягчаться, мало по малу, подъ вліяніемъ присутствія въ мужскомъ обществѣ женщинъ. Нѣкоторыя изъ русскихъ дамъ скоро привыкли къ „людскости“ и почти не уступали иностранкамъ въ обращеніи и свѣтскости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними преимущество. Сама супруга государя, императрица Екатерина, замѣчательно также умѣла всегда поддержать приличіе и достоинство въ общественныхъ увеселеніяхъ и придать имъ нѣкоторую пріятность.

Кромѣ описанныхъ выше собраній, Петръ старался часто устроивать еще многія другія общественныя увеселенія, или празднества. Поводомъ для нихъ служило всякое радостное событіе: спускъ на воду новопостроеннаго корабля, годовщина побѣды или заключенія мира, имянины въ царскомъ семействѣ и т. под. Петръ какъ бы старался возможно чаще предоставлять русскимъ людямъ случаи выходить изъ дому на свѣтъ божій и сходиться вмѣстѣ. И въ этомъ отношеніи государь былъ также неистощимъ на выдумки. То онъ устроивалъ

маскарады съ торжественной процессіей по улицамъ, то придумывалъ водяныя прогулки за городъ на взморье, и проч. Простой народъ также участвовалъ во всѣхъ этихъ празднествахъ: для народа обыкновенно выкатывались на улицу бочки съ пивомъ и виномъ. Вообще Петръ ни для кого не жалѣлъ угощенія, безъ котораго русскіе люди неохотно собирались вмѣстѣ. Пользуясь этими всеобщими сборищами, Петръ всегда старался придать празднествамъ какой-нибудь особый, поучительный для всѣхъ смыслъ: водяными прогулками онъ старался пріучить русскихъ людей къ мореплаванію и ознакомить ихъ съ устройствомъ судовъ и съ управленіемъ ими; въ маскарадахъ и процессіяхъ онъ осмѣивалъ какіе-нибудь прежніе вредные обычаи, или знакомилъ съ одеждою и обычаями иноземныхъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Но главною цѣлію всѣхъ этихъ общественныхъ увеселеній было пріученіе русскихъ людей къ жизни въ обществѣ, а не въ одиночку. Надо замѣтить, что ни одно празднество или увеселеніе не устроивалось Петромъ безъ того, чтобы онъ не составилъ для него собственноручно особыхъ подробныхъ правилъ, которымъ обязаны были подчиняться безпрекословно всѣ участвовавшіе въ празднествѣ.

Петръ хотѣлъ также уничтожить въ русскихъ людяхъ привычку къ раздорамъ и насилію въ самомъ корнѣ — въ семьѣ, въ которой воспитываются и изъ которой выходятъ граждане. Государь постановилъ, чтобы молодые люди вступали въ бракъ по своей доброй волѣ, безъ принужденія отъ родителей. Узнавши, что родители принуждаютъ къ браку своихъ дѣтей, а помѣщики — крѣпостныхъ, Петръ указалъ, чтобы, предъ вѣнчаніемъ, родители и господа вступающихъ въ бракъ давали присягу, что они не неволятъ къ браку первые — дѣтей, а вторые — крѣпостныхъ, и чтобы священники не совершали обряда вѣнчанія безъ заявленія согласія на этотъ бракъ со стороны самихъ жениха и невѣсты. Петръ опредѣлилъ также, чтобы каждому вѣнчанію за шесть недѣль

предшествовало обрученіе, дабы женихъ и невѣста могли до заключенія брака распознать другъ друга и, въ случаѣ недостатка склонности другъ къ другу, заблаговременно отказаться отъ вступленія въ бракъ. Чтобы предотвратить въ этомъ случаѣ обходъ закона, государь установилъ, чтобы вѣнчаніе происходило въ томъ приходѣ, въ которомъ жительствуетъ либо женихъ, либо невѣста, а не въ чужомъ. Петръ уничтожилъ также силу заручныхъ записей, которыя давались прежде со стороны жениха или его родни родителямъ невѣсты. Этими распоряженіями государь надѣялся внести миръ въ семью, согласіе въ отношенія мужа къ женѣ, все равно какъ дозволеніемъ женщинамъ участвовать въ мужскомъ обществѣ онъ освободилъ ихъ отъ грубаго произвола мужей и отъ рабскаго заключенія въ теремахъ, что убивало ихъ умственныя способности. Такимъ образомъ, новое поколѣніе гражданъ стало выростать въ обновленной семьѣ, при совершенно новыхъ условіяхъ. Послѣ этого во многихъ домахъ достаточныхъ семействъ, въ особенности въ семьяхъ знатныхъ фамилій, родители перестали уже держать своихъ дѣтей въ одномъ страхѣ и наказаніи, а стали больше заботиться о тщательномъ воспитаніи ихъ, и не только сыновей, но и дочерей, которыхъ прежде ничему не учили.

Петръ старался искоренить въ семьѣ всѣ крайнія проявленія своеволія. Такъ, на Руси держался въ то время нехристіанскій обычай — убивать младенцевъ, которые родились уродами, будто-бы вслѣдствіе колдовства. Петръ указомъ запретилъ это дѣлать, подъ страхомъ смертной казни, а про новорожденныхъ уродовъ велѣлъ объявлять начальству, объяснивъ, что уроды родятся не вслѣдствіе колдовства, а вслѣдствіе болѣзней матери. Царь замѣтилъ также, что нѣкоторые помѣщики нерѣдко передаютъ свое имущество по наслѣдству сыновьямъ, вовсе лишеннымъ разсудка, и, не смотря на завѣдомую глупость такихъ богатыхъ молодыхъ людей, многіе, ради богатства, отдаютъ за нихъ своихъ дочерей; между

тѣмъ, глупцы эти расточаютъ свое богатство и управляютъ жестоко своими крѣпостными. Петръ приказалъ всѣмъ, у кого есть такіе „дураки“ въ семьѣ, подавать о нихъ свѣдѣнія въ сенатъ, который обязанъ былъ ихъ свидѣтельствовать, и если находилъ негодными ни къ ученью, ни къ службѣ, то запрещалъ „дуракамъ“ жениться, а „дурамъ“ выходить замужъ, самихъ же „дураковъ и дуръ“ отдавать ближнимъ родственникамъ въ опеку.

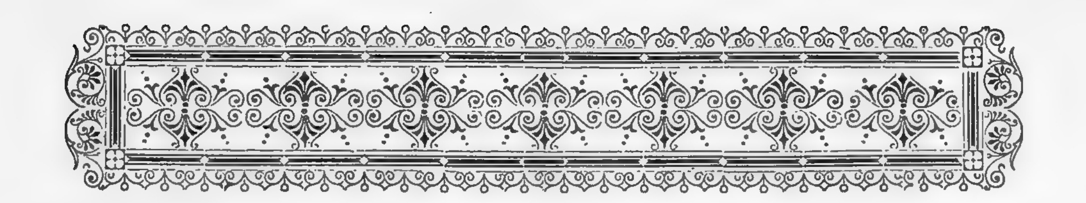
Заботясь, такимъ образомъ, о преобразованіи всего гражданскаго быта русскихъ людей, начиная отъ высшаго гражданскаго управленія и кончая отдѣльными семьями и даже ихъ жилищами и одеждою, Петръ, какъ бы въ ознаменованіе грядущаго перерожденія русскаго гражданина, почти еще въ началѣ своего царствованія, перемѣнилъ и самое лѣтосчисленіе русское, установивъ совершенно новый счетъ годовъ. Указомъ 20 декабря 1699 года государь повелѣлъ: по примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ, вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ было до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и считать новый годъ не съ 1-го сентября, а съ 1-го января. Такимъ образомъ, съ 1-го января 1700 года на Руси начали новый счетъ годовъ. Петръ указалъ даже, какъ въ этотъ день должны всѣ поздравлять другъ друга „съ новымъ годомъ“. Этотъ первый новый годъ, по повелѣнію государя, праздновался въ Москвѣ, послѣ благодарственнаго молебствія въ церкви, цѣлыхъ семь дней. Всѣмъ домовладѣльцамъ велѣно было украсить свои дома и ворота елками, на улицахъ по вечерамъ зажигать смоляныя бочки, пускать ракеты, стрѣлять изъ ружей, а въ Кремлѣ палить съ Красной площади изъ 200 пушекъ. Торжество окончилось 6-го января, въ день Богоявленія Господня, крестнымъ ходомъ на Іордань, на Москву-рѣку.

Русскіе люди, однако, не сразу и не во всемъ слѣдовали его примѣру. Такъ многіе нѣсколько лѣтъ послѣ того продолжали еще держаться прежняго лѣтосчисленія, и тайкомъ, у себя дома, праздновали новолѣтіе не 1-го января, а 1-го

сентября. Про новое лѣтосчисленіе стали говорить, что перенос новолѣтія „съ Семена на Василія", т. е. съ 1-го сентября на 1-е января, есть еретическая затѣя. Начетчики старались доказать самому царю, что начало міра не могло случиться 1-го января, т. е. зимою, а непремѣнно 1-го сентября, т. е. во время собиранія на Руси жатвы и плодовъ. Государь, смѣясь, сталъ объяснять имъ на это, показывая глобусъ, что Россія составляетъ только часть земнаго шара, что въ другихъ странахъ въ январѣ бываетъ жарко и также собираютъ жатву и плоды. Пришлось умникамъ замолчать, и новое лѣтосчисленіе мало-по-малу вошло во всю русскую гражданскую жизнь.

Вѣнцомъ Петровскихъ преобразованій было перенесеніе столицы въ Петербургъ изъ Москвы, которая напоминала собою старину, противъ которой Петръ боролся всю свою жизнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Созданіе Петербурга.—Характеръ мѣстности, выбранной подъ будущую столицу.—Заботы Петра объ устройствѣ города.—Укрѣпленіе острова Котлина.—Перенесеніе въ Петербургъ столицы.—Затрудненія для построекъ и мѣры, принятыя Петромъ для заселенія.—Перенесеніе мощей Александра Невскаго въ Петербургъ.—Заключеніе.

Созданіе Петербурга стоило Петру чрезвычайныхъ жертвъ и усилій. Самое отнятіе у шведовъ прежней русской Невской области или „Ингріи", этого древняго „наслѣдія нашихъ отцовъ", стоило Петру и всему русскому народу по-истинѣ героическихъ усилій. Но тѣмъ дороже было для Петра это мѣсто и тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ онъ трудился надъ устройствомъ здѣсь новой столицы.

Устья рѣки Невы, т. е. мѣсто, на которомъ великій государь рѣшился воздвигнуть новый городъ, въ древнія времена, вмѣстѣ со всей Невской областью, принадлежали Великому Новгороду и отошли отъ Россіи къ Швеціи только въ 1617 году. При завоеваніи ихъ вновь Петромъ Великимъ, въ 1703 году, здѣсь еще сохранялись слѣды прежняго русскаго владычества: по Невѣ попадались еще русскія села съ православными церквами; многія урочища носили по два имени—русское и финское; близъ самыхъ устьевъ Невы, при впаденіи въ нее рѣчки Охты, лежала разрушенная Петромъ шведская крѣпость Ніеншанцъ и маленькій шведскій городокъ Ніенъ, или

Канцы, а противъ этой крѣпости и городка, на противоположномъ берегу Невы, лежало небольшое село Спасское съ православною церковью. Но далѣе по Невѣ, при самыхъ устьяхъ ея, гдѣ предположено было воздвигнуть новый городъ, лежали совсѣмъ еще пустынныя низменности, покрытыя лѣсомъ и топкими болотами; только мѣстами, и то рѣдко, виднѣлись бѣдныя, большею частью покинутыя деревушки, состоявшія изъ полуразрушенныхъ хижинъ, въ которыхъ проживали туземные поселяне финскаго племени, промышлявшіе рыбною ловлею или лоцманствомъ. При западномъ вѣтрѣ съ моря, мѣста эти подвергались сильнымъ наводненіямъ, такъ какъ теченіе Невы задерживалось тогда встрѣчнымъ морскимъ вѣтромъ, отчего вода выступала изъ береговъ и затопляла окрестности иногда на далекое разстояніе. Въ такихъ случаяхъ бѣдные невскіе обитатели обыкновенно разбирали свои хижины, сплачивали ихъ въ плоты, укладывали на нихъ свой домашній скарбъ и, прикрѣпивъ эти плоты къ деревьямъ, спасались сами на лодкахъ на высокую Дудерову гору (Дудергофъ). Наводненія эти постоянно поддерживались еще болотами, покрывавшими невскіе берега. Оттого страна эта была нездоровая, съ климатомъ перемѣнчивымъ. Но за то здѣсь течетъ широкая и глубокая рѣка Нева и рядомъ лежитъ море, составляющее кратчайшій путь изъ Россіи въ Западную Европу.

Тотчасъ по взятіи русскимъ войскомъ, 1-го мая 1703 года, крѣпости Ніеншанца, Петръ собралъ военный совѣтъ, для обсужденія вопроса: слѣдуетъ-ли вновь укрѣпить это мѣсто, для удержанія за собою завоеваннаго края, или избрать для этого другое мѣсто, въ самыхъ устьяхъ Невы, ближе къ морю? На военномъ совѣтѣ рѣшено было построить новую крѣпость ближе ко взморью. Для выбора этого мѣста, самъ государь, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, поѣхалъ осматривать острова, образуемые рукавами Невы въ ея устьяхъ. Здѣсь-то въ умѣ его блеснула великая мысль: основать тутъ не только крѣпость, но и обширный городъ, и оживить эти обширныя

мѣста народонаселеніемъ, торговлею и промышленностью, по примѣру древнихъ новгородцевъ. Необозримые лѣса и болота, представившіеся здѣсь взорамъ царя, опасность наводненій и нездоровый климатъ не могли уже поколебать намѣреній проницательнаго государя, заботившагося прежде всего о будущности и пользѣ всей Россіи.

Петръ избралъ для заложенія крѣпости и города низменный островъ Енни-сари, или Заячій островъ, лежавшій на Большой Невѣ, передъ нынѣшнею Петербургскою стороною. Государь собственными руками срубилъ здѣсь березу, сдѣлалъ изъ нея, по русскому обычаю, крестъ и, поставивъ его, сказалъ: „Здѣсь будетъ крѣпость и церковь во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла". Островъ этотъ, окруженный уже отъ природы, вмѣсто рвовъ, водами Невы, былъ и съ сухаго пути почти недоступенъ, по причинѣ обширныхъ и топкихъ болотъ, покрывавшихъ нынѣшнюю Петербургскую сторону, называвшуюся у шведовъ Березовымъ островомъ (Койвисари). Дорожа временемъ, Петръ, уже 16-го мая 1703 года, въ Троицынъ день, приступилъ къ заложенію крѣпости, и собственными руками положилъ закладный камень въ основаніе одного изъ первыхъ ея бастіоновъ. Березовый островъ былъ избранъ для построенія самого города, названнаго государемъ, въ честь своего ангела св. апостола Петра, „Санктъ-Петербургомъ", т. е. городомъ св. Петра. Любимецъ Петра, Меншиковъ тотчасъ-же былъ назначенъ губернаторомъ новаго, пока еще не существовавшаго города; драгунскій полковникъ Ренне сдѣланъ комендантомъ его, а артиллерійскій полковникъ Трезини, родомъ итальянецъ, городскимъ архитекторомъ. Между тѣмъ, новый городъ приходилось строить въ виду шведовъ, стоявшихъ съ флотомъ въ Финскомъ заливѣ, вблизи устьевъ Невы, и наступавшихъ даже съ сухаго пути, отъ Выборга, такъ что приходилось часто вступать съ ними въ сраженія. Поэтому Петръ, желая поспѣшить съ работами надъ укрѣпленіями новаго города, раздѣлилъ надзоръ за ними на шесть участковъ, изъ

коихъ одинъ взялъ на себя, а остальные поручилъ бывшимъ при немъ вельможамъ: Нарышкину, Трубецкому, Зотову, Головкину и Меншикову. Поэтому сооруженные подъ ихъ надзоромъ бастіоны новой крѣпости, по повелѣнію Петра, стали называться: „Государевъ“, „Нарышкинъ“, „Трубецкой“, „Зотовъ“, „Головкинъ“ и „Меншиковъ“. Подъ личнымъ надзоромъ самого Петра, рубили и деревянныя стѣны тѣхъ мазанокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ помѣститься со своими помощниками. Во время этихъ работъ, 29 іюня, Петръ съ большимъ торжествомъ отпраздновалъ здѣсь день своего тезоименитства. За отсутствіемъ болѣе удобнаго помѣщенія, Меншиковъ угощалъ государя и знатныхъ особъ роскошнымъ пиромъ въ неотстроенныхъ еще казармахъ, начатыхъ въ бастіонѣ его имени.

Поднятіе низменнаго Заячьяго острова, расчистка земли, осушеніе болотъ, вырубка лѣсовъ, возведеніе крѣпости, постройка домовъ и церкви, и многія другія работы потребовали огромнаго числа рукъ, а потому государь, употребивъ на это дѣло въ самомъ началѣ всѣ свободныя войска и окрестныхъ жителей-финновъ, кореловъ, олончанъ, новгородцевъ и, сверхъ того, значительное число плѣнныхъ шведовъ, повелѣлъ, въ то же время, выслать со всей Россіи и даже изъ Сибири тысячи рабочихъ, мастеровыхъ, плотниковъ и каменщиковъ, даже казаковъ, татаръ и калмыковъ. Въ ожиданіи высылки этихъ рабочихъ и по недостатку людей въ безлюдномъ невскомъ краѣ, Петръ, спѣша съ работами, приказалъ прислать для ихъ ускоренія 2.000 воровъ, приговоренныхъ къ каторжной работѣ. Вскорѣ надъ созданіемъ Петербурга трудились уже сорокъ тысячъ человѣкъ разныхъ племенъ, нарѣчій и состояній, раздѣленныхъ на двѣ очереди по 20.000 человѣкъ въ каждой, работавшихъ по полугоду. Рабочіе, запасавшіеся на дорогу своими харчами, приходя въ Петербургъ, получали отъ казны хлѣбъ и денежную плату по три копѣйки въ сутки. Но по отдаленности этого края отъ населенныхъ

мѣстъ и при трудности тогдашнихъ сообщеній, не всегда успѣвали доставлять сюда во-время, иногда изъ-за тысячи верстъ, потребное количество съѣстныхъ припасовъ, а потому всему пришлому петербургскому люду приходилось часто страдать отъ сильной голодухи. Притомъ-же, все это пришлое населеніе не имѣло здѣсь не только жилищъ, но и необходимаго крова; приходилось жить всѣмъ въ наскоро-сколоченныхъ шалашахъ, или прямо подъ открытымъ небомъ, на топкихъ болотахъ. Даже необходимыхъ инструментовъ и землекопныхъ орудій часто, на первыхъ порахъ, недоставало, и за неимѣніемъ ихъ, бо́льшую часть работъ приходилось производить голыми руками, копать землю пальцами, и вырытую землю носить на себѣ въ мѣшкахъ и даже въ полахъ платья. Послѣ этого понятно будетъ, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ и усилій стоило первоначальное обстроеніе Петербурга. На людяхъ начали свирѣпствовать болѣзни. Многіе рабочіе разбѣгались еще съ дороги и еще въ большемъ числѣ бѣгали изъ Петербурга. Но неотложная необходимость и чрезвычайныя обстоятельства требовали этихъ жертвъ, все равно какъ на войнѣ уже не спрашиваютъ, будутъ-ли раненые или убитые. Государь самъ не щадилъ ни своихъ трудовъ, ни даже своей жизни, ради скорѣйшаго закрѣпленія на-всегда за Россіею вновь пріобрѣтеннаго края и ради ожидаемой пользы отъ него всему русскому государству и народу. Поэтому Петръ строго смотрѣлъ за рабочимъ людомъ и не останавливался ни передъ какими препятствіями для достиженія задуманной имъ цѣли. Такимъ образомъ, уже при самомъ основаніи Петербурга обнаружилась въ русскихъ людяхъ, какъ всегда, чрезвычайная готовность къ безропотному подчиненію волѣ своего государя.

Не смотря на всѣ затрудненія, работы въ новомъ городѣ, благодаря личному присутствію и необычайной распорядительности государя, совершались съ чрезвычайной быстротою. Царствовавшая до того времени мертвая тишина на

островахъ, омываемыхъ рукавами Невы, нарушалась постоянно криками рабочихъ и звуками топоровъ. Ежедневно, отъ пробитія утренней зари и до вечерней зари, на государевомъ бастіонѣ развѣвался царскій флагъ, поднятіе и спускъ котораго служили сигналомъ къ начатію и прекращенію городскихъ работъ и сопровождались всегда пушечнымъ выстрѣломъ съ крѣпости. Благодаря огромному числу работавшихъ людей, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль большіе участки лѣсовъ и болотъ исчезли, и на мѣстѣ двухъ ветхихъ полуразвалившихся хижинъ на Заячьемъ островѣ, единственныхъ слѣдовъ человѣческаго пребыванія, возникли грозные валы крѣпости, вооруженные тремя-стами мѣдныхъ и чугунныхъ пушекъ, почти безъ исключенія взятыхъ у шведовъ, и множество разныхъ зданій. Постройка деревянной крѣпости была окончена въ четыре мѣсяца. Черезъ весь Заячій островъ былъ прорытъ каналъ, по сторонамъ котораго стояли четыре ряда деревянныхъ домовъ, крытыхъ дерномъ или берестою. Здѣсь помѣщался одноэтажный домъ для коменданта, домы для гарнизонныхъ офицеровъ; гауптвахта, арсеналъ, провіантскіе магазины, аптека, канцелярія и протестантская церковь. Тутъ-же сооружена была православная деревянная церковь, во имя св. апостоловъ Петра и Павла, окрашенная подъ желтый мраморъ, на колокольнѣ которой и днемъ и ночью колокола били часы. Для сообщенія крѣпости съ Березовымъ островомъ, черезъ каналъ былъ перекинутъ деревянный подъемный мостъ. Чтобы быть какъ можно ближе къ Заячьему острову и возможно чаще навѣщать работы, государь велѣлъ построить для своего жительства на Березовомъ островѣ, саженяхъ въ 200 отъ крѣпости, подлѣ самаго берега Большой Невы, на мѣстѣ, гдѣ стояла прежде ветхая рыбачья хижина, небольшой деревянный домикъ, шириною въ восемь и длиною въ три сажени, покрытый дощечками, въ видѣ черепицы. Будучи врагомъ всякой роскоши и подавая собою примѣръ умѣренности, великій преобразователь Россіи помѣстился въ двухъ комнаткахъ этого

домика, раздѣленныхъ сѣнями и кухнею, обитыхъ внутри холстомъ и потомъ выбѣленныхъ безъ всякихъ украшеній. Снаружи домикъ былъ выкрашенъ подъ кирпичъ, въ каковомъ видѣ домикъ этотъ сохраняется и понынѣ. Такъ просто и тѣсно было первое помѣщеніе государя въ Петербургѣ. Почти рядомъ съ этимъ домикомъ, саженяхъ въ 20 отъ него, любимецъ Петра и губернаторъ Петербурга, Меншиковъ, построилъ для себя деревянный же, но довольно обширный домъ, гдѣ царь, по тѣснотѣ своего помѣщенія, давалъ обыкновенно свои большіе обѣды и торжественные пріемы пословъ. Въ этихъ двухъ домахъ, да въ шалашахъ и сараяхъ, построенныхъ на зиму для рабочихъ людей и въ безпорядкѣ разбросанныхъ по всему Березовому острову, заключался, въ 1703 году, весь городъ Петербургъ.

Положивъ первое основаніе Петербургу и его укрѣпленіямъ, Петръ рѣшился немедленно-же завести въ немъ и военный флотъ, для лучшаго охраненія новой столицы, а также устроить постоянное сообщеніе по древнему новгородскому водному пути между Петербургомъ и внутренними областями Россіи, для своевременнаго снабженія его съѣстными припасами и другими товарами. Съ этою цѣлію Петръ, въ началѣ октября того-же 1703 года, отправился изъ Петербурга на рѣку Свирь въ Лодейное поле, гдѣ еще ранѣе устроена была верфь, заложилъ тамъ нѣсколько новыхъ военныхъ судовъ, собственноручно принималъ участіе въ этихъ работахъ, и возвратился въ Петербургъ на 24-пушечномъ фрегатѣ Штандартъ, съ нѣсколькими другими изготовленными военными судами. Въ то же время, на другой верфи, въ устьѣ рѣки Сяси, спущено было на воду около 300 барокъ для перевозки разнаго груза, построенныхъ большею частью подъ руководствомъ русскихъ мастеровъ, учившихся кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи. Для пополненія судовой команды въ военномъ флотѣ, государь пригласилъ на службу опытныхъ офицеровъ изъ разныхъ иностранныхъ государствъ.

Возвратившись въ Петербургъ поздней осенью, Петръ, не смотря на то, что наступила уже стужа и Финскій заливъ началъ покрываться льдомъ, поѣхалъ на одномъ изъ судовъ въ заливъ, къ узкому и длинному острову Котлину, лежащему верстахъ въ 25 отъ Петербурга, противъ самаго входа въ устья рѣки Невы. Островъ этотъ представлялъ чрезвычайно выгодное мѣсто для устройства на немъ укрѣпленій, съ цѣлью окончательнаго загражденія подступовъ съ моря къ Петербургу. На пути къ Котлину, государь собственноручно изслѣдовалъ и измѣрилъ глубину залива и внимательно осмотрѣлъ самый островъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Петръ оставилъ въ немъ Меншикова, а самъ отправился по неотложнымъ дѣламъ въ Москву.

Вскорѣ по отъѣздѣ государя, къ Петербургу пришелъ заграничный купеческій корабль съ товаромъ. Шкиперъ этого судна, пріѣзжавшій сюда ежегодно, еще при шведскомъ владычествѣ, за лѣсомъ, только на пути узналъ отъ шведовъ о перемѣнѣ обстоятельствъ и былъ задержанъ ихъ флотомъ; но онъ успѣлъ секретно лично повидаться въ Петербургѣ съ Меншиковымъ и получилъ отъ него приглашеніе прибыть въ новый городъ съ товаромъ; дѣйствительно, голландецъ успѣлъ тайно отъ шведовъ пробраться въ Неву и вошелъ въ ноябрѣ къ Петербургу на суднѣ, нагруженномъ солью и винами. Меншиковъ, хорошо понимавшій намѣренія государя, оказалъ шкиперу самый лестный пріемъ, пригласилъ его къ обѣденному столу, подарилъ ему 500 червонцевъ, а каждому матросу по 300 ефимковъ, и скупилъ у него весь привезенный грузъ. Въ то же время обѣщано было 300 червонцевъ награды шкиперу перваго судна, которое послѣ того придетъ къ Петербургу, и 130 червонцевъ шкиперу втораго судна. Нашимъ посламъ за-границею также предписано было извѣстить иноземныя державы о постройкѣ Петромъ при Балтійскомъ морѣ новаго торговаго города и о дарованіи разныхъ льготъ купцамъ, которые повезутъ въ него товары.

Между тѣмъ Петръ, не смотря на множество другихъ своихъ дѣлъ, требовавшихъ его вниманія и личнаго присутствія, по отъѣздѣ изъ Петербурга продолжалъ все-таки посылать туда подробныя наставленія по части застроенія и укрѣпленія новаго города. Едва Петръ успѣлъ прибыть тою-же осенью изъ Москвы въ Воронежъ, какъ уже составилъ и отправилъ въ Петербургъ къ Меншикову проектъ укрѣпленія острова Котлина. Меншиковъ исполнилъ порученіе государя необычайно успѣшно. Не смотря на наступленіе суроваго зимняго времени, онъ производилъ работы на островѣ, среди скованнаго льдомъ и снѣгами залива, съ такою же поспѣшностью и быстротою, какъ-бы то происходило посреди лѣта. Онъ занялъ многія тысячи рукъ постройкою укрѣпленія и доставкою матеріаловъ. Матеріалы эти привозились изъ Петербурга по льду; основаніемъ для крѣпости послужили громадные деревянные ящики, наполненные каменьями и потомъ погруженные на дно залива, у южной оконечности острова. Не мало погибло при этомъ людей, точно также около восьми тысячъ лошадей пало здѣсь отъ недостатка корма и изнуренія. Не смотря на то, еще до вскрытія льда, главныя части укрѣпленія были уже окончены, и на поверхности залива возникла трехъ-ярусная деревянная башня, поставленная для защиты входа въ Неву и доступовъ съ моря къ новому городу. Черезъ годъ крѣпость эта была уже освящена въ присутствіи самого Петра, и названа имъ „Кроншлотомъ", т. е. „вѣнецъ-замкомъ". Онъ самъ привезъ сюда на легкомъ суднѣ пушки, самъ ихъ разставилъ въ укрѣпленіи, при чемъ государь вручилъ коменданту новой крѣпости собственноручно составленный имъ наказъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „не сдаваться до послѣдняго человѣка, стрѣлять во всякаго, кто захочетъ прорваться силою мимо. Суда пропускать не иначе, какъ по осмотрѣ, и давать имъ своихъ лоцмановъ для провода, чтобы фарватеръ остался не извѣстенъ иноземцамъ".

Черезъ четыре года послѣ Полтавской побѣды, въ 1713 г. столица была перенесена изъ Москвы въ Петербургъ.

Съ этого времени Петербургъ началъ рости, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Дома появлялись одинъ за другимъ, улицы обстроивались быстро. Главное затрудненіе состояло въ отсутствіи рабочихъ рукъ въ новомъ пустынномъ Петербургскомъ краѣ; но Петръ преодолѣлъ и это препятствіе. Въ теченіе 15 лѣтъ къ ряду, начиная съ 1704 года, на работы въ Петербургъ высылалось со всей Россіи, сначала по наряду, въ видѣ отбыванія государственной повинности, съ каждыхъ 14 дворовъ по одному работнику, всего до 40.000 рабочихъ ежегодно, или по 20.000 человѣкъ въ каждые полугодія, и по 100.000 рублей на жалованье со всѣхъ остальныхъ дворовъ. Но потомъ, въ 1717 году, найдено было болѣе удобнымъ производить работы въ Петербургѣ по наймамъ съ подряда, а вмѣсто рабочихъ собирать съ дворовъ только деньги на расходы по постройкѣ. Плотники и каменщики высылались въ Петербургъ отдѣльно, со всей Россіи, съ ихъ семействами, иногда до 3.000 человѣкъ въ годъ. Государь не останавливался ни передъ какими мѣрами. Одно время онъ приказалъ по всей Россіи остановить всѣ каменныя постройки, чтобы каменщиковъ хватило для нуждъ Петербурга.

Сначала городъ отстраивался, какъ уже было сказано, на правомъ берегу Невы, на Березовомъ островѣ или на нынѣшней Петербургской сторонѣ, гдѣ былъ построенъ и домикъ Петра. Крѣпость на Заячьемъ островѣ также продолжала отстраиваться безъ перерыва. Вначалѣ она была деревянная, а къ концу царствованія Петра она была уже на половину каменная. Петропавловскій соборъ въ крѣпости отстроенъ былъ лучше всѣхъ другихъ Петербургскихъ церквей, съ высокою каменною колокольнею. Противъ крѣпости, на Троицкой площади, по желанію государя, былъ выстроенъ также единственный въ то время трактиръ въ Петербургѣ или „австерія“, содержимый нѣмцемъ Фельтеномъ. Но случай скоро заставилъ

распространить городскія постройки и на правую сторону берега рѣки Невы. Строившіяся на рѣкѣ Свири въ Лодейномъ полѣ и на Сясьской верфи суда для Петербурга, при проходѣ чрезъ Ладожское озеро, часто страдали отъ бурь, и разъ ихъ разметало вѣтромъ такъ, что они не скоро собрались въ Петербургѣ. Это заставило государя устроить верфь поближе къ Петербургу, на самой Невѣ. Шесть дней осматривалъ государь съ Меншиковымъ удобное мѣсто для верфи, и, наконецъ, выбралъ островъ на лѣвомъ берегу Невы, противъ Петербургской крѣпости. Здѣсь онъ заложилъ адмиралтейство, на мѣстѣ нынѣшняго, и отпраздновалъ закладку съ своими помощниками веселымъ пиромъ въ трактирѣ нѣмца Фельтена. Адмиралтейство строилось по чертежамъ и указаніямъ самого государя, до послѣднихъ мелочей. Здѣсь проведены были каналы и возведены разныя зданія для храненія всякаго матеріала, необходимаго при корабельныхъ работахъ.

Вскорѣ государь пожелалъ, чтобы и главная часть города была построена на лѣвомъ берегу Невы. Съ этой цѣлію Петръ приказалъ построить здѣсь, при впаденіи въ Неву рѣчки Фонтанки, лѣтній царскій дворецъ, передъ которымъ государь собственноручно посадилъ нѣсколько дубовъ и который стоитъ и понынѣ въ Лѣтнемъ саду, а также велѣлъ построить зимній дворецъ, вблизи нынѣшняго Зимняго дворца. Дворцы эти были самой незатѣйливой постройки и очень не велики, даже въ сравненіи со многими другими, существовавшими въ то время въ Петербургѣ частными домами. Вслѣдъ за государемъ, стали строиться на адмиралтейской сторонѣ и многія другія лица. Впослѣдствіи Петръ рѣшилъ распространить городскія постройки и на Васильевскій островъ, гдѣ намѣревался возвести лучшую часть города. Островъ этотъ онъ предположилъ прорѣзать, вдоль улицъ, каналами, по образцу Амстердама. Здѣсь указано было селиться наиболѣе богатымъ помѣщикамъ. Тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли уже дома на Петербургской или Адмиралтейской сторонахъ, велѣно было

продать эти дома, или обратить ихъ въ загородныя дачи, главные же свои дома строить на Васильевскомъ островѣ, возможно наряднѣе, по утвержденному самимъ государемъ плану, по которому всѣ дома слѣдовало строить подъ одинъ горизонтъ, съ мощеными улицами, обсаженными липами, и съ красивыми пристанями передъ каждымъ домомъ, выходящимъ на Неву. Кто изъ помѣщиковъ не хотѣлъ добровольно переселяться на Васильевскій островъ, у такихъ ослушниковъ приказано было раскрыть на прежнихъ домахъ кровли и потолки, чтобы заставить ихъ поскорѣе исполнить царскій указъ. Но по случаю послѣдовавшаго вскорѣ отъѣзда государя изъ Петербурга за-границу на продолжительное время, онъ не могъ лично слѣдить за устройствомъ Васильевскаго острова, и потому, когда вернулся въ Петербургъ, увидѣлъ, что въ самыхъ постройкахъ безъ него не соблюдалась вѣрность утвержденному образцу и что каналы на островѣ прорыты не такъ, какъ указано. Государь велѣлъ сломать всѣ зданія, возведенныя не по правиламъ, и приказалъ взыскать съ виновныхъ по сту рублей штрафу. Онъ принялся-было исправлять и каналы, но кончина его прервала затянувшіяся работы, и каналы эти послѣ него были совсѣмъ брошены и засыпаны.

Въ самомъ началѣ постройки въ городѣ были крайне неудовлетворительны, частью мазанковыя и деревянныя. Лѣсу по Невѣ и въ ея окрестностяхъ было много, но преимущественно дровянаго; строеваго же было мало, да и тотъ ненадежный, выросшій на болотахъ. Оттого, построенные изъ этого лѣса дома скоро ветшали, такъ что ихъ приходилось подпирать; дождливый климатъ петербургскій еще болѣе способствовалъ скорой порчѣ ихъ; обыкновенно, въ такихъ домахъ скоро начинало дуть отъ стѣнъ, а крыша и потолки давали течь. Часто даже въ домахъ знатныхъ вельможъ, среди пира, капала на пирующихъ съ потолка дождевая вода. Государь, входившій во всѣ мелочи застроенія Петербурга, старался помочь и этой бѣдѣ. Чтобы деревянные дома были прочнѣе и теплѣе, онъ ве-

лѣлъ конопатить ихъ обваренным въ кипяткѣ мхомъ. Но и для такихъ домовъ скоро оказался недостатокъ въ лѣсѣ, за вырубкою его въ окрестностяхъ города. Чтобы сохранить еще остававшійся лѣсъ, государь запретилъ его рубить въ ближайшихъ окрестностяхъ, а велѣлъ брать изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, отчего строиться въ Петербургѣ стало еще тяжелѣе. Вскорѣ послѣ Полтавской побѣды, когда государь окончательно рѣшилъ перевести столицу въ Петербургъ, онъ сталъ усиленно заботиться о возведеніи въ Петербургѣ каменныхъ построекъ.

На первыхъ порахъ, добровольныхъ поселенцевъ въ этой новой и бѣдной странѣ было, разумѣется, не много. Селились здѣсь по своей волѣ, большею частью только знатные люди, со своею многочисленною прислугою, а также разные служилые люди и еще купцы—ради наживы, такъ какъ въ новомъ городѣ все продавалось сравнительно дорого; охотно также переселились сюда шведы и финны изъ выжженныхъ во время войны мѣстъ и изъ ближайшихъ городовъ и мѣстечекъ въ Лифляндіи. Но для столичнаго города этихъ жителей было далеко недостаточно. Поэтому государь постоянно указывалъ высылать въ Петербургъ, для поселенія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, людей всякихъ чиновъ и состояній. Изъ одной Москвы переселено было въ Петербургъ до 12,000 семей. Для заселенія лучшей тогда части города, Васильевскаго острова, царь указалъ выслать изъ провинціи помѣщиковъ, обязавъ ихъ строить дома. Имъ назначенъ былъ опредѣленный срокъ для прибытія въ Петербургъ и начатія постройки, подъ страхомъ лишенія движимаго и недвижимаго имущества. Указано было также выслать изъ разныхъ городовъ торговцевъ и мастеровыхъ. Замѣтивъ, что губернскія начальства, по прежней привычкѣ своей къ обходу закона, стараются при высылкѣ только сбыть изъ своего края людей бѣдныхъ, старыхъ и одинокихъ, Петръ, въ 1717 году, указалъ земскимъ людямъ во всѣхъ городахъ выбирать изъ своей среды для высылки въ Петербургъ непремѣнно первостатейныхъ и средняго состоянія лю-

*

дей, а отнюдь не такихъ, какіе высылались прежде. Лучшихъ мастеровъ, обучавшихся у иноземцевъ, велѣно было подвергать испытанію, и тѣхъ, которые окажутся болѣе знающими, поселять тоже въ Петербургѣ. Государь старался перевести въ Петербургъ также лучшихъ простыхъ мастеровыхъ, какъ напримѣръ плотниковъ и каменьщиковъ. Въ одномъ 1712 году ихъ выслано было въ Петербургъ, на прибавку къ прежнимъ, 2,500 семействъ, съ казеннымъ жалованьемъ по шести рублей въ годъ на семью. Въ 1722 году было приказано взять на житье въ Петербургъ изъ разныхъ сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ 350 плотниковъ съ ихъ семьями, а черезъ два года, въ 1724 году, для той же цѣли, велѣно было прислать изъ Архангельска 1,000 семей плотниковъ. Кромѣ того, для отбыванія разной рабочей повинности, къ петербургскому адмиралтейству были приписаны цѣлые города съ уѣздами: Олонецъ, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна, волости Новгородскаго уѣзда и въ Архангельской губерніи—Чаронда, всего 24,000 дворовъ. Наконецъ, въ Петербургѣ охотно селились еще иноземцы, ради многихъ даваемыхъ имъ льготъ.

Дѣйствительно, потребность въ населеніи для Петербурга, особенно въ мастеровыхъ, была огромная, такъ какъ обстраивался не только самый Петербургъ, но и его окрестности: Екатерингофъ, Петергофъ, Ораніенбаумъ, гдѣ строились дворцы и разводились сады, островъ Котлинъ и другія мѣста. Вообще обширный Невскій край, извѣстный въ то время подъ именемъ Ингріи или Ингерманландской области, крайне нуждался въ населеніи. Чтобы заселить эту новопокоренную область русскими, Петръ дозволилъ селиться здѣсь даже бѣглымъ. При этомъ бѣглыхъ крестьянъ, поселявшихся въ этомъ краѣ изъ другихъ русскихъ областей, не велѣно было отдавать прежнимъ ихъ помѣщикамъ, а приписывать за небольшой выкупъ къ новымъ ингерманландскимъ владѣльцамъ земель.

Всѣхъ непомнящихъ родства приказано было также отправлять для поселенія на ингерманландскихъ земляхъ. Перево-

дились сюда и всякихъ чиновъ служилые люди отовсюду, и получали въ Ингерманландіи землю съ крестьянами и бобыльскими дворами, такъ что край этотъ скоро обрусѣлъ, каковымъ онъ былъ въ прежнее, старинное время.

Много заботъ и труда положилъ Петръ Великій на заселеніе новаго края и особенно на застроеніе своего любимаго города Петербурга, который онъ сталъ называть не иначе, какъ своимъ „парадизомъ", т. е. своимъ „раемъ". Не многіе понимали тогда эту любовь Петра къ Петербургу и безпрерывныя его заботы о развитіи и улучшеніи этого города. По виду, Петербургъ мало походилъ на „рай". Кругомъ страна была бѣдная, непріютная, еще мало заселенная, не смотря на всѣ старанія государя. Подгородныя мѣста лежали большею частію пусты; приходилось даже для почтовой гоньбы ставить по дорогамъ одинокіе дворы, такъ какъ кругомъ на большихъ разстояніяхъ часто жилья вовсе не было. Хлѣбъ и другіе съѣстные припасы для жителей Петербурга можно было получать только привозные, а такъ какъ хлѣба требовалось много, пути-же сообщенія были еще плохи и длинны, то хлѣба на первыхъ порахъ часто не хватало и онъ становился на столько дорогъ, что бѣднымъ и рабочимъ людямъ приходилось иногда кормиться только рѣпой, да капустой, подолгу не видя вовсе хлѣба. Оттого въ Петербургѣ часто свирѣпствовали болѣзни и развилась большая смертность среди населенія. Сырой и перемѣнчивый климатъ, вмѣстѣ съ окружающими городъ топями и болотами, также способствовали развитію между его жителями злокачественныхъ лихорадокъ и горячекъ. Особенныя-же бѣдствія терпѣлъ Петербургъ отъ наводненій. Каждый крѣпкій западный вѣтеръ, дувшій противъ теченія Невы, нагонялъ въ рѣку съ моря столько воды, что рѣка выступала изъ береговъ и заливала городъ. Впослѣдствіи берега Невы были подняты выше устройствомъ каменныхъ набережныхъ, прорыты были также каналы для отвода прибывающей воды, да и самая почва подъ городомъ мало-по-малу возвысилась отъ

постояннаго мощенія улицъ и дворовъ и отъ остающагося отъ построекъ мусора; даже уровень воды въ Невѣ впослѣдствіи отчасти понизился отъ вырубки лѣсовъ и отъ осушенія многихъ болотъ. Но въ то время почва была подъ Петербургомъ значительно ниже и самая рѣка обильнѣе водою, а потому, особенно въ низкихъ мѣстахъ города, вода изъ Невы выступала почти каждый годъ, иногда даже по нѣскольку разъ въ году, преимущественно осенью.

Въ 1706 году, во время наводненія, въ Петербургѣ вода залила даже комнаты во дворцѣ самого государя и стояла на двѣнадцать вершковъ выше пола. Особенно же сильное наводненіе было въ 1721 году, когда почти по всѣмъ улицамъ Петербурга можно было проѣзжать на лодкахъ; вода снесла и разрушила многіе дома, размыла сады, залила сложенные въ подвалахъ товары, вообще причинила убытковъ милліоновъ на семь рублей. Черезъ два года было новое наводненіе, еще болѣе сильное. Такимъ образомъ, петербургскимъ жителямъ приходилось постоянно держать ухо востро. О прибыли воды обыватели извѣщались пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости. Указано было также всѣмъ жителямъ, при началѣ наводненія, угонять скотину въ лѣсъ, на высокія мѣста, туда же выводить и лошадей съ царской конюшни. При такихъ условіяхъ жизнь въ Петербургѣ была для многихъ тяжелою. Нѣкоторые совсѣмъ разорялись и лишались послѣднихъ своихъ достатковъ. Такихъ петербуржцевъ велѣно было отпускать на прежнія ихъ мѣста жительства. Многіе же убѣгали сами, такъ что приходилось иногда отправлять за ними нарочныхъ гонцовъ, чтобы возвращать назадъ. Часто также бѣгали отъ службы и солдаты изъ петербургскихъ полковъ. Такимъ образомъ, въ самомъ городѣ и особенно въ окрестныхъ лѣсахъ, развелись во множествѣ обычные на Руси бѣглые люди, составлявшіе воровскія и разбойничьи шайки, часто державшія въ страхѣ весь городъ. Вообще петербургской полиціи работы было много.

Небезопасно было въ новомъ городѣ и отъ дикихъ звѣрей, которые еще во множествѣ водились въ окрестныхъ лѣсахъ и забѣгали иногда на улицы города. Въ 1714 году, волки съѣли часоваго у Литейнаго двора, а другаго искалѣчили такъ, что онъ умеръ. Нѣсколько времени спустя, на Васильевскомъ островѣ, волки напали на одну женщину и заѣли ее среди бѣлаго дня, неподалеку отъ дома петербургскаго губернатора.

Понятно, что только благодаря чрезвычайнымъ усиліямъ Петра и его желѣзной волѣ, удалось создать и развить въ этомъ непріютномъ краѣ, среди самыхъ неблагопріятныхъ условій, новый обширный городъ, въ которомъ государь уже тогда предвидѣлъ нынѣшняго красавца Петербурга. Къ концу царствованія Петра, въ Петербургѣ было уже до 40,000 жителей. Въ городѣ было 25 церквей, изъ которыхъ лучшею считался Петропавловскій соборъ. Петербургъ такъ уже обстроился, что вполнѣ имѣлъ еще небывалый на Руси видъ европейскаго города. Улицы тянулись широкія, большею частію вымощенныя камнемъ, съ домами европейской постройки, съ большими окнами, обращенными на улицу. Мѣстами улицы эти хотя и прерывались большими пустырями, но послѣдніе содержались постоянно въ порядкѣ. Нынѣшняя, главная улица Петербурга, Невскій проспектъ или, по тогдашнему „Невская перспектива“, представляла изъ себя еще пустынную аллею, обсаженную деревьями, съ рощами и лужайками по сторонамъ; ее мостили и постоянно содержали въ исправности плѣнные шведы. На другихъ улицахъ, между деревянными домами не мало уже попадалось и прекрасныхъ каменныхъ домовъ, особенно по набережной Невы на Васильевскомъ островѣ. Самый великолѣпный изъ этихъ домовъ принадлежалъ Меншикову, съ большимъ садомъ, огороженнымъ богатой рѣшеткой, съ фонтаномъ и оранжереями. Самъ государь, всюду старавшійся развить въ русскихъ людяхъ любознательность, развелъ около своего Лѣтняго дворца тоже об-

ширный садъ, съ фонтанами и богатыми оранжереями, въ которыхъ собраны были лимонныя, апельсинныя, лавровыя деревья и другія растенія теплыхъ странъ. Въ саду этомъ содержались также клѣтки съ рѣдкими звѣрями и птицами, а въ особомъ домикѣ помѣщался огромный глобусъ. Но въ особенности новый видъ придавали столицѣ различныя ея учрежденія, напоминавшія о новой и дѣятельной жизни ея обитателей; здѣсь появились невиданныя до того времени въ городахъ русскихъ: больницы, госпитали, богадѣльни, биржа, училища, академія, типографіи, сенатъ, зданія коллегій, адмиралтейство, театръ, каналы, библіотека, кунсткамера, галерная гавань, военный и купеческій флоты, и многія фабрики, заводы и мануфактуры. Здѣсь же развились оживленныя торговыя сношенія съ Западною Европою; въ Петербургъ пріѣзжало множество иностранцевъ и приходило много иноземныхъ кораблей. Самый видъ рѣки Невы отчасти измѣнился: вмѣсто прежнихъ топкихъ и болотистыхъ береговъ, была устроена на значительномъ протяженіи деревянная набережная изъ свай, заложенныхъ фашинникомъ и засыпанныхъ землею. Въ городѣ было устроено также нѣсколько рынковъ и площадей. Даже въ окрестностяхъ Петербурга, въ Екатерингофѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и другихъ мѣстахъ построены были дворцы, прорыты каналы и разведены прекрасные сады съ фонтанами. Не пренебрегая никакими мелочами, Петръ скоро замѣтилъ, что въ окрестностяхъ Петербурга не слышно пѣвчихъ птицъ; онъ велѣлъ немедленно накупить ихъ въ Москвѣ и окрестностяхъ, привезти въ Петербургъ и выпустить на волю для развода.

Такимъ образомъ, уже самый видъ новой столицы съ ея окрестностями напоминалъ о томъ обновленіи, которому подверглись не только невскіе берега, но отчасти и вся Россія. По духу же Петербургъ представлялся совершенно новымъ городомъ. Здѣсь выразились вполнѣ всѣ тѣ великія начала, которыми государь руководствовался во всѣхъ своихъ преоб-

Памятникъ на полѣ Полтавской битвы.

разованіяхъ Россіи. Въ новой столицѣ русскіе люди впервые съ удивленіемъ узнали, что всѣ безъ исключенія граждане, т. е. члены государства, должны постоянно жить не такъ, какъ кто захотѣлъ, а напротивъ—каждый обязанъ всю свою жизнь до мелочей подчинять требованіямъ общей пользы всего государства и народа, чтобы не только никому не мѣшать и не вредить, а, напротивъ, постоянно и свято соблюдать всѣ свои обязанности передъ государствомъ и всѣ правила общественной жизни.

Велика была радость государя, когда къ Петербургу подошелъ при немъ первый иноземный корабль. Государь самъ отправился на встрѣчу ему, самъ въ качествѣ лоцмана привелъ его въ пристань; шкиперъ и всѣ матросы корабля были обласканы и отлично угощены; царь былъ первымъ покупателемъ товаровъ на этомъ кораблѣ и, по его же рекомендаціи, всѣ они были тотчасъ-же раскуплены.

Чтобы развить въ самихъ жителяхъ Петербурга охоту къ мореплаванію, Петръ употреблялъ разнообразныя мѣры. Такъ въ теченіе всего своего царствованія, онъ запрещалъ въ Петербургѣ строить мосты черезъ рѣку Неву, съ тою цѣлію, чтобы жители, вынуждаемые переѣзжать черезъ многоводную рѣку на судахъ, пріучались къ водоходству и къ управленію судами; нѣкоторые подрядчики предлагали государю устроить мосты, на томъ условіи, чтобы собираемою пошлиною съ проѣзжихъ черезъ мосты пополнить небогатую въ то время русскую казну, но Петръ и на это не соглашался. Онъ издалъ также указъ, чтобы отъ вскрытія до замерзанія рѣки никто не смѣлъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, ѣздить по Невѣ на веслахъ, но чтобы всѣ постоянно употребляли паруса. Въ 1718 году Петръ учредилъ такъ называемую „Невскую флотилію“. Для этого онъ приказалъ роздать безденежно парусныя и гребныя суда всѣмъ петербургскимъ зажиточнымъ домовладѣльцамъ и достаточнымъ людямъ разныхъ сословій, съ тѣмъ, чтобы они содержали эти суда постоянно въ исправно-

сти. Для постройки и починки такихъ судовъ была устроена особая верфь, куда каждый могъ свободно обращаться по всякому судовому дѣлу. Всѣ, получившіе безплатно суда, обязаны были, по первому приказанію, выѣзжать на Неву, къ сборному пункту у крѣпости, и, подъ опасеніемъ штрафа, подчиняться всѣмъ правиламъ, нарочно составленнымъ самимъ царемъ, для „Невской флотиліи“ и ея плаваній. Плаванія или прогулки этой флотиліи были названы „водяными ассамблеями“. Собиралась флотилія почти каждый праздничный день, а иногда и въ будни, по пушечному выстрѣлу съ Петропавловской крѣпости и по флагамъ, которые выкидывались въ шести мѣстахъ города. Аккуратно всякій разъ являлся на этотъ сборъ и самъ государь, на своемъ суднѣ, со всѣми вельможами. Тогда на всѣхъ судахъ раздавалась музыка, съ бортовъ палили изъ маленькихъ пушекъ. Народъ толпами любовался съ береговъ на это зрѣлище. Флотилія отправлялась на взморье, иногда къ Котлину, и къ Петергофу, или же вверхъ по Невѣ, къ Шлиссельбургу. Маневры эти продолжались по нѣскольку часовъ, а иногда и по нѣскольку дней, и доводились всегда до конца, не взирая ни на какую погоду. Однажды флотилія отправилась поздней осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, не смотря на выпавшій уже снѣгъ, къ Шлиссельбургу, и вернулась только на шестой день. Въ другой разъ, въ 1723 году, государь собралъ флотилію въ Покровъ день и повелъ ее на взморье къ Котлину. На пути туда флотилію застигла ночь, и суда должны были пристать на ночлегъ къ Галерной гавани, при выходѣ изъ Невы. Утромъ подулъ крѣпкій вѣтеръ съ моря, наступилъ сильный холодъ и ненастье, но флотилія не вернулась назадъ, а по сигналу государя пошла на взморье къ Котлину. Цѣлый день бились неопытные мореплаватели, коченѣя отъ стужи на разбушевавшемся взморьѣ, и только къ вечеру добрались до Котлина. Чтобы не отбить охоты у петербургскихъ жителей отъ такой тяжелой службы, государь, по окончаніи маневровъ, обыкновенно приглашалъ всю флотилію

къ своему Лѣтнему дворцу, и задавалъ тамъ натерпѣвшимся на морѣ водоходцамъ знатный пиръ.

Заботясь всячески, до конца своего царствованія, о благоустройствѣ и развитіи новой столицы, предназначенной для служенія великому будущему Россіи, Петръ, въ концѣ своего царствованія, ознаменовалъ это важное значеніе Петербурга нѣсколькими торжествами. Въ 1722 году онъ вспомнилъ о маленькомъ ботикѣ, который онъ въ юности случайно нашелъ въ амбарахъ подмосковнаго села Измайлова, на которомъ тогда же началъ учиться плаванію по рѣкѣ Яузѣ и который, такимъ образомъ, послужилъ зародышемъ русскаго флота, привелъ къ созданію могущества русской державы и къ великимъ преобразованіямъ Россіи. Государь велѣлъ перевезти въ Петербургъ этотъ знаменательный для новой приморской столицы памятникъ. Старый ботикъ былъ доставленъ изъ Москвы въ Кроншлотъ, къ острову Котлину. Здѣсь государь собралъ весь флотъ для встрѣчи знаменитаго ботика. При безпрерывной пушечной пальбѣ со всѣхъ кораблей и съ крѣпости и при крикахъ „ура“ всѣхъ судовыхъ командъ, государь поставилъ маленькій старый ботикъ между рядами новыхъ большихъ кораблей и нарекъ его „дѣдушкою русскаго флота“. Торжество это завершилось потомъ иллюминаціей и веселымъ царскимъ пиромъ. Два мѣсяца спустя, на Котлинѣ происходило другое торжество — закладка новой крѣпости, вмѣсто прежняго Кроншлота. Будущая крѣпость наречена была Кронштадтомъ, какъ она называется и нынѣ. По совершеніи молебствія, при безпрерывной пушечной пальбѣ съ Кроншлота, государь самъ положилъ въ основаніе новой крѣпости первыя три дернины, за нимъ положили дернины государыня и разные вельможи.

Въ слѣдующемъ, 1723 году, въ Петербургѣ происходило особое церковное торжество. Еще ранѣе Петръ, въ память пріобрѣтенія Невскаго края, основалъ въ Петербургѣ Александро-Невскій монастырь, въ честь св. благовѣрнаго великаго

князя Александра Невскаго, одержавшаго въ древности побѣду на р. Невѣ надъ тѣми же нѣмцами и шведами, которыхъ впослѣдствіи поражалъ тутъ и Петръ. Александръ Невскій, въ то время, когда сражался со шведами, былъ княземъ Новгородскимъ, а потомъ, въ самое тяжкое время татарскаго ига, занялъ велико-княжескій престолъ во Владимірѣ, гдѣ потомъ и почивали его мощи. Мощамъ святаго князя, бывшаго когда-то княземъ Новгородскимъ и заслужившаго прозваніе Невскаго, и приличествовало болѣе почивать на берегахъ Невы. Петръ вознамѣрился съ торжествомъ перевезти мощи св. Александра изъ Владиміра въ Петербургъ въ Александро-Невскую лавру. Этимъ онъ хотѣлъ какъ бы связать новую столицу Петербургъ съ древнею русскою исторіей, напомнивъ русскимъ людямъ, что Петербургъ возникъ въ прежней русской странѣ, гдѣ еще въ древнія времена русскіе люди брали перевѣсъ надъ иноземцами, и что новая жизнь въ этой столицѣ есть только продолженіе древнихъ завѣтовъ лучшихъ русскихъ людей, желавшихъ возвышенія и усиленія всего русскаго народа. Для святыхъ мощей государь указалъ построить, на счетъ монастырскихъ доходовъ, великолѣпную раку въ ковчегѣ съ балдахиномъ. Велѣно было также везти ее изъ Владиміра посадскимъ ямщикамъ и крестьянамъ, на перемѣнныхъ лошадяхъ, отъ города до города. Воеводы въ городахъ и сельскія начальства, по всему пути отъ Владиміра до Петербурга, должны были встрѣчать св. мощи съ подобающею честью. Самъ государь выѣхалъ на встрѣчу мощамъ за нѣсколько верстъ отъ Петербурга, по рѣкѣ Невѣ. Въ Шлиссельбургѣ рака со св. мощами была поставлена на богато украшенное судно, которое и должно было доставить мощи по Невѣ въ Петербургъ. Во все время этого плаванія, государь самъ правилъ судномъ, на которомъ находились мощи. 30-го августа 1724 года три выстрѣла съ Петропавловской крѣпости оповѣстили жителей столицы о приближеніи мощей. Вся „невская флотилія“, съ „дѣдушкою русскаго флота“ во

главѣ, собралась по этому сигналу къ Александро-Невскому монастырю. Въ часъ дня показалась на Невѣ галера съ мощами и причалила къ берегу. Государь самъ поднялъ мощи, вмѣстѣ съ сановниками, и вынесъ на рукахъ на берегъ и въ монастырь, гдѣ они положены были въ позолоченной закрытой ракѣ. На другой день въ монастырѣ, у новгородскаго епископа, праздновали перенесеніе мощей торжественнымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда вся „невская флотилія“ въ стройномъ порядкѣ отправилась внизъ по рѣкѣ; впереди шелъ самъ государь на „дѣдушкѣ-ботикѣ“. Петръ съ торжествомъ перевезъ этотъ ботикъ въ Петербургскую крѣпость, въ особо-построенный для него павильонъ, гдѣ и назначилъ для храненія, какъ національную святыню.

Такимъ образомъ, государь собралъ въ Петербургѣ все, что было особенно дорого ему, все, что напоминало ему о великомъ назначеніи русскаго народа и новой русской столицы, въ которой онъ съ такими усиліями насаждалъ новый духъ, новые обычаи и новыя привычки. Поэтому Петербургъ былъ для него дѣйствительно земнымъ „раемъ“, въ которомъ онъ вполнѣ отдыхалъ отъ своихъ великихъ трудовъ и огорченій, въ которомъ онъ постоянно могъ видѣть и радоваться осуществленію многихъ своихъ важнѣйшихъ намѣреній и въ которомъ онъ находилъ лучшую награду за свою самоотверженную дѣятельность.

Созданіе Петербурга было однимъ изъ мудрѣйшихъ дѣяній Петра, закрѣпившимъ всѣ его преобразованія. Въ новомъ мѣстѣ скорѣе и легче прививался новый духъ и легче забывались старыя привычки, тѣмъ болѣе, что новый городъ былъ и расположенъ въ новопокоренной странѣ и на бойкомъ и торномъ морскомъ пути въ западную Европу. Правда, новые обычаи и порядки и тутъ не сразу проникали въ глубь русскихъ людей, а соблюдались, на первыхъ порахъ, больше лишь наружно. Но, во всякомъ случаѣ, новая столица, поставленная, съ ея сильнымъ правительствомъ, во главѣ всей Россіи и

основанная, по духу и по наружному виду, на совершенно иныхъ началахъ и въ совершенно новыхъ условіяхъ, закрѣпила предпринятое Петромъ обновленіе всей Россіи на столько, что уже невозможно было возвращеніе къ прежнимъ привычкамъ.

Вскорѣ грянула и Полтавская побѣда, уничтожившая всѣ непріятельскія шведскія войска, доставившая Россіи еще небывалое могущество и закрѣпившая окончательно все дѣло преобразованія Россіи. Смута болѣе не была уже страшна для самого Петра, хотя она и могла все еще угрожать Россіи въ будущемъ, возникнувъ лишь по смерти государя, но уже въ менѣе опасной степени.

Преобразованія Петра Великаго поставили Россію на прочный и безповоротный путь развитія и усовершенствованія всей гражданской русской жизни, общими и согласными усиліями какъ государства, такъ и самихъ гражданъ. При этомъ прежде всего поражаетъ всѣхъ изумительно многообразная дѣятельность самого Петра Великаго. До сихъ поръ еще видны во всемъ слѣды неутомимыхъ трудовъ великаго преобразователя. Вся нынѣшняя Россія—могущественная, военная, торговая, промышленная, просвѣщенная и трудящаяся—есть созданіе Петра Великаго. Трудно даже придумать, что̀ бы не было связано съ именемъ Петра Великаго и на чемъ бы не былъ виденъ слѣдъ его работы. Дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, при всякомъ занятіи, даже въ гостяхъ—вездѣ и на каждомъ шагу встрѣчаемся до сихъ поръ со слѣдами изумительной дѣятельности царя Петра. Государственное управленіе, порядокъ гражданской службы, права сословій, церковное управленіе, войско, флотъ, фабрики, заводы, рудокопство, гавани, каналы, дороги, почты, земледѣліе, лѣсоводство, винодѣліе, торговля внутренняя и морская, устройство городовъ и деревень, семейный бытъ, образъ жизни, одежда, наружность, аптеки, больницы, лѣтосчисленіе, языкъ, печать, типографіи, газеты, письменность, воен-

ныя и гражданскія училища, академія и проч.—все это памятники его непрерывныхъ заботъ и великаго ума его. „Однимъ словомъ“, какъ сказалъ одинъ изъ сотрудниковъ Петра—Неплюевъ: „на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ“.

Но въ этой чрезвычайно разнообразной дѣятельности Петра Великаго видна одна ясная мысль—направленіе всей дѣятельности русскихъ гражданъ къ служенію на пользу отечества. Петръ Великій согласовалъ между собою всѣ стороны русской гражданской жизни, направивъ все къ одной цѣли—ко благу и счастію Россіи. Во всемъ онъ выискивалъ только пользу всему народу. Создавъ сильное правительство, установивъ твердые законы и прочные гражданскіе порядки, положивъ начало гражданскому просвѣщенію, правильному благоустройству страны и дѣятельному полезному труду гражданъ, усиливъ общеніе и согласіе между ними, и улучшивъ самые ихъ нравы и образъ жизни,—Петръ Великій все это строго подчинилъ общей пользѣ отечества.

Петръ Великій, по существу, не внесъ ничего выдуманнаго, или посторонняго въ народную русскую жизнь. Онъ только ярко выяснилъ и необычайно быстро развилъ до высшей степени все то, что̀ давно уже жило, хотя и въ зачаткѣ, въ самомъ русскомъ народѣ, преимущественно въ его великороссійской вѣтви. Для отдѣльныхъ русскихъ людей и даже для отдѣльныхъ классовъ русскаго народа, конечно, многія изъ дѣлъ Петра казались новыми, еще небывалыми на Руси; но по отношенію вообще къ русскому народу, ко всей русской исторіи, почти ни одно изъ дѣяній Петра Великаго не было новымъ, незнакомымъ раньше: ни его обращеніе за просвѣщеніемъ къ иноземцамъ, ни его стремленіе къ пріобрѣтенію морей, ни его заботы объ устроеніи и усиленіи русскаго государства. Всѣ эти качества давно проявлялись уже въ отдѣльныхъ лучшихъ русскихъ людяхъ, иногда въ самой высокой степени, хотя и далеко непостоянно. Петръ Великій

старался только ввести въ постоянный законъ, въ правило ежедневной жизни—все то, что̀ давно уже носилъ въ душѣ своей истинно-русскій человѣкъ. Петръ лишь яркими знаками начерталъ на общемъ русскомъ знамени тѣ мысли и стремленія, которыя до него были скрыты въ самой глубинѣ духа кореннягo ядра русскаго народа—великороссійскаго племени. Онъ стремился распространить истинно-русскія чувства, мысли и стремленія на всю гражданскую русскую жизнь, и создать истинно-русскаго гражданина, вполнѣ отвѣчающаго коренному народному русскому духу. Вся мощь и все величіе Петра въ томъ и заключаются, что онъ все старался подчинить всецѣло единому духу народному, а не различнымъ внѣшнимъ обычаямъ и привычкамъ отдѣльныхъ русскихъ людей или разныхъ отдѣльныхъ классовъ народа. Самая непріязнь къ нему многихъ русскихъ людей при его жизни порождалась не сутью его дѣла, а лишь нѣкоторыми его личными недостатками и еще болѣе нѣкоторыми дурными привычками отдѣльныхъ русскихъ людей.

Оттого преобразованія Петра Великаго въ значительной степени содѣйствовали сохраненію самой самобытности духа и жизни русскаго народа, такъ что со времени произведенныхъ имъ улучшеній русской гражданской жизни, народъ русскій не только не ослабѣлъ и не обезсилѣлъ, какъ это бывало съ другими народами, подчинявшимися чуждому вліянію, но еще окончательно окрѣпъ и усилился и занялъ мощное и первостепенное положеніе въ средѣ европейскихъ державъ. Только послѣ великихъ преобразованій Петра на всѣхъ поприщахъ русской гражданской дѣятельности появились во множествѣ высокіе примѣры людей самоотверженнаго и смиреннаго труда, неуклоннаго долга и чести. Даже между цѣлыми классами русскихъ людей стали появляться замѣчательные примѣры добровольнаго и самоотверженнаго служенія отечеству. Цѣлый отрядъ русскихъ воиновъ, страдающій подъ снѣжной мятелью и замерзающій при исполненіи своего долга, но

все-таки дружно, какъ одинъ человѣкъ, непокидающій назначеннаго ему мѣста; русскій корабль, рѣшающійся взорвать себя на воздухъ вмѣстѣ съ людьми, чтобы только не достаться въ руки непріятелю; цѣлое сословіе дворянъ, добровольно отказывающееся отъ крѣпостнаго права; все общество русскихъ людей, по собственному побужденію, самоотверженно жертвующее своимъ достояніемъ и даже своими сынами ради освобожденія единовѣрныхъ и единоплеменныхъ славянъ, и проч.— все это могли сдѣлать только люди, духовно объединенные и просвѣтленные мудрыми преобразованіями Петра Великаго.

Мало того, благодаря великимъ преобразованіямъ Петра, русскій народъ прочно утвердился и у береговъ морей и скоро занялъ въ ряду всѣхъ образованныхъ народовъ почетное мѣсто.

Цѣна 2 рубля.

